Народная книга

Захар Прилепин
Марина Степнова
Леонид Юзефович
и 100 авторов из народа

Как мы пережили войну

НАРОДНЫЕ ИСТОРИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

…Воспоминания о войне живут в каждом доме. Деды и прадеды, наши родители – они хранят ее в своей памяти, в семейных фотоальбомах, письмах и дневниках своих родных, которые уже ушли из жизни. Это семейное наследство – пожалуй, сегодня самое ценное и важное для нас, поэтому мы должны свято хранить прошлое своей семьи, своей страны. Книга, которую вы сейчас держите в руках, – это зримая связь между поколениями.

Ваш Алексей Пиманов

Каждая история в этом сборнике – уникальна, не только своей неповторимостью, не только теми страданиями и радостями, которые в ней описаны. Каждая история – это вклад в нашу общую Победу. И огромное спасибо всем, кто откликнулся на наш призыв – рассказать, как они, их родные пережили ту Великую войну. Мы выбрали сто одиннадцать историй. От разных людей. Очевидцев, участников, от их детей, внуков и даже правнуков. Наши авторы из разных регионов, и даже из стран ныне ближнего зарубежья, но всех их объединяет одно – любовь к Родине и причастность к нашей общей Победе.

Виктория Шервуд, автор-составитель

- Виктория Шервуд
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Как мы пережили войну
    - ■ Блокада
    - ■ Два капитана
    - ■ Она была актрисой
    - ■ Лица войны
      - ■
      - ■ Поезд идет… на юг
      - ■ Назад, в Ленинград!
      - ■ Дорога к Неве
      - ■ За гранью выживания
      - ■ В эвакуации
      - ■ И снова – в путь!
      - ■ Связь с родными не прекращалась никогда
      - ■ Сохранить традиции
      - ■ Несколько слов об авторе
    - ■ Подснежники смерти
    - ■ Теплилась надежда, что живы

- Красное и белое
- Страшнее всего была мысль, что мама погибла!
- Мы с мамой выжили, потеряв всех родных
- Школа в бомбоубежище
- Общая беда и радость жизни
  -
  - Я из тех, которого переехала война
  - Ритм метронома
  - Блокадная каша
  - Эвакуация
  - Город Хасавюрт – продолжение детства
  - Спутницы войны
  - Ядерный щит России – ПО «МАЯК», или Чернобыль Урала
- Блокадное детство моей прабабушки
- Цена жизни – полстакана риса
- «Когда живое все от взрывов глохло…»
  -
  - Хлеб
  - Бабушка спасла меня
  - Спаси Римму!
  - Вода
  - Братские могилы
  - Травка-крапива
  - После блокады
  - Надо жить
- Слово «война» стало вторым после «мама»
- Не стреляйте в меня! Я не ела хлеб!
- Ангел-хранитель
  - Боязнь репрессий
  - Неожиданное спасение
  - Зловещее предзнаменование
  - Во время налета
  - Спасение пришло неожиданно
  - Выжить и умереть в один день
  - Глаза голодного зверя
  - Дом скульптора
  - Соседи
  - СЭГ 2222. Главный госпиталь города
  - Непрерывный гул
  - Не хлебом единым…
  - Санитары-людоеды
  - Концерты для раненых
  - Сорванцы-переростки

- Долгожданный день
- На миру и смерь красна…
- Версты
  -
  - Война
  - Счастливое детство
  - 21-й век
  - Новая жизнь
- Как мы пережили войну
  - Оккупация
  - Проводы на войну были короткими…
  - Путь домой
  - Гордая и стыдливая любовь
    - Украина. Страшные времена оккупации
  - Не убивайте мою маму!
  - Австрийцы прогнали финнов
    - Военное детство в Русском Броде
  - Нам помогал конь Орлик
  - Воронеж и дети войны
    -
    - Воспоминания моей бабушки – Столяровой Надежды Терентьевны
  - Страх придает силы
    -
    - Валя с Митридатской
    - Керчь в оккупации. 1942 г
  - Упавшие яблоки
    - Война застала под Таганрогом
    - Случай 1. Заминированный сад
    - Случай 2. Наказ старших сестер
    - Случай 3. Артобстрел
    - Случай 4. Кирпичная пыль
    - Случай 5. Дочь портного
  - В деревню вошли латышские стрелки-женщины
  - Девчонка – мужичок с ноготок
  - Мы жили под телегой
  - Личико со шрамом войны
    -
    - Семь скобок на щеке
    - Котелочек с кашей
    - Кастинг в офицерском казино
    - Тиф и партизаны
  - Нас спасла старая эстонка
  - Я понял, что буду жить!

- До войны
- Начало войны. Проводы
- Жаркое лето 41-го
- Жизнь в оккупации
- Немцы и лжепартизаны
- Деревни горели каждую ночь!
- Отряды СС
- Бои шли каждый день
- В школу ходили босиком

- Спаситель по имени Ганс
- Пережившая расстрел. Вместе с детьми поставили к стенке
- В 6 лет я уже знал, что стану летчиком-истребителем
- Над нами пронеслась смерть
  - Расстрел на Кукиной горе
  - Война шла, стучалась, гремела!
  - Первые немцы
  - Оккупация
  - Партизаны
  - Расстрел на Кукиной горе
  - Освобождение
  - Прилет дяди Гриши
  - Послесловие
- Я была партизанской связной
- Сестра вернулась с иконой Николая Угодника
- Маму расстреляли по оговору
- Лагерь «Зондерхаузен»
- Немцы были мирные, нас не обижали
- Черно-белые картинки
  -
  - Полбуханки хлеба
  - Тревожные события
  - Хлебные карточки
  - Немцы в Яхроме
  - Освобождение
  - Опасная шалость
  - Краски пригодились
  - Зимние трудности
  - Довесок
  - Как не стало у меня папы
  - Милостыня – спасение от ГОЛОДА
  - Возвращение фронтовиков
- Небесный офицер

- За одно слово могли убить
- Как мы пережили войну
  - В тылу и эвакуации
  - Ковали победу в тылу
  - Марш «Прощание славянки»
  - Как мы выжили рядом с фронтом
    - В родной Кочетовке
    - Начало войны
    - Помощь фронту
    - Как мы выжили
    - Детство кончилось
    - Наши отступают
    - Хорошие вести
    - Возвращение
  - Навстречу войне
  - Землетрясение
  - Ишимбайский эвакогоспиталь
  - Я родилась на улице
  - Черная собачка
  - Местные жители называли нас «выковыренными»
  - Война перечеркнула детство
  - Временное пристанище
  - Нас спасли ягоды тутмайс
  - Нас, ребятишек, было много, потихоньку умирали
  - Школа в годы войны
  - Плохая примета
  - Скрипку отца мама бережно хранила
  - Якутия в годы войны
  - Отец предпочел ордену отпуск
  - Сто граммов. Война шла жестокая по всем фронтам
  - Мы из Кронштадта
  - О двух ветвях одного дерева…
- Как мы пережили войну
  - На фронте
  - Николай Егорыч, пулемётчик
  - Олененок и оловянный трубач
    - Галина Юзефович
    - Леонид Юзефович
  - На меня пришла похоронка
    - Мой прадед защищал Родину!
  - Разными дорогами

- Страшная семейная тайна
- Пистолет убитого командира
  - Наш отец сражался за Родину!
- Логика войны
- За что давали боевые ордена
- Мой отец горел в танке несколько раз
- О летчике Третьякове П. А.
- Смертников приковывали наручниками к пулеметам
  - Мой дед сражался за Родину!
- Свадьба победителей
- Жизнь отца висела на волоске
- Опаленные войной
- Я горжусь своим прадедом!
  - Мой прадед сражался за Родину!
- Война без выстрелов
  -
  - Колоски в сибирском поле
- Любовь и война
  - По военным дневникам отца
  - Чертова Керчь
  - Превратности любви
  - «Подальше от этой Керчи…»
- Бой за деревню Великуша
  - Из воспоминаний бойцов 130-й стрелковой дивизии
  - От стен Москвы до Восточной Пруссии
  - Бой за Великушу
  - Ночной бой под деревней Антаново
  - Бой за деревню Великуша
- Кортик
- Письма с фронта
  - Он дошел до Берлина!
  - Он дошел до Берлина
- Отважные мальчишки
  - Воевали как могли
- Мой Бессмертный полк
  -
  - Фронт
  - Из сохранившихся воспоминаний А. А. Шервуда: «Война застала на летних сборах под Благовещенском (на Амуре)»
  - В блокадном Ленинграде
  - Работа в тылу

- Первое боевое крещение
- Отравленный борщ
- Дорогами войны
- Комдив
  - Мой отец сражался за Родину!
- Отомстим за Машеньку!
  - Воспоминания советского офицера
- Ушел в разведку и не вернулся
  - Мой дядя сражался за Родину!
- Когда мы шли на фронт
  - Мой дед сражался за Родину!
- Наш дед разминировал участок леса
- Партизаны возникали ниоткуда
- Классом стал окоп
- Спасибо Деду за Победу!
  - Мой прадед сражался за Родину!
- Любовь, опаленная огнем войны…
- Под Витебском. Дневник отца
  -
  - Под Витебском
- Неизвестная война. Пулеметчики-камикадзе
- Из окружения и плена
  - Бежать из лагеря помог немец
- Письма с фронта
- Трофейная губная гармошка
- По минному полю к любимому
- Вражеский танк мчался прямо на него
- Мой дед Юсуп
  - Мой дед сражался за Родину!
- На войну в шелковой комбинации
  -
  - Мама
  - Папа
- «Я не участвовал, я – воевал…»
- Оставшиеся в живых
  -
  - Победа
  - Праздник Победы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Виктория Шервуд
Как мы пережили войну. Народные истории

© Захар Прилепин, 2016
© Марина Степнова, 2016
© Леонид Юзефович, 2016
© Галина Юзефович, 2016
© Авторы, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предисловие

Хлебом и песней,
мечтой и стихами,
жизнью просторной,
каждой секундой,
каждым дыханьем
будьте достойны!
Люди! Покуда сердца стучатся, —
Помните!
Какою ценой завоевано счастье, —
Пожалуйста, помните!

Роберт Рождественский

Дорогие друзья!

Прошло более 70 лет со Дня Великой Победы. С каждым днем становятся все дальше от нас героические и трагические годы Великой Отечественной войны. Все меньше становится ветеранов, неумолимо сокращаются ряды их в Победном строю. Настанет день, и последний солдат войны уйдет в вечность. Кого будут помнить наши дети и внуки? Наш святой долг – не дать времени стереть в памяти даты, подробности, факты героического подвига наших отцов и дедов. Чтобы никогда не прерывалась живая связь времен, чтобы никогда не ушла память о павших бойцах, мы проходим победным строем по улицам сотен городов России. Парад Бессмертного полка показал невероятное единение нашей страны, нашего народа. Настоящее эмоциональное потрясение испытывает каждый, кто стал частью всенародного Крестного хода. Когда идешь в общей колонне людей, где у каждого своя история, у каждого свой драгоценный груз памяти. Когда локтем чувствуешь локоть соседа, и энергетика каждого в полку сливается в одно мощное поле гордости, любви и безмерной благодарности.

Воспоминания о войне живут в каждом доме. Деды и прадеды, наши родители – они хранят ее в своей памяти, в семейных фотоальбомах, письмах и дневниках своих родных, которые уже ушли из жизни. Это семейное наследство – пожалуй, сегодня самое ценное и важное для нас, поэтому мы должны свято хранить прошлое своей семьи, своей страны. Книга, которую Вы сейчас держите в руках – это зримая связь между поколениями. Истории, собранные в этой книге, очень разные –

как и люди, которые их писали. Но за каждой стоит что-то очень личное и близкое, родное и семейное. Эти горькие страницы обязательно надо читать, чтобы нынешнее поколение оставалось здоровым, в нравственном понимании этого слова. Этот народный сборник воспоминаний о войне – лишь малая часть той дани, которую мы, ныне живущие, должны отдать, чтобы не забыть и не растерять то ценное, что получили по наследству, сохранить и передать дальше. Эта книга как цепочка памяти – памяти о десятках миллионов людей, которые сражались и отдали свою жизнь во имя Победы и нашего будущего!

Ваш Алексей Пиманов

Как мы пережили войну
В БЛОКАДУ

Блокада

Блокада Ленинграда немецко-фашистскими войсками, начавшаяся 8 сентября 1941 года, продолжалась 872 дня и стала одной из самых страшных и трагических страниц в истории Второй мировой войны. Ленинград оказался первым крупным европейским городом, который не смогли захватить немецкие войска, и Гитлер тешил себя надеждой, что «Петербург… сожрет себя сам». У него имелись вполне реальные основания для такого прогноза. Германское командование было достаточно хорошо осведомлено о бедственном продовольственном положении осажденного Ленинграда и начавшейся в январе массовой смертности.

Самым тяжелым испытанием для ленинградцев стал голод.

К началу блокады в городе не имелось достаточных запасов продовольствия и топлива. Единственным путем сообщения Ленинграда с Большой землей оставалось Ладожское озеро, находившееся в пределах досягаемости артиллерии и авиации осаждающих, на озере также действовала объединенная военно-морская флотилия противника.

Пропускная способность этой транспортной артерии не соответствовала потребностям города.

В колхозах и совхозах блокадного кольца с полей и огородов собирали все, что могло пригодиться в пищу. Однако все эти меры не могли спасти от голода.

20 ноября – в пятый раз населению и в третий раз войскам – пришлось сократить нормы выдачи хлеба. Воины на передовой стали получать 500 граммов в сутки; рабочие – 250 граммов; служащие, иждивенцы и воины, не находящиеся на передовой, – 125 граммов. И кроме хлеба, почти ничего. В блокированном Ленинграде начался голод, который, усугубляясь особенно суровой первой блокадной зимой, проблемами с отоплением и транспортом, привел к сотням тысяч смертей среди жителей. В настоящее время едва ли не единственным официальным документом, претендующим на определение численности жертв блокады, являются «Сведения Комиссии Ленинградского Горисполкома по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о числе погибшего в Ленинграде населения». Документ датирован 25/V 1945 г. и подготовлен для Нюрнбергского процесса. Согласно этому документу, в период блокады погибли 649 000 человек: 632 253 человека умерли от голода, 16 747 человек убиты бомбами и снарядами. Согласно титулу документа, он определяет

численность тех, и только тех блокадников, которые погибли непосредственно в черте города.

Таким образом, официальная статистика ограничилась вычислением жертв в одной группе населения блокадного Ленинграда, а именно в группе идентифицированных ленинградцев, погибших в черте города. Это самая многочисленная, но не единственная группа погибших ленинградцев.

В документе нет сведений по четырем другим группам населения блокадного Ленинграда. В эти группы входили:

– неопознанные (безымянные) ленинградцы, погибшие в черте города от голода или убитые в процессе воздушных агрессий;

– блокадники, умершие от дистрофии вне города, в процессе эвакуации, ленинградцы, умершие от последствий ранений, беженцы из Ленинградской области и Прибалтики;

– погибшие в блокированном городе от алиментарной дистрофии или убитые в процессе воздушной агрессии.

Из титула документа следует, что подсчет жертв в этих группах блокадников даже не входил в задачу Комиссии.

В 1939 году население Ленинграда составляло 3,1 млн человек, и в нем работало около 1000 промышленных предприятий. К 1941 году население города ориентировочно могло составлять 3,2 млн человек, то есть за два года увеличиться на 100 тысяч человек. Согласно энциклопедии, в течение месяца 1941 года в сложных условиях первых дней войны из Ленинграда было вывезено 300 тысяч детей. Всего в 1941 году до окружения города немцами из Ленинграда были эвакуированы 1,7 млн человек.

С учетом эвакуации в блокаде оказалась менее половины довоенной численности населения города: ориентировочно 1,5 миллиона человек. В полной блокаде Ленинград и Ленинградский фронт не находились никогда. Эвакуация продолжалась и в 1942 году.

В энциклопедии указано, что через Ладожское озеро было эвакуировано в 1942 году еще 130 тысяч детей. Эвакуацию людей через Ладожское озеро в 1942 году подтверждает и А. М. Василевский, который написал о том, что днем и ночью непрерывным потоком шли в Ленинград автомашины, груженные продуктами питания, медикаментами, топливом, техникой, боеприпасами, а обратными рейсами увозили женщин, детей, стариков, раненых и больных. Но Василевский не указал, сколько всего человек было вывезено из Ленинграда зимой 1942 года. Нет этих данных и в энциклопедии.

На этот вопрос ответил К. А. Мерецков, который написал о том, что «еще до весенней (весны 1942 года) распутицы на Ладоге в Ленинград доставили… более 300 тысяч тонн всевозможных грузов и вывезли оттуда около полумиллиона человек, нуждавшихся в уходе и лечении».

После прорыва блокады 27 января 1944 года осада Ленинграда вражескими войсками и флотом продолжалась до сентября 1944 года. Чтобы заставить противника снять осаду города, в июне – августе 1944 года советские войска при поддержке кораблей и авиации Балтийского флота провели Выборгскую и Свирско-Петрозаводскую операции, 20 июня освободили Выборг, а 28 июня – Петрозаводск. В сентябре 1944 года был освобожден остров Гогланд.

За массовый героизм и мужество, проявленные защитниками блокадного Ленинграда, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР 8 мая 1965 года городу присвоена высшая степень отличия – звание Город-герой.

Но за статистикой и сухими историческими фактами стоят живые люди, очевидцы тех страшных событий. Люди, благодаря которым город сумел выстоять. Немногие из них, к счастью, живы и готовы поделиться с нами своими воспоминаниями.

Два капитана

Когда началась война, мне было 12 лет. Перед войной мы жили в конце Садовой улицы, в доме 127, естественно, как и большинство ленинградцев, в коммунальной квартире. Я был единственным ребенком, отец работал юрисконсультом, мать – домохозяйка.

Весной 1941 года я закончил четвертый класс, и мы с мамой отдыхали за городом, снимая дачу в Лужском районе. День начала войны как-то выпал из моей памяти, помню только, что в первые дни окружающие меня люди были настроены весьма оптимистично, находясь, по-видимому, под влиянием многолетней пропаганды о несокрушимости Красной армии. Но действительность оказалась иной, и в июле месяце нам с мамой удалось в последний момент выбраться в Ленинград.

Толя (3 года) с мамой

По дороге я своими глазами увидел, что война – это кровь, слезы, страдания. Ленинград в конце лета имел еще вполне нормальный вид, и внешне я не заметил особых изменений: работали магазины, ходил транспорт, однако люди начинали запасаться продуктами – даже мамаша, поддавшись общему настроению, насушила наволочку белых сухарей. Если бы знать тогда, что будет потом…

Ближе к осени все стало быстро меняться. Стали исчезать

продукты, началась массовая эвакуация, но мой отец говорил, что немцев отбросят от Ленинграда, и в результате мы остались. Тогда же, будучи невоеннобязанным из-за слабого зрения, он добровольно пошел солдатом в армию, в первом же бою под Ораниенбаумом (*теперь город Ломоносов. – Авт.*) был ранен осколком в бедро, и в последствии за проявленный героизм его наградили орденом Славы 3-й степени.

В госпитале ногу отцу загипсовали, Ленинград был уже в блокаде, раненые голодали. Мы с мамой, пока могли, навещали отца в госпитале. Госпиталь находился на Старо-Невском проспекте. А мы по-прежнему жили в самом конце Садовой улицы, в доме № 127. Улицы города, по которым нам приходилось идти, производили удручающее впечатление своей безлюдностью, они казались заброшенными: без трамваев и с очень редко проезжающими машинами.

Когда мы приходили в палату с тяжелоранеными красноармейцами, наше появление всегда вызывало у них приятное оживление. А когда мы уходили, отец всегда старался дать нам с мамой гостинец – небольшой кусочек хлеба.

Раненые голодали так же, как и остальное население, в результате кости у отца перестали срастаться, началась гангрена. Ногу пришлось ампутировать, и отца эвакуировали в город Гладов Кировской области.

Мы с мамой остались одни.

С приближением зимы и наступлением ранних холодов к постоянному чувству голода примешивалось чувство холода – в большой шестикомнатной квартире буржуйкой отапливалась только одна наша комната, куда приходили, а потом и оставались ночевать две наши соседки, оставшиеся в городе.

За водой приходилось ходить на Фонтанку, к проруби. К утру вода в ведре покрывалась коркой льда. Окна для тепла были завешены одеялами, освещалась комната коптилкой с зажженным фитилем, опущенным в бутылку с керосином, который ужасно коптил. Мы или сидели около буржуйки, когда она топилась, или лежали в кровати под одеялом. При этом во всем доме не работала канализация.

Звук метронома из репродуктора и сирена воздушной тревоги с последующим отбоем придавали уверенность в том, что город, несмотря ни на что, живет.

Это продолжалось долгие осенние и зимние месяцы. Мы не умерли благодаря тому, что моя мама делила наши пайки хлеба на три части и с добавкой кипятка у нас всегда были завтрак, обед и ужин.

Помню, в конце осени я, как и многие другие мальчишки,

залезал на крышу нашего дома во время налетов авиации тушить «зажигалки», но потом налеты усилились, да и сил поубавилось из-за недоедания, поэтому вместе с остальными жильцами дома приходилось уже сидеть часами в бомбоубежище. Каждый брал с собой какое-нибудь занятие, а я – книжку. Однажды я читал «Два капитана» В. Каверина и разговорился о судьбе его героев с одной молодой женщиной. Как позже оказалось, это знакомство спасло нам с мамой жизнь.

Вспоминаю, какими тяжелыми и беспросветными были ноябрь и декабрь 1941 года. В бомбоубежище, несмотря на бомбежки и артобстрелы, никто уже не ходил, мы сидели в полутемной холодной комнате, которую не могла обогреть железная буржуйка, да и дров не было – топили книгами.

Уже давно съедены все запасы, традиционный для ленинградцев столярный клей и олифа, мизерный хлебный паек не в состоянии поддержать организм, жизнь постепенно угасает,

не хочется вставать с кровати. Я думаю, что мы так и погибли бы, если бы мама не встретила однажды на улице нашу знакомую по бомбоубежищу. Оказалось, что ее муж работал начальником милиции Московского района и приносил домой говяжьи кости, которые им выдавали с мясокомбината им. С. М. Кирова. После первичного использования Валентина (так звали нашу спасительницу) отдавала их нам: и мы выжили. Вот на какой тонкой ниточке висела судьба жителей блокадного Ленинграда. Не имея дополнительных источников питания, люди просто не могли не умереть от голода. Добавьте сюда еще и постоянные артобстрелы.

Вот, кстати, личный пример. Уже весной, когда потеплело, я стал выходить на улицу погулять. Возвращаясь однажды домой, я увидел огромную сосульку, свисавшую с крыши одноэтажного флигеля на заднем дворе. Пока я ее сбивал, снаряд разорвался в основном дворе-колодце нашего дома: если бы не сосулька, этот снаряд был бы моим.

В конце весны открылись школы и оставшиеся в живых дети стали учиться. У меня остались очень приятные воспоминания о блокадной школе, видимо, сказалось изменение обстановки: после зимнего одиночества оказаться в компании сверстников было очень здорово, да и с питанием в городе стало значительно лучше. Увы, это продолжалось недолго, примерно через месяц-полтора меня исключили – перестал посещать занятия. Причина этого – новые превратности судьбы. Дело в том, что в одну из пустующих комнат нашей квартиры въехали новые жильцы. Глава семьи, Иван Иванович ((*фамилию забыл*), был профессиональный рыбак, и ловил он рыбу не на сейнере, а на утлой лодчонке в

дельте Невы и пригородной части Финского залива. Он являлся государственным служащим и пойманную рыбу должен был сдавать куда надо, оставляя себе небольшую часть. Через некоторое время он предложил мне стать гребцом на его лодке, и это предложение перевесило школьные занятия. Работа эта оказалась трудной. Каждое утро с рассветом он будил меня, и мы шли к лодке, которая стояла на канале Грибоедова вблизи его впадения в Фонтанку, оттуда на веслах (мотора, конечно, не было) мы следовали в устье Невы и дальше за Канонерский остров. Надо сказать, что в то время рыбы в Неве водилось очень много. Помню, какие крупные голавли ходили в мережи прямо в одном из рукавов Невы, а в заливе на переметы попадалось много судаков и лещей. Была и военная специфика – иногда встречались на поверхности воды тела убитых, и каждый день мы с Иваном Ивановичем попадали под артобстрелы. Стреляли, конечно, не по нам, а по судостроительным заводам, но, когда сидишь в лодке на воде, возникает особое чувство страха и беззащитности – не убежишь, не спрячешься. К счастью, обстрелы продолжались недолго и снаряды попадали в основном не в воду.

Судьба сложилась так, что должно порыбачить мне не пришлось – в июле 1942 года мы с мамой эвакуировались в Алтайский край, куда вскоре приехал и мой отец. Вот уж там-то ничто меня не отвлекало от школы, а останься мы в Ленинграде, может быть, и был бы необразованным.

Анатолий Николаевич Наумов, 1929 г. р., доцент кафедры физики Политехнического института, ныне пенсионер

Она была актрисой

Хочу рассказать вам о своей бабушке Лукьянович (Смолиной) Татьяне Мелентьевне, погибшей в Ленинграде в блокадную зиму 1941–42 гг.

Моя бабушка, Лукьянович (Смолина) Татьяна Мелентьевна, родилась в 1913 году в Санкт-Петербургской губернии в многодетной семье (тринадцать детей). В 1931 году бабушка приехала в Ленинград, где устроилась на работу в Ленинградский государственный кукольный театр (сейчас Санкт-Петербургский Государственный театр марионеток им. Е. Деммени, Невский пр., д. 52) под руководством Евгения Деммени актрисой.

Жила на Васильевском острове (16-я линия, д. 9) в коммунальной квартире вместе с семьей мужа (свекровь, брат мужа с женой).

В 1937 году у бабушки родилась дочь, моя мама.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Дедушка был мобилизован на фронт, а бабушка продолжала работать в театре в Ленинграде. Театр остался в городе и ставил спектакли.

8 сентября 1941 года началась блокада. Немецкие самолеты бомбили город. К постоянным бомбежкам добавились артобстрелы и голод…

Но театр жил, пока была хоть малейшая возможность ставить спектакли.

В работе театра происходили перерывы, когда актеры мобилизовывались на оборонные работы (рытье окопов) на две недели. Затем снова возобновлялись спектакли.

Актеры приходили в театр пешком, многие издалека: с Петроградской стороны, с Васильевского острова (городской транспорт не работал).

В январе 1942 года спектакли в театре прекратились, так как в помещении перестал действовать водопровод и отключили свет. В феврале 1942 года было решено эвакуировать театр в Ташкент. К тому времени уже многих сотрудников театра недосчитались.

Моя бабушка работала, пока хватало сил и здоровья ходить пешком с Васильевского острова в театр. Голод, болезнь, нужда, лишения, холод, постоянные бомбежки и обстрелы сломили

бабушку. С начала февраля 1942 года она уже не могла выходить на улицу и с трудом передвигалась дома, так как от голода и болезни ноги опухли так, что не было сил их поднять и переставлять.

26 февраля 1942 года бабушка умерла в возрасте 29 лет.

Театральная группа. Вторая справа в нижнем ряду Татьяна Лукьянович

Родная сестра бабушки, Смолина Клавдия Мелентьевна, 1920 г. р., которая служила в войсках МПВО (место расположения их части – Выборгская сторона), пришла пешком с Выборгской стороны на ВО, отвезла бабушку, завернутую в простыню, на санках в морг Свердловского района. В морге тела умерших складывали штабелями под навес. На свидетельстве о смерти бабушки сделана запись: «Труп принят». Свердл. морг. Подпись и дата 2/III-1942.

Бабушка захоронена на Пискаревском мемориальном кладбище в братской могиле № 7.

Сохранились письма бабушки своим сестрам и родной тете, которые жили в центре города Ленинграда все 900 дней блокады. (Приходилось только переписываться, так как телефон не действовал, транспорт не работал, а пешком ходить, чтобы навещать друг друга, не было ни у кого сил.)

В письмах бабушка сообщала, что очень слаба, в доме есть только холод, ноги опухают так, что не поднять и не стащить,

очень худа, не знает, выживет ли, сил совсем нет.

Также писала, что часть здоровых сотрудников театра и их детишки эвакуированы в Ташкент, а больных должны рассчитать. Но записи в трудовой книжке об увольнении так и не произведено. Последняя запись в трудовой книжке бабушки: «Зачислена на должность актрисы…» Видимо, так и не смогла оформить увольнение и расчет, не успела. Последнее письмо было написано бабушкой 12 февраля 1942 года, а 26 февраля 1942 года она умерла.

Письма блокадной поры, которые у нас сохранились, а также награды всех родных (участников ВОВ и блокадников): медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За доблестный труд в ВОВ» и другие буду бережно хранить для потомков.

Память о погибших в ВОВ ради нашей жизни на земле будет передаваться из поколения в поколение.

Белоусова Татьяна Вячеславовна, учитель английского языка ГБОУ ЦО № 133 Невского района Санкт-Петербурга

Лица войны

15 июня 1941 года мне, Сухоносовой Наталье Владиславовне, исполнилось 6 лет, а через неделю, 22 июня, началась война. Еще до начала войны, в 1937 году, большая и дружная семья Сухоносовых, в которой росли семь детей – три сына и четыре дочери, – включая моего отца, проживала в Царском селе в доме, построенном моим дедом, по адресу: ул. Саперная, 21.

Жизнь и судьба моего деда, Сухоносова Владислава Палладиевича, во многом определили жизнь моей семьи как в военное, так и в послевоенное время.

Мой дед, происходивший из дворян Полтавской губернии, родился в 1880 году. Он был кадровый офицер русской армии, по специальности – военный инженер-строитель. Получил военно-инженерное образование при Главном инженерном управлении военного ведомства, которое находилось в здании Михайловского замка в Санкт-Петербурге.

С 1903 года жизнь Владислава Палладиевича была связана с российской армией, более конкретно – с инженерно-строительными войсками, сначала Главного инженерного управления военного ведомства, затем – с 1910 года – Петроградского военного округа.

С 1906 года он участвовал в проектировании и строительстве ряда административных и жилых зданий – военного клинического госпиталя, фельдшерской школы, военных казарм, Федоровского городка и других объектов.

Сухоносов Владислав Палладиевич, 1935 г.

В послужном списке дедушки эти и ряд других строительных объектов, включая военные фортификационные, отмечены с указанием его хорошей и грамотной работы.

В течение трех лет, с августа 1914 года, В. П. работает в должности старшего адъютанта Окружного управления войск Петроградского военного округа. Награжден четырьмя орденами и двумя медалями за участие в военно-инженерных работах во время Первой мировой войны. В приказах о награждениях отмечались его «отлично-ревностная служба и особые труды».

В 1917 году он был командирован в Управление начальника инженеров армии Северного фронта.

После Октябрьской революции В. П. работает в военно-строительных войсках Петроградского (Ленинградского) военного округа.

Имя В. П. неоднократно отмечалось в приказах РВСР и РВС СССР, хранящихся в Государственном архиве Российской армии. Эти приказы были подписаны Ворошиловым и впоследствии реабилитированными Уншлихтом, Гамарником, Тухачевским.

После увольнения из рядов армии в запас в 1933 году работает в Артиллерийской академии РККА им. Дзержинского начальником строительного участка Академии.

Мой дед был не только трудолюбивым квалифицированным специалистом и высокообразованным человеком, но и замечательным семьянином. На нем всегда держалась большая многодетная семья, включая его родителей. И он очень много работал, часто совмещая две-три должности одновременно.

Семья Кружковых-Сухоносовых. Слева направо: бабушка Евдокия Ивановна, мама Анна Петровна, Наталья (2 года), отец Владислав Владиславович, 1937 г.

Наступает 1937 год, год массовых репрессий, арестов, ссылок, расстрелов. В. П. был арестован НКВД 19 сентября 1937 года по статье 58 УК и 5 ноября 1937 года его расстреляли как врага народа. Полностью реабилитирован 18 ноября 1957 года, все обвинения сняты как лживые и сфабрикованные. Справка о реабилитации № 18 66-Н-57 от Военного трибунала

Ленинградского военного округа.

Тогда же, 20 декабря 1937 года, жена Владислава Палладиевича, моя бабушка Сухоносова Анна Федоровна, с младшими детьми была выслана в Ярославль с конфискацией дома, всего движимого и недвижимого имущества.

Но в России были, есть и будут не только губители, но и спасители. Семью врага народа, без средств к существованию, с четырьмя детьми, из всего имущества у которых – лишь узелки в руках, приютила замечательная ярославская семья Измайловых.

Двум старшим сыновьям семьи Сухоносовых – Владиславу, моему отцу, и Федору, моему дяде, – было предписано выехать на север. Отец занимался ремонтными работами в Мурманском порту, Федор – строительством оборонительных сооружений в Ваенге, рядом с Мурманском.

Прямых репрессий 30-х годов избежали только две старшие дочери семьи Сухоносовых – Анна и Вера, ставшие женами командиров РККА в 1928–1930 гг.

Из всей семьи в Ленинграде осталась одна Анна с мужем Цховребовым Михаилом Ивановичем, военным специалистом, окончившим Артиллерийскую академию РККА им. Дзержинского. В 1930 году от академии Михаил Иванович с Анной получили комнату в доме 14 на Литейном проспекте. В 1935 году М. И. погиб в известной катастрофе на Октябрьской железной дороге, когда он ехал в Москву на совещание по вызову К. Е. Ворошилова.

В 1939 году мой отец был призван из Мурманска в ряды действующей армии в советско-финскую войну 1939–1940 гг.; в Мурманск он вернулся после окончания этой войны продолжать отбывать ссылку.

Отец всю жизнь мечтал о море, о службе во флоте. И в порту Мурманска он занимался ремонтными работами на кораблях, получив звание старшины II статьи. Сохранились фотографии отца в военной форме. Отец мечтал и готовился поступать в Высшее военно-морское училище им. Дзержинского в Ленинграде. Начавшаяся 22 июня 1941 года война не позволила реализовать эти планы.

Братья Сухоносовы. Федор (слева), Владислав. Перед уходом Владислава на финскую войну, 1939 г.

Тогда, в 1940 году, семья моего отца, истерзанная репрессиями, еще не знала, что ее ждут еще более тяжелые испытания – гибель сыновей на фронтах войны с Германией, страшные дни блокады Ленинграда и т. д.

К началу войны 1941 года я жила в Ленинграде в семье моей мамы Кружковой Анны Петровны – вместе с бабушкой и дедушкой – на проспекте села Смоленского, теперь это проспект Обуховской обороны, дом 56, а мама в это время находилась «на выселках» в Мурманске вместе с моим отцом.

Я ходила в детский сад.

Наталья Сухоносова в день своего рождения, 15 июня 1941 г.

В начале июня 1941 года в Ленинград приехала моя мама – все время Мурманской ссылки отца она была вместе с ним, – для того, чтобы вместе со мной вернуться к отцу в Мурманск. Отец не видел меня 3 года. Мы с ним только «переписывались» – к четырехлетнему возрасту бабушка Евдокия Ивановна научила меня читать и писать печатными буквами.

22 июня 1941 года началась война. Уже к 10 июля немецкие войска подошли к городу с юго-запада, а с севера наступали финны. Блокады еще не было, но эвакуацию уже объявили. И

приняли решение – ленинградских детей от ясельного до подросткового возраста вывезти из города…

Поезд идет… на юг

Наш эшелон отправлялся с Московского вокзала, у всех детей – сумочки с фамилией и необходимыми вещами. В мою сумочку и во все карманы бабушка положила записочки с заранее выученными мной ленинградским адресом и фамилиями и именами мамы, бабушки, дедушки и отца. На вокзале нас посадили в поезд, который, как потом оказалось, двигался в южном направлении – навстречу наступающим фашистам. По-видимому, это было связано с неразберихой первых недель войны. Наш эшелон в Окуловке попал под бомбежку и обстрел, были первые жертвы, несколько разбитых вагонов загорелись.

Дальше ехать оказалось невозможно – впереди наступавшие немцы. От бомбежек и обстрелов мы прятались под уцелевшими вагонами, в кустах вдоль дороги. Таким образом эвакуированные дети первыми из ленинградцев встретились с лицом войны.

Оставшихся в живых разместили в сельской школе ближайшего села, куда стали привозить и раненых красноармейцев. Продолжавшиеся бомбежки, убитые, покалеченные люди и – цветущие школьные клумбы, сад около школы… Такими я запомнила первые дни войны.

Назад, в Ленинград!

Моя бабушка, которая в то время была отправлена на рытье оборонительных окопов и траншей, узнала о судьбе нашей группы эвакуированных детей, отпросилась с работы на несколько дней и каким-то чудом сумела найти меня в Окуловке. В Ленинград мы вернулись последним составом в товарном вагоне, поезд шел только до станции Обухово. А вскоре, 8 сентября, началась блокада Ленинграда. В этот же день немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады – погиб запас продовольствия, который мог бы спасти многие тысячи ленинградцев от голодной смерти.

Мы жили в рабочем районе Ленинграда, теперь это Невский район, недалеко от железнодорожного моста через Неву. В соседнем доме располагался штаб по формированию народного ополчения района. Сейчас на этом доме установлена памятная доска. Наш район бомбили и обстреливали практически ежедневно.

Мама была членом бригады гражданской самообороны. В

задачу таких бригад входила борьба с зажигательными бомбами на крышах жилых домов, и мама дежурила на крыше нашего дома.

Нередко обстрелы заставали нас с мамой на улице по дороге за хлебом или водой, тогда мама ложилась на меня и закрывала своим телом. Во время очередного обстрела, когда везли воду, меня ранило в руку. После операции пожилой доктор повел меня на кухню и попросил дать мне тарелку супа. На кухне он дал маме кулек картофельных очисток со словами: «Это для девочки». Дома мы на буржуйке, что выменяла неутомимая бабушка, сварили суп – это был праздник.

Бабушка где и как могла добывала пропитание, ездила в пригород за «хряпой» – остававшимися на полях кочерыжками капусты с подгнившими листьями, меняла бывшие в доме дорогие вещи на малопригодные суррогатные продукты. Эквивалентом обмена обычно был хлеб.

Сначала мы ходили в бомбоубежище, потом вообще перестали реагировать на сигналы тревоги – уже не хватало сил.

Первым слег мой дедушка по материнской линии – Кружков Петр Иванович, известный в своих кругах мастер по настройке и изготовлению народных струнных инструментов. До революции у него были две мастерские подобного профиля.

В 1900-х годах он увлекается идеями замечательного русского музыканта-новатора В. В. Андреева, организатора и руководителя первого оркестра народных инструментов – идеями усовершенствования их акустических характеристик. Он много работает, экспериментирует, в результате получает тяжелое заболевание – астму Его не стало уже в октябре 1941 года. А в ноябре под Ленинградом погиб мой дядя Кружков Анатолий Петрович, ушедший добровольцем в народное ополчение. Мы остались втроем – бабушка, мама и я.

Семья Кружковых в 1911 г. Слева направо: дедушка Петр Иванович, бабушка Евдокия Ивановна, их дети – Анатолий и Анна (моя мама)

Наступило самое тяжелое время – зима 1941–1942 гг. с сорокаградусными морозами. В городе не было электричества, отопления, прекратили работу водопровод, канализация. Норма выдачи хлеба на наши карточки снизилась до 125 граммов суррогатного хлеба в день. Хлеб разрезали на маленькие кусочки, стараясь растянуть их на целый день, добавляя к ним немного

«киселя» из дедушкиного запаса столярного клея, который быстро иссяк…

Сгрудились в маленькой комнате с одним окном, выходившим в типичный для города «ленинградский колодец» – проем между домами.

Еще в начале войны был разграблен наш дровяной склад, находившийся в сарае во дворе дома, поэтому пока были силы, бабушке и маме приходилось добывать «топливо» для буржуйки везде, где только можно: у разрушенных домой, сараев, заборов и т. и. Затем в огне буржуйки стали сжигать старинную мебель, книги и прочее – все, что могло гореть и как-то согревать нас.

Дорога к Неве

За водой ходили к Неве – к счастью, наш дом находился в 40–50 метрах от реки. Дорога к Неве была тяжелой и страшной – везде, начиная с лестничной клетки подъезда и до проруби, – лежали замерзшие люди. Мне врезалось в память, как мы с мамой еле бредем от проруби с бидончиком воды, привязанным к детским санкам, спотыкаемся и падаем на запорошенный снегом труп женщины с маленьким ребенком на груди…

Потом похожие ситуации стали обычными – так притупилось восприятие блокадной жизни – кто-то падал, не доходя до спасительной проруби, и замерзал, кто-то падал уже с бидончиком воды, не в силах донести его до дома.

Дорога к Неве стала для нас настоящей «дорогой жизни», так как наличие воды и возможность выпить чашку кипятка как-то поддерживали наши силы.

За гранью выживания

Самым мучительным было непреходящее чувство, к которому нельзя привыкнуть – изматывающее чувство голода. В темной комнате, освещенной маленьким огоньком коптилки, в небольшом пространстве около буржуйки мы сидели, одевшись, потом уже только лежали, не раздеваясь, под ворохом одеял, пальто, шуб. Еще в начале блокады мама и бабушка мне читали детские книги – Б. Житкова, К. Чуковского, С. Маршака и т. д. И это как-то притупляло чувство голода. Когда не стало сил даже на чтение, мы стали просто рассматривать довоенные фотографии родных и близких, а мама и бабушка сопровождали каждую фотографию своими воспоминаниями. Читали подписи родных на этих фотографиях, и возникало такое чувство, будто они среди нас и разговаривают с нами.

Все события первых месяцев блокады – смерть дедушки и дяди, героические усилия по поддержанию жизни, отсутствие какой-либо возможности свидеться с родными – все это создавало обстановку полной изоляции и отчаяния.

В начале января слегла неутомимая, самоотверженная, любимая всеми бабушка. Страшным и ярким воспоминанием, от которого до сих пор стынет сердце, стала ее смерть. Мы спали втроем одетыми на одной кровати (я – в центре, под ворохом одеял), согревая друг друга. И вдруг ночью мы с мамой испытали нечто вроде внезапного и сильного толчка, мгновенно проснулись – бабушка была мертва. А позже на приступке камина мы нашли горсть сухариков, которые бабушка тайно откладывала для нас из своей скудной дневной порции хлеба.

Остались вдвоем с мамой. Мама – маленькая хрупкая женщина с уже начинавшимся туберкулезом легких – еле переставляла опухшие ноги. Закончилось топливо для буржуйки, и казалось – это конец. Мы – за гранью выживания, и спасти нас могло только чудо. И спасение пришло!

Нас разыскал старый мамин товарищ по комсомольской работе, давний друг нашей семьи. Он работал на военном заводе и получал повышенный ИТРовский продовольственный паек. И вот раз в неделю через весь темный, холодный, простреливаемый город он шел, чтобы принести нам с мамой часть своего пайка. Это и спасло нас. Его имя – Василий Иванович (фамилию детская память не сохранила), фотографии до сих пор в нашем семейном альбоме, мы его всегда вспоминаем как самого родного и близкого человека.

Наш спаситель зимой 1941–1942 гг. Василий Иванович

Для меня лично после Окуловки это было второе чудо спасения. Так мы дотянули до весны; собирали лебеду, из которой варили суп, по карточкам немного увеличили норму продовольствия.

Очень тяжелыми для меня стали впечатления от весенних уборок домов и улиц от трупов погибших ленинградцев, от снега, льда, нечистот. Это спасло город от эпидемий.

В эвакуации

В июле 1942 года мы с мамой были эвакуированы из Ленинграда по Ладожскому озеру. С собой у нас был небольшой чемодан с узелком и школьный портфельчик с фотографиями родных и близких – и это был самый драгоценный багаж.

От берега отплыли три судна с людьми, нас бомбили с воздуха, в одно судно попала бомба, многие люди погибли, берег обстреливался. А далее была долгая мучительная дорога на восток. Ехали в товарных вагонах, в жуткой тесноте, располагались с вещами на полу. На станциях можно было достать кипяток и обменять кое-какие вещи на продукты. В пути многие блокадники погибали – сказывались необратимые последствия голода.

К сентябрю мы оказались вдали от линии фронта на Алтае. Через Барнаул мы доехали до Алейска (это 120 км), а далее на подводе до зерносовхоза (еще 60 км), где мы и жили в 4 отделении этого совхоза. И там нас приютила замечательная трудовая семья – тракторист дядя Рома, его жена тетя Фрося и бабушка, которая вела подсобное хозяйство. Здесь не было бомбардировок и обстрелов, но жизнь была трудной – все мужчины на фронте, работали в основном женщины и подростки.

Мама в это время трудилась на полевом стане медиком, объезжала трудовые лагеря, лечила рабочих. Я ее почти не видела – рано утром за ней приходила подвода, вечером маму привозили, когда я спала. Работала она, как и все, без выходных.

Там же, на Алтае, я пошла в школу, в первый класс. В школе была одна теплая комната с единственной электрической лампочкой. В ней-то мы, дети всех возрастов, и учились, и учительница у нас была тоже одна. И был, я помню, сторож – фронтовик, инвалид войны, он заведовал печкой.

Свою «преподавательскую» деятельность я начала в этой школе, поскольку уже умела кое-как читать и даже писать печатными буквами, и учительница доверяла мне группу из двух-трех ребятишек.

Тетрадей не было, обучение шло с помощью мела и дощечек, потом учительница раздобыла старые газеты, старшие ученики из них сделали тетрадки и писали на свободных полях.

В 1942 году мой отец был вторично призван в ряды действующей армии и направлен в город Йошкар-Олу, где формировались войсковые части РККА для отправки на фронт. Сохранились письма отца из Йошкар-Олы и с фронта, где он пишет о боях с немцами. 3 июля 1942 года, защищая Москву, отец погиб под Можайском на опушке леса около деревни Рогозино-

Уваровского района Московской области. В 1974 году его останки вместе с останками других погибших в этом районе перенесены в братскую могилу на центральную усадьбу совхоза «Семеновский»; установлена мемориальная доска на памятнике, где выбиты его фамилия и инициалы. Этот памятник был открыт в 30 годовщину Победы – 9 мая 1975 года.

…Извещение о гибели отца пришло нам только осенью.

Эта очередная потеря совсем подорвала здоровье мамы, она тяжело заболела и чуть не погибла, ее с трудом выходила приютившая нас алтайская семья. Спасением для мамы стало письмо друга моего погибшего отца – Шейко Моисея Корнеевича.

Сухоносов Владислав Владиславович, мой отец. Старший сержант. Перед отправкой на фронт Отечественной войны, 1942 г.

Это был старый большевик, член партии с 1920 года, участник первой русской революции 1905 года. За участие в стачках, забастовках и восстании рабочих-железнодорожников на Екатеринославской ж/д. неоднократно арестовывался и был приговорен к каторжным работам на 8 лет в Сибири. Февральская революция его освободила.

Шейко Моисей Корнеевич, друг моего отца, 1940-е гг.

Окончив технический рабфак, Моисей Корнеевич до войны работал инженером-механиком на предприятиях Новороссийска и Сочи. В разгар репрессий 1937 года он, как и тысячи старых большевиков, был выслан в Мурманск, где и сблизился с моим отцом. Они жили по соседству в общежитии для репрессированных, на старом пароходе, их каюты были рядом.

Уходя на фронт, отец просил Моисея Корнеевича позаботиться о нас, если с ним что-нибудь случится. И он

выполнил просьбу отца. Осенью 1942 года Моисей Корнеевич, замечательный инженер-механик, был направлен на военный завод в Казахстан, в Усть-Каменогорск. Он разыскал нас с мамой и прислал нам вызов.

И снова – в путь!

На Алтае начиналась суровая зима, морозы достигали шестидесяти градусов, но мама, потеряв всех близких, решилась ехать немедленно. На телеге, завернутые о овечьи тулупы, в составе зернового обоза добрались до Алейска. Как мы не замерзли, одному Богу известно…

По дороге я тяжело заболела двусторонним воспалением легких, мама смогла поставить меня на ноги только к весне, и мы продолжили путь в Усть-Каменогорск.

По дороге через окно вагона ночью у нас вытащили единственный чемодан, остались только узелок с едой и портфельчик с фотографиями и документами, который мама днем не выпускала из рук, а ночью подкладывала под голову.

Усть-Каменогорск встретил жарой, сухими ветрами, кратковременным цветением степных тюльпанов… Там я после долгого перерыва пошла в обычную школу, и у меня даже было два собственных учебника и личный портфель!

После освобождения Украины в 1944 году Моисея Корнеевича направили на Украину в Винницкую область, где он в качестве главного инженера руководил восстановлением разрушенных сахарных заводов в Гоноровке и Степановке. Ритм жизни у нас тогда был авральным – мама чертила бесконечные чертежи, Моисей Корнеевич дома почти не появлялся, на заводе и ел, и спал.

Но было тепло и солнечно, цвели сады и клумбы, у многих работников завода были подсобные хозяйства, и после всего пережитого мне все это казалось раем. На премиальные деньги Моисея Корнеевича купили корову, и я ее пасла, а мама доила, и у нас появилось свое молоко!

Первую годовщину полного снятия блокады Ленинграда праздновали 27 января 1945 года всем техническим отделом завода. Там же застала нас Победа!

В день Победы, в мае 1945 года, весь наш заводской поселок был в цвету деревьев и лугов, на клумбах распускались цветы, и мы, дети, радостно бегали с букетиками и флажками, а взрослые поздравляли друг друга, целовались и обнимались. Когда я, устав от праздничных переживаний, вернулась домой, то застала маму и М. К., тоже вернувшихся после праздничного «банкета» на

заводе, сидящими за столом, и на нем лежал кусочек пирога – они всегда в подобных случаях приносили мне что-нибудь лакомое – кусочек сахара, конфетку и т. п.

Мама и М. К. молча перебирали ленинградские фотографии, мама плакала и строго сказала мне: «Садись и не шуми».

После тяжелой авральной работы на Украине Моисея Корнеевича посылают восстанавливать и запускать разрушенный в Кореневке (Краснодарский край) 2-й Кубанский сахарный завод, затем переводят на работу в судоремонтный отдел порта города Сочи. Сочи в те годы представлял собой общесоюзный госпиталь. Как сказали бы сейчас, реабилитационный центр для раненых со всего СССР. Здесь уже после Победы я встретилась с войной. В реабилитации раненых активное участие принимали ученицы школы, где я училась. Мы выводили раненых на прогулки, писали под диктовку письма, читали книги, давали концерты детской самодеятельности. Летом вместе с пионервожатыми часто ходили на «заработки» в совхозы: помогали убирать урожай.

Связь с родными не прекращалась никогда

Получив извещение о гибели моего отца в 1942 году, мама сразу послала письмо по единственно точно известному адресу наших родных – в Ярославль, место высылки семьи Сухоносовых. Ответ пришел быстро. Бабушка, Анна Федоровна, сама разыскивала нас: прислала удивительное письмо со словами любви и поддержки. Оказалось, к этому времени, к 1942 году, из трех ее сыновей погибли двое – мой отец и его младший брат Михаил, способный к математике, мечтавший поступить в Ленинградский авиационный институт. Его не приняли, по-видимому из-за анкетных данных. В 1941 году он поступает в Ленинградский институт железнодорожного транспорта, а в январе 1942 года призывается в ряды Красной армии. Михаил пропал без вести в сентябре 1942 года, предположительно – его эшелон, движущийся к линии фронта, попал под авиационную бомбежку.

Многолетние поиски обстоятельств его гибели ни к чему не привели, но мы продолжаем искать и надеемся до сих пор.

Единственный оставшийся в живых из трех сыновей, Федор, как до войны, так и во время войны продолжал профессию деда – военного строителя фортификационных сооружений. Федор возводил в городе Ваенга сооружения, необходимые для защиты судов Северного конвоя союзников. Этот конвой поставлял по ленд-лизу военную технику – танки, самолеты, «студебеккеры», авиационное топливо и др., а также продукты питания. На ящиках

с продуктами стояла надпись: «Только Ленинграду». Это имело большое значение не только в военном, но и в моральном плане.

Братья Сухоносовы. Федор (слева), Михаил, 1937 г.

Теперь о четырех дочерях моей бабушки Анны Федоровны. Две дочери А. Ф. – старшая Анна и младшая Нина Сухоносовы – пережили блокаду Ленинграда, пройдя через все ее жуткие этапы – голод, холод, утрату карточек, дистрофию.

Анна до начала войны успела закончить два курса

филологического факультета ЛГУ, одновременно работая в библиотеке факультета, проживала по-прежнему на улице Пестеля, дом 14.

С самого начала блокады работала санитаркой в эвакогоспитале, с 1943 года – сотрудницей газеты «Ленинградская правда» в отделе писем. Вторая волна репрессий 1946–1948 гг., направленная на преследование творческой интеллигенции, коснулась и ее. Из газеты Анну уволили, на работу ее никуда не брали, и только близкие друзья помогли ей устроиться на работу экскурсоводом по историческим местам Ленинграда и пригородов.

Нина, студентка сельскохозяйственного института в городе Пушкине, была направлена в сентябре 1941 года на строительство оборонительных сооружений под Ленинградом, также оказалась в кольце блокады, работала кочегаром в госпитале. Встретила Анну, и сестры жили вместе на улице Пестеля. Были украдены продовольственные карточки и когда, продав драгоценности, Нина эвакуировалась в Ярославль, то она была так истощена, что бабушка А. Ф. подумала, что это не ее дочь, а ее 75-летняя сестра.

Еще о двух дочерях А. Ф.

Варвара была на фронте, служила в одной из дивизий Северо-западного фронта при штабе дивизии. Вернувшись с фронта, много работала, поддерживала родных и близких.

И только Вера, жена офицера Красной армии действующих на фронте войск, жила и воспитывала детей в Баку.

Сохранить традиции

Мне выпало счастье жить с двумя бабушками – Евдокией Ивановной (по линии мамы) и Анной Федоровной (по линии отца). Е. И. была очень статной, полной сил и энергии, в молодости красавицей, в семье ее шутливо называли Екатериной II. Ее любили не только родные, но и соседи. Весь семейный уклад держался исключительно на ней, так как мой дедушка был вечно в работе. Он рано заболел тяжелой астмой – типичной бедой его профессии. Моей бабушке Е. И. пришлось отказаться от своей мечты – получить хорошее образование, и она полностью посвятила себя семье, ухаживала за мужем, воспитывала двоих детей и в довоенные годы в отсутствие моей мамы занималась моим воспитанием. Ее самоотверженность, энергия и любовь в годы блокады спасли нас с мамой.

Вторая моя бабушка – А. Ф. всегда была в центре семьи Сухоносовых, она ее цементировала и объединяла, особенно

духовно. Вырастив и воспитав 7 человек детей, она получила государственную награду – орден «Материнская слава III степени». И это в условиях нечеловеческих трудностей послереволюционного периода, периода репрессий, а также тяжелых лет Отечественной войны. У А. Ф. не опустились руки бороться даже в 1937 году за реабилитацию своего мужа, несправедливо осужденного. Именно она в 1956 году написала письмо Хрущеву Н. С. с просьбой о реабилитации мужа. В то время эпоха реабилитации только начиналась, не носила массового характера. И А. Ф. уже тогда добивалась для мужа полной реабилитации.

И, конечно же, меня всегда и до сих пор удивляет и восхищает мужество моей мамы – Кружковой Анны Петровны, маленькой, хрупкой, тяжело заболевшей уже в начале войны ленинградки. Ее самоотверженность часто превосходила ее физические силы. Ее открытость, постоянная готовность поделиться последним, ее любовь спасали людей вокруг нее и были также спасением и для нее. И мне есть за что благодарить судьбу.

В истории нашей семьи, как в капле воды из огромного океана истории страны, отразились основные этапы ее непростого развития периода конца 19-го и середины 20-го века. По моему глубокому убеждению наша большая типичная для России этого периода семья в годы тяжелых испытаний выжила и сохранилась только благодаря традициям, заложенным старшими поколениями. Эти традиции мы и стараемся сохранить.

По-прежнему мы часто общаемся, вместе переживаем беды и радости, помогаем друг другу, несмотря на территориальную разобщенность – ведь отдельные «веточки» нашей семьи проживают в Москве, Санкт-Петербурге, Выборге, Севастополе, в Польше и США. Конечно же, нашу большую семью составляют не только родные по крови, но и те, кто помогал нам в годы больших потрясений, и те, кому помогали мы. Им всем низкий поклон и огромная благодарность.

Наталья Владиславовна Переломова (*Сухоносова*)

Несколько слов об авторе

Окончив среднюю школу в Сочи в 1953 году, я поступила в Московский государственный университет, окончила его и была распределена на работу в конструкторское бюро С. П. Королева, генерального конструктора космической техники страны (занималась материалами для защиты космических объектов).

Потом работала в Московском институте стали и сплавов на кафедре кристаллографии. Стала профессором, выпустила многих специалистов-материаловедов, была руководителем более десяти кандидатских диссертаций, написала ряд учебных пособий по кристаллографии и кристаллофизике, некоторые их них переведены на иностранные языки. Внесена в индекс Международного Союза кристаллографов.

Подснежники смерти

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!

Д. Самойлов

У ленинградцев, переживших 900-дневную блокаду, остановивших фашистские дивизии буквально на окраинах города, потерявших более полумиллиона жителей только от голода, навеки сохранилось чувство гордости за Ленинград, которому было присвоено звание: Город-герой!

«Но в эвакуацию мы отправились не сразу, остались в Москве до середины октября. Прекрасно помню 14 октября. В ЭТОТ ДЕНЬ В МОСКВЕ ЖДАЛИ НЕМЦЕВ, И ПОЧЕМУ-ТО ОТКРЫЛОСЬ МНОГО КАФЕ. (Выделено мною – *Автор.*) Невероятно, но мы с актрисой Лебедевой сидели и пили настоящий кофе». (Из беседы актрисы МХАТа – Киры Головко с И. Зайчик. Журнал «Караван истории», май 2003 г.)

В сентябре 1941 года в Ленинграде сгорели Бадаевские продуктовые склады (бомбежка), а в конце октября кто-то съел нашу Забияку – лайку, а вы про кофе.

* * *

А теперь я расскажу об одном из тех, кто прошел всю войну солдатом.

В 50-е годы я с другом Юрой были молодыми, амбициозными стилягами. В один из майских дней мы завернули в шашлычную на Литейном и, пробираясь между пьющими, дымящими и орущими компаниями, обнаружили столик, за которым восседал мужчина средних лет. Я только открыл рот, чтобы попроситься за стол, как «хозяин» жестом пригласил присоединиться. Официант принял заказ и удалился, а мужчина разлил «свою» водку в три стакана и сказал:

– Молодые люди! Сегодня десятилетие со дня Победы.

Давайте помянем тех, кто уже никогда не выпьет, не полюбит, не…

Тут он крякнул и опрокинул стакан. Мы тоже выпили и скорбно молчали. Я исподтишка рассматривал воина, который совсем не походил на былинного богатыря, не напоминал покалеченного солдата и не выглядел умудренным офицером.

Ранее я уже насмотрелся на пьяных «героев», которые рвали на груди рубаху с криком: «Я за тебя, сволочь, кровь проливал!» (Позднее, в милиции выяснялось, что «раненый» всю войну прослужил в похоронной команде или возил на машине командира части, стоявшей у Берингова пролива.)

Внешне наш «сографинник» на героя не походил. Я, чтобы «попасть в тему» и прервать молчание, спросил:

– А где вы воевали?

– Начинал на «Невском пятачке».

– Ого! Там же совсем было плохо?

Он уставился на меня немигающим взглядом. Я уже решил «пошутить»:

– Извините, я что-то не то сказал? – но осекся – его тело начало содрогаться, глаза наполнились слезами, которые тут же потекли по щекам.

– …что ты знаешь про «плохо»? – он говорил, рыдая. – Плохо – это когда соседу, с которым ты только что доел пшенку из одного котелка, сносит осколком мины голову. Плохо – это когда ты достаешь документы из кармана убитого командира и находишь письмо: – «…папочка, мы тебя очень любим и ждем. Твои – Люба, Миша и Настя». Плохо – это когда там же фотка…

Он уронил голову на руки, но я расслышал:

– …это когда полгода в воде по грудь, а кухне до нас не добраться…

Я не помню, чем окончилась встреча. Наверное, мы сопереживали, но…

Из тех, кто вернулся в 1945-м с войны, ныне остались немногие, но как им «приятно» слышать, что льготы отменяются, зато… А я вспоминаю: «Плохо – это когда…»

Совсем плохо нам, ленинградцам, было в течение 900 дней блокады. Невозможно, казалось бы, выдержать все испытания, выпавшие на нашу долю.

Однажды, после моего публичного выступления, ко мне подошел мужчина средних лет и поблагодарив, сказал:

– Мне понравился ваш рассказ. Вот только зря вы добавили для драматизма некоторые тяжкие подробности.

Его замечание загнало меня в тупик, потому как я не

рассказал и о половине бедствий и лишений, выпавших на нашу долю.

Разве можно передать постоянное чувство голода и холода, когда день за днем лежишь под теплым одеялом в пальто, ушанке и варежках и мечтаешь о хлебе, и никаких других желаний не испытываешь. Мама строго наказывала:

– Ребятки, будем каждый час по маленькому кусочку хлеба, чтобы…

Тогда я смотрел только на часы. Однажды, когда мама с братом ушли на кухню пилить мебель для «буржуйки», я не выдержал. Выбравшись из «логова», я залез на пианино и перевел часы минут на 20. Родные вернулись, и я тут же указал на часы. Мама заплакала от жалости ко мне, но кусочек хлеба я получил.

Голод – это страшное состояние, а если он длиться месяцами, годами, то человек только о еде думает или сходит с ума. Мы могли погибнуть от бомбежек, артобстрелов, в завалах, но вспоминаем те моменты, когда удавалось покушать. Нас не поражали трупы на улицах, но я запомнил первый в жизни апельсин, который выдали в школе (помощь США). Но вот еще эпизод, оставшийся в памяти навсегда. В солнечный сентябрьский день мы с приятелем возвращались из школы. В тишине, нарушаемой только чириканьем воробьев, с неба раздался угрожающий свист, и в сотне метров от нас в парикмахерскую попал снаряд. Взрывной волной вынесло все наружу. Картина не для слабонервных, но не редкая для Питера тех лет!

Голод приносит страдания, но и доводит до сумасшествия: соседка Нина отправлялась за пайкой хлеба и съедала ее по дороге домой. Уже в коридоре она кричала, что хлеб у нее отобрали. Ее трехлетняя дочь быстро угасла.

Я тоже всю жизнь ношу на совести рубец. До войны мама ежедневно говорила мне:

– Скушай яблочко – будешь здоровым и сильным!

Я послушно откусывал кусочек, а остальное отправлял за буфет, под батарею водяного отопления. Когда началась голодуха, я вспомнил о «сухофруктах» и забравшись (до сих пор не понимаю как) в тайник, стал ежедневно съедать по огрызку. Стыдно потому, что я не сказал никому об объедках.

Но не только голод и холод были убийцами ленинградцев. Фашисты методично вели обстрелы города из дальнобойных орудий. Наши окна выходили на Мальцевский рынок, и любое попадание в него выбивало стекла взрывной волной. Сначала мы вставляли новые, но скоро и те кончились, и окна были забиты фанерой. Наступила темнота. Связь с внешним миром

ограничивалась только радиорепродуктором. Рано утром звучал голос диктора: «От Советского информбюро. На Первом Белорусском фронте фашистские войска, неся громадные потери, продолжили наступление и овладели городами… Наши части отступили на заранее подготовленные позиции…» Потом Леонид Утесов пел: «Ведь ты моряк, Мишка, а это значит, // Что не страшны тебе ни горе, ни беда…» И включался метроном.

Вы можете представить себя лежащим в темноте и слушающим, как уходят секунды, минуты, часы вашей жизни?

Но подобный покой часто прерывался сигналом «Воздушная тревога». Под звуки завывающей сирены старшие спускались в бомбоубежище и располагались на цементном полу. Подростки бежали на чердаки, чтобы обезвреживать «зажигалки». Эти походы происходили по несколько раз в день. Артобстрелы были значительно неприятнее. Они начинались всегда неожиданно и наносили громадный ущерб.

Летом 1942 года мой брат с приятелем пошли в кинотеатр. Посмотрев фильм, публика потянулась на выход. Когда первые ряды уже вышли на улицу, в трамвай, стоявший напротив, попали два снаряда. Публика была буквально скошена осколками. Задние ряды, испуганные взрывами, кинулись к выходу, сбивая и топча впереди идущих. Брат рассказывал:

– Нас с Геной сбили с ног, и мы на четвереньках пробирались на улицу среди трупов и луж крови.

Зато, сколько радости доставил нам сбитый фашистский бомбардировщик, упавший на ограду Таврического сада. К сожалению, подобных радостей было мало, а вот истощенные женщины с покойниками на саночках попадались постоянно. Блокада!

Тогда же мы мечтали о победе в этой кровавой войне. Я даже представлял неслыханный праздник в День Победы! Мы ненавидели фашистов, а когда в 1944 году возле нашей школы пленные немцы стали прокладывать трубы, мы жалели их и делились своими скудными завтраками. Вот и пойми русскую (детскую) душу.

И Победа пришла! Мама раздобыла для меня и брата два брикета мороженого. Так что я знаю вкус Победы!

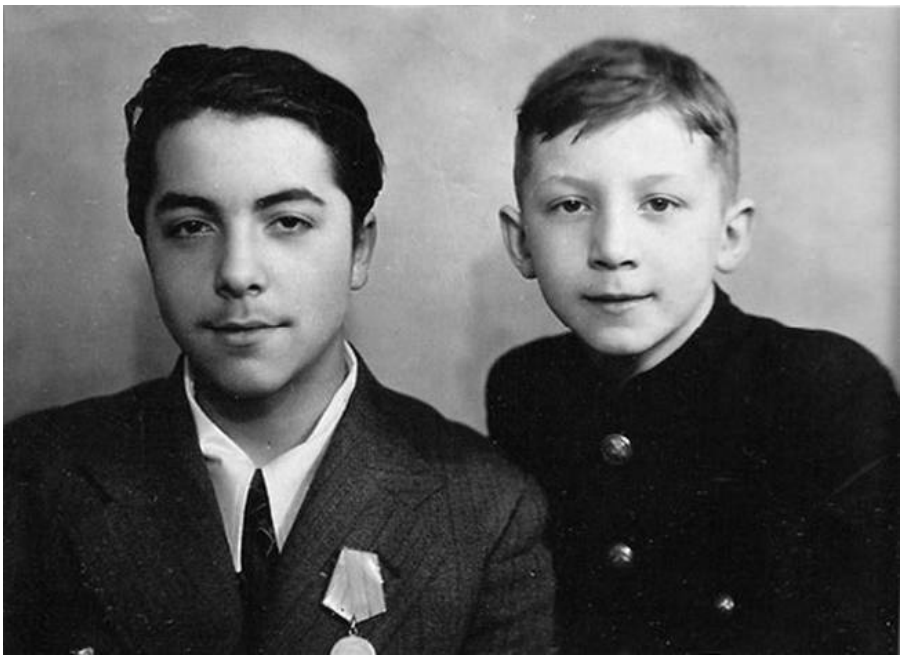
* * *

Мои сверстники не участвовали в военных действиях Великой

Отечественной войны, но оккупацию, концлагеря, блокаду (в Ленинграде) и даже голодные годы в эвакуации, мы хлебнули полной мерой. Я с ностальгическим трепетом смотрю фильмы о Второй мировой войне и с каждым годом убеждаюсь, что для разных стран-участниц, война имела свой «цвет», свою меру потерь, крови и последствий.

Я помню, как в 42 году мама негромко говорила Долику (мой старший брат):

– Алик наш умирает. Уже ручки распухли…



Олег Яцкевич (справа) с братом

В замечательном фильме «Мост Ватерлоо» возлюбленные – офицер (Р. Тейлор) и балерина (Вивьен Ли) – обсуждают на улице разбомбленного Лондона, в какой ресторан (клуб) пойти поужинать.

Тем горше стало, когда прочитал в газете «Аргументы и факты» № 8 (февраль 2005 года) воспоминания дважды Героя Советского Союза, летчика В. И. Попкова:

«…мы и попали под горячую руку маршала Жукова, который считал, что за безраздельное господство немцев в воздухе должны отвечать мы – семь несчастных летчиков. Жуков настойчиво требовал, чтобы Зайцев расстрелял нас лично. На что наш командир отвечал: „Я своих не расстреливаю! Их и так все меньше с неба возвращается. А стреляю я только по немцам…“ Жуков окончательно вышел из себя, и его люди на наших глазах

расстреляли несколько офицеров, чей неприглядный вид вызвал у него отвращение».

Войну мы выиграли, и памятники маршалу Г. К. Жукову заслуженно стоят во многих городах бывшего СССР. Вот только трудно представить количество слез, пролитое родными и близкими тех офицеров, чей «неприглядный вид»…

Я – малолетний участник блокады Ленинграда – в годы войны насмотрелся на трупы людей, сраженных голодом, артобстрелами и бомбежками. До сих пор ненавижу расхожую фразу тех времен: «Война все спишет». Помню рыдания моих близких, когда семья узнала, что мой дядя Володя погиб в советском лагере, куда он был доставлен из фашистского концлагеря после окончания ВОВ.

* * *

Много лет спустя я познакомился с сослуживцем – Винокуровым (запамятовал его имя и отчество), который лишился на войне руки и ноги. При этом он вдохновенно работал на скромном посту в конструкторском отделе и что, может быть, главное, оставался по жизни доброжелательным, веселым человеком. А как он радовался, когда спустя 25 лет после окончания войны родное государство одарило его механической коляской (или «Запорожцем», что равнозначно по своей убогости) для передвижения.

Война – это подвиг всего нашего народа. Всех тех, кто даже в тяжелейших условиях сохранил преданность отчизне. Я беру в руки альбом «Борьба за Ленинград (летчики)» и комок подступает к горлу – большинство из них погибло в ходе войны. Роскошный альбом в полной мере рассказывает о мужестве молодых ребят, боровшихся в небе с противником на далекой от совершенства технике. А там, где штатное вооружение самолета или его мощность не позволяли вести на равных бой, наши ребята мужественно шли на таран. Вот так совершил первый ночной таран Алексей Севостьянов, будущий Герой Советского Союза, погибший в небе над Берлином.

Авторы: старшие лейтенанты А. Н. Яр-Кравченко и В. В. Морозов – поместили в альбоме более двухсот репродукций, на которых показан блокадный Ленинград, воздушные бои и портреты летчиков, 66 из которых стали Героями Советского Союза. Немаловажен блестящий текст, созданный Б. Бродянским. Сам факт выхода в свет альбома весной 1944 (!!) года тоже можно отнести к подвигу.

Опять на глаза навернулись слезы – вспомнились слова песни: «Родина слышит, Родина знает, // как ее сын в облаках погибает…» Читаю: «…в начале зимы здесь шли жесточайшие бои. И из-под снега начали вытаивать убитые ребята. Словно „подснежники“ смерти… Мы их похоронили без документов. Перед боем, как известно, документы надо было сдавать». Это слова скончавшегося А. Н. Яковлева – инвалида ВОВ, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, мужественно обнародовавшего подлинные цифры наших потерь в годы войны – свыше 30 миллионов погибших. (АиФ № 8, 2005)

Эта цифра кричит еще и о том, что после войны в СССР рыдали миллионы неутешных вдов и множество молодых женщин, чьи будущие мужья остались лежать на полях войны, которые так и не обрели простого человеческого счастья. Остается еще пожалеть о миллионах мальчиков и девочек, так и не родившихся, потому как их отцов тоже унес «смерч» под названием: «Вторая мировая»…

Нет, не в одном лице, а стадом, стадом: и царей, и королей, и Вождей – на десять дней, из дворцов, храмов, вилл, подземелий, партийных кабинетов – на Великокриницкий плацдарм. Чтобы ни соли, ни хлеба, чтоб крысы отъедали им носы и уши, чтоб приняли они на свою шкуру то, чему название – ВОЙНА.

В. Астафьев. Прокляты и убиты

Яцкевич Олег Станиславович, 1934 г. р.

Теплилась надежда, что живы

В моем паспорте в строке место рождения напечатано ЛЕНИНГРАД.

Я горжусь этой записью, так как я родилась в Ленинграде, в городе, на долю которого выпали страшные испытания в годы Великой Отечественной войны. Город выстоял благодаря воле, вере и героизму жителей и воинов.

Мой дедушка Гордиенок Антон Иванович (1896–1941) ушел в народное ополчение. В сентябре 1941 года погиб на Пулковских высотах. Бабушка Гордиенок Елена Антоновна (1900–1977) стала вдовой в первые дни блокады Ленинграда. Все 872 дня блокады она жила и трудилась в родном городе. Осенью 1941 года со своей сестрой Сажиной Антониной Антоновной (1911–1976) бабушка поехала собирать серые капустные листья на колхозные поля под Красным Селом, которые они засолили, сделав крошево. Этот припас помог выстоять первую тяжелую зиму.

Бабушка работала на кондитерской фабрике им. Самойловой, где в дни блокады выпускали галеты для солдат регулярной армии. Транспорт не работал. Приходилось вставать в 5 часов утра и пешком идти от Кузнечного переулка до улицы Декабристов. Работа заканчивалась в 19.00. Иногда приходилось работать сверхурочно, так как работ ники не выходили на работу. Умирали или не было сил дойти до фабрики. До дома бабушка добиралась к ночи, чтобы только лечь спать. Утром все повторялось. Мучили голод и холод. Из крошева варили щи-похлебку. Для обогрева сожгли всю мебель, книги.

Гордиенок Елена Антоновна

Возможно, не выжила бы бабушка в блокаду, если бы не отправила мою 12-летнюю маму Гордиенок Зинаиду Антоновну 19 июня в Белоруссию, где мама была всю войну. Довелось ей испытать ужас концлагеря и помогать бойцам в партизанском отряде. В Ленинград мама пришла пешком 9 мая 1945 года.

Всю войну родные люди не знали друг о друге ничего. Но теплилась вера и надежда, что живы! Мои дорогие бабушка и мама прошли достойно страшное испытание! Я, мои дети и внуки

храним светлую память о своих родных, об истории своей страны, о страшной ленинградской блокаде и великой Победе!

Материал подготовила внучка – Тимофеева Алевтина Павловна, замдиректора ГБОУ ЦО № 133 Невского района СПб

Красное и белое

Шел третий год войны.

Шел третий год блокады.

Шел третий год моей жизни.

Я была старше блокады на полгода и на три месяца старше войны.

Когда в марте 1941 года у моей мамы родились двойняшки, был обыкновенный год, обыкновенный март. Это потом, после 22 июня, его будут называть страшным годом, мертвым годом.

В июне 41-го мой отец ушел, как положено, на фронт, на Ленинградский.

Домой он вернется с орденом боевого Красного Знамени, с медалью «За отвагу» и с нашитым на гимнастерке прямоугольничком с красными полосками, означавшими, что ранение было тяжелым.

Но это будет потом…

А тогда, тогда в 41-м, моя мама с двумя трехмесячными малышами решила остаться в Ленинграде. «Что будет – то будет». Если выживем – вместе, если не выживем – тоже вместе.

Но блокада распорядилась по-своему. Мой брат умер, когда ему было полтора года. Умер дедушка, потому что он был очень большой и ему не хватило еды, чтобы выжить. Умер от голода. Тогда это было обычное дело.

И вот мы остались с мамой одни. По ее рассказам, я знаю, что детям-грудничкам было положено детское питание в виде жидкой манной каши, но почему-то я ее невзлюбила. А у мамы – слезы градом – кормить чем-то надо. И она меняла эту кашу на рынке на картошку, которая и была для меня спасением.

Это все я помню по рассказам моей мамы. Но есть блокадный эпизод, который помню я сама.

Начиналась весна, но зима не хотела сдаваться, и было еще очень холодно. Мы опять едем на трамвае № 3, везем в большом белом узле сшитые мамой теплые вещи для фронтовиков. Каждый делал для фронта что мог. Отец – на фронте. А мама и другие ленинградки – здесь, в блокадном городе.

Скамейки в трамвае тогда располагались вдоль вагона. Я стояла, прислонившись к узлу… Он был такой мягкий. Потом что-то произошло – и мы оказались в подворотне на Садовой, около «Пассажа». Вслед за нами двое санитаров в белых халатах поверх ватников внесли носилки. На них лицом вниз лежала женщина. В зимнем пальто, из которого торчала вата почему-то красного, а не

белого цвета. Потом носилки накрыли чем-то белым, и красное пятно стало расплываться по белому… Что было потом, я не помню, но… с тех пор я долго еще панически боялась красного на белом.

В то время в продуктовых магазинах все продавщицы были одеты в белые хлопчатобумажные куртки и почему-то очень любили красить ногти лаком ярко-красного цвета (а другого тогда и не было). Так вот, после той подворотни еще долгое время больших трудов маме стоило завести меня в продуктовый магазин. Что-то тогда случилось. И красный цвет надолго перестал для меня быть красивым. А ведь еще совсем недавно я рисовала красные цветы на белом листе бумаги, потому что это было красиво. Что же случилось тогда в подворотне, после чего на меня наводили ужас ярко-красные ногти продавщиц?

А «случилась» война, «случилась» блокада, «случилась» бомбежка, и на носилках лежала женщина, из которой уходил красный цвет, цвет крови, цвет жизни…

…Со мной все обстояло не так-то просто, потому как белыми были не только одежды продавцов, но и врачи носили белые халаты, а посему и визиты в детскую поликлинику тоже становились делом нелегким.

Трехлетняя Валя с любимым мишкой

Я и раньше-то не горела желанием общаться с доктором, ну а уж после перенесенного стресса я считала, что имею полное право отдохнуть от медицины, и заманить меня к врачу было

невозможно ни кнутом, ни пряником.

К счастью, день за днем страшное для меня событие постепенно уходило в прошлое, и во мне все налаживалось. Тем более что в жизни блокадного ребенка были и свои радости. Так, в три года у меня появился игрушечный медведь. Его купили на барахолке (сейчас сказали бы «на блошином рынке»). Сделали его из какого-то мехоподобного материала шинельно-серого военного цвета, а еще у него были янтарные глаза и черные «ладошки». На долгие годы он стал моим верным товарищем и любимой игрушкой. Кстати, этот медведь жив до сих пор, хотя, конечно, состарился, его шкурку поела моль, из него слегка сыплются опилки военного времени, но янтарные глаза смотрят вполне бодро. Сейчас ему идет уже восьмой десяток. И он, конечно, многое мог рассказать, если бы только умел говорить.

А еще счастливыми были дни, когда мы с мамой ходили в кино. Может показаться невероятным, что в голодном блокадном городе работали кинотеатры.

Мы жили на Лахтинской улице, в доме № 1. Рядом был кинотеатр «Молния», а немного подальше – «Люкс» (потом его переименовали в «Свет»).

Фильмы показывали и довоенные («Светлый путь», «Трактористы», «Парень из нашего города», «Александр Невский»), и фильмы военных лет («В шесть часов вечера после войны», «Машенька» и др.). Я хорошо помню все фильмы, потому как и после войны они еще долго не сходили с экранов.

Конечно, эта «кинотерапия» помогала мне поскорее забыть ту страшную подворотню на Садовой.

Может быть, не так часто, как хотелось бы, но мы с мамой ходили в кино. В принципе я вела себя вполне прилично. Тем более что, уютно устроившись на маминых коленях, можно было и немножко вздремнуть, немножко посмотреть, что там делается на экране.

Но для меня главным было другое…

Минут за 15 до начала сеанса в фойе устраивали небольшие концерты, обычно это были сольные музыкальные номера, но случались и дуэты, и арии из оперетт. Очень популярной в ту пору была оперетта И. Кальмана «Сильва». Лично мной она была очень любима. Вот тут-то и была собака зарыта.

Дело в том, что я очень любила петь, причем петь громко. Как оказалось, со слухом тоже все было в порядке.

В мои почти четыре года я знала довольно много песен и пела с удовольствием, причем не только дома, но и, как оказалось, «на публике». И, главное, громко.

И вот, если мне случалось бывать в кино, да еще в фойе

исполняли что-нибудь из «Сильвы», тут уж промолчать не было никакой возможности. Как только главный герой начинал свою арию – я подключалась с ходу, и мы пели уже вдвоем: «Сильва, ты меня не любишь, // Сильва, ты меня погубишь…» – и аплодисменты делили на двоих. Мама рассказывала, что остановить меня было сложно, да особо и не останавливали, видимо это было забавно. Люди с удивлением и по-доброму улыбались и хоть на миг забывали о войне.

А война все не кончалась. И моя четвертая весна, хотя уже не была блокадной, но была еще военной.

Леонова Валентина Николаевна, 1941 г. р.

Страшнее всего была мысль, что мама погибла!

Когда началась война, мне не было еще 6 лет, а моему брату Саше только что исполнилось 4 года. Когда в Ленинграде началась эвакуация из города школьников и детей детсадовского возраста, нас эта кампания не коснулась, так как мы в детский сад не ходили, а воспитывались бабушкой. Вместо эвакуации мама отправила нас к своему брату в деревню Старое Колено, расположенную недалеко от Сиверской. Однако долго прожить в этой деревне нам не удалось. Однажды рано утром мы проснулись от грохота и дребезжания окон в доме. Было страшно, мы плакали, Саша от испуга после этого долго еще заикался. Оказалось, немцы бомбили аэродром в Сиверской. Вскоре за нами приехала мама. Пассажирские поезда к этому времени уже не ходили, но маме удалось погрузиться в какой-то санитарный поезд, остановившийся на платформе, на котором мы и вернулись в Ленинград.

Мы жили в большом деревянном доме на окраине города, и к тому времени, когда мы вернулись, наш двор был весь перекопан траншеями, заменявшими бомбоубежище. Начались бомбардировки города. Окна в доме были заклеены бумажными полосами, и как только начиналась бомбежка, мама брала мешочек с детскими вещами и мы выскакивали из дома. Недалеко от нас находились заводы: Металлический, «Арсенал», «Красный Выборжец», и из наших окон было хорошо видно, в какой из заводов попали бомбы. Постепенно мы привыкли к бомбежкам и престали выбегать из дома, хотя казалось, что горело все вокруг. Вскоре бабушку парализовало, и вопрос о нашей эвакуации из города отпал сам собой.

В первых числах ноября перед отправкой на фронт к нам зашел с группой однокурсников мой двоюродный брат Петя, курсант Артиллерийского училища. По этому случаю мы все вместе съели последнее, что у нас было: баночку килек и несколько картофелин. После этого у нас не осталось ни крошки съестного, а Петю мы больше так и не увидели, он погиб на войне.

К этому времени норма хлеба по карточкам была уменьшена до минимума, и начался голод. Саша постоянно плакал, просил поесть, но еды не было. Я молчала, понимала, что просить бесполезно, только смотрела на часы, ждала, когда мама придет и хоть что-нибудь сварит. Мама пробовала сварить суп из фикуса,

молола сено, но ничего не получалось. В феврале умерла бабушка. Я всю зиму на улицу не выходила, но как-то держалась на ногах, а Саша вообще перестал ходить. Весной его отправили в стационар и немножко подкормили – так, что он не хотел уходить оттуда домой. У мамы развилась цинга, ноги покрылись язвами. С наступлением тепла мы стали собирать разные травы, пригодные для еды. Крапива не успевала вырастать, ее съедали на корню. Я особенно усердно собирала лебеду, из которой мама делала вполне съедобные лепешки. Однако увлечение лебедой не прошло даром: я сильно отекла, в особенности отекли лицо и руки. Откуда-то появилась не известная никому до войны дуранда, она казалась нам лакомством вкуснее конфет. Понемногу увеличивали норму хлеба, жизнь постепенно стала налаживаться.

Саша все время мечтал, что, когда кончится война, мама купит ему пять буханок хлеба, и он их все сразу съест. Думал, что меньшим количеством он не наестся.

За годы блокады мы рано повзрослели, хотя по возрасту оставались детьми. Летом 1941 года я еще была капризным ребенком, одевавшимся с помощью бабушки, а весной 1942 года уже не только полностью сама себя обслуживала, но и во всем помогала маме. Осенью 1943 года я пошла в первый класс. Ключей у меня не было, и ко времени окончания занятий мама, которая работала неподалеку от нашего дома, приходила, чтобы впустить меня домой. А Саша всю первую половину дня сидел взаперти. Жизнь несколько улучшилась, но бомбежки не прекращались, а временами их интенсивность даже увеличивалась. Вспоминаю такой эпизод. Однажды я пришла домой из школы, но мамы не было. Мы с Сашей переговаривались через открытую форточку и поначалу не очень беспокоились.

Мира Петрова (в центре) с подругами. 1959 г.

Но время шло, начинало темнеть, хотелось есть, а мама все не появлялась, и мы не знали, где она. Началась очередная бомбежка, нам было страшно, и страшнее всего была мысль о том, что мама погибла и мы остались одни. Соседка, увидев меня плачущей у дверей дома, пригласила к себе и даже предложила кусочек хлеба. Есть хотелось страшно, но в голове вертелась мысль, что хлеб придется отдавать, а неизвестно – будет ли он у нас, и я отказывалась, говоря, что сыта. На счастье, тут появилась

мама, живая и здоровая. Оказалось, она была командирована в центр города, попала под обстрел и оказалась в бомбоубежище, откуда ее долго не выпускали.

В 1944 году после снятия блокады бомбежки и обстрелы прекратились, а скоро и война подошла к концу. Хорошо помню День Победы в мае 1945 года. Был теплый и солнечный день, и казалось, что после такой войны и такой победы будет бесконечный мир и сплошное счастье. Очень этого хотелось.

Петрова Мира Александровна, 1935 г. р.

Мы с мамой выжили, потеряв всех родных

Я родилась в 1936 году в Ленинграде.

Когда началась война, мы жили на Геслеровском проспекте в квартире, где было две семьи.

Моя: папа – Писаров Михаил Федорович, мама – Погодина Наталия Николаевна и двое детей – я и мой брат Костя, 1940 года рождения.

Вторая семья – это семья сестры моей мамы: Петр Васильевич Дежорж, его жена Антонина Николаевна и два сына – Николай и Лев.

Так случилось, что мы остались в блокадном Ленинграде. Отец ушел на фронт, а в ноябре мы получили известие, что он пропал без вести. И до сих пор о нем ничего не знаем.

Начался холод, голод, как у всех ленинградцев. Мы поселились в одной комнате, поставили буржуйку; на нее клали кирпичи, чтобы их положить в постель для согревания.

Мой маленький братик, только начавший говорить, произносил целую речь по вечерам: «Мама, пич (кирпич) к ненькам (ножкам)». В комнате темно, окна занавешены, все теплое клали сверху на одеяла.

Света (слева) с мамой и братиком

Воды в водопроводе не было, а над туалетом выросла гора льда и не таяла.

Рано утром мама уходила отоваривать хлебные карточки. И вот однажды она вышла из дома, и ее внимание привлек труп человека, лежавшего на рельсах метрах в 200 от нашего дома. Ей показалось что-то знакомое, и она подошла. Ужас! Это был ее племянник Левушка 16 лет, он был мертв, раздет до нижнего белья и даже кончик носа примерз к рельсам.

Левушка окончил 9 классов и поступил в военное училище,

откуда на воскресенье приходил домой. Но в тот день он немного не дошел до дома. Мама ничего не сказала сестре, а та была уверена, что ее сын жив.

В январе из Ленинграда эвакуировалась сестра Антонина и ее сын Николай. Но в дороге она умерла, а Николай выжил. Он не вернулся в Ленинград.

Моя мама по профессии учитель, и поэтому в начале 1942 года ее взяли на работу в детский дом. Вместе с мамой и я находилась в детском доме, а вот братика не разрешили взять и направили в детские ясли. Иногда я и мама приходили проведать Костеньку. Шли пешком с Охты на Петроградскую сторону навещать малыша. Однажды, когда мы шли по Свердловской набережной, где стоял транспорт, занесенный снегом, лежали трупы лицом вниз, а очень большой человек лежал на спине около ограды из львов, проходя мимо, я посмотрела на лицо: у него были вырезаны щеки…

Света с мамой

Наступил апрель. Мы пошли навестить Костеньку, но оказалось, что он умер, не дожив до двух лет одной недели. Дома мы взяли сундучок, он пришелся как раз по длине нашего мальчика, положили его туда, и какой-то мужчина помог отвезти его на Серафимовское кладбище. Там на снегу лежало много трупов. Мы сняли сундучок и поставили около снежного сугроба.

Мы с мамой выжили, потеряв всех родных. Сегодня уже нет в

живых и моей мамы.

Я стараюсь каждое 9 Мая ходить на Серафимовское кладбище и кладу цветы на братскую могилу, где стоит дата 1942 год. Наверно, там лежат мои родные братья: Костя и Левушка.

После войны я закончила школу, поступила в институт имени Герцена на исторический факультет и более 50 лет проработала в школе Калининского района.

Павлова Светлана Михайловна, 1936 г. р.

Школа в бомбоубежище

Я, Градусова Людмила Федоровна (в девичестве Чернышева), родилась в Кронштадте 28.10.1932 года в семье рабочего. Мой отец, Чернышев Федор Яковлевич, родился в 1910 году в городе Торжке Калининской области.

Работал на Кронштадтском морском ордена Ленина заводе с 3 июня 1935 года по 11 февраля 1942 года в цехе № 2 кузнецом. С начала войны отец хотел уйти на фронт, но в числе других рабочих (хороших специалистов своего дела) был оставлен по брони на ремонт кораблей.

Мы жили на улице Карла Маркса, и отцу приходилось ходить на завод далеко. А уже были налеты немецких самолетов, которые бомбили завод и военно-морской госпиталь. Взрывы бомб, зарево пожарищ, наступающий голод – постоянная картина.

Отец был молодой, строил планы на будущее. Однако война лишила его не только молодости, но и жизни. Он умер 11 февраля 1942 года в возрасте 32 лет от голода (дистрофия). Похоронен в Кронштадте в братской могиле. Мама – Наталья Николаевна – работала в детском саду воспитателем. Мы жили на улице Карла Маркса в доме 4/11, кв. 39,4 этаж, последний (лифта, конечно, не было) в коммунальной квартире, примерно 7–8 комнат. Над нашей комнатой (на крыше) был установлен пулемет, который постоянно «строчил» по вражеским самолетам, – артиллерийские обстрелы, бомбардировки начинались всегда внезапно и вызывали большие жертвы среди населения.

Но самое страшное – это голод. Мизерный кусок хлеба (125 г) мне и столько же маме. У отца – 250 г. Хлеб суррогатный (мякина, отруби, целлюлоза). И это было основным средством поддержания жизни.

Люде 3 года (1936 г.)

Дом, где жила Градусова. Третье окно слева на третьем этаже – их комната (над ней стоял пулемет)

Подвал бомбоубежища, в котором была школа

Мы, дети, на окраине города выкапывали из-под снега капустные кочерыжки, а взрослые, кто мог, как-то ловили в Финском заливе очень мелкую колючую рыбешку Но это было недолго. Я помню, что мама постепенно меняла на кусочек хлеба мебель из комнаты.

В суровых условиях блокады правительством было принято решение продолжать обучение детей в бомбоубежищах (подвалах зданий). Там был такой мороз, что замерзали чернила. «Буржуйка» не могла обогреть подвал. Я спускалась туда с четвертого этажа, пока могла.

Помню, как мы помогали тушить зажигательные бомбы (засыпали песком), а мальчишки собирали осколки от фугасных бомб. А еще я помню, как долго плакала соседская маленькая девочка (новорожденная) и постепенно умолкла. А на 2-м этаже вся семья сидела за столом – и все мертвые. Полчища крыс, которые не гнушались мертвыми…

Тяжело вспоминать. Конечно, это далеко не все. Но одно могу сказать точно, что война, блокада перевернули всю мою жизнь.

Образование я получила высшее педагогическое, мне присвоена квалификация учителя русского языка и литературы средней школы. Мой общий педагогический стаж – 60 лет. Стаж административной работы – 16 лет, а именно: 1967–1970 гг. – заместитель директора школы № 337 Невского района; 1970–1973 гг. – директор школы № 29 Невского района: 1973–1977 гг. – директор школы № 93 ГСВГ (Группы советских войск в Германии); 1977–1983 гг. – директор школы № 341 Невского района; с 1983 – по настоящее время работаю учителем русского языка и литературы в ЦО (Центр образования) № 133 Невского района.

В 2002, 2005, 2010 годах мне присвоена Высшая квалификационная категория по должности учителя русского языка и литературы.

Награждена почетными грамотами и медалями.

Градусова Людмила Федоровна, 28.10.1932 г. р.

Общая беда и радость жизни

Посвящаю моей дорогой и любимой мамочке

Я из тех, которого переехала война

В силу моего тогдашнего возраста и более семидесяти прожитых лет мои воспоминания о войне несколько хаотичны. Память цепко хранит ужас жизни города в блокаду, навечно осталось чувство голода и холода и одновременно неизмеримой радости. Она застыла во мне. Так я до сих пор и хожу с ней. Это радость жизни.

Общая беда рождает сплочение людей. Но не дай нам Бог общей беды… Лично для меня, тогда еще ребенка, война запомнилась голодом. Хлеб мочили в воде, ели и приговаривали: «Мясо, мясо». С тех пор так и не могу куска хлеба выкинуть. После войны чувство голода не проходило ни один год.

Ритм метронома

Для нас война начиналась звуками метронома из репродукторов – тарелок и воем сирен с объявлениями по радио о начале воздушной тревоги или артобстрелов. Быстрые сборы, как правило заранее заготовленных вещей, и мы бежим в бомбоубежище. Постоянные сирены, бомбежки, ко всему привыкали, уже никто не обращал внимания. Все занимались своими делами. Когда отбивал свой ритм метроном, все знали, что все спокойно, налетов нет. Но вот сирена и слова: «Воздушная тревога! Воздушная тревога! Всем спуститься в бомбоубежище!» Все с испуганными лицами говорили: «Война, война!» Что это такое? Я тогда не понимал. Потом «война» в моем детском мозгу отложилась отрывочными эпизодами. Когда отключили электричество – не знаю. «Свет» связан у меня с неярким мерцающим огоньком коптилки. И как снимали (подрезали) фитилек. И свечки были, но это – роскошь. А потом бомбежки, окна накрест заклеены бумажными лентами. Ребенок может не запомнить, и почти наверняка не запомнит лица людей, даже самых близких, но в его память навсегда врежутся ужасы войны, любой войны, и ужасы катаклизмов.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 4 года. Мы жили на Петроградской стороне, это центр города, на улице имени Блохина. Когда выла сирена, возвещая очередную

бомбежку, наш дом трясло, и я помню, как мама с ужасом хватала нас с братом и бежала в бомбоубежище, но это происходило первое время, а эти бомбежки были так часты, что потом, видимо, у матери не хватало сил и тогда при объявлении очередной воздушной тревоги мы оставались дома.

Лев Горбунов

Матери было очень тяжело с двумя деть ми. До войны отец мой работал извозчиком, потом переплетчиком. Когда-то он возил в бричке пассажиров, но подобные артели прикрыли, обложив огромными налогами, и он переключился на грузы. Песок, бревна, другие тяжести – это еще разрешали. А потом отца забрали на фронт (он пропал без вести. – *Авт.*)

На всю свою жизнь я запомнил невероятно громкий, отвратительный по звуковой гамме вой сирены – знак начала очередного налета немецких бомбардировщиков, и несущийся из черного репродуктора громовой мужской голос, от которого и сейчас, если закрою глаза и «включу» свою дальнюю память и

воображение, становится жутко: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!». Сирена воет, голос громыхает, люди сломя голову несутся в бомбоубежище, дети плачут. Бомбоубежище тесное, плотно набито человеческими телами. Душно. Пахнет сырым бетоном, мочой и… Много детей и стариков. Полутемно. Потом все затихают – слушают, что происходит там, наверху. Тишина в бомбоубежище прерывается то детским плачем, то чьим-то стоном или шепотом. Где-то громыхает. Иногда совсем близко, так, что мы чувствуем сотрясение земли. Время тянется тревожно и долго… Сколько? Не знаю. И вот все стихает. Что значит эта тишина наверху? Налет закончен или это просто перерыв перед новой волной атаки? Томительное ожидание… Наконец тот же мужской голос, уже другим, не страшным тоном, извещает: «Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги!..» Люди с облегчением, едва оправившись от страха пережитого, расходятся по квартирам, чтобы вскоре, иногда через час, снова услышать жуткий вой сирены и голос: «Воздушная тревога!..» В некоторые дни тревога объявлялась пять, шесть, восемь, а то и десять раз.

Мне запомнилось, что все это обычно происходило в темное время суток, и когда мы бежали в бомбоубежище, по небу уже скользили лучи прожекторов, и слышен был завывающий гул немецких бомбардировщиков. А еще по небу плыли огромные толстые аэростаты. Мы сразу различали звуки моторов наших и немецких самолетов. Я до истерики пугался людей с хоботами противогазов, сновавших по улицам. Я буду помнить блокаду всегда.

Мама рассказывала, что потом, привыкнув, многие уже не прятались в бомбоубежищах: кто-то играл со смертью от храбрости или отчаяния, а многие потому, что просто не было сил бегать туда-сюда.

Голод диктовал свое – мама свою мизерную пайку хлеба иногда отдавала нам с братом – я очень хорошо это помню.

Конечно, все пережитые лишения сильно подорвали в дальнейшем здоровье нашей матери. Помню, как я собирал на полу крошки хлеба, упавшие со стола. Еды другой не было. Мама давала нам «дуранду» – эта несъедобная плитка состояла из жмыхов клея и соломы, мы радовались и сосали эти кусочки дуранды как шоколадки. Помню, как ругала меня мама, когда я поменял эту дуранду на кость у девочки моего возраста, которая с аппетитом грызла ее. Через много лет после окончания войны я проходил мимо магазина с непонятной мне тогда надписью «ФУРАЖ» и увидел на витрине точно такую же плитку, такого же цвета, но только очень большую. Я попросил взвесить мне 100 граммов, уж больно хотелось мне еще раз вспомнить и

попробовать эту вкуснятину того времени. Продавщица удивленно посмотрела на меня и сказала, что мы продаем только плитками. Пришлось купить эту плитку, напомнившую мне дуранду, цвет и вкус которой мне когда-то казался шоколадкой. Я отошел от магазина – попробовал и чуть не поперхнулся – так это было горько и невкусно. Потом мне объяснили, что этот магазин «ФУРАЖ» торгует только кормом для скота.

Из воспоминаний моей матери. О качестве хлеба можно и не говорить. Хлеб состоял из пищевой целлюлозы, хлопкового жмыха (до войны использовался в топках пароходов), обойной пыли, вытряски из мешков, кукурузной муки и ржаной муки. На вкус хлеб был горьковато-травянистый, другие продукты по карточкам почти не отоваривались, иногда до ноября 1941 г. вместо положенного мяса 25 г на день выдавали на выбор яичный порошок, студень с отвратительным запахом. Мама рассказывала, как от истощения после нескольких дней кровавого поноса умерла наша соседка. Завернули тело в простыню и перевязали бельевой веревкой, пришел дворник и куда-то на санках ее увез. Хотелось пробудиться от страшного сна, но настоящий кошмар ждал нас впереди.

Окна у нас были заклеены крест-накрест бумажными лентами, чтобы при бомбежке стекла не разлетались, а на лестничных площадках везде синий свет от лампочек. Дворники свистели и напоминали о светомаскировке и однажды пришли и оштрафовали мать за то, что вовремя не замаскировала окно, а у окна в комнате располагалась буржуйка, которая освещала комнату, – мама топила мебелью и всем, что горело. На первом этаже одно окно было заделано кирпичом, и там стоял пулемет – готовились к уличным боям, к обороне. Во дворах вырывали щели, которые становились окопами.

Я помню, как однажды, выходя из дома, мама показала мне окно в нашем доме на последнем пятом этаже, через подоконник которого была перекинута какая-то белая тряпка, и сказала: только что женщина выбросила из этого окна своего ребенка, и он разбился насмерть. На меня это тогда произвело огромное впечатление. Впоследствии, когда я уже стал юношей, я эту историю опять услышал – от девушки, жившей в нашем доме; оказалось, что та женщина – ее мать, хотела убить и ее, свою дочь, бросила в нее утюг, но та убежала и тем самым спаслась. Ее мать сошла от голода с ума. Но после войны эта мать-убийца прожила еще долго. Представляю, как ей было тяжело жилось с этими воспоминаниями.

Блокадная каша

Ленинградцы оказались зажатыми в темном холодном каменном мешке города. Есть было нечего. Начался голод. К нему прибавились беды: мороз, доходивший до 40 градусов, отсутствие воды, тепла, света. Стояли транспорт, заводы, фабрики – электричество не подавалось.

Эта страшная зима 1941–1942 гг., первая блокадная зима, была на редкость суровой. На улице страшный холод и в квартире, так как отапливать нечем. Мама разбивала нашу мебель, ломала все, что можно сломать. На растопку шло все: вещи, книги. Книги, наиболее ценные, откладываем подальше, сжигаем другие, но очередь доходит и до ценных. От печки-»буржуйки», конечно, было мало тепла, но, сидя возле нее, казалось, что холод не такой страшный. Соседка, медицинский работник, рассказала нашей маме, что однажды вечером она заметила во дворе больницы, где она работала, белые штабеля дров. «Так много дров, а в больнице холод» – пронеслось у нее в голове, но оказалось – это тела умерших, они были всюду… Потом она вывозила кресты с ближайшего Смоленского кладбища для топки, другого выхода у нее не было.

Воздух в квартире был жуткий, но форточку не открывали – берегли тепло. А в квартире ни света, ни воды. Около нашего дома противопожарный люк, всегда проточная вода, хорошая. Народ собирается со всей улицы, очередь занимаем с вечера, ждем до открытия булочной в шесть часов утра и набираем эту драгоценную водицу. Здесь собираются все, кто еще в силах выбраться из дома, спуститься по лестницам, пройти по скользкой улице голодному, ослабленному человеку это не так-то просто. Первая шла мама, занимала очередь и возвращалась за мной и братом. Воды в люке мало: бидоном не зачерпнуть, только ковшичком или кружкой. Сколько воды поднимешь – столько и выльешь в бидончик. По неписаным правилам очереди можно опустить за водой кружку только 3 раза, сколько бы воды в ней ни было, люди отходили ни с чем молча. Вот такая у нас была самодисциплина!

Мама рассказывала мне (уже взрослому), что однажды, в самом начале зимы, может быть в конце ноября – начале декабря, когда она еще была на ногах, пошла на продуктовый рынок, чтобы выменять на вещи каких-нибудь продуктов. Звучит это дико, но (особенно в начале зимы) такой рынок существовал – за золото, бриллианты и иные ценные вещи можно было выменять хлеб и другие продукты. Не знаю, что такое ценное понесла она в тот раз на рынок, ибо жили мы небогато, но ей удалось выменять кусок холодца (мы говорили «студень»). Когда же дома она стала его делить на части, то нашла в нем ноготь с человеческого

пальца. «Студень» она выкинула. Позднее она узнала, что делали этот «студень» из мяса более-менее упитанных людей (военных), которых для этого специально убивали… или вырезали мягкие места у мертвецов…

…Помню, как мама, положив на стол три кусочка хлеба, резала каждый из них на три части и говорила: «Это – завтрак, это – обед, это – ужин». Кусочки и так маленькие, а когда их делили на три части, то становились совсем крошечными. Мама учила нас с братом, что хлеб нельзя откусывать, его надо отщипывать по крошке, класть в рот и не глотать сразу, а сосать. Теперь я думаю, что ей казалось, будто так мы испытаем ощущение сытости. Завтрак, обед и ужин происходили в строго определенное время, ожидание которого, наверное, и составляло смысл всей моей детской жизни. От этой привычки – отщипывать кусочки и класть их в рот, а не откусывать хлеб – я не мог отвыкнуть очень долго, многие годы. Да и сейчас, по-моему, не избавился до конца. Иногда, когда у меня в руках хлеб, и я вдруг о чем-то глубоко задумываюсь и ловлю себя на том, что я отщипываю махонькие кусочки, механически кладу их в рот и сосу… Большинство моих воспоминаний связано с хлебом, взрывами, смертью.

Мой однокашник Севка Гильдин, со слов своей мамы рассказывал, как один мужчина выхватил хлеб у молодой, но обессилевшей женщины и начал его жевать, жадно поглощая на глазах у всех, но никто не был в силах сопротивляться. На следующий день его труп обнаружили недалеко от места преступления.

Еще Севка рассказывал историю, в правдивости которой я нисколько не сомневался: «Помню, как человек, который жил в смежной с нами квартире, однажды начал стучать нам в стенку и страшным голосом кричать: „Дайте хлеба! Дайте хлеба! Дайте хлеба!..“ Я и Ирина, моя сестра, громко плакали. Мама тихим голосом пыталась успокоить нас и плакала сама. Человек кричал долго. Сначала громко, потом все тише, тише… На следующий день мама зашла в эту комнату. Человек был мертв… Помню, как потом (через сколько дней, не знаю) этого покойника выносили из дома, а я почему-то оказался у выхода. Было холодно. Труп бросили в грузовик и увезли. Я теперь из литературы знаю, что это было обычное дело: ленинградцы вымирали целыми семьями и лежали какое-то время в холодных квартирах. Я все время просил: „Хеба, хеба“ (букву „л“ тогда не выговаривал). Конечно, чуть-чуть поддерживало питание в садике. В основном каши давали. Очень запомнилась „блокадная каша“ – из цветков клевера. Мама, держа батон в руках, вышла со мной из булочной. И кто-то у нас вырвал этот батон, а я, помню, разревелся на всю

улицу“». Много такого рода историй я слышал и от других моих сверстников.

Главным лакомством для нас тогда стала баланда из крапивы. На улицах лежали замерзшие трупы людей.

Случаи каннибализма были обычным делом в ту пору Некоторые родители съедали своих детей. Моя тетя рассказала моей маме, уже после войны, что ее соседка вырезала мягкие места умершей дочки, варила и ела суп, приговаривая, что это очень вкусно.

Мой ровесник и тоже житель блокадного Ленинграда рассказал, что его мама, уходя на работу, наставляла: дверь никому не открывать, к окну не подходить, так как жили они на первом этаже, а над нами жила женщина, которая заморозила в сарае свою умершую мать и по частям ее ела, потом варила суп на керосинке и ела.

К бомбежкам, обстрелам привыкли и в укрытия перестали спускаться, а к голоду нет. Мама рассказывала, что мы ПРЕВРАТИЛИСЬ В ЖИВЫЕ СКЕЛЕТЫ.

Весной мать собирала молодые побеги сосны, варила нам отвары, и благодаря этому мы смогли избежать цинги. Все лето ушло на подготовку к зиме. Вспоминаю, как мы сидим за столом и глазами следим за руками мамы, ждем похлебки. Затем мама сушила, что-то еще делала, нюхала и говорила: «Вот отличный табак». Этот табак на базаре у нее расходился быстро, а нам взамен доставалась или кое-какая одежда, или питание. С каждым днем есть хотелось все сильнее. В организме накапливался голод. Мать потом вспоминала – несмотря на голод, мы никогда не просили кушать, видимо понимая, что это ничего не изменит. От голода люди становились дистрофиками или опухали. От голода, я помню, мать наша опухла, была еле живая, от дистрофии она не могла ходить, к тому же страдала от цинги. Слава богу, ее спас наш дядя, который находился в Ленинграде на казарменном положении, – изредка ему удавалось добраться до нас, он приносил нам кое-что съестное. Мой дядя, тогда молодой, вынужден был вылавливать в речке ракушек, из которых варилась похлебка. Возможно, она тогда и спасла мою маму от голодной смерти, но дядя поранил при ловле этих ракушек ногу, получил заражение крови и остался на всю жизнь инвалидом. Мама водила меня в очаг (наименование воспитательного учреждения для детей дошкольного возраста: детский очаг, детский сад, ясли в СССР в 30-е годы XX в. – *Авт.*), а вечером забирала обратно. Я запомнил очаг, наверное, потому, что отрыв от дома, от мамы стал для меня, как для всякого малыша, глубоким потрясением. До этого я был домашним

ребенком. На всю жизнь я запомнил запах очага: смесь запахов чистого детского дыхания, детских тел и постельного белья с запахам кухни. В сущности такой же, как запах детского сада, в который мы, став взрослыми, отводили потом наших детей – Рому и Сашу. Только «наш» запах был очень холодным.

Я помню: однажды в очаге нас усадили обедать. Точно помню, что на столах стояли блюдечки с налитым в них тонюсеньким слоем подсолнечного (мама всегда говорила «постное») масла, а рядом лежал кусочек хлеба. Такой обед бывал уже не раз. Мне очень нравился запах постного масла, нравилось макать хлеб в масло и есть… Непередаваемое наслаждение, от которого кружилась голова… Мы еще только рассаживались по местам, как взревела сирена: «Воздушная тревога!..» Нас стали быстро-быстро уводить в бомбоубежище. Но я куда-то спрятался. И как только все ушли, подбежал к столу, буквально проглотил свой хлеб, выпил масло, вылизал блюдце, схватил чей-то кусочек хлеба и бросился бежать. Запомнилось, как меня тащили в подвал за руку, как мы там сидели, прижавшись друг к другу от страха. Иногда нас выстраивали в шеренгу и давали по ложечке сгущенного молока, но это случалось очень редко. До сих пор помню, как я ждал эту ложечку…

Очаг, в который я ходил, находился на Пушкарской улице – деревянное здание, оно и сегодня сохранилось. Очень часто этот район города подвергался массированным бомбежкам и артобстрелам. Это происходило несколько раз в день, и мы вместе с воспитателями и нянечками должны были каждый раз быстро перемещаться в бомбоубежище. А здание, как ни удивительно, сохранилось.

Помню, как в один из дней, когда мать вела меня в очаг, мы прошли мимо одного дома, и только отошли, как в этот дом попал снаряд. И чудом тогда никто не пострадал.

После пожара на Бадаевских складах мама, как и многие другие, приходила туда. После бомбежки сахар, который там хранился, горел, плавился и уходил в землю. Мама брала посудину, собирала эту массу и везла на саночках домой. Хранили эту землю под кроватью. Мы кипятили ее в самоваре и пили такой чай.

Мама вставала в четыре утра и шла за хлебом. Через несколько часов очередь принимала замысловатый вид, протягиваясь на астрономические величины. Однажды в этой обезумевшей от голода толпе девочка потеряла свои хлебные карточки, все стали искать эти заветные клочки бумаги. Вернули владелице, она стояла, а по щекам текли слезы.

Однажды мама вышла на лестничную клетку. На ступеньках

лежала старушка. Она уже не двигалась, только как-то странно закатывала глаза. Ее вместе с нашей соседкой перетащили в квартиру и сунули в рот крошку хлеба. Через несколько часов она умерла. На следующий день выяснилось, что ей было девятнадцать лет, а глаза она закатывала, потому что жила этажом выше.

Олег Булат – почему-то все его звали Алькой, – мой одноклассник, мне рассказал другую историю из блокады: *За окном летели снежинки и гулял ветер, а дома как-то угрюмо и тяжело. Дедушка – уже несколько дней не встававший с постели, лежал в изнеможении, в полубреду, но повторял, что мы победим… а потом как-то странно дернулся и затих. Перед смертью он пошебуршал под матрасом своей иссохшейся желтой ручонкой и протянул мне небольшой узелок. Я развернул его и остолбенел… это был ХЛЕБ!!! Господи! Дед, предчувствуя, что за ним скоро придут, перестал потреблять свой скудный паек, бережно складывая в вышитый еще бабушкой платочек. Вечером мама вернулась с работы, я рассказал о заветном узелке – она разрыдалась. Мы зашили дедушку в одеяло, положили его на саночки и отвезли. Трупы принимал милиционер, сам чуть живой. В нашем подъезде жила девочка Соня, мой брат с ней очень дружил раньше, кажется даже ходили в один садик. Но он уже плохо помнил, только знал, что ее бабушка работала в столовой и всегда готовила вкусную манную кашу, они учились в одном классе, но ни вчера, ни сегодня она не пришла на занятия, и учительница попросила его выяснить, что случилось. Он стучится – никто не открывает, оказывается – не заперто, заходит – в нависшем полумраке стоит тяжелый запах, издали раздается не то стон, не то крик отчаяния, не то предсмертный вздох, не то призыв о помощи, люди так ослабели – не разберешь, на кровати лежит Сонечкин отец – он бросился к нему, всегда жизнерадостный и бодрый тот лежал бездыханный, на кухне мать… а Сонечка сидит за столом, положив под голову кулачок, и отрешенно смотрит на действительность, с трудом «бужу» ее: «Сонь, пойдем к нам», – она не сразу понимает мои слова, вернее их значение, молча встает на затекшие от многочасового неподвижного сидения ноги, я беру ее холодную ладошку, и мы идем ко мне, разделить дедушкину порцию хлеба. Она немного приходит в себя, если можно описать так состояние девятилетнего ребенка, который несколько дней ничего не ел в холодной квартире и смотрел на умирающих самых близких людей. Мы еще долго сидим все вместе у «буржуйки», мама заплетает Соне косичку и отдает платочек, тот самый, в который был завернут дедушкин «гостинец», пригревшаяся Сонечка вскоре засыпает. Но на следующий день она рано вскакивает со*

словами: «Я пойду домой, к маме…» «Только в школу приходи», – отзывается брат. Через два дня Соня в школу не пришла. Нигде нет, только брошенный, будто забытый кем-то в спешке, посреди комнаты лежит медведь, которым мы играли в той жизни, когда ели вдоволь манной каши в садике… я ухожу домой. Возвращаюсь домой, снег припорошил трупы и трамваи, которые уже второй месяц стоят, бездыханные, всюду.

Мама до конца своих дней сохранила теплые дружеские отношения со всеми женщинами, с которыми пережила это страшное время и с которыми она каждый день совершала свой незаметный подвиг. Мать моя иногда дежурила на крыше, тушила зажигательные бомбы, которые немцы в огромном количестве сбрасывали на город. Эти бомбы, как правило небольшого размера, тушили в ящике с песком или просто сбрасывали во двор. Однажды мы возвращались из очага, при подходе к дому снова начался обстрел. Ночное небо разрезали прожекторы, выли сирены, где-то разрывались бомбы. Мы прижались к какому-то дому, но солдат с винтовкой прикладом стал отгонять нас, говоря, что здесь самое опасное место и стоять здесь запрещено. Мы медленно и благополучно дошли до нашего дома.

Эвакуация

Когда началась война, поступил приказ: всех детей эвакуировать. Мама вспоминала, что в начале блокады по домам ходили работники ЖЭКов и собирали малолетних детей для отправки эшелоном из Ленинграда. Но она не отдала нас с братом, хотя это оказалось не так просто – она мотивировала свой поступок тем, что дети должны обязательно находиться с матерью. И таким образом сохранила нас. И до 1942 года мы находились в блокадном Ленинграде. А тех детей, родителей которых удалось уговорить, посадили в вагоны и отправили с вокзала. Как оказалось потом, – поезд ушел в никуда, потому что после войны многие родители так и не смогли найти своих детей. Когда нас наконец эвакуировали вместе с мамой, вода уже покрывала лед – нас везли по Дороге жизни через Ладожское озеро. По этой ледовой дороге шла вереница машин с умирающими от голода блокадниками. Нас вез автобус с выбитыми стеклами, для того чтобы в случае катастрофы могли бы спастись.

Мама впоследствии рассказывала: один из грузовиков провалился под лед, и в числе прочих какой-то мужчина оказался на дне озера. Но на плечах у него был мешок из какой-то плотной ткани. Мешок раздулся и поднял его на поверхность. На

грузовике находилось много людей, но только двоим удалось таким образом спастись. Выбравшись на лед, они вдруг увидели страшную картину. В полынье, в которую провалилась шедшая впереди машина, барахталась женщина. А мародер с палкой в руках стоял у кромки льда и бил ее по голове. Невдалеке валялись вещи, которые мародер успел выловить. Сила гнева у чудом спасшихся мужчин была настолько велика, что они, не раздумывая, кинулись на мародера, избили его до полусмерти и без сожаления сбросили в воду. А женщину спасли…

Мы, дети, прижавшись друг к другу и к своим воспитателям, может быть, не понимали всей опасности, которую чувствовали взрослые. И так в страхе, с большим напряжением нервов, мы ехали четыре часа и наконец переправились благополучно на товарную станцию. Первая остановка была в городе Астрахань. На берегу в ожидании дальнейшего пути я, заигравшись, забрался в какую-то лодку, стоящую у берега. Лодка накренилась, и я упал в воду. Помню, как я испугался и стал кричать, на мой крик прибежала мама, она где-то рядом беседовала с какой-то женщиной, она вытащила меня из воды, к счастью там было неглубоко, проблема в том, что я весь перепачкался в мазуте, – как сегодня вижу эти темно-синие круги у берега. Процесс отмывания оказался не из приятных.

Наконец последовала очередная команда посадки на теплоход, народу на пристани находилось очень много, в этой толпе потерялся мой брат, который был старше меня на 4 года. Мама кричала, звала, но без ответа, и вдруг мы увидели сандалию моего брата, мама продолжала звать брата, и в это время толпа втолкнула нас в теплоход. Мама кричала и плакала – ужас! – но на просьбу задержать отправление теплохода капитан ответил отказом, приводил причины, по которым сделать это нельзя. И вдруг произошло чудо! Моего брата подвела к нам какая-то женщина, она услышала, как брат плакал, кричал и звал маму, и взяла его с собой на теплоход. Восторг моей матери, которая снова обрела своего ребенка, словами не передать.

После Ладоги наша эвакуация продолжилась уже по железной дороге. Долго стояли на запасных путях, потому что в первую очередь пропускали эшелоны с войсками и военной техникой. В нашем вагоне было очень холодно. Спали в одежде. Волосы примерзали к стенке, завелись вши, вечные спутники холода и голода. Скудную еду нам выдавали на станциях, за водой бегали самостоятельно. На одной станции брат пошел за кипятком, а в это время наш эшелон внезапно отправили намного раньше объявленного времени, и мой брат Лазарь отстал от поезда… Два дня мы с мамой проплакали. Мама не могла смириться с тем, что

потеряла сына уже во второй раз, что он сейчас неизвестно где, без документов, без денег, без возможности получать питание. Каково же было наше изумление, когда мы вдруг увидели измученного Лазаря на очередной остановке. Оказалось, что он бросился бежать вдогонку за поездом в надежде, что эшелон остановится на ближайшем полустанке. Этого не случилось, но он в отчаянии продолжал погоню за поездом, давно скрывшимся за горизонтом. Силы оставляли его… И тут его заметил машинист паровоза, который перегонялся на восток (где имелись вагоны, но не хватало паровозов). Он подобрал Лазаря и доставил на станцию, где в это время стоял наш эшелон и где мы безнадежно горевали о нем. Брат весь обмороженный – руки, лицо! Измученный и весь в угольной пыли, но живой, и снова с нами – это было чудо!

По нужде приходилось решать свои проблемы прямо в вагоне. До следующей остановки проходило до двух часов, а иногда и больше. Девушки 18–20 лет напоминали старух… Они потеряли чувство естественной стыдливости, оправлялись прямо на перроне вокзала. Я помню, одна женщина отчаянно металась у доходившего ей до уровня груди пола вагона, когда поезд потихоньку начал набирать ход. А люди не в силах были ей помочь. Остаться одной на станции в этом хаосе – не всякое сердце выдержит. Тогда произошло почти чудо: поезд замедлил ход, и кто-то помог ей взобраться в вагон.

Моя семья: слева – Лев, в центре – мама, справа – Лазарь

Проезжаем пять-шесть километров, машинист останавливает состав. Все выбегают и падают на землю. Самолеты налетают и бомбят. Потом собираются кто уцелел, и поезд трогается. Проедем некоторое время и снова стоп! Машинист первый бежит, а за ним все остальные. Бомбы летят и дико свистят. Страшнее любого снаряда, жуткое ощущение, душу леденит. Потом оказалось, немцы нарочно делали авиабомбы с хвостовым оперением, чтобы добиваться психического эффекта. Нужно сказать, что на всем протяжении наших скитаний почти всегда попадались люди, выручавшие в трудную минуту в опасной ситуации. Люди, чьих имен я, конечно же, не знаю, которые, возможно, погибли… Низкий им поклон, ибо без них мы бы не пережили весь этот кошмар эвакуации и последующие годы.

Город Хасавюрт – продолжение детства

Мы прибыли на станцию города Хасавюрт (в 40 километрах от города Грозный). Древний город Хасавюрт расположен в предгорьях хребта. Он известен с восьмого века, был занят русскими войсками в 1875 году. Итак, город Хасавюрт – это продолжение моего детства. Небольшой, уютный, зеленый, город с речкой Случь, население, в основном, кумыки, чеченцы, горские евреи.

Разместили нас в здании кирпичного завода. Там шла регистрация беженцев и выдавали какие-то талоны. Первое наше жилье в Хасавюрте – это большой барак, в котором жили рабочие консервного завода. Все удобства во дворе. И первая работа мамы – мыть это грязное большое помещение. Зарплата совсем маленькая, а работа – тяжелая. Недалеко протекала маленькая речушка. По берегам песок с пятнами уже знакомого мне мазута или нефти, вода пахнет керосином, но дети купаются, мы тоже иногда ходили с братом купаться. Запах меня отталкивал, но все-таки, что и говорить, как приятно прогуляться босиком по мелководью!

В Хасавюрте жизнь потихоньку налаживалась. В бараке еще проживали беженцы из разных городов, в основном из Ленинграда, часто случались скандалы, люди ведь оказались здесь разные, с разными характерами и поведением. У одной женщины, не помню из какого города, происходили постоянные конфликты с жильцами барака. Проживающие в бараке готовили пищу на керосинке или на примусе в общей кухне, и по бараку разносился неприятный запах несгоревшего керосина. Так вот этот керосин и являлся постоянной причиной этих ссор с той женщиной – она воровала керосин у жильцов барака не для

продажи, нет, она просто его выпивала. Однажды я стал свидетелем того, как она с аппетитом это делала. Через некоторое время она куда-то исчезла, и в коллективе воцарилось спокойствие.

Перед входом в барак стояли две большие бочки с подгнившими мандаринами, а иногда и абрикосами, которые не годились для консервирования. Поскольку консервный завод находился рядом, то они привозили нам этот деликатес – мы выбирали в этих бочках более-менее хорошие плоды. Бочки пополнялись один раз в неделю – я всегда вспоминаю об этом, когда мне приходится сегодня покупать эти фрукты, которые нас раньше так здорово выручали.

Через некоторое время нам выделили маленькую комнатку рядом с бараком. Мама устроила меня в детский садик, который тоже находился рядом. Так началась наша трехгодичная более или менее сносная жизнь в эвакуации со всеми ее проблемами. Мы чувствовали голод и здесь, часто ложились спать без ужина. Нашей основной пищей стала мамалыга на воде (каша из кукурузной муки). Эта каша вкусная, если ее есть раз в неделю. До сих пор у меня в памяти вкус этой каши, и сегодня я тоже иногда с удовольствием на завтрак эту кашу кушаю. Пайкового хлеба не хватало, в свободной продаже хлеб, мука, рис в магазинах иногда появлялись, но выстраивались длинные очереди, поэтому мама научилась печь хлеб из смеси кукурузной муки и отрубей. Брат пошел в школу. Там их хоть немножко подкармливали. В 1944 году я пошел в школу в первый класс, но проучился совсем недолго – мучил голод, было не до этого.

И вот у нас другая комната – в кривом сером домике, на скользкой горке. В комнате проживает еще семья из Ленинграда – тетя Зина и ее сын Дима, мой ровесник. Нам дали одну кровать, кушетку, столик и табуретку У Димы с мамой тоже кровать. Мы теперь будем жить с чужими, как в вагоне. В комнате находилась печка, на которой наши матери готовили еду. Крысы так и юркали по комнате. Удивительно, но особого страха я тогда не чувствовал. Однажды мы с Димой сидели за общим столиком и считали альчики (альчик – костяшка, суставчик из ноги молодого рогатого скота. – *Авт.*). Альчики – осетинская игра. Игры с альчиками являются в Дагестане одними из самых распространенных и бытуют во множестве разновидностей. Играющие умело используют особенности природных условий своей горной страны (например, обилие разнообразных камней). В эту игру играли все мальчишки Хасавюрта.

2-й класс. Лев – в центре в верхнем ряду

Как-то мы обратили внимание на кровать, где спал мой брат Лазарь – под одеялом появлялись горбики то в одном, то в другом месте, и все это сопровождалось страшным писком – нас это с Димой очень удивило и насторожило – мы не могли понять, что это были крысы. К счастью, все обошлось без трагедии. Вспоминаю и другой случай. Мы с Димой дома одни, брата и родителей не было, внезапно к нам ворвался какой то мужчина – искоса и злобно взглянув на нас, подошел к печке и открыв крышку кастрюли, в которой находилась картошка, стал одну за другой жадно запихивать себе в рот картошку в мундире – мы даже не успели как следует испугаться, в то время как он, забрав с собой несколько картофелин, так же быстро исчез, как и появился, и сегодня мне кажется – это был какой-то сбежавший каторжник. Мама уже работала на консервном заводе в охране, иногда нам удавалось бывать в цехах этого завода и наслаждаться не только прекрасным ароматом продуктов, которые там перерабатывались, но и подкрепляться ими, правда с великой осторожностью. Помню, как в одно из посещений цеха по

консервированию баклажанов, рабочие цеха вдруг внезапно нас выпроводили во двор, говоря при этом тихо: «Начальство ходит!» – в тот день нам так и не пришлось полакомиться другими деликатесами. Иногда мы ходили мимо окон завода и рабочие, которые уже нас знали с братом, жалели и бросали из окна то вареную печенку, то отварные баклажаны, ну, может быть, что-то еще, я уже точно не помню. В общем, мы уже не голодали. Но как хотелось хлебушка, ой как хотелось, а вот его-то как раз нам очень не хватало. Его можно было купить у спекулянтов, но за очень большие деньги.

Маму мою на заводе уважали и жалели, так как она одна воспитывала нас с братом, понимали, как ей тяжело. Нам снова пришлось переехать на другое место жительства – завод опять помог. Предложили другое жилье. Прибыв на место, мы увидели за забором мазанку с земляным полом, с одной дверью, с маленьким окошком, почти на уровне земли. Комната была размером приблизительно 10–12 метров. Но, увидев нас, хозяева даже не открыли калитку и не пустила в дом, видно, мать с двумя детьми и всем скарбом на плечах не представляли приятного соседства. Хозяйке было лет 40. Она казалось мне старухой, звали ее Беке, она всегда чем-то болела. Муж ее выглядел гораздо старше – звали его Танах. Я любил иногда наблюдать, как он искусно высекал искру из кремневых камешков и как от этой искры загорался фитиль. Спичек не было – это был большой дефицит, поэтому он прикуривал только так. А еще он иногда и сапожничал, шилом проделывал отверстие в подметках и вместо обычных гвоздей забивал деревянные гвоздики. Вскоре бедный старик умер. Из разговоров взрослых я понял, что хозяин умер – ночью его задушила грудная жаба. Много лет потом я с ужасом представлял себе, как у больного человека по груди медленно ползет жаба и вот, когда она доползает до горла, то начинает его душить. Мое воображение нарисовало какое-то странное существо со щупальцами. Я долго этой жабы потом боялся, а старика очень жалел – он был добрый и молчаливый в отличие от его вечно сварливой и злой жены. У них росли две дочери: Дада – лет 8 и Хайке – лет 6. Жила хозяйка с дочерями – выглядели они бедными и злыми. Ну а теперь еще вселили нас. Довольно далеко от дома стоял большой сарай. Туда, за сарай, ходили по нужде. Однажды зимой мне понадобилось по большой нужде. Рядом располагалась собачья будка. Я присел, огромная черная зверина рычала от нетерпения, и не успел я поднять штаны, как снег стал опять чист. Кобеля этого больше ничем, видимо, не кормили.

В комнате была печь, очень похожая на русскую. Основное топливо – это смесь навоза с соломой, из которой делают

лепешки и сушат их на солнце. Очень хорошо горит. Еще используют сухие стебли хлопчатника, иногда также уголь. Как правило, печь топить было нечем. Спасал коровий кал. Раненько утром вставали с мамой, и пока хозяева еще коров в поле не погнали, стоишь, ждешь, когда корова выйдет со двора, и подставляешь ей ведро под хвост. Слава Богу, корова сделает свое дело – опорожнит свой желудок, и бежишь к другому двору, к другой корове, пока тебя еще никто не опередил, и ей подставишь ведро под хвост. Наберешь ведро, выльешь на землю у своего двора и бежишь скорей назад. С земли подбираем побольше, чтобы надолго хватило. Потом все это перемешиваешь с сеном, соломой, землей и делаешь из этого, боже мой, извините, лепешки. А их надо много, чтобы всю зиму топить печку. Тепло добывалось дорогой ценой: собирали и рассыпанный вдоль железнодорожных путей уголь, за что местная власть грозила расстрелом на месте. Еще мама ходила в лес, рубила сучья и на себе носила домой, чтобы растопить печку и сварить хоть какую-то еду, мы были всегда полуголодными. В холодный сезон мы жили в постоянном страхе за маму, ходившую ночами добывать топливо. Реки слез проливали до ее возвращения. Спички были, повторюсь, на вес золота. В магазинах, как и соль, они сразу исчезали. Одной спичкой зажигали одну печку, все остальные переносили огонь с нашей печки. Зажечь печку одной спичкой в любую погоду – это искусство. Моим убежищем была наша кровать, стоявшая у окна. Когда ночью выли волки и мне казалось, что они влезут в окно, я от страха укрывался одеялом. Однажды (это уже второй случай) забежал молодой солдат, видимо, не мог ничего выбрать по своему вкусу. Тогда он схватил чашку с остатками чая, стоявшую на столе, и выбежал. Мы с братом молча переглянулись. Перед нами был обычный примитивный мародер.

Спутницы войны

В соседнем доме находился сад, и соседи часто приглашали меня и брата покушать фрукты: урюк, яблоки, сливы… Все фрукты там росли высшего качества. Относились к нам все доброжелательно. По соседству с нами жила семья беженцев из Бессарабии. У них была девочка Ася – лет восьми и мальчик – лет двенадцати. Это была наша компания. Мы уже ясно понимали, что такое война. Очень скоро у нас и здесь появилась страшная беда – вши. Вши – спутницы войны, спутницы всякой беды, когда война, когда чума, холера, голод – они тут как тут. Вши были огромные! Средние! Маленькие! Черные! Серые! Всякие! Но

одинаково безжалостно кусающие. Не дающие покоя ни днем ни ночью. Самой первой проблемой для нашей мамы стало избавиться от этих проклятых вшей. Мама вычесывала свою и наши головы над белой наволочкой. Вшей нападало много-премного, чернота. Мы выбегали из дому и вытряхивали наволочку на снег, подальше от входа в дом. Теперь наши головы снова над наволочкой – и снова бежим наружу… Потом мама увидела, что вычесать головку мою не удастся, потому что на коже головы у меня полно болячек. Приношу чистый снег, мама греет воду, кладет мыло прямо в миску и осторожно моет мне голову. Моет и плачет…моет и плачет. На этом эпопея со вшами у нас не закончилась, но меня уже тошнит от этих воспоминаний, при них у меня уже тело стало чесаться, продолжать не могу. Я только скажу, что волосы мои пришлось состричь, иначе бы вши снова появились. Но все-таки через некоторое время мы от них избавились на веки вечные!

Мы жили тихо, все со своими радостями, надеждами и мечтами. Конечно, главные страдания, моральные и физические, решение бесконечных проблем выпали на долю моей дорогой мамы Нас с братом она оберегала от душевных травм. Время подбиралось к весне. Мама заболела сыпным тифом. Два месяца мы пробыли без мамы. Два месяца чужие люди помогали нам двоим выстоять в той жизни. Как жаль, что их имен не знаю. Но помню их всех. Одну запомнил особенно. Недалеко от нашего дома жила хорошая женщина. Звали ее Алтынай. Фамилию я не знал – Алтынай, и все. Жила она богато. Были у нее коровы, свиньи, куры, ну все-все. Однажды она пригласила меня к себе, выставила на стол все и сказала мне: «Ешь то, ешь это», – приговаривая «не стесняйся». Однажды Алтынай узнала, что мы какую-то свою вещь поменяли за бесценок. С тех пор только у нас она выменивала даже то, что ей и не нужно было, нередко она потом эти вещи нам возвращала.

Главным нашим занятием стало шатание по железнодорожной станции, благо жили мы недалеко. Смотрели на проходившие эшелоны и поэтому знали о военной технике не так уж мало. Слонялись мы и по базару. Шли туда парами, вооружившись длинной палкой с ржавым гвоздем на конце. Один из нас незаметно просовывал ее между чьими-нибудь ногами, цеплял картофелину или сливу, а то и огурец, что горками лежали на земле, и тут же передавал добычу напарнику. Нас, конечно, ловили, драли за уши, даже били, но вскоре мы сообразили, как избавить себя от расправы: надо громче орать, чтобы торгаши были посговорчивей. Не желая отпугнуть покупателей, они задабривали нас каким-нибудь огурцом или

яблоком, только бы «эти хулиганы» поскорее убрались. А «эти хулиганы» хотели есть, чтобы в животе не урчало и под ложечкой не сосало. Но самым большим наслаждением было таскать стеклянные банки, которые были складированы около территории консервного завода, а затем выменивать их на рынке на что-нибудь съедобное.

Нас интересовала военная техника – орудия, винтовки, стрелковые пулеметы и странные машины, виденные нами разве что в кино. Здесь же они находились рядом, их можно было потрогать; никто не мешал нам взбираться на лафеты орудий и заглядывать в стволы, подниматься на подножки и даже в кабинки автомашин. Мы разглядывали ружья, с которыми солдаты не расставались даже во время еды, станковые пулеметы на военных повозках необычно строгих форм с ящиками вместо сидений. Мы были всегда голодны. Мой брат – более терпелив и выдержан, а я таскал все съестное, что где-нибудь находил. Вместе с такими же малышами я выкапывал картошку. Мы ели ее в сыром виде. Знали все съедобные растения и семена деревьев и объедали все как саранча. Я до сих пор вспоминаю это невыносимое чувство голода. Среди камней росла кислица, которую мы с удовольствием ели. Пробовали продавать эту кислицу, но у нас ее никто не покупал. Алтынай знала про наши голодные проблемы и все время старалась нас с братом подкармливать. Это было, кстати, и до болезни мамы. В очередной раз она пригласила меня к себе и предложила мне плов, я застеснялся – мне как-то стало неудобно, что она так жалеет нас, я вышел. А когда вернулся с ложкой в руке, плова на столе не оказалось: хозяйка подумала, что я не хочу есть, и убрала пиалу. Я не был капризным и плаксивым, но тут громко расплакался. Хозяйка все поняла и поставила пиалу с пловом передо мной. Она сидела и внимательно смотрела, как я жадно ем. В дальнейшем я с ней подружился, и мы понимали друг друга с полуслова. Она была очень хорошей рассказчицей, и я всегда ее с удовольствием слушал. Она рассказывала, что многие чеченцы активно помогали немцам убивать наших бойцов и командиров. Стреляли в спину. Поэтому и происходило их массовое выселение из города. В период немецко-фашистского наступления на Северный Кавказ чеченцы и ингуши в тылу Красной армии проявили себя антисоветски, создавали бандитские группы, убивали бойцов Красной армии и честных советских граждан, укрывали немецких парашютистов.

С улицы во двор вела калитка. Большая собака Алтынай, по имени Казбек, наваливаясь передними лапами на тяжелые ворота с пружиной, пропускала меня с улицы во двор.

Напротив нашей мазанки жила еще одна женщина – крутая, отпетая матерщинница, но добрая. Меня как младшего она жалела. Но именно от нее я впервые услышал слово «жидочек». Потом я его слышал не раз. И от других жителей города. И у нее имелись две повозки с ишаками. Основным тягловым транспортом были ишаки. И эта «матерщинница» иногда давала нам возможность воспользоваться этой тягловой силой, часто она разрешала мне покататься верхом на ишаке – я испытал незабываемое наслаждение.

Мне уже исполнилось восемь лет, мы стояли с Колей у нашего дома и почему-то поссорились. «Жид», – бросил он мне. Если бы он бросил в меня камень, было бы несравненно легче. Я не очень понимал, что значит это слово, но чувствовал, что оно страшней ругательства. «А ты ему скажи – жлоб», – пожалел меня стоявший рядом взрослый парень. «А ты жлоб», – сказал я Кольке, но мне стало еще тяжелее. Назавтра мы помирились, но уже никогда я не мог перейти пропасть, разделившую нас не по моей вине.

Мама вернулась из больницы наголо остриженная. Вот она сидит на кровати, у окна. В окне – солнечный свет. Мама очень худая, очень бледная, Мама смотрит на нас, слезы текут по ее лицу. Мы с братом подходим ближе, еще ближе, вот мы уже обнимаем нашу маму! Мы чувствуем, что она слабая, она пахнет больницей. Мама обнимает нас снова, смотрит на нас и снова плачет, разглядывает наши ручки, наши головы и лица, и слезы не перестают стекать по маминому лицу.

А тем временем голод, холод, болезни в два счета расправлялись с хрупкими детскими душами. У детей изменились игры, появилась… новая игра – в госпиталь. В больницу играли и раньше, но не так. Теперь раненые для них – реальные люди. А вот в войну играют реже, потому что никто не хочет быть фашистом. Эту роль у них выполняют деревья. В них стреляют снежками. Научились оказывать помощь пострадавшим – упавшим, ушибленным. Из письма мальчика фронтовику: «Мы раньше тоже часто играли в войну, а теперь гораздо реже – надоела война, скорее бы она кончилась, чтобы мы опять хорошо жили…»

Много лет прошло, многое забылось, но 9 мая 1945 года я помню чуть ли не поминутно и очень ярко. Хоть мне и было тогда всего восемь лет. Эти первые дни после Победы почему-то запомнились мне вкусом конфет-подушечек. День Победы… Что скрывают за собой такие привычные, на первый взгляд, эти два слова? Слишком много… Воспоминания, слезы, запахи, чувство голода, одуванчики на обочинах разбитых дорог, особые песни и

ошеломляющее чувство счастья.

До сих пор стоит перед глазами картинка – деревья, кусты, много-много зелени… День был настолько солнечный, яркий, вокруг гремела музыка, что меня не покидало чувство непередаваемого счастья. 9 Мая – большой праздник особенно для детей блокадного Ленинграда, для тех, кому удалось выжить благодаря тому, что взрослые предприняли неизмеримо огромные усилия для их спасения.

Ядерный щит России – ПО «МАЯК», или Чернобыль Урала

В 1957 году меня призвали в армию. Нас, новобранцев, везли в товарных вагонах, не сообщая, куда везут. Только прибыв в пункт назначения, когда нам пришлось давать подписку о неразглашении данных, мы поняли, что оказались в закрытом секретном городе «Челябинск-40»[1]. Там в белых комбинезонах и респираторах мы ликвидировали загрязнения территории от радиоактивной пыли. Как только мы набирали определенную норму облучения, нас с объекта списывали.

С женой

Эта уральская трагедия была предана огласке только спустя 30 лет.

Я отслужил ровно три года и вернулся в Ленинград. Радиация подорвала мое здоровье, как и здоровье многих ликвидаторов

аварии. После чернобыльской катастрофы, которая прогремела на весь мир, мы заслуженно получили свой статус ЛИКВИДАТОРОВ радиоционной катастрофы на ПО «Маяк». К сожалению, непосредственных участников ликвидации последствий аварии 1957 года становится с каждым днем все меньше и меньше.

Очень жаль, что сегодня об этой аварии многим почти ничего не известно. А ведь эта трагедия ничуть не уступает по драматическим и экологическим последствиям аварии на Чернобыльской АЭС.

Горбунов Лев Глебович, 1937 г. р.

Блокадное детство моей прабабушки

Мою прабабушку зовут Антонова Алиса Филипповна (девичья фамилия Афонина). Она родилась 3 июня 1937 года в Ленинграде, в больнице имени Шредера на Петроградской стороне.

Мне было очень интересно, как жили люди во время войны, и вот мне бабушка рассказала свою историю – то, что она помнит из своего детства.

«Когда началась война, мой отец, его звали Филипп Павлович Афонин, ушел на фронт. Мама, Афонина Евдокия Васильевна, осталась с тремя детьми и бабушкой Ксенией. Сыну Володе было 12 лет, сестре Маргарите 7 лет, и мне 4 года. Мы жили в Ленинграде, на улице Зверинской, дом 33, квартира 49.

Насколько я помню, был приказ, чтобы срочно отправить детей из города. Отправляли в детский лагерь на автобусах в Боровичи. Оказалось, что это было предательство. Старших детей отправили в лес, а у маленьких был тихий час. Но мне повезло. Моя сестра узнала, что будет обстрел, схватила одеяльце и волоком стащила меня в лес. Погибло очень много детей. Потом мама нас нашла и забрала.

Война запомнилась как страшный голод. Постоянно бегали в бомбоубежище. Обстрелы и бомбежки были постоянными спутниками военной жизни Ленинграда. В 1942 году умерла бабушка. Ее завернули в простыню и увезли на санках на Серафимовское кладбище в общую могилу.

Описать все ужасы войны невозможно. Забивали окна. Жили без света и тепла. За водой брат ходил на Неву и привозил ведро на санках. Возвращался весь обледеневший. Плакали постоянно, очень боялись во время бомбежки и забивались в углы. От бомбежки горел зоопарк, кричали звери – страшное зрелище!

Всегда хотелось есть. Когда делили хлеб среди детей, все смотрели, у кого больше кусочек. Помню, как брат где-то раздобыл немного муки. Развели эту муку водой и жарили над свечкой блинчики. Набрасывались на еду как голодные собаки. Мама работала, а дети жили сами по себе и ждали только еды. Самым главным деликатесом была „дуранда“ – плитки прессованного жмыха от семян маслосодержащих растений. Это было настоящее лакомство по сравнению с супом из клея. Обезумевшие от голода люди могли не просто отобрать продукты, но и убить за маленький кусок хлеба.

Однажды сестра Рита пошла в магазин за хлебом. За ней шел парень, он выхватил карточки, и мы остались без хлеба.

Невозможно описать, что мы тогда испытали. В нашем доме, в соседской квартире жил хороший мужчина. Он все время стучал в нашу дверь, но мы не открывали – голод заставлял людей становиться людоедами.

В начале войны отец был ранен и лежал в госпитале во Всеволожске. В больнице выдавали папиросы, но отец не курил. Он их менял на хлеб и отдавал нам.

Помню, как всегда со слезами читали папины письма с фронта. Но однажды на столе стояла папина стеклянная кружка, которая вдруг треснула и развалилась пополам. А на следующий день, 13 января 1943 года, пришло извещение, что отец пропал без вести.

Гулять практически не ходили. Боялись бомбежек. Но детям хотелось играть. Один раз мы играли во дворе. Подъехала машина, нагруженная свернутыми коврами. Мальчишки залезли на ковры и увидели, что в этих коврах завернуты покойники – полная машина. Это собирали по домам умерших людей. Мы очень испугались, и я запомнила это на всю жизнь. Брат Володя ходил с мамой на работу и помогал ей. В 1944 году я пошла в школу, а старшая сестра Рита оставалась дома, так как не могла ходить из-за дистрофии ног.

Моя школа № 78 на Зверинской улице работала всю войну и спасала детей. Это была женская школа. Потом в этом здании открыли профессиональное училище. Мыться ходили в баню у Сытного рынка. Хорошо помню, что у всех были вши.

После снятия блокады на восстановление разрушенного Ленинграда привозили пленных немцев. Помню, как немец, который выкладывал мостовую на Зверинской улице, подозвал меня, и я поняла, что он просит еды. Я приносила ему несколько раз хлеб, за это он подарил мне губную гармошку.

В День Победы, 9 мая 1945 года, была теплая погода. По улице мимо зоопарка шли танки со счастливыми солдатами. Я стояла с 9 утра почти полдня и ждала, когда появится мой отец, но он так и не появился. Но оставалась надежда, что он вернется.

После блокады мама давала нам еду в школу поровну. Иногда на переменке я искала свой завтрак, его не было в портфеле. Это моя сестра тайком его съедала.

После войны государство очень помогало детям погибших на войне отцов. Бесплатно кормили в школах, отправляли в лагеря, выдавали одежду и обувь.

Никому не пожелаешь пережить все то, что пережили мы, – безумный и бесконечный страх и голод».

Вот такую грустную историю поведала мне моя прабабушка. Она глубоко тронула мое сердце. Я бы не хотела оказаться на ее

месте, потому что это была очень страшная жизнь. Очень хочется, чтобы никогда в мире не было войны.

Богачева Алена, 1-а класс МБОУ «Гимназия», г. Выборг

Цена жизни – полстакана риса

Мои бабушка и дедушка по отцу в блокаду работали врачами. Дедушка погиб при бомбежке, бабушка умерла в очереди за хлебом – сердечный приступ.

Дедушка по маме (Нестеров Григорий Иванович) работал шофером, а зимой на Дороге жизни по Ладоге. Им разрешалось вывезти семью на Большую землю, но бабушка (Нестерова Елизавета Ивановна) отказалась, сказав: «Я здесь жила, здесь и умру». Когда мама рассказала мне об этом, я ругался: «А о тебе она подумала!» – мама чудом выжила, об этом далее. Водителям под страхом расстрела запрещалось привозить еду с Большой земли. Как-то дедушка взял маму с собой, там ее моряки покормили. Почему он ее там не оставил? Не знаю.

Моей маме было тогда 11 лет. Она была при смерти (извините за подробности): теряла сознание, кровавый понос и т. д. Врач сказал, что это конец, но ее может спасти только отварной рис.

И это в блокадном Ленинграде в самый голод!!! Дедушка где-то за городом, выменял полстакана риса, и это спасло ей жизнь. Своему сыну я сказал: «Если бы не эти полстакана риса, не было бы на свете ни меня, ни тебя».

Как-то я ремонтировал дома мебель и разогревал столярный клей – запах шел по всей квартире. И вдруг услышал плач из маминой комнаты. Она вспомнила блокаду и как они ели столярный клей. Больше я этого не делал.

Мама была участницей детского ансамбля Обранта А. Е. во Дворце пионеров им. Жданова. Они выступали не только в госпиталях, но также их вывозили к линии фронта. Мама (Колобова Нонна Григорьевна 1931–2010) каждый год ходила (пока могла) на встречи участников того ансамбля. Все награждены медалями «За оборону Ленинграда», но только в двухтысячных годах смогли добиться, чтобы их приравняли к участникам ВОВ., но это отдельная история. Так вот, после выступления им давали по маленькой соевой лепешке. Мама всю жизнь обожала оперетту. С этой лепешкой она шла в театр оперетты (он тогда работал), и за эту лепешку ее пускали на спектакль. На нашей Пушкинской улице на углу дома у садика есть булочная. В блокаду там получали хлеб по карточкам. Мои родители жили в одном доме. Мама, пока шла домой с хлебом, отщипывала по маленькому кусочку. Ей казалось, что это незаметно, а когда приходила домой, руки были пусты. Она ревела, но бабушка не ругалась. Отец (Колобов Владимир

Константинович (1927–1991)) жил в этом же доме и получал хлеб там же. Хлеб привозили на телеге, запряженной лошадью. Однажды около булочной лошадь упала и издохла. Из домов выскочили люди с топорами, ножами, и (на глазах у отца) от лошади ничего не осталось.

Отец работал электриком в институте уха, горла, носа. Однажды его послали поменять сгоревшую лампочку в морге, который находился в подвале. Большой подвал был почти под самый потолок забит трупами, свет не горел. Лампочка находилась на середине потолка. Отец (14-летний мальчик) в полной темноте на ощупь полз по трупам, чтобы найти патрон со сгоревшей лампочкой. Нашел, поменял, и свет загорелся. Я даже не представляю, что с ним было. Он рассказывал, что самое страшное – это обратный путь по трупам ползком в узком проходе под потолком при свете.

В нашем доме две дворничихи мародерствовали – ходили по квартирам умерших и тащили все ценное. Весь дом знал об этом. У них хватило ума тащить с 5-го этажа пианино вдвоем. Пианино поехало и придавило одну из них насмерть.

Мой отец ушел из жизни в 1991 году. Материально он был обеспечен: работал и еще получал пенсию. У него в квартире я обнаружил 3 довольно больших бумажных пакета высотой сантиметров по 50 с сухарями белого и черного хлеба. Это не были остатки со стола, а аккуратно нарезанные кубики. Если учесть обстановку в стране в то время, вероятно, страх перед голодом не оставлял его до конца жизни. Также я нашел у него много книг о блокаде – он ею жил.

Мама всегда плакала, когда по телевизору показывали что-нибудь о блокаде, особенно фильм «Балтийское небо», и вспоминала, как она с бидончиком ходила пешком зимой за водой.

Когда родители рассказывали о блокаде, в интонациях не звучало никакого пафоса, героизма. Как-то просто, обыденно. Да и вспоминали вслух не очень часто, только мама при этом плакала.

Рассказывали о блокаде редко, но я чувствовал, что она с ними присутствует постоянно.

Я думаю, что блокада всю жизнь была для них как бы мерилом ко всему, что происходило вокруг, в любые времена.

Медали моих родных «За оборону Ленинграда» теперь хранятся у меня.

Если имена моих родных упомянут в книге о блокаде, я буду счастлив. Они это заслужили, да и память для потомков.

Колобов Владимир Владимирович

«Когда живое все от взрывов глохло…»

Екатерина Михайловна Назаренко – жительница блокадного Ленинграда, которая все 900 дней провела в голодном городе. Когда мы пришли к ней в гости, первое, что она спросила: «Вы голодны? Проходите на кухню».

Напоила сладким горячим чаем с бутербродами и печеньем и только после этого начала свой неторопливый рассказ.

Собственные воспоминания перемежались со стихами Ю. Воронова. Изредка Екатерина Михайловна останавливалась, чтобы вытереть слезы и глубоко вздохнуть…

…Что может помнить о тех трудных днях ленинградской блокады 6-летний ребенок? Но, похоже, память детская такая цепкая, что самые яркие и тяжелые события врезались в нее на всю жизнь, и забыть это уже невозможно… Страшное, конечно, было время, вспоминать о нем очень, очень тяжело, но и не вспоминать невозможно. Я гоню от себя мысли, хочу забыть эти годы, но забыть никак не могу, никак. Вот ложусь спать, и до трех-четырех часов ночи все эти картины возвращаются, возвращаются… Эта боль осталась, и нет сил забыть, выгнать из себя воспоминания.

Хлеб

Забудет ребенок за малостью лет
Блокадные голод и холод,
Но врежется в память из множества бед
Особенно острый осколок…

Наша семья жила в двухэтажном деревянном доме на Крестовском острове, там и застала нас война. Мама умерла, когда мне исполнился 1 год, с рождения воспитывала меня бабушка, папина мама. Еще с нами жила моя крестная – родная дочь моей бабушки, моя тетя. Вот так мы и жили втроем.

В начале войны были введены карточки, но 8 сентября 1941 года случилось страшное. В Ленинграде находились так называемые Бадаевские склады, где хранился запас продовольствия и всего прочего для населения. Эти склады были полностью уничтожены немцами. Началась блокада, эвакуация, и прежде всего спасали детей. Мы тоже поехали на вокзал, но дорога оказалась перекрытой, и нам пришлось вернуться обратно.

Голодное было время, холодно очень, морозы достигали 42 градусов. Отопления не было, дров не было, электричества не было, канализация не работала, транспорт, как шел, так и остановился, – город жил на выживание, очень было тяжело. Сразу же ликвидировали все продовольственные карточки, продуктов все равно не было, остались только хлебные – 125 грамм на один день. Это, конечно, очень мало, и выжить на эти 125 грамм было невозможно. Да и хлеб был не тот, что сейчас. Это был маленький кусочек, который помещался на ладони.

Состоял он из того, что шло раньше на корм скоту: жмых, дуранда, силос. Поэтому хлеб был тяжелый и влажный, но это был все же хлеб – символ нашей жизни, о другой еде мы не знали, и умирая, люди ничего не просили, просили только хлеба. И вот за этими 125 граммами люди каждый день с утра стояли в очереди на сорокаградусном морозе. Можно было взять хлеб на 2 дня сразу, но никто не брал, потому что знали, если возьмут – все равно съедят, а завтра – голодная смерть.

Бабушка спасла меня

И вот хлебушек этот обязательно завернут в тряпочку и несут домой. Крестная всегда делила его, во-первых, пополам: на утро и на вечер; во-вторых – кусочек мне, кусочек бабушке, кусочек себе. И каждый раз сразу уходила, чтобы не видеть и не слышать, хотя знала, что будет дальше. А бабушка, до сих пор помню ее голос: «Катенька, хочешь хлебца?» Мне было всего 6 лет, конечно, я говорила «хочу», что я могла еще ответить?

А голод такой, что все болело, все внутри слипалось, хотелось что-нибудь проглотить. Хлеб мы не ели – мы его сосали, как конфетку. Вам сейчас трудно представить, чтобы дома не было ни крошечки хлеба. И не один день, а целых 900 дней, два с половиной года. Бабушка моя заморила себя голодом, ее хлебушек съедала я. Я даже не помню, как она ходила, а помню, что она все время лежала в нашей большой комнате. Ни одного стона, ни одного звука я не слышала от нее. Как она терпела эти муки? Для того чтобы сохранить мне жизнь, моя бабушка лежала и тихо умирала. Сколько она лежала, я не помню, ведь в детстве трудно ориентироваться во времени, но помню, что, когда она умерла, она была как пушинка, легкая-легкая, и кожи на спине почти не было, одни кости. Ей было всего 52 года…

И после смерти бабушка сохраняла меня – мы ее долго не хоронили, чтобы не отобрали карточки. Она лежала на столе, возле окна. Сколько она так лежала, я не помню, но думаю, что достаточно долго, зимой ведь могилу не выкопаешь. Ближе к весне приехал сын на велосипеде, завернул ее в простыню, привязал к велосипеду, и мы отвезли ее на Серафимовское кладбище.

Когда умерла бабушка, тетя попросила, чтобы я называла ее мамой. И я стала называть ее мамой, так всю блокаду мы с ней и выживали.

Спаси Римму!

Да, самым страшным для ленинградцев в блокаду была дистрофия, она как косой косила людей. Дистрофия была трех степеней. Первая степень – человек просто худеет, вторая – исчезает вся жировая прослойка (у меня была 2-я степень), ну а третью степень вылечить оказывалось уже невозможно – происходили изменения внутренних органов, которые приводили к необратимым процессам в организме.

По соседству с нами еще три семьи жили, и я к ним иногда заходила. Помню, в одной семье на столе долго лежал мертвый мужчина. А вот другая семья мне очень запомнилась. У них была огромная комната, в которой стоял неимоверный холод, лежала умирающая мать троих детей и все время плакала. Моя мама ухаживала за ними, ходила за хлебом. И эта женщина просила: «Валя, спаси Римму, спаси Римму». Римма была старшая, ей тогда было лет 8, а еще были девочка лет 5–6 и мальчик лет трех. Девочка все время плакала и просила кушать. Она сидела на стуле, подложив под себя ручонки, и покачивалась, потому что сидеть на косточках было больно. Помню их красивую печь и мальчишечку, который стоял возле этой печи, ловил вшей и хрупал – хруп! «Мама, кусить!» – хруп! хруп! «Мама, кусить!» Не могу забыть их мать, обливающуюся слезами от того, что самое дорогое в ее жизни, ее дети, умирают на глазах, и она ничего не может сделать. Потом младшие дети умерли, умерла и их мать, а Римму отдали в детский дом. Ее потом нашел отец. Таких семей было много…

Мама рассказывала, что многие матери обезумевали от крика голодных детей, молока-то не было. Они надрезали грудь и поили кровью ребенка, но сами потом умирали.

Вода

Еще была проблема с водой, в основном, топили снег, ходить за водой далеко, да и сил не хватало. В нашем городе есть место на Неве, где огорожено и написано, что здесь в блокаду люди брали воду. Представьте, как им было тяжело, ведь вода нужна везде: и на предприятиях, и хлеб испечь. Налеты, бомбежки, вой сирены, ведра и кастрюли привязаны к саням, а люди молча пережидают и берегут силы…

Не думайте, что лезут зря под пули.
Остались – просто силы берегут.
Наполненные ведра и кастрюли
Привязаны к саням, но люди ждут.

Ведь, прежде чем по ровному пойдем,
Нам нужно вверх по берегу подняться.
Он страшен, этот тягостный подъем,
Хотя, наверно, весь – шагов пятнадцать.

Споткнешься, и без помощи не встать,
И от саней – вода дорожкой слезной…
Чтоб воду по пути не расплескать,
Мы молча ждем, пока она замерзнет…

Братские могилы

Когда все деревянные дома стали разбирать на дрова, нам с мамой дали квартиру на Петроградской стороне. Мы пришли туда, а там ни одной живой души в доме, все умерли. Смерти мы не боялись, нет. Боялись за близких. Дети боялись одни остаться, боялись, что мама не вернется домой. Особенно было страшно, когда налетали бомбардировщики. По динамику неслось: «Внимание, внимание, говорит местный штаб противовоздушной обороны. Воздушная тревога!» – и так несколько раз в день. До трехсот самолетов ежедневно около семи часов вечера прилетали и бомбили жилые районы. Это было ужасно – вся земля тряслась, стекла вылетали из окон, стоял гул непостижимый.

Вокруг все дома оказались разрушены прямыми попаданиями снарядов, а наш дом на Полозова, 22 до сих пор стоит. Это бабушка меня хранила.

Топить было нечем, и мама, уходя на работу, оставляла меня в ванне. И я с утра до вечера лежала голодная в ванне на перине и ждала ее. Она приходила с работы и первым делом кричала: «Катенька, жива? – и скорее бежала в ванную: – Жива, слава Богу». Потом брала два бидончика и в один набирала снег, в другой – угольки и топила «буржуйку». Попьем мы кипяточку и хлебушка поедим. Вот так мы и жили.

Конечно, много народу умирало. По улице Ленина постоянно шли грузовики, груженные трупами, хоронить было сложно, поэтому морги устраивали везде – и в подвалах, и во Дворце пионеров, и даже в Зимнем дворце. Люди умирали, их выносили на улицу. По городу ездили специальные машины, забирали покойников и увозили на Серафимовское или Пискаревское кладбище. Многие люди, предчувствуя смерть, сами шли ближе к кладбищу, дорога туда была усыпана телами, ведь многие не доходили, умирали. На кладбище работали саперы из ПВО, которые взрывали землю, и в эти рвы сгружали трупы и зарывали.

Над ним оркестры не рыдали,
Салют прощальный не гремел,
А так как досок не достали,
Он даже гроба не имел.

И даже собственной могилы
Ему не довелось иметь.
У сына не хватило б силы,
Его б свалила тоже смерть.

Но тут другие люди были,
И сын пошел с лопатой к ним,
Все вместе к вечеру отрыли
Одну могилу – семерым.

И знали люди, обессилев,
Но завершив печальный труд,
Могилы общие в России
Недаром братскими зовут.

Травка-крапива

Еще я хочу рассказать и о хорошем – о том, что детей не забывали. Старались из последних сил, чтобы облегчить их страдания. Новый год отмечали, праздники разные устраивали. Дело было к весне, маму забрали в больницу, а меня – в круглосуточный детский садик. Там проходил праздник, и я изображала крапиву. На меня надели зелененькое платьице из марли, и я читала стихотворение, которое помню до сих пор:

Я травка-крапива, презлая трава,
Собою некрасивая и неказистая,
Но лишь кто до меня рукою коснется,
Тому, чур, не плакать, тотчас обожжется.

Представляете, я не помню, чем нас кормили, но этот стишок помню до сих пор, хотя 70 лет прошло. Как мы ждали лета! На колени вставали и ели траву. Все скверы, парки засадили капустой. На Исаакиевской площади такая капуста росла! В Ботаническом саду жителям бесплатно раздавали рассаду, глазки картофеля. Из глазков замечательная картошка вырастала! Лебеду и крапиву официально разрешили продавать пучками, как

сейчас петрушку, укроп. Это было такое объедение – щи с крапивой и лебедой!

Еще помню, когда выписали из больницы маму, и она пришла за мной в садик. Я побежала к ней, но, когда увидела, спряталась за воспитательницу и кричала, что это не моя мама. Я не понимала и не знала, что от голода у людей начинается водянка: у нее распухли руки, ноги, лицо, и к тому же она была стрижена наголо из-за вшей. А она смотрела на меня и плакала…

Сколько же переживаний было у наших мам…

После блокады

В блокаду некоторые школы работали, но, в основном, учеба началась в 1943 году. 1–4 классы пошли на учебу с 10 сентября, а старшие классы – на месяц позже.

Учиться тяжело, света не было, только керосиновая лампа. Я просила маму показать мне строчку, где писать, – у меня из-за контузии зрение было слабое. Учились мы, наверное, плохо, у меня только по пению стояло «отлично».

После блокады мне сказали, что с дистрофией 2-й степени я не выживу, если ежедневно не буду пить парное молоко. Мы купили корову и с Крестовского острова шли с ней пешком до Коломяг. Вбили кол, привязали корову. Вначале построили сарай, потом дом. Так выходили меня после войны. Сейчас дома уже нет, там улица Парашютная проходит. Но те 5 берез, которые мы посадили возле дома, стоят до сих пор, как память о тех, кто отдал свои жизни, чтобы вы не знали ужаса войны.

В праздники Победы мы идем на кладбище, каждый старается что-нибудь принести – кто конфетку, кто еще что-нибудь, а я всегда несу хлеб, так и не доставшийся моей дорогой бабушке. Низко кланяюсь ей за то, что спасла мне жизнь. Если бы не она, я бы столько не прожила.

Блокады нет,
Но след блокадный в душах,
Как тот неразорвавшийся снаряд.
Он может никогда не разорваться,
О нем на время можно позабыть
Но он в тебе,
И нет для ленинградцев
Саперов, чтоб снаряд тот разрядить.

Надо жить

Главной чертой ленинградцев всегда была доброта, сострадание: если кому-то рядом плохо, они уже о себе не думали, должны были помочь. Вот идет впереди человек, падает. Подойдешь: «Тетенька, вы живы?» А видно было по глазам: если глаза шевелятся, значит, жив. Поможешь встать, дойти до дома. Даже хлеб отдавали не раздумывая, спасая другого. И сейчас, когда кто-то приходит в гости, мне прежде всего хочется накормить, все кажется, что он голодный.

У людей был огромный запас доброты, помогали друг другу, потому и выжили. Не проходили мимо, если кому-то нужна помощь. Помню, пленных немцев вели по Каменноостровскому. Казалось бы, после всего пережитого ленинградцы должны были разорвать их на кусочки! А они стояли, плакали и бросали хлеб. Ведь шли совсем мальчонки, такие маленькие, такие жалкие.

Я и сейчас не могу пройти мимо человека, если ему плохо. Пусть это даже пьяница валяется, я обязательно подойду и спрошу, может, чем помочь надо.

Когда живое все от взрывов глохло,
А он не поднимал ни глаз, ни рук,
Мы знали: человеку очень плохо.
Ведь безразличье хуже, чем испуг.

Мы знали: даже чудо не излечит,
Раз перестал он жизнью дорожить.
Но был последний способ – взять за плечи
И крикнуть человеку: «Надо жить!»

Приказом и мольбой одновременно
Звучал тот полушепот-полукрик.
И было так: с потусторонним пленом
Вновь расставался человек в тот миг…

И если вдруг от боли или муки
Я стану над судьбой своей тужить,
Ты, как тогда, на плечи брось мне руки
И, как тогда, напомни: «Надо жить!..»

Нас уже совсем мало осталось, но наша жизнь продолжается в вас. Помните об этом, будьте достойны этой памяти.

…На следующий день после нашей встречи скорая помощь увезла Екатерину Михайловну в больницу. И через 70 лет война отозвалась сердечной болью…

Ирина Шамсирова

Слово «война» стало вторым после «мама»

Началась война. Через несколько месяцев я родилась. Практически я стала ровесницей этой войны, и слово «война» стало вторым после «мама». Это слово и «Ленинград» вошли в мою жизнь как заклинание. Воспоминания были такие яркие и значительные. Они остались в памяти. Все последующие годы бессознательно и сознательно я ждала, когда кончится война.

Бабушка, Любкина Зинаида Васильевна, работала в железнодорожной школе Ленинграда завучем. Школа была эвакуирована в августе 1941 года, но под городом Тихвином поезд со школьниками разбомбили.

Отец, Кулаков Андрей Павлович, в начале войны доучивался в военном училище.

Бабушка, мама и я устроилась под Саратовом. Бабушку назначили в совхозе директором школы, а мама работала в госпитале санитаркой.

В Ленинграде остался дедушка. Он работал преподавателем физики в педагогическом институте. У него была бронь как у научного работника. Позднее ему давали место в самолете на выезд из города, но он уступил место студентке с ребенком. В 1942 году дедушка умер от дистрофии, а мой отец погиб на Ленинградском фронте.

Когда прорвали блокаду в Ленинграде, бабушке по запросу от А. А. Жданова прислали вызов на восстановление города. Бабушка, мама и я поехали в Ленинград. В город пропустили только бабушку У нее был пропуск. Затем прислали вызов и нам. В Ленинграде наша квартира оказалась занята. Когда дедушка эвакуировался с институтом, то квартиру разграбили. Ничего не осталось. Шкафы, кровати, одежда, люстра и другие вещи разобрали жильцы дома, книги сожжены, ими топили буржуйку. Мы ночевали то у одних знакомых, то у других. Чаще всего у маминой подруги на улице Чехова, д. 5.

Бабушка судилась с управдомом за возврат квартиры. Была зима 1944 года. Однажды мы шли куда-то через Литейный мост. Мороз. Холод. Темень. Хоровод русалок догонял меня. Русалки заглядывали мне в глаза. Они как живые кружились, догоняли меня. Было страшно и холодно. Замерзла голова. Шапка, которую мне надели, мне мала. Одежды в войну тоже не было. Русалкам тоже холодно. На них лежал снежок. Мама торопилась. В бомбежку на мосту опасно. Трудно идти по снегу. Я не успевала за шагами моей мамы. Эти мои ощущения до сих пор возникают, когда я оказываюсь на Литейном мосту. Это мои первые

отрывочные воспоминания о блокадном городе. Мне было два с половиной года. Дальше я жила сознательно.

Суд возвратил квартиру нашей семье. Бабушка документами доказала, что она не бежала от немцев, а эвакуировалась с учениками и школой. Ее наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Удалось отсудить кое-что из мебели. Вот мы в комнате. Мне разрешают говорить громко и бегать, что запрещалось, пока мы жили у чужих людей. В кухне зажигали керосиновую лампу. Я ее никогда не выкину. Свидетельницу первых лет моей жизни. Похожая лампа есть в Музее радио.

Кухня, а дальше длинный коридор в комнаты. Пробегаю через коридор. Там тоже темно. Окна заклеены бумагой крест-накрест. На ночь окна плотно завешивали одеялами, чтобы не просвечивали огни керосинки. Страх от этих пробежек закалял мое сознание. Я боялась управдома, которая часто проверяла проживающих в доме по прописке, и пряталась от нее в дальней комнате под кроватью.

С каждым днем воспоминания все отчетливее. Однажды при свете керосинки бабушка переливает кипяченое молоко, полученное по детской карточке, в стеклянную банку, приговаривая: «Сейчас молочка дам». Поторопилась бабушка. Я отчетливо помню, что молоко на два пальца покрывало дно, и вдруг появляется темная полоса, и молоко льется на стол и на пол. Я плачу. Я понимаю, что пить уже нечего. Меня укладывают спать, а я плачу, что хочу есть.

Город еще бомбили. Мама со мной спустилась в бомбоубежище. Тусклая синяя лампа. Разглядеть почти ничего не возможно. В темени угадываются силуэты людей. На нашей лестничной клетке потолок пробит бомбой. Видно чердак и серое небо. Дыры от бомб были также в крыше со стороны Литейного и Жуковского. На чердак мы с мамой ходили, чтобы вешать белье для сушки. В квартире запрещалось сушить белье, чтобы не разводить сырость. Было сыро в комнатах еще долго. Переплеты книг покрыты серо-зеленой плесенью. На Невском проспекте в отрезке до Московского вокзала и на Жуковского стоят развалины домов. Позднее их замаскировали тканью с нарисованными окнами, чтобы не было видно разрушений для поддержки настроения.

Покой был во время тиканья ходиков с медведями на фасаде, стука метронома из черной тарелки громкоговорителя, журчания воды. Кран до конца не закрывали, чтобы в морозы труба не перемерзла. С тревогой слушали оповещения о бомбежке, с радостью голос Левитана, где по первым звукам его голоса

догадывались о радостном известии, наступлении наших войск и освобождении городов.

В три года меня отвели в детский сад на углу Жуковского и улицы Чехова № 25. Мне сшили платье из наматрасника горчичного цвета и отделали голубой шелковой бейкой. Очень красивое. В этом платье было столько фантазии. Воротничок и кармашек необыкновенный, вшит в шов уголком. Этот кармашек закрывал заштопанную дырочку. Шила платье тетка Рая. Она с сестрой всю блокаду работали в костюмерной Театра оперетты.

Модистки. Сколько выдумки, изящества, вкуса и природного эстетизма вкладывали они в свои творения. Когда бабушка вынесла в эвакуации на базар свои сшитые до войны платья, то толпа повалила ее в снег. Остались только два платья и блуза, которые бабушка носила долго после войны.

Я быстро росла. Впитывала в себя все что видела. Есть я не любила. Все было безвкусное и бесцветное. Особенно я не любила печенку. Жесткая и горькая. После войны долго ее не ела. Однажды я услышала разговор бабушки и мамы, что на завтра нет хлеба, а кроме хлеба, ничего не было. Во время обеда, откусив тоненький ломтик, я вспомнила это и положила в кармашек передника остальное. Когда я дома вспомнила и стала искать ломтик, то в переднике обнаружилось чуть-чуть крошек. Бабушка все равно похвалила меня.

Может ли любой человек понять голод в большом северном гранитном городе с коротким летом? Здесь нет кустов, съедобных трав (щавеля, кашки), фруктовых деревьев. Одни камни. Люди, которые сажали что-то на газонах, никогда не пустят пришельцев. Первую ягодку малины я попробовала после окончания войны. Первый кусочек яблока я попробовала уже школьницей.

В конце войны детей спросили, о чем они мечтают. Дети ответили: «Чтоб соевая коровка сдохла». Так невкусно было соевое молоко.

Наверно, война уже отступила от Ленинграда. Мои родные и воспитательницы стали радостнее. С первой встречи с ленинградцами, а это были в основном женщины, меня поразило, какое доброе отношение проявляли ко мне. Детей в городе было мало, и их редко выводили на улицу. Знакомые, соседи и совершенно чужие люди очень приветливо здоровались и с интересом разговаривали со мной. Тогда я впервые познакомилась с ленинградской культурой. Позднее я гордилась, что я – часть этой культуры, и старалась быть всегда приветливой и улыбчивой.

Воспитательницы детского сада вкладывали в наше развитие свои знания. Я до сих пор помню их имена. Раиса Ивановна и

Злата Исааковна. Воспитатели нас учили рисовать, танцевать и петь. Мы разучивали стихи. Однажды они повели нас по улице Чехова. Мы рассматривали атлантов, которые на своих плечах держали небо.

В детском саду праздновали Новый 1945 год. Мы танцевали танец с коромыслами. Детям подарили тряпочных клоунов, сшитых из кусочков ткани. Воротничок из бинтика стягивался у ворота тесемочками, а внутри сладкие белые и голубые горошинки.

Дома бабушка спрятала клоуна в гардероб. Мне давали иногда подержать его в руках. Он сохранился, и я сдала его в Музей блокады. Мне рассказывали, что когда кто-то угостил меня конфеткой, то я не поняла, что это съедобно.

Соседи, пережившие блокаду, рассказывали, как им удалось выстоять в самые лютые времена. Люди возвращались из эвакуации. Все делились своими переживаниями. Я слушала их рассказы.

Война закончилась, когда мне исполнилось три с половиной года. По городу ездили машины и трамваи с флажками. Все были радостные. Вечером мы пошли на Дворцовую площадь. Было много народу. Я шла, держась за руки мамы и бабушки. На Дворцовой площади стояли прожектора. Струи света бегали и шарили по небу и перекрещивались. Кругом все целовались, смеялись. Играла гармошка, пели песни. Чувствовалось, что все надеются на новое лучшее, о чем думали и мечтали всю войну Я тоже жила надеждами. Такое состояние продолжалось до возвращения солдат.

Хорошо помню, как по Аничкову мосту (тогда говорили так), пересекая Невский, идут танки. Башня танка открыта, и на танке сидят и стоят солдаты с красными флагами. Вдоль тротуара до цирка стоят ленинградцы, все кричат: «Ура! Победа!»

А затем наступили рабочие будни. Дома принялись ремонтировать и красить. Дома на Невском покрасили розовым и голубым. Невский проспект стал простым, неинтересным. Через год весь Невский перекрасили в благородные, характерные для города цвета. Заиграли колонны, картуши, лепнина, орнаменты.

В шесть лет бабушка отдала меня в школу. Я гордилась тем, что живу в таком прекрасном городе. Что принадлежу к сообществу людей, которые выстояли, остались такими человечными и к людям, и к животным.

Я принадлежу к ленинградцам, буду беречь и любить мой гордый город. Не забуду, как я и мои родные жили мыслями о мире, об окончании войны, вспоминали, какой был город до войны. Фашисты разграбили, разбомбили все, что им встречалось

на пути. Все эти послевоенные годы народ восстанавливал и строил. Мы бережем все, что нам дорого и прекрасно.

Ткаченко Зинаида Андреевна, родилась в октябре 1941 года.

Не стреляйте в меня! Я не ела хлеб!

Блокада Ленинграда! Страшное, немыслимое явление. Надо бы подробно описать все, ведь пережила тяжело самые страшные дни осени-зимы 1941–42 годов. Давно пора, но очень тяжело вспоминать до сих пор.

В мае 1941 года я получила письмо из Либавы (Лиепаи) о том, что стреляют в спину, что, как видно, скоро в бой. Там служил мой друг Саша Мошкарев. В первых числах июня все успокоилось вроде.

Так что мы ждали, что скоро война. Германия подошла вплотную к нашей стране. 22 июня я с друзьями поехала в Териоки рано утром. Там мы узнали о начале войны, решили все же погулять там до вечера. Обратно возвращались чуть ли не на подножках вагона. Домой вернулись в два часа ночи.

Конец февраля – начало марта 1942 года. Я оказалась без работы. Ожидала, что меня возьмут в армию, ходила в военный стол 32 отд. милиции (там был военкомат Невского р-на). Родители мои, вместе с братом Володей и сестрой Ниной, выехали на работу на Ледовую дорогу. Я вспомнила, что, по рассказам отца, в тресте столовых Куйбышевского р-на работает его знакомый Козлов, начтреста, что на ул. Герцена, 3.

Я с большим трудом, с долгими остановками поднялась на высокий этаж (вроде 5-й). Вошла в кабинет – за столом сидит мужчина и читает газету. Я представилась, он сразу поднял голову и удивился, что я здесь, а не уехала вместе с родителями. Я стала просить какой-нибудь работы. Предложил он мне командировку на Ладогу, но сказал, что отправить меня транспортом не может. «Ищите сами какие-нибудь машины попутные, пропуск выпишу, как найдете машину». Такое заявление до сих пор меня удивляет. Город выглядел мертвым, редкие прохожие попадались. Любое движение давалось людям с трудом. Поиски машины затянулись надолго, на 2–3 недели, так как сил на поиски этой машины у меня не было. Эти недели я провела в столовой № 6 на ул. Желябова (по его совету). Продавала дрожжевой суп. Готовился он так: в котел с горячей водой бросали большую пачку дрожжей, заправляли эту жидкость сухой морковью. За этим горячим варевом стояла очередь. Торговала я в маленьком помещении, «американке», как называли тогда. Теперь там пышки продают. Холод в этой «американке» был жуткий. Спасибо швейцару (был такой в этой столовой), он принес мне под ноги деревянные мостки.

Помимо продажи этого супа я со всеми работниками этой

столовой ходила к Дворцовому мосту на Неве за водой. Сильные повара забирали воду из проруби и передавали выше остальным. Меня они звали студенткой и – спасибо, вечно помнить буду, – оберегали. Нюра-повариха впрягалась в сани рядом со мной и требовала, чтобы я не тянула лямку, а только держалась за нее. Вот такие бурлаки тянули всей группой бочку или две воды. У моста в это время стояла подводная лодка, скованная льдом. Охраняли ее моряки, головы их были замотаны шарфами.

И вот однажды меня поставили продавать хлеб. Кладовщик взвешивал, а я носила в буфет для продажи. Пока я переносила хлеб, он украл буханку. Во время продажи я взвешивала до грамма, ко мне выстроилась очередь. Удивлялись люди, почему я опухшая и выгляжу не лучше их. Одна из женщин из очереди предложила мне каракулевую шубу за кусочек хлеба, что вызвало мое возмущение и тех, кто это слышал. Я им всем сказала, что также голодаю, что здесь я случайно. Одна женщина предложила мне пойти к ней, у нее есть дрова, и она вымоет мне голову. Я согласилась. Взяла с собой 175 г хлеба, норму служащей. Она жила на ул. Герцена за кинотеатром «Баррикада», во дворе, на 4-м этаже. Она затопила печь, нагрела воды, вымыла мне голову. Стыдно, но я не помню ее имени. Я удивлялась ее силе и возможностям – ее муж работал в милиции, ребенок был отправлен, как многие дети, на Большую землю. Потом мы сели пить горячий кипяток с хлебом, но она, видно, решила, что я сыта, и хлеб принесла для нее, она съела и свой, и мой хлеб полностью. Я, конечно, молчала. Мне просто становилось плохо. Я хотела есть, может быть, больше, чем она. Мы легли спать. Уложила она меня на хорошую кровать с чистым бельем. Я всю ночь плохо спала, вскакивала с криком: «Не стреляйте в меня, я не ела хлеб!» На следующий день я должна была отчитаться перед бухгалтером талонами за хлеб, который я продавала накануне. Ужас! У меня не хватало талонов, несмотря на то что я вклеила все талоны из своей карточки вперед до конца месяца. Это грозит расстрелом. Вот когда выявилась кража кладовщика. Не знаю, как решила эту проблему бухгалтер Мария Ивановна, но после разговора с кладовщиком она сказала мне, чтобы я не боялась, что она уладила. Больше я никогда не занималась торговлей.

Вскоре после этой истории сотрудники моего дяди, Андрея Гавриловича, предложили мне быть заведующей булочной на Невском проспекте. Ввергли меня в такой ужас, что потом долго успокаивали.

Только что прошла передача о польском писателе Юзефе Хене, его скитаниях по Узбекистану в 1942 году. Вспомнила наши

скитания в эти годы.

Май 1942 года. Мы, наша семья, на полках товарного вагона (американского) вместе с другими ленинградцами: мать с сыном и дочерью, научный сотрудник Эрмитажа, изможденные, воскресающие из полумертвых; режиссер «Ленфильма» Лефевр с пятилетней дочерью, которая необычно для детей тихо и часто спрашивает у матери разрешения поплакать. До сих пор слышу ее голосок: «Мамочка, можно Милочка поплачет?» Ребенок не мог еще освободиться от ужасов блокады.

Ниже на полке – две девушки, сестры. Одна из них в предвоенные годы потеряла жениха в застенках «Большого дома».

В противоположном конце вагона совершенно ослабленный ученый-ботаник сохранял сортовые семена злаков, погибая от голода рядом с зерном на Исаакиевской площади.

Муж и жена пожилые, молодой человек, молчавший всю дорогу, и другие едва живые люди.

Все друг другу помогали. Мой отец и брат в этот период немного окрепли. Их обязанность, добровольная конечно, была держать за руки каждого из жильцов вагона, справляющих нужду в открытые двери вагона. Поезд иногда шел без остановок сутками. Я и Володя (брат) ходили с бидонами, кастрюлями за питанием. Две сестры и сын научного сотрудника Эрмитажа также ходили за питанием для всех ослабленных. Мертвых по дороге из вагона вынуждены были выбрасывать с записками, с документами. Вдоль всей железной дороги лежали тела умерших, которых хоронили жители близлежащих селений.

Так что попробуйте подсчитать, сколько умерло ленинградцев от голода?!

Шел наш поезд через Вологду, Вятку, через Свердловск, Оренбург, Арысь, Чимкент, Ташкент и далее. Путешествие длилось дней 20.

В Свердловске путевые рабочие спросили жильцов нашего вагона, куда нас направить, к какому составу прицепить.

Нас или к нам – скорее первое – прицепили к польскому составу. Несколько вагонов поляков, ехали из Архангельска, там они оказались в 1939 году, это были бывшие военные польской армии. Дисциплина среди них соблюдалась полувоенная. Утром и вечером мы слышали молитвы, пение гимна. На остановках их струнный оркестр играл, нас приглашали потанцевать, уговаривали ехать с ними. Они собирались в Иран, чтобы потом вступить в армию Андерса.

Подъехали к Чимкенту – зеленый городок. До Чимкента ехали пустыней, впечатление тяжелое. На одной случайной остановке к поезду подошли странные жуткие люди с

проваленными носами, вытекшими глазницами. Среди нас оказался врач, он обежал весь состав и кричал: «Проказа, не покупайте ничего!»

В Оренбурге вышел ученый-ботаник, подъезжая, он встал на колени, плакал – доехал до своего дома живой! Что стало с ним дальше – неизвестно.

Вспомнила фамилию научной сотрудницы Эрмитажа – Грекова. Они поехали в Алма-Ату, туда же эвакуировали «Ленфильм», куда направились режиссер Лефевр с дочерью. Где-то они теперь?

Мы вышли в Джамбуле. Направили нас работать в совхоз «Билекуль».

В совхозе, директором которого был депутат Верховного Совета СССР, казах Джумаметов (неразборчиво), нас очень хорошо встретили, мы все стали работать. Отвели нам участок земли под огород – 7 соток и несмотря на разгар лета, все посадили, поливали, все выросло. Зимы там не было тогда. О поливе огорода разговор особый. Огород в форме ванны, в верхней возвышенной части всей площади проходит центральный арык, от него ответвления на каждый огород. Пускают воду в центральный арык, его течение запружает очередной поливальщик и пускает воду на свой участок. Вода буквально хлещет, заливает толстым слоем весь огород твой, кажется, что погибнут все тоненькие стебельки. Но нет, земля крепко их держит, земля как асфальт. Когда вода дойдет до конца участка, ее пускают дальше по центральному арыку, а полившему остается рыхлить землю.

Да, нам еще дали козу с козленком, так что мы имели в это время 3 литра козьего молока!

Казахи – добрейший народ, это открытые, внимательные люди. Конечно, надо и самим быть доброжелательными.

В декабре 1942 года мама и папа заболели тифом. У отца брюшной тиф, а у мамы сыпной. У нас еще не было козы. Просила продать молоко местных русских и украинок – не продали, держа в руках ведра молока. Возвращаюсь домой, совершенно убитая, плача. Навстречу ехал верхом полевод-казах. «Кыз, некерек?» Объяснила в чем дело. Подхлестнул лошадь и ускакал на ферму, где он жил, за 3 км. Привез молоко в бутылке, баурселки (хворост), кефир, масло сливочное, завернутое в газету. «Не плачь, я еще привезу. Лечи мамашку и папашку».

Другой случай. Ходили мы с сестрой Ниной вечером за кизяком и камышом. На пути стояла кибитка скотовода Байсеитова, всегда зазывал к себе на угощения. А как-то прислал дочку Айшу, 6 лет, с запиской: «Обявление. Моя делает байрам.

Надечка, мамашка, Ниночка, папашка зову на байрам. Явка обязательна!»

Увидев нас издалека, стали готовить кульчатай, бешбармак, хворост, сливки. Мы пришли втроем без отца (Володя был на фронте). Все принарядились. Хозяину и жене его было по 26 лет, дочке 6 лет. Был у них патефон. Он хотел поставить пластинку с пением его сестры Куляш Байсеитовой, но, к несчастью, заводя патефон, сорвал пружину. Очень расстроился. Мы успокаивали его и сказали, что у нас в Ленинграде есть пластинка с ее голосом. Она была солисткой казахской оперы. Все вместе пели современные песни, потом танцевали. Мы с сестрой русского, а затем его жена и Айша танцевали казахские танцы. Вот какие чудесные люди!

Из воспоминаний Щемелининой Надежды Ивановны, жительницы Ленинграда (*1922–2014*)

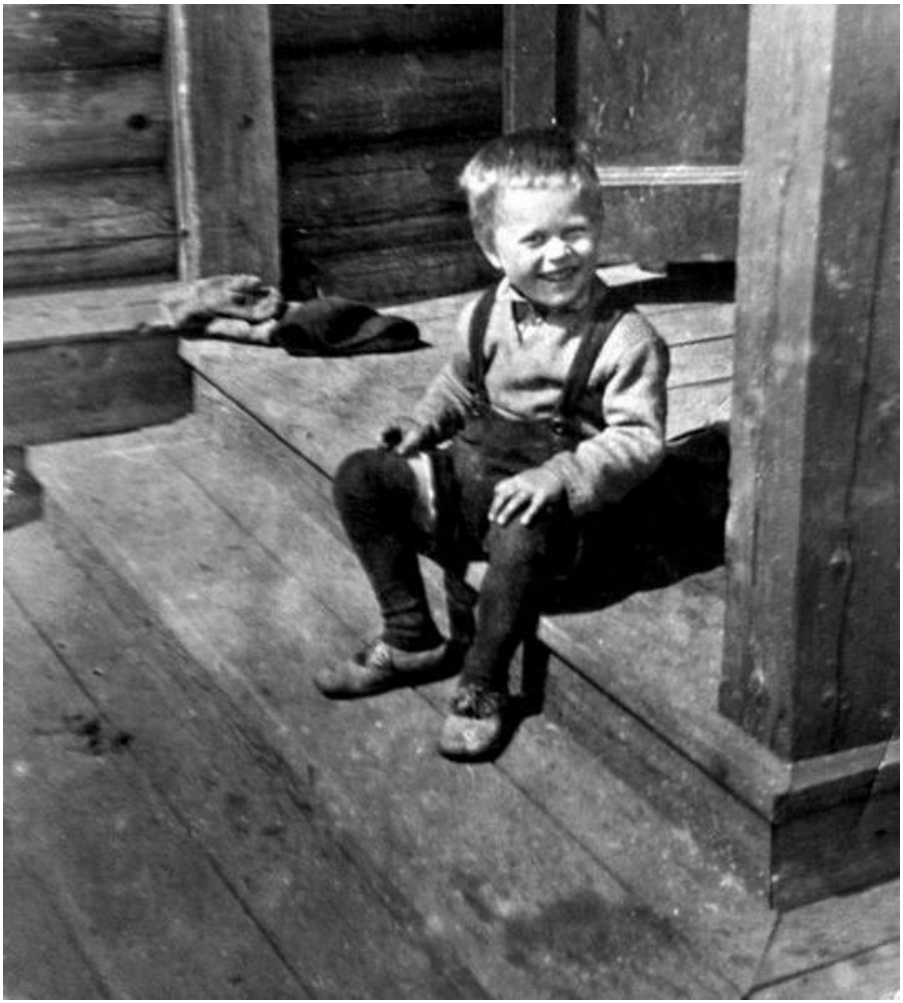
Ангел-хранитель

Боязнь репрессий

К началу Великой Отечественной войны мне исполнилось 9 лет и я перешел во второй класс начальной школы, умел прилично читать и писать. Мама, отчим и я к началу войны жили в коммунальной квартире, расположенной в доме на углу улицы Халтурина (ныне Миллионной) и Мошкова переулка. Меня часто посылали в булочную за хлебом, в гастроном – за колбасой, сливочным маслом, сыром. Кроме того, мне разрешали самостоятельно ездить на автобусе № 2 к моему деду – известному скульптору[2], проживавшему тогда в собственном доме вблизи больницы Мечникова.

Для девятилетнего мальчика я мог считаться достаточно развитым, а также достаточно сильным физически. И это притом, что в раннем детстве переболел многими болезнями, в том числе туберкулезом, корью, воспалением легких. Несмотря на это, поскольку со дня рождения и до 5 лет я проживал с матерью в доме деда на окраине Ленинграда почти в деревенских условиях, по мере возможности сам приобщался к труду. Доставал из колодца неполные ведра воды, неумело, но прибивал молотком отваливающиеся доски от забора, строил из веток и деревянных отходов шалаши. С соседскими ребятами играл на улице в лапту, чем мы немало раздражали соседку, когда мяч залетал к ней в ее огород и мы залезали за ним через забор!

Осенью 1939 года мы с мамой и ее мужем, моим отчимом, уехали в Рязань, где провели целую зиму, а весной 1940 года вернулись в Ленинград. Причиной этого временного переселения была боязнь отчима репрессий. Дело в том, что незадолго до этого отчим, Михаил Хвостов, профессиональный виолончелист и дирижер, в составе делегации, в которую входили такие известные композиторы, как Д. Шостакович, Д. Покрасс, Книппер, посетили Германию. Их там очень хорошо приняли, оттуда отчим привез очень много нот, а также одежды – себе и моей маме. Однако друзья в связи продолжавшимися в стране репрессиями, посоветовали ему на время покинуть Ленинград. В то время каждого вернувшегося даже из официальной поездки заграницу могли обвинить в шпионаже в пользу империалистов.



Лев Шервуд. 1936 г.

Я не случайно решил вкратце описать маленькую часть моей довоенной биографии, чтобы и самому осмыслить причину выживания в жутких, нечеловеческих условиях ленинградской блокады! Общаясь с очень немногими оставшимися в живых людьми, пережившими блокаду, я убедился в том, что выживали только те, кто сумел сохранить прежде всего силу духа! Например, моя мама, родившаяся в 1904 году, получила своего рода закалку, неоднократно испытав холод и голод при царском и советском режимах, не впадая в уныние. Я очень любил маму (хотя и не был никогда маменькиным сынком) и старался подражать ей во всем, особенно в трудных ситуациях. Я не помню, чтобы она когда-нибудь паниковала или сетовала, хотя производила впечатление хрупкой и слабой. В то же время она не была практичной и не догадалась запастись провизией до тех пор,

пока не началась паника в связи с отсутствием продуктов в магазинах!

Неожиданное спасение

Не могу не вспомнить эпизод, последствия которого могли бы стать трагическими для всей нашей семьи. В связи с приближением немецкой армии к Петербургу участились налеты на город ее авиации. В качестве одного из заслонов от них широко стали использоваться аэростаты, напоминающие дирижабли, но значительно меньшие по размерам и не имеющие корзин для пассажиров. На место запуска их переносили на руках, преимущественно военнослужащие-девушки по четыре – пять человек с каждой стороны.

Как-то раз с несколькими ребятами из моего класса мы побежали смотреть на набережную Невы на запущенные аэростаты, и я чуть не повторил фразу моего отчима о том, что если немцы займут город, то жить нам будет лучше. Как будто чья-то рука сумела зажать мне рот, и я промолчал! Отчим, побывав в Германии, взахлеб рассказывал о благополучной жизни немцев, не предполагая, что в феврале 1942 года умрет в муках от голода в тисках установленной ими блокады города.

Сейчас, по истечении многих лет, я все больше убеждаюсь в том, что у нас с мамой в то немыслимое время был Ангел-Хранитель! Могу привести несколько примеров, подтверждающих это предположение. В конце сентября 1941 года по просьбе родственников моего отчима – семьи известного академика С. И. Вавилова, которые собирались эвакуироваться, – мы перебрались в их квартиру, дабы сохранить ее. Находилась она в академическом трехэтажном особняке по Биржевой линии Васильевского острова вблизи ГОИ (Государственного оптического института). Через несколько дней после того, как мы перебрались туда, нам пришлось вернуться в свою квартиру, чтобы забрать вещи. То, что мы там увидели, повергло нас в шок. Во дворе нашего дома, куда выходило окно нашей девятиметровой комнаты, взорвалась авиабомба. Невозможно передать словами, во что превратились окно и мебель комнаты. А, если бы в ней в тот момент находились мы?! Выходит, что Вавиловы, сами того не предполагая, спасли нам жизнь!

Вскоре после нашего переселения мы с мамой пошли пешком через Тучков мост проститься с уезжающей в эвакуацию семьей маминой сестры Норы. Жили они на углу Кронверкской и Пушкарской улиц Петроградской стороны. Путь был неблизкий, но в это время обстрелов и бомбежек (последние проводились

преимущественно ночью) не было. Недолго побыв у них и простившись, мы двинулись домой. Вслед за нами неслись жалобные крики двухгодовалой дочки Норы, Ольги: «Хеба, хеба!» В то время, когда мы возвращались по правой стороне Большого проспекта и находились в районе Введенской улицы, начался артобстрел. Какой-то мужчина посоветовал нам немедленно перейти на другую сторону и спрятаться в аптеке. Через ее окно мы увидели, как один из снарядов разорвался там, откуда мы успели уйти, следуя совету незнакомца! В тот момент мы даже не осознали, какую неоценимую услугу оказал нам тот неизвестный человек! К счастью, артобстрел продолжался недолго, и мы благополучно вернулись домой.

Зловещее предзнаменование

В первые же дни сентября, сразу после того, как немцы замкнули кольцо блокады, они разбомбили Бадаевские продовольственные склады, не только разрушив их, но и вызвав грандиозный пожар. Он был прекрасно виден нам, хотя мы находились на Университетской набережной Васильевского острова. Несмотря на многокилометровую удаленность пожара от нас и как бы загораживающее от него высокое и протяженное здание Адмиралтейства хорошо были видны поднимающиеся над ним языки темно-красного пламени и густого смолисто-черного дыма! В тот момент я, да и многие другие жители Ленинграда, до сих пор даже и не знавшие о существовании Бадаевских складов, почувствовали приближение неизбежного голода! Хотя некоторые историки и сейчас преуменьшают последствия этого события для города, тот страшный пожар стал для нас зловещим предзнаменованием. Действительно, вскоре еще больше начали урезать нормы хлеба и других редких продуктов по карточкам, и ни о каких их запасах в нашей семье теперь не могло быть и речи, а после съеденного хлеба не оставалось ни крошки! Даже сейчас, по прошествии более семидесяти лет после блокады, я стараюсь не оставлять после себя несведенные остатки хлеба или булки!

Рано наступившие холода и морозы, отсутствие в квартире и доме водяного отопления и вообще водоснабжения заставили нашу семью по-новому обеспечить себя водой, теплом и горячей пищей. Единственным источником воды для нас и наших ближайших соседей стала река Нева. Изначально отчим и я, вооружившись бидонами, вместе ходили на Неву к ее ближайшему гранитному спуску. Спустившись, мы привязанными за веревки бидонами зачерпывали невскую воду, а затем возвращались домой. Дорога туда и обратно проходила мимо

университета и составляла около километра. В дальнейшем этим пришлось заниматься мне одному! Когда эта дорога и Нева покрылись льдом и снегом, я стал возить бидоны с водой на саночках. К тому времени Нева замерзла, и воду из нее все черпали из проруби. Для этого по очереди становились на ее краю на колени. Также поступал и я, но однажды, потеряв равновесие, дернул головой и чуть не окунул ее в воду. Счастье, что один мужчина сумел схватить меня за воротник и оттащить в сторону! Но и эта возможность набрать воды скоро прекратилась. Морозы стали крепчать, и прорубь за ночь успевала затягиваться льдом, который все труднее стало разбивать ломом обессиленным от начавшегося голода мужчинам. На наше счастье, начались снегопады. Я стал ведрами собирать около дома снег и появившиеся ледяные сосульки, а в квартире они растаивали и превращались в воду.

Пришло время, когда ходить на Неву нам стало невмочь. Слава Богу, что наступившая зима была не только морозной, но и снежной, причем снег был сравнительно чистый. Мы собирали его в ведра, а образовавшуюся при таянии воду использовали для питья, предварительно прокипятив на «буржуйке», и мытья, а скорее обтирания при помощи намоченной в ней тряпочки лица и рук. Вода эта, естественно, была невкусной, но и она спасала нас от обезвоживания организма. Более вкусной она была, когда удавалось найти и отколоть куски льда и также растопить их. Однако эта работа с каждым днем давалась все труднее и труднее.

Ирина Леонидовна Шервуд

Когда немцы захватили большую часть левого берега Невы, вывели из строя 5-ю и 8-ю ТЭС, а также прервали поступление электроэнергии от Свирской и Волховской ГЭС, наш и большинство других гражданских домов города остались без электрического освещения. И снова пригодился родительский опыт освещения (полученный во время Гражданской войны) – при помощи коптилки. Она представляла собой жестяную баночку со съемной крышкой, в центре которой вертикально к ней

впаивалась трубочка. В нее просовывался фитиль, изготовленный, как правило, из скрученной тряпки или пучка ниток, один конец которых торчал сверху, а другой, более длинный, – снизу, и впитывал в себя керосин или масло, налитые в баночку. Верхний конец фитиля поджигался и тускло освещал небольшое пространство вокруг себя наподобие лампадки, но, в отличие от нее, источал малоприятный запах. При таком свете читать было практически невозможно, да и необходимость в чтении отпала – не до того!

Пищевой рацион к этому времени свелся к минимуму. Весьма скудные запасы продуктов кончились, а по карточкам стали выдавать только по 125 граммов (осьмушке) хлеба. Этот, с позволения сказать, хлеб представлял собой ломтик, а скорее, брусочек вязкой коричнево-черной массы, из которой со всех сторон торчали какие-то волоски, похожие на опилки. По вкусу он почти не напоминал хлеб, но даже к нему, как к единственному средству выживания, выработалось благоговейное отношение.

Видели бы вы, с каким напряжением смотрели все мы, стоявшие в очереди за хлебом, за действиями продавщицы, отрезающей от буханки эти мизерные кусочки и кладущей их на одну из тарелок рычажных весов, в то время как на второй уже лежали соответствующие весу гирьки.

Правильно взвешенным считался хлеб только тогда, когда клювики весов в результате долгожданного равновесия устанавливались друг против друга.

Как правило, достичь его удавалось при помощи так называемых довесков-кусочков этого хлеба, добавляемых к взвешиваемому куску. При тусклом освещении прилавка керосиновой лампой у недобросовестных продавцов появлялась возможность для обвешивания покупателей разными способами.

Самым распространенным являлся следующий: продавец незаметно пальцем левой руки отжимала книзу подвижную часть весов под тарелкой, на которую помещался взвешиваемый хлеб, как бы увеличивая его вес.

Другим способом был тот, когда у гири высверливались снизу отверстия, которые маскировались, благодаря чему ее вес значительно уменьшался, и вместо 125 граммов хлеба покупатель получал 90–100 граммов.

При обнаружении этого жульничества продавцов сурово карали, однако случалось это редко.

Сложно было и с отоплением. В доме было водяное отопление от расположенной в его подвале котельной, но при

отсутствии водопроводной воды она бездействовала! В огромных комнатах квартиры жить стало невозможно из-за холода. Печи, которые остались в них с еще дореволюционных времен, топить было нечем! Хотя Вавиловы перед эвакуацией разрешили нам ломать мебель и топить ею печи, но у нас рука не поднималась ее уничтожать! По этой причине нам пришлось всей семьей поселиться на кухне, а для ее обогрева пользоваться добытой где-то печкой-»буржуйкой». Она изготавливалась в то время вручную из листовой стали, имела круглую цилиндрическую форму, дверцу и выход для дымохода, одновременно являясь мини-плиткой. Изначально мы топили ее древесными отходами, газетами, картоном, вскоре это «топливо» закончилось. И тут я вспомнил о том, что возле дома при входе в котельную лежит куча угля, завезенная еще летом, но засыпанная снегом. Необходимо отметить, что мы, проявив смекалку, научились не только топить углем «буржуйку», к чему она не была приспособлена, но и сделать топку непрерывной! У меня и мамы сложилось твердое убеждение, что решающую роль в том, что мы выжили в жуткую блокадную зиму 1941–42 годов, сыграло тепло и возможность приготовить хоть скудную, но горячую пищу благодаря «буржуйке»! Немалую роль сыграло в этом и то, что мы с ней ни минуты не теряли бодрости духа, хотя не получали никакой помощи со стороны!

Во время налета

Первый раз мы спустились в бомбоубежище в августе 1941 года, когда начались регулярные ночные налеты фашистских бомбардировщиков.

О начале бомбардировки оповестил зловещий вой сирены из репродуктора, при этом диктор настоятельно рекомендовал гражданам спуститься в бомбоубежище. Однако в нашем сравнительно небольшом трехэтажном доме оно отсутствовало, и нам приходилось бегать в соседний, напротив нашего, дом по Мошкову переулку.

В тесном подвале, наспех переоборудованном в бомбоубежище, скапливалось много народу из этого и соседних домов. Мысль о том, что в случае попадания бомбы в этот дом мы окажемся погребенными под ним, естественно, не вызывала у нас и у многих оптимизма. По этой причине, побывав там один или два раза, мы перестали туда ходить.

Вообще, со временем чувство страха при бомбардировках как-то притупилось, если не исчезло вовсе. Дальнейшее пребывание в блокадном городе показало, что человек ко всему может

привыкнуть!

Мальчишеское любопытство, несмотря на предостережение матери и отчима, тянуло меня на крышу дома. В это время немцы при бомбардировках начали часто применять небольшие по размеру, но начиненные термитом зажигательные бомбы. Их коварство состояло в том, что, даже не пробив крышу из-за малой массы, не более 10 кг, они, оставаясь на ней, легко прожигали кровельное железо и вызывали пожары в деревянных перекрытиях домов. Для их своевременного сбрасывания с крыш и тушения из гражданских лиц сформировали специальные бригады, оснащенные брезентовыми рукавицами, совковыми лопатами, ломами, песком и иногда огнетушителями, которые были в дефиците.

В одной из таких бригад состоял выдающийся композитор Д. Д. Шостакович, страдавший сильной близорукостью и мало приспособленный к такого рода деятельности интеллигент. Еще в начале блокады он эвакуировался, кажется в Ташкент, где и написал свою знаменитую 7-ю (Ленинградскую) симфонию.

Несмотря на то что я боялся высоты, меня все же тянуло на чердак нашего дома, где находилось так называемое слуховое окно, через которое можно было вылезти на крышу или смотреть на небо во время налета.

С наступлением темных ночей немцы использовали специальные средства, чтобы осветить предназначенные для бомбардировок объекты города. На парашютах с самолетов сбрасывали устройства, начиненные пиропатронами, которые автоматически на определенной высоте взрывались, образуя большие, наподобие современных фейерверков, точечные источники мертвенно-белого света. Я бы сравнил его со светом от недавно появившихся у нас в продаже светодиодных фонариков.

Продолжительность свечения немецких пиропатронов была значительно больше, чем у фейерверков, что, очевидно, позволяло фашистским летчикам лучше рассматривать город сверху. В качестве явно психологического оружия при бомбежках немцы использовали звуковые приемы. Летящие самолеты, кроме естественного шума, создаваемого моторами, издавали жуткий вой, аналоги которому трудно было найти. Поначалу он действительно вызывал у некоторых людей панику, но в дальнейшем к этому также стали привыкать. Как потом выяснилось, чтобы добиться такого устрашающего звука, немцы подвешивали на выхлопные трубы двигателей самолетов выполненные из консервных банок специальные устройства. Даже мы, дети, тогда знали, что если на продуваемом ветром чердаке положить порожнюю железную банку, сориентированную

навстречу движению воздуха, то она создает подобные воющие звуки!

Помимо этого для наводки авиабомб немцы использовали специальных агентов, которые вблизи подлежащих бомбардировке объектов производили из ракетниц очереди, которые прозвали «зелеными цепочками». Несмотря на введенный в городе комендантский час, запрещающий гражданам без специальных пропусков появляться на улицах после 22 часов, то тут, то там над крышами домов взмывали в небо эти ракеты. Через слуховое окно на чердаке мне довелось несколько раз наблюдать их появление.

Одновременно с воздушными налетами немцы сбрасывали на город массу листовок, в которых призывали военнослужащих и жителей сдаться на милость победителей, утверждая, что сопротивление бесполезно, но тем, кто сохранит листовки и предъявит их немецкому командованию, сохранят жизнь. В свою очередь, городские власти предупреждали, что хранение или передача немецких листовок другим лицам будет преследоваться по законам военного времени.

После 8 сентября, когда фашисты замкнули кольцо блокады, артобстрелы города стали регулярными и на многих улицах появились написанные на стенах домов объявления; «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» В настоящее время единственное объявление такого рода в виде памятной доски осталось на Невском проспекте.

Кстати, по Невскому тогда еще ходили трамваи, один из них – № 4, у которого, как и у других, было два кольца: одно из них на острове Голодай (о. Декабристов), а другое – около Волкова кладбища. В связи с этим в блокаду бытовала пословица: «Живу, как трамвай четвертый номер: поголодаю-поголодаю, а затем на Волково кладбище!»

Вскоре трамвайное и троллейбусное движение в городе прекратилось – не хватало электроэнергии. Автобусное движение ввиду дефицита бензина остановилось еще раньше. Кроме того, было введено военное положение и запрещено массовое скопление людей в одном месте.

Спасение пришло неожиданно

Для обогрева помещения и приготовления пищи, если ее можно так называть, родители где-то раздобыли сделанную из листового железа маленькую круглую печку, так называемую «буржуйку». Как они говорили, у них уже был печальный опыт пользования «буржуйками» во время революции и Гражданской

войны!

Круглую железную трубу, имеющую форму колена, предназначенную для вывода дыма из буржуйки, вывели наружу через форточку. Поначалу для топки удавалось использовать оставшиеся во дворе дрова, доски, щепки и другие деревянные обрезки, но вскоре, поскольку мы не были одиноки в такой ситуации, все их сожгли. Топить мебелью, как это делали тогда многие, мы не решались не только потому, что она старинная и добротная, но и потому, что ее явно не хватило бы надолго!

Спасение пришло неожиданно. Во дворе возле стены дома была обнаружена присыпанная снегом куча угля, которым мы стали топить «буржуйку». Хотя процедура топки углем более сложна, во имя собственного спасения пришлось освоить и ее. Дело в том, что для растопки в этом случае все равно необходимы дрова или керосин (можно и бензин), которые были в остром дефиците, поэтому приходилось все время поддерживать в топке огонь, как у первобытных людей. Кроме того, это позволяло не замерзнуть нам даже на кухне.

Выжить и умереть в один день

Из нас троих мой отчим, которого я называл дядя Миша, с наступлением голода начал сдавать первым. Будучи высокого роста, но от природы худощавым, он, несмотря на то что занимался спортом: плавал на байдарках (тогда они не были разборными и делались из фанеры), летал на планерах, прыгал с парашютом и хорошо ходил на лыжах, – дистрофией заболел раньше нас. К этому времени мы все переселились на кухню, где находилась печка-«буржуйка», так как в остальных комнатах из-за отсутствия отопления жить было невозможно.

С каждым днем отчим слабел все больше и больше, вставая с постели только по мере необходимости. Поскольку водопроводной воды не было, пользоваться туалетом не представлялось возможным, и для этих целей пришлось применить ведро, которое мы с мамой выносили по очереди во двор и тут же выливали. Ни о каком мытье, кроме обтирания лица и рук влажной тряпкой, слегка смоченной водой, не приходилось и думать!

В конце января 1942 года, после временного отсутствия выдачи хлеба по карточкам (говорили, что не работал хлебозавод), его норму увеличили до 250 граммов.

Хорошо помню это солнечное морозное утро, когда мы с отчимом, еле передвигая ноги, направились в ближайшую булочную, которая находилась тогда в Биржевом переулке. Как

только мы спустились по лестнице и вышли из дома под арку, увидели слева во дворе веревочное ограждение с красными флажками и военных за ним. Увидев нас, они закричали, чтобы мы скорее проходили, так как во двор упала неразорвавшаяся бомба, которую старались обезвредить саперы.

Мы с отчимом, насколько позволили нам силы, постарались, не мешкая, покинуть арку и свернув налево, медленно двинулись в сторону булочной. Через какое-то время, отоварившись хлебом, пошли обратно к дому Когда до арки нам оставалось дойти метров тридцать, раздался оглушительный взрыв. Свернув в нее, мы увидели в глубине двора огромную воронку и сразу поняли, что это взорвалась авиабомба, которую саперы не смогли обезвредить.

Впоследствии мы узнали, что все они погибли. Полное состояние апатии не позволило нам в тот момент даже взглянуть в сторону образовавшейся воронки и полюбопытствовать, остался ли там кто-либо в живых? Двигало нами только желание скорей утолить чувство нестерпимого голода только что полученным после большого перерыва похожим на глину черным хлебом.

Тогда мы еще не знали, что при дистрофии, когда желудок человека сильно уменьшается в объеме и перестает переваривать пищу, нельзя сразу набрасываться на еду, так как может возникнуть заворот кишок. Мы с мамой, скорее инстинктивно, решили распределить хлеб на этот и последующие дни, но отчим решил утолить свой голод сразу – набросился на принесенный хлеб, а ночью умер в агонии, судя по всему, от заворота кишок. В полузабытьи он напевал мелодии Баха, Моцарта, Шуберта, своих любимых композиторов – их музыка, очевидно звучавшая в его душе, помогла ей уйти в лучший мир.

Мы с мамой остались вдвоем с трупом отчима. О том, чтобы похоронить его, не могло быть речи, но и оставлять в помещении, где мы жили, тоже нельзя! С огромным трудом перекатив отчима с кушетки на простыню, мы, взявшись за ее концы, вытащили его в прихожую. Примерно через неделю двое мужчин-доходяг за полбуханки хлеба утащили труп отчима на улицу, откуда его увезли санитары, скорее всего на ближайшее Смоленское кладбище в братскую могилу Несмотря на мои попытки, место его захоронения выяснить не удалось.

Я с чувством глубокой благодарности вспоминаю своего первого отчима, талантливого музыканта, дирижера и педагога. Он прожил с нами всего пять лет, но на всю оставшуюся жизнь привил мне любовь к музыке, обнаружил во мне музыкальные способности и определил меня в музыкальную школу по классу скрипки.

Глаза голодного зверя

Если раньше за хлебом в булочную мы ходили вдвоем с Мишей, то теперь это пришлось делать мне одному. Как-то, получив по трем карточкам, включая Мишину, сразу за несколько дней целую буханку хлеба, я засунул ее за пазуху пальтишка и направлялся в сторону дома. Вдруг на меня налетел и толкнул в сугроб какой-то мужчина, при этом вырвав из-за пазухи долгожданную буханку. Я закричал и пытался отобрать ее, но силы оказались слишком неравные. Никогда не забуду его глаза – глаза голодного зверя, который готов убить и растерзать меня из-за буханки. Место, где это произошло, Биржевая линия, не было безлюдным, но никто за меня не вступился, да, судя по всему и не смог бы при всем желании!

Для нас с мамой это оказалось серьезнейшим испытанием, так как в доме не оставалось ни корки хлеба и даже сварить было нечего!

До сих пор не могу понять, как нам удалось выжить? Видно это было угодно Господу! Маме где-то удалось достать дуранды, которая представляла собой спрессованные жмыхи – корм для животных: коров и свиней. По виду и размеру они напоминали плитки шоколада, есть их мы могли, только предварительно размочив в воде, иначе о них можно было сломать зубы! Я еще как-то умудрялся понемногу откусывать от них маленькие кусочки: так хотелось есть, а мама не решалась!

Дом скульптора

Зимой 1942 года нам пришлось перебраться в дом моего деда-скульптора – позвала нас моя двоюродная сестра, которая вскоре уехала, оставив нас с мамой вдвоем.

Шли через весь город. Наш путь уже подходил к концу. Здесь город как бы заканчивался и начинались пригороды с деревянными одно-и двухэтажными домами. Основная их масса располагалась вдоль Кондратьевского проспекта. Выйдя на улицу Замшина, мы значительно сократили наш путь.

Улицу Замшина, названную в честь известного врача, жившего еще до революции в этих краях, улицей можно было назвать весьма условно, так как она представляла собой обычную грунтовую проселочную дорогу и проходила практически по ровному полю параллельно Кондратьевскому проспекту.

Дом скульптора Л. В. Шервуда до войны

Справа и слева от нее на расстоянии нескольких сот метров располагались деревянные домишки, а поле, покрытое снегом, усеяно бугорками, которые при ближайшем рассмотрении оказались замерзшими и оледеневшими трупами людей!

Дорога, по которой мы двигались в сторону проспекта Мечникова, была узкой, но довольно укатанной и плотной, что позволяло нам сносно передвигаться и тащить за собой саночки со скарбом. И вдруг мы увидели то, что ошеломило даже нас, много повидавших и переживших! Слева, прямо на обочине дороги, на ватнике лежала отрезанная, скорее всего отпиленная, человеческая нога! Через некоторое время на этой же стороне дороги мы увидели женский труп с вырезанной ягодицей! Не вызывало сомнения, что в этих местах занимались людоедством!

Несмотря на страшную усталость, ноги сами понесли нас вперед. Даже нас, насмотревшихся на мертвых людей, ужаснули эти жуткие свидетельства людоедства!

Позже наш участковый милиционер Вепренцев доверительно сообщил маме, попросив не болтать о том, что в одном из построенных перед самой войной кирпичных трехэтажных домов, ныне существующих, жил и работал истопник, а в подвале около котельной обнаружили кости и черепа порядка сорока человек! В ходе следствия истопник признался, что продавал мясо и студень, полученные из тел этих несчастных!

Дедов дом, в котором мы наконец оказались, представлял тогда двухэтажную бревенчатую пристройку к скульптурной

мастерской.

Отдышавшись, мы с трудом открыли массивную, примерзшую калитку и по нечищеной тропинке прошли к дому. Дверь на крыльце оказалась незаперта, а другая, ведущая в дом, – на замке. Когда мы вошли в коридор, то на нас пахнуло промозглым холодом.

На втором этаже, куда вела деревянная лестница, находилась круглая печка, отапливающая обе комнаты, которые относительно быстро можно было прогреть.

Дрова, слава Богу, в доме оставались, поэтому, затопив печку, мы стали обживать наше новое (старое) пристанище.

На первом этаже находилась кухня с плитой, которую нам также пришлось растопить, чтобы накипятить воды, с трудом набранной из колодца. Колодец неглубокий, сильно замерзший. Во льду – маленькое отверстие, через которое с трудом проходило ведро. Вытащить его, наполнив водой, нам удалось только совместными усилиями! Согревшись водой, вскипяченной в чайнике на плите (буржуйки в доме не было), в которую для иллюзии чайной заварки бросили корки хлеба, и съев немного дуранды, мы стали растапливать печки в комнатах, где собирались ночевать и жить (мы с мамой наверху, а Вера, двоюродная сестра, – внизу, в дедовой комнате).

Прогреть их в промерзшем двухэтажном доме с холодными, необогреваемыми коридором и лестницей, сразу, естественно, не удалось, и ложась спать, мы нацепили на себя все что можно!

Необходимо отметить, что деревянный дом являлся фактически пристройкой к ранее построенной каменной скульптурной мастерской моего деда Леонида Владимировича Шервуда, известного скульптора, профессора, заслуженного деятеля искусств РСФСР. Он построил ее в 1913 году на деньги, полученные за памятник адмиралу С. О. Макарову, установленному на Якорной площади в Кронштадте. При мастерской имелись две комнатушки, в которых, непонятно как, размещалась многочисленная семья!

В 1933 году, когда дед на конкурсе по случаю 15-летия РКК (Рабоче-крестьянской Красной армии) получил первую премию за бронзовую скульптуру «Часовой», он решил на полученные деньги сделать деревянную пристройку к мастерской, представляющую фактически новый жилой дом. Дед привык все делать сам. Он задумал осуществить двухэтажную деревянную пристройку к мастерской, используя ее в качестве четвертой стены. Судя по всему, надежной связки между ними не было, так как весь коридор и лестница со всех сторон продувались морозным воздухом! При этом входные двери комнат совершенно не были

утеплены! Заснуть мы с мамой смогли только лежа на одной кровати, крепко прижавшись друг к другу и накрывшись всем, чем можно!

Утром мы смогли осмотреться и воочию убедиться в том, насколько запущен оставленный дедом дом. По сравнению с вавиловской квартирой, где мы провели жуткую холодную зиму в ограниченном кухней пространстве, которое прогревалось буржуйкой, здесь обеспечить тепло стало значительно труднее. Угля не было, да и печка приспособлена только для топки дровами, которых в сарае оставалось немного, и таскать их приходилось на второй этаж.

Однако мы с мамой, истощенные до предела, не могли расслабляться и начали обживать дом!

Ни голод, ни холод не смогли подавить во мне чувство детского любопытства! В первые же дни я излазал в доме все что можно. Наибольший интерес у меня, естественно, вызывала скульптурная мастерская. Вход в нее находился в самом конце коридора, справа перед выходом на веранду. Он закрывался тяжелой массивной дверью.

Снаружи дверь также закрывалась на массивную задвижку, которая была отодвинута. С трудом открыв дверь, я с опаской вошел в мастерскую.

Сейчас трудно вспомнить, что вызвало у меня дрожь: жуткий промозглый холод в огромном, размером с трехэтажный дом, помещении, которое венчал стеклянный купол, полумрак или скульптурные фигуры, расположенные на деревянном круге и вокруг него.

Честно говоря, вся эта обстановка немного напоминала фрагмент кладбища, поскольку эти фигуры являлись по сути дела гипсовыми копиями в натуральную величину памятников и надгробий, ранее отлитых в бронзе. Покрашенные преимущественно в коричневый цвет, они при слабом дневном освещении через промерзшие стекла купола (окон в мастерской не было) производили зловещее впечатление.

С вершины купола свисали массивные цепи с блоком, при помощи которых дед поднимал скульптуры и перемещал в нужное место круга или вне его. Сам круг, имеющий чугунные колесики, по круглому рельсу можно было вращать вокруг своей оси, тем самым поворачивать скульптуры в сторону максимальной освещенности в процессе ваяния.

Сейчас этот круг с замерзшими и давно не смазанными колесиками повернуть я не смог.

Соседи

Не могу не вспомнить с благодарностью о нашей соседке, жившей на противоположной стороне Сазоновской улицы. До войны мы ее прозвали Агрономшей и недолюбливали, а теперь она сама дала нам картофельных очистков, из которых мама сварила нечто наподобие супа, на некоторое время утолившего чувство голода! Звали ее Серафима Лукинюк, у нее был хороший, ухоженный до войны огород, но мы, мальчишки, играя в распространенные тогда игры – в лапту или в волейбол, часто невзначай закидывали к ней за забор мячи, а потом без разрешения лезли за ними, топча грядки. Тогда, естественно, мы, дети, не уважали чужой труд, как, впрочем, и многие взрослые!

Другая соседка, жившая в доме по Ростиславской улице, Елизавета Михайловна Киселева, тоже пригласила нас на обед, накормив супом из протертых овощей, который мы, заедая кусочком хлеба, с удовольствием съели. Впоследствии мы поняли, что ее гостеприимство не был о случайным. От мамы она узнала о вавиловской квартире, где мы жили до того, как перебрались в дом деда, много интересующих ее вещей: ковров, статуэток, сервизных тарелок, чашек, ножей и ложек. Несмотря на то что даже в тот момент дом ее представлял собой фактически антикварный магазин, жажда приобретения ею за бесценок новых вещей была огромной!

За время обеда она настойчиво выпытывала у мамы подробные сведения о ценных вещах, находившихся в квартире Вавиловых, за которые предлагала продукты. А они, судя по всему, у нее имелись, так как она в то время работала сестрой-хозяйкой больницы имени Мечникова. Мы с мамой впервые столкнулись с таким блокадным явлением, как стяжательство, оказывается, довольно распространенным. Мне до сих пор непонятно, как в то жуткое голодное время некоторые люди могли думать о наживе.

Отдельно от нее, в бревенчатом домишке типа бани, проживал ее муж Григорий Самуилович Киселев, бывший чекист. Судя по всему, у них с Елизаветой, как мы с мамой ее про себя называли, были непростые отношения. Свело нас с ним происшествие, случившееся как-то ранним морозным утром.

Мы с мамой проснулись и вскочили с постелей, до того, что дом вдруг заходил ходуном, посыпались стекла и до нас докатился громкий звук мощного взрыва. Как мы впоследствии узнали, на станции Ржевка, вблизи Пороховых, где размещались подземные заводы и склады с боеприпасами, взорвался нагруженный боеприпасами эшелон! По прямой от него до нашего дома было около трех километров.

Единственным человеком, который мог и взялся в нашей

округе заделать оставшиеся без стекол окна в наших жилых комнатах, был Григорий Самуилович! По просьбе мамы он довольно быстро дохромал до нашего дома и с трудом поднялся на второй этаж по крутой лестнице. Поначалу он велел нам поискать в доме фанеры, чтобы заложить ею окна, дабы не выстудить помещение, так как на улице был еще сильный мороз, несмотря на ясную солнечную погоду, а сам стал замерять рамы под новые стекла.

Тем временем мы нашли в дедовой мастерской несколько листов фанеры, которыми с помощью Самуилыча, как за глаза впоследствии его называли, закрыли окна, а также навесили на них одеяла. В тот же день Самуилыч вставил наружные стекла, оказав нам неоценимую услугу.

СЭГ 2222. Главный госпиталь города

Мы с мамой продолжали пользоваться не только своими, но и карточками Михаила Хвостова, однако еды явно не хватало, так как по ним практически выдавали только по 250 г хлеба. И мама решила пойти работать вольнонаемной санитаркой в сортировочный эвакогоспиталь (СЭГ 2222), расположенный с начала войны на территории больницы имени Мечникова (ныне имеющей первоначальное имя Петра Великого).

В 1942 году он являлся главным госпиталем города, поскольку в него поступало наибольшее количество раненых с Ленинградского фронта. Если на южной части фронта, несмотря на массированные артиллерийские обстрелы города немцами с занятых ими Пулковских высот и Вороньей горы, было относительное затишье и окопная война, то на северо-востоке, в районе Шлиссельбурга и Невского пятачка, сражения не прекращались ни на один день!

Наибольшая близость госпиталя к линии фронта (около 40 километров), растянувшегося вдоль реки Невы от Шлиссельбурга до Невской Дубровки, а также его расположение прямо на Дороге жизни делали его стратегическим военно-санитарным объектом блокадного города!

Построенная еще до 1917 года железнодорожная ветка вблизи больницы Петра Великого, соединявшая Финляндский вокзал со станцией Ладожское озеро и со станцией Невская Дубровка, позволяла доставлять раненых в вагонах прямо в госпиталь. Для этого непосредственно за больницей была построена железнодорожная платформа (рампа) к ответвлению от построенной тоже до революции железной дороги, соединявшей станцию Пискаревка с Финляндским мостом через реку Неву По

этой ветке, которая называлась Окружной, до 1917 года ходили пассажирские пригородные поезда от Финляндского вокзала до Московского. По ее пути были построены две типовые (как нынешняя Пискаревка) станции: Полюстрово (вблизи шоссе Революции) и Дача Долгорукова, на месте которой ныне расположен Ладожский вокзал.

В военном отношении месторасположение госпиталя оказалось почти идеальным. От восточной и южной линий фронта до него было около 30–40 километров, поэтому под вражеские артобстрелы он не попадал. Со стороны северо-западного Финского фронта, тянувшегося от Белоострова через Лемболово с выходом на Ладожское озеро, расположенное от нас тоже на расстоянии более 30 километров, артобстрелы также не производились.

Не было также немецких авианалетов по разным причинам. Единственный раз, еще до нашего возвращения, преследуемый нашими истребителями немецкий бомбардировщик, летевший со стороны Финляндского вокзала в нашу сторону, хаотично сбросил несколько бомб. Две из них попали в дома по Ключевой и Брюсовской улицам (детский садик), последний был тогда уже эвакуирован, а другие две сброшены на питомник (ныне сквер А. Д. Сахарова) и в поле недалеко от указанного садика. Воронки от этих бомб еще долго напоминали нам о войне!

Кроме того, немцы за всю войну ни разу не бомбили наш микрорайон, так как в 9-м и 11-м павильонах больницы Мечникова (СЭГ 2222) находились пленные раненые немецкие офицеры, содержание которых было значительно более комфортным, чем наших! В то время, когда в рацион наших раненых военнослужащих входили, в основном, только черный хлеб, каши и тушенки, немцам давали еще белый хлеб, лярд, свиное сало, чай с сахаром и компоты из сухофруктов! Медицинское обслуживание их тоже было особым! К каждому из старших немецких офицеров прикрепляли денщиков из легкораненых немецких солдат и ефрейторов. Отчим говорил, что это делалось по приказу самого И. В. Сталина! И это в то время, когда фашисты хотели измором, бомбежками и обстрелами заставить город капитулировать, что вызывало у большинства из блокадников только лютую к ним ненависть!

Однажды утром я пошел за хлебом в единственный в наших краях магазин, расположенный вблизи больницы Мечникова, справа от ее проходной. На подходе к моему дому по Сазоновской улице на меня вдруг сзади напал высокий мужчина, повалил в снег, вырвал авоську с буханкой хлеба и побежал в сторону больницы. Я вскочил, догнал его и пытался отобрать у него

авоську, но он снова отшвырнул меня в снег. Со слезами на глазах я побрел домой.

Второй раз у меня отобрали насущный хлеб. До какой степени голод доводил людей, если они среди белого дня шли на грабеж! В дальнейшем я никогда не носил хлеб в открытом виде, а всегда прятал его в сумке.

Между тем мама продолжала работать в госпитале, в 18-м павильоне санитаркой, зачастую в ночное время, когда чаще всего прибывали эшелоны с ранеными. Пока еще не растаял лед в верховьях Невы, не прекращались неоднократные попытки прорвать блокаду в районе Невского пятачка – с огромными потерями. Кроме того, под интенсивными бомбежками усилилось движение грузовиков по ледовой трассе Дороги жизни Ладожского озера, откуда тоже поступало много раненых.

В один из вечеров к рампе госпиталя прибыли один за другим три эшелона с ранеными, и в 18-м павильоне, где работала санитаркой мама, персонал не успевал принимать и даже регистрировать раненых. Мама попросила меня прийти и помочь в регистрации раненых.

В 1941 году я закончил первый класс и перешел во второй, поэтому читать и писать я уже умел. Мне поручили переписывать основные данные раненых из их красноармейских книжек в истории болезней. Иногда разобрать написанное в книжках было трудно из-за грязи или крови, налипших на их страницах – приходилось прибегать к помощи взрослых или пытаться самому рассмотреть написанное, приложив страницу книжки к стеклу, освещаемому с другой стороны лампой.

Около двух часов ночи меня отправили домой. В это время вдруг начали стрелять зенитные орудия, установленные на бронепоезде, который практически постоянно стоял у ворот узловой железнодорожной больницы на путях, идущих от станции Пискаревка на ее территорию. Судя по всему – немецкие самолеты-разведчики, которые на большой высоте летали над нами, но не бомбили, а периодически разбрасывали листовки, похожие по размеру и цвету на партбилеты. Они призывали ленинградцев сдаваться на милость победителей, обещая нам за это всяческие блага! Большое их количество мы собирали и на нашем участке и естественно, сразу их уничтожали! Последнее мы делали не столько из-за боязни репрессий со стороны НКВД и СМЕРШа, приказывавших их сдавать, сколько потому, что люто ненавидели немецко-фашистских захватчиков, которые обрекали нас на голод и смерть. И мы абсолютно не верили напечатанным в листовках их посулам!

Так вот, несмотря на продолжающуюся стрельбу зениток

бронепоезда я, мечтая поскорей попасть домой, до которого рукой подать, выбежал из проходной и устремился по направлению к дому И вдруг впереди, на расстоянии буквально двух шагов от меня, упал размером с чайное блюдце осколок зенитного снаряда! От неминуемой смерти меня спасло меньше секунды! Однако в тот момент, забыв осторожность, я захотел взять осколок себе на память, но он оказался настолько горячим, что пришлось сразу отказаться от этой затеи. К тому же стрельба продолжалась, и у меня хватило разума вернуться под своды проходной, но через какое-то время голод и острое желание добраться домой, поесть и лечь спать снова побудили меня рискнуть продолжить путь.

Как только мы с мамой стали понемножку избавляться от дистрофии, я начал уходить все дальше и дальше от дома. Детское любопытство брало верх над моими слабыми физическими возможностями.

Непрерывный гул

Я уже почти привык к шуму со стороны дорог, по которым эпизодически передвигались грузовики, к шуму и ощутимой тряске дома при прохождении по железной дороге мимо станции Пискаревка железнодорожных составов в любое время дня и ночи, но с разными интервалами. А тут мое внимание привлек непрерывный гул, напоминавший работу двигателей тракторов или танков, тоже со стороны железной дороги. Поскольку между нашим домом и железной дорогой расстояние не превышало двухсот метров, а пространство открытое и земля крепкая, еще промерзшая, как-то утром я двинулся в сторону источника шума.

Когда я добрался до обрыва, за которым в котловане были проложены рельсы железной дороги, то убедился в том, что шум доносится не с нее, а со стороны Пискаревской дороги (по ней после войны проложили нынешний проспект Непокоренных).

С трудом перебравшись через рельсы и по довольно крутому склону на другую сторону железной дороги, я по полю побрел в сторону источника шума. По мере приближения к нему я начал различать по другую сторону Пискаревской дороги непрерывно работавший экскаватор, ковш которого поднимал на поверхность и высыпал грунт из вырываемой им траншеи, а к краю вырытой ее части периодически подъезжали грузовики, наполненные обнаженными людскими трупами!

Двое мужчин с помощью палок с крюками на их концах стаскивали трупы со стороны открытого борта прямо в траншею. При этом, будучи замороженными, мертвые тела издавали

жуткий скрежет! Звук его до сих пор стоит в моих ушах! Естественно, в дальнейшем у меня больше не возникало желания туда ходить!

Не могу забыть и о том, что мне пришлось увидеть как-то между нашим домом и железной дорогой. До войны на этой территории, видно, собирались строить новую овощную базу, но не успели. Однако на этом месте остались траншеи, к этому времени слегка припорошенные снегом. На краю одной из них лежал раздетый труп мальчика примерно моего возраста, без глаз, очевидно выклеванных птицами. Даже на меня, уже видевшего много трупов, это произвело неизгладимое жуткое впечатление!

Не хлебом единым…

В апреле 1942 года мама, работая в госпитале СЭГ 2222, познакомилась с его начальником штаба Абрамом Соломоновичем Спиваком. Это был некрасивый человек небольшого роста, горбатенький, но с большими добрыми глазами и густой черной шевелюрой. Жил он прямо в своем кабинете, поскольку находился на казарменном положении. Я одобрил мамино решение, чтобы Абрам Соломонович поселился у нас, так как чувствовал себя беззащитным, оставаясь один в пустом доме, когда она сутками работала санитаркой.

Будучи по званию капитаном медицинской службы, Абрам Соломонович имел в своем распоряжении табельное оружие – пистолет ТТ.

Оно пригодилось ему для устрашения каких-то людей, которые с ломами и топорами пришли к нашему дому, чтобы сломать его на дрова, при этом трясли ордером, якобы разрешающим им это сделать. Абрам Соломонович сказал, что как начальник штаба госпиталя он занимает этот дом и не допустит его слома. Однако сломщики уходить не собирались, и тогда он вытащил из кобуры пистолет и дважды выстрелил в воздух. Только после этого они бросились врассыпную и больше к нам не приходили. Таким образом, он спас от уничтожения наш дом и скульптурную мастерскую деда. Впоследствии Абрам Соломонович спас от слома еще несколько домов, принадлежавших нашим друзьям и знакомым.

Даже в то тяжелое и голодное время поговорка «Не хлебом единым жив человек» оказалась актуальной. Персоналу госпиталя, работавшему не щадя своих сил, нужна была отдушина. Для этого из персонала и легкораненых решили организовать хор с солистами. Мама была до войны опытным

пианистом-аккомпаниатором, поэтому Абрам Соломонович не нашел никого лучше нее. После этого санитаркой она уже не работала, а только числилась, так как в штате госпиталя такой должности, как пианист-аккомпаниатор, естественно, не было.

В то время в госпитале санитаром в звании рядового служил также Герман Андреевич Новиков, в мирное время работавший артистом в одном из ленинградских драматических театров. Его тоже решили привлечь для организации хора. Начальник госпиталя полковник Шнейдерман поддержал эту идею для того, чтобы поднять дух раненых и медперсонала.

Маму и Новикова освободили от их прямых обязанностей санитаров. Где-то раздобыли пианино, на котором играла мама, аккомпанируя хору, а Герман Андреевич дирижировал. Мама, конечно, втайне посмеивалась над тем, как он это делал, поскольку не имел музыкального образования, а до войны служил комедийным артистом (после войны Герман Новиков стал партнером Аркадия Райкина). Несмотря на это, им удалось в короткое время организовать из медперсонала и легкораненых хор, подготовить солистов и достаточно регулярно давать концерты. Одним из запевал в хоре стал вестовой начальника штаба госпиталя Михаил Топлишвили. Исполняли они преимущественно советские песни тех лет, среди которых звучали, в первую очередь, патриотические, но также и лирические. Трудно переоценить то благотворное воздействие, которое оказывали эти песни на раненых бойцов, поднимая их настроение и способствуя их скорейшему выздоровлению!

Никаких специальных распоряжений со стороны начальства госпиталя или 18-го павильона, где сначала санитаркой работала мама и где в то время часто бывал я, мне лично слышать не приходилось.

Михаил Топлишвили

Складывалось впечатление, что каждый хорошо знает свое дело и выполняет его с максимальной отдачей без всякого принуждения. Конечно, в павильоне висели патриотические плакаты и портреты И. В. Сталина, но, судя по всему, не они вдохновляли медперсонал в его работе, а чувство долга и сострадание. Таких добрых и сочувствующих глаз у врачей и медсестер я в дальнейшем не много встречал за всю свою долгую жизнь!

Санитары-людоеды

Как я уже писал, в блокадном городе нередки были случаи людоедства. Однажды Абрам Соломонович рассказал о жутком случае, произошедшем в их госпитале. В морге больницы Мечникова, который также использовался и госпиталем, у некоторых трупов умерших от ран красноармейцев обнаружили отсутствие частей тела, явно кем-то вырезанных. Наиболее часто следы от вырезанных частей встречались на ляжках и ягодицах.

Под подозрение попадали санитары морга, которых необходимо было поймать с поличными. Поскольку занимались они этим делом ночью, чтобы избежать свидетелей, секретно сформировали небольшое подразделение вооруженных военнослужащих из состава гарнизона госпиталя. Возглавить его пришлось Абраму Соломоновичу как начальнику штаба и старшему по званию. Он рассказывал, что ему было не по себе: ведь он – капитан медицинской службы – и навыков прицельной стрельбы из револьвера не имел. В то же время ожидать от людоедов, что они сдадутся без боя, не приходилось!

Та ночь выдалась лунной, а подходить к моргу нужно было незаметно, чтобы санитары через окна не увидели приближения военных. К счастью, дверь в морг оказалась незапертой, и они сумели тихо проникнуть вовнутрь. Свет решили не включать, чтобы не стать мишенью для санитаров в случае, если те начнут отстреливаться.

Солдаты, которыми командовал Абрам Соломонович, в том числе и его вестовой Миша Топлишвили, посоветовали ему не лезть на рожон.

В помещении морга (оно до сих пор используется в больнице), как и сейчас, трупы лежали на двухъярусных стеллажах, только тогда они были переполнены.

Несмотря на все предосторожности, проникнуть в помещение незаметно и бесшумно не удалось, и санитары начали отстреливаться! Миша и солдаты почти силой заставили Абрама Соломоновича спрятаться за ближайший стеллаж, а сами стали стрелять в санитаров почти вслепую. Когда ответный огонь прекратился, военные, соблюдая предосторожность, подошли к тому месту, откуда велась стрельба. Один из санитаров, с перекошенным от злобы лицом лежал убитый, другой сумел скрыться. Как рассказывал Абрам Соломонович, они совершили ошибку, не заблокировав выход из морга в систему туннелей, соединявших его с другими павильонами. Туннелем тогда практически не пользовались, но оттуда без особого труда можно было выбраться наружу и бежать.

Концерты для раненых

Иногда мне приходилось участвовать в концертах для раненых. Перед самой войной я начал учиться игре на скрипке в музыкальной школе и по словам педагога, был способным учеником. На чудом сохранившейся скрипке я выучил несколько легких пьес, конечно, при помощи мамы и под ее аккомпанемент иногда играл на организованных концертах для раненых. Особенно часто я играл переложенную для скрипки «Песню индийского гостя» из оперы Римского-Корсакова «Садко», которая не представляла для меня технической сложности. И вот однажды, когда я вышел со скрипкой на сцену и приготовился играть эту простую мелодию, а аккомпанирующая мне мама уже сыграла вступление, то увидел сидящего в первом ряду раненого. У него вместо одной ноги была культя, хоть и забинтованная, но пропитанная свежей кровью! Уж на что я до этого нагляделся на трупы людей, часто с вырезанными из них частями, но при виде такой раны у меня задрожали руки и пропало всякое желание начинать игру! Хотя я сразу же ушел со сцены, концерт продолжался выступлением хора и был доведен до конца!

Солистов хора пришлось готовить индивидуально, мама занималась с ними дома, благо наш дом находился рядом с госпиталем. Мало того, несмотря на продолжающийся голод, у нас изредка собирались люди, как тогда шутили, на рюмку чая! К этому времени по рабочим карточкам уже стали выдавать по бутылке водки в месяц, а также колотый сахар и чай. Кроме того, каждый приносил с собой все что мог. Как-то раз один из военврачей госпиталя принес с собой немного спирта. Конечно, его тут же развели водой до крепости водки и тут же выпили под весьма скромную закуску. Только спустя некоторое время при очередной встрече, когда этого военврача у нас не было, стали выяснять, где он мог взять тот спирт. Отчим вспомнил, что тот работал в прозекторской и занимался препарацией изъятых у погибших раненых органов. Кто-то с ужасом предположил, что спирт взят именно оттуда. При таком известии у некоторых женщин возникло предрвотное состояние, но рвоты не произошло: видно нечем было!

Частым участником встреч в нашем доме был уже упомянутый мною Герман Андреевич Новиков. До сих пор помню на «ура!» выполняемую им интермедию, называемую «Утро в деревне», в которой он талантливо подражал лаю собак, мяуканью кошек, блеянию коз, мычанию коров, ржанию лошадей, щебету птиц и т. и! Многие помнят его работу после войны в ленинградском Театре эстрады совместно с Аркадием Райкиным, когда они вдвоем с большим юмором и талантом изображали тандем двух совершенно разных людей.

Сорванцы-переростки

Осенью 1943 года я, как и многие, снова пошел в школу. К этому времени Верховный главнокомандующий И. В. Сталин почему-то решил переименовать Красную армию в Советскую, вернуть командному составу офицерские звания, погоны, практически военную форму и фуражки царской армии. Знаками отличия стали звезды и звездочки. Снова узаконили Православную церковь и назначили ее патриарха. Изменения коснулись и нас – школьников. Школы разделились по половому признаку, старое дореволюционное название – гимназии – им не вернули, но они стали мужскими и женскими. Если осенью 1942 года ввиду полного истощения и потери памяти, вызванных последствиями дистрофии, мне пришлось снова пойти в первый класс смешанной 146-й школы, хотя я успешно закончил его в 1941 году, то осенью 1943 года я уже оказался во втором классе чисто мужской 126-й школы. Располагалась она в здании бывшей богадельни на углу Кондратьевского проспекта и Бестужевской улицы (тогда еще Воскресенской). В настоящее время в этом сохранившемся до сих пор здании находится 21-й отдел полиции Петербурга. Директором школы назначили Антонину Густавовну Ашмутайт. Обладающая малоприятной внешностью, она ввела в школе палочную дисциплину. Может, в этом и была необходимость, так как в этой начальной школе (с первого по четвертый классы) собралась, как тогда говорили, «тертая» компания сорванцов-переростков, переживших блокаду. В этом отношении наш второй класс не являлся исключением. Мало того, в нем училась группа пацанов, которые промышляли воровством и даже бравировали этим! Пытались они втянуть в свою преступную группу и меня! Им это не удалось, и тогда они решили меня подставить. Воспитателем нашего класса был Николай Иванович, суровый, жесткий человек, который преподавал у нас математику, точнее, арифметику В тот день дежурным по классу, обязанным докладывать ему об отсутствующих учениках, был я. Надо сказать, что в классе я оказался незадолго до прихода Николая Ивановича и естественно, не знал о том, какую «свинью» мне подложили! Когда он подошел к столу, то услышал громкое шуршание и писк из своего выдвижного ящика. Он выдвинул его, и оттуда стремглав выскочил котенок. Разбираться Николай Иванович не стал, и виноватым в инциденте объявил меня! После этого мне пришлось оправдываться и перед директрисой! Я догадывался, кто это мог сделать, но выдавать никого не стал! Их было трое или четверо, сейчас уже точно не помню, причем один из них – сын

милиционера. Возможно, еще и поэтому они вели себя нагло. Приходилось разбираться с ними после уроков в туалете, но, поскольку в то время настоящих друзей у меня не было – в одиночку! Впоследствии двоих из них за разбой приговорили к расстрелу!

Долгожданный день

27 января 1944 года наконец наступил долгожданный, вымученный нечеловеческими страданиями ленинградцев День Победы города, когда полностью была, по тогдашней терминологии, «снята», а по-настоящему ликвидирована фашистская блокада! На всю оставшуюся жизнь у меня останется в ушах звучавший как музыка на протяжении нескольких дней непрерывный гул от стрельбы наших многочисленных артиллерийских орудий и бомбовых ударов!

А ведь от нашего дома линия фронта находилась на расстоянии 25–30 километров! Мы с огромной радостью слышали по радио сводки о стремительном наступлении нашей армии по всему Ленинградскому фронту и паническом бегстве немецкой армии! А уж когда объявили о праздничном салюте в честь освобождения города от блокады, все мы поспешили на ближайшее к нашему дому месту, где лучше всего был бы виден салют! Оно тогда находилось за Военно-медицинской Академией им. С. М. Кирова на месте нынешней гостиницы «Санкт-Петербург» (бывшая «Ленинград»), напротив нынешней стоянки крейсера «Аврора». Отсюда хорошо просматривались места расположения артиллерийских батарей, из которых производился салют, сопровождающийся фейерверками. С трудом пробравшись сквозь плотную толпу к парапетам Большой Невки, мы хорошо видели салют и фейерверки, запускавшиеся с пляжа Петропавловской крепости, со Стрелки Васильевского острова и из других мест. Каждый залп орудий сопровождался даже не столько криками, а восторженным ревом ленинградцев! Это был настоящий триумф!

На миру и смерь красна…

В заключение не могу не отметить важную роль, которую сыграл в безукоризненной работе сортировочного эвакогоспиталя СЭГ 2222 его начальник штаба капитан медицинской службы, мой отчим, Спивак Абрам Соломонович! На его плечи легли такие заботы, с которыми далеко не каждый мог бы справиться. Не будучи партийным, он пользовался огромным авторитетом среди

подчиненных, в основном военнослужащих, которые беспрекословно выполняли все его приказы. Не могу вспомнить, чтобы он когда-нибудь повышал голос на меня или мою маму! По своему статусу он никогда не вмешивался в процессы лечения раненых, но в то же время пользовался большим уважением со стороны врачей и профессоров в погонах, что я нередко мог наблюдать со стороны!

В период неоднократных попыток зимой 1942 года прорвать блокаду, а также в январе 1943 года, когда поток раненых из района Кировска и Шлиссельбурга достигал максимума, мой отчим фактически организовывал и лично контролировал их выгрузку из приходящих преимущественно ночью эшелонов. Их количество часто достигало трех и более за ночь, так что все три платформы, или, как их называли, рампы были перегружены! Раненые в зависимости от формы и степени ранения распределялись им, согласно рекомендациям врачей по павильонам больницы или госпиталя. В некоторых случаях, при отсутствии врачей, которых не хватало, решения ему приходилось принимать самому, поскольку промедление в таких случаях, как говорят, смерти подобно! Не было проблем в госпитале, в решении которых не принимал бы участие начальник штаба капитан А. С. Спивак. Кстати, занимал он должность, по крайней мере, майора! Он иногда сетовал на то, что начальник госпиталя полковник медицинской службы Шнейдерман подавал на него министру обороны, главнокомандующему И. В. Сталину представление о награждении орденом Красной Звезды и присвоении очередного звания майора медицинской службы, но оно осталось без ответа.

Абрам Соломонович Спивак – начальник штаба госпиталя СЭГ 2222

Можно понять горечь обиды отчима на эту явную несправедливость! Это явилось одной из причин, почему, после того как в 1944 году госпиталю пришлось последовать за наступающей, преследующей немцев армией, Абрам Соломонович написал прошение об отставке по состоянию здоровья. После этого он стал работать заместителем начальника военно-медицинской кафедры Ленинградского санитарно-гигиенического института, а после ликвидации кафедры – до самой смерти в 1970 году – возглавлял ДОСААФ больницы им. И. И. Мечникова.

Он ушел из жизни внезапно, собираясь утром 23 мая 1970 года на работу. Прощание с ним прошло в клубе больницы, в 9-м павильоне при огромном скоплении народа, в полном соответствии с известной пословицей «На миру и смерть красна», не сдерживали слезы даже санитарки и медсестры! Для моей мамы и меня после совместного 28-летнего проживания с ним это была невосполнимая утрата! Будучи за это время фактически моим отцом, он не только содержал меня, но и поставил на ноги!

Похоронили Абрама Соломоновича на Богословском кладбище Ленинграда с воинскими почестями, соответствующими званию майора, которого так и не дождался!

Шервуд Лев Яковлевич

Версты
Былое и думы

Александру Кравчуку, учителю и другу

Война

Кто из вас помнит вкус подсолнечного жмыха?

Этого серо-зеленого камешка с ароматом жареных семечек, который перекатываешь во рту с глазами, закрытыми от удовольствия…

А уж компотная смесь, каждая фруктинка которой в детских пальчиках кажется необыкновенным лакомством, которые перебираешь, затаив дыхание, и не можешь решиться, какую же выбрать… Одну, только одну штучку…

Первые послевоенные годы. Дома, в нижнем ящике старинного орехового буфета лежал кулек с сухофруктами. Меня неудержимо тянуло к этому ящичку… И кулечек постепенно таял, пока однажды мама не сказала мне: «Я сосчитала сухофрукты. Там столько-то штук (числа не помню). Поняла?». Опустив глаза, я молча кивнула головой. От стыда я готова была провалиться сквозь землю. У меня даже уши горели. Я старалась забыть о случившемся, но магическое число не давало мне покоя, рождало какие-то смутные надежды: а вдруг мама ошиблась? И через какое-то время заветный кулечек был у меня в руках, и «штучки» были пересчитаны. Их оказалось больше, гораздо больше! Я ликовала! Я прыгала от радости, смеялась, хлопала в ладоши! Не задумываясь о последствиях, я съела все «лишние». Без всяких угрызений совести. «Мамино число» казалось мне оправданием. Понимала ли я сущность своего поступка? Не помню… Надеюсь, что понимала. Но искушение оказалось сильнее. Ближайшим вечером, обнаружив пропажу, мама не сказала мне ни слова, но после ужина рассказала такую историю: «Однажды, во время войны, я ушла на работу, оставив дома тебя одну, ты заболела и не пошла в садик. На столе я оставила для тебя на блюдечке маленький кусочек хлеба и немножко растительного масла. Когда я вернулась с работы, ты стояла, держась обеими руками за край стола и положив на стол подбородок. Ты, молча, смотрела на блюдечко… Хлеб, масло были не тронуты. „Почему ты не съела хлеб?“ – спросила я. „Ты не сказала, что это мне“…»

Мама никогда не ругала меня, не читала нравоучений, не

повышала голоса, что бы ни случилось. Она просто рассказывала какую-нибудь историю. И в плоть и кровь входило нечто, в чем не было понятия «нельзя», а было «не должно». И это становилось нормой поведения на всю жизнь. Непререкаемой!

Мне было три с половиной года, когда началась война. Завод, где работала мама, должны были эвакуировать. У нас в доме была фамильная икона «Казанской Божьей Матери». Вечером, накануне отъезда, мама помолилась, попросила благословения в дорогу. Ночью у меня неожиданно поднялась высокая температура, и мы никуда не уехали. Поезд разбомбили, все погибли. Мы остались без средств к существованию: мама, двое маленьких детей и моя бабушка. Было холодно и голодно. Бабушка отдавала свой хлеб нам. Все, что можно было продать – было продано. Бабушка умерла первой. Незнакомая женщина помогла маме довезти санки до того места, где оставляли умерших. Мама была очень слаба. Потом умерла моя младшая сестра. Когда мама уже не вставала с постели, наш дворник дядя Ваня, добрая душа, присматривающий за жильцами, привел бригаду дружинниц, они собрали по квартирам всех умирающих и отвезли в больницу. Коридор больницы был забит лежащими без движения людьми. Когда мама приходила в себя, она не могла понять – где находится. В коридоре горел тусклый свет и стояла тишина. Никто даже не стонал, не было сил. Когда пришла врач, мама уже не могла говорить, но слышала, как врач сказала: «Я спасу эту женщину! Я не дам ей умереть». И она ее выходила. Почему она выбрала ее? Почему? – Промысел Божий.

Однажды я раскапризничалась, не хотела идти в детский сад, как мама меня ни уговаривала. Была зима. Она буквально тащила меня за руку. Я упиралась и плакала. Мама опаздывала на работу, поэтому, подойдя к садику, отпустила меня и сказала идти одной, сама заторопилась на работу. Что заставило ее оглянуться? Или кто? Оглянувшись, она увидела, что какой-то мужчина уводит меня с собой. Она закричала и бросилась ко мне. Мужчина меня отпустил и убежал. Я чудом осталась жива.

Самое яркое воспоминание о войне – это прекрасный солнечный летний день 1943 года. Я гуляла одна возле дома на Большом проспекте Петроградской стороны. Было людно, играли дети, торопились куда-то прохожие. И вдруг – резкий звук сирены. Все куда-то побежали. Почему-то я осталась одна на улице. Маленькая девочка в большом городе, голубое-голубое высокое небо, величавые дома, глубокая тишина и полное безлюдье – ни людей, ни машин. Как-то вдруг опустел Мир. А посреди мостовой – кем-то забытый (или брошенный) большой розовый целлулоидный пупс. Это была потрясающая картина. Она

врезалась мне в память на всю оставшуюся жизнь. Не было никакого страха. Было удивление, неосознанное открытие красоты мира. Я не помню, что было потом.

Конечно, были бомбоубежища, где было темно, холодно и душно. Но эти воспоминания исчезли из памяти. И когда я вспоминаю заклеенные бумажными лентами окна, то вижу лишь ослепительное солнце, которое светит через них.

Когда мама вернулась из больницы, мы переехали из нашей огромной, пустой и холодной квартиры в маленькую комнату квартиры, соседствующей с нашей через черный ход. В кухне там была большая печь-плита. Иногда мы ее топили и грели воду, чтобы помыться в ванне. Наша комната 15 кв. м, была теплой и солнечной. И под овальным столом орехового дерева жили тряпочные куклы.

Война закончилась. Я должна была идти в школу (мне было почти 8 лет), но меня не взяли. Врачи отправили меня в санаторий. И был этот санаторий в Ботаническом саду, в маленьком одноэтажном деревянном доме темно-зеленого цвета. Детей было не много, всего одна группа, в основном, девочки. Раз в месяц был родительский день, но передачи принимали всегда. Я не помню, чтобы кто-нибудь капризничал, но бывало, что дети плакали, особенно в первое время. Наверное, скучали по дому. Девочка, с которой я была в паре на прогулках, была такой худенькой и бледной, что казалась прозрачной. Я всегда крепко держала ее за руку, чтобы она не упала. Помню, у нее были белые-белые пуховые рукавички, очень красивые и теплые. И еще помню, что она не умела смеяться. Послушная, тихая, она всегда думала о чем-то своем, не участвуя в общих играх. Почему-то дети сторонились ее, но мне она нравилась. Или, может быть, я жалела ее. Когда я ее угощала чем-нибудь, она молча стояла и смотрела на меня, не решаясь взять, а взяв, никогда не ела при мне, а держала в руке. Она была не такая, как все, но тогда я не понимала этого, не знала, как ей помочь и уходила играть с другими. Почему-то ее рано забрали домой, и я осталась без пары. Зато на прогулках меня держала за руку сама воспитательница.

Жизнь в санатории возвращала нам здоровье, а жизнь в Ботаническом саду приобщала нас к красоте. Это был бесценный подарок судьбы. После страшных военных лет мы как будто попали на необитаемый остров, и как в сказке, нам открылся новый, прекрасный мир, где все было в диковинку: причудливые кустарники, затейливые водоемы, каменные горки с удивительными цветами, высоченные оранжереи с огромными пальмами и экзотическими растениями. И хотя стекла оранжерей

были выбиты, заклеены – красота оставалась.

Но были в этом саду и маленькие житейские радости: кусты красной смородины и яблони с райскими яблочками. Они были очень мелкими, но, Боже мой, какими же они были вкусными! Нам разрешали их есть.

В школу я пошла почти в 9 лет. Я была маленькая и очень худая. Звали меня – Спиченка. Зато меня освободили от физкультуры и уколов, что особенно радовало. Мне выдали бесплатно школьную форму: ярко синее х/б платье с белым круглым воротничком и черный сатиновый передник. Еще мне выдали коричневые туфли – баретки и зимнее пальто с меховым воротником. В школе я была отличницей.

Счастливое детство

Школьные годы были заполнены кипучей деятельностью. Дети наверстывали упущенные из-за войны радости. Чтение книг стало неотъемлемой частью нашей жизни. Читали все, в школьной библиотеке всегда были очереди. Брали по нескольку книг сразу. Я читала запоем. Старая библиотекарша оставляла мне что-нибудь особенно интересное. Она любила детей, знала интересы каждого, всегда что-то ненавязчиво рассказывала, воспитывала исподволь. Именно в школьные годы я прочитала по первому разу основную «классику».

Тихое местечко для чтения в нашей, ставшей коммунальной, квартире было найти невозможно. И мне помнится, как, закрывшись в туалете, по ночам при тусклом свете маленькой лампочки я «проглатывала» книги, погружаясь в незнакомый мир. Плакала над «Хижиной дяди Тома», «Му-Му»… Я думаю, что все в квартире знали о моих ночных бдениях, но молчали. Нормальные были соседи. И дети тоже.

Часто, сделав уроки, детвора собиралась во дворе. Играли в прятки, гоняли мяч. Дворник дядя Ваня никогда не жаловался родителям на разбитые стекла. Двор он содержал в полном порядке. Когда бывало очень холодно, мы грелись у него в маленькой каморке под аркой около теплой печурки, тоже маленькой, вроде «буржуйки». Если кто-то разбивал коленку – он лечил, как мог. Если кто-то плакал, он молча гладил по голове: «Ну-ну…» – разве что говорил он. Мы воспринимали его как хозяина дома. Иногда он угощал нас яблоками (кто-то присылал их ему из деревни). Прошли долгие годы, прежде чем мы оценили этого немногословного добрейшего человека по достоинству.

А еще был дядя Федя из тира на улице Льва Толстого, мимо маленькой деревянной пристройки которого я пробегала по

дороге в булочную-кондитерскую. Ах, какие там были бублики! Возвращаясь из булочной, я всегда заходила в тир. Стреляла я очень метко, и частенько, когда у меня не оставалось денег, дядя Федя молча клал пульки передо мной. Бесплатно. Иногда он выдавал мне скромный приз. И всегда у него было о чем со мной поговорить.

Вспоминая молодость, он частенько надолго замолкал. «Федот, да не тот», потом говорил он, вздыхая. «Почему не тот?» – недоумевала я, но спросить не решалась. Тогда я еще не знала о той, другой боли, от которой нет лекарств, о боли одинокой души, которая ждет утешения или прощения, или любви, или хотя бы сострадания. Я не знала, что помочь ему может только чья-то другая душа, готовая разделить с ним его боль. Притихшая, я молча ждала, когда он вернется, не смея войти в его мир, не смея протянуть ему руку.

Я жила, не оглядываясь назад. Я не могла сидеть на месте, меня всегда куда-то тянуло, и у меня всегда было множество планов, чем заняться.

Моими друзьями были соседские дети по нашей лестнице. Нас было четверо (двое на двое). Все, кроме Ромы Громадского, были одногодками. Он был младше нас, худой, но высокий и старался ни в чем не уступать старшему Жене. Когда девочки (я и Зоя) перелезали через высокий металлический забор Ботанического сада (сад был закрыт после войны на «лечение») – мальчики нам помогали. И все же не одни платья и брюки были порваны на острых пиках решетки. Но «райские» яблочки того стоили.

Там в саду у нас были свои любимые уголки, свои любимые растения, особенно в дальнем, «диком», конце сада. Это был другой мир, и мы были там другими. Цветы никогда не рвали, только любовались их удивительной красотой.

В хорошую погоду мы ездили на трамвае в ЦПКиО на Кировских островах. Чего там только не было! Качели, карусели, аттракционы, сладкие петушки на палочках, эскимо… сколько радостей сразу!

А еще был каток «Медик». Зимой, по будням, после того как у спортсменов заканчивались тренировки, он был в нашем распоряжении. У нас были «хоккейки», и мы гонялись на них до темноты. В выходные дни на катке играла музыка. Вокруг катка всегда была отличная лыжня, и мы катались на лыжах, как настоящие спортсмены. Уже в зрелом возрасте, участвуя в сдаче норм ГТО на работе, я имела лучшие результаты по лыжам и по стрельбе.

Мне кажется, что школу в те времена никто не прогуливал,

двоечников, точнее двоечниц, у нас не было (школа-то была женской). Учителя были замечательные. Я не помню, чтобы на нас кричали когда-либо или выгоняли из класса. Одной из любимейших моих учительниц была учительница пения. Это была довольно молодая женщина, «из бывших», всегда скромно, но элегантно одетая, уроки пения которой никто не пропускал. Я до сих пор отчетливо вижу ее всю, черты лица, одежду, слышу тихий голос. И у нее была застенчивая улыбка. Странно для учителя, неправда ли? Это она привила нам любовь к классической музыке. Мне кажется, что я тогда пела с закрытыми от избытка чувств глазами. И благодаря ей, наверное, я все пять лет пела в знаменитом Крыловском хоре Техноложки и до сих пор люблю петь.

А в школе по соседству учились мальчики. В нашу женскую школу их приглашали на вечера встреч. Одеты все были в школьную форму. Почти все девочки были с косичками, мальчики – с короткой стрижкой. Сначала – концерт школьной художественной самодеятельности, потом – танцы. Аккомпанировала нам учительница пения. Завязывались дружбы. Все было чинно и красиво. Я с теплой улыбкой вспоминаю эти встречи.

Жизнь была такой стремительной! Открывались спортивные школы, музыкальные, бассейны, танцевальные студии и многое другое. Хотелось везде успеть. В ДК им. Кирова на Васильевском острове показывали трофейные фильмы. И я пристрастилась к кино на всю жизнь.

Спорт «поставил меня на ноги». Я окрепла и стала заниматься спортивной гимнастикой, а потом – плаванием и прыжками с вышки. В музыкальную школу тоже ходила. И как это только времени у меня хватало на все?

Шел год за годом. Пришло время открывать и познавать мир искусства. Литература, поэзия, музыка, живопись, театр, кино – все волновало душу. Настоящая жизнь только начиналась. Все было впереди.

А главное, – вокруг и рядом были хорошие люди: умные, добрые, отзывчивые, всегда готовые помочь, научить, поддержать, вдохновить…Хорошие люди были в те времена. Душевные.

Сейчас, оглядываясь назад, заново переживая каждое отдельно взятое маленькое событие, я вдруг осознала: «У меня было счастливое детство!». Это было неожиданное для меня самой открытие. Счастливое!

Да, да, конечно же, счастливое! Несмотря на голод, холод, боль и страх, несмотря на потери военных лет и послевоенные трудности. Все тяжелое отошло на задний план, потому что потом

хорошего было больше, намного больше, потому что каждая маленькая радость превращалась в большую, воспринималась острее и ярче из-за тех, отнятых войной радостей.

Нам было дано иное умение радоваться. И за себя, и за всех погибших детей тоже.

21-й век

Жизнь – это яркий калейдоскоп событий, встреч… Это чудо. И его можно сотворить своими руками, когда человек способен увидеть прекрасное там, где оно видно не каждому, где надо хорошо потрудиться, чтобы оно засверкало всеми гранями.

С годами человек переосмысливает свою жизнь. Долгие-долгие годы ему кажется, что он знает о своей жизни все, и каждое из этого «всего» имеет свою цену, свою значимость в его жизни. Пока в потаенных уголках его памяти не начнут открываться какие-то потайные дверцы… И он увидит вдруг все-все по-иному.

Он вспомнит то, что не помнил, что вычеркнул из жизни, как ненужное, он поймет то, что не понимал или не хотел понять… И удивлению его не будет границ. Это не значит, что он начнет горько сожалеть о чем-то, что придут мысли, что он мог бы прожить лучшую жизнь, если бы он…

Нет… нет… Это прозрение было ниспослано ему, чтобы он простил тех, кого не понял и не прощал, вспомнил тех, кого не заметил и не оценил, улыбнулся с благодарностью тем, кто был рядом в трудную минуту, кто любил, не требуя ничего взамен. Это будет очищение. И оно принесет радость.

Жаль, что это прозрение иногда приходит слишком поздно, когда уже некому сказать «прости» или «спасибо».

Новая жизнь

Мне 78. Пора подводить итоги? Нет, еще не все дороги пройдены.

Кто бы мог подумать, что в 76 лет я начну заниматься живописью? Я никогда даже не помышляла об этом!

Все произошло случайно. А может быть, и неслучайно. Ведь сделанное кому-то добро всегда возвращается тебе.

Я просто помогла пожилой женщине, а женщина эта оказалась Ларисой Рейхет, вдовой знаменитого художника Виктора Рейхета и матерью тоже знаменитого художника Петра Рейхета.

Так я попала в ее дом, который впоследствии стал очень

дорогим для меня. Долгие разговоры об удивительной истории жизни ее семьи, об искусстве, истории королевских семей французского двора – (чего только она не знала!) – все стало частью моей жизни в течение нескольких лет.

Именно в этом гостеприимном, красивом доме судьба подарила мне поистине судьбоносную встречу: я познакомилась там с человеком, который изменил мою жизнь. Это был художник Александр Кравчук, ученик Виктора Рейхета. Художник, который глубоко убежден, что каждого человека можно научить писать картины.

Лучше ли, хуже – не суть, потому что, написав картину, человек становится лучше.

И он помогает этому человеку поверить в себя, сделать первый шаг, впервые взяв кисть в руки, написать первую картину. И в мире становится на одного хорошего человека больше. И таких хороших ЧЕЛОВЕКОВ у него уже много.

И в этом он видит смысл своей жизни.

Евгения Васильевна Иванова, мама Г. Г. Беренской

С какой любовью он относится к своим ученикам, сколько интересного рассказывает за чашечкой кофе в своей мастерской, как настойчиво учит их видеть цвет и форму предметов, тень и свет. Он водит своих учеников в Эрмитаж, показывает картины старых мастеров, открывая новое ви́дение знакомых полотен. В учениках у него побывало немало известных людей. Молодые и совсем не молодые (даже за 80), опытные и новички – картины написали все.

Генриетта Беренская, май 1947 год

Картины красивые, но все смотрятся по-разному. Ученики дружат, ходят вместе на выставки. И как-то на одной из них, мы вдруг сделали удивительное открытие: все мы совсем иначе стали смотреть на картины, видеть то, чего не видели раньше. У нас открылось второе зрение. Мы как будто увидели мир заново. И этот мир стал ярче и прекраснее. И я не устаю открывать его снова и снова. Теперь я смотрю на него широко открытыми глазами и вижу картины невероятной, фантастической красоты. И я безмерно счастлива, что научилась видеть это. И как же хочется запечатлеть все это на полотне!

А какие чувства испытываешь, когда пишешь картину! Все заботы и мысли куда-то уходят, видишь только оживающее под кистью полотно, цвет, свет… «Счастье творчества» – теперь эти слова стали так близки, так понятны.

Как можно жить без этого? И еще много чудесных вещей есть на свете: книги, хорошие фильмы, любимая музыка, интересные встречи, добрые дела.

Мне кажется, я знаю, что нужно для счастья – трудиться, видеть красоту мира, любить людей. А еще – мечтать! Да-да, мечтать! Несмотря ни на что.

Генриетта Григорьевна Беренская, Санкт-Петербург

Как мы пережили войну В ОККУПАЦИИ

Оккупация

Нападение на Советский Союз нацистской Германии и ее союзников (Румынии, Финляндии, Венгрии, Италии), ознаменовавшее начало Великой Отечественной войны, привело в течение 1941–1942 годов к оккупации значительной части советской территории.

Немецкой оккупации подверглись территории Белорусской, Украинской, Эстонской, Латвийской, Литовской ССР, 13 областей РСФСР.

Молдавская ССР и некоторые районы юга Украинской ССР (Транснистрия) находились под управлением Румынии, часть Карело-Финской ССР была оккупирована финскими войсками.

60–65 миллионов советских граждан остались жить на оккупированной территории. Многие не хотели уезжать в том числе и потому, что считали: немцы скоро будут остановлены, оккупация скоро закончится, а самовольная эвакуация может быть расценена как дезертирство.

Оккупационный режим, установленный захватчиками, отличался исключительной жестокостью и зверствами по отношению к мирному населению, массовыми репрессиями и уничтожением людей, разрушением и разграблением народного хозяйства, культурных ценностей.

Сущность этого режима вытекала из целей нацизма в войне против СССР – уничтожить и расчленить Советское государство и превратить его в аграрно-сырьевой придаток, источник дешевой рабочей силы для Третьего рейха.

Жертвами оккупантов стали более десяти миллионов советских граждан. Как указывает в своем исследовании «За что сражались советские люди» российский историк А. Р. Дюков, «жестокость оккупационного режима была такова, что, по самым скромным подсчетам, каждый пятый из оказавшихся в оккупации семидесяти миллионов советских граждан не дожил до Победы».

Там, где население пострадало от боев, где города были разрушены (Белоруссия, Ленинградская область), жизнь протекала намного тяжелее, чем там, где боев почти не происходило (Украина, Северный Кавказ, Кубань).

По оценке Тэйлора, представителя обвинения от США на Нюрнбергском процессе, «зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями Третьего рейха на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь… Я думаю, анализ покажет, что это были не просто сумасшествие и жажда крови. Наоборот, налицо

имелись метод и цель. Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представляющих собой последовательную логическую систему».

Как указывает российский историк Г. А. Бордюгов, в делах Чрезвычайной государственной комиссии «по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» (июнь 1941 – декабрь 1944 года) зафиксировано 54 784 акта о зверствах в отношении мирного населения на оккупированных советских территориях. Среди них – такие преступления, как «использование гражданского населения в ходе военных действий, насильственная мобилизация мирного населения, расстрелы мирных жителей и уничтожение их жилищ, изнасилования, охота за людьми-невольниками для германской промышленности».

Немецко-фашистская оккупация СССР и ее инициаторы были публично осуждены международным трибуналом в ходе Нюрнбергского процесса.

А стойкость и мужество людей, прошедших ужасы оккупации, сумевших выжить и найти свое достойное место в мирной жизни, достойны не просто уважения, но и самого искреннего восхищения.

Проводы на войну были короткими…

…Когда я смотрю на нынешнее поколение молодежи, я испытываю двойственное чувство. С одной стороны, мне радостно, что люди живут в достатке и на селе тоже, что избы их полны современной бытовой техники, что в магазинах сельских все можно купить и огород сажать необязательно. С другой стороны, мне кажется, что, несмотря на трудное, неспокойное время, мое поколение было гораздо счастливее, чем нынешнее.

Но это из области ощущений, ведь у каждого поколения свои понятия о счастье, не так ли? И все-таки порой кажется, что чем-то обделены современные дети, чем-то очень важным и нужным; и не купишь это «что-то» в магазинах и на рынках. Но у нынешнего поколения есть самое-самое главное условие для счастливой жизни – это мирное чистое небо над головой. А тогда… А тогда небо выглядело таким же чистым и синим, такое же яркое солнце светило людям, вот только…

Весной 41-го, как и всегда, хватало хлопот и забот на огороде и в саду, но мы со всем справлялись. Отец все чаще хмурился, слушая радио и читая газеты. В июне месяце страшная весть облетела наше село. Помню, как притихли мы, дети, как заплакали мать и бабушка, как возле дома на завалинке отец долго курил и думал о чем-то. Тогда в нашей семье было пятеро детей: старшему Василию – 13 лет, а младшему Пете – два годика. Везде, во всех домах звучало страшное слово – война. Отец в то время работал секретарем в сельском совете. Начали приходить повестки. Проводы на войну были короткими, строгими, со слезами, но без лишних истерик и рыданий – на правое дело провожали своих мужей, братьев и сыновей русские женщины. В конце июня отец получил повестку. Он пришел домой и сказал, что подготовил последние списки военнообязанных. Помню, как мы все провожали его до околицы, как плакали, как отец давал нам наставления, особенно старшему брату, чтобы мы жили дружно и берегли мать и дедушку с бабушкой. Тогда мы и узнали, что мать наша была беременна и осенью должна была родить нам братика или сестричку. И потянулись тяжелые длинные дни, так и хочется назвать их хмурыми и пасмурными. Казалось, что и солнышко светит как-то не так, как при мирной жизни, а может, мне так казалось оттого, что наша улыбчивая и веселая мать улыбалась тогда очень редко. А для улыбок не было повода: через село отступали наши солдаты, слышался рев фашистских самолетов – мы быстро научились отличать их от своих и бежали прятаться от бомбежки

в окопчиках на огороде. Не прятался только дедушка Василий – он оставался в доме, потому что считал себя старым, считал, что ему пора умирать. Вскоре он действительно умер, но не от бомбы, а видимо, от старости. Наступил час, пожалуй, один из самых тяжелых в истории нашей страны. Немецкие самолеты бомбили наши города и села, а люди недоумевали: что же это? Почему же мы не можем дать отпор захватчикам? Разве не самая сильная в мире наша Красная армия? Разве не самый справедливый бой ведет она, очищая свою родную землю от фашистской нечисти? Ответ на этот вопрос мы не узнали и много лет спустя после войны, да и нет его и сегодня, единственного верного ответа.

А тогда через наше село отступали русские солдаты. Грязные, оборванные, голодные. Бабушка варила картофель в мундирах, и мы, дети, набирая его в карманы, шли на дорогу, на огороды, по которым отступали наши. Мы отдавали им картошку, а они, бедные, ели ее прямо с кожурой. И никогда мне не забыть виноватые их взгляды. Они избегали смотреть нам в глаза, словно

чувствовали за собой вину перед нами, несмышленышами. Помню, как появились первые немецкие солдаты на мотоциклах. Они со страшным ревом проносились по селу, поднимая клубы пыли на дорогах. Они заходили в дома и не просили, нет – требовали молоко, яйца, сало, хлеб. Бабушка, когда они пришли и в нашу избу, вынула из русской печки огромный кувшин с топленым молоком, налила в кружки и молча, подала немцам. Они жестами дали понять, что сначала она сама должна отпить из кувшина, и только когда она сделала несколько глотков, начали пить молоко. Теперь-то я понимаю, что они боялись отравы, а тогда была удивлена, надо же, какие добрые – бабушку «угощают»… Село заняла немецкая часть, очень многие жители остались без крыши над головой – их выгнали из родных домов. Там теперь размещались немецкие солдаты и офицеры. Люди ютились в сарайчиках, в коровниках и курятниках. Некоторые выкапывали землянки и устраивались там. В нашей избе теперь тоже жили солдаты. Они вечерами напивались и во всю глотку орали песни. В центре села появилась комендатура, и конечно же, сразу нашлись и те, кто пошел добровольно служить новой власти. Но и среди полицаев люди были разные: одни просто захлебывались от радости: кончились, мол, ваши Советы, а другие прятали глаза при встрече с односельчанами, видимо им было стыдно.

Если раньше дни были пасмурные и хмурые, то теперь их можно было назвать черными, беспросветными. Началась оккупация, которая длилась с октября 1941-го по август 1943-го. В церкви теперь держали раненых военнопленных, наших русских солдат и офицеров, а около церкви под открытым небом находились остальные военнопленные, те, кто не поместился в церкви. Помню, как они жались друг к другу от холода, ведь теплой одежды у них не было. Мы носили им отварную картошку в «мундирах» и кидали за ограждение, чтобы не увидели немцы. Потом пленных увезли куда-то, куда – никто не знал, но все догадывались, что их расстреляли.

Я и сейчас помню наглые, самодовольные лица немецких солдат. Они чувствовали себя хозяевами на нашей родной земле. Но самые страшные впечатления остались от того дня, когда в село пришли эсэсовцы. Казалось, даже птицы притихли, даже ветер затаился.

На территории нашего района действовал партизанский отряд «В бой за Родину». Непроходимые брянские леса стали спасительным укрытием для партизан. Сама природа, сама земля русская встала на бой с фашистскими захватчиками. В нашем селе был связной (конечно, об этом стало известно только после

войны). Немцы страшно боялись партизан и выжигали целые села и поселки, если получали сведения о том, что там появлялись партизаны. Такие села как Рессета, Долина, Бруссна и многие другие, были сожжены, а их жители расстреляны за содействие партизанам. Особенно злобствовали полицаи, выслуживались перед новыми хозяевами. Староста не раз предупреждал нашу мать, чтобы она поменьше выпускала нас на улицу. Он был очень спокойный человек, я бы сказала даже добродушный, несмотря на то что служил фашистам. Очень многим жителям нашего села удалось избежать расстрела только благодаря ему, казалось, он сочувствует своим односельчанам. Через несколько лет после окончания войны мы узнали, что он-то и являлся тем самым связным. Но ему чудом удалось избежать смерти. Когда наши освободили Подбужье, старосту схватили и хотели повесить как предателя. Люди не дали этого сделать, и тогда солдаты предложили ему просто уйти из села – ведь не все же знали, кем он был на самом деле.

Мы боялись спать по ночам, боялись ночных стуков, малейшего шороха. А письма от отца все не приходило. Мы не знали что и думать, а мать, едва оправившись после родов (у нас появился братик Миша), пыталась нас успокоить. Представляю, что творилось у нее в душе в то время. Дни в оккупации тянулись – не шли. Люди голодали – не было хлеба, а что такое соль, мы все давно забыли. Помню, как бабушка в кипящую воду окунала дощечку от бочки, в которой когда-то хранилась у нас соль. Дощечка была крепко просолена, и это давало какой-то результат – вода приобретала солоноватый привкус. Питались мы в это время в основном картошкой да свеклой, а у большинства наших односельчан и того не имелось.

Конечно же, мы все с нетерпением ждали нашу Красную армию, ждали освобождения, в которое верили все от мала до велика. Но в один из жарких июльских дней 43 года в селе появилось множество немецких солдат, охранников, полицаев. У многих из них в руках были ведра и факелы. Всех жителей согнали на дорогу, ведущую к Слободе (село, расположенное недалеко от Подбужья, километрах в семи), и погнали по направлению к Брянску. А село наше уже пылало, охваченное огнем. Нам не дали даже собраться, в чем были, в том и выгнали на дорогу. Нас гнали в течение нескольких дней, под дулами автоматов. Ночевали мы в поле. Никогда не забуду как мы, перепуганные насмерть, бежали, держась за бабушку. Мать несла на руках маленького Мишу (он родился в октябре 41-го). Так мы прошли около ста километров и оказались на станции Любохна Брянской области. Там под открытым небом организовали лагерь

для тех, кого собирались отправлять на запад, но не хватало вагонов. Потом нас погрузили в вагоны и долго везли, а рядом с нашими составами шли другие, с ранеными немецкими солдатами, с контейнерами, нагруженными награбленным, – немцы вывозили все, что представляло собой хоть какую-то ценность. Вот так мы и ехали в товарных вагонах, не зная куда. Спали на соломе, а что ели, я и не помню, давали ли нам какую-нибудь еду. Но очень хорошо помню гул советских бомбардировщиков, он вселял в нас надежду. А фашисты спешили, ведь 1943 год был годом наступления наших войск, и немцы всеми силами пытались вырвать нас у наших. Советские войска шли буквально по пятам вслед за нами, и охранники были начеку. Кое-кто пытался бежать, когда поезд останавливался, но это редко кому удавалось – их ловили и сразу же расстреливали. От скученности и грязи, от нечеловеческих условий в вагонах появились больные тифом. Их выбрасывали на остановках, а иногда прямо на ходу.

В конце сентября 1943 года нас привезли в Эстонию, в крупнейший лагерь в Прибалтике. Увидев огромное количество бараков, огражденных колючей проволокой, многие не выдерживали – плакали, кричали. Плакали и наши мать с бабушкой, и мы, предчувствуя близкую смерть. Разместили нас в бараках, тоже скученно; кормили один раз в день – давали баланду из турнепса с отрубями да маленький кусочек хлеба, который никак не жевался. Грязь, вонь, полуголодное существование сделали свое дело – началась эпидемия тифа. Вот таким был лагерь Клоога, расположенный в Эстонии недалеко от Таллина. Лагерь имел множество блоков, вокруг главного барака – радиусом в 30 км.

Были и спецбараки, где пытали людей. Имелись и бараки для больных тифом, конечно, оттуда никто не возвращался. Были на территории лагеря и салотопки, сладковатый удушливый смрад которых я помню до сих пор.

Мы очень боялись, что заболеет мать, и она заболела, изнуренная дорогами, голодом, непосильным трудом. Бабушка постоянно молилась за нее. Наши соседи (так получилось, что мы попали в один барак с нашими соседями по улице) подсказали нам, как прятать мать от охранников, которые приходили каждый день с проверкой – нет ли новых больных тифом, чтобы забрать в тифозный барак. Мы знали – из тифозного барака никто не возвращался, поэтому изо всех сил старались спрятать мать. Мы с сестрой насобирали тряпья и закрывали мать этим тряпьем с головой. Приходилось даже иногда зажимать ей рот, чтобы не было слышно, как она стонет в бреду.

Старший брат (ему в то время было уже почти 15 лет) работал на оборонительных рубежах – рыл окопы для немцев. Там он простудился и очень долго болел. Мы все надеялись, что и мать, и он выздоровеют. Наконец, начала потихоньку подниматься мать. А в лагере, не переставая, дымили салотопки. Нас тоже ждала такая же участь, ведь лагерь Клоога был карантинным, перевалочной базой. Отсюда людей отправляли дальше: кого на тот свет, кого в страны, где царил фашистский режим. Шел 1944 год – год освобождения Прибалтики. Фашисты метались и от ярости просто зверели на глазах. В конце 44-го они буквально вырвали нас из рук освободителей и перегнали в другой лагерь на острова Саарема, на остров Гзаль – самый крупный из этого архипелага. Перегоняли сначала по ледяной дороге, под мокрым снегом. Мы, мокрые, замерзшие, не шли, а ползли все эти 20 километров. Потом нас погрузили на баржу и через Балтийское море переправили на острова. И вот снова бараки, на этот раз в дремучем лесу, за колючей проволокой, рядом со складами боеприпасов.

Помню, что было страшно холодно – кирпичный барак не имел окон, ничем не отапливался, и мы постоянно дрожали от холода. Кормили баландой, только теперь она была рыбной. Рыба, конечно, была тухлой, ну никак эта баланда не лезла в горло. Бабушка насильно вливала нам ее в рот – хоть какая-то еда, но нас сразу же рвало, хотя жутко хотелось есть. Иногда старший брат брал кого-то из нас, младших, и через лаз в колючей проволоке протаскивал в лес. Там было много всякой ягоды: черники, брусники, клюквы. Мерзлая, но вкусная ягода была для нас настоящим спасением. Мы ели ее сами и собирали для матери, бабушки и маленького Миши.

В лагере было неспокойно, очень часто эстонские пьяные полицаи устраивали проверки и били нас плетками. Теперь уже все начали понимать, что шансов на спасение у нас нет. Только бабушка все молилась и молилась – а что еще оставалось? Старшего брата взяли в батраки богатые эстонцы, хутор которых стоял неподалеку от лагеря. Он пас скот, выполнял много другой тяжелой работы по хозяйству. Там, в хозяйских сараях, наш брат прятал одного русского военнопленного, которому посчастливилось бежать из лагеря. Ни одна живая душа не знала о том. Можете себе представить, что бы было, если бы его обнаружили. И военнопленный этот выжил, благодаря нашему старшему брату. Родом он был с Украины, из Винницы. После войны они переписывались, и раза два или три он приезжал к брату в гости со своей семьей.

Однажды, поздно вечером, фашисты окружили наш барак,

заперли двери наглухо, а потом долго возились с фундаментом барака. Оказалось, они заминировали бараки, а сами куда-то уехали на грузовиках. Они удирали от русских, ну а нас решили взорвать. Мы плакали и молились, обнимались, прощаясь друг с другом. Через некоторое время раздался звук моторов – мотоциклы. Конечно, мы и предположить не могли, что это были наши, советские солдаты, но терять нам было нечего, и мы начали кричать. Наши поняли, что в бараках находятся люди, и выломав двери, выпустили нас на свободу А мы, обессиленные, ползли к ним, целовали их сапоги. Возможно ли описать те мгновения?

Пока минеры возились с разминированием бараков, люди плакали, не веря в свое освобождение. Нас накормили хлебом с тушенкой. Было ли в моей жизни что-то вкуснее этого хлеба, этой тушенки? Нет, не было! У этой пищи был особенный вкус – вкус свободы, вкус нашей скорой победы. Вскоре приехал и брат – хозяева сразу же его отпустили. Потом мы жили в тех же бараках, ожидая машины, которые должны были отвезти нас на пристань. Но совсем по-другому мы себя чувствовали – ведь мы были свободны. Машины отвезли нас к пристани, мы пересекли Балтийское море вместе с нашими ранеными солдатами и снова оказались в том же лагере, где пребывали на карантине.

Разместили нас в тех же самых бараках, только теперь они были чистыми, внутри пахло карболкой. Здесь мы ожидали, когда будет поезд, – нас отправляли на родину, домой. Наши солдаты были очень приветливы и добры к нам, детям. Мы видели печи, в которых сжигали людей, горы одежды и обуви – заключенных сжигали голыми. Спустя некоторое время нас посадили в вагоны; помню, что они были холодными, но внимания на это никто не обращал, нас всех переполняло чувство свободы. Мы выехали из Эстонии по направлению к Нарве, затем на Ленинград, а затем на родной Брянск.

За окнами вагонов лежала обугленная, разрушенная, опустошенная земля. От больших городов остались одни руины, а от деревень и сел – только сиротливо торчавшие печные трубы. На железнодорожных станциях и полустанках не было электричества, проводники зажигали керосиновые фонари. Казалось, вся Россия погрузилась во мглу Наша бабушка, глядя на все это, плакала, руки ее дрожали – она сильно сдала за это тяжкое время, хотя находила силы поддерживать нас морально. Теперь же она поникла. «Смотри, Катя, – говорила она нашей

матери, – что они, изверги проклятые, сделали с нашей землей. Я же эту землю, родную нашу кормилицу, своими руками рыхлила, разминала, удобряла, поливала…» Она протягивала свои высохшие руки: морщинистые, с набухшими венами – руки великой труженицы. И в который раз они обе плакали. «А ты, Катя, не горюй, дети вырастут, и земля воскреснет, оживет». Сколько же было в этих людях оптимизма, веры в возрождение.

Автор этих воспоминаний – Прасковья Петровна Сюрова – моя мама.

Родилась в 1933 году, в селе Подбужье Жиздринского уезда Орловской губернии. Теперь это Калужская область.

По образованию – педагог. Более сорока лет проработала в сельской школе преподавателем русского языка и литературы.

Скончалась после болезни в 2006 году в Калуге, где и похоронена.

В книгу вошла часть воспоминаний и несколько фотографий и документов из семейного архива.

Людмила ШАРГА (*Южнорусский союз писателей, Одесса, Украина*), *Поэт, прозаик, публицист*

Путь домой

Начиналась Вторая мировая война. 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. Через несколько дней бои начались на территории Западной Белоруссии, которая согласно Рижскому договору принадлежала Польше с 1921 года до середины сентября 1939 года.

Сразу после начала боевых действий, меня, Самущика Ивана Павловича, 29-летнего молодого человека, призвали в Польскую армию и направили в кавалерийской полк. Наш полк отправили на передовую. Немецкие войска ожесточенно наступали, земля стонала под бомбовыми ударами и артиллерийскими обстрелами. Вокруг стон, смерть и разруха. В одном из сражений, в местечке, недалеко от Варшавы, остатки нашего полка были окружены вражеским танковым батальоном. Страшный бой унес жизни многих моих товарищей. Оставшихся в живых немцы взяли в плен. Среди пленных оказался я.

Немцы гнали нас под конвоем трое суток практически без еды, воды и сна. Так я оказался в Германии в лагере для польских военнопленных. Лагерь состоял из бараков, был обнесен забором. Территорию патрулировали немецкие автоматчики. После дезинфекции и допросов всех военнопленных вывели на плац. На площади перед нами стояла группа людей в гражданской форме. Один из немецких солдат стал выкрикивать людей по профессиям: сварщики, токари, слесари, крестьяне… Военнопленные выходили по одному и их распределяли по группам. Так отбирали пленных для работы в сельском хозяйстве и на предприятиях Германии. Я был распределен на сельскохозяйственные работы – меня выкупил хозяин большого хутора. Кроме меня к этому хозяину было распределено еще двое военнопленных из лагеря.

Каждое утром, согласно распределению, всех пленных вели под конвоем на работу. Возвращались мы поздним вечером также в сопровождении вооруженных немецких солдат. Спустя некоторое время хозяева сами стали забирать и сопровождать своих работников в лагерь. Хозяин, взявший меня в работники, был спокойного нрава, уважал наш нелегкий труд и неплохо кормил нас. Но мы должны были соблюдать строгие правила: общаться с хозяином и его семьей исключительно о работе, выполнять все его поручения, следить за хозяйством, работать в поле, при необходимости помогать по дому Весной 1940 года условия содержания военнопленных изменились. Нас больше не забирали в лагерь – разрешили жить у хозяев. Однако, иногда из

лагеря приходили военные и интересовались у хозяина качеством нашей работы.

Вдалеке от дома в тяжелой работе прошло несколько лет. Я часто вспоминал мой родной край, небольшую деревню, Герутево, Гродненской области, в которой родился и вырос, в которой остались мои родители, молодая жена, Нина, и сынишка, Анатолий. Как они, живы ли? – часто задавал я себе вопрос, но не находил ответа. По радио передавали сводку об оккупации Белоруссии, продвижении немецких войск на восток и ожесточенных боях Красной армии. Меня неутомимо тянуло домой, и мысль о побеге не покидала ни на минуту.

Мы решили бежать вместе с моим товарищем, Андреем Матяс, с которым были родом из одного края. Собрав накануне немного провизии, мы покинули хутор и незаметно, короткими перебежками добрались до леса. В лесу бежали быстро, не чувствуя ударов веток. В голове была только одна мысль – убежать как можно дальше, чтобы на утро нас не догнал конвой. Но, по всей видимости, хозяин не стал сразу заявлять о нашем побеге и нам удалось затеряться в лесной чаще. Так начался наш путь домой. По территории Германии мы шли лесами, ориентируясь по звездам и мху. Но через несколько дней мы с товарищем заспорили о правильности выбранного направления. Я хорошо ориентируюсь в лесу и был уверен в точности запланированного мною пути. Однако Андрей решил идти иной тропой. Так мы расстались и каждый пошел своей дорогой. Около границы между Польшей и Германией я пристал к обозу с продовольствием, чтобы преодолеть блокпосты и заставы. Я неплохо говорил по-немецки, хорошо знал польский язык и представился польским крестьянином. Не вызвав подозрений и благополучно миновав границу, я поблагодарил крестьян и пошел своей дорогой. Но не все так благополучно было на моем пути. Однажды, на дороге, около небольшой деревни, я подошел к польскому крестьянину, чтобы уточнить дорогу на Белосток. Вероятно, крестьянин что-то заподозрил и начал громко звать на помощь. Я пригрозил ему, сказав, что убью, если он не замолчит. Но мои угрозы оказались тщетны – крестьянин не унимался. Я несколько раз ударил его кулаком по голове и бросился в лес что было мочи. Через некоторое время вдалеке за спиной я услышал обрывки немецких фраз и лай собак. По всей видимости, немцы увидели бесчувственного крестьянина со следами ударов и бросились за мной в погоню. Голоса быстро приближались. Что делать? Погоня близко? – думал я. Вдруг я увидел волчью нору. Без промедления я забрался в нее. На мое счастье волка в норе не было. Я затих, чуть дыша и не шевелясь. Немцы пробежали совсем

рядом от моего убежища, но собаки не взяли след. Запах волка перебил запах человека и конвой пробежал мимо. Опасаясь новой облавы, я просидел в волчьей норе весь день и только ночью вылез из нее, мысленно поблагодарив «хозяина» за спасение.

Я шел по чужой стороне под защитой густых лесов. Мне помогал случай и помощь добрых людей и через две недели я пришел домой, в свою родную деревню. В предвкушение скорой встречи с семьей я чуть не потерял бдительность и не попал в руки к немцам. Как выяснилось, в деревне обосновались немецкие солдаты. Большинство юношей и мужчин призвали в ряды Красной армии, многие ушли в партизаны. В селе остались только женщины, старики и дети. Я на несколько часов зашел домой, обнял родителей, жену и сына и ушел к партизанам в лес. Леса у нас густые, болотистые. Немцы боялись прочесывать лес, и партизаны уверенно обосновались в землянках. Посыльные периодически предавали нам весточки из дома и снабжали продовольствием.

Наш небольшой партизанский отряд под командованием Николая Дышливого совершал набеги на немецкие обозы с оружием и продовольствием. Однажды партизаны из нашего отряда убили одного из немцев. На следующий день фашисты вывели жителей села из домов и сказали, что если не сдадутся виновные в смерти, то всех жителей расстреляют, а деревню сожгут дотла. Делать нечего, чтобы сберечь мирное население двое партизан сдались немцам и были расстреляны на глазах у жителей. Однако, фашисты не пощадили мирных жителей и для устрашения расстреляли еще трех стариков и четырех женщин.

Прошло два года. Только в 1944 году после освобождения Беларуси от немецких захватчиков партизаны смогли вернуться в родные дома. Всех бывших партизан зачислили в ряды Красной армии.

Первоначально каждый из партизан заполнил анкету, в которой необходимо было указать не только автобиографические данные, но и свой боевой путь. Через день меня вызвали на допрос. Я не скрывал, что в 1939 году был призван в ряды Польской армии, что провел несколько лет в немецком лагере для военнопленных, рассказал о том, что работал как раб на хуторе у немецкого хозяина и о том, что при первой возможности бежал из плена. Заключение следствия было жестким: я был направлен в лагерь для бывших военнопленных.

Шел 1944 год. Впереди меня ждала неизвестность. Утешало одно – я на родной земле! Под конвоем меня доставили на станцию и затем переправили в лагерь, расположенный в Сталиногорске (ныне Новомосковск) Тульской области. Долгих

три года я работал в забое на шахте. Каждое утро построение, переклички, а по ночам проверки и допросы, до двенадцати раз за ночь. Ужасные условия труда, отсутствие техники безопасности. В переполненном бараке люди умирали от голода и истощения.

На шахтах, вместе с пленными, но на более легких участках работали местные жители. С одним из них мы подружились: я рассказал ему о своей семье, о родном крае, о том, как под гнетом польских панов долгие годы жила моя Родина, как жестоко обращались с белорусами и их детьми польские хозяева, как уничтожали культуру, насаждали свои порядки и язык. Мой товарищ морально поддерживал меня, делился со мной куском хлеба и верил, что наступит день освобождения, когда я смогу вернуться домой.

Домой я вернулся в 1947 году благодаря стараниям и любви моей жены. Именно она все эти годы ходатайствовала о моем освобождении перед партийными и военными органами власти. Неоднократно она писала письма на имя военкома с просьбой пересмотреть мое дело, в котором подробно указывалось, что в 1939 году я был призван в Польскую армию и не предавал Российского государства, так как был подданным другой страны. О моем освобождении также ходатайствовал бывший командир партизанского отряда, Николай Дышливый.

После возвращения домой я вступил в партию и начал восстановление сельского хозяйства на должности бригадира колхоза.

Сегодня, я в окружении своих пятерых детей и внуков я вспоминаю о тех далеких днях, рассказываю им о войне, о страшном времени, чтобы берегли мир, уважали свои семьи, любили Родину и помнили, что только в единстве наша сила!

Самущик Иван Павлович, 1910 год рождения. Деревня Герутево, Гродненская область. Беларусь

Гордая и стыдливая любовь

Украина. Страшные времена оккупации

Когда началась Великая Отечественная война, нашей маме было 27 лет, мне три с половиной года, а сестре год и восемь месяцев.

Отца призвали 28 июня и отправили в Винницу на формирование то ли команды, то ли эшелонов. Каким-то «бабьим чудо-радио» маме передали, что отца должны отправить через день дальше, на фронт. Она, оставив детей на родителей, рванула в ночь в Винницу пешком, так как поезда уже не ходили. А это все-таки почти полсотни километров, даже если по полям, а не по шпалам. Время было непростое, путники в дороге могли повстречаться всякие, и как мама уцелела, никто не знает, кроме нее самой.

А вскоре пришли немцы и румыны, так как юго-запад Украины попал в смешанную немецко-румынскую зону оккупации.

Перед тем как наши войска оставили наше село, я находилась у бабушки по отцовской линии в другом селе, которое отделяла от нашего села большая гора совсем без растительности, всеми называемая Горб. Увидев уходящих солдат, мама испугалась, что я остаюсь без нее, и бросив младшую Веру на своего отца Якова, побежала забрать меня домой. И вот, когда она со мной на руках бежала по этому пустому Горбу, над ними появился немецкий самолет. Немецкий летчик изобразил пикирование, как я теперь понимаю, но не стрелял. Мама бросилась на землю, закрыла меня своим телом и замерла. Самолет вроде бы улетел, но стоило маме подняться, как немец вновь прилетел. И так повторялось несколько раз. В полуобмороке от ужаса мама со мной пролежала, не двигаясь, до самой ночи, хотя немец уже давно улетел. Начались страшные дни оккупации.

Мама всегда поддерживала в доме идеальный порядок. Но, немцы начали становиться на постой, и чтобы хотя бы как-то обезопасить себя, мама быстро набросала на пол и лавки всякого мусора и даже навоза. Сама она оделась в рванье, больше подходящее для огородного пугала, чем для молодой и красивой женщины, какой мы всегда считали маму.

Немец вошел в дом, сказал традиционное: «Млеко, яйки» – взял что хотел, а потом подошел к матери, которая с ужасом прижимала к себе нас с сестрой ни жива ни мертва. Он брезгливо

показал на весь набросанный мамой на пол и на лавки мусор, сделал вид, что ударил ее по вымазанным сажей щекам, и что-то сказал, типа: «Швайн!» или «Шлехт!» Вдруг младшая сестра расплакалась, и громко, сквозь рыдания, спрашивала: «Чого вин горгочыть, як гусак?» – то есть «Чего он гогочет, как гусь?» я, как старшая, потупив глаза, молчала. Я вообще в детстве не умела, по-моему, плакать.

Немец наставил свой автомат на сестру, что-то крикнул, добавил: «Пух-пух!» – засмеялся, еще раз изобразил маме пощечину и вышел. К маме на постой так никого не поставили.

Что может перенести мать, любая, не только наша, когда на ее ребенка наставляют автомат и чего-то требуют? Какие силы нужно иметь в это мгновение, чтобы и не упасть без сознания, и не вцепиться в глотку этому такому страшному уже своим чужестранством и неприятием, чтобы хоть как-то защитить своих детей!

По приказу мамы, на кухне, в ящичке стола всегда лежал десяток яиц, а на столе стояла «глечик» – крынка с молоком, которое мы не имели права трогать. Любой немец, румын или местный полицай, которые уже появились, входя в дом, подходил к столику, забирал что хотел, выпивал молоко, пытался о чем-то заговорить с детьми и уходил. Мама была обязана ходить на полевые работы, за опоздание били нагайками, дети оставались одни, иногда их прибегали проведать мамины родители.

Совсем зимой, когда куры несутся мало, яиц стало мало, мама придумала такой способ укрывания яиц от немцев: их все спрятали на чердаке, где всегда холодно, и яйца замерзали. Брала их мама по потребности 1–3 штуки для детей, сама она их точно не ела, не считала возможным. Кто эту тайну узнал и донес немцам, непонятно, но пришел немец, мама была на работах, и наставив автомат на меня, приказал лезть на чердак: «Яйки, давай, шнель!» Сам он не полез, все немцы очень боялись партизан. Я полезла по стремянке, «драбыне» по-нашему, на чердак, но яйца брать не собиралась, просто посидела у теплого «лежака»-дымохода и слезла обратно к немцу. Я, ребенок, развела руками и сказала: «Нет яйки, нет яйки!» Странно, но немец мне поверил.

Корову, кормилицу семьи, спрятали в коморе, за занавеской, там было темно, немцы туда заходить боялись. Корова как будто понимала все, вела себя тихо и не ревела никогда.

Однажды, в первые месяцы оккупации, кто-то из «добрых людей» донес румынам, которые стояли в селе, о корове, пришел румын и повел корову на станцию Фердинандовку, за три километра, где формировали эшелон для отправки в Германию.

Как мама узнала об этом, не знаю, но она прилетела с поля, где работала, когда корову уже выводили со двора, и почти всю дорогу до станции шла рядом с коровой, причитая и упрашивая румына: «Киндер, млеко, пан, пожалуйста, голод, помрем, отдай корову!» Где-то за полкилометра до станции румын не выдержал маминых причитаний и вернул корову маме, и она огородами и оврагами, лесочками повела корову домой, чтоб не дай Бог, не увидел кто-то со «злыми» глазами. А «злые» глаза были, кто-то верил, что немцы пришли навсегда, и пытался наводить «новый порядок», кто-то отдавал своих дочерей и сыновей на работу в Германию, ведь за это немцы выделяли сколько-то десятин земли.

Родителям после женитьбы под дом выделили участок из бывших до коллективизации земель соседа слева, который после прихода немцев стал полицаем и активно старался помогать немцам. И теперь он начал требовать, чтобы мама вернула ему все земли, ранее ему принадлежавшие, потому что ее муж в «Красной банде». И началось!

Сначала в окно кухни среди ночи бросили огромный булыжник, и он только случайно не упал на маму, прикорнувшую на лавке. Мама вскочила, рванулась к нам, спавшим на печи, и там просидела всю ночь до утра, прижимая к себе детей и ожидая чего-то самого страшного. Там их и застал дедушка Яков, пришедший проведать их. Они с бабушкой регулярно это делали, хотя у самих тоже хлопот хватало – приходилось прятать младшего сына Сашу от Германии: в свои 14–15 лет он был рослым и выглядел старше. Не помню, где и как его прятали от немцев, и Сашу обошли все беды, и оккупацию он пережил, а погиб после призыва в армию в 18 лет, в первом же бою под Перемышлем, сейчас это уже Польша.

Тогда сосед наш огород отобрал и посадил на нем картошку. На мамин вопрос, чем ей детей кормить, с ухмылкой ответил: «А ты их корми коммунистическими идеями!» В отчаянии мама ночью выкопала эти посадки и засеяла рожью, но он бросился на нее с лопатой и даже ударил несколько раз. К счастью, дело происходило днем, и спасибо люди усовестили его, и он отступился. Но не успокоился…

Я как старшая в отсутствие мамы, гоняла воробьев с грядок, расположившихся почти на самой границе участка, рядом с землей этого соседа. Вот этот урод ночью специально разбросал вокруг грядок битое стекло, и я так сильно порезала ногу, что мама боялась, что повреждены сухожилия, и я на всю жизнь останусь хромой. На этот раз все обошлось, но мама понимала, что ее в покое не оставят, и не знала, что делать. Добрый человек посоветовал маме обратиться с жалобой к начальнику полиции в

Немиров. Он якобы многим помогал. Мама отнесла в платочке начальнику полиции все, что могла: яиц, шмат сала. Как сама рассказывала, долго плакалась ему, что одна с малыми детьми живет, от мужа ничего нет, и жив ли он, она не знает, просила помочь, чтобы над ней хотя бы не издевались. Начальник полиции ничего у нее не взял и пообещал помочь. После этого визита маму и правда оставили в покое.

Уже в 60-е годы, когда вышли мемуары А. Безуглого о винницком подполье, мы узнали, что этот человек, капитан Красной армии, Леонид Ведыбеда, был подпольщиком, и потом в 1943 году его замучили в гестапо.

А из всех тех, кто издевался над мамой и такими же солдатками, никто в живых не остался: кого убили дезертиры-лжепартизаны, как и нашего соседа, а кого после освобождения призвали и как сдавшихся в плен направили в штрафбат, где они и погибли. Лжепартизан тоже всех пересажали или расстреляли. Вот такая жизненная и историческая справедливость!

Перед освобождением весной 1944 года опять начались бои, и немцы поставили танк за нашей хатой в лесочке. Началась артиллерийская перестрелка, в доме оставаться было очень страшно, мама схватила нас даже не одетыми, и мы спрыгнули в яму во дворе, где хранилась картошка. Было очень сыро и холодно, а вылезть страшно. Там нас и нашел дедушка Яков.

Мама еще раз ходила на свидание к отцу, уже после освобождения, и прямо на фронт! Как отец дал знать маме, что он находится рядом с домом, буквально в 35–40 километрах южнее, где-то в районе станции Каролина, не знаю, просто назвать место он не мог, видно, с кем-то передал эту сумасшедшую новость, ведь практически три года она о нем ничего не знала. Мама опять оставила детей на родителей, а сама снова пешком рванула на свидание к мужу По ее рассказам, поход был очень жутким, они шли группой, но не все знали друг друга, были и незнакомые. Под самым райгородом к ним пристал какой то мужик и начал расспрашивать, куда идут, да к кому, да где часть мужа стоит. А потом этот мужик пропал, но началась бомбежка, и они очень перепугались, что это немецкий шпион, и их тоже могут арестовать, и главное, не пустят повидаться с мужем. Вот это ее больше всего волновало, а страха за свою жизнь совсем не испытывала.

Приехала мама в часть. Отцу сообщили, что жена приехала. Смотрит Евдокия: идет ее Федор, красивый, подтянутый, стройный, с белым воротничком. Она же с дороги – грязная, голодная, немытая… Вручила ему сало, что привезла, и говорит: «Хорошо, что повидала, мне к детям пора». Он взмолился: «Да

куда ты? У нас тут можно переночевать, помыться, нам комнату выделят». Развернулась: «Там дети одни» – и, обливаясь слезами, ушла. Вот такая любовь была. Гордая и стыдливая.

Вот прожили мама с татом до маминой кончины 1 января 1983 года почти полвека. И не слышала я от них слов любви друг к другу, и всякое было в их отношениях… но вот эти истории о походах мамы на фронт, мне кажется, маму характеризуют с такой стороны, что и никакие разговоры о любви тут уже и не нужны. Да и не приняты они были в их время, к большому сожалению! Отец же после маминой смерти прожил один 17 лет, а перед своей кончиной за два месяца начал искать маму.

Сохранилась фотография, которую мама отсылала отцу на фронт. Эту фотографию отец привез с собой с фронта. Мама на фото в вышитой мелкими цветочками по вороту и на рукавах льняной домотканой сорочке, возможно даже в той, в какой она выходила замуж. Я и Вера стоим в каких-то, по-моему цветастых одинаковых платьицах и в старых туфельках. Я была почти на голову выше Веры, и на голове у меня бант.

Отца демобилизовали только в сентябре 1945 года, с собой он не привез каких-либо трофеев, только хорошую опасную бритву и какие-то кожи на сапоги. Эти куски кожи так и валялись потом в коморе, и ничего путного он из них не сделал. Да он и потом как ветеран войны никогда не пользовался льготами, которые ему причитались, и от талона на автомашину тоже отмахнулся. Такой был человек.

Когда отец пришел домой, мама работала в поле, я пасла корову далеко, аж на Горбе, дома оставалась только младшая Вера. Увидев расхаживающего по двору дядьку, она тут же по моей инструкции закрылась в доме и не отвечала на призывы отца открыть. Она же отца фактически не помнила, а от меня имела строгий наказ: «Никого в дом не пускать, что бы кто ни говорил!» Увы, чужой усатый дядька не уходил, и Вера тайком вылезла через застреху сзади дома и рванула ко мне с докладом.

За то, что Вера бросила дом и хозяйство на чужого дядьку, я тут же надавала тумаков сестре, схватила корову за веревку-»налыгач» и пошла «спасать» дом. Вера плелась сзади, подгоняя не желающую уходить голодной корову, и ревела вовсю от обиды на сестру и чужого дядьку, и что мамы нет, и пожалеть некому, а наоборот, от мамы за все еще будет добавка. Вот так почти одновременно мы и подошли все ко двору: и прилетевшая с поля мама, которой тоже сказали, что отец вернулся, и я, и заплаканная Вера, и голодная корова. Я отца помнила и тут же бросилась ему на шею, мама, естественно, тоже с другой стороны. А Вера, получив свои поцелуи и подарки, еще долго исподлобья

присматривалась к этому усатому дядьке, который оказался ее «татом», то есть отцом. Отец на фронте отпустил усы, потом он их сбрил.

Когда отец пришел с фронта, точнее демобилизовался, мне было 7 лет и восемь месяцев, а Вере – 5 лет и десять месяцев! Может ли кто-то даже представить детей в таком возрасте и с такими взрослыми обязанностями! А ведь это происходило с нами! И не дай Бог когда-либо этому с кем-то повториться!

Размышляя о том тяжелейшем для нашего поколения детстве, которого, собственно, и не было, я задумываюсь, каким крепким жизненным стержнем мы обладаем, перенеся все это, каким жизнелюбием мы сильны!

Вы, сегодняшние, можете себе представить двух маленьких, детсадовского возраста девочек, содержащих дом, помогающих маме, отстаивающих свой дом от оккупантов! Не дай Бог кому-либо такое пережить!

Анна Федоровна Гончаренко

Не убивайте мою маму!

Памяти моей мамы, Лилии Андреевны Гавриленко, посвящается

Я очень хорошо помню, что мы всей семьей смотрели по Центральному телевидению (это было в начале 1980-х годов) один из фильмов двадцатисерийной киноэпопеи Романа Кармена «Великая Отечественная». Сменялись документальные кадры, рассказывающие об оккупированной Белоруссии, зверствах фашистских захватчиков, партизанском движении… И вдруг мама увидела родные места, услышала названия знакомых деревень – Чернея, Зеленка, что на Витебщине. Она разволновалась, ведь на экране увидела то, чему была свидетелем, что крепко-накрепко врезалось в память: пепелища сожженных гитлеровцами деревень, бомбежки, расстрелы мирных жителей и много другого, что связано со страшным словом «война».

Мы с младшей сестрой заметили переживания мамы, стали расспрашивать и впервые в тот вечер узнали, какие испытания выпали на долю маленькой девочки Лили.

Мама родилась в 1936 году в Белоруссии, в Витебской области, Полоцком районе, в деревне Зеленка. Роды были очень тяжелыми, помогали их принимать две еврейские женщины – мама и дочь. Со слов бабушки Любы, мама рассказывала, что, когда она, наконец, появилась на свет, одна из женщин воскликнула: «Ты посмотри, какая хорошенькая девочка, настоящая Иечка!» Маму назвали Лилия, а чуть позже при крещении дали имя Ия. Когда пришли фашисты, этих женщин расстреляли…

Через год, в 1937-м, по ложному доносу арестовали отца девочки Андрея Сергеевича. Мама Лили, Любовь Георгиевна, несколько раз ездила в Полоцк, пытаясь добиться свидания с мужем, но следователь строго предупредил: «Еще раз появишься, арестуем и тебя. Дочка сиротой останется». В декабре «тройка» приговорила Андрея Гавриленко к высшей мере наказания за антисоветскую агитацию. В январе 1938-го его расстреляли. Только через 30 лет Лилия Андреевна добьется реабилитации отца. Но это будет много позже…

После ареста мужа Люба с дочерью перебрались к бабушке (маме Любы) Домне Наумовне в деревню Дмитровщина. Здесь и застала Лилю война.

Летом 1941 года восприимчивый ум маленькой девочки запечатлел отступление наших бойцов перед значительно

превосходящим в живой силе и вооружении врагом. Видела, как упал солдат в поле за околицей, совсем рядом с их хатой, и мимо прогрохотал танк – для нее непонятное, ужасное чудовище. Когда утихла стрельба, мать Лили подобралась к солдату и взяла его документы, чтобы при случае передать их родным воина. Парень оказался с Урала. Родные его только после войны, благодаря Любови Георгиевне, узнали, где похоронен солдат, вместе с другими, отважно принявшими первый удар фашистской машины.

А еще память девочки хранила страшный день, когда они с бабушкой сидели в яме из-под картошки. С чердака их дома, где засел гитлеровец, строчил пулемет. Горячие гильзы падали прямо в яму. Где-то недалеко рвались бомбы и снаряды.

Практически с самого начала войны Дмитровщину занимали оккупанты. Вот что рассказывала мама. Местные жители относились к ним настороженно, однако не предпринимая никаких решительных действий. Немцы же вели себя достаточно спокойно, показывали свои семейные фотографии, угощали деревенских детей шоколадом. Однажды и Лиля принесла домой шоколадку угостить родных. Мать же ее выпорола, чтобы впредь ничего не брала у врага.

По выходным немцы устраивали танцы под патефон. Как это ни парадоксально звучит, но некоторые местные девушки на эти танцы ходили, а потом подругам рассказывали, что немцы воспитанны, хорошо танцуют. Завязывались даже короткие романы. К этому факту можно относиться как угодно, но это было!

Через небольшой промежуток времени «воспитанные» немцы передислоцировались, а на их место пришли гестаповцы. Вот с этого момента Лиля почти не видела мать: она ушла в партизанский отряд. Люба, выполняя специальные задания, ходила в населенные пункты, где базировались немецкие гарнизоны и полицейские управы, помогала пленным красноармейцам и однажды даже обеспечила побег к партизанам группе военнопленных. Вместе с ними в лес пришел и немецкий солдат-антифашист Карл.

В партизанском отряде воевали и дед Лили, Иван Ильич, и дядя Володя (брат Любови Георгиевны), который впоследствии сражался в составе 1-го Белорусского фронта и участвовал в штурме Берлина. Даже бабушка Лили, Домна Наумовна, тоже, как могла, помогала партизанам. На старенькой швейной машинке «Зингер» она чинила им одежду, шила белье…

Об одном из эпизодов своего военного детства мама долго не решалась рассказывать.

Среди местного населения нашлись желающие служить полицаями при немцах. Кто-то из них и сообщил, что бабушка Люба связана с партизанами. Однажды в хату Домны Наумовны пришли гестаповцы. Любовь Георгиевна только что вернулась после выполнения очередного задания партизан. В дороге ее задержал немецкий патруль, но молодой красивой женщине удалось отвести от себя подозрения.

И вот фашисты ввалились в дом и пролаяли на ломаном русском: «Ты – партизан! Выходи!» – указывая на Любу. Маленькая Лиля вырвалась из рук бабушки Домны, выбежала из хаты и бросилась к немцу, который уже целился из автомата в Любу. Девочка изо всех силенок обхватила начищенный до блеска сапог и закричала: «Не убивайте мою маму!!!» Фашист отбросил ребенка в сторону. Любовь Георгиевна подхватила дочку на руки. Раздался выстрел. Пуля просвистела совсем рядом с женщиной…

Бабушка Люба

Немцы предупредили, что в следующий раз расстреляют по-настоящему. За несколько часов Люба с матерью собрали нехитрый скарб. Когда стемнело, вывели из сарая корову, погрузили на нее «зингеровскую» машинку и ушли в лес к партизанам. На следующий день немцы сожгли их хату дотла…

Вот в этом страшном месте хотелось бы сделать паузу и подумать о следующем. Невозможно себе представить, что, если бы события повернулись иначе, не было бы на свете ни моей

мамы, ни нас с сестрой, ни наших детей, четверых девчонок и мальчишек, один из которых является полным тезкой своего прадеда, Андрея Сергеевича. Вот такое преломление одной частной истории во всей истории Великой Отечественной войны…

…Впереди у Лили была нелегкая жизнь в партизанском отряде: спали на еловых ветках, вместо чая заваривали хвою. Затем девочка с мамой оказались в полном беженцами Смоленске. Здесь Лиля серьезно заболела. Любовь Георгиевна, благодаря тому, что шила одежду жене военного врача, смогла раздобыть антибиотики, которые и спасли девочку.

После освобождения Белоруссии от фашистов семья Лили вернулась в родную деревню. Жили на первых порах в землянках, а в школе-четырехлетке один учебник был на десятерых…

…Со временем Лилия Андреевна стала врачом, вышла замуж за морского офицера и приехала в столицу Северного флота – Североморск. Мамы уже нет с нами. Благодарные пациенты помнят ее до сих пор. Мама часто говорила, что слова «Спасибо вам, доктор!» – самая лучшая награда. Я иногда думаю, не оттуда ли, из военного детства, желание мамы стать врачом и помогать людям?

Навсегда моя память сохранит образы моих героических мамы и бабушек, вынесших на своих плечах все тяготы военной поры. Им я посвящаю этот рассказ.

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь.
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут…

…Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит,
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может…

Давид Самойлов

Солнцева Юлия Николаевна

Австрийцы прогнали финнов

Военное детство в Русском Броде

Я родился 28 апреля 1939 года в селе Русский Брод. Отец – Рязанцев Максим Никитович, родился в 1913 году, был журналистом. С 1941 по 1946 год находился в рядах Советской армии, сначала политруком роты, потом командиром зенитной батареи. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Мама – Дедовская Матрена Корнеевна, родилась в 1917 году в деревне Малый Кривец Русско-Бродского района, была учительницей истории. Брат мой Юрий родился 24 августа 1941 года, спустя два месяца после начала войны, был шофером. Село Русский Брод и деревня Малый Кривец стоят на речке с поэтическим названием Любовша, которая впадает в речку Труды, а та – в реку Сосна, которая протекает через город Дивны. Сосна впадает в Дон. Село Русский Брод и деревня Малый Кривец стоят на месте, которое близко к вершине Среднерусской возвышенности, являющейся водоразделом между бассейном Дона и Оки. Природа здесь хорошая. Иван Иванович Акулов, участвовавший в боях с немцами в 1941 году за Русский Брод, так описал наши места в книге «Крещение» (Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1971): «Тут нет кондово-крепкой обустроенности, зато есть милая и открытая простота. Поля подходят едва ли не к самому крыльцу дома, а яблоневые сады начинаются у самых окон – и кругом простор и ширь, и голоса идущих еще где-то далеко по полевой дороге слышны в деревне, и это делает мир доверчивым, близким, давно и надежно обжитым.

Орловщина! Милая от Сотворения мира русская земля. Благодатные просторы, увалы, овраги, дубовые перелески и леса. Опять овраги, чистые ручьи, речки и реки! Весной, когда начинает тлеть дубовый лист-падунец, когда источает он под легкие и теплые туманы густой аромат, в дубовые рощи прилетают соловьи, и кажется, поет об эту пору вся орловская земля, кажется, нет на свете прекрасней земли, кажется, нет счастливей людей, что живут на этой земле.

А деревни, разметанные по оврагам, бедны и убоги, дорог нет, в глубинных районах угадывается щемящая душу оторванность от всего мира. И бедность эта понятна: Орловская и смежные с ней губернии извечно кормили две русские столицы, все отдавали им, от хлеба до работника».

Предки мои крестьяне. Дед Никита погиб в Первую мировую войну. Бабушка, мать отца, Ульяна Климентьевна, прожила около 80 лет. У моего отца был брат по матери Иван Никифорович Круподеров, который после окончания военного училища в Средней Азии стал командиром пулеметного взвода и погиб на Украине в 1942 году. Ему было всего 18 или 19 лет.

Второй дед, Корней, отец мамы, не воевал, так как имел многодетную семью: моя мама была самой младшей – четырнадцатой в семье!

Себя маленьким помню мало. Немного помню короткое время (около месяца), когда в нашей избе жили немцы, а точнее австрийцы. По рассказам бабушки и мамы, немцы вошли в село 21 ноября 1941 года по дороге Дросково-Русский Брод, а наш дом стоял на пересечении ее с дорогой Ливны – Верховье. Так что наш дом они никак не могли миновать. Перед этим мама с грудным Юрой на руках, бабушка и я перебрались по железнодорожному мосту (через реку Любовшу) в ту часть Русского Брода, которая называется Борки (Музалевка). Остановились у родственников.

Был конец ноября, стояли холода, и на реке появился молодой лед. Бабушка очень переживала за хату и корову. Так как немцы мост охраняли, она по тонкому льду перебралась на свою сторону и заросшими огородами дошла до дома. В доме – немцы, холодно. Бабушка разожгла печку, накипятила воды. Немцы говорят: «Гут, матка, гут». Наливают кружку кофе, добавляют рому и дают бабушке: «Пей, матка, пей». Бабушка поблагодарила и выпила. Надо сказать, что по чуть-чуть выпивать она любила. Вскоре мама, Юра и я также перебрались домой. Австрийцы нас не обижали. Однажды «австрияка Миша», как рассказывали мама и бабушка, стал дразнить меня конфетой, я разозлился и закричал: «У, фашист проклятый!» «Миша» засмеялся и отдал мне конфетку; мама и бабушка сильно испугались и укоряли меня, чтобы я так не смел говорить. В конце села, который обращен к Верховью, стояли финны. Люди удивлялись, как быстро они скользят на лыжах вниз по улице. Они были очень злые. Однажды финны пришли к нам и стали уводить корову на мясо. Бабушка вцепилась за повод и не дает уводить корову. Финн наставил на бабушку штык. На шум вышли австрийцы и прогнали финнов. Корова им самим была нужна – молоко они добавляли в кофе. Кроме того, они пожалели малолетних детей. Все равно корова вскоре погибла от бомбы. В наших местах воевала немецкая 45-я гренадерская пехотная дивизия, которая первой вошла в Варшаву и Париж. Ее очень отличал Гитлер, тем более что она в основном состояла из австрийцев. Как известно, Гитлер был австрийцем. Возможно, наши постояльцы оказались из этой дивизии.

Произошло несколько случаев, когда после долгого отсутствия мужчины возвращались в село. Немцы, заподозрив в них партизан, кого расстреляли, кого повесили. Один из возвратившихся к семье (Воронков И. Г.) и вправду являлся партизаном-подпольщиком. Был также случай: мужик решил выслужиться перед немцами, когда, зачерпнув воды из колодца, вытащил немецкую винтовку и отдал ее им. А те спросили: «А где пан?» – и расстреляли его. Уже в наше время, мой тесть Михаил Петрович Семенихин рассказывал, что его также тогда оставили партизанить, предварительно эвакуировав семью. Партизаны расположились недалеко от деревни Синковец, возле Синковского леса.

Так как поступил приказ, что врагу оставлять только выжженную землю, в одной из деревень попытались поджечь крайнюю избу. Набежали мужики и бабы с топорами и вилами – и отогнали партизан. Вскоре появился немецкий патруль на конях, партизаны стали стрелять по ним из винтовок – и те ускакали. В разных местах леса было закопано продовольствие и спирт. Партизаны расположились в овраге в поле, вдали от леса и обедают, естественно, со спиртом. Появился немецкий отряд и начал прочесывать лес – никого не нашли и ушли. К счастью, в овраг не заглянули – не ожидали такой беспечности. Вечером партизаны решили врассыпную пробираться к Ельцу и влиться в Красную армию. Так и сделали. Мой тесть потом служим командиром роты противотанковых ружей и дошел до Днепра, где был тяжело ранен, награжден орденом Красной Звезды и медалями.

26 декабря 1941 года Русский Брод освободила от немцев 13-я армия, командовал армией А. М. Городнянский. В бою за Русский Брод погибли знаменитые семнадцатилетние пулеметчики-добровольцы Аня Гайтерова и Володя Быков, уроженцы г. Ельца.

Бой за село шел ожесточенный. Долго еще после войны стояло несколько подбитых наших танков возле станции, возле элеватора стояло немецкое орудие и один танк. Мы, мальчишки, любили играть там в войну. На окраине села, в направлении села Дросково, стояли еще два подбитых танка Т-34. И. И. Акулов (рядовым пехотинцем воевал в наших местах) так описал Русский Брод после освобождения в книге «Крещение»: «Большое пристанционное село, некогда вольно разбросанное по скатам меловых гор и вдоль оврагов, было выжжено. Все еще горел элеватор…» И. И. Акулов также отобразил в своей книге жестокий кавалерийский бой с отступающими фашистами. Камская дивизия спешно зарылась в землю по восточному берегу реки

Труд, в двадцати километрах к западу от села. К концу декабря 1941 года фронт выровнялся по линии Мценск – Новосиль – Верховье – Русский Брод – Ливны – Беломестная. Эта линия фронта, практически без изменений, простояла до Орловско-Курской битвы.

Отметим, что в наших местах сражалась 16-я Литовская стрелковая дивизия, многие литовские воины лечились в Русском Броде, в 168-м эвакогоспитале. От тяжелых ран здесь умерли 13 литовских воинов, которые захоронены в братских могилах этого села. Здесь покоится и прах начальника штаба этой дивизии полковника Киршанаса Винцаса Прано. Могилы и памятники содержатся в образцовом порядке. В советское время почтить их память приезжали родственники из Литвы – их радушно встречали. Не так относятся сейчас к памятникам и могилам наших солдат в Литве. Быстро они забыли про боевое братство – счастья им это не принесет.

Железнодорожную станцию часто бомбили. Наш дом стоял рядом со станцией, и мы чуть не погибли. Запомнился смутно момент, когда нас засыпало в избе. Изба была разделена на две половинки, и когда началась бомбежка, я побежал в горницу, где на подоконнике стояла моя любимая игрушка. В это время послышался грохот, стекло задрожало, и я увидел, как над железнодорожной станцией и элеватором кружат самолеты. Бабушка Утьяна схватила меня и утащила в соседнюю комнату, где стояла печка, и, схватив под одну руку четырехмесячного Юрку, а под другую меня, забилась под кровать. Бомба упала недалеко от избы. Изба рассыпалась, на бабушку упала заслонка от печи, а потом все остальное. Заслонка частично спасла бабушкину спину, которая всю жизнь потом болела, и мы ее растирали мазями и спиртным. Меня оглушило, из носа текла кровь, и я долго потом заикался.

Как рассказывала мама, она в это время бежала из школы домой, и бомбежка застала ее под железнодорожным мостом (над проезжей дорогой Ливны – Верховье), наш дом находился в двухстах метрах от него. Как говорила бабушка: «Я ее слышу, как она плачет и зовет нас, а она меня не слышит». На наше счастье, через дорогу находились наши бойцы, они разобрали завал и освободили нас. Как писал брат деда Антон моему отцу на фронт, это случилось 28 декабря 1941 года, всего через два дня после освобождения Русского Брода от немцев. После этого мы жили по родственникам и соседям. Во время бомбежек мы все прятались в колхозном (бывшем господском) подвале, мужики веревкой удерживали дверь от близких разрывов. Мне почему-то в это время казалось, что самое безопасное место – это пустая

деревянная бочка из-под соленых огурцов, и я замолкал только тогда, когда меня туда сажали. Особых боев, кроме бомбежек, в это время не было. Зиму мы провели в деревушке Башкатовка, что возле села Корытинка. Там жила сестра бабушки и ее дочери, а сын Ефим Изотович воевал. По вечерам читали вслух «Тараса Бульбу»; помню, как я горько плакал, когда Бульба убивает сына Андрея, пронзительная сцена! Я кричал, что Тарас Бульба плохой, злой… Днем тетушки-девушки громко радовались, когда я пугался, съезжая с ними на санках с крутых горок. Хотя время было трудное, но я всегда с теплом вспоминаю Башкатовку. Судя по названиям: Башкатовка, Юрты, Кунач, – наверняка в нас есть что-то татарское. Недаром во времена Ивана Грозного здесь проходила граница Руси.

Это было время, когда после Сталинградской битвы наши наступали. Отец писал нам ободряющие письма, например, что его зенитная батарея сбила самолет «юнкере». Весной 1942 года он участвовал в сражении за Харьков, где нашим войскам пришлось отступить. В этих боях геройски погиб командарм А. М. Городнянский. Отец чудом не попал в окружение под Старым Салтовым. Два бойца, которые шли с ним, для сокращения пути решили переплыть озеро и утонули. Отец поймал бродившую лошадь и управляя ей с помощью хворостины, объехал озеро – помогло колхозное детство. Затем перебрался на восточный берег Северного Донца, где стояли наши части. В начале июня отец прислал письмо, где настоятельно требовал, чтобы мы эвакуировались. Всего он из-за цензуры написать не мог, но мама поняла, что возможно немецкое наступление. и действительно, 28 июня началось германское наступление под названием «Blaue» («Синева»). Именно в этот день немецкая авиация практически уничтожила город Ливны, а ведь Русский Брод находится практически рядом, в 25 километрах. На этом участке Брянского фронта опять сражалась 13-я армия во главе с новым командующим Н. П. Пуховым. Здесь также сражались воины знаменитого 1-го танкового корпуса М. Е. Катукова. Если южнее Ливен фашисты продвинулись к Дону, в направлении Воронежа, то севернее Ливен линия фронта практически не изменилась. Но многие наши бойцы погибли, среди них герои-танкисты, которые прославились ранее под Мценском, задержав продвижение танков Гудериана на Москву Именно в это время вышел знаменитый приказ Сталина № 227 – «Ни шагу назад».

В конце июня наша семья эвакуировалась в Мордовию, в Торбеевский район. Жить было тяжело. Хорошо, что отец прислал свой аттестат и изредка – деньги. Все до нас доходило – это свидетельство четкой работы всего государственного механизма в

это тяжелейшее время. Многие эвакуированные болели, а некоторые дети помирали. Бабушка сказала маме: «Мотя, поедем домой! А то ребята помрут». И в начале октября 1942 года мы вернулись домой, хотя дома уже давно не было. Жили у родни в Башкатовке, в Малом Кривце у дяди – Василия Корнеевича (лейтенант-пехотинец, он воевал на фронте), снимали квартиру в Русском Броде. Отец 13 октября 1942 года прислал письмо, в котором укорял маму за преждевременный приезд домой. Он знал, что враг сражается уже в Сталинграде, и боялся, что и у нас прорвут фронт. Но фронт в наших местах выстоял, даже весной 1943 года было относительное затишье. 5 июля началась Орловско-Курская битва, а 5 августа освободили Орел и Белгород – города 1-го салюта. Хотя в Русском Броде боев не происходило, горя жители хватили много. Особенно пострадали подростки и дети. Дело в том, что всюду было много мин, взрывчатки и брошенного оружия. Еще летом 1942 года отец писал маме, что надо опасаться патронов и запалов, которыми любят играть дети. Как в воду смотрел! Я где-то нашел запал (или какое-то взрывное устройство, похожее на игрушку) и пытался его разобрать. Когда это не удалось, с досады бросил его – произошел взрыв. У меня и братика Юры были сильно ранены ноги. Моя голень левой ноги оказалась раздроблена, правая нога пострадала меньше. У Юры ранения были меньше, но также значительны. Пришлось долго лежать в военном госпитале. Спасибо военным хирургам, они собрали мне левую голень, удачно зашили рану на лице. Даже когда мы с Юрой заканчивали школу, у нас из ног выходили осколки сами собой. Когда произошел взрыв, я потерял сознание. Очнулся – слышу, мама плачет и женщины на руках несут нас берегом Любовши в госпиталь. Мы потеряли много крови, потому что госпиталь находился далеко.

Спасибо маминым коллегам-учителям: Марии Павловне Шлейной (Быковской), которая взяла шефство надо мной, и Елене Ивановне Крыловой, которая взяла шефство над Юрой. Они из своих маленьких зарплат подкармливали нас, чтобы мы восстановили силы. Елена Ивановна Крылова потом учила меня с 1-го по 4-й класс, замечательный учитель и человек. Мария Павловна Быковская и ее муж Даниил Семенович Быковский, также удивительно добрые люди и отличные учителя, долгое время преподавали в русско-бродской средней школе. В то время многие подростки погибли, еще больше остались калеками. Врезался в память Зайцев, который разбил стеклянный шар с горючей смесью (наверное, с фосфорной). Ему так обожгло ногу, что голень «приварилась» к бедру. Другой отчаянный парень сел на бомбу и начал по ней стучать – рвануло так, что его останки

потом собирали по всему лугу.

Плохо было с едой, весной по полям выкапывали мерзлую картошку и пекли оладьи – «каркули», ели щи из крапивы и тому подобное. Кое-кто ел сусликов. Жизнь потихоньку стала налаживаться. Мама начала работать в школе. С помощью односельчан на развалинах дома, сделали из камней маленькую хатенку с печкой. Завели кур, козу – появилось свое молоко. Не помню в какое время, но бабушка стала получать пенсию за «Ванюшку» – погибшего сына.

В конце войны отец служил на Украине, в городе Шепетовка, ему дали служебную квартиру – и мама, Юра и я приехали к нему. С питанием там стало гораздо лучше, так как та местность пострадала от гитлеровцев гораздо меньше, чем наша. Запомнился мне папин ординарец – украинец, он очень добрый, ходил со мной на прогулки; из своих скудных средств покупал мне булочку на базаре, где подешевле. Вообще, воспоминания от Шепетовки самые теплые. Они как-то ассоциируются у меня со стихами Тараса Шевченко – эпическими, лирическими.

Наша семья в г. Шепетовка, 1946 г.

И странно мне и больно видеть разногласия между Россией и Украиной – ведь мы один народ! И тогда, и позже, когда я учился в Харьковском авиационном институте, меня окружали простые и добрые люди. И в мыслях не было делиться на украинцев и русских! Верю, что все наладится – и мы будем жить в крепкой дружбе!

В 1946 году мы вернулись в Русский Брод. Родители в глухой деревеньке купили небольшой старинный деревянный сарай, сделали из него пристройку к бабушкиной каменной избушке. В

этом доме мы жили долгое время. Отец много лет был редактором районной газеты «Ленинская искра», являлся членом Союза журналистов СССР. Мама была учителем истории в русско-бродской средней школе.

В. М. Рязанцев, 21 сентября 2015 г.

Немного о себе:

– доктор технических наук, заслуженный машиностроитель РФ, почетный гражданин города Ливны, награжден медалью «300 лет Российскому Флоту», работаю главным конструктором проекта в АО «ГМС Ливгидромаш», г. Ливны Орловской области;

– жена Рязанцева (Семенихина) Эльвира Михайловна – учитель, заслуженный учитель РСФСР;

– сын Рязанцев Максим Валерьевич – военнослужащий, полковник;

– дочь Плясова (Рязанцева) Елена Валерьевна – учитель иностранных языков, почетный работник общего образования РФ.

У нас три внука, одна внучка и одна правнучка.

Нам помогал конь Орлик

Меня зовут Софья Михайловна Совкова, девичья фамилия Туманова. В семье нас было 10 детей у мамки, маму звали Дарья Андроновна (трое ее детей умерли еще в детстве). Я – самая младшая. Отец работал председателем колхоза в Храброво. Когда началась война, мне исполнился 1 год. Старшего брата Колю забрали на войну. Отца как председателя оставили эвакуировать из деревни личный и колхозный скот. К тому моменту, как подошли немцы, весь скот угнали и сбрую надежно зарыли. Потом и отец отправился на фронт.

Когда в феврале пришли немцы, они остановились в нашем доме, наш дом стоял на краю. И жили у нас 10 дней. Все дети с мамкой спали на большой печке. Немцы были легко одеты, мама даже их жалела. У немцев было много золотых украшений, даже зубы золотые. Стали они душить наших кур и требовали их приготовить. Главный у немцев говорил по-русски, он был добрый человек. Мама сказала ему, что так всех кур они переведут. И тогда главный менял кур на паек – тушенку и хлеб.

Как оказалось, брат Леня (ему было 16 лет) не отправил в эвакуацию своего любимчика коня Орлика. Он спрятал его в сарае ближе к лесу. Днем кормил его и поил, прятал от всех. Однажды спим мы, а Орлик пришел в дом и на мосту провалился копытами в щели. Слышен стук, грохот. Немцы испугались, кричат: «Матка русь», – а Леня оделся, вышел, помог коню выбраться и увел его обратно. Так Ленина хитрость открылась, и коню разрешили быть на виду, на нем ездили за водой на другой конец деревни к колодцу, за хлебом и дровами. Зима стояла суровая, такая что немцы, обходя деревню с караулом, порой замерзали насмерть, обхватив деревья.

Скоро стали с боями подходить наши, и немцы готовились отступать. И главный немец, что жил у нас в доме, сказал матери: «Хорошо, что идут ваши, а то подошли бы скоро карательные отряды, и несдобровать бы вам всем».

В деревне жил полицай, из наших, из храбровских, он готовил список, чтобы подать карательным отрядам, записал туда 100 человек, туда вошли и мои братья.

Отходя, немцы заминировали разные предметы и бросили их в лесу. Леня поехал в лес за дровами и привез из леса большую куклу и наручные часы. Часы тикали. Мама кричала Лене, чтобы он бросил эти предметы, не подходил. Леня взорвался прямо у нее на глазах, и его раненого повезли на Орлике в больницу в Подъячеве, там была только акушерка. И она сказала маме, что

Леню не спасти. Леня вскоре умер.

Брат Коля погиб на войне. Его ранили в ногу. В госпитале, где он лежал, рядом находился раненый боец из нашей деревни. Их обоих комиссовали. Тот вернулся. А Коля снова пошел на войну с костылем. Он погиб в 1942 году, но извещение пришло нам только в 1945-м. Спустя много лет, благодаря помощи сотрудницы Марины из военкомата, мы добились, что Коле присвоили звание Героя Советского Союза. Теперь в Яхроме на обелиске выбито его имя – Николай Михайлович Туманов.

Брат Сергей восстанавливал яхромскую прядильно-ткацкую фабрику после войны. Я отработала на ней 17 лет.

Еще во время войны мы из Храброво переехали жить в Яхрому, сняли там жилье. Топилась комната по-темному, я, маленькая, слепла от дыма, отнимались ножки. Тоня, старшая сестра, тоже работала на этой фабрике. Директор ткацкой фабрики хлопотал за нас в горсовете, нам выделили полуподвальное помещение для жилья, брат Сергей вместе с директором фабрики отремонтировали его, перестелили полы, вставили окна.

Отец вернулся с войны в 1947-м весь больной, умер в 1953-м.

Я жила в полуподвальном помещении до 19 лет, в 1959 году нам дали десятиметровую комнату в Яхроме. Я тогда работала на фабрике, пришла домой – нет мыла, побежала в аптеку за мылом, а рядом военные рыли канаву, и кто-то сказал: «У, девка какая ядреная». Пошла я вечером на танцы, и моя подруга познакомила меня с солдатом, они проходили тут службу в Дмитрове. Мы дружили с Николаем два года, потом поженились. Я смеюсь – мужа в канаве нашла. Муж всю жизнь проработал водителем в кинопрокате, что за березовой рощей.

В семидесятые стала я хлопотать о получении квартиры, ведь мы так и жили в десятиметровой комнате с мужем, детьми и мамой. Я была третьей на очереди, квартиры выдавали, но не мне. Председатель горсовета был нечист на руку. Пришлось мне ездить в Москву и искать защиты в партийном комитете. А я все ходила и спрашивала, как же так, почему мне не дают ордер, ведь давно очередь уже должна подойти. И однажды мы пошли к председателю горсовета с мамой. А председатель – бывший летчик, в войну его самолет загорелся и упал в Храброво, где мы жили, от ожогов его выхаживала моя мама, он лежал больной в нашем доме. И вот теперь моя мать ему говорит: «Здравствуй, молдаван». Он ей отвечает: «Я цыган». А она в ответ: «А мне неважно кто ты. Ты ведь знаешь мои жилищные условия, как мы все ютимся, и ты не даешь квартиру». Он молчит в ответ. Мать сказала: «Если ты квартиру не дашь, цыган, я тебе палкой всю

голову разобью, мы тебя тогда от смерти спасли, а ты нам помочь не хочешь». Вскоре нам выдали ордер.

Жизнь я прожила интересную, длинную, люблю правду, сама людям правду говорю и уважаю таких же. Семья у меня большая – двое детей, пять внуков, три правнука.

Софья Михайловна Совкова

Воронеж и дети войны

Немцы заходят, а мы все лысые и отец говорит: «Тиф!»

Воспоминания моей бабушки – Столяровой Надежды Терентьевны

Когда война началась, мне, наверное, и восьми не было. Воронеж объявили на военном положении с первых военных дней, началась эвакуация заводов. Эвакуировали в первую очередь тех, кто работал на предприятиях, которые производили продукцию для фронта. В эту очередь попала моя родная тетка по матери и двоюродная сестра Тамара, ее муж работал на производстве самолетов. А мы – остались. Наш дом находился на правом берегу реки Воронеж, который оккупировали немцы.

Помню, жара была. У нас во дворе на привязи жили две собаки – Тузик и Роска. Мы их не выпускали – они были привязаны и гуляли по двору, двор-то у нас был немаленький. И вдруг тут шум-гам, все говорят: «Немец идет по улице!» Немцы шли все с автоматами – зашли к нам во двор, собаки залаяли, и они сразу же застрелили их так, что те повисли на проволоке. Дети моментально притихли. Немцы прошли через двор, сломали забор и заставили моего отца нести самовар к офицеру на другую улицу чай пить. Мой отец ни слова не говорил – тех, кто им перечил, расстреливали без объяснений. Папа, бедный мой, он молодой был, со второго года, 40 лет всего, инвалид финской войны. И он за этот один день постарел лет на 10, наверное. Он вернулся, весь уставший, весь поник, как старик стал. И разговор даже у него не тот. Но слава Богу, что жив остался.

Родители Столяровой перед войной

Недели, наверное, через две сказали: «Собирайтесь, эвакуировать вас будут». А брать с собой вещей много не велели. Мой отец моим двоюродным сестрам кому чего привязывал: кому таз, кому кастрюлю, кому половник, а я ему со слезами говорю: «Я не понесу ни таз, ни половник – ничего. Я хочу кукол». Потому что я не наигралась в детстве с куклами! И, несмотря на то что я старше сестер была, отец повязал на плечи небольшой мешочек и разрешил взять не очень много. Я взяла свою любимую посудку детскую и куклу.

Когда эвакуировались – шли очень тяжело и долго. Под конвоем с собаками. Дети уставали. Ноги отнимались – просто невозможно! А потом нас погрузили в скотные вагоны с открытой крышей. Народу набивали полностью: дышать было нечем. Вот это никогда не забудешь. Если в туалет дети захотят, то тут же стоя, не сидя – сесть там было негде, родители собой закрывали, и дети ходили в туалет.

И пригнал нас немец на Украину. Там опять на какой-то пункт, чтобы нас всех распределить по домам. И когда нас туда вселяли, те люди, украинцы, не хотели нас. Они не хотели, чтобы мы пришли. А мы не по своей воле пришли…

Ну дали нам какую-то комнатку, девятиметровку. Папу послали работать садовником, потому что он инвалид, а маму, ей

было 38 лет, послали свиней сторожить. Сестра моя пошла побираться, чтобы нам было что покушать. Работу-то дали, а есть нечего.

Спустя время, к осени, нас стали всех выгонять из домов. Отец отрастил бороду, меня подстриг, сестру подстриг и маму подстриг. И мы втроем лежим на лежанке в доме. Немцы заходят, а мы все лысые и отец говорит: «Тиф!» Просто обманул их отец. Это очень рискованно было. Но через какое-то время местные все равно куда-то гонят нас, чтобы дома освободить. И мы идем. Становимся опять как нас из Воронежа гнали.

Шли-шли, и уже к темноте. И тут какой-то дом папа увидел, крайний, где можно переночевать, чтобы не идти дальше. Видно, это судьба. Мы вбежали в этот дом. Он посмотрел – погреб есть, и говорит нам лезть туда. Распорол подушки, перьев туда насыпал, чтобы в холодном погребе тепло было. А сам всю ночь не спал на веранде. И папа иногда нам нет-нет и говорит: «Мать, ты спишь?» – а она ему: «Где ж спать». Мы-то, дети, спали. Говорит: «Наверное, все-таки наши придут, все-таки наши придут». А она ему: «Ой, отец, мы, наверное, в этом погребе и помрем». «Нет, мать, душа у меня чувствует, что наши придут». И вдруг утром, на рассвете, пришли наши. Ехали на лошадях, отец нам кричит: «Дочки, поднимайтесь, наши пришли, русские!» И мы оттуда вылезли и видим – правда, наши солдаты на лошадях машут флагами и кричат: «Выходите!» Сразу столько вышло людей!

И власть поменялась, уже в сельсовете русские. Отец пошел туда, в сельсовет. Это был конец января. Там он узнал, что Воронеж уже освободили. Мы перекрестились, и отец говорит: «Надо немедленно ехать домой!» А там отвечают – когда придет очередь. Отец тогда пришел и говорит: «Мать, давай мы сегодня ночью уедем. У нас вещей нет, только Надька да Верка. Ты Верку будешь держать, я буду Надьку держать на коленях». И мы ехали в поезде на месте сцепки вагонов. Отец сидел на одной стороне, а ногами упирался в другой вагон. И меня он чуть не уронил. Но судьба – не уронил.

Когда приехали в Воронеж, мы вернулись в свой родной дом в центре города: стекла у него все оказались повыбитые, отец заделал два окна кирпичами, а наверху оставил небольшие прогалины. Жили в нем с еще одной семьей.

Дело близилось к победе, к нам на улицу пришли электрики и повесили на уличные столбы такие большие граммофоны. Мы спрашиваем: «Что это такое?» – а те, у кого был радиоприемник, уже знали, что война кончится вот-вот-вот.

Долгожданный День Победы как праздновали: мы, дети, радовались, нам давали на мороженое! И мы бежали на проспект,

там музыка везде играла, гуляли девушки и солдаты с орденами, а соседи собирались, у кого что было, то несли, и выпивали рюмочку за День Победы, и танцевали под гармошку. У нас жил гармонист один на улице, один-единственный, он играл – все были в восторге! Этот день забыть – наверное, никогда я не забуду, пока глазки мои смотрят. Уж умру, тогда и забуду.

И даже вот когда война кончилась, никогда не вспоминали ее мы. Если бы я знала, что столько я проживу, аж до 80 лет, я бы многое могла у отца спросить. Но никогда не спрашивали про эту войну, ведь у них всю молодость, а у нас все детство отобрала она.

Хоть сейчас и трудно это вспоминать, но вспоминать это надо. Потому что, если мы сейчас вспоминать войну не будем, наши внуки и правнуки ничего не будут знать про нее. Мы все пожилого возраста, а нас не очень много осталось, и поэтому надо рассказывать молодежи, а молодежь уже своим детям и своим внукам расскажет.

Столяров Денис Валерьевич

Страх придает силы (рассказ моего деда)

Я очень хочу поблагодарить вас за предоставленную возможность передать вам рассказ моего деда.

Мой дед написал его в 1990 году. Это воспоминания о его военном детстве в городе Керчь.

К сожалению, весь рассказ не вошел, но я постаралась показать самое интересное и горькое… Конечно, это далеко не все, что написано моим дедом.

Валя с Митридатской (отрывки из рассказа о военной Керчи)

Я, Валентин Петрович Яворщенко[3] сын Петра Ивановича и матери Любови Антоновны Ковбаса. Родился 17 июля 1927 года. Отец[4] – модельщик, работал на заводе им. Войкова в г. Керчь Крымской области. Мать – тоже рабочая. Так вот вы теперь знаете, где я родился, – г. Керчь Крымской области, улица Красноармейская, дом № 15…

…а в 1941 году началась война. Я не помню, в каком месяце первый раз налетели немецкие самолеты, но это произошло днем, я хорошо помню. Я пошел в магазин за хлебом. Был тихий и хороший летний день. Возле магазина – очередь за хлебом. В магазин пускали по 10 человек. Магазин находился на улице Ленина – центральная улица и ровная, как стрела, и деревья не такие разросшиеся, как сейчас, а молодые. Мы, то есть стоявшие на улице возле магазина, услышали стрельбу. Тут нас всех впустили в магазин. Там было тихо и пахло хлебом. Я взял хлеб и подошел к двери и тут увидел, как низко летит самолет… Он строчил по бежавшим людям, хотя хорошо видел, что это дети и женщины. Самолет пролетел, а я побежал домой, хотя где-то стреляли и рвались бомбы. Видел я в этот день раненых и убитых на этой улице. Прибежав домой, я побоялся остаться дома один, так как мать и отец были на работе. Вышел во двор. Там были люди и мои товарищи по двору. Мы увидели наш самолет. Обыкновенный У-2, то есть кукурузник. И этот самолет стал преследовать немецкий бомбардировщик, который бомбил город. Мы залезли на крышу дома, чтобы увидеть, чем это все кончится. А кончилось это тем, что немец загорелся и рухнул за городом…

…В квартире у нас царил беспорядок. В одной комнате

отошла часть стены. Там висело радио, я успел снять его, камни упали на мою кровать…

Самолеты улетели, тревогу отменили. Но город был неспокоен, в той стороне, где находились морской порт и железнодорожный вокзал, что-то взрывалось и горело.

Пришла мать с работы и сказала, что горит морской порт и вагоны. Камни мы с матерью с кровати убрали в сторону, а мусор вынесли. Вернулся отец, он сказал, что пришли суда из Одессы, груженные боеприпасами, и там было питание и обмундирование, и все это горело, рвались снаряды… Вот так первый раз бомбили город Керчь. Потом уже стали бомбить город с немецкой пунктуальностью.

Не помню точно, когда немцы первый раз заняли город, это случилось летом. Мы с улицы Красноармейской ушли на Митридат, где жила моя бабушка. Немцы заняли город, но гору Митридат еще нет. Там были наши солдаты – моряки. И они обстреливали улицы города, которые просматривались с Митридата. Но что они могли сделать? Ничего! Их оставалось человек десять, а может, и меньше, хотя у них и были пулеметы…

Город заняли немцы полностью. Мои родители вернулись на квартиру, на улице Красноармейской. Отец сидел дома, да и мать редко куда ходила. Я был опять со своими друзьями…

Зима 1941–42 гг. стояла очень холодная, надо было топить. Раза два я ходил на завод Войкова за углем. Уголь был замерзший, приходилось ковырять его руками и в мешок нагребать, хотя он был и кусками. Руки замерзали до того, что пальцы не гнулись. Мы их отогревали ртом и опять отрывали куски угля. Так за два хождения за углем у меня руки так назамерзались, что стали пухнуть, хотя я первое время и не замечал этого. Пальцы стали в два раза толще.

У нас во дворе жила семья евреев: старики – дед с бабкой, дочь взрослая и ее дочка, немного младше меня. Немцы приказали, чтоб все евреи нашили на рукава себе звезды шестиконечные. Старики это сделали, а мать и дочь нет. Они стали прятаться или днем ходить по городу, а вечером, когда начинался комендантский час, мать с дочерью подходили к нашему окну и стучали. Отец мой выходил во двор, открывал калитку, и они заходили, а калитку опять закрывали. А рано утром они опять уходили. Этих стариков и еще многих людей и детей расстреляли в Багровом противотанковом рву. Там был и один наш товарищ по улице. Мы радовались за него, когда он остался живой, хотя во рву остались его родители, а он вылез из-под трупов и пешком пришел в город и оказался среди нас. Мы ему помогали как могли.

Кончался 1941 год, начинался 42-й. До начала Рождества по новому стилю оставался один день. И вот мы увидели, что из Сенного переулка выезжают немецкие подводы по пять и более, а возвращаются одни. И так всю ночь. И не стало патрулей. А утром мы поняли, что город оставлен немцами и нет никакой власти.

Наступила весна и тепло. А с ним немцы начали опять бомбить город. На нашей улице нельзя было больше жить, везде были военные. Мы с матерью ушли на улицу Верхне-Митридатскую, в квартиру ее сестры. Отец не пошел, а остался в нашей квартире, сказав, что будет, то будет, а вы живите там. Так вот мы и жили на две квартиры. Немцы все же хотели и старались захватить город. Фронт проходил не так уж далеко от Керчи. Но на Митридате не так бомбили, как в городе. И вот в один летний день мать сказала, чтобы я передал отцу пусть придет, есть дело. Отца я встретил на углу улицы Красноармейской и Ленина. Он стоял с каким-то мужчиной. Я сказал отцу, что его зовет мать. Но тут же завыли сирены, и опять начался налет самолетов. Отец отослал меня назад к матери, я и побежал. Прошло некоторое время, дали отбой. Я помню, мать во дворе что-то стирала, она тогда работала в больнице. Во двор заходит женщина и здоровается с матерью, а мать спрашивает: «Что, идти на работу?» А женщина ей отвечает, что нет. «Так зачем же ты пришла с работы? – спрашивает мать. – Что случилось?» Женщина мнется, а потом говорит, что на улице Красноармейской во двор дома № 15 упала бомба. Я сразу побежал туда. Подбежав, я увидел, что возле нашей двери лежит отец весь в мелких осколках. Бомба была осколочная и очень мала, потому что воронка со штыковую лопату. На груди у отца сидела его любимая собака по кличке Кукла и никого к нему не подпускала. Через некоторое время пришла мать с бабкой и с двумя моими тетками. Взяли одеяло, положили отца на него и понесли домой, то есть на Верхне-Митридатскую. Там есть старое кладбище и церковь рядом. Какой-то мужчина взялся выкопать могилу за какие-то вещи, которые мать ему отдала. И там отца и похоронили… Я стал тогда сильно курить, от отца осталось много махорки…

А в это время наши войска отступали понемногу в город, а немцы сильно бомбили.

…Они летели тройкой, и было две тройки. Забили сильнее зенитки. Люди бросились кто куда. Я и товарищ побежали вдоль улицы, там еще бежали люди. Коля впереди, а я за ним. Вот мы добежали до перекрестка, где находились колонны солдат. Солдаты все лежали по обочинам дороги. Коля уже перебежал на другую сторону, а я был только на середине улицы, стал

нарастать свист бомбы. Я перебежал дорогу и попал на то место, которое разделяет дорогу и тротуар. Он был широк и там росли кусты, лежали солдаты. Я добежал до кустов, кто-то схватил меня за ногу, и я упал, услышав мат и слова «лежи!». Все произошло в считаные секунды, а бомба продолжает свистеть. Мы с солдатом лежим, прижавшись к земле. И вот – взрыв и сильный толчок земли. Я вскакиваю и бегу дальше. От угла второй дом срезан наполовину, камни, пыль… Я пробежал кучи камней, как по ровной дороге. Прибежал домой, там все тихо. Но где Коля? Нет нигде. Я спросил его мать. Она сказала, что он лежит под кроватью, и спросила, что случилось и где вы были. Я ничего не ответил ей, зайдя в комнату, застал Колю. Он сидел на кровати. Я спросил: «Что с тобой?» Он сказал: «Ты знаешь, я чудом спасся от той бомбы! – и спросил: – А ты-то где был, когда она попала в тот дом?! Ты же бежал за мной, и я подумал, что ты как раз и попал под ее взрыв!» Я сказал, что меня спас какой-то солдат. «А ты где был?» Он мне говорит: «Ты вспомни, там есть парадная!» «Ну и что, что есть!» – говорю ему я. «Так вот, эта парадная меня и спасла! Ты понял? Я пробежал парадную и побежал дальше, и тут меня как-будто кто-то силой толкнул вовнутрь дома, и я увидел, как дом, то есть его половина, отделилась, а потом меня так вдавила волна взрыва и разрыва и пламени, что я подумал, что сам не знаю, как я очутился дома под кроватью. И сейчас не могу вспомнить, как я бежал оттуда!»

Керчь в оккупации. 1942 г

У нас было оружие, то есть винтовки и наши, и немецкие и к ним много патронов. Мы решили пострелять на нашем пятаке, что часто делали. Нас было человек пять и один малец, лет восьми, брат одного товарища. Мы поставили камни, на них положили каски и начали стрелять. Мы стреляли, а этот малец все канючил – дай стрельнуть, и все тут. Ну мы дали. Его брат показал, как надо целиться и как плавно нажимать на спусковой крючок, и даже выстрелил в каску. Лежим курим. А этот малец взял винтовку, лег за бруствер и стал целиться. Мы, взрослые, не посмотрели по сторонам, да и вообще, мы никогда до этого не видели на нашей улице немцев, а особенно офицеров. Малец выстрелил, мы услышали ржание коня, а потом и его самого, а на нем немецкого офицера. Мы все подумали, что пуля попала в наездника. А этот малец встал и стоит с винтовкой в руках. Крикнув ему «беги!», мы бросились врассыпную, кто куда. Малец побежал и куда бы вы думали? К себе во двор! А всадник за ним. Вот он открыл калитку и забежал к себе во двор.

Офицер подъехал к калитке, слез с коня, привязал его к дереву, вынул пистолет и вошел во двор. А мы стоим под воротами и все видим. Брат этого мальца говорит: «Хорошо, что дома никого нет. Мать уехала в деревню кое-чего наменять на тряпки». Я ему говорю: «Чего тут хорошего?! Он же убьет его сейчас?!» Но выстрела мы не услышали. Немец сильно ругался по-немецки, сел на коня и уехал. А мы еще долго не подходили ко двору. Боялись.

Зайдя во двор, мы увидели, что дом замкнут на висячий замок. Значит, его там нет. Давайте искать. Двор небольшой – сарай и туалет. В туалете нет, стало быть, он в сарае. Зайдя в сарай, мы открыли двери настежь, чтобы было хорошо видно. Но в сарае мы его не увидели – только дрова, уголь и большая бочка литров на 500, которая стояла в углу, перевернутая вверх дном. Мы стали спрашивать брата: «Ну и где же он?» – а брат говорит: «Откуда я знаю?! Может, он сквозь землю провалился!» Кто-то из нас сказал: «А может, он под бочкой?» «Да как же он туда попадет, она же тяжелая?! Ему ее не поднять!» – «Давайте посмотрим!» Мы все бочку подхватили, перевернули ее и увидели мальца, согнувшегося в три погибели и дрожащего. Мы вынесли его со двора. А он не может стоять на ногах – так перепугался. И говорить не может. Мы стали его успокаивать и приводить в себя. Он начал сперва плакать, а потом встал на ноги и стал говорить с заиканием. Мы его спрашиваем: «Как ты попал под бочку?» – а он говорит, что не помнит. Прошло немного времени, мы вышли со двора и пошли забрать винтовку и на Митридате в укромном месте все спрятали. Потом залезли на скалу, такой большой камень, и закурили. Стали думать что делать, что сказать матери, почему он заикается. Сидим, потихоньку разговариваем. А малец сидел-сидел молча, а потом говорит без заикания: «А знаете, когда я забежал в сарай, я знал, что он гонится за мной и что он меня застрелит. Куда спрятаться? В сарае некуда. И тогда я подсунул руки под бочку и поднял ее. Сам я лежал и подлез под нее». Мы опять пошли к ним во двор, зашли в сарай и говорим ему: «Ну покажи, как ты это сделал». Он подошел не ложась, подсунул обе руки под бочку, но поднять ее не смог. «Когда я лежа ее приподнял, то голова моя и плечи прошли, а потом я пролез под нее». – «Ну попробуй, подлезь». И тогда у него это не получилось. Вот так бывает, когда страх или еще что придает силы…

Наталья Яровая-Аше

Упавшие яблоки

Война застала под Таганрогом

Я родился 10 сентября 1934 года. Война застала мою семью под Таганрогом, в селе Приморке, это в 18 километрах от города. Я был пятым ребенком в семье и единственным сыном. Мы жили в хорошем доме, нам не удалось эвакуироваться. Наше село дважды было в оккупации. Из военного детства запомнилось несколько случаев.

Случай 1. Заминированный сад

Когда осенью 1941 года наши войска отошли, мы с приятелем пошли в бывший помещичий сад (в советское время сад принадлежал ИТК, исправительно-трудовой колонии). У ИТК были огромные сады! Яблок оказалось немного, на некоторых деревьях оставалось по 3–4 штуки. Залезли мы каждый на свою яблоню. Я сорвал висевшие вблизи и решил дотянуться до яблока на дальней ветке. Вот уже почти достал, а оно упало. Слезаю за ним, по пути замечаю, как что-то блеснуло. Паутинка, наверное. Нет, не паутинка, слишком длинная и на земле. Осторожно, с оглядкой, опускаю ноги на землю. Проволочка! От того дерева, а вон и бугорок с торчащим из земли колышком. Кричу приятелю, чтобы смотрел под ноги, сад заминирован. Так и ушли, не стали собирать упавшие яблоки. А распознавать заминированные места на почве меня научили еще в школе, где я проучился в первом классе почти три месяца. Да и сестры помогли, их тоже в школе этому обучали, как только война началась.

Случай 2. Наказ старших сестер

Весна 1942 года. Наше село, освобожденное от немецкой оккупации, расположено в 1,5 км от линии фронта. Хорошая погода. Мама, уходя из дома за продуктами, строго-настрого запрещала мне уходить со двора, а в случае обстрела с немецкой территории бежать в подвал. Я оказался в глубине двора у забора в пяти метрах от шоссе, проходящего рядом с железной дорогой Москва– Кавказ. Вижу – по дороге идет моряк. Увидел меня и спросил, где находится штаб. Я сказал, что не знаю. Тогда он спросил, знаю ли я, где находится школа. Конечно, знаю, я там учился в первом классе почти три месяца! Краснофлотец

попросил меня проводить его до школы. Я задумался, что скажет мама, если я уйду со двора. Моряк в конце концов уговорил меня, и я перелез через забор на шоссе. Мы пошли. Вдруг я услышал разрывы снарядов в западной части села и замедлил шаг. Моряк настойчиво стал меня торопить. В это время послышался вой летящего снаряда, и я, помня наказ старших сестер, упал на шоссе ничком, прикрыв голову руками. Падая, краем глаза заметил ухмылку на лице краснофлотца. Снаряд разорвался где-то на железной дороге. На меня полетели комья земли, песок и мелкая пыль. Встаю, вижу, как матрос стоит, накренившись набок. Ладонь его прижата к нижней части живота, из-под ладони идет кровь. Я увидел, как со стороны ближайшего переулка бегут к нам несколько солдат. Я подумал, что они бегут ко мне, чтобы отвести меня к маме, тогда мне от мамы попадет. И я рванул к дому что есть сил. Прибежал во двор, спрятался в сарае и в это время услышал, как зовут меня сестры. Увидев меня, они с плачем стали обнимать, спрашивать, где я был. Конечно же, я не сказал правды.

Случай 3. Артобстрел

Мы жили на временно оккупированной территории в г. Таганроге. Война войной, а жить как-то надо. Заработать на берегу возможностей было мало, а море могло что-то дать хотя бы на пропитание. И вот моя тетя позвала помогать ее сыну в постановке сетей, так как одному сделать это очень сложно, а когда один работает с сетью, а другой на веслах, то намного проще. Меня посадили за весла. И вот однажды сплю я после работы, и вдруг начинается артобстрел. Мы уже привыкли к ним и в ту ночь в подвал не спускались. А я сплю и ничего не слышу. Чувствую, меня тормошат. С трудом просыпаюсь, вижу – тетя вся в слезах кричит: «Женя, ты живой?!» Оказывается, снаряд попал в соседний дом и разнес его в щепки. Соседи успели спуститься в подвал, кроме старшего сына (ему было 14 лет), ему осколком ранило ногу Маленький домик тети был завален хламом из досок и бревен, комьев земли, кусков железа и разрушенной мебели. Брату пришлось вылезать в окно, чтобы открыть дверь в сенях. Потом мы откопали свой домик. А от дома соседей ничего не осталось.

Случай 4. Кирпичная пыль

В феврале 1943 года немецкие войска отступали после поражения под Сталинградом. Шли без боев, чтобы избежать

окружения. Проходя через наше село, они взорвали наш дом, а нас выгнали на шоссе и приказали идти в Таганрог. Так и шли, по обочинам – мирные жители, в середине – немецкая техника. В Таганроге семья проживала то у родных, то просто у чужих людей.

Было начало лета 1943 года. Мама попросила меня съездить к ее тете в пригород под названием Маяковка. Там родственница вручила мне узелок с крупами, и я поехал обратно на трамвае (запомнил стоимость проезда на трамвае – 1 советский рубль). Едет трамвай по Старопочтовой улице, и тут начинается обстрел города с берега Таганрогского залива, который находился в руках Красной армии. Трамвай остановился, водитель опустил пантограф и посоветовал идти в укрытие. Я вместе с другими пассажирами побежал по переулку вдоль полуразрушенного кирпичного забора. Услышал вой снаряда и как учили старшие сестры, бросился на землю ничком. Взрыв! Почувствовал боль на лице. Когда я сел, ко мне подошла какая-то женщина и закричала: «Мальчик, ты ранен!» Она стала протирать мое лицо своим носовым платком. Оно было красным, но не столько от крови, сколько от кирпичной пыли. Об этом мне сказала та женщина, указывая на лежащий передо мной разбитый кирпич. Видимо, осколок снаряда попал прямо в кирпич, лежавший перед моей головой, если бы не он, попал бы прямо в голову. А так только мелкая кирпичная крошка лицо слегка поранила.

Случай 5. Дочь портного

Оказавшись выгнанной в Таганрог, наша семья ютилась, в основном, в сараях. И вот, наконец, мы влачим существование в подворье частного дома высококлассного портного-горбача. Живем в сарае, ухаживаем за хозяйским огородом (пропалываем, поливаем, готовим зелень для продажи – хозяйка продает). Это плата за постой. Дочь хозяина хорошо знает немецкий язык, работает в городской управе переводчицей. К портному приходят немецкие офицеры, чтобы он подогнал им вновь выданную форму по фигуре. И вот однажды в воскресенье хозяйка сказала маме, что ее дочь предупреждает – в понедельник в нашем микрорайоне будет облава, будут всех молодых людей забирать для отправки в Германию. В сарае был вертикальный погреб, в который мама спрятала всех дочерей. Крышка погреба располагалась рядом с угольным отделением. Мама и я наполнили пустые ящики, какие нашли в сарае, углем и заставили ими крышку погреба. В середине дня к дому подъехали немцы и стали обыскивать дом. Зашли и в сарай. Там – мама и я. Немец подошел ко мне, поднял

за шиворот, поморщился, и все ушли. Мол, мал еще, да и весу мало. Так дочь портного спасла всех моих четырех сестер от угона в Германию. После освобождения от оккупации младшая сестра, мама и я пошли к дому портного. Хотели еще раз отблагодарить их за спасение. Дом оказался заколочен, и соседи сказали, что всю семью осудили и сослали неизвестно куда.

Евгений Васильевич Соколов

В деревню вошли латышские стрелки-женщины

Мы собирали чемоданы. В квартире просто чехарда – мы уезжали к новому месту службы папы. 19 июня 1941 года папа получил назначение на службу в Минск. Мы уезжали из Пинска.

Мой папа, Родин Андрей Хрисанфович, родился 5 ноября 1912 года в деревне Наричино Кардымовского района Смоленской области. Он всю жизнь мечтал стать летчиком и добился поставленной цели. Сначала он воевал в Испании. После возвращения из Испании был награжден орденом Красного Знамени № 2352. О его подвиге в Испании рассказано в книге «На синих тропах Испании» журналиста Георгия Константиновича Семенова.

Папа служил до начала ВОВ в Латвии, потом в Быкове, Орше, Могилеве, Пинске. Теперь мы направлялись в Минск, но до Минска не доехали. Ночью в гостинице на пересадочной станции вдруг поднялся шум. Мне было 3 года 4 месяца и 19 дней, а моему брату 1 год 13 месяцев и 13 дней. Это было 21 июня. Нас разбудили, стали одевать. В гостинице очень шумели. Взрослые все время смотрели в небо. Небо стало черным дымом. В этом дыму, грозно гудя, летели самолеты, как черные грозные птицы. Я услышала, как папа сказал: «Значит, это война…»

Я не могла понять, почему все так расстроены. Ведь папа так любил самолеты! Ведь самолеты – это так красиво и здорово! Слово «война» я еще толком не понимала. Папа сказал маме, что он с сослуживцами должен отправиться в военкомат, а нам с мамой нужно дожидаться в гостинице. Когда папа вернулся из военкомата, он сказал маме, что ей с детьми нужно уезжать. Она хотела ехать к родственникам в Горький. Она там родилась. Папа сказал, что лучше добраться до Смоленска к его родственникам. Он был уверен, что эта война ненадолго, и что он потом быстро нас разыщет. Папа крепко-крепко обнял нас и маму Он плакал и говорил, что обязательно найдет нас и чтобы мы берегли себя. Так папа ушел на фронт защищать Родину.

Поезда не ходили. Мы несколько дней находились на вокзале. Нам помогали совсем чужие люди. Мы с мамой добрались до Смоленска, а потом перебрались в Наричино, родную папину деревню. Дом, в котором он родился и вырос, нашли легко – на крыше дома устремился в небо большой фанерный самолет, сделанный папой перед уходом в армию. Нас приютили папины родственники. Однажды я переходила дорогу и

увидела, что на темно-зеленых мотоциклах с колясками в деревню въезжают какие-то люди. Эти махины неслись прямо на меня, а люди в темных очках и касках показались очень страшными. Я с криком скатилась вниз в овраг. Потом встала и побежала к дому человека, которого все называли Лапшой. Я стала кричать: «Дядя Лапша, откройте!» Но дверь мне никто не открыл. Я не знала, что Лапша – это обидное прозвище. Потом, открыв глаза, я увидела маму и тетю Таню Пычину, которая жила рядом с Лапшой. Оказывается, я от страха потеряла сознание, а тетя Таня нашла меня и забрала к себе.

К этому времени мы уже испытали много невзгод и лишений. Мы, быстро повзрослевшие дети, у которых не было детства. Нам пришлось добираться до Смоленска под бомбежками. Узнали мы и что такое голод и холод. В Наричино мы стали беженцами. Не все в деревне хорошо относились к беженцам, но были и другие просто золотые, сердобольные люди. Нашей с мамой и братом комнатой стала узкая солдатская кровать. Мы с нее практически не вставали. У родственников была своя большая семья. Тетя Таня Пычина, сочувствуя нам, забрала нас к себе. В ее хате тоже имелась только одна комната, но там мы с братом спали на русской печи, а мама с тетей Таней на полатях. Надеть и обуть нечего, поэтому мы с печи почти не слезали. Самое интересное, что после освобождения от немцев в этой хате организовали правление, а мы по-прежнему жили там все вместе. Те добрые люди, имен которых я не помню, помогали нам, чем могли. На зиму нам склеили из резины бахилы, положили в них солому, чтобы ноги не мерзли. Кто-то дал тулуп, кто-то принес шаль. Но как же горько вспоминать, что были и пособники фашистов. Маму несколько раз забирали в комендатуру, так как доносили, что папа – большевик, что он коммунист. Сообщили, что он летчик и сражается против немцев. Зато среди полицаев был Коля. Его в деревне называли «свой среди чужих». Благодаря Коле маму отпускали из комендатуры. Коля предупреждал, когда будут облавы, учил, что нужно говорить на допросах. Предупреждал тех, кого собирались угнать в Германию, чтобы они бежали в лес. Он на нашей хате написал «тиф», чтобы немцы обходили ее стороной. Когда немцы начинали облавы, нам натирали щеки так, что мы плакали, так как было очень больно, но зато мы были похожи на тифозных больных. Только сейчас я понимаю, как рисковал Коля ради нашей жизни и жизни односельчан. Ведь когда он узнал, что скоро в деревню войдут наши, он организовал побег людей к партизанам, чтобы немцы в злобе не расстреляли и не сожгли их при отступлении. К сожалению, я ничего не знаю о его дальнейшей судьбе. Я всегда молила Бога, чтобы его не

записали в предатели.

Чемодан с маминими вещами не дал умереть нам и тете Тане с голоду. Она обменяла красивые и дорогие вещи на спирт, а спирт на муку, сало, крупу. Как я узнала позже, мама и тетя Таня даже партизанам что-то переправляли. Я тоже стала зарабатывать. Одна женщина предложила мне качать люльку с ее ребенком за бутылку молока. Я каждый раз с гордостью несла эту бутылку мол ока домой. Однажды, когда я качала «зыбку», подвешенную к потолку за крюк, в дом вошли немцы. Они о чем-то расспрашивали хозяйку, потом меня, но я ничего не поняла и решила, что они хотят, чтобы я им спела. Я спела: «Через огородину ломала я смородину, а мой папа на войне защищает Родину! Сидит Гитлер на березе, оккупанты по бокам…» и так далее. Потом я вспомнила песню про финскую границу. Мама говорила, что папа там был ранен. Затем я заявила, что мой папа-летчик на войне защищает Родину и вернется домой, когда убьет Гитлера. Хозяйка сначала обхватила голову руками, потом стала крутить пальцем у виска. Один из немцев сказал по-русски: «Няня». Немцы ушли, а хозяйка выгнала меня без молока и сказала больше не приходить. Немцы эти распределились по хатам квартировать. Через несколько дней тот немец, который говорил по-русски, увидел и узнал меня. Он, подозвав меня, сказал: «Мой дома два киндер, жена, мутер и фатер. Хочу война конец, и я, и твой фатер домой. Ты смелый, но петь так не надо». Он дал мне галетного печенья, банку консервов и отправил домой.

А на следующий день в деревню вошли латышские стрелки – женщины. Я уже никому не пела и ни с кем не разговаривала. Очень боялась. Наезжали власовцы и бандеровцы, учиняли расправы. Мы видели, как вешают людей, расстреливают. Мы прятались в огородах в ботве картошки, боясь приподнять голову.

От папы не было совсем никаких вестей. Как потом оказалось, он думал, что мы погибли еще при бомбежках в Смоленске. Родственники же папы откуда-то узнали, что он погиб, потому что его самолет сбили, а он сгорел вместе с ним.

Когда немцы отступали, мы сидели в болотах. Мы сбежали туда и нас не угнали в Германию благодаря Коле. Кстати, перед побегом моей маме удалось поймать старосту, который много зла сделал людям, сдавая их немцам. Она его связала и затащила в погреб. Там он и сидел до прихода Советской армии.

На болотах было очень тяжело. Я с девочками пошла за водой к Днепру. Все очень хотели пить, но никого к реке не пускали. Мы уползли украдкой, взяв с собой котелок с крышкой. Приблизившись к Днепру, я увидела солдат и красный флаг, с

которым плыли люди. Солдат оказалось так много, что Днепр казался зеленым. Они плыли на лодках, плотах и даже бревнах. Стрельба в это время происходила страшная. Все гудело от взрывов. Я закричала: «Это наши красные!» Побежала обратно с криком: «Что же вы, дураки, тут сидите? Ведь наши красные пришли! Слава Богу! – сказала я и начала креститься. – Только бы папа был жив и вернулся и чтобы больше не было войны!» – говорила я. Моя мама пребывала в шоке, увидев, что я знаю, как нужно креститься. Ведь она крестилась и молилась тайком, чтобы никто не видел, так как муж ее, мой папа, был партийный атеист. Все побежали к Днепру встречать наших, а солдаты – насквозь мокрые, но все их обнимали, целовали, что-то им кричали и плакали.

А дальше еще больше счастья! Да, папа обгорел, но остался жив! Он разыскал нас через родственников. Он приехал к нам, когда ехал в Москву получать награду орден Великой Отечественной войны. В представлении на награду говорилось, что он совершил 37 боевых вылетов и 385 парашютных прыжков на фронте, проявляя доблесть и мужество. Его представляли к награждению орденом ВОВ 1-й степени, но в окончательном приказе почему-то был указана 2-я. Помимо ордена папу наградили медалями. У папы были очень тяжелые ранения и контузия, сгоревшие губы, в голове осколок, который не смогли удалить, но он хотел служить дальше. Летать по состоянию здоровья уже было нельзя, поэтому он стал начальником военного аэродрома. Из-за ранений у папы развивался паралич, но по-прежнему он был очень активен. Вел партийную работу, выполняя все поручения с офицерской готовностью. Я до 9-го класса поменяла 5 школ, так как мы все время переезжали в связи со служебной необходимостью. Папа умер в 1957 году из-за осложнения своих ранений. Нас росло уже четверо детей. Двое из нас не знали войны, но все знали ее последствия. Мы каждой крошке хлеба цену знали.

Чернявская Людмила

Девчонка – мужичок с ноготок

Я, Устинова Людмила Дмитриевна, живу в поселке Подосинки Дмитровского района. Мне исполнилось 11 лет, когда началась Великая Отечественная война. В семье кроме меня было трое детей. Всех мужчин, в том числе и отца взяли на фронт, в селе остались дети да женщины. Все работали в колхозе кто на поле, кто на ферме. Ферма тогда стояла на месте первых домов-коттеджей в Новых Подосинках. На ферме – коровы, свиньи, лошади, куры. Мать моя Варвара Егоровна работала дояркой, а потом завфермой. Я ей во всем помогала. Тогда я училась в 5-м классе деденевской школы поселка Турист, туда ходила пешком, иногда пропускала занятия.

А когда мой отец пришел с фронта раненый, на костылях, я вообще в школу больше не ходила, ухаживала за отцом. Родители устроили меня на работу возить воду для животных на ферму из речки, которая сейчас течет мимо бывшего пионерского лагеря. И вот так каждый день я девчонка – мужичок с ноготок подъезжала к речке и ведром вручную из лунки наливала 1000-литровую бочку. Мороз, руки мерзнут, тяжело, поплачу, погрею руки между ног, а что делать, кто поможет? Надо. Но длилась эта мука недолго, угнали скот с фермы куда-то за городок в другую деревню, моя работа закончилась.

Когда немцы находились в г. Яхроме, не было страшно, потому что мы их не видели. Нашу деревню не бомбили, сбросили только две бомбы ближе к каналу им. Москвы. Но траншеи вырыли и установили зенитки. В каждый дом нашей деревни заселили людей из воинской части. Сказали, что от нашей деревни ничего не останется. А у нас на квартире стоял замполит этой части. Со стороны Яхромы слышались бомбежки, выстрелы и видны были лучи прожекторов. Немцы пытались перейти через мост канала и напрямую идти к Москве, но наши саперы взорвали мост, и немцы двинулись с другой стороны канала из деревни Варварино прямо на Москву. Тогда пришел домой замполит и сказал моей маме, чтобы мы срочно эвакуировались отсюда, хотя бы на 10 км. И мы жили в д. Каверьянки до тех пор, пока немцев не погнали быстрым ходом, не давая им опомниться. Вот тогда-то мы стали возвращаться домой, год не помню, но была зима.

Помню эпизод: мы семьей возвращались домой на лошади, и в том месте, где сейчас находится военный городок, я увидела что-то страшное: на деревьях висят шинели, кишки, все кругом в крови, окровавленные белые халаты, руки, ноги, изувеченные

тела. Мама нас, детей, пыталась отвернуть от этого зрелища, но мы уже все увидели и сильно плакали, настаивали на том, чтобы не ехать домой. Мама нам сказала, что это погибли наши разведчики, случайно наткнувшись на мины. Когда приехали домой, дом оказался пуст, двери раскрыты, в доме холод собачий, нет картошки, муки, зерна, а нас 6 человек-ртов (четверо детей, мама, бабушка). Мы пошли к тем, кто остался в деревне, просить взаймы кто сколько даст. Дожили до весны, пошла крапива, лебеда. Эту траву перемешивали с небольшим количеством муки и ели тошнотики. А сами думали – побольше бы этих тошнотиков.

Вернулся колхозный скот, и все пошло по-старому, но война еще шла. Лошадей не хватало, чтобы посеять и посадить картошку. Копали вручную поля, все получилось, вырос хлеб, картошка и все овощи. Ура, мы выжили и выросли, во всем стали мудрее. Мой отец Шульдешов Дмитрий Иванович стал работать бухгалтером. Осколок, что был в ноге у отца, вышел сам через 10 лет после войны.

Большое счастье, что закончилась война, началась другая жизнь. Я повзрослела и работала с мужиками и ребятами на лошади, пока не вышла замуж. В совхозе «Борец» Дмитровского района проработала 22 года техником искусственного осеменения.

Устинова Людмила Дмитриевна

Мы жили под телегой

Севшая напротив меня в автобусе пожилая женщина одета «с иголочки» – модная шапочка на аккуратно подстриженных седых волосах, черно-белое пальто. Язык не поворачивается назвать ее «старушка» – она похожа на актрису из старого фильма.

…мы разговорились, и женщина оказалась, ко всему прочему, очень приятной и жизнерадостной.

С чуть печальной улыбкой рассказала, как жила в оккупированной немцами деревне, как отца, которого считали погибшим, по бумажкам назвали «пропавшим без вести» и потому лишили ее мать с четырьмя детьми на руках пособия в 5 рублей 60 копеек. Рассказала еще, как мать мазала лица старших дочерей сажей, чтобы хоть как-то уберечь их – девушек и женщин немецкие солдаты нередко насиловали.

– Когда стало совсем плохо, нас эвакуировали, но недалеко, километров шестьдесят от нашей деревни. Погрузили на телегу вещи какие остались… Вы знаете, как нам повезло – мама чудом сберегла лошадь! Не знаю, как немцы ее не забрали. На новом месте нас поселили в большом бараке, где спали все вместе. Пару ночей ничего, а потом вдруг посреди ночи вбегает человек и кричит: «Пожар! Спасайтесь!» Люди повыбегали кто в чем был, вещи, конечно, все сгорели. Оказывается, немецкий солдат ходил от дома к дому с факелом, поджигал крыши. Крыши-то соломенные, быстро занимались, и домишки сгорали в два счета. Хорошо хоть живы остались.

Потом несколько месяцев мы жили под телегой – мама и нас четверо. Лошадь тогда нашу уже увели, и есть нечего было – иногда добрые люди хлеба немного давали, спасибо им… А когда еды совсем не стало, мать взяла с собой моего младшего братика, ему года два было, и пошла на дорогу. По ней немцы шли, и наивная моя мама очень надеялась, что кто-нибудь из них пожалеет женщину с ребенком и даст хоть немного еды. Мы не знали тогда, что немецкие солдаты отступают. Они злые шли, а тут она еще… Но, знаете, к ней один совсем молодой немец подошел и говорит на ломаном русском: «Чего ты, матка?» Она ему отвечает, что вот ребенок от голода прямо на руках умирает. Он ей тогда говорит: «Не стой здесь, сейчас все злые идут, тебя застрелить могут». А потом вытащил из кармана целый кулек конфет и ей в руки сунул. Такой вот хороший человек оказался. Я до сих пор эти конфеты помню, надо же…

– А… потом как? После войны?

– После войны я работать пошла, в поля в сезон, в остальное

время шила что-то, яблоки продавала. У нас яблоня росла – яблоки на ней чудесные были, сладкие-сладкие! Вот мы их сами ели, и на продажу оставалось. Денег в то время я вообще не видела, все меняли – на еду, на вещи, на мыло. Но мы даже мыло не могли себе позволить. В баню ходили только вечером, когда уж никого не было, – тогда можно было обмылок найти. Иногда, я точно знаю, соседи нам специально кусочек мыла оставляли, знали, что у нас своего нет…

Женщина вдруг касается моей руки и говорит:

– Давно я здесь не была, я сейчас в Псковской области живу. Приехала приятельницу навестить, помочь ей. Она, бедная, почти не ходит.

Автобус, наконец, добирается до конечной. Я благодарю за разговор свою замечательную собеседницу, сумевшую, несмотря ни на что, сохранить не только доброту, но и оптимизм.

Мокрушина Амалия

Личико со шрамом войны

Из-за немцев я пострадала, и немцы же мне помогли

Семь скобок на щеке

Я родилась в 1938 году. Мы с отцом, мамой, бабушкой и маленькой сестрой жили в Смоленске. Папа служил в Бресте в войсках связи. Еще в апреле 1941-го он предсказал войну и сказал, что нам следует уезжать из Смоленска. Но мы ему не поверили. Мама была медсестрой, и как только началась война, она сразу ушла добровольно на фронт вслед за отцом, оставив меня на бабушку и тетю.

Когда город начали бомбить, мы решили бежать в ближайшие деревни. И попали под обстрел. Разорвавшийся снаряд сильно повредил мне щеку и подбородок. Бабушка схватила меня в охапку, уговорила попавшегося ей навстречу мужчину, который ехал на телеге, отвезти нас обратно в город в ближайшую медсанчасть. Русские уже отступили, и город был занят немцами. Бабушка обратилась в ближайшую палатку с красным крестом. То есть я из-за немцев пострадала, и немцы же мне помогли. Фельдшер наложил семь металлических скобок на разорванную щеку и вправил запавшую челюсть. Он научил бабушку ухаживать за моими ранами и кормить меня через соломинку.

22 — 29 ИЮНЯ 2011 г.
«МК» В ПИТЕРЕ»

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

«Когда сегодня я иногда в метро слышу чистую гортанную немецкую речь, у меня начинает бешено биться сердце, я чувствую приступ страха, и мне хочется бежать прочь». Алле Исаченковой было чуть более двух лет, когда она оказалась в немецкой оккупации. На рождественских праздниках в 1941-м и 1942-м годах ей приходилось развлекать фрицев стихами и танцами, стоя на столе. Своими воспоминаниями о двух годах жизни среди врагов Алла Васильевна поделилась с корреспондентом «МК» в Питере».

Алла Исаченкова была снежинкой на фашистской елке

ЛИЧИКО СО ШРАМОМ

здании школы. Моя бабушка очень боялась меня туда отпускать, переживала, что я могу оттуда не вернуться. Я со своими длинными светлыми волосами, прямыми ногами и василькового цвета глазами прошла кастинг. Но

не экспромтом. Мне тетя сдел красивый синий бант на юбо сажей нанесли небольшой княж — подкрасили бровки и р нички (мне сажа в глаз попал плакала). И опять я прошла стоне. К этому времени меня

Исаченкова Алла Васильевна

Потом мы опять сели в телегу и уехали. Тетя нас встретила в ближайшей деревне. Нас взяли на постой. Но из-за того, что я плакала день и ночь, ведь раны болели, нам разрешали спать только на улице, а не в доме. Потом мы меняли дома, скитались, умоляли, чтобы разрешили остаться. Нам удалось прибиться к одной семье, в которой и так было четверо детей. Плюсом являлось то, что тетя взяла с собой швейную машинку, на которой она неплохо умела работать.

Буквально через пару дней и нашу деревню Яново заняли немцы. Ночью выходить из дома было запрещено – они выпускали собак. С тех пор я плохо переношу собачий лай.

В деревне очень тщательно прятали евреев. Брили им головы налысо, чтобы не было длинных кудрявых черных волос. Немцы постоянно обходили дома, забирая молоко, яйца, и не дай бог, увидели бы чернявого ребенка. Бабушка меня учила, что, когда приходят и спрашивают, сколько в доме детей, надо отвечать: шесть. Четверо детей хозяйки, еще один ребенок другой беженки и я. Мы были все беловолосые.

Котелочек с кашей

На первых порах еще было не так голодно, ведь что-то

осталось от урожая. Но постепенно есть стало нечего.

Немцы выбрали старосту из наших русских. К нему бабушка ходила, просила еду. Молодым нельзя было показываться перед немцами, потому как те выслеживали девушек, а потом этих девушек след простывал.

Когда еще голод только приближался, помню, как немцы ходили в черных рубашках с засученными рукавами, с короткоствольными автоматиками под мышкой и стреляли кур на подворье. Потом забирали тушки, подвешивали на шнурок и уносили с собой, хохоча. Но иногда, хотя они и забирали нашу еду, могли принести чего-нибудь сладенького, например рафинада.

У немцев имелась своя полевая кухня, где они готовили кашу с тушенкой. Они разрешали нам там подкармливаться, но туда можно было ходить только детям, без взрослых. Полтора километра пешком с котелком, болтающимся на шее. Надо было сначала пройти под планкой – если ты оказывался выше планки, то тебе еду не давали. В котелочек нам клали одну поварешку каши. А так как я была ребенком изуродованным, я подходила, показывала на шрамы и говорила, как меня бабушка научила: «Kireg! Kireg!» («Война! Война!») – и мне давали два больших половничка каши. Раненый ребенок на них почему-то производил впечатление. Потом наша большая семья разводила это кипятком, и получался пшеничный суп с тушенкой.

Кастинг в офицерском казино

Мы жили в несусветном голоде. Приближались зима и Рождество 1941 года. По деревне прошли полицаи и объявили, что им нужно подобрать детей беловолосых, с голубыми глазами и прямыми, а не рахитными ногами. Нам сказали, что такие дети будут проходить кастинг в офицерском казино, которое располагалось в здании школы. Моя бабушка очень боялась меня туда отпускать, переживала, что я могу оттуда не вернуться. Я со своими длинными светлыми волосами, прямыми ногами и василькового цвета глазами прошла кастинг. Но мне сказали, чтобы я стояла, повернув лицо к залу, так, чтобы не было видно шрамов. Всем девочкам, кто прошел отбор, их родные в деревне шили из марли накрахмаленные пачки. Из бус делали короны.

И вот Рождество 1941 года. Я стою на чем-то похожем на обычный стол – помню, что боялась оступиться и упасть. Нужно рассказать стих или спеть песню, а также сплясать. Я стала читать: «Ленин, Ленин дорогой, ты лежишь в земле сырой. Но когда я подрасту, в твою партию вступлю!» Это говорила я,

трехлетняя, не понимая смысла, шепелявя невероятно из-за ран, но с большим выражением, махала руками. Всем понравилось, все аплодировали. Фурор произвел мой танец «Яблочко», которому меня учил отец. Руки за спиной, а ножки выбрасываешь вперед и танцуешь вприсядку Еще я исполнила танец «Снежинки» – ручки кверху и кружишься, потом приседаешь в реверансе. Этому меня до войны научили родители.

Потом немцы нас разобрали по столикам. Видимо, они испытывали страшную ностальгию по детям, ведь это было их первое Рождество без семьи. Один немец посадил меня на колени, помню, что от него невероятно вкусно пахло – ароматом лета, ландышами. А потом они с нами фотографировались и в заключение раздавали подарки. Подарки (сгущенное молоко, шоколад, орехи и семечки, залитые цветной глазурью) нам клали в подол юбочек, а мальчикам – в карманы. Потом с этими сладостями мы долго пили чай дома. А королевой бала немцы выбрали одну девочку с потрясающими белыми длинными вьющимися волосами. Ее семье дали больше всех подарков. Она даже роняла их по дороге.

Через год, в декабре 1942-го, нас опять собрали в школе. Мы уже знали, что нужно готовиться не экспромтом. Мне тетя сделала красивый синий бант на юбочке, сажей нанесли небольшой макияж – подкрасили бровки и реснички (мне сажа в глаз попала, я плакала). И опять я прошла кастинг. К этому времени меня уже научили бить чечетку. Тогда любимая женщина Гитлера Марика Рекк танцевала и била чечетку. Этот танец пользовался большой популярностью среди немцев, в деревне это знали. Меня без конца вызывали на повтор и дали больше подарков, чем другим детям. За дверью меня ждала бабушка.

Тиф и партизаны

Ночью к нам в дом стучались партизаны, чтобы взять простыни для перевязки и еду. Все, что нам перепадало от немцев, мы отдавали им. Всегда боялись, чтобы нас не застукали немцы. Все уже было закручено в простыни и быстро бросалось в форточки.

Потом в деревне начался тиф. Почти все население было поголовно в бреду. Немцы поставили две доски крестом, написали «тиф» и на эту территорию не ступали. Здоровых молодых женщин и детей собрали в одном доме на краю поселения. И мы не знали, как там наши старики. Немцы забросили деревню и перешли в другую, а к нам стали все чаще наведываться партизаны. Вдруг фрицы обнаружили, что

партизаны у нас подкармливаются, и несколько десятков наших людей согнали в сарай и сожгли. Тетю угнали на торфяные разработки в 20 километрах от деревни. Однажды она не вернулась, мы решили, что ее забрали в Германию. Но ей удалось бежать с поезда, и она, босая, обмороженная, через две недели к нам вернулась. Мы ее прятали.

Мама Аллы Мария Андреевна Костюченко (справа)

В 1943 году Смоленщину освободили. Мы с бабушкой пережили войну.

Моя мама, Костюченко Мария Андреевна (1915 г. р.), прошла всю войну старшей операционной сестрой эвакогоспиталя 1-го Белорусского фронта под командованием Жукова. Закончила войну она в Берлине в звании лейтенанта, при демобилизации расписалась на Рейхстаге. Неоднократно была награждена медалями и орденом. В 1943 году была награждена медалью «За храбрость», так как задержала шпиона, который при большом поступлении раненых пробрался на кухню и пытался бросить отраву в бак с питьевой водой и кастрюлю с пищей. Мама вернулась к нам в 1946 году после демобилизации.

Папа Аллы (слева)

Папа погиб в августе 1941 года в Брестской крепости.

Мой брат Исаченков Виктор Павлович до войны работал на машинно-тракторной станции, а в 1941 году в возрасте 15 лет ушел добровольцем на фронт. Он был зачислен механиком-водителем танка Т-34 и всю войну до ранения в 1934 году воевал танкистом.

После госпиталя воевал в пехоте и дошел до Берлина. В 1949 году демобилизовался и вернулся в Касплю, где работал председателем ДОСААФ. Умер в 1992 году.

Я пошла учиться, но даже через несколько лет, поступив в медицинский институт, всегда стояла к аудитории неискалеченной стороной лица. Идо сих пор, если в метро слышу чистую гортанную немецкую речь, у меня начинает бешено биться сердце, я чувствую приступ страха, и мне хочется бежать прочь.

Исаченкова Алла Васильевна, 1938 г. р. (*Записала Анастасия Соколовская*)

Нас спасла старая эстонка

Когда началась война, мне было 7 месяцев, а моей маме, Купцовой Марии Петровне, – 22 года. Мы жили у родителей мамы в деревне Еглино Ленинградской области. Отец сразу ушел в народное ополчение. Пропал без вести.

Началась эвакуация. Мама рассказывала, что мирное население привезли прямо в тыл немцам. Это станция Рогавка. Все побежали в лес. Мама – со мной на руках стала пробираться к своим родителям в деревню. Вскоре и туда пришли немцы. Они открыли комендатуру, деревенского жителя назначили старостой. Некоторые деревенские ходили к фашистам, жаловались, как им плохо жилось при советской власти.

Вскоре гитлеровцы стали отбирать людей для отправки в Германию. Забрали старшую сестру мамы, потом ее отца – моего деда. Маму немец осмотрел и сказал: «Ты худая, до Германии не доедешь, да еще и ребенок, оставайся дома». Но мама понимала, что это только начало отбора, дойдет и до нее очередь.

Так она осталась совершенно одна, да еще с грудным ребенком на руках, без средств к существованию. Деревенские делились с ней кто чем мог.

Однажды староста предупредил людей, когда будет очередная облава (то есть отбор людей в Германию). Взрослое население покинуло деревню, все побежали в лес… Страшно не было, мысль у всех крутилась одна: «Выжить. Выжить любой ценой!»

Немцы в таких случаях посылали карательные отряды, они были очень жестокими, люди их очень боялись, а немцы… боялись леса и партизан, в глубь не входили.

В общем, убежать-то мы убежали, а что делать дальше? В деревню возвращаться опасно. Однажды несколько деревенских жителей и мама со мной сидели в сарае на краю деревни. Мама встала, посадила меня на табурет и сказала: «Ну что сидеть и ждать? Пойду поищу партизан». И ушла, меня оставила. В это время начался сильный артобстрел. Она побежала обратно, навстречу ей бежали деревенские, она им кричит: «Где Люся?» – «В сарае».

Кругом все гремело, когда она подбежала к сараю, он был цел, и я одна сидела на табуретке. Не плакала, а просто тихо ждала маму. Чудо…

Многие тогда ушли в лес к партизанам, а женщины и дети, в их числе и я с мамой, вынуждены были стали скитаться по лесам, болотам, попада́ли под бомбежки. Мы были в окружении.

Иногда на пути попадались деревни, но заходить туда мы боялись. Мы ощущали сильный голод, но еще сильнее опасались наткнуться на немцев – они в каждом беженце видели партизана.

Даже если в той или иной деревне не было немцев, то все со страхом ждали, кто придет завтра: немцы или наши.

Мы жили в землянках, сараях, заброшенных домах. Видя маму с ребенком, добрые люди давали ночлег, делились едой, но оставаться на одном месте было опасно: молодых отправляли на работы в Германию, детей отбирали.

Мне исполнилось два года, но я не ходила и не говорила. И не плакала, только кулачки сжимала и разжимала – таким образом просила есть. Маме говорили: «Оставь ты ее, все равно не жилец», – но она никого не слушала. Стала выпаривать липовые листья, так мы спаслись от голода, и в дальнейшем липовые листья нам помогали.

С наступлением холодов, отчаявшись и потеряв страх, мама стала заходить подряд во все дома (если там были люди), просить милостыню. Как она вспоминала, подавали мало, чаще всего – хлебные корки, которые она потом размачивала и кормила меня ими. Так мы и выживали.

В одной глухой деревушке (где-то под Кингисеппом) немцев не оказалось, и нас приютила старая эстонка. Мама представляла собой страшное зрелище: вся опухшая, ноги в язвах и много вшей. Хозяйка истопила баню и отмыла нас. Долго лечила маму, и та поправилась, наконец. На ногах остались только шрамы от язв. Только благодаря этой отзывчивой женщине мы остались живы!

Когда была снята блокада Ленинграда, маме удалось выйти из окружения. На ней – солдатская фуфайка, штаны, один сапог русский, другой немецкий (русский – короткий и широкий, немецкий – узкий и длинный). Ну и я в придачу.

Куда идти? В деревне никого нет. Ленинград закрыт на карантин. Одна женщина посоветовала маме ехать в Петергоф, там, мол, есть неразрушенные дома.

Мама так и поступила. Поселили нас на ул. Малая Советская в одноэтажном кирпичном доме. Причем он находился в 300 м от дворца, который лежал весь в руинах.

Мама выбрала самую маленькую комнату – 9 кв. м, потому что мебели у нас все равно не было. Потом нам дали кровать, столик и табуретку. Так и стали жить. Мама устроилась работать в типографию, а поскольку детских садиков еще не было, я и еще несколько детей гуляли только около дома. Никаких игрушек тоже не было. Играли в прятки, пятнашки, скакали. Вот и все развлечения.

Людмиле 8 лет

Летом 1946 года привезли немецких военнопленных, они стали восстанавливать дорогу, которая вела в Нижний парк, то есть Малую Советскую улицу, на которой мы жили. Мы не обращали на пленных внимания, и взрослые нам ничего не говорили о них. Но нам они казались другими людьми, поскольку говорили «не на нашем» языке, одежда другая, не такая, как у наших солдат, которые охраняли их.

Пленные смотрели, как мы играем, что-то кричали нам,

смеялись, знали нас по именам.

Тогда мне, худенькой девочке с белыми вьющимися волосиками, было 5 лет и 8 месяцев. Один пленный часто обращал на меня внимание (наверное, я напоминала ему его детей). Он приносил мне свистульки и еще какие-то поделки, сделанные из дерева. Однажды присел на корточки передо мной (как сейчас вижу!), сказал плохо по-русски, что завтра их перебрасывают далеко, и попросил купить ему подсолнечное масло, дал мне бутылочку и денег. Я с подругами побежала в магазин и купила масло. Протянула немцу бутылку с маслом и сдачу. На следующий день он пришел один (пленных на дороге уже не было) и положил мне на ладошку подвеску в форме сердечка (думаю, ее сделали из монеты). На одной стороне – роза с лепестками, на другой – мое имя «Люся» в веточках. И быстро ушел. Гравировка сделана очень высокопрофессионально, красиво.

Мама Мария Петровна Купцова

Мама сохранила этот подарок, вот уже около 70 лет лежит он в коробочке как напоминание о моем безрадостном детстве.

Маме было 27 лет, ее молодые годы прошли под бомбежками, в холоде, голоде, нищете, страхе, что схватят, отправят в Германию, разлучат с ребенком. В жутких условиях оккупации спасла и себя, и меня.

Мама меня вырастила, воспитала, благодаря ее заботе, вниманию я получила высшее экономическое образование, она помогала растить внука – моего сына, который также вырос достойным человеком, получил хорошее образование. Ей никогда не было стыдно за нас, она нам показала правильный путь в этой

жизни.

И часто, очень часто мама задавала себе один и тот же вопрос: «Кому нужна была эта война?»

Людмила Ивановна Карпович (*по мужу Савельева*)

Я понял, что буду жить!

До войны

Деревня Сухлово, где я родился, стоит на шоссе Псков – Новгород, как раз посередине. В этом месте вдоль дороги протекает река Шелонь. Она берет начало в окрестностях города Порхова и впадает в озеро Ильмень. Протяженность реки около ста километров. Ширина метров 50–70 и глубина 5–6 метров. В довоенное время была перегорожена плотинами во многих местах, где строились мельницы. Благодаря этим плотинам поддерживался большой уровень воды, и в реке водилось много рыбы.

Три брата Пименовы: слева Владимир, в центре Александр, справа Евгений

Деревня наша насчитывала до войны 89 домов. Двести лет назад она имела статус волости, население было около пятисот человек, был полицейский участок, два магазина, две кузницы. В деревне имелся постоялый двор, одноэтажное здание, сделанное из камня.

Деревня стоит на левом северном берегу реки, вдоль дороги, на возвышенности, поэтому и называется от слова «сухо». В

деревне была построена часовня. В довоенное время служила моргом и по большим праздникам там проходили службы.

Семья наша к 41-му году состояла из семи человек. Дедушка и бабушка по матери, отец, мать и трое сорванцов: Женя, я – Вова и Саша. Женя родился в 1932 году, я – в 1936 году и Саша в 1937-м. Дед Иван Иванович Большаков – 1868 года рождения. Он был очень мудрый человек, так как прожил большую жизнь, работал все время на земле, был охотником и рыбаком, занимался садом и пчелами, все последние годы являлся бессменным лесником колхозного леса. Отец был кузнецом и работал в колхозной кузнице. Кузница находилась недалеко от дома, и я там часто бывал.

Начало войны. Проводы

1941 год я помню достаточно хорошо. Началась война. Мы с Сашей еще не понимали толком, что это такое – война. Мама все чаще плакала, бабушка с дедом даже на наши шалости не обращали внимания, и все деревенские стали серьезными, прекратился смех и гулянки вечером на пятачке возле часовни. Вскоре деревенские мужики получили повестки и в назначенное время мы пошли провожать отца в армию. На окраине деревни стояла наша колхозная полуторка, отец нес Сашу на руках, справа шли мама и брат Женя, я шел слева рядом с отцом. Я думал о том, что отец скоро вернется, как и в финскую войну, и привезет нам новую игрушку. Игрушку мы с Сашей не хотели, а просили отца, чтобы он привез нам две красных звездочки.

На проводы собралась вся деревня. В основном все женщины плакали. Потом поступила команда садиться, и наша колхозная полуторка повезла наших отцов в город Порхов. Машина в деревню больше не вернулась. Ее мобилизовали на войну.

Из нашей деревни ушли на фронт пятьдесят два человека, а вернулись восемь. Из их рассказа получилось следующее. В Порхове их обмундировали, выдали оружие, скомплектовали войсковое подразделение и отправили на боевые рубежи под город Волгу Прибыли туда поздно вечером, стали занимать оборону Утром оказалось, что они уже окружены. День они кое-как оборонялись. Оружия не было, на пятерых одна винтовка, гранат и патронов мало, командиры или были убиты, или сбежали. Ночью провели что-то вроде собрания. Решили разделиться на три группы. Первая группа голосовала за то, чтобы сдаться в плен. Немцы днем и ночью кричали в громкоговорители и обещали золотые горы. Вторая группа говорила, что нужно идти к своим, вырываться из окружения.

Третья группа решила, что нужно идти в партизаны. На отца мы получили извещение в 1944 году, что он пропал без вести.

Шофер нашей колхозной полуторки дядя Коля прошел всю войну и вернулся домой стариком, совершенно глухим, его очень сильно контузило, и он потерял слух.

Жаркое лето 41-го

Наступил июль 41-го года. На шоссе со стороны Пскова потянулся непрерывный поток отступающих. Шли в основном повозки, много было беженцев, которые тянули на себе тачки всяких конструкций, шли солдаты, санитарные машины, шли так плотно, что нельзя было перейти на другую сторону. Много жителей ушло из нашей деревни, особенно колхозный актив. Наши деревенские дошли до Новгорода и перейдя Волхов, обосновались, кто где мог. Там они работали всю войну в колхозах и на предприятиях. Все они вернулись домой в конце 44-го года, когда нас освободили.

Наш дед Иван пережил войну 1914 года, и опыт жизни в военное время у него был. Самое первое, что он сделал, – это выкопал на краю нашего огорода землянку. Она была небольшая, метра три квадратных, но глубокая и имела потолок.

Все колхозное имущество, которое не забрали в армию, распределили по дворам колхозников. Так у нас появились телега, лошадь, плуг, борона.

Жизнь в оккупации

Итак, мы начали жить в оккупации. Немцы нас не обижали, не грабили, и поэтому нашим деревенским удалось собрать колхозный урожай и запастись продуктами на зиму 42 года. Немцы постоянно у нас не жили. Они назначили старосту, который должен был доводить до сельчан все немецкие приказы, касающиеся населения. На деревенском сходе поделили колхозную землю между собой. У всех имелись приусадебные участки, каждой семье выделили землю возле дома, а кому было мало, можно было брать на дальних полях. Коровы были у всех довоенные. Осенью убрали урожай и стали ждать зиму.

Когда пришли немцы, то в деревне осталось много беженцев, которые не успели уйти. Они заняли клуб и пустые дома, из которых ушли наши жители на восток. Конечно, у них пропитания не было, но они помогали другим по хозяйству и этим зарабатывали на жизнь. Беженцы жили у нас до конца войны, и все-таки в конце сороковых все уехали на свою родину,

это Западная Белоруссия и Украина. Жили, конечно, не то чтобы хорошо, но особенно сильно не голодали, даже беженцы.

У моей мамы был родной дядя Гриша, самый старший, и две сестры: старшая тетя Аня и младшая тетя Надя. Во времена НЭПа вся семья Большаковых сумела купить маленькую мельницу в деревне Козловичи. На этой мельнице мололи муку. В тридцатые годы дядю Гришу раскулачили. Отобрали мельницу, а его с женой и двумя детьми сослали на Урал. Как он потом рассказывал, привезли их в лес в районе Кочконора, вывели из вагонов, поезд ушел, а они остались. Первую зиму они прожили в землянках, а в следующее лето построили там деревню, где и прожили всю жизнь. Когда он после войны в 47 году приехал один на родину, к нам в гости, и посмотрел, как мы живем, сказал: «Спасибо товарищу Сталину, что он сослал нас в Сибирь». Сосланные люди были кулаки, а это самые трудолюбивые люди.

Во время войны деревенские организовали бригады строителей. Строители уходили в тайгу и там добывали золото и платину. Там им простили все грехи и за сданное золото хорошо платили. Продукты были все, а также купить можно было любые вещи. Потом дядя Гриша приезжал к нам в деревню много раз, в Кочконоре у него родились еще две дочки.

Две мамины сестры жили до войны в Петродворце и обе работали кондукторами в местном автобусном парке.

В сентябре месяце 41 года немцы выбросили десант между Стрельной и Петродворцом. Они оккупировали Петродворец. Тетя Аня рейсом на автобусе уехала в Ленинград, а обратно вернуться не смогла, дорогу перекрыли. В Ленинграде их автобус отдали в медсанбат, а тетя Аня стала санитаркой. До 44 года она была при госпитале в воинской части и погибла в 44 году. При отступлении немцы минировали все крупные сооружения. Когда приходили наши части, то эти сооружения применяли для своих нужд. Так они использовали в Эстонии большое сельскохозяйственное здание под госпиталь. Примерно через неделю ночью над этим зданием пролетел немецкий самолет. Он дал сигнал по радио, и все это сооружение взлетело на воздух. Тетю Аню придавило бревнами, и она погибла. У нее остались дочь Соня 14 лет и сын Коля 12 лет.

Когда немцы пришли в Петродворец, то все мирное население собрали южнее Петродворца. Жили они там целый месяц в железнодорожной будке. Тетя Надя, Соня и Коля. Через месяц их погрузили в вагоны и привезли в Латвию, недалеко от Пскова. Выгрузив из вагона, построили в отряд и стали отбирать мальчиков. Тетя Надя не растерялась и переодела Колю в Сонину одежду. Так как девочек не брали, то Коля остался цел. После

этого их расселили по хуторам к латышам в дома и дали справки, что они беженцы. Благодаря этим справкам они двинулись в путь к нашему дому. Расстояние в 500 км они прошли за полмесяца, и где-то в ноябре, к большой радости деда и бабушки, они пришли к нам. Так наша семья стала составлять девять человек.

В сентябре 41 года открыли школу, и деревенская детвора в возрасте до четвертого класса пошла учиться. Учились в школе по советским учебникам, так как других не было. В школе ввели Закон Божий, и раз в неделю из Опок, где была действующая церковь, приезжал батюшка и читал проповеди. В сентябре и октябре, где-то по ночам, в деревню приходили солдаты нашей армии. Они тихонько ночью стучали в окно и просились переночевать и поесть. Их, конечно, пускали. Кормили, и они оставались ночевать. Они шли группами и по одному, с оружием и без. Обычно их прятали в банях или в гумнах, на окраине деревни, чтобы в случае прихода немцев они могли уйти. К нам тоже приходили солдаты, и дед их прятал в бане. Они день отдыхали, а в ночь уходили. Шли они, в основном, на станцию Батецкая, многие шли босиком, и чем могли, им помогали.

Только один раз получился прокол. Два наших солдата рано утром зашли в гумно. Они там легли спать. Одна женщина видела. Днем по деревне ехали два немца на мотоцикле. Эта женщина остановила их и сказала, что в гумне находятся два партизана. Немцы сначала не хотели туда идти, но женщина настояла. Они развернули мотоцикл и поехали к гумну. Солдаты наши, видимо со сна, растерялись. Вероятно, патронов у них не было, они выскочили из гумна и побежали по ржаному полю в сторону леса. Немец снял винтовку, передернул затвор, встал на правое колено, левый локоть поставил на левое колено и выстрелил. Он с двух выстрелов убил обоих. Эту женщину немцы потом наградили, а когда пришли наши в 44 году, ее забрали сразу, и больше мы ее не видели. Ночью один наш колхозник отвез тела на лошади в лес, и там в бору их похоронили. Потом, когда я ходил с первого по четвертый класс в нашу школу, мы ко Дню Победы ходили, украшали эту могилку.

Немцы и лжепартизаны

Летом 42 года жизнь протекала спокойно. Работали очень много и усердно. Дед был хороший и опытный хозяйственник. Он сеял много гороха и овса. Всю последующую зиму мы ели овсяную и гороховую кашу. Даже нас, детей, дед заставлял работать. Так я в шесть лет возил навоз. Дед дома со двора грузил навоз в телегу, потом сажал меня на телегу, давал в руки вожжи,

и в ехал в поле. В поле меня встречала мать, выгружала и разбрасывала навоз по полю, и я ехал домой к деду. Осенью так же мы помогали в уборке урожая.

Где-то в поле, в дождливый день под вечер, к нам в деревню приехал отряд немцев со стороны Новгорода. Они остановились в деревне. Немцы стали ходить по домам и приказали в каждом доме освободить по одной комнате и стали расселяться по домам. К нам в дом пришли часов в девять вечера. С фонариком обошли и проверили весь дом. Мы, три брата и двоюродный Коля, уже спали на сеновале. Немец осветил нас фонариком, сказал «гут» и удалился. К нам поселили на постой трех немцев. Они заняли комнату, а Соня, мама и тетя Надя перешли спать в рядом стоящий амбар, где до этого спал один дед. Амбар летом пустовал, там навели порядок, поставили кровати и стали жить. В доме осталась одна бабушка, она спала на печке и готовила нам пищу.

В общем, в нашу деревню приехало на отдых с фронта воинское подразделение. Вероятно, минометный батальон, потому что из вооружения были одни минометы. Обосновались они основательно. Для машин вырыли укрытия, для минометов в берегу реки Шелонь – огневые точки. В середине деревни в одном из дворов поставили кухню. Погода наладилась, и немецкие солдаты стали отдыхать. Они купались, загорали. В нашем доме расположились сапожная и портновская мастерские. Приходили немцы и приносили обувь и одежду в ремонт. Все немцы были молодые. По вечерам они устраивали танцы под аккордеон. За деревней на лугу поставили футбольные ворота и почти каждый вечер играли в футбол. Мы, дети, целыми днями пропадали на речке. Иногда прямо на наш пляж на машине приезжали немцы. Они загоняли машину в реку и просили нас помыть машину снизу. Давали нам щетки, и мы мыли ходовую часть. Когда машина была вымыта, водитель всегда нас за работу угощал. Самым маленьким, вроде меня, он давал пакетик с сухим лимонадом, а ребятам постарше – по сигарете. Вечером, в восемь часов, они делали развод на караул. Выстраивалось подразделение, которое заступало в караул, им зачитывался приказ, потом оркестр играл марш, и они проходили строем. Комендантского часа у нас не было. Часовые ночью ходили по двое. Они ходили в мае в халатах и в москитных сетках. Партизан в 42 году еще не было.

Немцы даже устроили один раз учения. Минометы стояли у них на боевых точках. Они запретили в этот день пасти скот и выходить из деревни на сельхозработы. Поставили километра за два мишени, белые щиты два на два метра и стреляли из

минометов. Они уехали через месяца полтора так же неожиданно, как и приехали, вероятно по тревоге.

Детей в деревне у нас было много. Да еще много беженцев. Однажды, после ухода немцев, один мальчик из беженцев собрал компанию из своих ребят да плюс еще деревенских, и решили пойти в поле за земляникой. Время было часов 13–14 дня. Пока они шли по деревне, многих ребят позвали домой обедать, так что компания осталось маленькая. Они пошли собирать землянику и нашли большой снаряд. Старшему было лет 12, он сказал, что умеет разряжать снаряды, и стал бить по головке камнем. Рядом с ним стоял его младший брат. Остальные ребята убежали, сказав, что снаряд трогать нельзя. Только они успели добежали до канавы и спрятаться в ней, как раздался взрыв. Потом родители этих двух братьев по полю собирали несколько кусочков тел мальчиков. Хоронили их в маленьком гробике – все что собрали. Это были первые смерти в нашей деревне.

Зима 42–43 года была не очень холодная, по сравнению с 41 годом, но зато очень снежная. Соответственно, приходилось много работать по очистке снега на дороге. Стали появляться слухи о партизанах, немцы очень боялись партизан и приказали вдоль дороги, которая шла лесом до соседней деревни, выпилить весь лес на сто метров. Вся дорога была очищена до самого Новгорода. Сразу после Нового года к нам ночью постучали. Дед вышел, открыл дверь, и в дом вошли два человека. Они представились партизанами. Были они чисто одеты и не обросшие, без бород. На улице еще было несколько человек. Они ничего не просили, а стали действовать как грабители. Выкидывали все из шкафа, забрали женское белье моей матери, тети Нади вещи, потом залезли в подвал. Там стояли ульи с пчелами. Дед держал несколько ульев с пчелами и на зиму убрал их в подвал. Разорив ульи, взяв несколько рамок с медом, они ушли. Мы сразу поняли, что это не партизаны. Партизаны приходили все обросшие, с бородами, все худые и в первую очередь просили есть, а эти начали грабить женское белье. Потом мы узнали, что немцы специально создавали такие отряды из уголовников и всякого отребья, пускали их по деревням грабить население, выдавая себя за партизан. Сами немцы писали всякие приказы, в которых говорилось: «Кто из населения заметит появление партизан, должен немедленно сообщить об этом немецкому командованию, иначе расстрел».

Так для нас начался 43 год, самый тяжелый и самый кровавый. Зиму мы прожили довольно спокойно. Немцы по-прежнему у нас в деревне постоянно не жили, и поэтому население жило своим чередом. Весной обработали землю, что

могли посадили и посеяли. Что делалось в мире – мы не знали. Кое-какие слухи до нас доходили, но этого было мало. Немцы в 43 году стали совершенно другими, по сравнению с 41 годом. Они уже не так играли на губных гармошках, были более молчаливые и серьезные, не хохотали, как в 41-м.

Деревни горели каждую ночь!

В начале лета 43 года иногда по воскресеньям в деревню стали наведываться немцы. Они приезжали за молодежью. Ребят и девчонок в возрасте 14–15 лет они забирали и увозили в Германию. В этот день, когда начиналась облава, вся молодежь уходила в лес, шли на дальние от деревни сельхозработы. У многих были оборудованы места, где можно было спрятаться, если вдруг немцы приходили неожиданно. Стало ходить много слухов о партизанах. Кое-где вспыхивали перестрелки, что-то где-то взрывали. Однажды в июле месяце к нам в деревню из леса пришли три партизана. Они были одеты во все кожаное, на фуражках звездочки, полевые сумки, пистолеты на ремне. Они пришли в центр деревни и где обычно, на пятачке около часовни, велели собирать народ. Собралось народу немного, в основном наш брат – дети да старики. Один из них сделал что-то вроде доклада. Рассказал о победах нашей армии, о положении на фронте, о положении в Ленинграде и сказал, что они настоящие партизаны. Рассказал о тех партизанах, которые нас грабили в 42 году. Сказал, что скоро тут будут бои, чтобы мы прятали свое имущество, так как будут гореть постройки, потому что идет народная партизанская война, и чтобы мы всячески помогали партизанам и едой, и одеждой. С этим они и ушли обратно в лес. Как потом рассказывал один старичок, в это время он ходил в лес за грибами и видел, что пришли в деревню трое, а в лесу ожидали их еще человек 30. Так в июле месяце 43 года в нашем краю зародилось партизанское движение.

И где-то в сентябре месяце в партизаны ушел мой двоюродный брат Николай Николаевич Екимов. Было ему 14 лет. В нашем районе была сформирована 10-я партизанская бригада, ближе к городу Сольцы действовала 5-я бригада. Коля попал во второй отряд 10-й бригады, где командиром отряда был бывший военный Журавлев. Попал он в отряд снабжения ездовым. Занимались они в основном добычей кормов для лошадей и продуктов питания для партизан. Иногда их посылали в разведку. Один раз попали в немецкую засаду. Они вдвоем с таким же мальчиком поехали в деревню узнать, есть ли там немцы или нет. Положили на сани целый воз сена и поехали, якобы купили сено

и везут домой. Допросили их и вероятно, поверили. Сено с саней скидывать не стали и отпустили. Если бы нашли винтовки, то мальчишек, конечно, расстреляли бы. Это все происходило в осенние месяцы 43 года. Партизаны в основном базировались в деревнях, которые находились в лесу, вдалеке от шоссе Псков – Новгород. В нашу деревню партизаны пришли где-то в ноябре месяце.

Станция Дно находилась за 25 километров от нашей деревни строго на юг, это по шоссе. Если считать по прямой, то получается 18 километров, это очень крупный железнодорожный узел. Для немцев эта железнодорожная ветка имела очень важное стратегическое значение. Через станцию Дно проходили все железнодорожные составы, питающие немецкую армию на Ленинградском фронте. Вот в основном из-за этой станции в тылу у немцев развернулось такое сильное партизанское движение. Весь Дновский район был обложен партизанскими отрядами. Уже с сентября 43 года повсеместно шли стычки с немцами. Деревни горели каждую ночь. У партизан была главная задача – это железная дорога. Немцы в Дновском районе сосредоточили очень большие охранные силы.

Отряды СС

Появились и первые отряды СС. Еще немцы, отдыхая у нас в 42 году, говорили, что они такие же люди, как мы, и они нас не тронут. Но если придут солдаты СС в черной форме, то мы должны убегать в лес или прятаться куда угодно, только не попадаться им на глаза. Это нёлюди. Они с детства приучены убивать. В основном у них нет родителей. Они росли и воспитывались в детских домах. Там их учили только убивать.

Деревня Горушка находится от нас в семи километрах на восток, на том берегу Шелони, в Дновском районе. В октябре месяце там появились партизаны. Естественно, произошел бой, партизаны ушли. Немцы в отместку выгнали все население в поле и расстреляли. Там погибло, по-моему, 240 человек. Там сейчас поставили памятник. Я после войны рыбачил на Шелони и познакомился с одним из участников этого события. Он мне ровесник. Он рассказал, что, когда их в поле построили в строй, мать прижала его к себе под пальто и предупредила, чтобы он оттуда не вылезал. Когда мать, убитая, упала, он оказался под ней. Лежал там молча, не шевелясь. После расстрела обложили трупы соломой, подожгли и ушли. Из этой кучи выползли всего шесть человек – дети, которых спасли матери. Там была и моя родня по линии отца. Это были люди – мастера по глиняному

делу. Они по всей округе клали печи, камины и делали горшки.

После этого слух разнесся быстро, и мы, малые и старые, четко знали, что если придут отряды СС, то нужно уходить в лес. Партизанские отряды росли как на дрожжах. Все молодые люди, которым в 41 году было по 14–15 лет, в сорок третьем должны были служить. Их брали в партизаны как по мобилизации.

Пришел сентябрь 43 года, мне исполнилось семь лет, и я пошел в первый класс. До сорок третьего наша начальная школа работала, и мой старший брат уже закончил два класса и пошел в третий. Учебников и бумаги не было. Нам в школе выдали такие большие тетради в виде блокнота. Состояли они из пластмассовых черных листов. Листы были разлинованы белыми линиями в клетку, в линейку и в косую линейку. К тетради прилагался карандаш с белым грифелем. Он хорошо писал на черном листе. Когда тетрадь была исписана, эти листы мыли влажной тряпкой, и можно было начинать снова.

В начале ноября дедушка заболел тифом. Однажды вечером я лег спать, а дедушка начал бредить, он сказал, что вот тут возле камня налимы трутся. Тетя Надя спросила его: «А щук там нет?» Он ответил, что щук нет. Это были его последние слова. Меня переложили на другую кровать. Ночью я проснулся и увидел, как соседские старушки моют деда. Нас осталось в семье семь человек.

Когда вечером мы ложились спать, то бабушка все наши валенки клала в печь. Там они хорошо высыхали.

Однажды был какой-то праздник. Решили испечь пирог. Истопили печку и положили в нее пирог. Осталось немного теста. Мама сделала небольшой хлебец и посадила в печь вместе с пирогом. Когда пирог испекся, его вынули, и оказалось, что хлебец еще сыроват. Его посадили вновь, и про это все забыли. Когда вечером стали укладывать валенки в печку, бабушка вынула этот хлебец. Я ей помогал, подавал ей валенки. Она постучала по хлебу пальцем и сказала, что кто-то в нашей семье сгорит. Хлебец превратился в уголек.

Сама того не ведая, бабушка предсказала себе такую смерть.

Похоронив деда, почти сразу заболела мама – и опять тиф. У нас в деревне немцев не было в это время. В Боровичах, от нас в семи километрах, стоял немецкий гарнизон. Там был какой-то немецкий медпункт. Работали там и немцы, и наши русские врачи. У тети Нади я один раз видел несколько колец, какие они были, золотые или нет, я не знаю, но камни на кольцах были очень яркие и красивые. Благодаря этим кольцам, она сумела уговорить одну врачиху приехать к нам в деревню к больной маме. Врач приехала. Она дала лекарств, сделала уколы. Потом

она приезжала еще раза два или три. Недели через две мама, можно сказать, поправилась, но была очень слабая. Ей бы нужно было вылечиться и набрать силы, но она стала вставать и включилась в повседневную работу. Так как она была слабая после болезни, то во время работы часто потела и в результате сильно простудилась. Она заболела ангиной, и так сильно, что буквально через три дня у нее в горле образовались большие нарывы, которые маму и задушили. Мама умерла. Ей было всего тридцать лет. Похоронив маму в середине ноября, сразу заболела бабушка – и тоже тиф.

Бои шли каждый день

К этому времени обстановка сильно обострилась. Немцы вели активные действия против партизан, которые занимали деревни на шоссе Псков – Новгород. Партизан становилось все больше. Из деревень уже уходили все люди. Женщины, старики и дети – в леса, молодежь – в партизанские отряды. Партизаны стремились к железной дороге, немцы старались не пускать партизан в Дновский район. Треугольник Порхов – Дно – Сольцы стал районом постоянных боевых действий. Немцы ночью окружали какую-нибудь деревню, и на рассвете начинался бой. Партизаны, конечно, уходили, но недалеко. Гибли и партизаны, гибли и немцы. Бои шли каждый день. По ночам горели деревни и мы знали где идут бои. В конце ноября такой бой произошел в соседней от нас деревне Опоки. Там дрались немцы с партизанами три дня. Там стоит и сейчас и ныне действует церковь. Партизаны установили на колокольне пулеметы, и немцы понесли большие потери за три дня. Доходила очередь и до нашей деревни. В конце ноября вечером пришли партизаны и забрали всех коров. Они угнали все стадо. Они уже знали, что в деревне будет бой. У нас взяли корову и нётель, которая должна была отелиться.

Сестра Соня ходила ночевать к своей двоюродной бабушке по отцу. Она была старая дева, около 70 лет, и жила она одна. Звали ее Мария Екимовна, а в простонародье просто Екимовна.

Образ жизни в ту пору был такой. Окна должны быть занавешаны, это называлось «маскировка». В каждом доме были сделаны санки, на них лежали теплые вещи, запас крупы или муки и круглый хлеб. Если момент тревоги – хватали сани и уходили в лес. Такие сани были и у нас. Там лежала мука, немного крупы, мамин новый полушубок и несколько караваев хлеба. Ложась спать, мы укладывали свою одежду так, чтобы иметь возможность одеться в полной темноте. Хотя мне было и

семь лет, но я твердо знал, что если я этого не сделаю, то мне смерть, потому что бежать в лес голому невозможно. Бабушке становилось все хуже, она впала в кому, и по утрам тетя Надя давала ей несколько ложек чаю с медом.

Однажды утром прибежала, вся взволнованная, Соня. Первые ее слова с порога: «Вот вы тут сидите, а в деревне уже вовсю идет бой!» Мы сварили картошку и хотели завтракать. Все это в момент отпало, и все мы стали одеваться. Когда мы с Сашей оделись, тетя Надя дала мне Сашу и сказала: «Беги к Екимовне, у нее на огороде есть окоп, там вы и пересидите этот бой». Я, держа Сашу за руку, выбежал на шоссе, и мы побежали в сторону дома Екимовны. Расстояние до дома – метров 300–400. Мы бежали по дороге вдоль реки, а слева, со стороны леса, стреляли немцы. Они стреляли из автоматов трассирующими пулями. Мы были маленькие, а пули, вернее цепочки из пуль, летели высоко, и я их не боялся. Они были трассирующие и хорошо видны.

Прибежали мы к Екимовне. Горела лампа. Топилась печка, тикали ходики, и такое впечатление, что Екимовна куда-то вышла и вот сейчас придет. Так мы с Сашей простояли минут 15–20. Пришла Екимовна и, всплеснув руками, воскликнула: «Что вы тут делаете? Ведь я сюда зашла случайно!» Обведя взглядом комнату, она сняла со стола маленький самовар, дала его мне в руки, сама взяла одну из икон, и мы побежали по огороду к окопу. Окоп находился рядом с двумя банями на северной стороне огорода. Бой уже разгорелся, и трескотня автоматов шла со всех сторон. Сашу отправили в окоп. Окоп размером примерно два на два метра. Там уже находились люди. Я остановился посмотреть как на западе деревни уже горел крайний дом и начали разгораться еще два дома. Я был заворожен этим зрелищем. Вдруг совсем рядом раздался щелчок. У меня мимо уха просвистела пуля. Стреляли явно из бани. Кто там стрелял – немец или партизан – я не знаю. Баня от меня находилась метрах в пятнадцати. Вероятно, меня просто хотели попугать, и конечно, после этого я сразу нырнул в окоп. Я еще успел заметить, что у окопа стояли наши сани. В окопе мы с Сашей сидели в самом дальнем углу. Народу было много, и поэтому сидели, плотно прижавшись друг к другу. Время было часов 7–8, потому что было еще совсем темно. У выхода сидела Екимовна, и через несколько минут она высовывалась из окна и сообщала – чьи дома загорелись. Напротив нашего окна к югу на берегу, между рекой и шоссе, стояла часовня. Там же вдоль дороги и реки стояли амбары до самого конца деревни. С одной стороны часовни стоял амбар, с другой стороны – сарай с противопожарным инвентарем. Там были насосы и телеги с бочками. Амбар и сарай покрыты

соломой, а часовня – лесом. Расстояние между крышами более одного метра. Сгорели оба, амбар и сарай, а часовня осталась цела. Как я понял из дальнейших разговоров, нашим старушкам было не жалко целой деревни, главное, уцелела часовня.

В очередной раз Екимовна высунулась из окна и увидела немца. Он удивился, увидев старушку. В руке у немца была граната. После этого он гранату убрал и стал раскидывать вещи с наших саней. Он забрал мамин полушубок, пошел, сел на ступеньку часовни, отрезал ножом рукава и надел их на ноги, а остальное разрезал на куски.

Часам к двум дня стало тихо, прилетел самолет, сделал два круга над деревней и улетел. Из укрытий начали выходить люди. От деревни осталась примерно одна десятая часть. Остальное все сгорело. Остались бани, они были раскрыты. Осталась и наша баня, и наш амбар, недаром дед снял соломенные крыши. Сгорел и дом Екимовны, и наш, вместе с бабушкой. Немцы оставили несколько домов, потому что им тоже нужно было где-то ночевать. Остался цел и дом Поляковых, это рядом с нашей землянкой. Вот в этот дом мы и пришли из землянки. Женщины затопили печь и стали варить обед. Немцы ходили по деревне и собирали в кучу молодых женщин. Дали им сани и заставили на себе, так как лошадей не было, свозить своих товарищей, погибших в бою, в один из домов. Как потом говорили, свезли около двадцати трупов. Мы поели картошки с капустой и собрались уже в доме ночевать, но пришли немцы, сказали, чтобы мы уходили, так как здесь будут ночевать солдаты. Они принесли соломы и стали расстилать ее на полу. Из дома мы с Сашей уходили последними. И вот, когда я уже переступил порог, один из немцев, раздетый, расстелил свою палатку на солому, окликнул нас: «Киндер, ком!» Он подошел к нам, взял меня за руку, подвел к окну и показав на пол и на Сашу, сказал: «Гуд бай». Мы с Сашей сняли свои пальтишки и легли на солому. В доме было очень тепло. Немец был очень большой, как у нас говорят – шкаф с руками. Волосы на нем были ярко-красные и даже щетина была рыжая.

После такого дня мы с Сашей, естественно, сразу уснули. Ночью я проснулся. В доме было очень светло. В боковое окно я увидел, что метрах в трехстах от нас горит дом. Я быстро надел пальтишко и стал торопить Сашу. На полу вплотную спали немцы. В это время проснулся и наш немец. Увидев, что я оделся, он снял с меня пальто и сказал: «Шляфен, нике война». Мы с Сашей опять легли и снова уснули. Оказалось, что горел дом, в который наши женщины свозили убитых немцев. Они подожгли его часов в 11 вечера. Он послужил крематорием для покойников

и освещал деревню всю ночь.

Проснулись мы с Сашей, когда на улице было уже светло. В доме мы остались вдвоем. Я услышал выстрелы и посмотрел в окно.

Напротив этого дома, который горел всю ночь, находился дом моей крестной. Дом был двухэтажный и покрыт дранкой, поэтому и остался цел. Там, вероятно, остановилось начальство. Все немецкие солдаты стояли в строю напротив этого дома. Они почему-то стреляли из автоматов. Стреляли вверх. Создавалось впечатление, что они салютовали своим погибшим и сгоревшим товарищам. Они были в маскхалатах и на лыжах. Потом они построились, встали на лыжи и пошли на юго-запад через реку Шелонь напрямую в сторону Порхова. Это были последние из немцев, которых я видел.

Мы с Сашей побежали к своему дому. Пепелище еще дымилось. Там же стояли две бочки с огурцами и одна с капустой. Картошка в сусеке была сверху сгоревшая, а снизу испекшаяся. На том месте, где раньше лежала больная бабушка, лежали косточки обгорелые, во дворе у нас были три овцы, и там лежали косточки. Была у нас и собака Дунай. Он жил под крыльцом в конуре. Как-то раз он полаял на партизан. Они сидели на лошадях и были в нетрезвом состоянии. Один снял автомат и выстрелил в собаку. Пуля попала ему в заднюю лапу. Мы его вылечили, но с тех пор он стал бояться выстрелов.

И там, где была конура собаки, лежали косточки, хотя пес не был привязан. Было в доме еще несколько кур. От них не осталось никакого следа, вероятно сгорели. В это время из леса на лошади прискакали партизаны. Увидев нас, они подъехали к нам и спросили, где немцы. Мы показали, куда они ушли, и партизаны поскакали вдоль деревни.

В середине января 44 года партизаны нас предупредили, чтобы мы уходили в лес, потому что немцы создавали большие карательные отряды по борьбе с партизанами и могли появиться и на нашем хуторе. Мы перебрались в окоп. Топили печку круглые сутки. Морозы стояли не очень сильные, поэтому было терпимо.

В один из дней января немцы предприняли акцию против партизан. Отряд немцев выехал одновременно из Порхова в Сольцы, из Солец в Дно, из Дно в Порхов. Партизаны об этом знали. От нашей деревни в двух километрах находится деревня Костыжицы, вниз по течению Шелони. На том берегу находится костыжицкое кладбище. Там партизаны сделали засаду Когда немецкий отряд проехал нашу деревню и выехал на открытое место между деревней и лесом, открыли огонь. Немцев было

около ста человек. Ехали они на лошадях в санях. Лошади были – немецкие битюги. Сколько шел бой – я не знаю, но лошадей убили почти всех. Саней было около тридцати. Убили много немцев. Так этот отряд перестал существовать. Война между партизанами и немцами становилась все ожесточеннее. После этого боя в нашей деревне немцы уже оставались постоянно. Их было немного, в деревне осталось мало домов, где можно было жить. Стояла там минометная батарея.

Мы не знали ничего о том, что в Ленинграде снята блокада и наши части приближались к нам, а немцы готовили оборону. И вот, в один из дней, 27 февраля 44 года, утром, часов в 10, начался обстрел нашей территории. Стреляли из дальнобойной артиллерии из деревни Боровичи. От нас километрах в десяти. Снаряды ложились, не долетая до нас и перелетая дальше. В районе наших землянок взрывов не было. Земля была промороженная, и поэтому во время взрывов наша землянка подпрыгивала. Мы сидели вдоль стенок землянки. Длилось это часа два. Потом все стихло. Все жители землянок зашевелились. Стали на буржуйках варить обед, то есть готовить картошку. Картошку сварили и стали обедать. В это время по реке Ситне шел тот же самый старичок дядя Вася, который предупредил нас в деревне о карательном отряде. На этот раз он нес хорошую весть. Он просто кричал: «Хозяйки, выходите, наша армия пришла!»

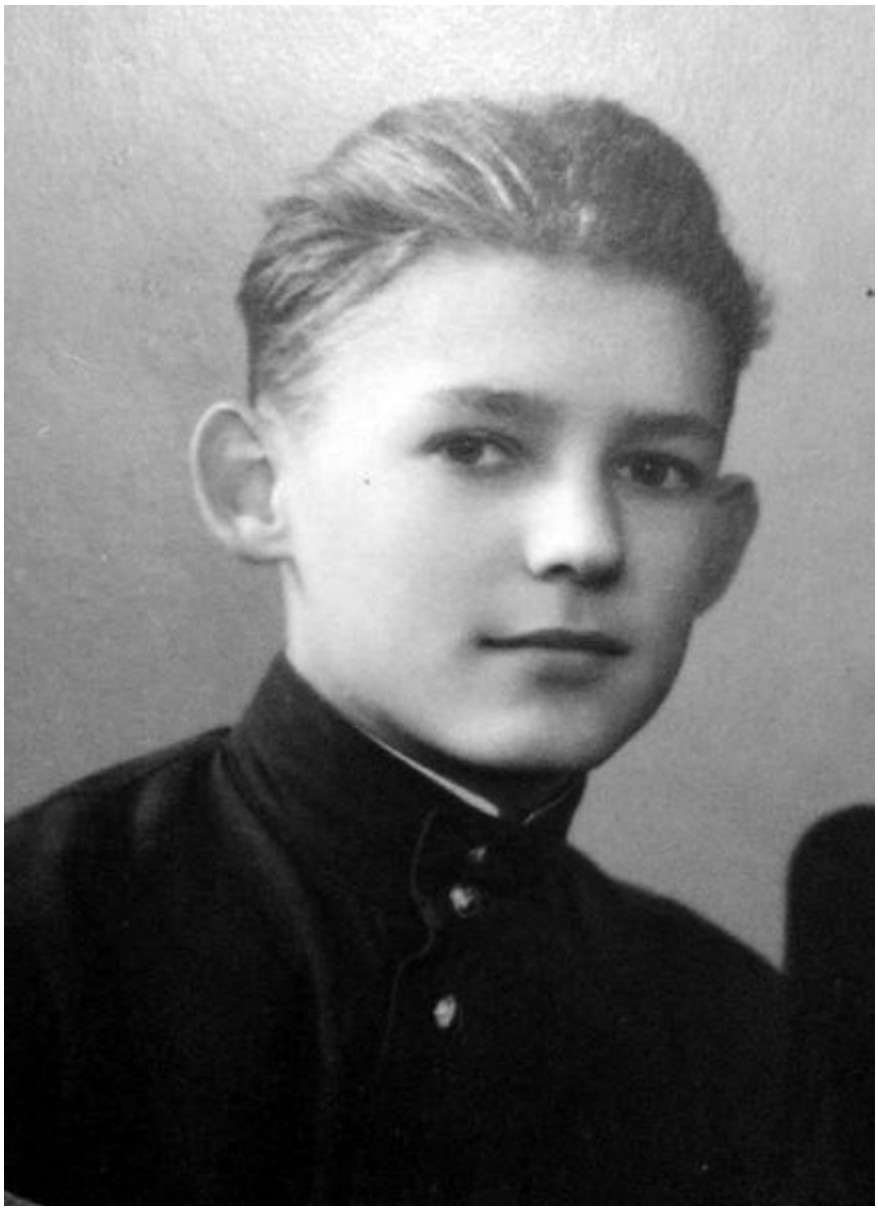
В этот же вечер пришли офицеры и наши земляки. Они были одеты в белые полушубки, в погонах, на шапках звездочки, в валенках. Радости не было предела. Люди целовались, плакали. Лично для меня пришло новое понятие, что дальше мы будем жить. До этого в моем дет ском уме была мысль о том, что нас все равно убьют. За два последних месяца произошло очень много смертей. Умерли дедушка, мама, сгорела бабушка, погиб в партизанах троюродный брат Вася, погиб дядя Петя, который гнал партизанский самогон.

В школу ходили босиком

Еще весной 1944 года пришлось нашим жителям хоронить лошадей и немецких солдат, убитых партизанами в январе 1944 года. Наступила осень 1944 года. Мы пошли в школу. В нашей деревне не оказалось ни одной постройки, пригодной для школы. И поэтому нам пришлось ходить в школу в соседнюю деревню Опоки. Там уцелело двухэтажное здание. На первом этаже находилось правление колхоза и магазин, на втором – две комнаты. В одной комнате учился первый и третий класс, в другой – второй и четвертый. Было всего две учительницы.

Школьники были из трех деревень. Больше всего ребят – из нашей деревни.

Самая большая проблема с бумагой. Бумаги как таковой не было, и под письмо приспосабливали все, что могли. В дело шли старые книги, газеты и даже цветная бумага. Кто что мог достать. Даже ходили в лес – отдирали бересту от берез и на ней писали. Так мы учились. Ходили в школу босиком, так как обуви не было. Мы до 1948 года ходили босиком до морозов, а там обували валенки. А весной, когда снег сходил, сразу ходили босиком.



Владимир Пименов

В деревню вернулись эвакуированные. Жизнь налаживалась. Начали пахать землю. Давали колхозу лошадей немецких, которые были тяжеловозы. Но у нас они быстро подыхали, так как их было нечем кормить.

В 1944 году Сергей Михалков написал гимн Советского Союза, и вот мы учили его, естественно, наизусть. Гимн пели при каждом удобном случае. На концертах, собраниях.

Наступил 1945 год. Уже чувствовалось приближение конца войны. Омрачало только одно, что стали наши деревенские часто получать похоронки. Пришла похоронка и на отца. Пропал без вести. Погиб и мой дядя Петя. Он погиб при форсировании реки Нарвы. Получили похоронку и на тетю Аню – мать Сони и Коли. Было очень обидно, что люди гибли перед окончанием войны. Их так ждали дома.

Наступило 9 мая. Мы как всегда пришли в школу. Прозвенел звонок. Мы сели за парты. Приходит наша учительница Надежа Михайловна. Она шла к своему столу без журнала и тетрадок, слегка улыбаясь, руки скрестив на груди. Она посмотрела на нас и сказала: «Ребята, сегодня занятий не будет. Сегодня закончилась война!» Что тут произошло! Тридцать ртов в нашей комнате и столько же в соседней закричали «ура!». Поднялся шум, гам, старшеклассники устроили пляску. Кто-то пел, некоторые заплакали. Это длилось полчаса. Потом мы побежали по домам. Я прибежал в свою баню. Тетя Надя была на работе. Соня в школе. Екимовна ушла к соседям. Погода в тот день стояла чудесная. Светило солнце, дул ветерок, очень по-весеннему теплый. По небу проносились редкие белые облака. Я взял удочку и побежал ловить рыбу. В тот день в деревне никто не работал. Вечером у часовни состоялась большая гулянка.

Владимир Дмитриевич Пименов, 1936 г. р.

Спаситель по имени Ганс

Слишком тонкая грань отделяет порой бытие от небытия, так что нельзя сказать, где кончается одно и начинается другое. Пожалуй (не удивляйтесь), это было первое, что я поняла в своей жизни. Мое первое воспоминание?.. Я звала братика играть, а он почему-то не вставал…

– Он не встанет, – тихо сказала мама, а я тогда не знала еще, что это был рок, тяготевший над нашим родом, который мне каким-то чудом удалось разорвать…

Мы с мамой жили тогда в деревне Купань Переславльского района Ярославской области, куда мама завербовалась сразу после войны. Но больше я жила в Москве, у тети. Конечно, когда была возможность, мама меня забирала. Тогда-то и случилось событие, тоже ярко врезавшееся в мою память, но в этот раз счастливое событие… Мы спали с подружкой и ее сестрами (такие были условия в деревне), когда раздался стук в дверь.

А их мама только что вошла в комнату и стояла с рыбой, которую сама поймала руками в реке. И вдруг в дверь вошел мужчина с одной ногой, и она повисла на нем.

– Ванечка!

– Это, наверное, папка наш! – всполошилась старшая из сестер.

Мы все стали реветь. Действительно нашелся их папка!

До этого я не задавалась вопросом, где мой отец, принимала, как данность, что мы жили с мамой и московскими родственниками, а теперь стала засыпать маму вопросами:

– Где мой папа? Почему у всех есть, а у меня нет?

Сначала мама говорила, что он уехал далеко-далеко по вербовке, а когда-нибудь тоже приедет так же нежданно, как папка подружки, добавляла при этом загадочное «подрастешь, я тебе все расскажу». Когда я чуть-чуть повзрослела, мама рассказала мне о папе и о том, что я родилась в войну, в Германии…

…Теперь это может показаться странным, но до восьми лет у меня не было свидетельства о рождении, только когда пошла в школу, сделали документы. Но по ним получалось, что родилась я в августе, но мама точно помнила, кружился снег, и люди ждали чуда, и день рождения мы всегда отмечали перед Новым годом. Слова мамы документально подтвердились только спустя много лет, я тогда уже была на пенсии, но обо всем по порядку…

О том, каким был мой отец, я имела весьма приблизительные представления, какие могла составить по любительскому

портрету, на котором папа был похож на продавца Курочкина, уж не помню как его звали, из нашего сельского магазина.

– Да это же Курочкин! – пыталась открыть глаза маме.

– Нет, нет, – смеялась она над оказией. – Это папа.

Всего лишь похожие черты лица, а папа был гораздо дальше, чем я могла тогда себе представить.

А познакомились они в Москве, куда оба завербовались, – папа работал на стройке, а мама в столовой. У мамы в Москве была родня, а у папы – строгая мачеха, и когда у нее пошли маленькие дети, старшие, от первой жены (папа и его сестры), отправились обустраивать новую жизнь в столицу. Мама тоже была не из балованных – шестая или седьмая в семье…

Встретились, все, как положено, полюбили друг друга и поженились, дали им комнату в общежитии в Химках.

Пошли дети – дочка Валя и сын Толик. Мальчик умер в младенчестве, а следующего мальчика снова назвали Толик, но опять семейный рок – воспаление легких.

Чтобы сохранить девочку, папа сказал маме: «Езжай в деревню, там мои мачеха и отец помогут выходить».

Мама поехала в деревню Ловать Калужской области. Но спасти девочку все-таки не удалось…

И вот началась война… Отец и другие строители, с которыми он работал, пошли добровольно на фронт. Папу ранило в руку, попал в госпиталь в Наро-Фоминск, пулю вытащить не смогли.

Когда его комиссовали, он приехал к маме, ушел в партизаны. Деревня – в глуши, а вокруг дремучие леса.

Вскоре она опустела, немцы собрали селян и погнали в сторону вокзала. Отец как раз пришел за продуктами и узнать, далеко ли немцы, и тоже попал к ним в руки. Пришел бы чуть раньше, чуть позже – маму угнали бы без него, а сгоняли людей со всей округи.

Гнали людей, как стадо, плеткой, и каждый боялся, что она опустится ему на спину. Кто не мог идти, а значит, не сможет работать в Германии, – убивали.

Маме идти было тяжело, она была беременна мною и слабенькая после смерти дочери и боялась потерять сознание – в последнее время с ней такое случалось в ее положении. К тому же ветер разметал ей длинные волосы, которые мешали ей бежать, цеплялись за людей, но папины сестры Феня и Даша (они приехали к нему из Москвы) и племянницы на ходу подбирали ей волосы, чтоб она не упала.

И все же она потеряла сознание. Тут же над ней нависло лицо молоденького парнишки, немца:

– Что валяется? Не хочет идти? – сурово спросил он.

– Она беременная, – ответили родные.

– Как?

Паренек тут же разогнал людей, чтоб не затоптали ненароком, и помог ей встать…

…Не знаю почему, но осело у меня в памяти имя Ганс. Может, просто понравилось когда-то это имя, может, где-то читала или услышала в фильме, только запомнился мне этот парнишка как Ганс, точно не могу сказать, так ли его звали на самом деле, так и буду его называть…

На фоне тех зверств, которые творили фашисты на нашей земле, Ганс казался просто ангелом-хранителем, которого послало Небо. Когда узников разогнали по вагонам – мужчины и старики отдельно, а женщины с детьми отдельно, Ганс помог найти среди этого множества угоняемых в рабство людей женщину-врача, которая помогла моей маме прийти в себя, и помог маме войти в вагон.

В вагонах стояли стон, крик, плач, были и умершие в пути. Не помню, в какой город приехали… там немцы разбирали узников. И этот Ганс (так я его называю, даже когда смотрю фильм и услышу это имя, нет-нет да и всплакну…) специально приходил узнать, к какому хозяину попали мои родители, и периодически проведывал.

А были они первое время у одного хозяина, не знаю и знать не хочу, как его звали. Папа работал в конюшне, а мама на свинарнике.

Сестры попали к другим хозяевам.

Мама рассказывала, что жила она вместе со свиньями, ела после них, что они не доедят, и на поле работала, ставила защитные щиты для озимых, но это была не основная работа.

Как-то мама вспоминала: холодно, спала, съежившись, и вдруг сзади прижалось теплое тело. Проснулась – оказалось, свиноматка к ней спиной прислонилась, согревала своим теплом…

С папой они редко виделись, хозяева не разрешали, только иногда удавалось ему передать ей кусочек хлеба… Но ругали и за это…

…Как-то спросила я маму: «Мама, почему я так люблю жмых?» Кажется, и сейчас бы от него не отказалась, даже как будто чувствую его подсолнечный запах, и оказывается, есть этому объяснение.

– Потому что, когда ты была у меня в утробе, свиней кормили жмыхом, – ответила мама и вздохнула.

У хозяев был заводик, где сбивали масло, прессовали патоку

и делали жмых для скотины…

– Видно, ты захотела в утробе жмыха, – продолжала мама. – Как раз принесли горячий жмых свиньям, а меня аж затрясло – так захотелось.

Хозяйка ушла и дверь закрыла. Мама отломила кусочек от свежего жмыха, еще не проглотила, а хозяйка вернулась и давай ее бить плеткой, а потом ногами.

– Что ты делаешь? От свиней отрываешь? Вот почему у меня свиньи такие тощие! – кричала она на весь дом, сбежались и работники, и ее муж, и мой папа. Еле оттащили ее от мамы.

Она свернулась клубочком, чтоб меня не выбило, долго не могла подняться после побоев. Очень много нервничала она в те дни, недоедала, видимо, поэтому у меня с детства порок сердца…

Папа спросил у мамы «за что?», а она сказала: «За то, что съела кусочек жмыха у свиней».

И как раз приехал Ганс, увидел ее всю в синяках, но она побоялась признаться, что случилось, а папа рассказал, как было дело.

Видимо, Ганс был какой-то проверяющий, потому что хозяева его слушались и говорили родителям:

– Забудьте даже его имя, он вам не родственник. Никто!

А Ганс приказал им забрать маму в дом и давать ей в день по стакану молока. Они давали по пол стакана, но работала она в доме.

Зоя Михайловна Турчева с мамой

Спустя какое-то время отвезли ее в больницу в том городе… Не знаю, как мама познакомилась там с Эльзой – работала ли она там или приходила к кому… Вот справка об освобождении в том, что мои родители в 1943 году были насильственно вывезены немецко-фашистскими войсками в Германию, где в деревне Готослав у города Гамбург работали у помещика Карла Орцена. Карл и был мужем Эльзы.

Улицы были празднично присыпаны снегом, как будто расписаны свыше глазурью, – то особое время в году, когда по-иному горят свечи и кажутся маленькими звездочками, которые

легко взять в ладони, а людям вдруг ни с того ни с сего хочется делать друг друга счастливее… В общем, я родилась аккурат в католическое Рождество.

Наверное, то, что мама понравилась Эльзе, и было настоящим чудом, потому что если бы мы остались у прежних хозяев, неизвестно, обошел бы меня стороной рок, выжила бы я…

Эльза и посоветовала назвать меня Зоей в честь нашей Космодемьянской.

– У вас была партизанка, в сорок первом ее расстреляли, стойкая и сильная.

А мама рассказала о смертельном недуге, с которым в семье рождались дети.

– А эта будет жить долго, потому что Зоя! – заверила Эльза.

Так я и получила свое имя.

После выписки эти немцы забрали моих родителей со мной в деревню Готослав под Гамбургом. Я смотрю на карту, это довольно далеко от того места, где мы были сначала, но у судьбы свои дороги…

Маму забрали в дом, а папа работал на конюшне, в поле, на стройке, за рулем машины – хоть и рука больная, но работал, поблажек не делали, но и не обижали.

А ко мне как к маленькой и вовсе хорошо относились, иногда даже и хозяйский сын, ему лет семь тогда было, подходил к колыбельке проверить, что там плачет малышка, не нужно ли перепеленать.

А когда мне исполнилось девять месяцев, случалось то, чего так боялась мама, – я заболела двусторонним воспалением легких. Потеряла сознание и два с половиной месяца пробыла в коме, а сколько слез пролила за это время мама и уже было потеряла надежду, стала шить тапочки и чепчик меня хоронить, потому что у меня не ощущались ни пульс, ни дыхание. Плакала и шила.

Переживали очень и Эльза с Карлом и пригласили свою родственницу посмотреть, вдруг можно еще вернуть к жизни ребенка.

Родственница закончила медицинский институт, по виду, мама рассказывала, совсем девочка – светленькая, голубоглазая и очень красивая. Она стала щупать пульс, а я уже прозрачная, и… нащупала.

– Она же живая! Давайте лечить!

И начала меня лечить эта девочка-врач, имени которой я не знаю… Ставила мне капельницы, делала уколы…

Но мама все еще не могла поверить, Рассказывала мне: «Готовлю кушать, а сама плачу и слышу, как во сне: „Мама, дай

мне мяса“, поворачиваюсь, а на маленьком таком личике огромные глазищи и смотрят в упор, аж страшно. И повторила: „Мама, дай мяса!“

Мама побежала за этой девочкой-врачом, спотыкается, боится, вдруг проснется – и окажется: просто сон.

– Она мяса просит!

– Все, жить будет, – улыбнулась моя спасительница, имени которой я не помню. – Дайте ей покушать какого-нибудь бульончика».

С этого момента я начала поправляться, и хозяева радовались вместе с моей мамой – всю жизнь с благодарностью вспоминаю об этом и буду вспоминать до самой смерти. Они – хозяева, мы – узники, но все-таки помогли спасти меня… Разные были немцы: и как мои первые хозяева, а встречались и такие… Не важно, какой ты национальности. Важно, человек ты или нет.

А в то время нельзя было знаться с немцами, да и не говорили лишний раз, что были угнаны в Германию.

Они, когда нам дали справку об освобождении, дали с собой много пеленок и еще перину, «чтоб Зоя на перине спала».

Доехали до Брянска, там на вокзале отца моего коменданты стали расспрашивать, узнали, что был угнан, сказали «предатель» и дали десять лет. Отправили в Воркуту, в заключение.

А маму на вокзале обокрали, стащили сумку с документами. Она хотела со мной вместе броситься под поезд, но какая-то женщина удержала:

– Ты что? С ума сошла? Разве можно? Ты такой ад прошла, а теперь… У меня мужа тоже забрали, но не отчаиваюсь. Будем жить!

Она помогла маме доехать до Москвы, к тете Вале, муж у нее железнодорожник, трое детей.

Она и сказала:

– Зою оставляй, а сама вербуйся (с ребенком не возьмут).

Так мама и завербовалась в то село Ярославской области, потом и отец сбежал из заключения, разыскал нас через тетю Валю, но его разыскали… Не скоро потом мы с мамой смогли переехать к нему на поселение, когда ему разрешено было жить за пределами зоны, но регулярно отмечаться. А уж сколько радости от встречи было!

Потом у мамы уже в мирное время родился мальчик и не дожил до года, а потом еще двое детей, слава Богу живы-здоровы.

А восстановить свое истинное свидетельство о рождении смогла только в 2001 году, когда переехала в Курск из Киргизии, где жила до того. И в переезде, и в восстановлении документов мне очень помогли председатель Курского Союза журналистов

Александр Петрович Щигленко и его заместитель Анна Николаевна Кочергина, она ушла из жизни, царствие ей небесное. Очень благодарна им за это!

Тогда я обратилась в Международную службу розыска города Арользена. Не очень-то надеялась на ответ, но он пришел:

«Уважаемая госпожа Турчева!

Мы с благодарностью сообщаем Вам, что Ваш запрос от 4.12.2001 года мы получили. Исходя из него нам стало известно, что Вам требуется справка Международной службы розыска для предъявления ее в соответствующий фонд для выплаты компенсаций подневольным рабочим. Мы посылаем Вам ответ о каждом человеке в отдельности:

Фадеев Михаил Степанович 1915 года рождения. Проверка документов Международной службы розыска дает положительный результат – зарегистрирован в Winsen-Zuhe. В Winsen-Zuhe зарегистрирована Фадеева (девичья фамилия Кадушкина) Мария Сергеевна 1921 года рождения и Фадеева Зоя Михайловна, дата рождения – 25.12.1943 года. Данные о лицах, вывезенных на работу в Германию, произведены на основании регистрационных, страховых, больничных карточек, документов фирм, трудовых книжек или рабочих карт».

Пришло из Германии и свидетельство о рождении.

А до того значилось, что я 44 года рождения, так как маме в паспортном столе сказали: «Нет, очень она у вас маленькая, точно не сорок третьего, а сорок четвертого года рождения». Так и записали – 9 августа 1944 года.

Конечно, хотелось бы еще и лично сказать слова благодарности потомкам Ганса и Орценов, сказать им какие у них родители были. Но пока запросы, которые делала в Германию, результата не дали. Но, кто знает, возможно, судьба подарит мне и эту встречу, во всяком случае, я очень на это надеюсь…

Зоя Михайловна Турчева (Фадеева), председатель Курского регионального отделения общероссийской общественной организации «Дети войны», 1943 г. р.

Записала Вероника Тутенко

Международная служба розыска
Grosse Allee, 5–9,

34444 Bad Arolsen,
Bundesrepublik Deutscland
Tel. (05691)6290
Telfax: (05691)629501
www.its-arolsen.org
Фото из личного архива Зои Михайловны Турчевой

Пережившая расстрел. Вместе с детьми поставили к стенке

Моей любимой прабабушке 1 февраля 2015 года исполнилось 99 лет. Зовут ее Дарья Ивановна Камшилина. Бабушка очень любит рассказывать о своей жизни. И делает это она мастерски, в красках, так как, несмотря на свой возраст, обладает прекрасной памятью.

Родилась бабушка в большой крестьянской семье. Их деревня, Новая Каменка, на 50 дворов раскинулась в живописном месте на границе Курской и Воронежской областей. Жили бедно. Надел земли небольшой, а едоков – полон дом. Вот и приходилось всем, от мала до велика, трудиться в поте лица. К 12 годам Даша уже пряла, шила, вязала, ухаживала за скотиной. Зимой батрачила на богатых родственников. Их престарелая бабка, двое детей, корова, овцы, куры, утки, гуси, индюки – все лежало на ее хрупких плечах. В 14 лет пошла работать в колхоз. То доярку подменит, то телятницу, свеклу пропалывала и убирала, сено косила.

– На покосе за мной было не угнаться, – вспоминает бабуля. – Идет нас бригада человек десять, я – первая. И пока последний до середины прогона дойдет, я новый начинаю.

Так же споро она убирала и картошку на колхозных полях. Эта маленькая, худенькая девочка обгоняла не только сверстников, но и взрослых.

В 18 лет вышла замуж за деревенского, старше ее на десять лет, парня. Не очень хотела за него идти. Другой ей нравился, да отец не отдал.

Едва стала обживаться молодая семья, радоваться появлению детей, как грянула война. Заголосила деревня, провожая на нее своих отцов, мужей, братьев. Голосила и Дарья, цепляясь за мужнин рукав.

– Не плачь. Мы с ним, – сказал он, кивнув в сторону стоявшего рядом новобранца – того самого парня, женой которого ей не суждено было стать, – договорились, что, если я погибну, он станет тебе мужем, а нашим детям – отцом.

Дарья Камшилина, 1934 г.

Провожая на фронт дорогих ее сердцу мужчин, она, как и многие деревенские, даже думать боялась, что видит их в последний раз. Но так оно и случилось.

Вскоре фашисты оказались в их деревне.

– А ведь меня вместе с детьми расстрелять хотели, даже к стенке поставили, – продолжает бабушка свой рассказ. – Ну, думаю, все, конец мне и моим детушкам пришел. Прижала их к

себе, глаза закрыла… Да Бог, видно, хранил нас. Вот видишь шрам на щеке? Это немец, тот, что передумал расстреливать, толкнул меня, а я не удержалась и со всего маху ударилась об угол дома лицом.

Эта отметка – напоминание о несостоявшемся расстреле за трех солдат, которых она прятала от фашистов в своем доме. Не успели они уйти с остальными. К тому же один из них был ранен. Попытались было притаиться во дворе, но немцы вокруг так шуровали, что ей ничего не оставалось, как спрятать их за большой русской печью в закутке, где зимой дрова на растопку хранила. Уложила, можно сказать, штабелем, забросала мешками и прочим хламом. Ночью они ушли, но в деревне оказался предатель. Он и выдал бабушку фашистам.

Их Каменка не раз переходила из рук в руки: то немцы в ней свой штаб разместят, то наши. А перед знаменитой Курской битвой всех жителей деревни стали эвакуировать. Не хотели люди уезжать.

Два месяца добирались к месту назначения, так как ехали только ночами, а днем прятались. Голодно и холодно было в пути. Не все пережили эту дорогу и мучительный голод… Из продуктов только жмых и мороженое молоко в ведрах. Вытряхнут его на какую-нибудь холстину и ковыряют кто чем может… Дарья насушила в дорогу 4 мешка сухарей. Ими и спасались.

– В дороге разбомбили нас, – продолжает бабушка вспоминать страшные годы войны. – Ужас что творилось тогда. Самолеты чуть ли не над головами носились с ревом… Крики, стоны со всех сторон. Я детей схватила и бросилась вслед за другими. Младшего Толика к груди прижимаю, а старшая Зина за подол юбки держится, чтобы не отстать. Вдруг почти рядом разорвалась бомба, и взрывной волной отшвырнуло от меня дочь. Где она? Мечусь, кричу, а ее, оказывается, в воронку соседнюю забросило и землей присыпало…

В Сибири расселили людей по разным деревням. Дарья с детьми очутилась в деревне Калиновка Пышенского района в доме у неприветливой, зажиточной и при этом очень скупой женщины. Тяжело приходилось первое время. Благо брат бабушки был человеком партийным и выхлопотал для них паек, который она получала раз в месяц. Через некоторое время Дарья с детьми перебралась в соседний дом, куда ее пригласила многодетная семья, видя как тяжело ей приходится. Люди были сами бедны, но бабушку с детьми в беде не бросили и приютили. Питались тем, что выращивали, да дарами леса. И тут пригодилось бабушкино умение прясть и вязать. «Обвязала» она всю деревню.

Года через два семья вернулась в свою родную Каменку.

Редко какой дом в деревне не пострадал. Пришлось и бабушке с детьми латать свой. До эвакуации Дарья зарыла сундук с вещами и мешки с пшеницей в саду. Пшеница, конечно, сопрела за эти годы, а вот одежда спасла от голодной смерти. Бабушка обменяла ее на семенную картошку.

В один из теплых апрельских дней 45-го мыла она окно. Видит, во двор почтальон входит. Обрадовалась вначале, но, когда развернула протянутую им похоронку на мужа, упала без сознания.

Трудно и голодно жилось в послевоенные годы. Мать за косу – и дети с граблями за ней. В скирде отдохнут, перекусят чем Бог послал и опять за дело. Все чаще стала она задумываться над предложением старшей сестры Лены переехать к ней на Ярославщину, в село Смоленское Переславского района. Смущали чужие края, но и в родных, где война все порушила, жить было нелегко.

В один из осенних дней 1949 года брели по шпалам от станции Шушково в сторону села Смоленское три босоногие фигурки. Это были бабушка и ее дети. За плечами у нее небольшой узелок, в котором вместе с кое-какой одеждой были лапти, сплетенные когда-то ее отцом. В них она потом на совхозную ферму, где доила коров, ходила, благо та рядом была. Позже соседка дала ей свои резиновые сапоги, фуфайку, а директор совхоза выписал материальную помощь в сумме 900 рублей. Этих денег не только на одежду и обувь детям хватило, но и на постельное белье. Кровати, одеяла и подушки выделил им совхоз вместе с небольшой комнаткой в бараке.

Хоть и невелика была зарплата, но постепенно обживалась семья. К тому же директор, войдя в положение вдовы, разрешил брать на ферме молоко для детей. Не многим это позволялось. За пол-литра, спрятанные за пазухой, можно было попасть на скамью подсудимых. Потом в совхозе стали давать участки под огороды. Так и жили они, привыкая понемногу к новому месту. По проторенной дорожке на ферму, которая стала для нее родной, ходила до 70 лет. И всегда в передовиках числилась. Как лучшая доярка неоднократно представляла на ВДНХ племенных совхозных буренок.

Дарья Ивановна с правнучками, февраль 2015 г.

– А ведь доили мы тогда руками, – вспоминает бабушка. – Пока 13 коров отдоишь, рук не чувствуешь. А ведь их еще накормить надо, напоить, стойла почистить. Потом, когда механическая дойка появилась, легче стало. Хотя работы рукам не убавилось. Кормить-то уже приходилось не по 13, а по 50 голов. Сено на вилы навьешь, поднимешь над головой и тащишь – ну чисто копна на ногах. До сих пор все это снится. Проснусь, бывало, а руки в кулаки сжимаются, словно коровушек своих дою. Наверное, и дальше бы работала, да приболела, можно сказать, впервые в жизни. Мне как раз стукнуло 70 лет. Врачи признали воспаление легких. Положили в больницу. Доктор мне и сказал тогда: «Хватит, Дарья Ивановна, работать, пора и дома посидеть. Заслужила ты свой отдых давным-давно!»

Вот такую нелегкую, порой страшную и трагическую жизнь прожила моя прабабушка. Много чего повидала на своем веку. Но, несмотря ни на что, она сохраняет бодрость духа, оптимистический и позитивный настрой, тепло и доброту своей широкой русской души.

Пеняк Виктория Александровна

В 6 лет я уже знал, что стану летчиком-истребителем

Я родился 27 июля 1935 года в д. Пятница Московской области в дружной, счастливой семье. Отец работал сварщиком на заводе в городе Химки, мама трудилась в деревенской пекарне а я, брат Александр (будущий знаменитый биатлонист) 1933 г. р. и сестренка Нина 1938 г. р. занимались каждый своими делами. Детство было безмятежным, детей-сверстников вокруг достаточно, чтобы с утра до вечера быть «при деле». Проголодавшись, бежал к маме в пекарню. В стене было маленькое окошко, через которое подавали хлеб. Мама меня замечала и через несколько минут я уже ел горячую лепешку, за что получил кличку Ситник.

Через деревню проходило Пятницкое шоссе, соответственно она была благоустроенной: на территории находились магазины, пекарня, церковь с колокольней, больничный комплекс с автономным электроснабжением, двухэтажная кирпичная школа. Помимо всего, деревня расположилась на красивом берегу Истринского водохранилища.

И все это прекрасное время разом осталось в воспоминаниях – началась война. Осенью 1941 года отступали наши войска. Через деревню шли группами солдаты: оборванные, голодные. А со стороны д. Рождествено слышалась артиллерийская канонада. Когда начался обстрел деревни, население пряталось в лесопосадках. Одним словом – обстановка ужасная. До Москвы врагу оставалось всего 40 км.

Как-то вечером отец приехал из Химок и всю ночь строил нам в овраге блиндаж-землянку. А утром отбыл на фронт, в 1942 году погиб, похоронен в г. Калуге на воинском кладбище. Наступили самые тяжелые времена. Деревню оккупировали немцы. В воздухе появились фашистские самолеты с крестами на крыльях. Мальчишки сначала притихли, а затем начали собираться в группы. В основном прятались по оврагам, собирали брошенное оружие. У нас был даже пулемет «максим».

Как-то однажды заметили, что на противоположном берегу водохранилища застрял во льду немецкий танк. Поблизости никого не было. Моментально созрело решение «захватить» танк. Группа из пяти ребят, старшему из которых было лет 9, перебралась по льду и забралась в танк. Запаслись кое-чем, я набрал патронов, старшему досталась ракетница. И в это время мимо на мотоцикле проезжают немцы. Мы затаились, смотрим в

люк – они не смогли преодолеть крутой берег и возвращаются. Старший встал у люка с ракетницей, мы рядом. На наше счастье, мотоцикл проехал, не останавливаясь, в деревню Рождествено.

Дети в те времена взрослели очень быстро. Мы все видели, все замечали. Недалеко от улицы на поляне стоял сарай с сеном. Однажды из дома Ляпиных (фамилию запомнил на всю жизнь) выскочили немцы и побежали в сторону сарая, стреляя на ходу в двух наших разведчиков, которые погибли…

В 6 лет я уже знал, что буду летчиком-истребителем. В один из дней, в полдень, 2 советских истребителя И-16 на бреющем пролетели над деревней. Это была надежда, праздник, внутренний подъем. Вскоре началось бегство завоевателей. Фашисты сожгли всю деревню дотла (целым остался только один дом). Зима суровая, жуткий голод. Тогда и пригодилась землянка, построенная отцом. С братом искали на пожарищах что-нибудь съестное, ходили по уцелевшим деревням, попрошайничали…

Привалов Валентин Васильевич

Контрнаступление наших войск было стремительным, мощным – солдаты и офицеры в белых полушубках (сибиряки), танки, артиллерия, авиация.

С того яркого момента начался мой тернистый, трудный путь за своей мечтой.

После завершения учебы в деревенской школе-семилетке, продолжил учебу в г. Солнечногорске, в школе № 5. В годы восстановления народного хозяйства жилось тяжело. Мама работала плотником, кузнецом, дояркой, все взрослые дети и

подростки в каникулы работали в колхозе.

В городе снимал часть комнаты, чтобы поставить раскладушку, питался тем, что принесу из дома в рюкзаке. От города до родной деревни – 20 км. Каждую субботу – в деревню, в воскресенье – обратно в город. Весь этот путь преодолевал пешком, зимой – на лыжах. И только в 10-м классе у меня появился велосипед. В том же году поступил в 4-й московский аэроклуб. Занятия проходили в вечернее время в здании ж/д станции Крюково. В 1953 году окончил среднюю школу, аэроклуб и Сумской учебный центр, стал летчиком на Як-18. В 1955 году окончил Армавирское военное училище летчиков (морской выпуск) ПВО.

В возрасте 20 лет стал лейтенантом – летчиком истребительной авиации Краснознаменного Балтийского флота. В летной работе всегда стремился быть первым, выполнять более сложные задания. За всю летную службу не потерял ни одного самолета.

Поздравляю всех с Великим Праздником – Днем Победы!!!

Ветеран ВС, п/п-к, летчик-снайпер войск ПВО, Привалов Валентин Васильевич

Над нами пронеслась смерть

Расстрел на Кукиной горе

Мне было 11 лет, когда началась война, и все три года немецкой оккупации мне пришлось прожить на оккупированной немцами Смоленщине, в селе Каспля, это в 45 километрах от Смоленска. Мои года, пытливый детский ум позволили мне запомнить и запечатлеть в своей памяти все известные события того времени, когда в селе была оккупация. Еще сохранились бараки-корпуса, где содержали несчастных, пути, по которым они шли на смерть; стоит обелиск, есть место, где расстреливали людей. Все еще можно увидеть и снять.

Война шла, стучалась, гремела!

Люди, ездившие на станцию Лелеквинская – это от Каспли в восемнадцати километрах, – удивляясь, рассказывали, что, дескать, по путям в Германию наши правители прут эшелонами хлеб, отборную пшеницу, оборудование и др. Неужели наши правители не понимают, что война с немцем неизбежна, что она на носу?! Это ведь знает уже каждый гражданин – от пастуха до министра? Только сам, рябой, дескать, понять этого не может и все доклады отвергает, говорит «не паникуйте, не провоцируйте, не психуйте». А война шла, стучалась, гремела, бурлила как вешние воды и катилась по всей Европе в сторону советских границ. И если бы даже за 2–3 дня до всем известного срока начала войны 22 июня 1941 года была дана команда войскам на готовность № 1, как говорили понимающие в военном деле люди, того, что произошло летом 1941 года, никогда бы не было. Атак – грянула страшная всесокрушительная бойня, которая докатилась до сердца страны Москвы и продолжалась четыре года.

Первые немцы

В первые дни оккупации немцев в Каспле было мало. Они заняли здание райисполкома и милиции, поставили часовых и особо никуда не ходили. Но вскоре приехало несколько легковых и грузовых автомашин. Одна легковая автомашина с четырьмя офицерами поехала по дороге к броду, где река Каспля вытекает из большого озера – того же названия. Немного не доехав до брода, она взлетела на воздух – под ней взорвалась

противотанковая мина. Мы радовались, что фашисты напоролись на советские мины.

Через несколько дней из Смоленска пришли две крытые грузовые автомашины, из них вылезли немцы с какими-то рогатками и несколько дней ходили и по дорогам, холмам, перелескам, кустам, тропинкам, купальням и броду – искали мины. Они нашли их громадную кучу, свезли все за Кукину гору – недалеко от речки и кочковатого болота. Я видел эту кучу зеленых четырехугольных ящиков, по которым я когда-то бежал под мост.

Когда немцы в один из дней взорвали всю эту кучу мин, мы думали, что рухнула вся земля. На месте взрыва образовалась громадная яма – метров десять в диаметре и метров пять глубиной. Эта яма впоследствии стала последним пристанищем многих десятков русских людей.

По дорогам стали проезжать одетые во все черное немецкие мотоциклисты, клубы пыли были на их странных комбинезонах.

Однажды придя проведать свою хату у кладбища, я с ужасом обнаружил, что два немецких танка загнаны прямо на наши огородные гряды. В одной из гряд я сделал яму и закопал все наши семейные фотографии. У нас было в семье двое военных: двоюродный брат Коля (он перед войной окончил Ленинградское училище связи и был лейтенантом) и дядя Гриша – брат матери, который окончил летное училище и был летчиком-истребителем – ас, подполковник.

Я испугался, думая, что, когда немцы найдут эти фотографии, нас или расстреляют, или сожгут хату Но все обошлось: фотографии – вмяты в грязь. Я их вытащил, очистил и перепрятал. Удивлению моему не было предела – почему фашистам понравилось ставить на ночлег танки прямо на бедный русский огород? Утром танки и мотоциклисты снялись и уехали на восток.

Немцы не щадили никого. Разговор с нами, русскими, у них был один – «русский свинья». Других слов мы не слышали. При этом любой немец мог без всякого повода отобрать скотину, поджечь хату или просто пристрелить тебя, если ты ему чем-то не понравился. Злость, ярость, жестокость немецких солдат в 1941-м – первый год войны – не знала предела.

Почему немцы так вольготно вели себя? Потому что в первые дни войны не было наших самолетов, а во-вторых, они не жалели бомб. Бомбежки доводили нас до страха. Мы спали, не раздеваясь, постоянно выбегали из хаты, как только гул самолетов усиливался. Фашисты взяли манеру бомбить ночью, навешивая в небе сто белых ракет на парашютах. Они освещали

небосвод как днем, самолеты летели тучами – одна группа за другой, со страшным свистом пикировали, сбрасывали бомбы над Смоленском, Ярцевом, Вязьмой, Ельней, Рославлем и возвращаясь, делали разворот для новой атаки. Разворот нередко проходил над Касплей и ее окрестностями; создавалось впечатление, что нас бомбят. А частенько фашисты просто сбрасывали бомбы куда попало, и тогда земля содрогалась у нас под ногами. Весь 1941 год и даже половину 1942 года в небе господствовала только немецкая авиация, а наших что-то не видно и не слышно.

Иногда мать брала грязное ведро и шла на Касплю. Находила там убитую собаку-дворняжку (а надо сказать, немцы очень не любили наших собак: как только завидят – выхватывали пистолеты и сразу стреляли), набирала в ведро вонючие внутренности, приносила домой, заставляла развести костер, ставила ведро на огонь, добавляла туда поташ (как она называла) и варила самодельное вонючее хозяйственное мыло. Когда оно застывало, получалась черная липучая масса, похожая на холодец и деготь одновременно. Вот таким мылом мать стирала белье и тряпки, говоря, что это единственное спасение от вшей.

Оккупация

С конца лета 1941 года у нас началась полная оккупация. Все беженцы-каспляне к похолоданию вернулись в свои дома.

Оккупация расширялась. Появилась в здании бывшего райвоенкомата зловещая жандармерия. Это была большая низкая хата, стоящая на самом крутом берегу реки, причем там, где она круто поворачивает в своем течении с севера на запад. О жандармерии в Каспле ходили легенды. Говорили, у нее принцип работы один: если туда попал, даже невзначай, то оттуда уже возврата не было – только смерть. Там били и нечеловечески истязали людей. Крики из этого здания иногда разносились такие, что у прохожих, идущих по большаку мимо, волосы вставали на голове дыбом. В жандармерии пытали всех – и мужчин, баб и даже детей – лишь бы была причина. Сами жандармы ходили затянутые во все черное, строгие, чопорные, злые, с блестевшими на мундирах эмблемами костей и черепа. В жандармерии пытали, как правило, пойманных партизан, красноармейцев-военнопленных. Иногда в жандармерию затаскивали баб-касплян по какому-нибудь доносу предателя-подлеца. Тогда крики и вопли пытаемых несчастных были слышны даже у нас за рекой.

За жандармерией шла полиция. Она комплектовалась из

русских мужиков. В нее водили, как правило, ворье, бандиты, хулиганы, бившие стекла в клубах и больницах в мирное время; учителя, недовольные советской властью из сельских школ прикасплянских деревень; бывшие заключенные, пьянчужки, какие-нибудь мелкие людишки без роду и племени.

Руководил касплянской полицией бывший учитель из деревни (то ли Апольня, то ли Загорье) севернее Каспли с нерусской фамилией Гахович. Высокий, стройный человек, почему-то смуглый, с маленькими черными усиками. Он командовал всей полицией. В полиции служило примерно человек 35–40, вооружены они были немецкими винтовками. У командиров отделений имелись еще и пистолеты. К нам, пацанам, бегавшим и шнырявшим по Каспле, они относились плохо, не любили: ни за что давали подзатыльники или больно драли за уши. Полицейские путались с нашими деревенскими девчатами, которых, в основном, прельщал их паек. Они были буквально везде: стояли часовыми у управы, патрулировали улицы, ходили по домам, разнося повестки, сидели в засадах в конце улиц Каспли, проверяли «аусвайс» (по-русски – документы), толкались на рынке, сидели в столовой, стояли на мосту, часто можно было видеть, как они тащили мужика в полицию. И мы, каспляне, боялись их больше, чем самих немцев.

Однажды – дело было морозной зимой – немцы организовали карательный отряд для прочесывания леса от партизан. Собралось несколько десятков немцев, и они взяли с собой почти всю касплянскую полицию. Перед отъездом один из полицейских зашел к нам попросить валенки. Мать дала ему старые и разбитые тарасовские валенки. Он присел, чтобы их надеть, и рассказал нам сон, который я запомнил на всю жизнь: «Едем мы на санях в лес за дровами. Вдруг из лесу выходит лесник и спрашивает меня – а где у тебя, Вадим, паспорт? Я выхватил из-под себя большой топор – и на него. Вот, говорю, тебе мой паспорт! Да как дам ему топором по шапке – он и упал. Ха-ха-ха! Вот какой сон, Фруза, видел я сегодня».

Мать – мудрая, умная женщина – задумалась и тихо говорит: «Ох, не к добру, Вадим, твой сон. Как бы ты там, в лесу не сложил свою буйную голову!»

– Ничего, тетя Фруза! Нас много. Мы им покажем, как паспорта спрашивать, – опять громко захохотал полицейский.

Утром все знали, что большой обоз немцев и полицейских ушел в сторону леса, за Белодедово – это километрах в восьми от Каспли. Оттуда слышалась стрельба, потом обоз вернулся. Оказывается, партизаны уже знали об этой вылазке, устроили немцам засаду и здорово их постреляли. Нам не показали,

сколько немцев погибло, а девять гробов с убитыми полицейскими поставили около больницы, в большом здании приемного покоя. Самое страшное для нас, пацанов, было то, что убитые лежали в гробах в тех позах, в каких их застала смерть, – вытянутые в стрельбе руки, полусидячее положение, скорчившееся тело и т. и. На нашем кладбище, с южной стороны которого мы жили, вырыли огромную общую могилу, и туда, друг на друга, составили гробы. Начальник полиции Гахович произнес краткую речь, рванул трехкратный оружейный салют из винтовок, могилу быстро засыпали. Так нашли свой последний приют девять предателей Родины – касплянские полицейские. Среди них оказался и Вадим, которого знала мать. Немцев хоронили отдельно, на большом немецком кладбище при выезде из Каспли, западнее, на пригорке, с левой стороны от большака.

Лето прошло, пролетела осень. У нас организовали занятия в школе. Собрали всех учителей, учеников, и занятия начались. Несколько дней мы сидели в школе и по указке учителя открывали в учебнике страницу и вычеркивали, вымазывали запрещенные немцами слова: коммунист, социализм, колхоз, Сталин, комсомол, революция, октябрь, райком и еще массу слов советского периода.

Зимой 1942 года немцы решили нас, детей, приобщить к религии. В речке во льду вырубили большой крест – «иордань» и построив нас всех по четыре человека в ряд, повели к этой проруби. Батюшка-священник всех брызгал – «святил». Бидонами мы несли святую воду домой. Касплянам все это очень понравилось и на нас, детей, произвело впечатление.

Зима 1941–1942 гг. была очень суровая, морозы стояли за 20 градусов, и печи приходилось топить дважды в день.

Немцы фактически по домам не ходили. Только 2–3 раза в неделю два автоматчика подходили к дому с бидоном-флягой и большой плетеной корзиной, стучали в окна и на ломаном русском кричали: «Мамка, млеко, яйко!» После этого хозяйка должна была вынести литровую банку молока и десяток яиц. Однажды мать замешкалась и вышла на крыльцо с пустыми руками, объясняя, мол, дети малые. Один из немцев передернул автомат с плеча на живот и дал большую очередь чуть выше головы матери. Мы подумали, что он ее застрелил, и я, стоявший рядом, завизжал как резаный. Мать от неожиданности упала на крыльцо и потеряла сознание. Тогда немец толкнул ее сапогом и что-то сказал: мол, «шнель!», «быстрей!». Мать встала, прошла в кладовку, вынесла банку молока и только пяток яиц. Немцы весело заржали, подняли флягу и корзину и удалились.

Партизаны

В войну не было страшнее этого слова, как для нас, русских, так и для фашистов.

Мы в Каспле, в районном центре, особо не ощущали на себе их деятельности. Но крестьяне, приходившие в Касплю в больницу или по другим делам, рассказывали жуткие истории. Например, в деревню, где и поблизости не было ни одного немца, на лошадях врывалась ватага людей с оружием. Забирали все – теплые вещи, продукты, предметы первой необходимости (например, швейные машины, хомуты и другую конскую упряжь, белье постельное, матрацы, подушки, шубы, посуду). Нередко уводили скот, последнюю корову, овцу. Не брезговали курицей, брали поросенка, теленка, козу. Уговоры, что дети малые, самим есть нечего, – не производили никакого впечатления.

Бывало, рассказывала об этом иная старушка моей внимательно слушающей матери, а потом подносила руку ко рту и так тихо говорила: «Фруза, хочешь верь, хочешь не верь, но прямо бандиты да и только!» Мать вздыхала, так и не зная, чем и как утешить плачущую женщину.

«Ну пойми ты, Трофимовна, только третьего для мы на сходке избрали нового старосту (старого застрелили неделю назад). А ночью, надо же, приехали, вывели во двор и хлопнули. Трое деток у Пелагеи осталось. За что, ты спроси? Он даже еще ни одного собрания не провел. Да и как он отказывался, если бы ты видела! В ногах у людей валялся, просил не выбирать: и стар уже, и болен сильно – ничего не помогло!»

Один раз партизаны устроили касплянским фашистам крупный переполох. Они снарядили небольшую пушку – не знаю, какого калибра, – и выстрелили по селу из-под деревни Треножки, в пяти километрах от Каспли. Что тут было! Немцы в подштанниках выскакивали из хат и бежали в свои укрытия. Но больше ничего не последовало. Партизаны минировали дороги, делали засады, малыми силами делали вылазки, но все это причиняло очень незначительный урон фашистам. Конечно, в целом, партизаны являлись той неведомой силой, которая держала немцев в постоянном напряжении и страхе. Физического, военного урона от них было очень мало, урон был моральный. Чем это объяснить, я не знаю, но это так. Но стоило группе в 60–100 партизан напасть на центр Каспли – и немцы были бы разбиты. Как бы мог этот моральный успех прогреметь по всей области!

Из всех значимых операций касплянских партизан можно назвать два-три случая. Первый – это наведение наших самолетов

в ночное время на месторасположение крупного госпиталя немцев у школы ШКМ, когда погибли сотни раненых немцев. Немецкое кладбище под Рытино сразу значительно выросло, немцам пришлось расширить его. Эта диверсия осталась безответной.

Потрясенные, обескураженные немцы два дня хоронили умерших от ран и бомбежки.

Вторая диверсия партизан против касплянского гарнизона – это обстрел Каспли из пушки, о чем я ранее уже упоминал.

Третья серьезная диверсия – расстрел высокого немецкого начальника, говорили полковника, ехавшего в Касплю из Смоленска. По булыжной дороге тряская машина шла медленно. По обеим сторонам ее тянулись кустарник и лесок. На так называемой пуще и завалили дорогу спиленным деревом, устроили засаду и расстреляли всех фашистов, которые находились в легковой автомашине и в машине охраны. Эта операция дорого обошлась касплянам. В отместку немцы вызвали из Смоленска карательный отряд и расстреляли 157 человек. Это – настоящая трагедия, пострадала почти каждая семья касплян. Больше об операциях партизан я не могу ничего вспомнить, но в целом партизаны были для оккупантов страшной, непреодолимой силой. Нигде немцы ни днем ни ночью не чувствовали себя спокойно от народного гнева в лице лесных людей. Партизаны являли собой железный сплав мужества, бесстрашия, презрения к смерти.

Мне, подростку, пришлось убедиться в этом. Однажды на большой горе над Касплей вдруг появилась громадная виселица с пятью петлями-веревками, свисающими с перекладины. Два немецких автоматчика обошли дома касплян почти на всех улицах. Зашли и к нам, хотя наша хата от улицы стояла несколько в стороне. Один фашист на ломаном русском языке приказал всем явиться к 12 часам на большую Почтовую гору (как ее у нас называли) и со злостью показал, что будут вешать партизан. (Ослушаться нельзя: были случаи, когда немцы проверяли свои приказы. Если в хате при их проверке оказывались люди, немцы сразу на месте их пристреливали.) Мать объяснила немцам, что у нее малые дети. «Ну вот этот, большой, – показали на меня, – пусть идет». Немцы кивнули, оглядели хату, убедились, что остальные жильцы – малолетки, сказали «гут» и ушли.

Делать нечего, и к назначенному времени я поплелся в центр. Взобравшись на гору, увидел страшную картину. Молча и угрюмо стояла большая толпа касплян, окруженная автоматчиками, а на небольшой площадке была сооружена громадная виселица из

двух столбов с перекладиной. На перекладине болтались пять веревочных петель, под каждой из них стоял какой-то ящик. «Ведут, ведут!» – раздались голоса, и все увидели, как на гору к виселице поднималась группа людей. В центре, окруженные автоматчиками, шли партизаны – многие без шапок, легко одетые, со связанными назад руками. Когда они поднялись на площадку, немцы каждого партизана поставили под петли. Толпа замерла. Кто-то громко рыдал, кто-то молился Богу, кто-то становился на колени и кланялся.

Высокий худой офицер, видно в чине майора, с одной звездой-кубиком на погонах, встал на постамент, потребовал у толпы тишины и быстро и очень непонятно стал читать нам, русским, видимо приговор. Партизаны стояли спокойно, гордо подняв головы, и как мне казалось, смотрели на ясное небо. Закончив читать приговор, офицер слез с возвышения, махнул рукой со стеком, давая сигнал начала казни. В толпе заголосили громко и неудержимо. Офицер крикнул что-то одному из автоматчиков, и тот резко вскинул автомат, дал длинную очередь поверх всех нас, стоящих в толпе. Крики, шум, плач несколько стихли.

К каждому партизану подошли по два немца-автоматчика, приподняли от земли и поставили на ящики. С большим трудом немцы дотягивались до веревок с петлями и надевали их бедным людям на шеи. Делали это все медленно, садистски, поправляя петли, распутывая веревки. Складывалось впечатление, что им приказали этой казнью произвести на толпу жуткое впечатление, и конечно, они этого добились. Мы стояли, словно в каком-то оцепенении, дрожа от внутреннего страха с головы до пят. Нас удивляло, как спокойно и тихо принимали свою смерть приговоренные к казни.

Офицер вновь взмахнул своим стеком, и немцы-палачи стали подходить слева-направо и выбивать ящики из-под ног стоявших на них партизан. Они падали и повисали на веревках. Когда очередь дошла до четвертого, тот громко крикнул нам в толпу слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Хоть три года будет, граждане-товарищи, война, но верьте, победа будет за нами!» В этот момент немец выбил у него из-под ног ящик, и партизан замолчал.

Пятого, самого последнего, ближнего к столбу, немцы вешали очень мучительно. Когда из-под его ног выбили ящик, он из-за своего высокого роста встал на ноги и начал что-то говорить, но из-за поднявшегося в толпе шума слова невозможно было разобрать. Немцы растерялись. Потом бросились искать веревку и когда нашли, обвязали ноги партизана, сбили с ног и конец

веревки срочно привязали к столбу виселицы. Казненный казался повешенным как бы сидя: одна веревка обвилась вокруг шеи, а другая – вокруг приподнятых ног.

Толпа буквально загудела и заревела. Казнь закончилась. Нас плетками стали сгонять с горы. На площадке осталось пять повешенных партизан – мужественных борцов за Родину, да по бокам виселицы стояли у каждого столба по фашисту. Казнь партизан, их мужество произвели на нас неизгладимое впечатление. Каждый шел домой и думал: «Пусть три года будет война, но победа будет за нами!» Мы с матерью проплакали весь вечер, когда дома я ей все рассказал.

Расстрел на Кукиной горе

Шел второй год оккупации Смоленщины немцами. Наше село Каспля, расположенное в 45 км от Смоленска, вместе со всей страной стойко переживало годины военных лет 1941–42 гг.

Мы, жители села Касплянского района, каждый день подвергались большим и малым бедам. Малыми бедами считались ежедневные поборы немцами молока и яиц, бомбежки, аресты, пытки граждан в жандармерии, одиночные расстрелы и др. Большие беды – это организация немцами массовых смертных казней со сгоном всех касплян к месту казни, периодические рейды карательных отрядов из Смоленска в леса для уничтожения партизан или массовые расстрелы ни в чем не повинного гражданского населения.

В начале войны немцы буквально победным маршем захватили всю Смоленщину. В районе Вязьмы в окружение попала даже целая наша армия. В Вязьме стоит памятник, напоминающий об этом событии. Село Каспля до войны было районным центром, и фронт так быстро прошел ее, что многие руководители районных организаций даже не смогли эвакуироваться. Позже они ушли в партизаны, организовав партизанский край в районе прилесных деревень Чача, Яшино, Хохлово, Жарь и др. Некоторые же коммунисты и комсомольцы, работники школы, райбольницы продолжали жить со своими семьями.

Укрепившись и создав в Каспле ряд своих учреждений – военную комендатуру, сельскохозяйственную комендатуру, райуправу, жандармерию, полицию – немцы, наверное, уже имели списки всех проживающих в селе людей; которые не успели уехать в эвакуацию. Вскоре их начали по ночам арестовывать и содержать в корпусах больницы. Эти аресты велись тихо и продолжались всю весну 1942 года. Помимо значительного

количества мужчин, под арест попало много женщин с детьми, молодые девушки-комсомолки.

В Каспле до войны проживали две-три многодетные еврейские семьи. Они занимались, в основном, сбором утильсырья: старых тряпок, разного кухонного инвентаря – кастрюль, чайников. Я хорошо помню одну семью, где отца звали Берка. У него было пятеро детей – мал мала меньше. Со старшим его сыном, моим сверстником, я даже дружил. Его звали очень странно – Сролик. Из-за этого имени он даже не смог ходить в школу, говорил, что походил 2–3 недели, но его постоянно дразнили, и он вынужден был уйти из школы и просто помогал отцу.

Отец – Берка – брал двухколесную тележку, клал на нее разные игрушки, купленные в Смоленске, и ехал по улицам села, крича: «Налетай, детвора, на мое богатство!» Мы, детвора, хватали что попадется под руку из старья и опрометью неслись к его тележке. Он тщательно осматривал наши подношения, брал их и выдавал взамен игрушки.

Еврейские семьи жили бедно, тихо, ни с кем из селян особо не дружили и, конечно, ничего плохого не делали. Поэтому нам, касплянам, было непонятно, почему эти еврейские семьи были арестованы. В то время мы еще не знали идеологию фашизма относительно евреев.

Всех арестованных мужчин, женщин и детей немцы стали содержать в большом (бывшем ранее хирургическом) корпусе касплянской больницы. Она находилась на улице Кирова, занимая большую территорию, и состояла из 3 больших корпусов, ряда хозяйственных построек и служб. Хирургический корпус шел вдоль улицы и был обнесен деревянным штакетником, вдоль окон корпуса постоянно ходил немецкий патруль.

Немцы пустили слух, что все задержанные будут отправлены в Смоленск, а оттуда в Германию на разные работы. Поэтому родственники несли им передачи: продукты, теплую одежду, обувь, белье. Каспляне верили в этот слух и не особо беспокоились за их жизни; все как бы с этим смирились. В корпусе задержанные жили уже месяца 2–3. Однако слух, пущенный немцами, об отправке людей в Германию не оправдался – дальнейшая жизнь их оказалась страшной, и вот почему.

Как-то летом, в конце июня, из Смоленска на двух легковых автомашинах ехали в Касплю высокие немецкие офицеры в ранге полковников и подполковников. В небольшом лесочке между Смоленском и Касплей, называемом Пущей, партизаны сделали засаду и всех этих офицеров расстреляли, а автомашины

подожгли. Каспляне замерли. Все знали девиз немцев: «За каждого убитого немца расстреливается 10 граждан мирного населения». Да, говорили сельчане, добром это для нас, касплян, не кончится. И опасения эти оправдались.

В последних числах июня 1942 года в Касплю из Смоленска на 10–12 больших крытых брезентом грузовиках прибыл карательный отряд. Он разместился в пустых зданиях школы. Каратели всегда были одеты в белые мундиры с закатанными по локоть рукавами, серые брюки и ботинки, на голове были пилотки странного цвета. Вели каратели себя очень нагло. Складывалось впечатление, что их боялись даже немцы, состоявшие в касплянском гарнизоне.

Немцы и полиция все время пополняли барак новыми задержанными. Последними стали ребята-подростки, арестованные за то, что где-то снимали со столбов провода. Зачем они им нужны, нам было непонятно, так как ни электричества, ни телефона в то время в селе не было.

Лето 1942 года стояло ясное, жаркое. Огородные посадки все поспевали. Мать, зная голодные зимы, как-то умудрилась засадить два лапика огорода около хаты картошкой. Потом упросила соседа деда Сеньку разъехать лапики. И теперь нам с ней предстояло пройти борозды, окучить картошку и поднять ботву уже вручную. Борозды одного лапика шли от крыльца хаты до самой дороги по улице Кирова, вдоль кладбища.

Мы с матерью начали проходить борозды, в день всего по две-три, так как они были длинные, а ботва густая. Однажды утром, когда мы собирались работать, к нашей хате подошли два немца-автоматчика и коверкая русские и немецкие слова, объяснили, постучав по своим часам, чтобы мы не работали и не выходили на улицу после 12 часов. «Если выйдете, будет пук-пук», – показали на автоматы немцы.

Мать вошла в хату и сказала: «Дети, сегодня немцы что-то затевают. Не выходите на улицу после 12 часов, сидите дома, еще, не дай бог, пристрелят». Она постелила нам на пол дерюги и одеяла, бросила несколько наших игрушек – и мы засели дома. Прошло уже часа три-четыре. Но вдруг – то ли мать забыла о строгом наказе немцев, то ли в ней взыграла трудовая крестьянская жилка, – сказала:

– Костик, что-то все тихо на улице. Пойдем-ка мы с тобой и хотя бы по одной борозде картошки пройдем. Если что – юркнем в хату. Тем более что борозды идут прямо до крыльца.

Мы вышли на огород и стали окучивать картошку. Да так увлеклись работой, что не сразу заметили оживленное движение карателей около корпусов больницы. Потом стали наблюдать и

увидели, как из ворот больницы беломундирники выводили мужчин и строили их в колонну по четыре человека в ряд. Причем, я заметил, что вдоль колонны ходил офицер (он был в фуражке) и хлыстом тыкал в строящихся людей, перемещая их по росту с одного места на другое. Получилась большая колонна: впереди стояли высокие, рослые мужчины, потом среднего роста, а к концу – низкорослые черные евреи и задержанные за кражу электрических проводов подростки.

Я был невысокий худенький подросток, мама – маленькая худая женщина, поэтому не очень заметны в ботве картофельных борозд. Мы с мамой стояли в бороздах на коленях и, перестав работать и разинув рты, наблюдали за тем, что будет дальше. Когда колонна мужчин была полностью построена как надо, ее быстро окружили конвоиры-автоматчики в белых мундирах с закатанными по локоть рукавами. Их командир, встав впереди колонны, махнул рукой, что-то громко крикнул, и колонна тронулась по улице, приближаясь к нашим бороздам.

Вдруг, когда колонна подходила уже к началу огорода, раздалась широкая автоматная очередь, и над нашими головами просвистели пули, веером срезав картофельную ботву. Мы поняли, что над нами пронеслась смерть. В нас стрелял автоматчик, шедший впереди колонны. Мы упали вниз, лицом в борозды, лежали там плашмя, закрытые картофельной ботвой, и нас больше не было видно со стороны дороги.

Колонна медленно, я бы даже сказал торжественно, шла по дороге. Я удивился, что она шла, как ходят на параде, – четко печатая шаг. Не слышно ни одного слова. Передние ряды колонны – рослые мужчины – смотрели не под ноги, а куда-то вдаль. Со стороны казалось, что люди шли не к смертельному месту, а куда-то в торжественную известность. У меня, ребенка, создалось впечатление, что они шли к своей вечности, бессмертию.

Стояла прекрасная погода, было очень тихо. Тишина нарушалась только разъяренным визгом и хрипом громадных собак-овчарок. Впереди колонны шли человек 10–12 фашистов из охраны, по бокам – по 5–7 человек, сзади – опять группа из 10–15 конвоиров. Все они были вооружены автоматами, которые несли низко на животах. Всего в колонне было около 70–80 мужчин и подростков.

Колонна медленно прошла мимо наших борозд, где мы лежали, мимо кладбища и скрылась из нашего поля зрения на несколько минут за домом и медицинской амбулаторией. Опять мы с мамой увидели ее, когда она уже шла по дороге вдоль малой Кукиной горы.

Дело в том, что одна большая гряда – Кукина гора – протянулась с востока на запад на значительное расстояние. Чтобы рассечь гряду, люди прорыли в песке проезд, разделив, таким образом, горы на две части: Большая Кукина и Малая Кукина горы. Впоследствии немцы выбрали это место за Кукинои горой для расстрела партизан, военнопленных, гражданских лиц. Поэтому все каспляне знали: если немцы повели людей за Кукину гору – это смерть! Вот мы с матерью и поняли, что всю большую группу мужчин немцы повели на смерть.

…Мы снова увидели колонну, когда она пошла вдоль Малой Кукиной горы, приближаясь к песчаному проезду между гор. По-прежнему колонна шла тихо, медленно и как-то торжественно. Головная ее часть стала входить в проезд и через минуту скрылась за горой. Мы замерли ни живы ни мертвы. За горой некоторое время стояла полная тишина.

И вдруг там началась стрельба. Раздавались звонкие широкие автоматные очереди, тяжело бухали очереди крупнокалиберных пулеметов, расставленных на пригорках, и одиночные винтовочные выстрелы. Стрельба продолжалась около часа, потом все затихло.

– Сынок, поползем в хату! Сейчас каратели будут возвращаться и могут нас пристрелить.

– Нет уж, мама! Если мы спрятались, так давай не высовываться, пока это страшное побоище не кончится.

Мы по-прежнему лежали в бороздах, боясь ползти в хату, хотя оттуда и доносился плач оставленных одних детей.

…И точно, в песчаном проезде между горами показались возвращающиеся каратели. Когда поравнялись с нами, я заметил, что все они размахивали руками, громко смеялись и гоготали, как это умеют делать только немцы. Нам показалось, что каратели были просто пьяны.

Какое-то время во дворе больницы была тишина. Но вдруг эту временную тишину нарушил сплошной крик и плач женщин и детей. Мы приподнялись в своих бороздах и увидели, что каратели буквально облепили женскую половину барака. Из него за руки стали выволакивать на улицу упирающихся женщин, которые дрались, плакали, громко кричали. Каратели били их прикладами и стреляли вверх. Наконец, немцам удалось выгнать из барака на улицу большую часть арестанток. Они сбились на площадке, у выхода из ворот больницы на улицу. Образовалась бьющаяся, кричащая, голосящая толпа. Каратели пытались вырвать из этой толпы женщин, выводить на дорогу и строить в колонну. Они, как могли, сопротивлялись. Над Касплей стоял сплошной душераздирающий крик и стон.

К больнице прибыло еще четыре большие автомашины, крытые брезентом. Из них стали выскакивать каратели, окружившие толпу женщин, детей. Они погнали их прикладами от ворот на середину улицы, пытаясь построить в колонну по четыре человека.

Мы с матерью наблюдали эту ужасающую, леденящую сердце картину и обливались слезами. Так продолжалось довольно долго. Немцам никак не удавалось построить колонну. Видимо, карателям это надоело, и они натравили на неповинующихся женщин громадных собак-овчарок. Мы видели, как собаки набрасывались на беззащитных, хватали их за ноги и тащили. Особенно тяжело приходилось женщинам, у которых были дети. Малышей они несли на руках, а тех, кто постарше, буквально тащили волоком по земле, подгоняемые прикладами карателей и собаками.

Над Касплей стоял сплошной человеческий стон. Наконец, немцам удалось вытащить всех несчастных из барака и с большим трудом построить в нестройную колонну. Опять раздались выстрелы из автоматов в воздух, опять послышались громкие крики конвоя, и колонна медленно тронулась от больницы по улице. Сказать, что колонна шла, будет неверно. Фактически женщины медленно тащились по дороге, волоча за руки детей. По бокам этой колонны было значительно больше конвоя, чем рядом с мужской.

Колонна проходила торцы наших картофельных борозд, как вдруг мы увидели, что из нее в картошку бросили небольшой белый сверток. Боковой конвоир в этот момент немного замешкался, а потом, развернувшись, с живота дал наугад по бороздам длинную автоматную очередь. Он даже остановился и хотел шагнуть в борозды, но они были только что распаханы, еще не осыпались, глубокие – и немец понял, что наберет целые ботинки сырой земли. Он тряхнул ногой, махнул рукой непонятно на кого и круто повернувшись, стал догонять проходящую колонну. Шедшие за ним каратели, хотя и были с собаками, как-то не обратили особого внимания на брошенный кулек, прошли мимо.

Колонна, как я уже говорил, шла медленно. Впереди шли высокие, стройные и красивые девушки-комсомолки. И хотя шли гордо, как бы независимо, по их широко раскрытым ртам было видно, что они тоже кричали, время от времени подносив концы своих платков к глазам и вытирая на них слезы.

Общие крики, плач, стенания женщин постепенно удалялись от нас. Потом мы увидели женскую колонну медленно движущейся по дороге вдоль Малой Кукиной горы. Вскоре она

стала вползать в песчаный проезд между горами, и крики и стоны стали еще громче. Позже люди говорили, что их было слышно по озеру в деревнях до трех километров.

Через некоторое время опять за горой началась стрельба. Она была очень яростной и беспорядочной. Затем все стихло.

Опять каратели возвращались из-за Кукиной горы бесформенной толпой. Но на этот раз они шли какие-то пришибленные: не смеялись, ни гоготали. Больше помалкивали.

Вскоре у больницы послышался шум заводимых моторов, и грузовики покинули территорию больницы. Каратели уехали. Мы поняли, что все кончено. За какие-то 4–5 часов было расстреляно 157 граждан села Каспля. Было это 1 июля 1942 года.

…Мы с мамой вернулись в хату с опухшими, заплаканными глазами. Помылись, убрали и успокоили трех зареванных и голодных детей. Вдруг мать остановилась, ахнула и крикнула мне: «Костик, быстро сбегай в картошку и принеси тот кулек, который выкинули женщины из колонны». Я сходил, нашел белый, грязный небольшой кулек и поднял его. Из кулька доносился слабый писк. Я побежал домой. Мы с мамой развернули пакет и обнаружили в нем очень маленького чернявого ребенка – мальчика. Мать собрала все его пеленки и бросила в печку (печка у нас топилась торфом, и там каждый день тлела торфяная зола), обмыла мальчика, закрутила в чистые тряпки, дала соску с молоком – он успокоился. «Бедное дитя! – приговаривала мама, горько плача. – И что же нам теперь с ним делать? Ведь если немцы прочуют и найдут его, нас всех расстреляют!»

Делать было нечего. Время шло к ночи. Мать положила ребенка среди постелей наших детей, и он скоро уснул. «Смотрите, дети, чтобы вы нигде ни словом не обмолвились, что у нас появился ребенок, – иначе всем нам грозит смерть». Ночью ребенок спал среди нас, детей, а на день мать заставляла меня поднимать его на чердак. Ребенок, к счастью, оказался очень тихий и спокойный.

…Однако вернемся ко дню расстрела. На этом в тот день наша беда не закончилась. В окно грубо постучали и крикнули: «Тетка Фрузка, выходи да бери с собой лопату! Пойдем за Кукину гору, приведем там все в порядок. Немцы приказали». «Володька, зайди и погляди! Как я брошу эту малышню?» Полицай Володька, которого мать хорошо знала (он был из Полозов – деревни недалеко от Белодедова, где жила когда-то мать), заглянул хату, увидел нас, ребят, и сказал: «Ладно, можешь не ходить! Но тогда пусть за тебя пойдет старший пацан».

– Ну что поделать, Костик?! Возьми лопату и сходи. Хотя у

нее черенок сломался, когда окоп копали. Иди так.

Полицаи, пройдя по домам, набрали толпу – человек 20 касплянских мужиков, подростков – и повели всех за Кукину гору. С содроганием и страхом мы шли дорогой, по которой несколько часов назад ушли на смерть полторы сотни человек. Пока мы шли, я подумал, что, если бы эта дорога от больницы до Кукиной горы была не песчаной, а из асфальта, мы сейчас шли бы по лужам человеческих слез и крови.

Когда пришли на Кукину гору, перед нами предстала ужасная, не поддающаяся нормальному человеческому представлению картина. На всем южном пригорке валялись горы пустых маленьких гильз от автоматов и больших – от винтовок и станковых пулеметов. Общая братская могила – яма – была заполнена голыми человеческими телами. Сверху немцы засыпали котлован каким-то белым порошком, видимо известью. На это было жутко смотреть. Мы смотрели и не верили глазам. Страшной была эта могила. Казалось, тела, заполнившие яму, шевелились и дышали. Некоторых из нас от этой жути и животного страха стало тошнить и вырвало.

Послышался шум въезжающих в земляной проезд двух грузовых автомашин. Выше, на склоне горы, лежали груды одежды расстрелянных (значит, людей перед смертью заставили раздеться). Грузовики подъехали к одежде и остановились. Из кабин выскочили два немца-шофера, закричали на полицейских «шнель!» и вернулись в кабинки – они боялись нас, русских.

Полицейские разделили всех нас на две группы. Кто был с лопатами – тех поставили по краю громадного котлована и приказали забрасывать эту яму с телами землей. Кто был без лопат, как я, – заставили носить одежду расстрелянных и грузить в машины. Мы брали охапками груду разного белья, одежды, обуви и подносили к заднему борту машин. Сначала нас заставили погрузить в первую машину мужскую одежду, потом – во вторую – одежду женщин и детей.

Проснувшись назавтра, я чувствовал себя так плохо, что мать стала меня лечить, приговаривая, что я заболел от всего пережитого вчера, что эти переживания не для моего возраста. Так прошло с неделю. Мы боялись всех, кто шел по тропинке от улицы к нашей хате.

Вскоре мать приняла решение отнести найденного ребенка в деревню Горбуны, в пяти км от Каспли. Там у нее жила старая добрая тетка – родня нашего отца. Мы, дети, всегда были рады ее приходу, немудреным гостинцам и звали бабой Марьей. Вдруг эта старушка сама, по каким-то своим делам, оказалась в Каспле и конечно, зашла к нам. Они долго совещались с матерью, потом

баба Марья решила, что возьмет мальчика, спрячет под широкой кофтой и унесет от нас: «А то ты, Фруза, и сама погибнешь, и всех детей твоих немцы перестреляют, если какой-нибудь мерзавец донесет им!»

Мать накормила ребенка, дала с собой бутылочку с соской, долго привязывала мальчика к кофте, и бабушка Марья ушла. Позже мы узнали, что она успешно дошла до своего дома и ребенок жил у нее около месяца. Затем она переправила его своей родне в деревню Ходыки Касплянского района (это в самой глуши), где никогда не были немцы. О дальнейшей судьбе мальчика ничего не было известно. И лишь после войны мать прослышала, что он был передан еврейским семьям, проживающим в районе станции Рудня. Там до войны обитала большая колония, если так ее можно назвать, евреев, и после войны она восстановилась. Кстати, в районе Рудни проживал и Герой Советского Союза Егоров, водрузивший вместе с Кантария знамя Победы над Рейхстагом.

…Я сел и стал смотреть за реку на центр Каспли. Вдруг увидел, как от военной комендатуры отъехала автоколонна больших грузовых машин с брезентовым верхом. Вспомнив вчерашнее, я понял, что это отбывал из Каспли в Смоленск карательный отряд, расстрелявший на нашей Кукиной горе 157 касплян. Даже посчитал машины: их прошло 12 больших, а между ними – 2 большие легковые, видимо с офицерами карательного отряда. «Вот когда бы нашим партизанам устроить засаду на Пуще да уничтожить всех этих зверей-карателей в белых мундирах!» – подумал я.

Мать мне за обедом сказала: «Костя, ведь прямыми очевидцами этой небывалой трагедии – гибели стольких людей – волей случая оказались только мы с тобой. Только мы смогли увидеть весь путь несчастных от бараков больницы до Кукиной горы, а ты даже побывал на месте их смерти. Помни это и при случае поведай людям».

Мать моя умерла 48 лет тому назад и покоится на лесном кладбище в поселке Колодня под Смоленском. Значит, из двух свидетелей описанной здесь трагедии остался в живых один я. Мне тогда было 12 лет. Все, что произошло на Кукиной горе, мой ум, мои глаза запомнили и зафиксировали, как лента документального кино. Я полагаю, об этом расстреле должна знать вся современная Россия, весь наш народ.

Освобождение

Как на крыльях летел я босиком домой. Первыми, кого я

встретил, был взвод наших солдат, они шли пешком. Командир остановил меня, расспросил, где немцы, как пройти на Жарь (деревня у нас была такая, вся в торфяниках). Я показал, поговорили, и они пошли. Потом наши войска пошли гуще, но все больше пехота да обозы на уставших лошадях. Прибежав на Касплю, я был несказанно рад, что наша хата осталась цела, не сожгли огнеметами отступающие фашисты.

В тот же день побежал обратно. Все были очень рады, что цела хата, и даже стали в ночь собираться домой. Ехали, радовались освобождению – свои пришли, война гремела где-то под Витебском, от нас в 120 км.

Скоро обросли своими начальниками районные учреждения – и где только они раньше были?! Сразу начали организовывать колхоз, скот забирали из семей касплян. У нас сразу же взяли бычка, лошадь, несколько овец. Оставили, как многодетной семье, только кур да корову. И, что самое странное, – сразу же стал ощущаться голод. Зерно, какое было, быстро таяло под жерновами; картофель в жаркое лето особо не уродился; а мы, дети, вечерами сидели, чистили его и плакали, так как все руки были в кровавых цыпках.

Пришедшие власти как-то негласно разделили население – был в оккупации или не был. Кто был – вдруг стал считаться второсортным. Позже появились анкеты с графой, был ли в оккупации.

Сразу же организовали вербовочные пункты, и мужчин, всех подчистую, забрали в армию. Коснулось это и отчима, больного заболеванием сосудов. Военные пришли за ним и сказали: «Хватит, Тарас, спать с бабой в то время, как мы кормим вшей в окопах!» Ничего не подействовало – ни предъявленные документы, ни доводы матери. Она собрала ему сумку, и отчима увели.

Всех касплян бросили на фронт под Витебском, где фашисты сильно укрепились. Там громыхало днем и ночью месяца два-три. С уходом отчима дела у нас пошли еще хуже. Жрать было нечего, все запасы как-то быстро подъели.

В осень 1943 года я во второй раз пошел в школу, но учиться долго не пришлось – надо было работать: дров на зиму не заготовили, сена – тоже. Каспля всегда, во все времена, «славилась» дефицитом сена и дров. Мы ходили по Каспле с мешком и собирали конский навоз. Мать делала из крапивы и лопуха кое-какое пойло корове. С топором за поясом я ходил в ближайшее болото и корчевал (рубил) кустарник. Работа эта была каторжная. Мать нигде не работала, мне было 13 лет.

Костя Исаченков, 1943 г.

Мы слышали, что в Ленинграде был страшный голод, что люди там ели собак, кошек, крыс и даже были случаи людоедства. У нас-то была еще разная трава и мелкая семенная картошка, из которой получался не хлеб, а грязно-черный комок, пересыпанный песком или землей, так как хоть сто раз мой эту мелкоту в воде – все равно она будет в песке.

Потихоньку жизнь налаживалась. На кладбище какой-то высокий начальник похоронил то ли любовницу, то ли жену. Поставил двухметровый памятник из полированного черного

гранита, с длинной надписью. Он и сейчас удивляет касплян. В клубе – бывшей амбулатории больницы – стали показывать кино.

Директором клуба была маленькая и злющая-презлющая женщина, которая страшно боролась с нами, пацанами-безбилетниками. Обычно граждане покупали билеты, рассаживались по рядам и смотрели кино. У нас не было ни гроша, и мы, пацаны, набивались в клуб или через окна, или через крыльцо, когда контролеры уже уставали. Обычно мы садились перед самим экраном на грязный пол и во все глаза смотрели фильм.

Директору это было как ножом по горлу. Она смело вызывала касплянскую милицию и показав на сидящую перед экраном шантрапу, приказывала очистить зал. Милиционеры – здоровенные ребята – брали нас, пацанов, за что попало и выбрасывали вон через крыльцо, высота которого была метра полтора. Но самое страшное, что начало крыльца на земле обрамляла бетонная плита размером метр на метр да толщиной не менее 20 см. Мы летели с крыльца как попало и куда попало. Только гибкий детский скелет мог выдерживать эти «полеты». Я часто попадал под эти «полеты», но однажды досталось так, что я запомнил на всю жизнь.

Как-то озверевший директор вызвала навести порядок в клубе офицера. Фамилия его у меня осталась в памяти навсегда – это был лейтенант милиции Чернышев. Придя в клуб, он изобрел более простой способ удаления из зала пацанов, чем предыдущие его коллеги. Он брал пацана за ногу и за руку и кованым сапогом бил в бок, а потом выбрасывал вон. Я ему тоже попался. Он взял меня за правую руку и левую ногу и изо всех сил (мужчины в 45 лет) ударил сапогом в правый бок.

Когда я скатился с камня, сам встать не смог. Ребятишки побежали к маме, крича: «Тетя Фруза, твоего Костика убил в кино милиционер!» Мать, в чем была, прибежала к крыльцу клуба и ужаснулась: изо рта у меня шла кровь, я не мог ни встать, ни идти. Она завыла во весь голос, стала звать на помощь. Двое парней подхватили меня под мышки и благо дом был близко, принесли домой. Утром мать побежала в больницу, привела доктора Зуева Федора Тимофеевича, который осмотрел меня и предположил, что отбита правая почка: «В больницу, Фруза, в Смоленск его надо свезти! А на этого держиморду Чернышева пиши бумагу в милицию – может, чем помогут».

Мать погоревала, поплакала, поругала меня, но ни на второй, ни на третий день в больницу не повезла – не на чем и не на что. Так в 13 лет я оказался с отбитой почкой. Два месяца лежал в постели, харкал и мочился кровью да проклинал своего врага

лейтенанта советской милиции Чернышева. Это было в 1943 году, в год освобождения Смоленщины от немецко-фашистского ига.

В полях остались сотни тысяч снарядов и мин. На них взрывались десятки пацанов. По Каспле прокатились эти взрывы как какое-то поветрие. Буквально каждые две-три недели по два-три пацана взрывались, разряжая эти смертоносные штучки.

Брат К. П. Исаченкова, Виктор Павлович Исаченков, бывший механик-водитель танка Т-34

Старший брат Виктор, 1926 г. р., служил в армии танкистом и проезжал на фронт через Смоленск. Мы не виделись лет 10. Он прислал письмо и позвал в город, чтобы встретиться. Мы втроем – я, мама и сестра Тоня – пошли в Смоленск пешком. Пришли и увидели весь город в руинах. С трудом нашли около вокзала место и улеглись отдохнуть после 45-километрового пути. И вдруг мать чисто случайно говорит: «Дети, смотрите-ка, вон идут солдатики точно в таких шапках, как сын на фото». Солдаты услышали и подошли к нам. Мы узнали друг друга – радости не было предела. Потом на попутной машине поехали в Касплю. Дома – встречи, бесконечные разговоры. Двое суток, на которые брат с товарищем был отпущен в увольнение из части, пролетели как один час.

С тоской мы пошли провожать брата и его товарища на станцию Лелеквинская. А часть их уже ушла в Витебск, и брат как бы оказался в просрочке. Отправив его, мы, понурые, вернулись в Касплю. Позже брат писал, что ему здорово влетело за просрочку двух дней (законы-то в армии были строгие). Его из механика-

водителя танка в Польше разжаловали в рядовые автоматчики, в пехоту. Вот как дорого обошлась эта встреча! Потом он отлично воевал и войну закончил в Берлине. Только обидно было, что под конец войны был тяжело ранен в ногу.

В войну связь Каспли со Смоленском была только по железной дороге, до которой надо было пройти 19 км по лугам, а главное – лесом, где пошаливали бандиты. И один солдат, шедший этим путем, был убит. Он был сыном женщины, жившей против милиции. Его тело случайно нашли в лесу, и вся Каспля похоронила героя, шедшего домой в увольнение за хорошую службу и погибшего уже дома от рук бандитов. Горе матери было безмерным! Ведь второй, младший ее сын, который сидел со мной на одной парте и которого за большую голову звали Вовка Кумпол, погиб, разряжая крупнокалиберный снаряд.

Хотелось бы вспомнить и самое позорное, что осталось от войны после освобождения, – это пахота земли женщинами. Лошадей в колхозе почти не было, а осенняя страда не ждет! Поэтому приходилось председателю колхоза снаряжать группы по 10–12 женщин для вспашки земли. Делалась специальная ременная или веревочная сбруя, в нее впрягались женщины, на плуг ставился очень высокого класса пахарь, так как чуть глубже плуг пустишь – пахота застревает, высоко поднимешь – что толку сорняки сшибать! Эта картина была ужаснее, чем репинская «Бурлаки на Волге». Крик, ругань, бесконечные остановки делали эту пахоту нечеловеческим трудом. Но это ведь было в годы войны, я сам это наблюдал с тоской.

Прилет дяди Гриши

Как только освободили Смоленщину от фашистов, нам пошли письма. Написал и брат моей матери – Григорий Трофимович Боровченков – военный летчик-истребитель, командир полка. Полк шел с Западным фронтом. Дядя часто летал над Смоленщиной, сопровождал наши бомбардировщики, летевшие на запад, да вел многочисленные бои с фашистскими «мессерами». Он часто сбивал фашистские самолеты, и фюзеляж «ястребка» и его грудь были украшены звездочками и орденами. Дядя Гриша был в своем деле асом. Был он очень энергичен, умен, небольшого роста, крепкого телосложения. В молодости он немного поработал шахтером-забойщиком, потом попал в армию, в летное училище и посвятил всю свою жизнь военной профессии.

Узнав из моего письма, что мы, его родня, пережили оккупацию и остались живы, он загорелся мечтой повидаться с нами. Полк его стоял под Смоленском – до Каспли рукой подать.

Я нарисовал ему несколько планов Каспли, и он обещал прилететь. Так и вышло. В один из дней в нашем небе стал кружить У-2 – «кукурузник». Кружил-кружил и сел буквально в 50 метрах от нашей хаты. Дядя Гриша пришел к нам в хату вдвоем с ординарцем. Тот подмигнул мне и посадил меня в кабину – дескать, смотри, как все мелькает, только посторонних к себе не пускай. Весь день я просидел в кабине, и только к ночи ординарец пришел и сам забрался туда спать.

Всю ночь родители проговорили с дядей Гришей про войну, про оккупацию, про жизнь – про все про все. Дядя рассказывал, как он сражался на Халхин-Голе, как воевал в Испании, как тяжело было воевать в первые месяцы Великой Отечественной войны. Нам с сестренкой он привез в подарок старый синий летный комбинезон и сказал: «Тебе, Костя, верх – синий брезент, ну а девочке Тоне – внутреннюю меховую подкладку». Мы долго ломали голову, как из такого подарка извлечь пользу.

Забыл сказать, что, когда дядя только приземлился у нашей хаты, к нему подошло много людей, проверили документы. Все удивлялись, как он мог посадить самолет на такой маленький лужок, с четырех сторон обкопанный канавами при довоенной мелиорации.

Утром, попив крепкого чая, дядя Гриша попрощался со всеми нами, сел в У-2, сделал над Касплей два круга и улетел. Впоследствии он воевал до конца войны, был тяжело ранен под Старой Руссой и, как Алексей Маресьев, раненный прополз несколько километров, пока его не подобрали колхозники. Дядя всегда руководил большими воинскими соединениями, работал на генеральских должностях, хотя имел звание полковника.

Его жена – Азалина Петровна – рассказала мне одну интересную историю, из-за которой вся жизнь Григория Трофимовича пошла кувырком. По характеру дядя был человек прямой, кристально честный, верный сын и слуга своей Родины. Его боевое мастерство поражало многих. Так, в одном воздушном бою под Рудней он вел бой с девятью фашистскими истребителями и даже сбил один из них. Дядю трижды представляли к высокому званию Героя Советского Союза, но всякий раз документы заворачивали.

А было это из-за его наивности. При поступлении в партию, когда он заполнял анкету, в графе «социальное положение» написал – «из кулаков». Хотя его отец – Боровченков Трофим Андреевич – был родовитый крестьянин. Эта непростительная оплошность не только не давала дяде возможности получить высокое звание Героя, но он не мог получить и чин генерала, а был этого достоин.

Храбро бил он американцев в Корее, во Вьетнаме. Последней его должностью перед уходом в отставку была должность коменданта Курильских островов. Когда теперь из уст наших чиновников, не нюхавших пороху, я слышу, что можно, дескать, передать Японии один, ну два или три Курильских острова, у меня перед глазами всегда встает гвардии полковник комендант Курильских островов. И с горечью думаю, что дядя, наверно, в гробу переворачивается от этих слов. По приказу самодура Хрущева дядя был демобилизован, поселился в Волгограде, где его святыней стал Мамаев курган. Дожив до 82 лет, он тихо скончался от сердечного приступа во время зимней рыбалки на Волге. В память об этом легендарном сыне России остался скромный памятник на городском волгоградском кладбище среди колышущегося на степном ветру ковыля.

Послесловие

Оккупацию немецко-фашистских захватчиков мои земляки-каспляне переживали очень тяжело, как и весь наш народ. Порядок, установленный оккупационными властями, ни во что не ставил жизнь гражданского населения, каждый селянин мог безо всякой вины подвергнуться наказаниям: пыткам в жандармерии, мог быть посажен в тюрьму, а мог быть просто расстрелян. Люди боялись своих и чужих, ибо не обходилось без предательства и доносов. Редко проходила неделя-другая, чтобы немцы не вели на смерть за Кукину гору безвинных людей. Сколько полегло их в период оккупации: гражданского населения, партизан, военнопленных, мужчин и женщин, не знает никто.

Дядя К. П. Исаченкова Григорий Трофимович Боровченко, летчик-истребитель, полковник

В настоящее время за Кукиной горой высится стела, на ней нанесены все фамилии лежащих здесь безвинно погибших мужчин, женщин, девчат, парней, детей.

Вечная память им от нас!

Исаченков Константин Павлович, 1930 г. р. инвалид 1-й группы, ветеран труда, участник войны – работник тыла в годы войны 1941–1945 гг., образование высшее, инженер-строитель

Я была партизанской связной

Я, Жукова Светлана Кузьминична, родилась за 4 года до начала Великой Отечественной войны в Брянской области, в небольшом городке, окруженном густыми лесами. Наш городок находится у самой западной границы России. Мой отец участвовал в войне с финнами, где был ранен, потерял правую руку, поэтому в 1941 году не был призван на фронт. Он работал директором нашей школы и хорошо владел немецким языком, поэтому в самом начале войны стал переводчиком в партизанском отряде. Моя тетя – учительница немецкого языка – по заданию партизан работала переводчицей в немецком штабе. Немцы устроили свой штаб в нашей школе, а начальник штаба занял наш дом, выгнав мою маму с нами – двумя маленькими детьми на улицу. Уже в начале июля 1941 года немцы ввели свой «новый порядок». С помощью полицаев они согнали все население на площадь, где стояли 5 виселиц, и, зачитав приказ о том, что так будет с каждым, кто не подчинится «новому порядку», повесили двух женщин и троих мужчин.

На следующей неделе немцы отправили в Германию наших девушек и парней от 14 лет и выше. А еще через неделю из всех ближайших деревень и из нашего городка они согнали коров и отправили в товарных вагонах в Германию. Затем начался настоящий грабеж населения: полицаи под началом немецкого солдата заходили в каждый двор и забирали оставшуюся живность: птицу и т. д. Если кто-то не отдавал – пристреливали на месте. Одна женщина протянула к немцу своего сына, маленького мальчика, прося оставить кого-то на пропитание. Фашист выхватил ребенка и ударил его головой о стену…

Дальше немцы обходили дома и выгребали все запасы продуктов. Наступил голод. В первое время фашисты еще кормили нас баландой из шпината, которую привозили раз в сутки на городскую площадь. А потом и этого не стало. Когда партизаны начали активную деятельность, немцы стали проводить карательные операции. Они выгоняли на улицу всех жителей, и из каждого пятого дома их расстреливали.

У нас с немцами воевали все – от четырехлетних детей до восьмидесятилетних стариков. Мы, дети, воевали как могли: сливали бензин из бензобаков, прокалывали шины машин, мотоциклов, натягивали через дорогу колючую проволоку. Мальчишки постарше находили неразорвавшиеся снаряды и взрывали их у складов, гаражей, на железной дороге. А я была маленькой партизанской связной. *В самом начале* оккупации,

когда немцы еще не охраняли подступы к лесу, мама показала мне в лесу большую яму, оставшуюся после бомбардировки, и возле нее сосну с вывороченными корнями.

Мы жили в оккупации до 19 сентября 1943 года.

Жукова Светлана Кузьминична

Сестра вернулась с иконой Николая Угодника

Меня зовут Михеенко Валентина Семеновна, девичья фамилия Соловьева, 85 лет. Родилась я в Калининской обл., Ленинском районе, д. Московка в 1929 году Война началась в июне, а немцы пришли к нам в октябре, это были разведчики. Проехали по деревне на мотоциклах, уехали дальше. А за ними идут танки, пушки, полная деревня понаехали. Нас всех выгнали вон. За деревней было три дома, мы ушли туда всей деревней, нары настроили и жили. И каждую ночь нас бомбили. Ночью мы сидели в окопах. Наши бомбили немцев, немцы – наших, а мы посередине оказались. И такая перестрелка длилась долго.

У каждого немца была припасена в кармане веревочка. «Завтра в Москве будем кофе пить, а Сталина повесим», – говорили они. Коров зарезали, сады вырубили, насажали вместо яблонь елки. Неподалеку была деревня Никитино, там располагались наши партизаны. Дети бегали к ним, носили им хлеб. Один партизан пришел в нашу деревню, залез на чердак и застрелил немецкого генерала. За это немцы приказали весь мужской пол истребить, стариков расстрелять, а детей положить на снег и заколоть. Так и сделали. И деревню подожгли. Женщины, кто успели, убежали в лес. Недалеко от нас, в 70 км, город-герой Ржев. Туда согнали на работу молодых, они строили дорогу. Немецкая дорога была уже, чем наша. А тех, кому 40–50 лет, их на работу не гоняли, держали за железной проволокой. Есть им не давали, только по поллитра воды в день. Заболевших или обессилевших закапывали в землю заживо. Прямо в яму, аж земля поднималась потом.

Отца нашего тоже забрали в плен. Один парень смог убежать из плена, пришел к нам и сказал: «Если застанете живым своего отца, то немцы его отдадут. А то его завтра закопают». Мама пошла, трое суток шла пешком до Ржева. Немцы составляли список. Читаешь – есть такой или нет. Такой есть. Забирайте. Отца отдали маме. Отец молился день и ночь Богу, чтобы его так в яме не закопали. Вшей на нем было – как труха с сена сыпались. Мать везла отца на санках обратно четверо суток. Стояла зима. Привезла домой, он через день умер. Он говорил, если выживет, то многое расскажет, что они даже человеческое мясо ели. Отец был худым – кожа да кости.

Нас, тех, кто прятался в этих трех домах, староста сгонял утром и вечером на линейку, у каждого на одежде был нашит

номер. И с собаками и с пулеметами нас сверяли. При немцах был переводчик. Он сказал, если кто задержится хоть на полчаса, то вас всех расстреляют. Нас было около 50 человек. Считали всех, кто старше 15 лет, детей не учитывали. Один мальчик убежал. Мы стоим все на линейке, ждем, если не вернется – нас расстреляют. Он вернулся, бежит, запыхался, немцы кинули его на забор и стегали плетьми. Потом бросили в подвал и закрыли замок.

Когда немцев погнали, и они стали отступать, они в домах печи взрывали, окна повыбили. Своих раненых и мертвых немцы уносили с собой. В машины клали. Уходя, они говорили: «Матка, Гитлер капут, а Сталин не капут».

Мой старший брат скрывался у партизан, потом ушел на фронт. Среднего брата заставили ухаживать за лошадьми немцы. Разрешили приходить вечером домой. Он говорил маме: «Не могу работать на немцев». Два раза он сбегал от них. На 3-й раз его поймали, заставили выкопать себе могилу и расстреляли.

Одну сестру угнали в Германию. Целый обоз до железнодорожной станции им. Ленина догнали. Закрыли вагоны. А тут наши самолеты подлетели. Немцы отошли. Замки на обозе выломали. Сестра вернулась к нам. Младшему братику было 2 года, он по-немецки даже выучился говорить, он заболел. Мама понесла его к немецкому доктору, грудь у него болела, кашлял очень. Прямо у доктора он закашлялся на руках матери и умер.

А старшая сестра Анастасия еще в 1935-м уехала в Дмитров жить. А как война началась, она ушла на фронт, стала летчицей. Ей говорят, лети Калинин бомби. Как же! Там же мои родные. Никаких родных, немцев надо бить. Аэропорт был от нас в 5 км.

Как немцев отогнали, мама пошла организовывать колхоз, работать надо. Я сидела на печке. Дома никого. Мама на собрании. Леньку убили. Ленка завербовалась. Гриша на фронте. Отца нет. Вошла в дом женщина в военной форме. Спросила: «Кто дома?» Я свою старшую сестру по голосу узнала, с печки спрыгнула, стала плакать. Вернулась мама, спрашивает, а что у нас военный так поздно задержался, ночевать будет? А в доме темно. Сестра и говорит: «Мам, неужели ты меня не узнала?» Утром Насте на фронт идти. А немцы все дороги заминировали. Шла она, а кругом тарелки лежат – все мины. Из дома страшно выйти было. Дали мы ей икону Николая Угодника. В 1945 году с этой иконой она и вернулась. Меня забрала к себе в Дмитров.

Голодно было, я ездила на крыше товарняка с военными. Ездила в Ригу, Западную Двину, побиралась. Мне 13 лет было. Маме привезу хлебушка и Мише, братику. Меня оставляла одна женщина у себя, живи, говорит, дочкой будешь. Как же я своих

брошу!

Я когда в Дмитров приехала, моя сестра с мужем уехали в Ташкент, мне оставили комнату где жить. В 49 году я уже работала. Мой будущий муж родом из Белоруссии, добровольно ушел на фронт в 17 лет, 5 лет воевал, дошел до Берлина и 5 лет после войны служил. Приехал в Дмитров, увидел меня, мне всего 19 лет было, и мы поженились. Он сказал: «Я проехал весь мир, знаю, какая должна быть у меня жена и хозяйка, только ты должна быть моей женой». Прожили мы с ним 26 лет, мне 44 года было, когда он умер. Мы жили на Комсомольской улице. Кур, козу держали, картошку сажали. Больше замуж я не вышла. Двое детей у меня, сын и дочь. Работала до 75 лет. Раньше думала, зачем это все записывать, а теперь вот что на Украине происходит, решила записать, чтобы наши потомки правду о нас знали.

Михеенко Валентина Семеновна

Маму расстреляли по оговору

Из воспоминаний А. П. Зуйковой (Черкасовой 1924 г. р.)

Я помню детство со времени смерти отца в 1932 году. Мы, трое детей, остались с мамой. Старшему брату Анатолию было 10 лет, мне 8, младшей сестренке Вере 3 года 9 месяцев. У нас была дружная родня, и маме помогали нас растить. Я перед войной оканчивала звенигородское ПТУ, училась делать музыкальные инструменты. Брат весной 1941 года окончил железнодорожный техникум и был распределен в Тернопольскую область. Война застала его там. Анатолий вместе с беженцами пробирался в Москву. Поскольку он был еще прописан в общежитии в Москве, то оттуда и пошел добровольцем на фронт. Его отправили в Марийскую ССР учиться на радиста. Учился Анатолий год, но сильно заболел и был комиссован. Он возвращался домой через Москву, и там тетка ему сказала, что маму арестовали по ложному доносу, якобы она жаловалась немцам на плохую жизнь при коммунистах. Ведь все это время я не писала брату о страшной трагедии нашей семьи.

Когда немцы ушли, пришли «особисты», которым надо было отчитаться о выявленных «предателях». Что плохого сделала наша мать тем, кто ее оговаривал? Ведь у этих женщин тоже были дети. Я в день ареста мамы расчищала снег на дороге до Кончинино, нас заставляли тогда. Когда вернулась, то мне сказали, что маму увели два солдата, а Вера убежала за ней. Из города Вера приплелась одна, ей было 8 лет.

Год Анатолий жил дома. Заботы о больном брате и младшей сестре были на мне. Обижали все кому не лень. Нашу телку отобрал И. С. Егоров и отдал Авдотье Макеевой, потому что немцы его корову съели, а ей дали его телку (пока он скрывался под «Буденновцем»). За нас заступиться было некому. Как тяжело знать, кто оговорил твою мать, которую расстреляли ни за что в 46 лет, и жить рядом с этими «людьми».

В 17 лет делала все, что приказывали: пилила дрова в лесу, копала оборонительные траншеи от кладбища на Красной горке к Волдынскому (было, что нас обстреливали с самолетов), выполняла разные работы в колхозе. Потом Веру отправили учиться в медицинское училище в Москву, Анатолий в 1943 году ушел на фронт и дошел до Берлина. Был радистом в артиллерии. После войны его направили в Ярославль в управление железных дорог. Анатолий был очень начитанный, его ценили и фронтовые

друзья, и коллеги на работе. Однажды предложили поехать на работу в Китай. Но, после того как он заполнил анкету, ему отказали из-за матери. Он приехал в Дмитров, женился, родились трое детей. Потом Анатолия направили в Калининскую область на станцию Авинищи. Там он умер в 37 лет.

Несколько лет почтальоном работала Анна Николаевна Журина. Она рассказывала, что знала почерки многих земляков и могла сразу определить, если это была похоронка. Тогда старалась поскорее опустить ее в ящик и бежать или отдавала через день-два: «Пусть еще поспит спокойно лишнюю ночку».

8 декабря 1941 года немцы были выбиты из Яхромы и отступили к Рогачево. Настасьино было освобождено от оккупантов.

«Я бежала домой от подруги, а мне навстречу по всей улице шли немецкие солдаты, машины, повозки. Вся эта лавина двигалась очень быстро», – вспоминает А. П. Зуйкова.

А вот отрывок из воспоминаний шофера Яхромской фабрики А. Н. Фрыгина: «9 декабря (1941 года) мы… выехали на машине из Дмитрова по наплавному мосту через канал, на Рогачевскую дорогу, с заездом в ближайшую деревню, Настасьино… Когда мы въехали в деревню, на улице не было ни одного человека, в кюветах валялись малокалиберные снаряды, гильзы, много патронов. Окна домов были завешены… Мы вышли из машины, и к нам подошел из дома старик в рваной кацавейке. Он сказал, что жителям не верится, что немцы ушли и больше не вернутся».

Немцы ушли, но пришли те служаки, которым очень надо было найти «предателей». К сожалению, нашлись среди наших земляков люди, оболгавшие своих соседей. По их вине погибла Анисья Ивановна Черкасова (ей было 46 лет), трое ее детей остались сиротами. Провела долгие годы в сталинских лагерях Нина Григорьевна Макеева. Но земляки помнят их как добрых и порядочных женщин.

Всю войну настасьинцы трудились, восстанавливали стадо, растили зерно и овощи, заготавливали дрова и ждали, ждали мира и возвращения своих родных.

К 1942 году для семей, дома которых сожгли немцы, были построены новые. Уже в 1943 году в деревне было 25 лошадей, 59 голов крупного рогатого скота, 36 свиней. Жители д. Настасьино собрали на танковую колонну 134 000 рублей и получили персональную благодарность И. В. Сталина.

9 мая 1945 года настал великий праздник Победы. Но мир достался дорогой ценой – более 40 человек не вернулись с войны в родную деревню.

В 1948 г. председателю колхоза «Победа» И. С. Егорову

присвоено звание Героя Социалистического Труда, большая группа колхозников награждена орденами и медалями.

Зуйкова А. П.

Лагерь «Зондерхаузен»

Родилась Зоя Ивановна Ивчина 15 февраля 1925 года в Новгородской области, Новгородском районе, деревне Подберезье.

На начало Великой Отечественной войны ей исполнилось 14 лет. Помнит, как немцы 28 августа 1941 года подошли к родной деревне. В тот период времени фашисты рвались к Ленинграду, в том числе и со стороны Волхова, вблизи которого и располагалась деревня.

Ворвались в деревню на мотоциклах. Жители убегали в лес. Семья Саломатиной (девичья фамилия), взяв лошадь, также ушла в лес. Было очень голодно, и тетка ходила тайно в деревню за яйцами, так как куры оставались в деревне.

Однако немцы охотились за партизанами и нашли семью в лесу. Заставили идти назад в деревню, убирать хлеба.

Помнит, как отдыхали в доме и пришли жандармы с собакой. «Ты партизанка, давай документы». Пришлось идти за старостой, чтобы он подтвердил, что она дочка, и у маленьких детей нет паспортов. Все равно – немцы били по лицу и по голове.

В октябре 1942 года семью вывезли принудительно в Прибалтику. Работали на фабрике – сортировали зерно. Рядом с ними работали французы. Из Прибалтики отправили дальше всех в Германию, везли в теплушках.

Привезли в лагерь «Зондерхаузен», который находился возле города Бонн. Рядом с лагерем была деревня Геренген, здесь в тюрьме семью и разместили. Подъем был в 5 часов утра, а уже в 6.30 выводили во двор и вели на работу. Помнит, что выдавали вместо обуви – сабо на деревянной подошве. Работали до вечера в поле, в полдник отдыхали и дальше работали. Помнит, что работали мотыгами, руки в крови постоянно были. Рядом работали поляки. Командовала концлагерем женщина.

С 1943 года – находились в концлагере. Освобождали лагерь американцы. Немцы очень боялись, что освобождать будут русские и поэтому заранее вывесили белые флаги. Из лагеря ехали вместе с военнопленными. Определили всех в другой лагерь, в который перевозили через понтонные мосты. Там находились больше месяца.

Домой отправляли по областям. Кормили хорошо. Приехали в новгородскую область на пепелище. Жили в землянках.

Постоянный голод. Забрали девчонок в минерную роту. Они ходили по минному полю и щупами тыкали в землю – искали мины. На месте обнаружения мин – ставили флажки.

Далее поехала в Латвию работать у хозяев.

После поехала в Апатиты с мостопоездом. Строила железную дорогу. В 1960 году вернулась на родину мужа Ивченко Ивана Ивановича – д. Копылово. Жили сначала в д. Трехденево, потом в д. Назарово. Муж работал трактористом. В деревне Гаврильцево, которая находится за Малым Рогачево, в 60-е годы были суточные ясли. В них 25 лет и отработала Зоя Ивановна.

Ивчина Зоя Ивановна

Немцы были мирные, нас не обижали

Детские воспоминания о ВОВ 1941–1945 гг.
Кулагиной Анны Петровны (девичья фамилия Степанова)

Я родилась 23 ноября 1935 года в деревне Пруды Московской области Коммунистического района (в дальнейшем Дмитровский район) в большой семье: три старшие сестры – Таня, Зина, Тамара, брат Павел (17 лет) только что окончил рогачевскую среднюю школу и собирался поступать в институт, младшая сестра Надя (3 года) и маленький братик Валера (1 год 2 мес.).

Перед войной родители построили большой, красивый дом, чтобы нам всем хватило места.

Когда началась война, мне было пять с половиной лет, но я многое помню.

22 июня 1941 года. Был жаркий, солнечный летний день. Старшая сестра Таня пошла на колодец за водой и быстро вбежала в дом с криком: «Мама, война, война, немцы». Началась всеобщая мобилизация, папа ушел на войну. В деревне остались женщины, старики и дети. Деревня жила обычной жизнью, женщины работали на колхозных полях и своих частных огородах.

Все думали, что война скоро закончится, она где-то идет, но у нас не будет. В начале осени, когда уже выпал снег, в деревне появились военные люди в белых полушубках. Они сожгли наш дом и дом соседей. Мама умоляла их не делать этого, говорила: «Вы видите, какая у меня большая семья, где мы будем жить», – мама хотела выпустить со двора овец, но они загнали их назад и закрыли дверь. В ответ они сказали, что у них приказ – сжечь самые большие дома, чтобы немцам негде было жить.

На второй день мы пошли на пепелище, где мы увидели обуглившие овечьи головы и много стекол. Так началось наше бездомное скитание. Нас приютила женщина, она жила в маленьком доме с тремя детьми и престарелой бабкой. Эта бабушка почти не слезала с печки. Хозяйка этого дома Маша сварила нам похлебку и стала нас кормить. Вместо половника (да его, наверное, и не было у нее) она взяла ковшик, а мальчишка закричал: «Мам, не наливай этим ковшиком, в него бабушка писала». Маша с этим ковшиком подходит к печке и говорит: «Мам, это правда?» А бабка отвечает: «Да врет он, чертенок, наливай Манька, наливай». Так мы пообедали. Наша мама была рада и такой еде, лишь бы мы не умерли с голоду. Спали мы на полу на соломе. А вскоре нас позвала к себе жить другая

женщина, у которой больше дом и большая русская печка.

Наступила зама, морозы. Мы все сидели на печке. А в начале ноября нашу деревню заняли немцы. Они жили почти во всех домах. В доме, где мы жили, был немецкий штаб. Вечером они собирались в большой комнате, обсуждали свои планы, а потом снимали гимнастерки, собирали вшей с одежды и бросали их в лампу, так они развлекались. Так мы прожили с ними две недели. Немцы были мирные, нас не обижали. Угощали нас конфетами, шоколадом, леденцами. Когда они узнали, что у мамы столько детей, они качали головами, тыкали себя пальцем в грудь: «Найн, айн, цвай».

Вскоре они начали просить еду: «Матка, яйки, матка, гурки». Мама и сестры про яйки догадались, это – яйца, а вот гурки долго не могли отгадать. И только когда немец нарисовал – поняли, что они просят огурцов. Огурцы у хозяйки дома были, и она кормила их.

Среди немцев был высокий рыжий финн. Он взял наше одеяло и хотел закрыть им окно, мама начала отнимать у него. Он разозлился, маму оттолкнул, а в нас бросил одеяло на печку. Мы испугались, закричали, заплакали. Мама нас успокаивала. Мыла тогда не было, и мама мыла нам голову водой, кипяченной с древесной золой. Но вши все равно были, на руках чесотка.

Как-то раз мама сказала сестре Тамаре (ей было 15 лет): «Дочка, поезжай в деревню Аревское к тетке Шуре (это мамина сестра), может, там немцев нет, побудете у нее, а то здесь очень тесно и опасно». Тамара усадила на салазки меня и младшую сестру Надю и повезла нас к тетке.

Деревня Аревское находилась от нашей в километре. В середине дороги в поле мы наткнулись на немцев. У них застряла легковушка в снегу, они бегали вокруг нее, ругались, пытаясь вытащить. Сестра объехала их и поехала дальше. После войны, когда мы уже повзрослели, мы часто вспоминали этот случай. Немцам ничего бы не стоило расстрелять нас, но они как будто нас не заметили, нам повезло.

Брат Павел хорошо знал немецкий язык. Он подслушал разговор немцев и сказал маме: «К нам идет карательный отряд, если в ближайшее время наши не начнут наступление, мы погибнем». А немцы почувствовали приближение наших и забегали с утра: «Матка, чай бистро, бистро». Мама кое-как согрела самовар, они попили чаю – и на улицу заводить свои машины, пушки. Вскоре началась стрельба, в деревню вошли наши войска. Бой был сильный. Люди в страхе и панике бежали кто куда, не соображая.

А после боя наши солдаты разместились в домах на отдых. Их

было много, они спали лежа, сидя, тесно прижавшись друг к другу.

После ухода немцев в деревне началась мирная жизнь. Но в школу вовремя в первый класс я пойти не смогла. Мы были разуты, раздеты. Первый класс обучения я проходила дома. Ко мне приходила учительница и занимались со мной. Потом мама осенью продала картошку и купила мне валенки. Начальная школа была в деревне Аревское. После окончания 4-го класса как лучшую ученицу меня возила на новогоднюю елку в Рогачево моя учительница Лебединская Софья Никифоровна.

А в 5-й класс я ходила в школу в Рогачево, и так 2 года – каждый день туда-обратно по 14 километров. Потом родители купили дом в деревне Васнево, в полукилометре от Рогачева, где я и закончила среднюю школу.

Анна Петровна Кулагина – с. Семеновское, д. 7, кв. 9, Московская обл., Дмитровский р-н

Черно-белые картинки

Каждый человек, вспоминая свое далекое детство, останавливается на ярких событиях своей жизни.

Вот и я в книге «Мое далекое детство» делюсь своими памятными воспоминаниями от 4 до 14 лет (1937–1947 гг.).

Судьба моя была тесно связана с тягостными событиями, которые выпали на долю нашей страны в годы Отечественной войны с гитлеровской Германией.

Для нас радостное солнце детства закрылось темной грозовой тучей. Вся страна мобилизовалась на свою защиту, и мы – дети войны, подражая взрослым, пели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой…

Я видел, как в сложное время люди тыла (в основном, женщины – мамы, сестры) сплачивались, бескорыстно помогая друг другу, чем могли. Трудности и закалили мой характер.

В рассказах я описываю периоды своего детства: о годах войны, о фронтовой полосе, проходившей через нашу подмосковную Яхрому, и о тяжелом времени восстановления страны к мирной жизни.

Я художник, чтобы лучше понять то время, к рассказам в книге я добавляю свои иллюстрации.

С тех грозных лет прошло много времени. За эти годы все изменилось, изменился, конечно, и я. Моя судьба состоялась. Если в детстве раскрашивал цветными карандашами черно-белые картинки в маленьком отрывном календаре-»численнике», то сейчас я являюсь членом Союза художников России. Мои картины находятся не только в нашей стране, но и за рубежом: в Швеции, Италии, Японии, Америке и т. д.

Полбуханки хлеба

У дома большие мальчишки часто говорили о путешествиях. Оказывается, это надо далеко куда-то пойти и посмотреть, что там. Мне тоже захотелось путешествовать по Яхроме там, где я еще не был. Впервые мама разрешила мне уйти от дома далеко и дала в дорогу денег, на которые я купил полбуханки хлеба, прихватив с собой Кольку Осташева по кличке Алмаз и преданного друга Вальку Звонарева.

За скреплевскими домами шли по дороге, вдоль парка, забор которого был сложен из красного кирпича в шахматном порядке с отверстиями. Поковыряв немного в заборе прутиками, спустились под гору к центральному магазину. Потолкались немного в нем, посмотрели, что там продается, и спустились к площади, окруженной торгующими палатками. Так как денег у нас не было, мы пошли к реке.

Долго смотрели с моста на быстрый поток реки и на рыбок, которые резвились в прозрачной воде. Солнце стало припекать, нас разморило, и мы решили пойти обратно домой. Возвращаясь, обратили внимание на казармы у площади, что они намного ниже, чем наши починковские.

Было жарко, есть не хотелось. Кругом было тихо, только со стороны фабрики доносился шум. Проходя мимо каркасного дома, мы спустились к пруду, что у водокачки. От безделья начали бросать в воду камни, но нам нужна была цель, и мы кинули в пруд мои полбуханки, которую я все время держал подмышкой. Когда надоело соревноваться в точности удара по цели, мы ушли, оставив хлеб плавать в пруду.

Через несколько дней началась война. Хлеб стали продавать по карточкам, нам стало его не хватать. Только тогда, голодный, я часто вспоминал полбуханки хлеба, плавающей в пруду.

Тревожные события

Шел 1941 год.

Мои родители в нашей квартире сдавали одну комнату для девушек-портсменок, которые приезжали зимой и летом на соревнования в Яхрому со всей России.

В мае месяце в нашем доме произошел серьезный случай, арестовали супругов Шуваловых, живших в квартире над нами. У них сделали обыск. В погребе и дома нашли большое количество конфет.

Люди по лестнице проходили мимо нашей квартиры, несли большие железные банки и коробки, доверху набитые конфетами. Все это ставили в кузов грузовой машины-полуторки. Зевак собралось много, все удивлялись, зачем Шуваловым нужны такие запасы?

А через месяц в комнате, где жили девушки-спортсменки, куда мне категорически запрещалось входить, собралось много народа. Все молчали и с опаской поглядывали в сторону радио. Стояла томительная тишина. Вдруг радио заговорило о чем-то, все разом ахнули. Мне стало тревожно на душе, и я услышал, как папа шепотом сказал маме: «Война!»

Мне было восемь лет, значение слова «война» я плохо понимал. С мальчишками мы играли в войну, но это было просто игра, всегда было интересно и весело. А в данный момент у собравшихся людей лица говорили, что произошло что-то страшное, непоправимое!

Началось тревожное время. Никто не знал, какие испытания ожидают каждого. Шла война!

Хлебные карточки

«Везут, везут!» – еще издали кричат мальчишки, подбегая к магазину. Они давно стояли на дороге, у скреплевских домов, поджидая хлебную повозку. Очередь за хлебом стала уплотняться, меня сжимали со всех сторон. Я стоял и терпел!

Сегодня утром встал рано и побежал к магазину, где на ладошке у меня написали карандашом номер очереди. Но все равно стою далеко. С фронта приходили покалеченные солдаты, и им положено вставать через четыре человека пятым, а их становилось с каждым разом все больше и больше.

Вот показалась исхудавшая лошаденка, медленно тянувшая телегу с небольшим домиком на ней. Возчик деловито подводит телегу к окошечку магазина, и начинается разгрузка. Запахло вкусным, горячим хлебом! От этого ароматного запаха даже закружилась голова, я невольно сглотнул.

Чтобы получить хлеб, дойти до прилавка, надо простоять не один час. В очереди видишь каждый день одних и тех же, в основном женщин. От них слышу все новости, какие происходят в Яхроме.

Вот какой уже день обсуждается один и тот же случай. Мальчик из каркасного дома потерял хлебные карточки на всю многочисленную семью и от отчаяния повесился. Когда вынули его из петли, стали раздевать, то эти карточки нашли в валенке, которые туда попали через рваный карман штанов. Я знал этого мальчика, с ним учился в одной школе.

Очередь стала медленно продвигаться, а я все крепче сжимал в своем кулачке карточки.

Немцы в Яхроме

Давно уже говорили на улице, что «немец близко». И когда вечером с Горного поселка стройными колоннами уходили наши войска, жителям Яхромы стало ясно, что враг где-то рядом, в Ольгово или же в Астрецово. Небо над Андреевской горой было освещено пожарищем. Тревога охватила всех – что будет с

каждым, с родными и близкими?

С осени наш папа был призван в Красную армию, но вместо фронта был при охране шлюза, поэтому в этот вечер он был дома. Опасаясь большого обстрела со стороны немцев, папа повел семью в погреб. С фонарем спустились по лестнице вниз и за собой закрыли люк. Встали вокруг большой бочки. Освещенные фонарем, наши лица были непохожи на нас. Сзади, вдоль стен стояли бочки с капустой, с огурцами, там было темно и сыро. Молчали. Все ждали чего-то страшного. Прислушивались, что там наверху? В эти напряженные минуты ожидания папа не выдержал и сказал: «Умирать так дома!» И мы стали подниматься наверх.

Наутро следующего дня в окно увидели немцев с автоматами, пробегающих между домами. На второй день брат возмущенно прошептал мне на ухо, что один мальчишка «такой-сякой» из нашего дома сдружился с немцами, и они его угощают папиросами, возят на мотоцикле, а он им показывает фабрику!

Жильцы нашего дома укрывались в подвале красного уголка, мы же в своей квартире просиживали в прихожей вокруг керосинки, подальше от кухонного окна. Мама укладывала меня спать на пол вместе с детьми учительницы Елены Михайловны Сурниной. Просыпались с вздрагиванием от грохота бомб, снарядов и пулеметных очередей. Резонанс от взрывов отдавался на лестничной клетке громом.

Горела фабрика – «кормилица» – так ее ласково называли яхромчане. Пламя освещало улицы, слышался треск. Дома стояли темные, мрачные.

Слышал немецкую речь, видел вражеские танки, думал, ну когда же все это кончится?

И вот темным вечером к нам вошли пятеро наших разведчиков с автоматами. На них были белые халаты. Они сообщили нам, что наутро готовится наступление наших войск. Папа рассказал им о немецком пулеметном гнезде, которое расположилось в семилетней починковской школе, и показал, как лучше к ней подойти. Гранатами и пулеметными очередями немцы были уничтожены, и к утру путь нашим солдатам в этом месте был свободен.

Немцев прогнали. Брат мне снова шепчет на ухо, что мальчишку «такого-сякого» красноармейцы за предательство поставили за домом к яблоне и хотели расстрелять, да тетя Кланя Голованова, управдом, заступилась за него, так как он дружил с ее дочерью! А ведь могли бы и расстрелять!

Освобождение

У второй починковской казармы лежали два убитых солдата – наш и немец. Про нашего солдата говорили, что это был снайпер, его немцы выследили. Позже я еще видел несколько наших солдат на шоссе около взорванного сталь моста через канал «Москва – Волга».

Как только освободили Яхрому, жители побежали к магазинам и тащили из них все, что могли. Я тоже оказался у дверей центрального магазина. В проходе была рассыпана коробка с простыми карандашами «Пионер», нагнувшись, я торопливо стал их собирать. Люди, пробегая мимо меня, несколько раз сбивали с ног, но я поднимался и снова собирал.

К фронту подвозили все. Лошадиный обоз стоял по всей горе от площади до Пролетарского поселка, а на углу здания горсовета лежала большая гора новеньких зеленых красноармейских касок.

Много немцы оставили трофеев, полный двор фабрики был заполнен тупорылыми машинами, орудиями разного калибра, большими бомбами, броневиком. Снаряды лежали кучами, а у оврага валялось множество гильз от немецких танков.

Канонада уходящего боя еще слышалась. На Солынской горе (сейчас Хитрый поселок) были выстроены дальнобойные орудия, и стреляли они так, что черная туча от дыма нависала над ними.

С каких только гор мы не катались на лыжах! Знали, где что лежит в заснеженных окопах. Знакомы были все воронки от маленьких до больших. Одно место у Солынской горы, как раз у оврага, для нас было загадкой. Что означали большие глыбы вывороченной земли? Видимо, это остался след от залпа нашего орудия, «Катюши».

Однажды, гуляя с приятелем у дома, вдруг увидели летящую на нас бомбу, со страхом бросились в подъезд, я стоял у стены и ждал – сейчас взорвется. Но взрыва не было. Удивленные, осторожно вышли и стали смотреть, где же она? Наша «бомба» уже летела над деревней Починки. «Да это же аэростат», – вскрикнули мы. В ночное время их подымают на тросах над Москвой, защищая город от немецких бомбардировщиков, а он оборвался и улетел.

Опасная шалость

Фронт от Яхромы отошел уже далеко. Военных трофеев после боя осталось много, и много ребят от них погибли или остались калеками без рук, без ног.

Необычные вещи всегда привлекали к себе, хотелось пощупать, потрогать, разрядить. Я уже был в компании с мальчишками по разрядке снаряда, а вот, чтобы ракету без

ракетницы запустить в небо, еще не приходилось, а хотелось.

У «Ленинского» магазина был деревянный домик для мастеров фабрики, и жил в нем парнишка, очень похожий на цыгана, красивый и добрый душой. С Колькой Новожиловым мы дружили, он был на два года меня старше, он и привел меня к этому дому, к своему приятелю. А задумка, наша была как раз пустить из окопа, что у дома, ракету.

Зимний вечер. По сугробам залезли в окоп, расчистили место. На маленьком патроне сделали насечку до пороха и поставили его на снег. Мы уже предвкушали увидеть светящуюся ракету на звездном небе. Подожгли спичкой порох.

Ракета не взмыла кверху, как мы хотели, а ослепив нас ярким светом, стала метаться с сумасшедшей скоростью внутри окопа по кругу, ударяясь то в один, то в другой его край. Жизнь наша была на волоске. От страха и растерянности прижались по сторонам окопа, так и сидели, оцепенев, пока ракета не успокоилась.

Мы были малы и не могли предвидеть последствий опасной шалости.

Краски пригодились

Толя Стулов умер. Ему было пятнадцать лет. Еще недавно, рискуя жизнью, спасал раненого командира, а тут из-за каши погиб! Толе, видимо, очень хотелось есть, но перловая каша еще не сварилась, а голод вызывал нетерпение, и вот наелся… Недоваренная крупа разбухла в желудке, и произошло несчастье.

Этот парнишка был очень одаренным, хорошо рисовал, лепил из пластилина сложные композиции. Мой брат Сережа был его одноклассником, и мы не раз приходили к нему в гости. Среди многочисленных поделок, которые делал Толя, мне особенно запомнилась одна: на дрейфующей льдине стояла палатка Папанина, и люди шапками приветствовали пролетающий над ними самолет (самолет держался на проволоке).

Толина мама, тетя Поля, зная, что я хорошо рисую, подарила мне его кисти и масляные краски в тюбиках. Этот изумительный запах красок я и сейчас помню. В те детские годы Толя для меня был примером для подражания, так и получилось, что я продолжил его любовь к рисованию и стал художником. Он и сейчас для меня пример.

Из Яхромы отогнали немцев, но пришла другая беда. Наступил голод. Люди вынуждены были менять свои вещи, одежду, мебель на продукты у деревенских жителей, которые имели свое приусадебное хозяйство, получали за свой труд в колхозе муку, картофель и др.

Моя родная тетя Мотя жила в деревне Настасьино. Ей тоже на обмен возили на санках вещи. Однажды она попросила мою маму, чтобы я пришел раскрасить ей макет деревянного домика с резными балконом, видимо, кто-то обменял его у нее на муку или картошку.

Перед дорогой брат меня предупредил, если деревенские ребята будут приставать, говори, что ты из Яхромы, они нас боятся.

До деревни Настасьино мне по сугробам идти километров семь, и я, девятилетний мальчик, пошел. Вот уже позади деревни: Починки, Подолино, Гагат, Микишкино, справа осталась деревня Волжинское. Иду полем и уже различаю вдали большую Настасьинскую школу.

Радоваться было рано, так как навстречу мне шла ватага деревенских мальчишек. Поравнявшись со мной, один из них решил выслужится перед мальчишками, мне поддать, но я увернулся и побежал. Он бросился за мной. По сугробам бежать тяжело, и вот, задыхаясь от бега, кричу: «Ну, придешь в Яхрому!» И тут, как по волшебству, он остановился и уныло побрел назад к своей компании.

У тети Моти я раскрасил красками аккуратненький домик. За эту работу я получил первый в своей жизни заработок – мешочек муки!

Вот и пригодились Толины краски!!

Зимние трудности

Шла суровая зима 1943 года. Все жители Яхромы столкнулись с голодом и холодом. В казармах нечем было топить большие печи. Люди в комнатках устанавливали печки-буржуйки, но нужны были дрова, и люди потянулись за ними в лес.

В школе из-за холода мы сидели за партами в одежде. Не было транспорта, чтобы перевезти дрова, и на педсовете было решено расставить всех учеников вдоль дороги от школы до пристани. Дружно передавали друг другу бревнышки из рук в руки. Теперь в школе было тепло.

Фронт отдалился от Яхромы, но гул от моторов военных машин напоминал нам, что война продолжается. Я видел эту часть трассы, по которой шли машины к фронту, она спускалась с Перемиловской горы через канал по льду (мост был взорван) к деревне Починки, далее машины поднимались на Андреевскую гору, через поле двигались к селу Андреевское и продолжали свой путь дальше.

Однажды мы с мамой, взяв санки, пошли в лес за дровами. В

этот день была сильная метель, она кружила так, что залепляла глаза снегом, и было трудно идти. Напилив дрова, сложили их на санки и по сугробам потащили вверх в гору.

На поле решили передохнуть, и там мы увидели жуткую картину. Недалеко стояла одинокая военная машина, а под ней лежал на спине шофер. Порывистый ветер трепал брезент, который прикрывал ящики с боеприпасами. Водитель закоченевшими от холода руками пытался починить неисправность в машине, ведь в его руках была судьба многих солдат на фронте, они ждали в окопах боеприпасы. А вьюга все кружила и кружила.

Вот они, зимние трудности.

Довесок

В памяти остались длинные очереди за хлебом, как получали его по карточкам. Мама, посылая меня в магазин, всегда предупреждала принести все в целости.

За хлебом ходил на хлебозавод. Для меня это далеко, надо было пройти мимо детского сада, через парк, площадь. Очереди за хлебом были большие, и приходилось простаивать по несколько часов. Наконец продавец на весах взвешивал хлеб на всю мою семью, примерно буханка и довесок.

Я бережно брал в руки хлеб и быстро нес его домой. От горячего хлеба шел вкусно сладкий запах, который всю дорогу соблазнял меня скушать кусочек, но я с радостью приносил домой все в целости.

Какое надо было терпение ребенку выдержать, чтобы не съесть этот довесок. Наверно, в это время и формировался мой характер в послушании и честности.

Как не стало у меня папы

С нетерпением мы ждали письма от папы с фронта. Каждое полученное от него письмо было праздником в доме. В них он просил нас за него не беспокоиться, что все будет хорошо. Потом переписка неожиданно прекратилась, и месяца три мы о нем ничего не знали. Мама каждый вечер за него молилась.

Наконец пришла телеграмма из калужского госпиталя, в ней сообщалось, что папа раненый. Мама сразу к нему поехала, а вернувшись, сказала, что папе отняли ногу.

Однажды зимним вечером со станции Яхрома сообщили, что привезли папу и надо его срочно забрать домой. Мама стала быстро собираться и уже в дверях крикнула: «Вовк, бери санки и

одеяло и беги на станцию», – а сама в это время побежала к больнице за санями, заменявшие скорую помощь.

На улице мела метель. Я бежал по сугробам к папе, и одна мысль меня не покидала, как его поместить на маленькие деревянные санки?

На мосту через канал мимо меня пронеслась повозка. Из-за пурги трудно было что-то разглядеть. «Может, папу повезли?» – подумал я, но продолжал бежать. На станции мне сказали, что папу увезли.

Уставший, я пришел домой. Дома, увидев папу, с радостью кинулся к нему. Потом я увидел, что в руках он держал костыли, а рядом стоит улыбчивая молоденькая медсестра в военной форме из госпиталя, а мама все время на нее хмуро поглядывает. Только потом я понял, что мама тогда ревновала ее к папе, а девушка переночевала у нас и уехала.

Папу ранили в сражении на Орлово-Курской дуге. Осколком от снаряда ему перебило бедро левой ноги. Ночью после боя, обливаясь кровью, лежал на поле, а рядом стонал раненый солдат. Вдруг в темноте засветился свет от карманного фонарика и послышалась немецкая речь. Превозмогая боль, папа приподнялся и попросил солдата немного потерпеть, чтобы немцы их не заметили. Но два немецких солдата услышали стоны и направились к ним. Осветив их фонариком и поговорив между собой, ушли. Вероятно, они искали своих раненых.

Рана все время беспокоила папу, поэтому зимой он почти не ходил. Я любил сидеть вечером с ним около его постели. В печке-»буржуйке» потрескивали дрова, в комнате было тепло и уютно. Я с увлечением мастерил деревянные самолетики, а родители удивлялись моим поделкам и говорили, что я буду инженером.

Весной у папы открылась рана, и его положили в дмитровский госпиталь. Одиннадцатилетним мальчиком я ходил в Дмитров пешком, примерно семь километров в одну сторону. Папу я навещал через день, носил ему кашу или что мама приготовит. Его палата находилась в одноэтажном деревянном корпусе, и нам было удобно общаться друг с другом через форточку.

Однажды, чтобы сократить путь, я подошел к дмитровскому вокзалу со стороны канала. На железнодорожных путях стоял военный эшелон, а на открытых платформах – орудия, закрытые брезентом. Когда я подошел поближе к составу, то вдруг неожиданно все солдаты открыли стрельбу из автоматов вверх. Напуганный, не поняв, что произошло, долго еще не мог прийти в себя. Потом догадался, что солдаты по радио услышали

сообщение с фронта об освобождении какого-то города и от радости дали салют.

Папу перевели в другую палату на третий этаж, и я уже знал, что ему будут делать операцию. Впервые меня к нему пустили. Я стоял напротив его постели и разговаривая с ним, поглядывал в окно, на медленно двигающийся товарный поезд. И вот папа тихо меня спросил: «Мама тебя не обижает?» Это было так неожиданно, что у меня перехватило в горле, и не ответив ему, только отчаянно разрыдался. От такого плача он испугался за меня, успокаивая по-мужски, приговаривал: «Не плачь, сынок, не надо, так плакать вредно».

Через несколько дней, пятого июля 1944 года меня мама направила в пионерский лагерь в Ольгово. Надо было идти километров десять, Яхромские дети собрались все вместе и пошли пешком по брусчатой дороге в лагерь. За деревней Астрецово отдохнули на опушке, а потом долго шли лесом.

Я оглядывался по сторонам, смотрел на мохнатые ели и немного побаивался. Вспомнились разговоры взрослых, что война в наши леса пригнала много волков и этой зимой они напали на учительницу, которая шла из одной деревни в другую. Все тетради сожгла, чтобы их отпугнуть, но все равно они на нее напали.

Ольгово встретило нас необычными большими растениями с синими цветами, которые росли по обочине дороги. Ребята говорили, что это дурман и от его запаха может болеть голова. А еще в Ольгово были красивые пруды и липовые аллеи.

Нас разместили в кирпичном здании сельской школы. Рядом было кладбище, а напротив стояла большая белокаменная церковь. Не все решались выйти по нужде ночью, только очень смелый мог пройти к туалету, который стоял почти у кладбища.

Дни пионерского лагеря проходили по строгому режиму. Спали мы в классах школы на матрасах и подушках, которые сами набили соломой. Особенно нравилась столовая под открытым небом, где все дружно пели про «картошку-тошку», пока дежурные раздавали обед.

Но мы были дети войны. Ребята тайком от вожатых приносили в лагерь порох из бывшего немецкого склада и в маленьких мешочках прятали под матрасами. Позже пионервожатые узнали о «партизанах», изъяли у них порох и заложили в прощальный костер, огонь от которого был до самого неба. Но это все будет потом.

Никогда я так надолго не уезжал из дома… Ко всем ребятам приходили навещать родители, приносили гостинцы, а ко мне – никто. Я тосковал, скучал по папе. Три ночи подряд совсем не

спал, что-то меня беспокоило.

Однажды, делая заголовок к стенгазете «Пионер», я вышел на крыльцо набрать воды из водосточной трубы для акварельной краски. Там стояла женщина с мешком картошки на плече и кого-то ждала. Мне опять стало тоскливо, что пришли не ко мне, и я ее спросил: «А знаете вы Купцовых? Может, скажете им, чтобы они пришли ко мне».

Женщина на мгновение задумалась и сказала: «А у тебя, сынок, кажется кто-то умер, то ли папа, то ли мама». Я бросился к начальнику лагеря с просьбой, чтобы он меня отпустил домой.

Один бежал через большой лес и очень боялся встретить волков. Вдруг увидел впереди себя женщину, которая быстро шла по дороге. Я побежал еще быстрее.

Услышав мое тяжелое дыхание за своей спиной, она, испугавшись, шарахнулась от меня в сторону. С ней я и дошел до Яхромы.

Дома мама мне сказала, что папу похоронили. Я сильно плакал и долго не мог успокоится, а потом с мамой пошли на кладбище, и на могилке я из камушков выложил крестик. На следующий день за мной зашла пионервожатая и увела меня в лагерь, где до окончания смены оставалось еще пять дней.

Папа умер девятнадцатого июля 1944 года от заражения крови. Операцию делали студенты-практиканты, когда долбили кость, занесли инфекцию.

Так не стало у меня папы.

Милостыня – спасение от ГОЛОДА

Война идет четвертый год, а в голове ребенка, с утра до вечера, только одно: «Как бы наесться досыта?!»

Среди мальчишек во дворе даже вопрос ставился: «А что бы ты сейчас съел: буханку черного хлеба или батон белого?»

Однажды я возвращался из Москвы и, как всегда, вез керосин, полученный в магазине по студенческим карточкам сестры. На Савеловском вокзале к поезду подходили ребята с сумками и котомками за плечами, среди которых я встретил одноклассников. Увидев меня, они обрадовались и стали совать мне кусочки белого и черного хлеба, которые выпросили милостыней у москвичей.

В поезде я наелся досыта, а ребята бережно перебирали свое богатство в котомках. Маленькие кусочки хлеба съедали, а большие везли домой, там их ждали.

Моя супруга Лида Туманова рассказывала мне, что девочкой она со старшей сестрой Маней собирала милостыню в Москве,

ходя по квартирам. Запомнилась ей одна бабушка, которая их каждый раз хорошо принимала и обнимала, как родных. Сколько же добрых людей на свете!

Возвращение фронтовиков

Получив по карточкам керосин, я возвращался из Москвы домой. У Савеловского вокзала я обратил внимание на толпу больших мальчишек, окруживших двух фронтовиков с котомками за плечами. Они сидели на синей скамейке, а на груди у них блестели медали и ордена. Не обращая внимания на окружающих, солдаты вели между собой разговор.

– Эх, сейчас бы выпить! – сказал один из них.

– Были бы деньги! – крикнул парнишка из толпы.

– А что? Е-есть! – сказал фронтовик, важно, доставая из кармана гимнастерки красные бумажки.

– Я мигом! – схватив деньги, парень быстро исчез, и его больше никто не видел.

– Пропали ваши денежки, – посочувствовал один из мальчишек.

Подошел поезд с дымящим из трубы паровозом. Встав со скамейки, солдаты направились к вагонам, один из них прихрамывал, опираясь на палку. Я шел рядом и не мог оторвать свой взгляд от его небритого лица, он очень был похож на моего папу, который умер от раны за год до победы.

Фронтовики продолжали свой разговор, и я услышал много эпизодов из их военной жизни. Один из рассказов запомнился мне своей трагичностью.

Немцы укрепили высоту так, что к ней нельзя было подступиться. В роте был молодой командир, еще неопытный, только что прислали из тыла. Не подумав, бросил всех в бессмысленную атаку на высоту, и много ребят погибло. Оставшиеся в живых солдаты лежали на земле, не зная, что делать. Снова приказ: «В атаку!» На этот раз еще больше полегло солдат. Третьей команды уже не было. Его убили свои.

Вот такую правду о войне я услышал в свои двенадцать лет.

В. С. Купцов

Небесный офицер

Церковь в деревне есть. А значит, по всем правилам – это село, а не деревня. Но в моем представлении она осталась «деревней». Как ни странно, официально – это тоже деревня. Данный населенный пункт правильнее, наверное, назвать «сельцом»? Но это уже слишком! Ведь даже «село» – для горожанина звучит нынче уничижительно, как и «деревня». Но село все-таки должно быть в моем представлении побольше: с несколькими улицами и как минимум, одним перекрестком. И церковью естественно.

Она в деревне была: деревянная, наверное брусовая? Но мне она показалась – какой-то дощатой, словно это вообще сарай. Но тут меня может подвести память, я внутри этого скромного сельского храма никогда не был, даже проходил-то мимо всего один раз. Было это больше тридцати лет тому назад. Внимательно церковь я не рассматривал. Помню только, что она располагалась в дальнем конце улицы. Дальнем – если идти от хаты Василия и Ханны Прото.

Василий Леонтьевич и Анна Васильевна – белорусы. Он – худой, как трость, с вечной самокруткой в рыжих усах, с трехдневной щетиной. Она – кругленькая, серьезная. Разбитые башмаки на босу ногу, нарядной я ее не помню, но хозяйство – большое и исправное.

И деревня эта – белорусская, расположена в Каменецком районе Брестской области Республики Белоруссия. Будучи по российским масштабам селом, в Белоруссии она так и осталась деревней. Видно, церковью, храмом Божьим, в Белоруссии никого не удивишь? Не совсем так. Удивительного тут много, получилось бы только рассказать…

Баба Ханна имела к церкви непосредственное отношение как попова дочка. Однако ее родитель, батюшка отец Василий Митскевич, служил в другом селе и в другой церкви, хотя тут же неподалеку. Было это еще до Великой, Отвратительной, Страшной революции, и даже до Первой мировой войны. Когда германец наступал, отец Василий с семьей и церковным имуществом отправился в эвакуацию. Бежали они аж до самой Волги. Потом – обратно, с храмовым золотом в телеге.

Его, отца Василия, я не видел никогда, даже на фотографиях, которых, вероятно, и не было вовсе. Но он представляется мне этаким «черным монахом» из повести Чехова. Хотя монахом он, естественно, не был.

Уберегши иконы и кресты, подсвечники и кадила во время

империалистической от «империалистов», от восставшего пролетариата и всех остальных, во время революции батюшка все это уберечь не смог. Прятал где-то, закапывал… Под дулом винтовок не выдал, но потом сокровища у него выманили, взяли хитростью, якобы «на сохранение». Но обратно – ничего не вернули. От расстройства отец Василий тронулся умом, хотя говорят, что надежда – источник тревоги, свобода от нее – источник покоя.

Дочка его Ханна, которая была завидной, богатой невестой, после того как батюшка помешался, вышла замуж за бедного сироту Васю Прото. У них стали рождаться дети, граждане Польской республики, поскольку вся западная часть Белоруссии принадлежала во временном промежутке между большими войнами Польше: Миша, Нина, Надя, Маша, Ваня, еще не знавшие ни скорби, ни терпения, ни опытности, но знающие веру и любовь.

Они ходили в польские детсады, школы, кои были в каждой деревне, даже в этой, стоящей на самой опушке Беловежской пущи. Когда согласно Пакту Риббентропа-Молотова Польшу поделили на две части, через деревню на восток – потянулись польские войска. Солдаты были веселы, как и вскоре пришедшие немцы, – промелькнувшие в промежутке энкавэдэшники не запомнились, – играли с детьми. Маленькую Машу так затормошили, что она потом заболела, долго плакала.

Война и завоевания, с одной стороны, и усиливающийся деспотизм – с другой, помогают друг другу. У народа, состоящего из рабов, можно брать и брать средства и солдат, чтобы с их помощью покорять других. Война дает одновременно и предлог для новых поборов, и другой не менее благовидный предлог для того, чтобы постоянно содержать многочисленные армии, чтобы держать народ в страхе.

Начиная с 22 июня 1941 года, на юге неделю грохотало, ночью полыхало зарево. Это немцы пытались взять Брестскую крепость. Началась немецкая оккупация.

Войну редко ведут по заранее определенному плану, чаще она сама выбирает пути и средства. Незначительные вроде бы обстоятельства привели вдруг к большим переменам.

27 сентября 1942 года в пущу спустились советские парашютисты. Об этом узнали немцы и начали лес прочесывать. В перестрелке погибли два немецких солдата, а диверсанты ушли.

Обозленные фашисты решили взять в заложники всю деревню, за одного немецкого солдата расстрелять 20 мирных жителей. Точнее сказать, не решили, а так полагалось по суровому нацистскому закону. Это делали везде: и во Франции, и

в Греции. В ночь на 28 сентября солдаты окружили деревню и никого не выпускали. Оккупанты скомандовали: в течение двух часов всем жителям собраться с повозками и вещами в конце деревни. Выбрали 16 человек для копки глубокого рва длиной 20 метров. Отобрали для угона в Германию молодежь старше 16 лет. Оставшихся жителей деревни построили в колонну и погнали к яме.

Каратели выстроили людей на краю, а вокруг поставили пулеметы. Люди с плачем и молитвами погадали на колени…

В это время над деревней появился немецкий самолет, который, сделав круг, вскоре сел неподалеку. Руководители расправы побежали к нему. Из самолета вышел офицер. Он сказал, что должен срочно лететь, и если через два часа не вернется, следует всех заложников расстрелять.

Через два часа самолет вернулся. Из него вылез тот же офицер. Людям сказали, что, благодаря прилетевшему, все будут освобождены. Яму приказали не засыпать в течение года. Если за это время что-нибудь случится, все будут расстреляны.

Недели через две в деревню приехал тот «небесный» офицер и привез… икону Божией Матери с Младенцем на руках, вырезанную из дерева. Церкви в Рожковке в то время не было. Офицер сказал: «Когда я летел в самолете над вашей местностью, явилась Дева и показала рукой вниз. Храните эту икону – это ваша Спасительница!» Так ли это было или просто на солдат оказывают большое влияние нравы тех стран, где они долго стоят?

С тех пор деревня в этот день – 28 сентября – каждый год празднует. В церкви, которая теперь отремонтирована, покрашена, проходит служба. Такова легенда. Почему легенда обычно заслуживает большего уважения, чем история? Легенду творит вся деревня – рассказ пишет одинокий чудак. Я то есть.

Постепенно каждому воздалось по заслугам. Посмеялись над недомыслием тех, которые, располагая властью, рассчитывали, что можно отнять память даже у будущих поколений.

Белорусы явили поистине великий пример терпения. Если бы старшее поколение видело, что представляет собой ничем не ограниченная свобода! Такое же порабощение. Когда стоит гвалт, у нас нет возможности общаться, высказывать свои мысли и слушать других. Вместе с голосом мы бы утратили также саму память, если бы забывать было бы столько же в нашей власти, как молчать. Однако память все-таки слабеет, если ее не упражняешь.

Эту историю рассказывала мне Надежда Васильевна, ее свидетельница. В те времена худенькая, робкая, послушная, она была папина дочка. Участницей всего этого не была, потому что в

это время работала нянькой в соседнем селе у сельского старосты, «солтоса». Но тридцать лет назад ни о каком поклонении местной Деве Богородице речи быть, естественно, не могло.

Дети бабы Ханны и деда Василия уехали из деревни. Самый старший, Михаил, поселился в райцентре Каменец, где много лет проработал мастером по изготовлению тарных ящиков. Тут, на окраине поселка, который сам – сплошная окраина, возвышается Белая Вежа, старинная сторожевая башня. Вряд ли найдется такой человек, на которого не произвела бы впечатления сия древность.

Кто ее построил, я не знаю, она похожа одновременно на крепостную башню древнего (то ли невидимого как град Китеж, то ли так и не построенного) града и на сухопутный маяк. Последнее ближе к истине, так как башня стоит на самой границе православия и католичества. Если христианство есть подражание Божескому естеству, то понятно, почему есть две церкви, ведь есть же у «естеств» две руки и две ноги.

Но автор этих строк христианин. Приверженец религии всецело духовной, занятой исключительно делами небесными. Отечество наше не от мира сего. А посему я исполняю свой долг с глубоким безразличием к успеху или неудаче моих стараний. Лишь бы мне не за что было себя упрекать, а там – для меня неважно, хорошо или дурно отнесутся к этому здесь, на земле…

Нина – лет тридцать проработала уборщицей в привокзальной милиции в Бресте. Жила в общежитии. Только в конце семидесятых ей построили квартиру, флигель в старом доме, сохранившемся еще с войны. Ездить к Нине Васильевне в гости стало очень удобно: приехал на поезде – и через три минуты ты уже у нее дома на улице Брест-Центральная. Миша с Ниной старшие в этом семействе, более суровые, даже хмурые по виду. На самом деле все семейство – люди совершенно добродушные, беззлобные и покладистые.

Маша стала учительницей, вышла замуж за здоровенного шофера-дальнобойщика, поселилась где-то неподалеку, кажется, в Ивацевичах. Педагог в ней совсем не чувствовался, а все из-за того, что жила «как за каменной стеной».

В годы «военного лихолетья» Ханна родила еще мальчика. Назвали Петей. Он оказался в семье самым башковитым, выучился, стал инженером, распределился в Новополоцк на химкомбинат. Как и полагается умным людям, он женился дважды. Первая жена ему попалась красавица, но со вздорным, самолюбивым характером. Это бы Петя еще выдержал, но она к тому же оказалась бездетной. Пришлось разводиться и жениться на некрасивой, но плодовитой.

Сперва надежды родителей возлагались на предпоследнего, Ивана, он служил в серьезных ракетных войсках. Вот он, единственный из всех, вовсе не женился. Остался бобылем, как говорят у нас в России. Одиночество его объясняли так: «В армии облучился». Кроме облучения, он там еще вступил в партию, закончил лесотехнический техникум и долгое время работал в Беловежской пуще лесником, но как-то раз важные люди устроили там охоту на зубра, другие не менее важные решили их за это прищучить. Но потом они между собой договорились, а пострадал Иван. Он лишился партбилета и должности лесника, фуражки с кокардой и формы с петлицами.

Тут судьба Ивана напомнила жизненный путь его отца Василия Леонтьевича. Его в 1944 году забрали с освобожденной территории в Красную армию. Он служил связистом, тянул кабель от одного офицера к другому. Частенько это приходилось делать ползком под носом у немцев. Он слышал их голоса. Вернулся домой с наградами.

Его как проверенного фронтовика, к тому же правильного, трудового происхождения (из бедняков), назначили после войны заведующим сельмагом. Долго ли, коротко ли он там проработал, врать не стану, сейчас не вспомнить, случилось это лет за десять до моего рождения, никак не меньше. Но в ту пору случились в СССР выборы. Событие не то что нынешние. Их для многих советских граждан отродясь не бывало. Тех, кто помнил последние выборы, – тяжелой жизнью повыбивало.

Для того чтобы выборы прошли на высоком политическом уровне, приехавшая комиссия велела Василию выставить ящик конфет. Он подчинился. Потом, когда выборы благополучно прошли, выбрали кого надо из нерушимого блока коммунистов с беспартийными, приехала другая комиссия и обнаружила у завмага растрату. Никакие отговорки не помогли. Василия Леонтьевича осудили и приговорили к четырем годам тюрьмы. Намучился там безобидный крестьянин и красноармеец нижайшего чину ужасно. Но выдюжил, вытерпел, вернулся к жене, с которою они затем дожили до самой перестройки.

Все это время их средняя дочка Надя жила в России. Уехав из родной деревни, она сначала работала на стройке в Бресте. Однажды в майский день, разгоряченная, она умылась холодной талой водой. Простудилась, у нее начался жар. В бреду она увидела какого-то высокого красивого мужчину в черном. Она почему-то сразу поняла, что это Смерть. У них состоялся короткий разговор, всего из двух фраз.

«Я же еще такая молодая», – сказала она ему.

«Ну хорошо, поживи еще», – ответил он.

Наде дали какую-то таблетку, и на другой день она уже была здорова, чтобы потом, завербовавшись «на север», ехать вслед за братьями, строить железную дорогу Котлас – Воркута. Дорогу эту строили вначале зэки, но их в конце пятидесятых стало не хватать.

На севере Надя познакомилась с парнем с волжских берегов, в отличие от нее – комсомольцем. Она пожалела его, он был такой застенчивый, писал стихи: «Ты, конечно, девушка из Бреста, // я чуваш с чувашскою душой». Недолго она томила свое сердце, и новое древо жизни стало символом ее исполнившегося желания.

Они поженились. Самый умный мужчина становится глупцом, когда влюбляется, а самая глупая девушка, полюбив, становится умной. Надя не была глупой до того и помудрела еще.

Муж оказался большим любителем выпить и делался от стакана совершенно дурной. Но он взял ее руку, как «посох любви», ему не страшно стало отчаяние. Однако к физической работе он как поэт был мало приспособлен. Надя помогала ему выполнять норму по завинчиванию гаек. Ей было стыдно за мужа.

Они решили ехать жить на Волгу. Примерно в те самые края, куда ездил, спасаясь от германцев, дедушка отец Василий. Родившегося там ребенка назвали по-чувашски Сетнером, но он был болезненный и скоро умер. Зато родившиеся потом еще двое мальчишек, которых уже называли обычными именами, одного Георгием, другого Женей, – благополучно выросли.

Баба Ханна регулярно слала почтой ей посылочки. Яйца, завернутые в газету и переложенные соломой, яблоки со своего сада. Иной раз соленого сала. Каждый год Надя ездила с семьей в отпуск в Белоруссию. Однажды возила туда свекровь, потом внука. Она все хотела вернуться на родину, может быть, даже бросив мужа, который все также пил и дурил в подпитии. Но сделать это так и не получилось.

Так и осталась она жить в Чувашии. Ее старший сын, Юра, оказался художник. Однажды он нарисовал гуашью на дощечке от бабушкиного посылочного ящика икону Казанской Божьей Матери. Надя отвезла ее в деревню, поставила в церкви. Она имела на это право, поскольку никогда никому не причинила намеренного зла, стремясь только облегчать жизнь.

Кто был тот немецкий офицер, пролетавший, как ангел, над маленькой белорусской деревней? Как его звали, выжил ли он в той войне или раньше срока покинул этот мир? Узнавать все это то ли некогда, то ли некому, то ли нет охоты. Ведь таких деревень на просторах бывшей империи примерно столько, сколько видимых звезд на ночном небе.

Люди, которые, быть может, прочтут эти строки, будут знать многое, неизвестное мне, и многое – останется неизвестным для тех, кто будет жить, когда изгладится всякая память о нас теперешних. Но мир много потеряет, если в нем когда-нибудь не останется ничего непонятного.

Юрий Енцов

За одно слово могли убить

Я, Суханова Зинаида Александровна, родилась 7 мая 1937 года в Смоленской области, Каспленский район, Верховский с/с, дер. Дебрицы.

Мама, Титова Пелагея Ивановна, работала в колхозе, папа, Титов Александр Никитьевич, возможно, он был депутат, работал в Каспле, был членом ВКП(б). Когда началась война, мы не смогли эвакуироваться, была разбита переправа через Днепр. Мы вернулись домой в свою деревню; где папа, мы не знали. Через какое-то время началась стрельба, первый снаряд 21.07.41 г. угодил в наш дом, мы прятались в окопе, все, что у нас было: имущество, какая-то скотина, – все сгорело.

Потом пришли наши солдаты и сказали, чтобы все до единого уходили: здесь будет бой. Куда уходить, никто не знал, снаряды ухали один за другим. В нашей местности лесов нет. Пошли бродить, не зная куда, натыкались на бои, было очень страшно. Потом где-то все стали рыть окопы, разобрали какой-то сарай, наложили бревен, сверху засыпали землей и песком, все сидели в окопах, никто не выходил, думали, что нашли спокойный уголок. Сколько-то все просидели в окопах, но через день или два вокруг началась такая стрельба по нашим окопам, что бревна полетели. Кто-то на палку повесил белый платок, я из своего окопа его видела и помню.

Немцы приехали к нам очень быстро, все были вооружены винтовками или автоматами. Всем приказали быстро выходить из окопов, кто не мог, они вытаскивали. Велели всем построиться, стояли старики, женщины и дети, они нас обошли, осмотрели. Я пишу это не с чужих слов или рассказов, мне было 4 года, но помню всю войну и когда вспоминаю, как будто смотрю кино. Я пронесла через всю свою жизнь немецкий жест, я не знаю почему, но когда мы все стояли у окопов, немец ткнул мне в грудь своим ружьем или автоматом, я подумала – сейчас застрелит. Всех нас отсюда они прогнали, куда идти не знали, везде была стрельба, прятались где придется.

Через сколько-то дней стрельба стихла, и все решили идти в свою деревню, пришли, а деревни нет – одни пепелища, осталась одна колхозная баня – она была немного в стороне. Наших убитых солдат было очень много, немцы своих захоронили и поставили кресты. Все стали хоронить наших солдатиков, крестов им не с чего было сделать. В нашем окопе сидел один солдатик убитый, там был наш патефон с пластинкой, видно, от отчаяния этот человек завел патефон, пластинки папа любил только

военные – «Едет Тимошенко на коне» – вот такие были пластинки.

Так началась новая ужасная жизнь. Не было ни дома, ни еды, ни одежды. До поздней осени жили в шалаше, стало холодно, куда идти не знали. В других деревнях брать на квартиру нас, наверное, боялись, потому что семья коммуниста, да у нас ничего не было, корову и ту убило первым снарядом. Родных в деревнях не было, папины сестры из Смоленска пришли, два маминых брата жили в Ленинграде.

Потом мы все вместе с папиными сестрами поселились в клубе в другой деревне, там боя не было. Печка была, топить нечем, леса нет, ходили вдоль речушки, ломали прутья, мы голодные и жили в холоде.

В начале весны, может в самом конце зимы, кто-то сообщил, что папа под Смоленском в концлагере. Мама с его сестрой пошли туда, увидели живой труп. Я не знаю, как там договорились, или, может, был знакомый полицай папы или еще чей, он пообещал его выпустить, ходили они в Смоленск несколько раз. В назначенную ночь папу, как труп, вынесли на носилках. Километрах 25–30 мы были от Смоленска, мама и его сестра шли два дня и две ночи, конечно, пробирались по нехоженым тропкам и когда темно. Папа был болен и слаб, он не ходил. Дома печка не как деревенская, а до потолка, мы его все время прятали. По этой деревне проходила дорога на Касплю, и часто ездили немецкие машины, они же не просто ездили на машинах, но и остановиться, зайти в дом и потребовать и сметану, и масло, и яйца. Но где мы жили, это был бывший клуб, к нам не заходили. Когда уже стала весна, мама и папины сестры решили перебраться в деревню, сделали шалаш, папу припрятали, но земля слухами полна, да и немцы и полицаи готовили 1 июля устроить расстрел, искали всех подозрительных.

30 июня рано утром приехал полицай, забрал папу и еще маму и 2 или 3 человека, отвезли их в Касплю, и 1 июля 1942 года 157 человек – мужчин, женщин и детей – раздевали догола и всех расстреляли. Это были, я думаю, лучшие люди района. В Каспле огромная могила, стоит памятник, все фамилии расстрелянных, 1 июля собирается народ, приезжают из других городов.

Жить во время оккупации было страшно всем людям, за одно какое-нибудь слово могли убить, были свои предатели, полицаи, они выслуживались.

За освобождение Смоленска в сентябре 1943 года и его земли опять шли жестоки бои. Осень, дожди, холод, женщины с детьми опять прятались в болоте, в лесочке не день и не два, а недели.

Наконец радость – пришли наши. Кто-то ранним утром

увидел – идут наши, свои войска. Какая была радость! Мы вышли из леса. В нашей деревне за два года оккупации кое-кто построил себе жилище, но, уходя, немцы и это все сожгли. Зиму мы перезимовали в какой-то деревне.

Когда в 1944 году в январе в Ленинграде сняли блокаду, мамин брат прислал нам письмо, а в сентябре или в октябре прислал нам вызов, тогда в Ленинград без вызова не пускали. Мы приехали уже в декабре. Мама стала работать в совхозе в Озерках, нам дали комнату. Мы были очень рады, что война дня нас закончилась, но как мы ждали День Победы.

Началась новая жизнь.

В 1945 году я пошла в школу, в 1955-м окончила 10 классов. И здесь я столкнулась с тем, что я другая, поскольку была в оккупации. Мы с подружкой решили поступать в Военно-механический институт. Стали сдавать документы писать автобиографию. Свою автобиографию я переписывала несколько раз, все возникали какие-то уточнения, вопросы. К счастью, я не поступила, а когда стала взрослой, поняла, что там нечего было делать, детство мое прошло в оккупации, а мне тогда было 4–7 лет. И потом, поступая на завод «Светлана», опять задержка, переходила на завод «Ленинец» – опять задержка, ждала, можно ли мне там работать или нет. Мой сын в 1974 году закончил Военно-морское училище имени Фрунзе, на комиссии распределения напомнили, что мать была в оккупации, хорошо в комиссии был умный человек, сказал, что его мать была ребенком, вопрос снят. За что мы всю жизнь носили это черное пятно «был в оккупации»? Изменники Родины, полицаи и другие немецкие прислужники после войны сидели в тюрьме. С них снята вина или нет?

У меня непрерывный стаж работы 44 года, я награждена двумя государственными медалями, грамотами.

Я обращаюсь к нашему руководству: подумайте о детях войны, у которых детство прошло еще и в оккупации. Хоть в какой юбилей нашей страны ну не сделаете что-то доброе для них, так скажите добрые слова в их адрес.

Да в общем-то можно таких детей признать пострадавшими, ведь у них украдено детство, мы помним и холод, и голод, и фашистов, которых мы очень боялись. Мы как изгои. В поликлинику придешь, если не блокадник, к специалисту тебе нет и номера, а чтобы назначили по твоему состоянию здоровья капельницу – и не мечтай.

Вы не думайте, что я против блокадников, узников и других, но мы ведь уже состарились, бывшие маленькие дети, позаботьтесь и о нас.

Я задавала этот вопрос Путину.

Извините, я не стала переписывать, но вспомнила такие случаи, что немцы бросали красивые игрушки и дети на них подрывались. Война шла не только с военнослужащими, но и с детьми. Мама запрещала все поднимать, брать из рук что-нибудь. Все годы оккупации я помню, это были страшные годы жизни, а теперь мы никто, очень обидно, что наша Родина нас не признает, о нас не вспоминает.

Суханова Зинаида Александровна, 30.04.15

Как мы пережили войну
В ТЫЛУ И В ЭВАКУАЦИИ

В тылу и эвакуации

22 июня началось спонтанное бегство населения с приграничных территорий – местные власти самовольно начали эвакуацию, еще не получив официальные распоряжения из центра. Со станций Белосток и Гродно в первый день войны было отправлено 30 эвакопоездов. 23 июня поступило разрешение из Москвы, а днем позже был создан Совет по эвакуации – в его задачи входила подготовка вывоза промышленных предприятий, материальных ценностей и сырья. При эвакуации мирного населения определили приоритеты: рабочие эвакуируемых заводов, семьи командиров Красной армии и госбезопасности, семьи работников аппарата и дети до 15 лет.

Угроза оккупации нависла над районами, где проживало 40 % всего населения страны, было расположено 31 850 промышленных предприятий, в том числе 37 заводов черной металлургии, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, 1135 шахт, свыше 3 тыс. нефтяных скважин, 61 крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий.

До 1942 года в восточные области СССР вывезли 2593 предприятия, 70 % которых разместили в Западной Сибири, на Урале, в Центральной Азии, а остальное – в Поволжье и Восточной Сибири. 30–40 % рабочих, инженеров и техников были эвакуированы вместе с промышленными объектами. Также эвакуировали театры, музейные ценности, картинные галереи.

Всего за годы войны в тыл было перенаправлено 17 миллионов человек.

Разрешение на эвакуацию (его получали только те, кто попадал в приоритетную для эвакуации категорию) давало возможность сесть на поезд, а по месту прибытия получить продовольственные карточки.

Начиная с 5 июля 1941 года, на основных железнодорожных узлах были открыты эвакуационные пункты. Уже к 18 июля их насчитывалось 120. Эти пункты принимали эшелоны, выдавали хлеб и кипяток, в некоторых из них были столовые и душевые.

Однако основная часть беженцев уходила на восток самостоятельно. Дороги были переполнены, а на некоторых участках наступающие немецкие части даже обгоняли отступающие гражданские колонны.

Расселение беженцев зависело от того, эвакуировались они с

предприятиями или самостоятельно. Основная часть промышленности была перенаправлена на Урал. Те же, кто эвакуировались сами, могли выбирать место жительства. Нередко преимущество отдавали сельской местности, потому что там проще было достать еду.

Условия жизни в эвакуации были разными. Для сотрудников эвакуированных предприятий строили бараки, на первом этапе обходились палатками. Роль перегородок в бараке выполняли простыни, картонные или деревянные конструкции. В некоторых населенных пунктах эвакуированных подселяли в квартиры и дома к местным жителям.

Продовольственные карточки не гарантировали качественного довольствия. Неработающие люди получали по ним 200 граммов хлеба в день. Привилегированным неработающим категориям людей, а также детям в детских учреждениях полагалось 600 граммов в день. Работающие, как правило, получали от 600 до 800 граммов – в связи с этим большинство подростков в эвакуации, начиная с 12–13 лет, стремились попасть на работу.

Ковали победу в тылу

Моя бабушка, Александра Васильевна Савченко, – одна из тех самоотверженных женщин, которые с первых дней войны заменили своих мужей, отцов и братьев на заводах и в колхозах и которые, как бы громко ни звучали эти слова, ковали Победу в тылу.

Родилась моя бабушка и всю жизнь прожила в Нязепетровске. Ее старший брат в первые дни войны был призван на фронт. И погиб в бою на Курской дуге. Бабушка осталась с сестрой и мамой.

Было очень тяжело. Как и всем тогда. Работали все от мала до велика не покладая рук. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» был не просто словами, он стал законом жизни для каждого советского человека.

В 1942 году совсем юной, ей было всего 14 лет, бабушка пришла работать на завод им. Калинина. «Резали бумагу, заворачивали в нее бомбы и складывали их в ящики. Большие бомбы были очень тяжелые, поэтому приходилось их перевозить трем-четырем подросткам, так как сил у них не хватало», – вспоминает она.

600 граммов хлеба в день была плата за тяжелый труд.

И рассказывает, как разгружали вагоны с углем, строили железную дорогу от завода до железнодорожной станции Нязепетровская. Когда бабушка выучилась на контролера ОТК, стало немного легче. Она проверяла качество производимых бомб, затем ее перевели в контору, и она прошла обучение на копировщицу «Это сейчас „ксероксы“, а тогда их не было», – улыбаясь, коверкая это трудное для нее слово, говорит бабуля.

Всю войну проработала бабушка на заводе. И говорит, что нельзя описать словами ту радость, которую испытала она 9 мая, когда пришла долгожданная победа.

Александра Васильевна Савченко

Бабушка награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Сорок лет отработала она на заводе им. Калинина, оттуда и ушла на пенсию. Не забывают бабушку районный совет ветеранов, ветеранская организация краностроительного завода – приглашают на чаепитие в День Победы, иногда навещают.

«Это очень приятно, что о нас помнят», – со слезами на глазах говорит бабушка.

Мусина Татьяна Сергеевна

Марш «Прощание славянки»

22 июня 1941 года. Рано утром с крыльца нашего дома слышу звуки моторов и стрельбу со стороны границы. Я почему-то понял – война.

Мой папа пограничник. Наша воинская часть – на границе с Польшей недалеко от Минска. А папу еще зимой направили учиться в Москву на курсы усовершенствования командного состава, или КУКС.

К дому подъехали полуторки. Шофера откидывают борта. Говорят, что нужно увезти гражданских куда-нибудь в глубь страны. В каждой машине бочка с бензином. Еще по ящику с винтовками и цинки с патронами. Я знаю, что каждая жена командира хорошо стреляет, их этому учили, не жалея патронов. А на кабине первой машины установлен пулемет «максим».

Мама быстро ходит по квартирам и торопит женщин на погрузку:

– Много вещей не брать. Недели через две-три вернемся.

А бабушка расстелила скатерть на полу. Складывает на нее одежду, белье, еще что-то. Связывает противоположные углы скатерти. Потом и вторую пару углов. Такой шар называется «узел». Их у нас два или три.

Маму назначили начальником автоколонны, потому что мама – женорг нашей части. На эту должность выбирают жены командиров на своем собрании. Оплаты не положено. Это общественная работа. У мамы есть именной пистолет за содействие в задержании нарушителя границы.

Стрельба от границы слышнее. Машины загружены. Поехали.

Мы с бабушкой в кабине. Мама в кузове. Дорога петляет по лесу. Впереди выходят из кустов трое красноармейцев с винтовками. Голосуют.

– Валя! Что делать? – кричит в открытое окно водитель и сигналит.

Солдаты все ближе. Один из них вскинул винтовку.

Близниченко Валентина Васильевна

– Вперед! – кричит мама. Над головой у нас застрочил «максим».

Красноармейцы расступились. Мы проехали мимо. Мама из пулемета дала очередь над головами людей на дороге.

На остановке мама ответила на бабушкин вопрос о стрельбе:

– А если в кустах еще солдаты, которые хотели захватить машины? Здесь же должны быть пограничники. А у этих армейская форма. Или если это немцы? Пришлось стрелять. Пока едем, мы, при нападении, можем и отстреляться. А на остановке? Женщины штыками отбиваться не умеют. Тогда нас просто из машин вытолкают. Нет, людьми рисковать нельзя.

Дом, в котором мы живем на Урале в городе Ирбит, стоит на окраине. Дальше еще три-четыре дома и начинается поле.

Мы играем во дворе на бревнах, от которых, когда надо, мы с мамой отпиливаем дрова. У мамы язва желудка. Это дрова для нашего двора. Мы услыхали приближающуюся музыку духового оркестра. А когда играет музыка, это уже для детворы праздник.

Мы, ребятня, побежали на звуки оркестра. Музыканты идут строем по улице в сторону нашего дома и играют марши. Мы побежали рядом со строем. Нам задорно. Идти со скоростью оркестра мы же не можем.

Недалеко от нашего дома оркестр останавливается, отходит с дороги на площадку и снова играет, стоя лицом к дороге.

Мимо оркестра по дороге идет строй новобранцев с котомками за плечами. Он уходит от оркестра. Из города. Уходит от провожающих на пустынную дорогу Оркестр чаще других маршей играет «Прощание славянки».

Ворончихин Алексей Осипович

Ворончихина Валентина Васильевна. Ирбит. 1942 г.

Рядом с оркестром останавливаются провожающие. Это их матери, знакомые. Кто-то машет вслед уходящим парням. Кто-то крестит их. Но почему-то все плачут. Мы, пацаны, считаем, что на войне этих парней ждут подвиги. Но слезы женщин как-то заглушают мысли о подвигах. Ведь время от времени кому-то из знакомых приходят похоронки. И тогда в этом доме люди плачут и долго не улыбаются. А здесь плач, причитания, вскрики женщин продолжаются еще и после того, как оркестр, проводив

последнего новобранца, замолкает и возвращается в город. А строй удаляется от нас.

Когда я слышу марш «Прощание славянки», передо мной снова возникает картина проводов тех парней под плач матерей, которые обычно при невзгодах слезы показывают только подушке.

9 мая 1945 года. Как-то я ночью слышу, что кто-то бежит к нашей землянке. Стук в дверь.

– Товарищ старший сержант! Победа! – прокричал сапер дядя Паша.

Мама и отчим открыли дверь.

– Сейчас связисты поймали сообщение. Победа!

Расцеловались. Увидели, что дядя Паша в кальсонах, отчим в трусах, а мама в сорочке. Часы показывают два часа ночи девятого мая 1945 года.

Утром мама пошла на работу в офицерскую столовую нашего Четвертого учебного полка, хотя у нее сегодня выходной. Сегодня точно надо готовить праздничный обед. А мама – шеф-повар.

За столом в нашей маленькой землянке сидят с наградами офицеры, сержанты и рядовые. От выпитой водки они не хмелеют. Все стали чуточку не такими, какими были обычно. Лица их почему-то стали немножко мальчишескими и успокоенными. Иногда кто-нибудь из них вспоминает и рассказывает случай из войны, когда погиб друг. Рассказчик подчас не скрывает слез. Взрослые дяденьки, не стесняясь, плачут. О своих заслугах никто не говорит. Рассказывают о друзьях, об однополчанах.

Вечером на танцплощадке духовой оркестр играет марш «Прощание славянки», приглашая людей на продолжение праздника. Так и наступило ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Анатолий Алексеевич Ворончихин, 13.11.1936 г. р.

Как мы выжили рядом с фронтом

В родной Кочетовке

Когда началась война, мне было 9 лет. Жили мы в 18 километрах от Воронежа, в деревне Кочетовка. Это было всего 30 домов, хаотично разбросанных среди колхозных полей. Рядом протекала речка, местами довольно широкая и глубокая. По берегам ее рос тальник, ивы. Я любовалась ею, когда мы с дедом ходили на рыбалку. Бредень дедушка плел из конопляной нити, скрученной вдвое. Нить бабушка пряла сама на прялке – из выращенной в огороде конопли. Мои родители работали в колхозе. Держали и личное хозяйство: корову, овец, кур и большой огород – аж 40 соток. Иначе было не прожить – в колхозе зарплаты не давали. Через дорогу от нас жили дед с бабушкой и братьями нашего папы – Иваном, Алексеем и Василием. Нас в семье было четыре сестренки, я – старшая.

Начало войны

Отца забрали на фронт. Мы его провожали. Мама несла двухгодовалую Манюшку. Шуре было семь лет, а Нине – пять. На сборном пункте у сельпо шел митинг. Проводили мы отца и отправились домой. Мама держалась спокойно. Она была очень волевая женщина. Оставшись с кучей детей мал мала меньше, она не растерялась. Жить без папы стало скучно – я так это ощущала. Вскоре ушли на фронт и братья отца. Дед и бабушка стали совсем грустные. Наш отец вскоре прислал домой два треугольника – письма с фронта. Это были первые и последние его письма. Дядя Василий, младший в семье, ушел на фронт как только ему исполнилось 18 лет. Вскоре пришла на него похоронка. А через короткое время – еще одна, на Алексея. Сообщили, что был он в партизанском отряде, что захватили его немцы и жестоко с ним расправились.

Проводы на войну

Детство мое кончилось. Кругом было горе и слезы. Страшно даже проходить мимо дома, где жили дедушка с бабушкой. Бабушка все время в голос плакала. Зайдешь в дом, когда она одна, она откроет сундук, расставит портреты сынов, сделанные из маленьких фотографий, сидит, плачет и с ними разговаривает. Я садилась рядом С ней, тоже плакала и просила ее перестать с ними разговаривать. Немного успокаивалась она, когда возвращался дед, Савелий Терентьевич.

Помощь фронту

Дед считался активным колхозником. Как-то во двор привезли несколько возов соломы. Оказалось, что должны пригнать стадо раненых и истощенных лошадей. Животных надо было еще переправить через реку. Они были так слабы, что чуть не утонули. Деду пришлось на лодке помогать при переправе. Пригнали всего 17 голов. Лошади были измучены и, попав во двор, сразу улеглись. Стали мы их выхаживать. У деда имелся запас кормовой свеклы. Он был человек умный и предприимчивый и многое умел делать своими руками. Так он придумал и сделал соломорезку. Я крутила ручку, а дед закладывал снопы соломы. Резаная солома попадала в большой чан, потом мы обливали ее горячей водой и добавляли тертую свеклу. Этим и кормили вверенных нам лошадей. Через два месяца они стали гладкие и здоровые. Скоро прибыли офицеры, этих коней забрали, а нам снова пригнали больных и измученных – на поправку.

Как мы выжили

Колхоз наш назывался «Единение». Перед войной я пошла в школу. Она располагалась в бывшем доме барина Маслова. Дом был красивый, с большим фруктовым садом. Моя бабушка в молодости работала у этого Маслова. Во время войны в доме разместился штаб. Штабные офицеры расселились по всем домам. Жили они и у нас. Мне запомнились два Павла – фамилия одного Пшеничный, а другого – Жаров. Оба в капитанском звании были. Они приносили консервы – кильку в томате, пшено в пачках. Мама варила из пшена кашу. Молока у нас было много. Еще до войны отец купил корову. Боялся, что старовата, будет плохо доиться. На хорошую у него денег не хватило. А корова оказалась чудесная: давала по 20 литров молока в сутки. Звали ее Марусей, была она темно-красная, с белым брюхом и длинной мордой. И эта «старушка» родила нам телочку! Цвета топленого молока, толстенькую и рослую! Умница Маруся помогла нам пережить страшное, голодное время. Молока хватало, чтобы и налог покрыть, и детей накормить. Но и потрудиться приходилось, чтобы запасти корм. Дождей в тех краях мало. Мы с мамой собирали каждую травинку, каждую соломинку. Сушили на зиму всю траву с огорода. А огород весной надо было вскопать лопатой, все 40 соток. Был у нас и фруктовый сад. Но власти обложили непосильным налогом каждое фруктовое дерево. И стали женщины со слезами рубить свои груши и яблони и сжигать

их стволы в печках.

Детство кончилось

Я зимой ходила в школу. В классах было очень холодно, и мы сидели на уроках в верхней одежде. Чернила были самодельные, из стержня карандаша. Они замерзали в классе. Поэтому приходилось уносить чернильницу на ночь домой. Тетрадки шили сами – из газет, которые приносили нам военные. По воскресеньям, а иногда и после школы мне приходилось работать за маму, так как сестры были еще маленькие. Зимой в поле мы устанавливали соломенные щиты для задержания снега. Мне было 10 лет, а я работала в бригаде со взрослыми женщинами.

Летом, когда мне исполнилось 11 лет, я уже работала в бригаде вместо мамы – полный день. Помню первое лето, мы занимались прополкой свеклы и подсолнечника. Босиком, при жаре в 40 градусов, я работала наравне со всеми. А утром приходит бригадир и говорит: «Нюрушка, пойдешь молотить на сутки». А маме велит: «Собери ей котомку с продуктами побольше!» Стояла я на молотилке у бункера. Женщины бросают мне снопы. А я обрезаю свясла и толкаю сноп в бункер. Вспоминаю сейчас и думаю: «Ведь совсем ребенок была, все что угодно могло случиться». Ночь. Светится лишь огонек комбайна. Жарко, пот глаза заливает. Стоит комбайнеру чуть приостановить свою машину, как меня начинает клонить в сон. И так до утра. Я чувствовала, что детство мое кончилось. Так я стала взрослой. За рабочий сезон мне начислили 182 трудодня. За труды мои получила восемь килограммов пшеницы, принесла маме. Так что прожить можно было только со своего подворья. Вот мама и старалась. Давили нас налогами безбожно: 400 литров молока, сто яиц вынь да положь! А немцы с самолета бросали листовки. Мы, ребятишки, их ловили:

Меня вызвали на суд,
стою трясуся.
Присудили сто яиц,
я не несуся.

И подпись: *Петух.*

Вечером, управив все дела, забираемся на печку. Горит лишь фитиль в банке с керосином. Мы сидим, прижавшись друг к другу. Слышим: гудит, пролетая над нами, самолет. А в окошко

стук: чей-то голос требует плотнее завесить окна, чтобы летчик не заметил свет и не стал нас бомбить. Мое сердце замирает от страха, а мама нас успокаивает, говорит, что это летят наши самолеты, чтобы нас охранять.

Наши отступают

В 1942 году немцы захватили пол-Воронежа. Весь правый берег. Наши женщины собрались возле штаба. По громкоговорителю старший офицер прочитал приказ Сталина от 28 июля 1942 года. Там было сказано: «Бой идет в районе Воронежа, враг рвется к Сталинграду, хочет любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами». Эту речь мы слушали вечером, а утром тучами пошли через нашу Кочетовку со стороны села Парусное наши войска. Солдаты шли измученные, офицеры оставляли у каждого дома по 20 человек. Досталась такая команда и нам. Бойцы сразу побежали на речку помыться и постирать белье. Потом мама их накормила. Она заранее наварила побольше картошки и свеклы, да еще вынесла горшки с молоком и простоквашей и хлеб, испеченный в русской печке, – с лузгой, тертой свеклой и картошкой. Такой хлеб все мы ели – муки было мало. Отдохнув, солдаты двинулись дальше, на восток. А нас охватило волнение: мы боялись, что немцы придут в наше село. Все припасы на зиму дедушка вывез в село Шуриново, к знакомым. А возле дома выкопал землянку с тремя ходами. Родственники, жившие за рекой, переселились в наш дом. Стало нас 14 человек. В доме деда военные велели снять полы и выкопать котлован, чтобы можно было при необходимости установить орудие.

Хорошие вести

И – о, радость! Стало известно, что наши вывели горожан из захваченного Воронежа и разбомбили Чернавский мост – немцам ход был закрыт. Тут началось наступление советских войск, и мы вздохнули с облегчением. Ребятишки, кто постарше, кричали «ура!».

Как-то зашел наш бригадир Илья и сказал, чтобы мы шли на левый берег Воронежа за мукой – можно брать кто сколько унесет. Все женщины с детьми ринулись на тот берег. Там были элеваторы, где хранился НЗ – неприкосновенный запас. Наши войска перед приходом немцев залили муку керосином. Вот этой-то муки мы и набрали. Мама напекла из нее пышек. Мы ели и отрыгивали керосином. Но ничего, не отравились.

Вернулся с войны мамин младший брат Василий. Инвалидом пришел, без правой руки, а на левой пальцы искалечены. Опять слезы и горе. Отдохнул Василий немного и стал работать старшим на току и заведующим зерноскладом – он был в семье грамотеем.

Мы, ребятишки, пошли как-то на поле собирать колоски после уборки. Смотрим: мчится к нам объездчик. Посадил он нас на телегу, привез на ток, заставил крутить веялку и насыпать собранное зерно в мешки. Так мы трудились до вечера, пока нас не разыскала мама. Она позвала на подмогу Василия, он-то нас и вызволил из «плена».

Возвращение

Уже шел 1945 год, а от нашего отца не было ни слуху ни духу. И вдруг, поздно вечером к нам в окно постучала бабушка, мамина свекровь. Плачет и говорит: «Петя пришел, у нас сидит». Мы всей гурьбой побежали к ним. А наутро собралась вся родня, и папа стал рассказывать, как он попал в плен, жил у немцев, как бежал. Отец попал в плен под Курской дугой. Он рассказывал, что его привезли в немецкий лагерь, – я его рассказ помню от слова до слова. Мне было тогда 13 лет. «Лагерь был окружен колючей проволокой, – говорил отец. – Нас, пленных, было так много, что мы стояли как овцы, прижавшись друг к другу. Потом отдали меня в работники по уходу за скотом. А через полтора года – снова в лагерь. И решил я бежать». Отец трижды бежал из лагеря, его травили собаками, а поймав, нещадно били. Но он снова бежал. Вернулся в строй, участвовал во взятии Берлина и получил за это орден. Я гордилась и горжусь своим отцом: тем, какой он волевой и сильный человек. И горжусь своей страной, которая победила в войне и поднялась из такой разрухи.

Анна Петровна Разина, ветеран труда и труженик тыла, 83 года

Навстречу войне

Я родился в 1931 году в Подмосковье, в Луховицком районе, селе Ловцы. Вскоре после рождения мои родители переехали на постоянное жительство в Москву, и в 1939 году я пошел в 1 класс 416-й московской школы. Мы жили в огромном деревянном 2-этажном доме барачного типа, недалеко от Заставы Ильича. В доме было печное отопление, не было водопровода. Воду брали из водопроводной колонки, которая была на улице. Во дворе дома стояли сарайчики, где хранились дрова, которые завозили с осени.

Всего в доме было около 30 маленьких комнат, в каждой комнате жила одна семья, некоторые были многодетными. Наша семья из 4 человек занимала 10-метровую каморку. Жили очень бедно. Я научился читать с 6 лет. У некоторых наших соседей были книги, поэтому я ходил по дому и просил дать мне почитать. Мне не отказывали. Сегодня я получал «Остров сокровищ», завтра интереснейшую подшивку дореволюционного журнала «Нива», затем арабские сказки и даже философию Гегеля. Читал все, что попадало в руки. Каждую книгу брал в руки с трепетом. Страсть к чтению сохранил на всю жизнь. Когда мне исполнилось 7 лет, мама записала меня в библиотеку, которая находилась недалеко от дома. На всю жизнь запомнил 2 первые книги, полученные в этой библиотеке – «Робинзон Крузо» и «80 тысяч лье под водой» Жюля Верна. Каждой посещение библиотеки было для меня праздником. Я почти не принимал участия в дворовых мальчишеских играх и все свободное время читал.

В 1940 году мой папа, инженер-гидротехник, был направлен на строительство военного аэродрома в освобожденную Молдавию. Через год, в конце мая 1941 года, папа прислал нам вызов на право въезда в Молдавию. Мама оформила в милиции пропуск, и 15 июня, за неделю до начала войны мама, десятилетний я и сестренка 4 лет с Киевского вокзала отправились навстречу войне.

Поездка произвела огромное впечатление. Я не отрывался от окна вагона. До этого я лишь изредка ездил на пригородном поезде в пионерский лагерь. Ехали по Украине: в памяти остались огромные, до горизонта поля созревающей пшеницы, подсолнухов, тянущих золотистые диски к солнцу. Белоснежные украинские мазанки, крытые соломой. Могучие волы, запряженные попарно, медленно шагали вдоль железной дороги, увлекая за собой необычной формы повозку, на которой сидел человек в широкополой соломенной шляпе. Перед моими глазами

возникали картины, словно из рассказов Н. В. Гоголя.

Папа встретил нас в Кишиневе. Почему-то осталась в памяти картина огромного кишиневского базара, где, кажется, повсюду продавалась клубника. Дальше мы поехали в г. Бельцы, а оттуда к месту папиной работы. Я не помню названия села, где располагался аэродром. Село стояло на некотором возвышении, а ниже лежала широкая долина, с которой просматривались аэродром, взлетная полоса и ряды истребителей, их было там не меньше сотни. Папа объяснил, что недавно на аэродром перебазировали полк истребительной авиации. Мы поселились в доме, к которому примыкал огромный фруктовый сад. Помню сливовые деревья, усыпанные недозрелыми сливами, и согнутые под их тяжестью ветви.

Ранним утром 22 июня в 4 часа утра мы все проснулись от грохота разрывов и гула самолетов. На низкой высоте летали самолеты с черными крестами на бортах и безостановочно бомбили аэродром. Истребители горели. Ни один наш истребитель не поднялся в воздух. Как я узнал позднее, накануне, в субботу, весь летный состав отправился в Бельцы на отдых (в 10 км от села). Не было даже дежурных пилотов. Весь истребительный полк был уничтожен.

Папа остался в Молдавии, а мы с мамой поехали прочь от войны. Почти месяц мы были в движении – шли пешком, ехали на подводах, попутных машинах. Были под бомбежками, под обстрелами, видели, как по проселочным пыльным дорогам бредут нагруженные узлами женщины, дети, старики и гонят перед собой коров и коз. Картины этого трагического бегства навсегда в памяти. Только мужество и самоотверженность нашей мамы спасли нас с сестрой.

Каким-то чудом добрались до Москвы. Став взрослым, я спросил отца, зачем он позвал нас тогда к себе, ведь вот-вот должна была разразиться война. Отец лишь развел руками.

Мы эвакуировались в Удмуртию, куда папу направили на строительство военного аэродрома, там готовилась линия обороны. В Удмуртии нас поселили в огромный барак, где проживали только эвакуированные семьи. Таких было около 40. Только женщины и дети. Это был интернационал: русские, белорусы, евреи, грузины, татары и др. Жили одной семьей. Делили радость и горе. Папа почти всегда пропадал на строительстве. В 1943 году приехали пережившие блокаду ленинградцы. Страшные подробности узнали мы об ужасах блокадных дней, голоде, бомбежках, потерях родных.

День великой Победы был долгожданным праздником для всех. После войны мы вернулись в Москву, но вскоре переехали в

г. Бельцы. Там я закончил 10-летку. Год проработал рабочим в геодезической партии, а в 1950 году поступил в Московский технический институт рыбной промышленности и хозяйства им. А. И. Микояна. 5 лет счастливой, полуголодной студенческой жизни. После окончания института, в 1995 году вместе с женой, которая была моей однокурсницей, по собственному желанию, горя романтикой, мы распределились на Сахалин, где прожили и проработали 43 года. За эти годы я сменил лишь одно место работы. 33 года я проработал в системе Министерства рыбного хозяйства, на предприятии по охране рыбных ресурсов, китов, морских животных, в том числе котиков. Занимался воспроизводством лососевых, кеты и горбуши на 22 рыбоводных заводах. Сферой моей деятельности был контроль за иностранным промыслом рыбы в водах Охотского моря. В основном это был японский промысел.

За время работы я побывал на Колыме, на Камчатке, в Приморье, на всех Курильских островах, На Командорах, избороздил Охотское и Японское моря, прилегающий к Курилам Тихий океан, побывал в Японии. В 1988 году на Сахалине был образован областной комитет по охране природы, там я проработал последние 10 лет. За плечами осталась большая, очень интересная жизнь, наполненная встречами с умными, образованными, интересными людьми, невероятными событиями. Кроме Дальнего Востока удалось немало поездить по Центральной России, от Мурманска и Ленинграда до Астрахани, побывать в Крыму и на Кавказе. Надеюсь, что жизнь прожита не зря.

Юрий Степанович Золотарев, теперь уже дмитровчанин

Землетрясение

Когда началась война, 37-летнего отца забрали в армию, и мы остались – я, мама и младшая сестра. Мне было 16 лет. Не было никаких пособий, жить было не на что. Была земля. Мы сажали картошку, тыкву, сушили сено на зиму. Мы с мамой прятали урожай на зиму в сено на чердаке.

Два года от отца не было никаких вестей. Я уже поступила в Медицинский институт в Алма-Ате без экзаменов, жила в общежитии… а тут мама пересылает мне солдатский «треугольничек», «…сегодня оказался у своих». И все. Ничего не понятно. Это уже 43 год. Я прочла и не знаю, как реагировать. Прошло какое-то время, приходит еще одно письмо – один из подлеченных бойцов увез с собой и бросил в почтовый ящик. Оказывается, отец со своим подразделением оказался в лесу в окружении немцев. Курская дуга. Никто не мог прорваться. Их вытеснили на открытую местность, началась перестрелка, отец спасался ползком… обе ноги у него были прострелены; он выбрался, благодаря нашей операции по спасению окруженцев. Попал в госпиталь. В госпитале его лечили, выписали, дали группу инвалидности.

Маринич Анна Алексеевна

Наконец, папа вернулся домой, и мне, конечно, очень хотелось повидать его. А как я попаду домой? Тогда билет можно было взять только командировочным, должно было быть удостоверение. Я объяснила ситуацию администрации в институте, и мне написали справку. Еду с билетом. И вот – милиция с проверкой по вагонам. Спрашивают – а вы куда? Я говорю – домой. Показала им свою справку. Спрашивают: откуда документ? Объясняю, что папа вернулся с фронта, и мне

разрешили его навестить. Справка, говорят, не документ, фальшивая… Меня ссадили с поезда. Еды у меня нет, голодная, в пальто мамином, перешитом на меня. Переночевать негде, на улице февраль. Меня отправили к дежурному милиционеру, посадили к «зайцам». Дежурный стал расспрашивать почему я с ними, со шпаной, а объясняю, я не с ними, я домой еду со справкой из института и билетом. Он меня покормил, а на следующий день посадил на поезд. Появились проверяющие милиционеры, «О! – говорят, – опять она здесь». Но я сказала, с волка две шкуры не дерут – и меня оставили в покое, и я доехала домой. Папа, когда увидел меня, сказал, Боже мой, какая ж ты худая! Трое суток без еды…

Мама начала меня откармливать – сварила кашу из тыквы и кукурузной крупы. Но организм не принял пищу, это было как отравление. Три дня я провалялась, меня рвало, слабость, а мне пора возвращаться обратно в институт, сессия. Я пошла в милицию, мне выдали документы-разрешение, чтоб я вернулась в Алма-Ату на учебу.

* * *

Навестила родителей уже в марте, после окончания первого семестра. Отец вернулся на работу бухгалтером на «Заготзерне». Рабочие привезли 2–3 кг крупы, муки, для родителей, так они все это отдали мне, чтоб я увезла в общежитие. Питались мы тогда скудно. Хлеба 400–500 грамм в день, суп, и каждая карточка только на один день, на следующий снова надо было в очереди стоять. И вот мы с этой крупой не знаем что делать – в общежитии и зимой не топят, электричества нет, есть очень хочется. Как сварить? Придумали таскать куски деревянного забора. Доски длинные. Мы их перебрасывали через канаву, прыгали, чтоб разломить, собирали и проносили с собой под пальто, чтобы нас не задержала дежурная общежития в вестибюле. В комнате поставили два кирпича, под них эти досточки, на кирпичи – кастрюлю, чтобы крупы сварить. Дрова с улицы сырые, огонь то разгорится, то потухнет, крупа подгорает…

* * *

Света у нас в общежитии не было, единственный источник – фонарь госпиталя через дорогу напротив. Госпиталь всегда был

хорошо освещен. Как-то раз среди ночи мы заметили, что фонарь начал странно раскачиваться… Тени мечутся по комнате. У нас второй этаж. Оказалось, это было землетрясение. Начало трясти. Мы, кто в чем был, выбежали на улицу. Страшно.

На следующий день в институтской газете писали, что во время землетрясения из женского общежития мединститута вытряхнуло пятерых солдат и трех офицеров…

А летом, когда я приехала на каникулы, смотрю, а мама с животом, в положении, стесняется меня встречать, а папа говорит, показывайся. И к концу года родился мой брат.

Написано со слов Маринин Анны Алексеевны, 1925 года рождения, заслуженного медика, чудесного человека и просто бабушки, прабабушки

Ишимбайский эвакогоспиталь

На территории нашей Башкирии за годы войны было создано 63 эвакогоспиталя. В сентябре 1941-го горком партии и горсовет г. Ишимбай получили приказ организовать приемку раненых. Помещения школ № 1 и 3 заполнили койками, появились операционные и перевязочные, набирался медперсонал. В октябре из Ельца прибыл эшелон с врачами и медсестрами. Санитарки были местные.

В декабре 1941 года прибыл первый состав с ранеными. Тяжело было видеть худых и искалеченных людей с окровавленными бинтами, ослабевших за время пути. В госпитале раненых стригли, мыли, одевали в халаты и начинали лечить. Так в Ишимбае под самый Новый год открылся э/г № 2606.

Начальником госпиталя был майор медицинской службы Пеняев. Раненых и больных лечили хирурги, ортопеды и терапевты. Применялась гимнастика, солнечные ванны, лечебное питание, переливание крови. Врач Рыбаковская успешно воздействовала расплавленным парафином на гноящиеся раны.

Когда не стало хватать мест в палатах, на заводе им. Сталина (ныне ОАО «ИМЗ») сварили двухярусные кровати. Когда не хватало ваты, доставали «кошками» сфагновый мох со дна рек Белая и Тайрук, сушили, обрабатывали и пускали в дело. Из Красноусольска привозили лечебную грязь.

В конце лечения раненые направлялись в батальоны для выздоравливающих. Умерших хоронили на военном участке городского кладбища. Сегодня здесь стоит обелиск с фамилиями 27 погребенных солдат и офицеров Красной армии.

В августе 1943 года четырнадцать госпиталей республики передали в действующую армию. Вместе с врачами и оборудованием э/г № 2606 вошел в состав 1-го Белорусского фронта. Госпиталь лечил бойцов Красной армии в Туле, Брянской области и Белоруссии. В Польше э/г № 2606 встретил День Победы.

Вместо выбывшего госпиталя в Ишимбае в тех же помещениях организуется новый госпиталь № 5920. Его начальником стал подполковник медицинской службы Ивицкий. Главная проблема – где взять кадры? По направлению башвоенкомата в эвакогоспиталь зачисляются врачи и медсестры со всей республики, а также из других уголков страны. Так, например, врач Ламкина приехала из блокадного Ленинграда.

Лечение раненых продолжалось. Перед бойцами с концертами выступали певцы и танцоры, за ними ухаживали

школьники и шефы городских предприятий, из района привозили свежие продукты.

Фронт все дальше продвигался на запад. А в тылу страны находились под охраной тысячи военнопленных германской армии и их союзников. Они восстанавливали разрушенное войной народное хозяйство или находились на лечении. В Башкирии спецгоспитали открыли в Уфе, Белорецке и Ишимбае.

Эвакогоспиталь 5920. 1945 г.

Осенью 1944 года по распоряжению руководства раненые бойцы из эвакогоспиталя № 5920 были переведены в другие госпитали БАССР. На их месте организуется спецгоспиталь под тем же номером. Так в городе башкирских нефтяников появились пленные немцы, австрийцы, венгры, румыны, поляки и чехи. К работе приступил новый начальник майор мед службы Алексеев.

Переводчица Анна и санитарка Фрида

«Иностранцев» охраняли день и ночь. Запрещалось разговаривать с ними посторонним лицам, заходить к ним в палаты в темное время суток и сообщать место, куда их привезли. Медсестры под присмотром старшего палаты раздавали лекарства, которое тут же выпивалось.

Лечились в Ишимбае также солдаты и офицеры СС – у них была отдельная палата на втором этаже. Много было юных солдат из фольксштурма – бывших членов организации гитлерюгенд. Были и женщины – интернированные: те, кто работали на германскую армию. Две немки родили в спецгоспитале, но младенцы долго не прожили.

И вот пришел долгожданный День Победы – 9 мая. Начальник и администрация спецгоспиталя ходили по палатам и объявляли радостную весть. На крыше второго корпуса трепетал красный флаг. Возник стихийный митинг. Кто мог передвигаться, выстроились в коридоре. Выступали все желающие. Переводила Анна Эккерт. Не все с радостью приняли победу Красной армии. Эсэсовцы в своей палате выкрикивали: «Нихт капитулирен!» («Нет капитуляции!»)

Все «иностранцы» стали строить планы возвращения домой. Комиссия из Уфы рассматривала дела военнопленных. Спецгоспиталь проработал в Ишимбае до декабря 1946 года.

Александр Масягутов

Я родилась на улице

Может быть, эта история, которую я хочу рассказать о своих родителях, покажется вам обыденной, потому что в ней нет боевых действий, партизанской войны, явно проявленного героизма. Но они, будучи обыкновенными, простыми людьми, оказавшись в тяжелейших обстоятельствах военного времени, выжили, как и весь наш народ, несмотря на лишения, голод, страдания, – показав врагам, да и всему миру, что сломить русского человека нельзя. Люди того поколения были особой закваски, какой-то огромной духовной, нравственной силы. И они пережили войну! Этот материал написан на основе воспоминаний родителей, моих брата и сестры и в малой части, моих собственных.

Когда началась война, мои родители, Егин Вениамин Михайлович и Егина Фаина Леонтьевна, жили в Сталинграде. У них тогда уже было двое детей: мой брат 7 лет и сестра 3 лет. Они жили спокойной счастливой жизнью, когда враг появился у порога и перешагнул через этот порог, обрушив на их головы всю мощь своего оружия, как на земле, так и в воздухе. И именно к этому времени маме подошло время родить третьего ребенка – меня. Я родилась в ноябре 1941 года, когда Сталинград подвергался сильнейшим бомбардировкам. Когда мама рассказывала нам о том времени, она говорила, что небо было черным от немецких самолетов. Мне всегда это казалось преувеличением. Но когда я прочитала военную хронику того периода в районе Сталинграда, я поняла, что мама не могла передать даже одной сотой того, что там происходило. Одновременно над городом на низкой высоте появлялось до ста фашистских самолетов и больше, а в течение дня их количество могло доходить до 2000. За время боев за Сталинград на город было сброшено около 3 миллионов бомб, мин и снарядов. Сталинград, как вы знаете, был уничтожен практически полностью, на всей его территории остались одни руины.

В момент моего рождения папы рядом не было. Будучи по профессии инженером-строителем, он был направлен на восстановление разрушенных взорванных железнодорожных мостов и путей, находясь в специальном восстановительном поезде (может быть я в названиях недостаточно точна), который шел по намеченным маршрутам, зачастую под бомбежками, осуществляя эту работу. Никакой скорой помощи к тому времени не было. Мама, выйдя на улицу, пыталась кое-как дойти до больницы, но не успела. Я родилась прямо на улице, маме

помогли, кто оказался рядом. Можно ли представить состояние совсем еще молодой женщины, ей к тому времени было 26 лет, с тремя детьми, один из которых едва родился, в условиях постоянной ежедневной, ежечасной бомбежки, когда все вокруг рушилось, взрывалось и горело. Мама понимала, что каждый миг смертельно опасен. Она, конечно же, боялась не за себя, а за нас. Потому что сама по себе она всегда была очень активной, решительной, принимая участие везде, куда звал комсомол. Так она по комсомольской путевке поехала на строительство Комсомольска-на-Амуре, где и познакомилась с отцом, который тоже приехал туда по комсомольской путевке. Она занималась в аэроклубе ОСОАВИАХИМа парашютным спортом, в клубе «Ворошиловский стрелок». Я думаю, она не была особенной, в то время это было типично для молодежи, просто она была именно такой. И когда грянула война, она, безусловно, одна из первых, я уверена в этом, стояла бы у дверей военкомата, но для нее жизненные обстоятельства в это страшное время сложились именно так.

В один из моментов, когда бомбежка была особенно интенсивной, мама схватила меня на руки, за ручки брата и сестру, и, в чем была, выбежала на улицу. Во дворе собиралась отъезжать пустая грузовая машина. Мама быстро, насколько это было возможно, (видимо помогла комсомольская закалка), подсадила в машину брата с сестрой, дала им на руки меня и сама вскочила, когда машина уже тронулась с места. Мама не знала куда она едет, да это было и не важно, – важно было вырваться из грохочущего огнедышащего ада, царившего вокруг, чтобы спасти нас. Шофер гнал машину с бешенной скоростью, мама, прижав нас к себе, еле удерживалась, хватаясь за борта, чтобы не вылететь. Остановилась машина на какой-то станции и только тогда шофер увидел своих пассажиров. Он помог маме сойти, пристроил ее в крошечном вокзальчике и стал расспрашивать о близлежащем каком-нибудь поселке или деревне. Такой поселок оказался недалеко от станции и маму вместе с нами на телеге отвезли в этот поселок. К сожалению, я не помню ни названия станции, ни названия поселка. Но там маму очень радушно приняли, выделили комнату, помогли с едой, продуктами. А позже выделили сколько-то метров марли, сколько-то килограммов ваты, из которых мама сшила всем зимнюю одежду, покрасив марлю чернилами. Она устроилась там на работу бухгалтером. Рассказывая все это, мама с благодарностью вспоминала ту теплоту, внимание, помощь, которую совсем незнакомы люди, сами находясь в таких же трудных условиях, помогали ей постоянно.

Папа постоянно и долго ее разыскивал. Восстановительный поезд останавливался по необходимости в разных местах и на различное время. И везде папа расспрашивал, не видел ли кто молодую женщину с тремя детьми и грудным ребенком. Надо сказать, папа очень любил маму и это было взаимно. Они действительно пронесли эту любовь чрез все трудности и сложности семейной жизни до самой старости. И это было, на мой взгляд, просто чудо, что восстановительный поезд остановился и на той станции, до которой мама в свое время доехала на машине. Он нашел маму и взял всех нас с собой в поезд, где находились семьи и других членов ремонтно-восстановительной бригады этого поезда. Идо конца войны мы проехали с этим поездом. Это были товарные вагоны, взрослые гражданские занимались конкретной работой, обеспечивающей жизнедеятельность всех находящихся в этом поезде. Дети были даже организованы в своеобразный детский сад. Но поезд, в силу своей предназначенности, часто подвергался бомбежкам с низко летящих немецких самолетов. И тогда при их приближении поезд останавливался, все высыпали из вагонов и прятались за любой кочкой, бугорком, кустиком. Мама накрывала нас своим телом, пережидая налет.

Да и после войны, особенно первые годы, время было тяжелое и голодное. Наша семья остановилась на Украине в небольшом городке Знаменка. Это был железнодорожный узел. Папе выделили две отдельные комнаты, в которых, это и я уже помню, не было ничего кроме трех железных кроватей и по одному столу в каждой комнате. Выделили и земельный участок, но в лесу с большими пнями от срубленных деревьев. Выкорчевывать их надо было самим. Это был очень тяжелый труд, учитывая, что, кроме лопаты, других средств не было. И пока земля вскопалась, засалилась, – много здоровья на это было истрачено. Но это все равно было огромным счастьем. Войны не было. Сажали кукурузу, тыкву, картошку. Я до сих пор помню вкус мамалыги и тыквенной каши, которую мы ели каждый день. А мы, дети, бегали по разрушенным развалинам, по пыльным дорожкам. Причем, пыли почему-то было очень много, она была мягкая и теплая и мы буквально зарывались в ней по щиколотку. А когда шел дождь, мы бегали с восторгом по лужам. Мы собирали по оврагам паслен, мама пекла с ними из кукурузной муки пирожки. Продукты получали по карточкам. Иногда мама пекла пирожки и ходила на вокзал, пытаясь их продать. Но у нее ни разу это не получилось. А когда она, плача от своей неудачи, возвращалась домой, папа ее успокаивал, говоря: «Не переживай, мы сами их съедим». И спустя долгие, долгие годы эта фраза, как шутка,

вспоминалась в нашей семье. Игрушек у нас не было. На новый год елка украшалась всем, что было под рукой ну и, конечно, какими-нибудь фруктами, конфетками. Еще в яйце делались с двух сторон отверстия, яйцо выдувалось, а скорлупа, оставшись целой, раскрашивалось, к нему можно было приклеить украшение из бумаги, – и это была самая необыкновенно красивая елочная игрушка. Из игр я помню игру в пуговицы, когда надо было щелкнуть по одной, попасть в другую и если она попадала в ямку, то становилась твоей. И еще играли в фантики от конфет. Фантик надо было уложить в ладошке, коснуться ею края стола и если твой фантик накрывал чужой, ты забирал его себе. Каждый из нас хранил свои сокровища в отдельных коробочках, а во время проигрыша горячо его оспаривал.

Судьба моих родителей, – это судьба одна из миллионов в нашей стране во время войны, но в ней, как мне кажется, отразилась, как в капле воды, судьба всего нашего народа, хлебнувшего столько горя, страданий, лишений, испытаний, но не захлебнувшегося, а выстоявшего и преодолевшего все на своем пути. И хотя у каждого этот путь был свой, но вел он к одной цели – к победе.

У моей матери на фронте погиб брат, родителей расстреляли фашисты вместе с другими мирными жителями деревни, в которой они жили во время войны на Украине. И ни одну семью не обошла война. Но несмотря ни на что, они выстояли, они «Пережили войну!». И я в свои 73 года могу сказать, что все лучшее, что есть во мне, взято от моих родителей. С детских лет они учили нас добру, честности, справедливости, порядочности, сострадательности. Я благодарна своим родителям и горжусь ими.

Людмила Егина

Черная собачка

Летом 1943 года мама с бабушкой возвращались из эвакуации домой. Маме было пять лет. Бабушке – 23 года. Из Майкора (Пермский край) в Воронежскую область добирались без билетов, едва ли не на перекладных – сначала баржа, потом поезда, поезда, поезда.

В Майкоре бабушку уговаривали остаться еще хотя бы на несколько месяцев – Сталинград только освободили, все было слишком шатко, зыбко, страшно. Но они поехали – совсем маленькая девочка и совсем молодая женщина. Две тысячи километров пути. Фанерный чемодан. В мешок зашитая одежда. Бутылка с засахаренным медом – бабушка совала туда карандаш и давала облизать маме. Сладкий, граненый, твердый вкус. Еще у бабушки был с собой табак – самая верная валюта, вернее водки. За табак их пускали в вагон проводники – но мама запомнила только одного, старого, седого. Он дал ей попить и погладил по голове. Лето сорок третьего уродилось жарким.

На одной из станций они остановились надолго. В городе был госпиталь, в котором – бабушка твердо знала – лежал ее двоюродный брат Валик. Сын врага народа. Разведчик. Сутки, зимой, пролежал раненый в ногу, в воронке, ждал, когда за ним вернутся свои. Свои вернулись, как обещали. Ногу удалось спасти, но Валик все равно умер – от туберкулеза, уже после войны, в Ленинграде, в котором в блокаду умерла от голода его мать. Отец Валика вернулся из лагеря в 1953 году. Дожил до 1980 года – я хорошо его помню. Лысый, беззубый, молчаливый. Рассказывал только, как пил отвар из сосновых иголок – от цинги. Было невкусно, но – помогло. Госпиталь был на окраине города, и бабушка оставила пятилетнюю маму на вокзале – одну. Настрого велела не отходить от вещей. Мама не отошла. Это был очень долгий и очень жаркий день, который мама запомнила во всех страшных красочных подробностях. Мягкий мешок, твердый чемодан, незнакомые люди. Очень хочется пить. Солнце. Женщина на перроне в босоножках – с грудным ребенком. Во рту у ребенка – соска. Мама никогда до этого не видела ни маленьких детей, ни сосок, ни босоножек. И потому решила, что носы у обуви отгрыз ребенок, потому что был голодный. Мама хорошо знала, что это такое – быть голодной. И пока не догадывалась, что самый страшный, бесхлебный, сорок шестой год – еще впереди. Лебеда, брюква, желудевые пышки. Последняя жатва смерти после победы.

Бабушка вернулась на вокзал только к вечеру, серая от

усталости и пыли – мама спала, крепко прижав к себе вещи, ни в каком смысле не имеющие цены. Ничего не пропало, кроме Валика, которого в госпитале не оказалось. Перевели. Бабушка принесла с собой игрушку – маленькую черную собачку, самодельную, тряпичную. Весь остаток пути мама не выпускала собачку из рук – и больше всего радовалась, что у нее такой веселый, задранный, похожий на запятую хвостик.

Она очень долго прожила в доме – эта черная собачка. Почти до меня. Но потом куда-то исчезла. Наверное, просто устала.

Марина Степнова

Местные жители называли нас «выковыренными»

Когда началась война, мне уже исполнилось 12 лет. Я была в гостях у отца (родители развелись) под Ленинградом – он работал инженером по водоснабжению на Назиевском торфопредприятии, недалеко от станции Жихарево, в направлении Волховстроя. 22 июня мы с отцом пошли на озеро, навстречу нам попался какой-то местный работяга, сказал: «Лексеич, куда идешь – война началась». На следующий день я поехала в Ленинград. Мы с мамой жили на углу проспекта 25 Октября и Знаменской улицы (ныне Невский проспект и улица Восстания) – там стояла красивая церковь Знамени, ее взорвали за два месяца до начала войны. На фундаменте этой церкви стоит метро «Площадь Восстания». А церковь собираются восстанавливать, только пока непонятно – где.

Я не помню, чтобы была паника. На коммунальную кухню мама меня не пускала. Но однажды, когда ввели карточки, я услышала, как одна соседка говорила маме: «Я по карточкам столько хлеба получила, сколько никогда не покупала».

Поскольку отец работал на Назиевском торфопредприятии, он настоял, чтобы мама отправилась в эвакуацию с этим предприятием.

Валерия с отцом

Нас с мамой повезли в Свердловскую область, на станцию Адуй. От этой станции начиналось Лосиное торфопредприятие, которое состояло из трех поселков. Мы попали в 3-й поселок. Приехали в августе, а с середины года мама устроила меня в школу. 6-й и 7-й класс я проучилась на этом поселке. 7-й класс был там выпускным. В 8-м классе я училась уже на 1-м поселке, километрах в семи от 3-го.

В школе были эвакуированные дети из Москвы, Минска и

Ленинграда. Местные жители называли нас, эвакуированных, выковыренными, но относились к нам неплохо. Лучше всех относились к ленинградцам. Москвичей считали «воображулями».

Мама сначала устроилась на работу в охрану, потом чернорабочей, ходила работать на второй поселок, а я ходила собирать валежник для дома. Тогда я впервые взяла в руки топор.

Помимо занятий мы обеспечивали школу дровами – старшие рубили высокие сучья, младшие их подбирали.

В мае, в 7-м классе, мы ходили на сушку, укладку торфа для завода, который поставлял оружие на фронт. Под большой сильной струей воды промывали торф, размытая масса торфа превращалась в полужидкую массу, которая под большим давлением выливалась на специально подготовленные участки. Когда излишки воды из этой массы испарялись или уходили в землю, тогда пускали фрезерные машины – они разрезали ее на прямоугольники, подобные кирпичам. Потом мы должны были из них укладывать змейки. Кирпичи были очень тяжелые, торф сырой, работа неквалифицированная. Кирпичи клали друг на друга, чтобы проветривались. Это называлось змейка. Когда проветривались, то из змеек клали клетки, потом укладывали в штабеля – это уже делали старшеклассники. Штабеля клали так, чтобы торфушки (специальные работницы, завербованные из других областей Предуралья) могли их погрузить в состав и отправить на Верхний Иссецкий завод (ВИС), который работал на оборону.

Мама Валерии

Смертность среди торфушек была высокой из-за тяжелого неквалифицированного труда.

Норму мы должны были выполнять. И выполняли. «Все для фронта, все для победы!» – для нас были не пустые слова. Не платили ни копейки, перчаток никаких, естественно, не давали (руки я себе на этой работе изуродовала), на обед давали по одной чайной ложке сахарного песка, кипяток и по маленькой булочке (зато без карточки).

Учителей не хватало. Конституцию, химию, русский и литературу вел у нас бывший счетовод, инвалид Валентин Иванович, которого не взяли на войну. Математику вел Степан Гаврилович, тоже инвалид, на протезах, он очень хорошо к нам, детям, относился и у нас пользовался огромным уважением.

Преподавали нам и военное дело – учили ползать по-пластунски, на уроках сангигиены учили перевязывать раны.

Книг было мало, один одноклассник, Сенька Большаков, давал мне почитать свои книги.

Валерия (наверху) с подругами

Но несмотря на военное время, школу убирали уборщицы, были чернила-непроливайки и писали мы 86-м пером. Тетрадей не было, вместо них использовали всякую бумагу, конторские книги. Но за все время пребывания в этой школе я не помню ни одного случая воровства.

Голод утоляли сосновой жвачкой – смолу подогревали, начинали жевать, сначала она крошилась, потом превращалась в вязкую массу С тех пор терпеть не могу никакую жвачку.

Эта школа была семилетка, в 8-й класс я перешла в другую школу, на 1-й участок, куда надо было идти километров шесть. Зимой нас возили по торфяной узкоколейке в вагонах для груза. Вагоны были холодные. Но даже в это суровое время специально для нас организовывали доставку в школу.

Иногда на школу нам выдавали несколько пар хлопчатобумажных чулок (они были дефицитом, да что говорить – все было дефицитом). Вначале учителя спрашивали: у кого очень плохие чулки. Мне было стыдно говорить, что у меня самые плохие (все заштопанные), и я молчала. Наверное, по той же причине молчали и другие.

Не помню скандала по поводу распределения чулок.

Директором торфопредприятия был Башкиров, жил он на первом этаже в одном из домов. И однажды у него в доме все застучало – открывались, закрывались и хлопали то крышка подпола, то дверь… Говорили, что это происходит из-за того, что он заставил торфушек выйти на работу в день Пасхи, а они не хотели идти. Говорили, что чертей к нему подселили. Приезжали всякие комиссии, пытались выяснить – в чем дело.

В конце концов Башкиров переехал в другой такой же дом и у него снова все застучало. Башкиров даже попросил своего ямщика привезти одного колдуна. Но колдун сказал, что тот, кто напустил порчу, гораздо сильнее, и помочь не сможет.

Чем закончилась эта история – не знаю. Мы уехали в 44 году. 1 декабря были в Ленинграде. Квартиру без нас продали. Отчим – он очень хорошо ко мне относился – пропал без вести на фронте. Вызвали нас знакомые – на станцию Саперную. По дороге брат подцепил корь, и мама пошла в больницу. Ей дали справку, что ребенок в больнице, посоветовали – идите устраиваться на работу. А мама – учительница начальных классов, и ее чернорабочей никуда не брали (из-за образования), наконец взяли в отдел труда и зарплаты на завод Ленина. Жили мы то у одной знакомой, то у другой, год я не училась. Одна мамина знакомая нас пустила жить при условии, что я буду следить за ее дочкой и заниматься хозяйством.

Весь апрель 1945 года настроение было приподнятое – ждали окончания войны.

В ночь с 8 на 9-е мая кто-то стал барабанить в нашу дверь с криками «Война кончилась!». Люди бросались на шею друг другу, обнимались, в тот момент нам казалось, что все наши беды остались далеко позади.

В 1948 году в Ленинграде я окончила 313-ю школу. В 1953 году я с отличием закончила Ленинградский государственный

университет и начала работать в школе. Я преподавала русский язык и литературу более 50 лет, до 2007 года, получила звание заслуженного учителя русского языка и литературы, я – ветеран труда, отличница народного просвещения.

Смирнова Валерия Герасимовна, 10 мая 1929 г. р.

Война перечеркнула детство

Воспоминания моей мамы Онегиной (Искусовой) Раисы Иосифовны, уроженки города Архангельска

Мне, архангельской девочке Рае Искусовой, шел восьмой год, когда 22 июня 1941 года началась война. В этом году я пошла в первый класс, и наверно, провела бы счастливые школьные годы, как все дети этого возраста, если бы не война, которая перечеркнула детство, заставив повзрослеть детей военных лет раньше срока.

1941–1942 военные годы вспоминаются как самые страшные. В памяти о той поре остались только мучительный голод и бомбежки. Я жила в то время с мамой и младшей сестренкой в пригороде Архангельска, в поселке лесозавода «Красный Октябрь». Отец ушел на фронт в первые дни войны. Мама работала на заводе, и ей полагался скудный паек. Из школы я бежала в столовую, где по карточкам выдавали дневную норму: 200 грамм черного хлеба на ребенка и 400 грамм – на взрослого, порцию «пустого» рыбного супа на двоих и морскую капусту, вкус которой я помню до сих пор.

В 1941 году начались налеты немецкой авиации. Бомбили часто и методично, особенно центр города, заводы, склады древесины. Город сильно горел. Родственники, жившие тогда в Холмогорском районе в селе Матигоры, рассказывали, как сельчане наблюдали пожары, бушевавшие за десятки километров – в городе.

Помню, как объявляли по радио воздушную тревогу, и все бежали к реке, где были вырыты огромные песчаные ямы, видимо служившие когда-то котлованами, – до бомбоубежища было далеко. В ямы набивалось много народу, все ожидали конца налета в тревоге и страхе, переживали за своих близких, не оказавшихся рядом, страдали от холода. Оттуда хорошо были видны немецкие самолеты, слышны разрывы снарядов и бесконечный треск зенитных орудий.

Как-то налет застал меня в магазине. Никого не выпускали, пока он не закончился, а дома осталась одна моя маленькая сестренка. От страха за сестру и отчаяния я плакала, кричала, просила, чтобы меня выпустили, но напрасно – военное время было сурово ко всем: и к взрослым, и к детям.

В центр города можно было добраться на трамвае, хотя зачастую приходилось идти пешком – трамваи ходили редко (один раз в час), а автобусов в то время не было. Иногда и мне

приходилось бывать в центре города, останавливаясь в доме у знакомых возле Лесотехнического института, где тогда располагался военный госпиталь. В памяти людей, работавших там, остался тот день, когда в здание попала бомба. Это было страшное зрелище – все пространство от госпиталя до реки было покрыто убитыми, ранеными, которые ползли к реке, спасаясь от пожара, оставляя за собой кровавые следы и остатки бинтов.

В 1942 году от бомбежек уже не прятались – то ли устали все время бояться, то ли привыкли, просто с верхних этажей домов спускались вниз и там пережидали. В том 42 году было особенно много налетов, ведь в Архангельск приходили Северные конвои – англо-американские суда с поставками по ленд-лизу.

Архангельск в то время был важнейшим портовым городом, через него проходили стратегические грузы: техника, вооружение, в том числе и продовольствие. Но население города, среди которого были в основном женщины и дети, работавшие на заводах, в порту, в госпиталях, испытывало жестокий голод. Молодые девушки были мобилизованы на лесосплав, где, стоя по пояс в ледяной воде, они ворочали тяжелые набухшие бревна. Не все выдерживали, многие умирали от истощения и голода. Купить еду было невозможно. Лишь иногда можно было выменять немного картошки на ценные вещи. Моя мама выменяла все, что было можно. Но вскоре она не смогла ходить – ноги опухли от голода, маленькая сестренка Лида умирала.

Выехать из города можно было только по специальным разрешениям, так как город находился на военном положении. Врач дал такое разрешение, и поздней осенью 1942 года на последнем пароходе мы с мамой и сестрой выехали в деревню. Сестре шел второй год, но она была столь мала и худа, что ее приняли за новорожденного младенца. Если бы узнали, что она при смерти, семью не пустили бы на пароход. Рейса ждали несколько дней. Плыть надо было до Ровдино, деревни в семи километрах от села Ломоносово, известного как родина М. В. Ломоносова. Путь, который сегодня теплоход преодолевает за два часа, тогда холодной осенью, в октябре 42 года, старый колесный пароход, «колесник», как его называли, набитый битком людьми, восемь часов бороздил воды Северной Двины.

В деревне мы жили до конца войны. Здесь не было бомбежек, но голодно было также, как в городе. Все, что давало свое хозяйство – яйца, мясо, молоко, – сдавали для фронта. Зерна и картофеля, выращенного на маленьком участке земли, хватало только на осень. В хлеб подмешивали траву, картофельные очистки, перемолотую на самодельных жерновах кору, рыбные кости и даже кости животных, которые были очень грубые и на

зубах хрустели как песок. В нашей семье держали овец, мясо и шерсть которых сдавали государству. Для себя оставляли только немного костей. Весной ходили в лес за «ограбками» для домашнего скота – это остатки сена, которое колхоз вывез за зиму из леса. Выходили рано утром, до начала школьных занятий, пока наст не растаял.

Весной было особенно голодно. У детей развивалось малокровие, постоянно кружилась голова. После войны детей поили рыбьим жиром, чтобы побороть последствия этого голода. А в военные годы спасением была свежая трава, которая вырастала весной на лугах. Как только спадало половодье, ребятня гурьбой переходила речушку, на том берегу рос дикий щавель и лук. Шли по шею в холодной воде, одежду несли в руках. Те, кто постарше переносили младших. Я была очень мала ростом, поэтому меня подхватывали под руки с двух сторон и переправляли на другой берег. Набирали травы и бегом домой, на печку греться. Летом собирали клевер и крапиву, эти растения сушили на зиму. Порой случались и неприятности. Однажды я наелась какой-то травы и отравилась, долго болела. Основной пищей была, конечно, картошка, но ее было очень мало. Весной на семена для посадки оставляли только «глазки» – маленькие кусочки кожуры с проросшими ростками. Голод гнал детей на колхозные поля, собирать то, что оставалось от прошлогоднего урожая. Но если заставали за этим занятием, отбирали все собранное – времена были строгие.

Все школьники работали на полях. Летом пололи морковь, турнепс, капусту, а осенью после занятий в школе, убирали урожай. Здесь на поле можно было вдоволь наесться овощей или зерна, однако уносить с поля домой было строго запрещено.

Не хватало не только еды, но и обуви, и одежды. Одевались очень плохо, обувь перешивали из старой, изношенной. Мыла тоже не было, и для мытья готовили щелочную воду (опускали в нее золу в мешочке). Затем в бочку с водой опускали горячие камни – таким образом воду нагревали.

Ну а как же учились? Сейчас трудно себе представить, но у школьников военной поры не было ни ручек, ни карандашей, ни тетрадей. Перья для письма, привозимые из города, привязывали к палочкам, разводили сажу вместо чернил и писали на старинных книгах. Вместо керосиновых ламп зажигали лучину.

О том, что война кончилась, узнали на школьных занятиях, радио в деревне не было, но радостная весть распространилась быстро. И учителя, и учащиеся высыпали на улицу и с криками «Война кончилась! Победа!» бежали домой.

Мне шел тогда двенадцатый год…

Кошкина Елена Борисовна

Временное пристанище

О начале войны с Германией я узнал с изрядным опозданием. В июне 1941 года, после окончания мною 2-го класса родители отправили меня в пионерский лагерь, руководство которого 22 июня по непонятным причинам решило не сообщать своим подопечным о вторжении гитлеровских войск. Лишь через один или два дня всех нас собрали в здании клуба и рассказали, что Германия объявила СССР войну, но доблестная Красная армия отбила нападение и в настоящее время ведет успешные наступательные бои. Поскольку никто не сомневался, что в случае войны Красная армия в короткий срок разгромит любого противника, полученная информация, насколько я помню, не произвела на нас особого впечатления. Тем большим было мое удивление, когда через несколько дней из Ленинграда приехала мама и рассказала, что немцы вовсю наступают, что в городе готовятся к эвакуации детей, и поэтому надо срочно возвращаться в Ленинград.

Виктор до войны

Действительно в Ленинграде в конце июня – в начале июля разворачивалась компания по эвакуации из города детей школьного возраста. Разумеется, никому в голову не приходила мысль о том, что немцы могут оказаться под стенами города, но люди боялись бомбежек. Не исключаю, что определенную роль в принятии решения об эвакуации сыграла судьба испанских детей,

привезенных в Ленинград во время гражданской войны в Испании. Я помню, как среди знакомых моих родителей активно обсуждались слухи о том, как группа этих детей, присутствовавших на каком-то спектакле, где по ходу действия включалась сирена, в страхе попрятались под сиденья при первых ее звуках, очевидно воспринятых ими как сигнал воздушной тревоги. Так или иначе решение об эвакуации было принято, и безопасные места, которые едва ли могли быть подвергнуты бомбардировкам противника, определены.

Виктор с мамой

Нашу школу вместе с рядом других школ отправили под Старую Руссу и разместили в деревне Птицыно. О дороге и о жизни в деревне у меня сохранились отрывочные воспоминания. Помню редкие остановки на железнодорожных станциях, жару и пыль, здания водокачек и нас, гуляющих разинув рты, среди непривычного окружения. Крохи информации о том, что происходит на белом свете, доходили до нас редко и больше на уровне слухов. Помню, как обсуждалось известие о введении карточной системы, причем все единогласно согласились, что норма сахара слишком мала. Доходили невнятные слухи об отступлении наших войск. Откуда-то взялся очень понравившийся всем слух о том, что через несколько дней состоится решающая битва, после которой в войне произойдет перелом в лучшую сторону.

Тем временем линия фронта неумолимо приближалась к Старой Руссе (о чем мы, конечно, не знали). Удивительно, но несмотря на всю сложность и трагизм ситуации июля 1941 года,

для реэвакуации детей, необдуманно вывезенных из Ленинграда прямо навстречу наступающей германской армии, удалось выделить несколько (не менее двух) эшелонов. О том, что эшелоны ждут нас на ближайшей станции, стало известно вечером, и наша директриса (мудрая женщина) решила не ждать утра, а организовала ночной переход на станцию. Двигались частично на подводах, частично пешком и рано утром смертельно уставшие, не спавшие всю ночь, но живые мы прибыли на станцию, погрузились в обычные плацкартные вагоны и отбыли в неизвестном (для нас) направлении. Не знаю, насколько это верно, но потом ходил слух, что соседняя школа, директор которой, не желая мучить детей ночным переходом, отправил их несколькими часами позже вторым эшелоном, попала под бомбардировку. Нас эта участь миновала и после длительных (не менее двух недель) скитаний по железным дорогам Северо-Запада, наш эшелон остановился на какой-то станции в Костромской области. Дальше была опять погрузка на подводы, прибытие в районный центр Парфеньево и наконец, на конечный пункт наших скитаний деревню Ильинское, где нам предстояло отныне неопределенное время жить.

Вспоминая нашу жизнь в переездах, в Птицыно и в Ильинском, я не могу определенно сказать – голодали ли мы или были сыты. Полагаю, что при любых провалах в памяти забыть о голоде, если он имел место, едва ли возможно. В то же время трудно предположить, что в то тяжелое время нас могли обеспечивать нормальным питанием. Скорее всего, кормили по обстоятельствам, в зависимости от того, какие продукты и в каком количестве удавалось достать в местах проживания. В начале войны такая возможность еще была.

В деревне Ильинское я прожил месяц с небольшим. В одно прекрасное августовское утро я был разбужен мамиными поцелуями. Оказалось, что учреждение, в котором она работала, было эвакуировано в город Кириллов Вологодской области, и мама приехала, чтобы увезти меня туда. Железной дороги в Кириллове не было (нет и теперь), и попасть туда можно было только водным транспортом. Предстояло плыть по Волге, а потом по Шексне, и это путешествие оказалось очень интересным. Мы погрузились на пароход, где нам удалось получить отдельную каюту. На каждой остановке выходили на берег и знакомились с городами: Костромой, Ярославлем, Рыбинском, Череповцом. Судовым рестораном мы не пользовались: то ли он не работал, то ли был слишком дорог. В городских магазинах без карточек тоже ничего нельзя было купить. Но зато в городах работали отделения какой-то организации по оказанию помощи

эвакуированным. Обращаясь туда, мама каждый раз получала либо талоны на питание, либо приносила что-нибудь съестное: хлеб, консервы или, как в Ярославле, очень вкусные сдобные булочки.

К пристани Кириллова наш пароход причалил в конце августа. В этом маленьком, но уютном городке мы прожили два с небольшим месяца. Поначалу все было хорошо, мы сняли комнату на втором этаже небольшого дома, мама работала, я ходил в школу, но потом что-то случилось, и в начале ноября, в самом конце навигации, мы покинули Кириллов и на последнем пароходе отправились в Ульяновск, ставший последним пунктом нашей эвакуационной эпопеи. Почему в Ульяновск? Возможно, потому, что мама в юности прожила в этом городе, тогда еще Симбирске, несколько лет и рассчитывала встретить там старых знакомых. Так и случилось, и на следующие 3 года Ульяновск стал нашим последним временным пристанищем. И только в августе 1944 года, через полгода после снятия блокады, мы наконец вернулись домой в наш родной Ленинград.

Виктор Андреевич Гилевич, родился в 1931 году

Нас спасли ягоды тутмайс

Я, Кислаковская (Рыскина) Раиса Яковлевна, родилась 15.11.1927 г. 22 июня 1941 года началась война. Город бомбили. Станция Брянск – 1,2 и сам Брянск были в огне. Мы эвакуировались последним эшелоном железнодорожников в Тамбов. Дорога была трудная, нас бомбили, приходилось останавливаться и прятаться в лесу. На место приехали ночью, и узнали, что Брянск захвачен фашистами.

В Тамбове мы работали на полях, обрывали цветочки с табака. Нас было четверо: сестры Вера, Соня, я и мама. Была еще мамина сестра Дора, ее муж и трое детей: Вова, Миша, Коля. Там мы работали недолго, председатель сказал: «К городу подходят немцы, уезжайте куда хотите». Мы уехали в Ташкент, от станции 40 км, аул. Стали работать на хлопковых полях, пололи. А сорняки мы собирали в мешки и ели (7 месяцев на траве). Председатель колхоза нам еды не давал. После 7 месяцев поедания травы я сказала матери: «Я лучше умру, но траву есть больше не буду». Тогда сестра Вера пошла просить у председателя ложку муки. А вместо этого они пришли бить нас плетьми. Муж маминой сестры не выдержал, умер. Хоронили его без гроба. Я залезла в могилу и накрыла его одеялом. Однажды мама шла по арыку и наткнулась на дерево, с него осыпались ягоды – тутмайс. Белые с розовым, похожи на ежевику, приторно-сладкие. Они нас и спасли. Я не могла уже вставать, когда мама заставила ползти и есть эти ягоды. Вера послала письмо папе в Казахстан, чтобы он сделал вызов, и мы смогли приехать к нему. Вызов он прислал на всех. Когда мы приехали на станцию (Ташкент), то мне стало плохо. Меня забрали в лазарет. Подъехал поезд, ребята пришли за мной, и я убежала.

Приехали мы в Казахстан, отец жил в ауле, от сахарного завода – 60 км, в горах – кузнецом. Казахи встретили нас хорошо. Но сестра Соня заболела тифом. Она долго лежала в больнице, сильно ослабла, и мне пришлось снова учить ее ходить. Работали мы на полях, отец сделал нам маленькие плуги, и мы пахали землю.

В 1943 году освободили Брянск, и мы все уехали обратно. Город был полностью разбит, мостов не было, мы переходили речку по льду. Вскоре мы узнали, что мамина сестра Роза не успела выехать из Брянска, она помогала партизанам. Немцы пришли за ней, и она пошла вместе с трехлетним сыном и тринадцатилетней дочкой. Мать заставили копать могилу. Первого застрелили мальчика, потом девочку, затем ее саму.

Вернувшись с фронта, муж повесился.

Сестра Соня пошла учиться на фотографа. Брат Борис – летчик, в последующем отлетал 25 лет. Брат Миша был ранен, начал работать в ремесленном училище историком. Сестра Вера в 1943 году ушла добровольцем в армию, до войны закончила строительный техникум.

Я увидела объявление о наборе в ремесленное училище № 3. Оно было разбито, пришлось все восстанавливать. Набрали 12 групп разных специальностей, по 25 человек в каждой. И одна группа девочек – токарей. Туда я и попала. Учиться надо было 2 года, а так как все станки в Сибири, то нам Москва продлила еще на 1,5 года. В 1947 году я закончила ремесленное училище и по распределению попала в Выборг, 50 человек на завод «Электроинструмент», ул. Крепостная, 15. За 25 лет получила первую медаль «Ветеран труда», а за 40 лет – вторую медаль. На заводе я проработала 42 года.

Я рассказала очень коротко о той жизни, потому что до сих пор вспоминаю – плачу.

Выборг, 2015 год Кислаковская (Рыскина) Раиса Яковлевна

Нас, ребятишек, было много, потихоньку умирали

Родилась я, Лебедева Фаина Михайловна, в городе Мурманске 30 сентября 1938 года. Отец – Лебедев Михаил Андреевич, мать – Лебедева Клавдия Павловна, уроженцы Ярославской области. Почему назвали меня Фаиной? Родилась 30 сентября, в день святых: Вера, Надежда, Любовь и мать их София. Но назвать меня каким-то из этих имен было нельзя. Ведь в 1938 году происходили страшные репрессии, ни за что могли донести, посадить, расстрелять родителей. Крестили меня дома, как говорила мама, и еще одну девочку, которая потом умерла. В семье нашей у родителей уже были дети: старший брат Валентин, 1928 года рождения, сестра Таня, 1931 года рождения, и брат Павел, 1938 года. В июне, в канун войны 1941 года, родилась еще Тамара.

Война. Бомбежка Мурманска, родители оформляли документы, уходили из дома, я оставалась с сестрой. Мне было 2 года 9 месяцев. Она рассказывала, как я пряталась под кровать и молилась: «Хопсиси, помилуй, хопсиси, помилуй». Она смеялась и плакала.

Потом нас отец проводил на вокзал в поезд, а сам остался в Мурманске. Во время пути нас несколько раз останавливали, бомбили. Поезд шел на Дальний Восток. Но мама вышла в Костромской области (была переименована из Костромской в Ярославскую), деревня Рудино.

Лебедев Михаил Андреевич, отец Фаины

Там нас встретил дедушка, отец мамы. В дороге у нас умерла Тамарочка: у мамы пропало молоко, и мы привезли трупик. Поселились мы вначале у дедушки, бабушки родной уже не было, была мачеха Ольга Васильевна. Нас было четыре человека, мама пятая. Я очень была больна, был страшный рахит и больные ноги. Я почти не ходила. Мачеха нас, конечно, выгнала, такую ораву. Дед нас перевез в другую деревню, в Соколово. Там жил папин брат Сергей со своей большой тоже семьей. У них был большой

дом и две избы: одна летняя, другая зимняя. Мы поселились в летней избе. Отец слал нам письма очень часто, его пока на фронт не взяли, он болел воспалением легких и в каждом письме писал маме, чтоб она ни в коем случае не оставалась в деревне и не вступала в колхоз и нас вывезла из нее. Итак, мы поселились в другой деревне. Помню, была печка русская, на ней сушили зерно колхозное – рожь. И мама меня сажала на печь и грела мне ноги в зерне. Так она подняла меня. Старший брат Валентин и средний Паша пасли деревенских овец, и нам приносили кто картофель, кто зерно, молоко.

Лебедева Клавдия Павловна, мама Фаины

К маме часто приходили какие-то люди в военной одежде и хотели ее забрать на фронт – рыть окопы под Москвой. Но она каждый раз отказывалась – нас четверо, больной отец (дедушка). Ей угрожали.

Так мы начали деревенскую жизнь. Надеть нечего, обуть нечего, есть нечего.

Мама, как могла, подрабатывала, то в поле помогала, рожь серпом жала, потом с ней рассчитывались зерном, я помню это хорошо. Ходила к ней на поле, сильно кололо босые ноги. Был свой огород: сажали картофель, капусту и другие овощи. Одно лето мать работала на молокозаводе в другой деревне. Мы с Тосей (сестра) ходили к ней пешком. Я видела, как расстилали творог на брезент и сушили и получали козеин. и пока из начальства никого не было, мы ели этот творог на брезенте (было очень строго, нельзя было трогать), поедим и обратно в свою деревню через лес, речку, у которой был сломан мост, и я очень боялась ходить – кружилась голова у меня. Летом было легче жить: ходили в лес, собирали грибы и ягоды. Один раз у нас с сестрой отняли малину мальчишки из соседней деревни вместе с корзинкой. Она мне крикнула: «Беги», а сама крепко держит корзинку. Так они прокусили ей руку, и она отпустила ее. Мама ходила разбираться, оказалось – сыновья председателя колхоза, и корзинку нашли на чердаке дома.

Я иногда сейчас задумываюсь: мы ходили босые, голые и нас никто не покусал – ни змеи, ни осы и другие насекомые.

Помню, зимой один раз мама с Валентином (старший брат) ушли куда-то ночью, а утром я проснулась и вижу большую ногу от лошади. В колхозе подохла лошадь, но брать мясо было нельзя, ее увезли в лес и бросили на морозе. Вот мама с братом, чтоб никто не видел, сколько могли увезти на санках, столько и привезли. Я думаю, не только нам досталось, но и другим. Тогда нельзя было ничего брать колхозного, очень строго было, сразу кто-то докапывался и забирали. И потом с концами. В какой-то праздник мама напекла лепешек как ватрушки, только вместо творога картофель, и пришли цыгане, две или три цыганки, маму заговорили, жив или не жив папа, и попросили показать эти ватрушки. Взяли в руки, оплевали их и сказали: «И ты будешь кормить детей ими» – и забрали их у нас, унесли.

Отец писал нам очень часто с фронта. В каждом письме просил маму не оставлять нас в деревне и просил всегда беречь меня, мама читала нам эти письма, а потом я и сама читала, мы долго хранили эти письма и ждали отца. Я помню строки из письма, что как разобьем этих гадов, так и вернемся домой.

Фаина наверху слева

Так как отца не брали на фронт по болезни, он пошел добровольцем-ополченцем – на 10 человек у них был один автомат. Первое сражение было на станции Лопухи, и они не пропустили немцев. Немцы хотели занять выход к морю.

Но вернуться домой так и не пришлось. Принесли извещение: Ваш муж товарищ такой-то погиб в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявил геройство и мужество, погиб 18 мая 1942 года. Похоронен – прочерк.

Узнав о таком горе, заболел дед и в 1943 году зимой умер, и мы остались одни до конца войны.

Мама писала в Мурманск письма, где было наше жилье, ответ пришел – дом разрушен, жилья нет.

У мамы был паспорт, и старшему брату 21 сентября исполнилось 16 лет. Он тоже получил паспорт в 1945 году. Не знаю, как мама узнала о вербовке на восстановление Ленинграда, и ее завербовали вместе с моим братом, как рабочую силу.

Фаина, 18 лет

Мама, конечно, готовилась заранее к этой поездке. Заработала зерна ржи, нам даже не дали смолоть эту рожь на мельнице, маму не отпускали из деревни. Председателем колхоза был папин брат, который вернулся с фронта. Эту рожь смололи на жерновах, получили муку, напекли лепешек и на санках отправились из деревни до Костромы. Взяли с собой икону Спасителя, папино благословление и что могло уместиться на двух санках в феврале 1946 года. На одних санках везли меня, на других поклажу, останавливались в каких-то чайных, ночевали и ехали дальше. С Костромы поездом добрались до Ленинграда. Хотели нас вернуть обратно, так как мало было рабочей силы, но с трудом оставили. Поселили нас в Сосновой Поляне, где и проживаем до сих пор. Я сразу заболела свинкой. Потом меня отдали в детский сад. Валя, старший брат, пошел на стройку с мамой, Тося, сестра, – в ФЗО на прядильную фабрику. Паша, средний брат, помогал маме, его взяли собирать металлолом, которого было достаточно в этом районе. В Сосновой Поляне было всего шесть домов двухэтажных, коридорная система. Нам дали комнату. Остальные дома были разрушены, со временем их восстановили. Нас, ребятишек, было много, потихоньку умирали: и дифтерия, и туберкулез, и тонули в воронках, и подрывались на минах. Немцы, отступая, наоставляли их достаточно. Я тоже маме помогала – ходила за гнилушками, в Лигове были поля с картофелем, и весной он лежал наверху поля. Собирали крахмал и пекли лепешки. Старшие меня не брали с собой, так как были большие овраги (они и сейчас есть, не доходя «Рубежа»). Короче, 1946–1947 годы был страшный голод. Мама получала на нас карточки. На них получали жмых, сою, дуранду и другие продукты.

Фаина у обелиска, где похоронен отец

Так мы начали городскую жизнь. Много можно еще что написать, навспоминать, но остановлюсь.

Нашла я место, где погиб мой отец, – в Заполярье, в районе 63-го километра дороги Мурманск – Печенга. На большом обелиске выбиты и его фамилия, имя, отчество. Всех мне пришлось похоронить на Красненьком кладбище в Автово: маму, старшего брата Валентина, сестру Тоню, брата Павла. Я осталась одна. А у меня большая прекрасная семья. Мне 76 лет.

Пименова Фаина Михайловна (в девичестве Лебедева), 30.09.1938 г. р.

Школа в годы войны

В 1938 году я поступила на учительские курсы в Звенигороде. После окончания курсов была направлена на работу в одну из школ Дмитровского района. В тот же год поступила на заочное отделение Загорского педучилища.

1941 год. Июнь. Летняя сессия. Сдаем экзамены. 22 июня – выходной день. Мы готовились к последнему экзамену, настроение приподнятое. Вдруг по радио сообщают о начале войны. Радость омрачилась печалью, но экзамен сдали успешно.

Получив аттестат об окончании педучилища, я направилась сразу в школу. Отпуск был отменен. Учителя должны были работать с населением. Ежедневно с газетами в руках я отправлялась в ту бригаду, где больше людей. Там во время перерыва сообщала им последние новости от Советского информбюро и проводила краткую беседу по материалам газет. Люди делились своими мнениями, задавали вопросы. Их было так много, что на все невозможно было ответить. На другой день шла в другой колхоз (их в округе было 5). И так изо дня в день.

Готовили посылки с теплыми вещами для бойцов фронта. Вязали варежки, носки, шили кисеты, вышивали носовые платки, писали письма. Готовые посылки отправляли немедленно по адресам.

В неделю 1–2 раза приходилось дежурить в сельском совете у телефона с 6 часов вечера до 8 часов утра.

2 ноября, когда враг рвался к Москве, занятия в школе прекратились. В это время прибывали эвакуированные. Их размещали и по избам, и в школе. К счастью, эвакуация длилась всего неделю. Враг был отброшен.

Занятия в школе возобновились. В школе нас было двое: я и директор школы. В ноябре директор был призван в армию. Я осталась одна. В школе 90 учащихся. Я работала в две смены.

Отечественная война никого не обошла стороной, каждого коснулась по-своему. Но одинаково жестоко – как взрослых, так и детей. Они, полуголодные, а иногда и совсем голодные, приходили в школу. Дети хотели учиться. Были случаи голодного обморока.

О победе нам сообщили по телефону 9 мая, в 4 часа утра, а к 7 часам утра со всей округи собрались люди на митинг. Все поздравляли друг друга, обнимались и слезами обливались. Плакали и от радости, что окончилась страшная война, и от горя, что многие не вернулись с фронта.

Голованова Нина Андреевна

Плохая примета

Моя прабабушка Юлия Ивановна Наволоцкая (в девичестве Попова) родилась 21 декабря 1928 года. Вместе с семьей она жила в деревне Избянка Кичменгско-Городецкого района. Здесь же прабабушка встретила войну. Она не любила вспоминать об этом времени. Но несколько историй рассказала своим детям и внукам.

Первым неприятным воспоминанием для Юлии Ивановны стал день, когда в армию призвали ее дядю – Андрея Попова.

Проводы были пышные. На них собралась вся деревня. Как вспоминала прабабушка, так провожали всех мужиков, кого забирали на фронт. Был накрыт большой стол, играла гармонь, гости пели песни, было даже специально сварено пиво. Люди говорили, что Андрей скоро вернется с войны, – все считали, что она ненадолго. Но, когда Андрей дошел до ворот деревни, ему на голову села птичка. Это была плохая примета – старожилы сказали, что Андрей скоро умрет.

Плакали все, кто был на проводах. Даже сам Андрей ревел навзрыд. Он тоже понял, что не вернется домой. Так и случилось. Он погиб в самых первых сражениях.

Прабабушка рассказывала, что из Избянки на фронт ушли все мужчины призывного возраста. Призвали и братьев прабабушки – Николая и Василия.

Николай Иванович в то время работал счетоводом на маслозаводе в райцентре. Когда ему выдали повестку, он успел только на несколько часов заехать домой попрощаться, а потом уехал на войну. Он стал разведчиком и пропал во время операции в 1942 году. Юлия Ивановна говорила, что он погиб, потому что в плен бы никогда не сдался.

Василий Иванович был демобилизован из-за ранения еще во время войны. Но дома он прожил только полгода: ранения были очень серьезными, поэтому от боли и страданий Василий Иванович в скором времени умер.

Для Юлии Ивановны война стала настоящим горем и трудным испытанием. Каждый день ей приходилось трудиться от рассвета до заката. Особенно трудно было летом.

Она вставала рано утром, до петухов. Бежала помогать матери кормить колхозных телят. Затем шла к отцу, который кормил лошадей. На фермах прабабушка носила животным воду и сено, убирала навоз. Колодцы были далеко от стойл, поэтому ведра таскать было тяжело. Сено тоже носили помногу. Для детей такие тяжести были почти непосильны. После приходилось

кормить и свою скотину – семья прабабушки держала корову, овец, поросят и кур.

Все дела нужно было сделать еще до рассвета, а потом бежать в поле косить траву. Юлия Ивановна рассказывала, что косили они, как в пословице – пока стояла роса. После косьбы она клала косу-литовку под траву, брала грабли и шла ворочать и загребать сено, скошенное накануне. После сено сваливали на телеги и везли в колхоз. Лошади были плохие, так что кучи приходилось таскать даже на себе.

После работы в поле прабабушка снова бежала на колхозную ферму, чтобы «обрядиться» – накормить и напоить животных. Это была обязательная работа. Денег за нее не давали. В колхозе только отмечали трудодни – просто ставили на листке палочки.

После обязательной работы прабабушка бежала домой. Ей нужно было прибраться и приготовить еду. Готовили помногу, потому часто на ужин к семье Юлии Ивановны заходили нищие и бедные. Родители прабабушки привечали всех и никогда не отказывали в помощи.

После ужина нужно было выстирать белье и вымыть пол.

Одежду стирали, или, как говорила прабабушка, «бучили» руками. Сначала из золы готовили щелок. Затем в большие кадки – буки – складывали большие, раскаленные в костре камни, заливали воду и щелок, а затем закидывали и белье. Вся одежда была домотканая – грубая и неподатливая. Простирать ее было тяжело. На специальных досках ребята отстирывали все до последнего пятнышка. Полоскали на реке. Чтобы выполоскать щелок из грубой ткани, белье приходилось бить палкой. Юлия Ивановна говорила, что во время полоскания можно было отбить себе руки.

Пол тоже мыли по-старому. Доски были не покрашены, поэтому натирать их нужно было с дресвой. Это рыхлый камень, который разбивали, рассыпали по полу. Затем прабабушка надевала старый лапоть и с мочалкой из бересты натирала доски добела.

Но даже на этом бабушкин день не заканчивался. После работы по дому она садилась ткать или прясть. Все это шло на продажу, потому что денег было взять больше неоткуда.

На развлечения у прабабушки времени не было, ведь за всю работу с нее спрашивали, как со взрослой. Как говорила сама Юлия Ивановна, после всех этих дел она засыпала как мертвая. Но уже утром все начиналось сначала. Даже после войны было не легче.

Послевоенные годы были голодными. Юлия Ивановна рассказывала, что ей приходилось собирать колоски на уже

убранных полях, чтобы набрать немного зерна.

Вся эта тяжелая работа и страдания не прошли для прабабушки Юли даром. В старости у нее сильно заболели суставы. Руки и ноги болели нестерпимо. Но она никогда не подавала виду, что ей плохо или больно, – война научила прабабушку быть сильной.

Юлия Ивановна умерла в 2014 году. У нее осталось шестеро детей, 11 внуков и 7 правнуков. Все мы гордимся нашей прабабушкой и всегда будем помнить о ее маленьком вкладе в большую Победу.

Митин Егор Евгеньевич

Скрипку отца мама бережно хранила

Я родился 1 ноября 1939 года в Ленинграде. Моя мама, Иванова Елена Николаевна, родилась в городе Череповце в 1906 году. После окончания средней школы и городских курсов по подготовке руководителей деткомдвижения работала помощником вожатого 7-й базы череповецкой организации юных пионеров, как свидетельствует запись в ее трудовой книжке тех лет. В 1925 году она поступила в Ленинградский государственный институт физического образования имени П. Ф. Лесгафта, который закончила 19 ноября 1930 года, получив диплом квалифицированного педагога и специалиста физической культуры.

В 1938 году, после курсов повышения квалификации, она получила звание учителя средней школы и до 1941 года работала инспектором физкультуры школ Нарвского района.

Отец, Аронович Меер Лейзорович, родился в местечке Хиславичи в 1907 году. Старший брат отца, Григорий Лейзорович, их двоюродные сестры и выжившие после войны родственники утверждали, что все они, как и их родители, родились в Хиславичах, относящихся тогда к Могилевской губернии, позже к Смоленской области, как и сегодня, но по неизвестным им причинам в 1920 году всех переписали как уроженцев города Гомеля. Подробностей детских лет и юности отца я не знаю. В 1925 году он стал студентом Ленинградской консерватории.

Мама входила в сборные команды института по волейболу и баскетболу, дважды была чемпионом Ленинграда по стрельбе. Студенты института им. П. Ф. Лесгафта и консерватории часто встречались в Доме культуры им. Первой Пятилетки, расположенном на равном от обоих вузов расстоянии (по 500 метров). (Сегодня на месте снесенного ДК построен новый корпус Мариинского театра.) Мама рассказывала, как на каком-то киносеансе, после документального выпуска кинохроники, в котором был сюжет о чемпионке Ленинграда по стрельбе Лене Ивановой, студенты-лесгафтовцы подняли ее с кресла с криками: «Лена Иванова здесь, в зале!»

После сеанса к ней подошел высокий кудрявый брюнет, представившийся Митей, студентом консерватории. Так встретились мои будущие родители. 22 мая 1928 года был зарегистрирован их брак в загсе Центрального района. В конце года они получили комнату в коммунальной 13-комнатной квартире на улице Союза Печатников, в доме 17.

Эривань, 27 августа 1929 года. Слева направо: наверху – Борис Шальман (библиотекарь оркестра), Александр Островский, внизу – Меер Аронович (сидит в центре), над ним – жена Елена Иванова

Как-то, уже студентом медицинского института и наслушавшись «страшилок» о «позднорожавших», я спросил у мамы, почему я появился на свет только через 11 лет их совместной жизни. «Некогда было!» – честно ответила мама. Она продолжала заниматься спортом, ездила на соревнования, активно участвовала в общественной жизни, активно внедряла в школы своего Нарвского района новые методики физического воспитания. В те годы коллективизации и индустриализации армия и спорт были приоритетными направлениями идеологической работы партии. Отца после окончания консерватории приняли артистом (скрипачом) в симфонический оркестр Ленинградской филармонии. Постоянные репетиции, концерты, гастрольные поездки по стране, активная общественная работа. Мама говорила, что он был членом партийного бюро и относился к общественным обязанностям очень ответственно. Мама, родственники отца, выжившие в войну, соседки по квартире, особенно три бывшие актрисы Мариинского театра, рассказывали мне, каким жизнерадостным и жизнелюбивым человеком был отец. Каким чувством юмора он обладал. В доме родителей до войны часто бывал еще не ставший тогда «звездой эстрады» Аркадий Райкин, которому отец не уступал ни в чувстве юмора, ни в умении владеть мимикой. Они разыгрывали перед

друзьями сценки из жизни и быта знакомых, известных актеров, копировали Чарли Чаплина так, что и через много лет очевидцы вспоминали об этом со смехом… или со слезами. Отца я не помню совсем. Из моих довоенных фотографий сохранились две: на одной я, 3–4-месячный, лежу голый на животе, на другой сижу на руках у мамы рядом с бабушкой на набережной Крюкова канала на фоне задней стены Мариинского театра. Фотографий с отцом нет. Или их не было, или отец взял их на войну.

Группа альтов. В центре в верхнем ряду – Меер Аронович. Нижний ряд: 2-й слева – Антон Чернушенко

Меер Аронович с родителями

Война разрушила эту, как я понимаю счастливую, семейную жизнь.

30 июня 1941 года мама была назначена воспитателем в детский интернат № 19 «с эвакуацией в Челябинскую область», как гласит запись в ее трудовой книжке. В тот же день только что созданный интернат с мамой, мной и ее матерью, моей бабушкой – Ивановой Елизаветой Васильевной, которая все предвоенные годы жила с родителями, выехал по месту назначения. Я смутно помню толпу плачущих родителей у вагона, провожающих своих детей в неизвестность, и себя, сидящего на полу теплушки и вымазанного шоколадом, которым меня щедро угощали эвакуируемые ребятишки.

Со слов мамы, интернат поместили в деревне Биликюль. О жизни там с мая 1943 года я ничего не помню, кроме воспоминаний бабушки и мамы о том, что приходилось есть картофельные очистки. Много раз на картах СССР и РСФСР я пытался найти эту деревню, и только недавно моя 11-летняя внучка на своем планшете за 3 минуты нашла и Биликюль, и одноименное озеро, на берегу которого он расположен.

С мая по октябрь 1943 года мы жили в Соликамске у младшей маминой сестры – тети Ани, муж которой служил там в НКВД. Старший их сын, мой двоюродный брат Юра, заканчивал авиационное училище, и два раза я летал на «кукурузнике», когда заболел коклюшем. Считалось, что высота помогает при этом

заболевании. Не знаю, он ли сидел за штурвалом, но восторг от полетов я запомнил на всю жизнь. И коклюш, как говорила мама, прошел очень быстро.

В октябре, по уже замерзающим рекам, мы доплыли до Калинина, где старший брат мамы, Константин Николаевич Иванов, работал главным механиком Волжского речного пароходства. Я помню толпы людей с мешками и чемоданами, осаждающих пристани и причалы, но слова о том, что мать Константина Николаевича едет к сыну, служили волшебным пропуском на речные пароходы, катера и самоходные баржи.

«Дядю Котю» знали и уважали все речники Поволжья. С декабря 1943 года до июня 1944-го мама работала в отделе кадров судоремонтных мастерских города Калинина.

Со слов мамы, услышав по радио о нападении фашистской Германии на Советский Союз, отец пошел в военкомат записываться добровольцем, уверяя, что через три месяца вернется с победой. «Он даже гвоздь не умел забить», – рассказывала бабушка. «Он, кроме скрипки, ничего никогда в руках не держал, а о винтовке и говорить нечего, к моему стыду», – подтверждала мама. Сохранилась справка от 2 июля 1942 года: Настоящим удостоверяется, что член ВКП(б) артист симфонического оркестра Ленинградской ордена Трудового Красного Знамени филармонии тов. АРОНОВИЧ М. Л. согласно поданному им в парторганизацию заявлению 3 июля 1941 г. вступил добровольцем в ряды действующей Красной армии, в которой находится по настоящее время. Секретарь парторганизации Афанасьев. Председатель месткома Островский.

Сохранилось поздравление из филармонии: красноармейской семье Ароновича – Ивановой с 25-й годовщиной Красной армии.

Заканчивается поздравление фразой «Смерть немецким оккупантам!».

Подписи: директор филармонии А. Пономарев, Афанасьев, Островский.

Сохранилось Извещение для возбуждения ходатайства о пенсии из НКО Соликамского районного военного комиссариата Молотовской области от 6.VIII.1943 года: «Ваш муж красноармеец Аронович Меер Лейзорович, уроженец гор. Гомель Гомельской области Белоруссии, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, пропал без вести 6 августа 1941 года».

Очевидно благодаря именно этому извещению, через год, с 1 июля 1944 года по 1 ноября 1955 года мне была назначена пенсия. Когда мне оформляли паспорт в ноябре 1955 года, я впервые увидел свое свидетельство о рождении и с удивлением

узнал настоящее имя отца.

Дома и среди родных и знакомых нашей семьи все называли отца Митей, и я, когда от меня требовались какие-то данные о себе, всегда говорил и писал свое отчество Дмитриевич. Умудренная жизненным опытом пожилая паспортистка предложила мне взять фамилию матери.

«С фамилией матери вам будет легче жить», – посоветовала она. Я посчитал изменение фамилии предательством отца и при всем уважении к маме, отказался сменить фамилию. Так получился Аронович Олег Меерович. Русский. Как у Высоцкого в песне: «Русский я по паспорту».

Мама бережно сохранила два письма от отца – от 17 и от 20 июля 1941 года. В самодельных конвертах, с грифами на первом «воинское», на втором «красноармейское». На обоих адрес: Москва. Ст. Болщево, п/я 4109.

Лагерь МВИУ. Письма написаны на листках, вырванных из блокнота среднего формата, чернильным карандашом, четким убористым почерком с легким уклоном, крепкой рукой скрипача, ежедневно часами держащего смычок. Отец беспокоится о родителях, живущих в Смоленской области и о судьбе которых не имеет никакой информации, успокаивает маму, уверяя, что разлука будет недолгой, целует О лежку, передает привет Елизавете Васильевне. О себе очень коротко: «*Живем в палатках… все хорошо… народ прекрасный, хотя не похож на наших филармонистов*». *Из второго письма*: «*Будем надеяться, что война с проклятым фашистом долго не затянется и мы снова встретимся и заживем по-старому, по-хорошему… Две недели мы провели хорошо, все время на свежем воздухе, питаемся хорошо, в целях гигиены я снял волосы. Ощущение весьма приятное*».

Смотрю на фотографии: отец с родителями, очевидно незадолго до войны, отец с оркестрантами на гастролях в Пятигорске, отец в составе оркестра на сцене филармонии, отец с мамой и друзьями. Атлетического сложения, с копной вьющихся волос, на всех снимках с открытой белозубой улыбкой, на фотографиях с коллегами из филармонии всегда в смокинге с «бабочкой». Представляю этот лагерь новобранцев – необученных, необстрелянных, обритых наголо «в целях гигиены», но патриотов, романтиков, искренне верящих в скорую победу на вражеской территории. Один месяц – и в бой. Конец иллюзиям и конец жизни в самом ее расцвете – 35 лет. Это война!

Детский сад № 8, май 1944 года: 5-я слева в верхнем ряду – Елена Иванова, воспитатель, 3-й справа в нижнем ряду – Олег Аронович

Родители отца и все их ближние и дальние родственники, оставшиеся за линией фронта, пропали без вести. Ни одного свидетеля их гибели не осталось в живых.

13 июня 1944 года мама, бабушка и я вернулись в Ленинград из эвакуации. Я помню свою улицу, по которой мы шли от остановки трамвая на Театральной площади, замощенную булыжником, малолюдную. Я помню разрушенный дом по левой стороне улицы за Крюковым каналом. (В 1966 году я, врач скорой помощи, выезжал в этот заново построенный дом к умирающему от сердечного приступа Печковскому – знаменитому тенору Мариинского театра довоенных лет. В начале войны он оказался на оккупированной немцами территории, «за сотрудничество с оккупантами» был осужден на 10 лет и в начале 1960-х ему разрешили вернуться в Ленинград. Мне о нем рассказывали мои соседки – бывшие актрисы Мариинского театра. Я помню окна в домах, заклеенные крест-накрест бумажными лентами. Я помню керосиновую лавку в подвале дома напротив нашего, куда меня посылали за керосином. Помню «Дом-сказку» на углу ул. Декабристов и пр. Маклина, который много лет после войны стоял разрушенным, известный тем, что фасады дома до войны украшали мозаичные панно на сюжеты русских сказок, выполненные по рисункам Билибина. Я помню 115 ступенек до

нашей квартиры на 5-м этаже. Бабушка научила меня считать их уже в 5 лет. До сих пор я считаю ступеньки, когда приходится подниматься к больному на 15-й или 20-й этаж в домах со сломанными или неподключенными лифтами. Квартиру и 28 соседей, с которыми мы жили очень дружно до 1961 года, когда дом пошел на капитальный ремонт, я вспоминаю с теплом и благодарностью ко всем.

«Тетя Соня» Балтер воспитывала двух племянников, привезенных из Белоруссии, где их родители были расстреляны немцами. «Тетя Харитина», работающая санитаркой в детской больнице, усыновила тоже племянника, родители которого погибли на фронте, хотя ее муж, инвалид войны, требовал постоянного ухода. С ним мы встретились на 50-летии окончания 250-й школы, в которой учились. Валерий Кулаженок осуществил детскую мечту и работает инженером-кораблестроителем.

Все соседи, жившие в квартире до войны, помнили и любили отца и часто делились со мной воспоминаниями о нем. Мама рассказывала, что в 1945–46 годах звонил Аркадий Райкин, интересовался судьбой «Мити».

Несколько раз приходил друг отца по филармонии «дядя Саша» Островский, приносил какие-то деньги и продукты, пытаясь, чем мог, помочь нам. Скрипку отца мама бережно хранила до середины 50-х годов, хотя ей предлагали за нее приличные деньги, особенно за чем-то ценный смычок. Я часто брал ее в руки, водил смычком по струнам. Скрипка, смычок и два письма – к ним прикасались руки отца, и это все, что нас соединяло во времени. Мама много лет ждала и надеялась – ведь «пропавший без вести» это необязательно убит? Некоторые «пропавшие» возвращались из небытия в середине 1950-х. Потеряв надежду, мама до конца жизни хранила верность отцу. Ни одного мужчины, кроме друзей, рядом с ней никогда не было.

По возвращении в Ленинград мама работала воспитателем в детском саду № 80, а с апреля 1945 года была назначена заместителем директора детского дома № 18. Детский дом размещался в бывшем особняке знаменитых промышленников Демидовых, в ста метрах от Исаакиевского собора. Я попал в среднюю группу и на общих основаниях, без малейших скидок на «родственные связи», воспитывался в группе вплоть до окончания первого класса в 232 школе Октябрьского района.

В 1947 году детский дом перевели в новое 4-этажное здание на Пискаревском проспекте. Единственной привилегией для меня бывали воскресенья, когда мама забирала меня и еще двух-трех ребят из группы домой и мы с бабушкой ездили в Александро-Невскую лавру или на Волковское кладбище, собирали молодую

крапиву, из которой бабушка варила «зеленые щи» с одним яйцом «для подбеливания» на всех едоков. Другим лакомством был суп из сушеных снетков Чудского озера, которые покупались только на Сенном рынке. Вкус его я до сих пор помню.

Исследуя чердак нашего дома, мы с соседом и другом Валеркой нашли два ящика с противогазами и ящик со светящимися в темноте бляхами диаметром в 5–6 см. Соседи, пережившие блокаду, рассказали, что такие бляхи, покрытые фосфором, давали жителям города для передвижений по неосвещенным улицам в вечернее и ночное время. В воспоминаниях о блокаде Ленинграда я упоминаний о таких «осветителях» не встречал.

Воспитанники детского дома были типичные «дети войны». У одних родители погибли на фронте, у других умерли во время блокады Ленинграда, третьи «потерялись» при эвакуации, четвертые поступили из бывших оккупированных территорий, и судьба их родителей была неизвестна. Были дети осужденных по 58-й статье, и если у них оставались какие-то родственники, то далеко не все находили смелость о себе заявить. Были дети не помнящие своих фамилий: Галя Беленькая и Галя Черненькая, Маня Сталина и Юра Неизвестный. Галя Беленькая поступила в детский дом из квартиры, где ее нашли рядом с умершей от голода матерью, с тряпичной куклой в руках, которую она хранила до 70-х годов, как единственную память о доме и маме. Многих ребят усыновляли и удочеряли вернувшиеся из армии военнослужащие, в основном офицеры, потерявшие во время войны семьи или детей.

Драматична судьба Люции Барминой, с которой я до сих пор поддерживаю связь. Отца ее, экономиста, как «врага народа» расстреляли в 1937 году в Левашово. Ее с мамой – фельдшером-акушеркой – немцы из Петергофа отправили в концлагерь в Гатчину, где одновременно с ними находились уже упомянутый мною Печковский и Зоя Федорова, не успевшие выехать до прихода немцев из мест своего летнего отдыха и впоследствии осужденные по ложным обвинениям. Из тысячи детей, заключенных в лагерь в сентябре-октябре 1941 года, выжили не больше 20 человек. Отступая, немцы вывезли оставшихся в живых в Таллин.

Из Таллина, после его освобождения, бывших узников посадили в поезд, вывезли в степи Саратовской области как пособников фашистов и оставили выживать кто как сумеет. Маму Люции вскоре арестовали и осудили как жену «врага народа» и пособницу оккупантов. Восьмилетнюю Люцию удалось вывезти в Ленинград, и в конце 1946 года она поступила в детский дом.

Маленького роста, но энергичная, активная, готовая всегда прийти на помощь, она быстро стала любимицей и детей, и педагогов. Моя мама занималась с ней музыкой, привлекала во все коллективные мероприятия. Уже в другом детском доме, закончив школу, Люция поступила в университет, закончила филологический факультет и уехала учителем на Сахалин. На острове она создала танцевальный ансамбль «Грация», с которым объездила весь Советский Союз и пол-Европы. Сегодня она член общества «Мемориал», заслуженный работник культуры СССР. Но до начала 1960-х годов она была вынуждена скрывать драматическую судьбу своих родителей. Мама Люции выжила и в сталинских лагерях и до 79 лет работала по специальности в роддоме им. Снегирева и в Сосново, на Карельском перешейке.

Элла Борисова, Люда Канащенок, Лора Павлова – все стали специалистами в своих сферах деятельности, создали счастливые семьи, сегодня уже имеют внуков и правнуков.

Детский дом жил единой, дружной семьей. Ни о какой дедовщине не могло быть и речи, хотя в одной группе были ребята с разницей в возрасте в 3–4 года. В самые трудные и голодные 40-е годы отмечались все государственные праздники, коллективные дни рождения, новогодние елки, на которых Дедом Морозом всегда была мама. Воспитатели относились к каждому ребенку как к своему, а дети в ответ делились с ними своими радостями и печалями. Многие девочки называли воспитательниц мамами и мамочками, даже через много лет после ухода из детского дома.

У детского дома была своя дача – два двухэтажных деревянных дома и несколько подсобных помещений на 5-й платформе (сегодня – Поселок) Вырицы. Несколько лет на запасных путях стояли три разбитые и полусожженные немецкие вагоны со свастиками и крестами. В бывшем доме лесника, в котором размещалась немецкая казарма, на полу валялись пустые банки из-под консервов, обрывки немецких газет с фашистской символикой, целые патроны от винтовок и автоматов и гильзы от них. В лесу и в придорожных канавах мы находили немецкие, но чаще русские трехлинейки, с разбитыми или со сгнившими от сырости прикладами, часто с затворами и штыками. Оружия в лесах, в траншеях и в полуразрушенных дзотах и дотах было очень много.

Не знаю, каким образом, в наших руках – у детей воспитателей, живущих с матерями в детском доме, но в свободном режиме, – оказалась книга-справочник «Спутник партизана», изданная для партизан во время войны. В ней подробно описывались все виды вооружения немецкой армии и

их союзников, технологии разминирования всех типов мин, выплавливания тола из снарядов и прочие ценные для нас рекомендации и советы. Только благодаря этой интереснейшей книге, за 8 лет, проведенных в Вырице, никто из нас, любознательных, не подорвался и не искалечился, хотя у нас были в тайниках и мины, и гранаты, и винтовки, и сотни патронов в «цинковках», и даже пулеметы – ручной и станковый.

У детского дома была своя машина – американский «студебеккер», поехать на котором на базу за продуктами считалось поощрением за хорошее поведение и счастьем для всех мальчишек. На территории была спортивная площадка с брусьями, турником, бревном, волейбольной сеткой. Была площадка для игры в крикет, популярный в те годы. Все утренние зарядки и соревнования между группами проводила мама, всегда под музыку. На даче и в городе было фортепиано. Мама, самоучкой, хорошо играла, и ребята с удовольствием занимались физкультурой под музыкальное сопровождение. Академия педагогических наук пригласила маму сделать доклад о своей методике на сессии академии, посвященной физическому воспитанию молодого поколения.

В журнале «Дошкольное воспитание» доклад был опубликован, и маме приходило много писем от ее коллег со всей страны. Физкультура под музыку – я понимаю это как начало аэробики и предтечу современного фитнеса. После доклада в академии маму пригласили на встречу с женой Булганина, который в то время занимал пост председателя Совета министров, а его супруга опекала детские дома. Через два месяца к детскому дому подъехали два грузовика с московскими номерами. Они были загружены списанными из Кремля коврами, ковровыми дорожками, посудой и книгами – подарок жены премьера лучшему детскому дому Ленинграда. Ковров и дорожек хватило на все четыре этажа, группы, спальни, коридоры и лестницы 4-этажного здания. Значительно пополнилась и библиотека, которой мама уделяла особое внимание. На праздничные вечера приглашали слушателей военных академий из стран народной демократии. Молодые, элегантные, в красивых униформах своих стран, они с удовольствием приглашали на танцы 13–15-летних русских девочек, которые не уступали им в знании хороших манер.

В начале 50-х годов, на волне государственного антисемитизма («Дело кремлевских врачей»), директора детского дома, честнейшую и добрейшую Дину Ароновну Ганкину, ложно обвинили в продаже детской списанной обуви и осудили, не знаю, на какой срок. Она вышла на свободу, полностью

реабилитированной только в начале 1955 года.

В марте 1953 года детский дом расформировали. Причину не знаю, могу только предполагать. Мама перешла работать методистом по дошкольному воспитанию в Октябрьское роно. Ребят распределили по другим детским домам, в которых они находились до окончания средней школы.

Не могу не сказать о нескольких моих друзьях тех лет – детях воспитателей детского дома, которые, как и я, до школы воспитывались в группах наравне со всеми, но потом все свободное от школы время проводили в детском доме, но уже в свободном полете. Юра Демин, Эдик Дауэнгаурер, Володя Семичев, Коля Макаров… С ними мы собирали оружие по вырицким лесам, с ними обследовали свалки, которые занимали всю территорию по правой стороне Пискаревского проспекта от улицы Жукова и завода «Кулон» до больницы им. Мечникова. Особо ценилась свалка от завода ЛОМО. На нее свозили целыми машинами брак – линзы со сколами или царапинами от 0,5 до 50 см в диаметре.

Это был Клондайк. По левой стороне проспекта наш детский дом был, по-моему, единственным многоэтажным зданием. Вдоль проспекта тянулись поля совхоза «Ручьи», на которых мы собирали кости, которыми удобряли поля. Мы собирали их и сдавали в киоск утильсырья, на площади у кинотеатра «Гигант». Подозреваю, что среди костей были и человеческие, костей было много и больших размеров. В один из таких походов в утиль мы оказались свидетелями казни. На площади у «Гиганта», на том месте, где сегодня стоит памятник М. И. Калинину, по приговору Нюрнбергского трибунала, казнили через повешение нацистских преступников, совершивших преступления против человечества в Ленинградской области. Это был конец 1946-го или 1947 год. Я об этом нигде не читал. Вдоль левой стороны Пискаревского проспекта, напротив больницы им. Мечникова, текла канава, края которой, как казалось, были из железа. Как раз напротив больницы находился незамерзающий источник Полюстровской минеральной воды.

У меня сохранилась микрофотография, где мы стоим у трубы диаметром около 50 см. Фотографировал нас Юра Демин. Он был года на три старше нас, и у него был «Любитель». У меня, Юры и Володи отцы погибли, Коля жил с отчимом, судьба его отца нам была неизвестна.

Юра Демин окончил училище им. Фрунзе, был направлен на Северный флот и через несколько месяцев погиб при исполнении служебных обязанностей. Это случилось в 1958 году. Эдуарда Дауэнгаурера я увидел в конце 1990-х по телевизору – он был

организатором одного из митингов в защиту сносимых властями гаражей. С его сестрой Маргаритой я встречался по работе – она стала медицинским психологом. Она сказала мне, что Эдик работает инженером в каком-то КБ.

Последним отголоском войны для меня был эпизод летом 1954 года.

Впервые после детского дома мама взяла мне путевку в комсомольско-молодежный лагерь гороно в Петродворце. Лагерь был организован в трехэтажном здании школы при въезде в Петродворец. Школа и сегодня там располагается. В лагере были собраны дети сотрудников системы народного образования, в основном учителей, перешедшие в девятые и десятые классы средней школы. Я перешел в девятый класс. Напомню, что в 1954 году произошло объединение женских и мужских школ, до этого года школы были раздельные, мужские и женские. Помню по себе, адаптация проходила непросто. Мальчики и девочки держались отдельными группами. То, что позволяли себе учащиеся мужских школ, в присутствии девочек было недопустимо. Аналогичные ситуации возникали и в женских коллективах. Помню, что, войдя впервые в свой новый класс в новой школе, я обратил внимание на девочку-блондинку, с голубыми глазами, с тощими косичками. Мальчишек, общий язык с которыми мы нашли очень быстро, я предупредил: к Тане Седовой не приставать! За год учебы мы позволили себе несколько раз сходить вместе на каток института им. Лесгафта и по-моему, были счастливы этим. В лагере неожиданно мы оказались в одной смене. У меня мама работала в роно методистом по дошкольному воспитанию, у Татьяны – завучем вечерней школы. Я был на седьмом небе! Мы, уже почти взрослые, были предоставлены сами себе. От нас требовалось не нарушать режим и участвовать в общелагерных мероприятиях. После завтрака мы, мальчишки, собравшись в группки по интересам, расходились кто куда. Чаще всего, конечно, в Нижний парк, к фонтанам, где чувствовали себя как дома. В Александрии забирались на крышу Капеллы, во Дворец Нижнего парка, стоящий в лесах и разрушенный почти до основания, пробирались через дырки в заборе и собирали хрустальные подвески от разбитых люстр. Добирались даже до Константиновского дворца, ремонт которого даже еще не планировался.

На очередной прогулке в Нижний парк, в развалинах царской телеграфной станции, стоящей за забором, в десяти метрах от Большого каскада, я нашел противотанковую мину. Она по форме и размеру напоминает керосинку с одной ручкой. Имея опыт Вырицы, я аккуратно освободил ее от мусора, убедился, что в ней

сохранен один взрыватель, и предложил ребятам отнести ее в лагерь. Никто не возражал. Мину со всеми предосторожностями донесли до лагеря и положили в кабинете директора на его стол. Директор был в столовой. Двух ребят я попросил остаться у входа в кабинет. «Мина!» – сказал я, подойдя к директору. «Какая мина?» – удивился он. «Противотанковая», – ответил я. «Где?» – спросил директор. «У вас в кабинете», – ответил я. Директор на цыпочках подошел к дверям и убедившись в том, что я не шучу, из кабинета врача вызвал саперов. Мину увезли и взорвали.

Вечером было объявлено общее построение. Нам сейчас объявят благодарность за спасение Большого каскада, шептались ребята. «Ароновича Олега за нарушение режима и самовольный уход из лагеря – из лагеря исключить!» – произнес директор. Трем другим моим помощникам были объявлены выговоры с той же формулировкой.

Утром весь лагерь объявил голодовку и не пошел на завтрак. Днем приехал на служебной «Победе» заведующий гороно вместе с моей мамой. Проблему они решили кулуарно. Я пообещал вести себя хорошо.

Я понимал всю меру опасности, которой подвергал себя и своих друзей, я предполагал возможность наказания, но в соседнем отряде была Татьянка! Мы поженились через семь лет, студентами и прожили всю жизнь, не расставаясь ни на один день.

На следующий год я снова был в этом лагере, уже без Татьяны. На подоконнике спальни ребята взорвали запал от гранаты, повредив окно. Первым, кого вызвали на допрос, был я. Я, конечно, знал, как все произошло, предупреждал ребят о возможности взрыва, но «дети войны» своих не сдают.

Мама ждала отца всю жизнь

Мои друзья по школе, ровесники по возрасту, пережившие все трудности военных и послевоенных лет, прожили достойные жизни.

Юра Дмитриев всю жизнь прослужил оперативником и начальником уголовного розыска. Валера Лобов исколесил всю страну геологом. Толик Миллер стал инженером и сегодня преуспевающий коммерсант.

В заключение моих воспоминаний не могу не сказать: в фойе Ленинградской филармонии до ее ремонта несколько лет назад

висела мемориальная доска с фамилиями погибших на войне филармонистов.

В их числе была и фамилия моего отца. После ремонта места для памяти о погибших не нашлось. Обидно.

Аронович Олег Меерович

Якутия в годы войны

Мир вам!

Я жительница отдаленной провинции, Якутии. Для моих земляков Вторая мировая война началась так, как для Пятой армии семнадцатого погранотряда, которая легким стрелковым оружием отражала атаки нацистов и 22, и 27 июня 1941 года. Мои земляки приписаны были ко второму призыву. И почти все ушли в 1942 году. Алданским военкоматом было призвано 11 740 мужчин. Почти все они трудились на золотодобыче.

Тыл создал две танковые дивизии: «Алданский горняк» и «Советская Якутия», также как христиане создали эскадрилью «Дмитрий Донской» и танковую дивизию имени Александра Невского. «Алданский горняк» бился отчаянно и отважно. Прошел значительный боевой путь. И когда боевых Т-34 осталось три, тогда вошел в состав другого войскового соединения. Один из механиков «Горняка» вошел в майский Берлин. И такое событие и пример добавляло моим сверстникам гордости. Так же как за студентов Алданского политеха.

Торжества в честь Дня Победы

Под руководством Д. Халявина студенчество изготавливало ручные гранаты в годы ВОВ. А их семьями в тылу создавались продовольственные припасы. Мясо и рыбу вялили и коптили в деревянных бочках, целыми баржами транспортировали водным путем. Достигали ли баржи бойцов, до сих пор неизвестно. Кроме того, над якутскими просторами был организован авиаперегон АлСиб. До красноярских аэродромов перегонялись американские «аэрокобры». Количество их превысило десять тысяч. Бывало,

тыловики отогревали не только топливо самолета, но и промороженных пилотов. Самые известные красноармейцы – это Салов, Шаповалов и Лодырев. Были и американцы. 113 самолетов пропали в тайге. 23 было найдено на территории Хангаласского улуса, где и хранится знамя Авиаперегоночной дивизии.

Был и такой курсант летного училища, Владик Птицын. Он представил свои документы, принял пакет к передаче, сел в самолет и взмыл. Внезапно и до Берлина. Парень родом из села Тюнгюлю, Мегинский улус.

Налаживать мирную жизнь в Алдан вернулось втрое меньшее число мужчин. Но и теперь наши края известны добычей драгметаллов. Сложные условия кризиса еще в девяностые остановили темпы развития региона. Слишком многие теневые криминальные кадры тормозили налаженную жизнь и без того усугубленную Дальлагом. Но тыл выстоял при всей своей неказистости. Притом были духовные зачатки. Когда в алданских лагерях погибли более сорока священников и монахов, было сильно их поверье, что город и жизнь здесь будут основательными. Что никто не станет уповать на эфемерный марксизм. И это происходит в наше время. За это боремся и теперь, в период упадка и кризиса. Я горжусь маленьким якутским городом, в котором жили восемь Героев СССР. Один из них, Григорий Кузнецов, в составе 88-й Гвардейской стрелковой дивизии сражался за Днепропетровск. А погиб в мирное время, на шахте Донбасса. Но наше дело, дело Мира, правое! С праздником, друзья!

Анжелика Стручкова

Отец предпочел ордену отпуск

ВОЙНА. Мне было четыре года, когда она началась. Отец вместе с несколькими мужиками залез в кузов полуторки, и они куда-то поехали. Мама держала на руках сестру. Рядом молча стояли женщины, провожающие своих мужчин.

Через много лет я спросил маму, почему они не плакали. Ведь позже, провожая на войну следующие призывы, кричали так, что на всю деревню слышно было. «Видишь ли, – сказала мама, – тогда „похоронок“ еще не было, все верили, что через пару недель наши возьмут Берлин, восстанут немецкие пролетарии, установится советская власть в Германии». Как известно, немецкие пролетарии не восстали. Наши взяли-таки Берлин, это правда, только эти две недели растянулись на четыре года.

Деревня Юрьево Калининской области была небольшая. «Конзавод сто двадцать девок» – так называли во время войны юрьевский конный завод № 129, потому что остались в нем только старики, женщины и дети. И двое мужчин: глухой и одноногий.

Мама работала учительницей в местной школе, а я нянчился с сестрой. Сестре было два года.

К осени начался голод. Помню, мама с сестрой на руках и я ходили на совхозное поле собирать оставшуюся там мерзлую картошку. Немного, но находили. Какая же она была сладкая, какая вкусная! И капустные листья собирали, мама варила «серые» щи. Полугнилые зеленые капустные листья, мороженая картошка и вода. Иногда появлялась соль. Больше семидесяти лет прошло, а до сих пор помню. (Через много лет, когда я отслужил свое в армии, я вспомнил эти щи, и мама по моей просьбе сварила их. Без соли, из зеленых капустных листьев и картошки. Правда, мороженой подгнившей картошки не нашлось и зеленоватые капустные листья не подгнили. И без этого есть эту гадость было невозможно. Я отважно старался и не смог.) Мама пекла лепешки из той найденной картошки. Их почему-то называли самолетами.

Огорода у нас не было. Не помню, почему, но не было. Весной сорок второго появился, стало легче. И еще у нас были два эмалированных ведра, только у нас во всей деревне. У остальных были деревянные. Эти ведра брала наша соседка, тетя Паня, пасечница. Мед надо было сдать для фронта. В деревянные ведь мед наливать не станешь. Потом из этих ведер мама собирала около полутора литров меда. Такое счастье было.

С хлебом было плохо. По карточкам давали не всегда. Немцы

разбомбили мельницу и элеватор. Потому хлеб был с камушками. Сразу за полторы недели дали так много, что лопнула старая авоська, в которой я нес хлеб – почти 2 буханки. Килограмм 5–6, наверно. Буханка упала мне на большой палец ноги, и ноготь оторвался. Я еле-еле добрел до дома. Ревел, конечно.

Михаил в 5-м классе

И еще помню кашу из чего-то, не знаю. Надо было побрызгать водой изо рта на слой этого «сырья», состоявшего неизвестно из чего, и растереть руками по столу Потом понемногу загрузить в кипящую воду при перемешивании – и получалась эта каша. Мы называли ее «каша жуй и плюй»: в ней было много шелухи, которую надо выплевывать. Соседи называли кашу затиркой.

Осенью приехал в отпуск отец. Их часть вышла из окружения, сохранив полковое знамя. Отличившихся, среди которых был и мой отец, наградили. Отец предпочел ордену отпуск на несколько

дней.

На нем была шинель странного серовато-желтого цвета, на пуговицах – две пантеры или леопарды с задранными хвостами. Мама потом объяснила, что шинели английского экспедиционного корпуса, которые они побросали, драпая из Советской России в 1920, что ли, году.

Отец привез несколько консервных банок с мясом, соль, сахар. И застрелил двух ворон. Они были тощие-тощие, им тоже нечего было есть, но суп был с мясом.

Потом родилась сестра Лена, прожившая всего около года: не было ни лекарств, ни фельдшера даже в ближайших деревнях. Ни разу до этого не слышал, чтобы так отчаянно рыдали, как рыдала мама, когда умерла Лена.

Фронт подошел совсем близко, а вместе с ним пришли волки. И дезертиры. Кто был страшнее, не могу сказать. Зима, есть нечего, и те и другие охотились на нас, как могли. Дезертиры заходили в избы, отнимали еду и теплую одежду, насиловали женщин, избивали сопротивлявшихся. Помню, наш одноногий сосед зимой просидел всю ночь в уличном нужнике, а стая волков пыталась прогрызть стенку нужника. Хорошо еще, сосед был в валенках и полушубке, не замерз до смерти. Он орал, волки прыгали и выли, а люди боялись выйти, чтобы помочь. Мама потом сказала ему, что волки его только пугали, а есть не стали бы, потому что он дерьмо, а волки умные и дерьмом не питаются. А дело было в том, что, когда фронт подошел близко-близко, сосед пришел к нам и сказал, что, как только придут немцы, он сам повесит ее и всех нас «вон на том суку». Потому что его, русского пролетария, съездил в ухо мой отец, офицер Красной армии.

К весне в деревне появился комендант. Не помню, как его звали. Демобилизованный по ранению офицер. Он ходил в синих офицерских галифе и полушубке. Вот на него напали дезертиры, когда он ехал в Сандово, районную деревню. Но он отстрелялся, умел, значит, это делать лучше, чем они.

Когда пришла весна, потом лето, стало легче. В лесу появилось много съедобной травы, листьев. Мы лазали по деревьям, собирая урожаи птичьих яиц, и с удовольствием их выпивали. Потом пошли ягоды, грибы. Мы так наедались!

У нас была корова Вольда. Я встречал ее, когда стадо возвращалось вечером. Увидев меня, эта зараза сразу забиралась в крапиву, которая была выше моего роста. Я бегал вокруг и плакал от обиды и злости, пока не приходила мама.

Молока Вольда давала довольно много, но надо было сдавать фронту определенное количество масла, поэтому оно почти все

шло в сепаратор. А мы, в основном, пили обрат. Телят, которые появлялись у Вольды, надо было отводить в Сандово. Мама завела кур, свинью. Только и куриные яйца, курятина, свинина шли для фронта. Мы питались, в основном, картошкой, грибами, квашеной капустой и огурцами. Но их тоже надо было сдавать фронту. Или деньгами. С солью было тяжко. Отец оставил нам свой денежный аттестат, поэтому было на что купить соль. Правда, такой голод, как в первую зиму, ушел.

Летом сорок третьего стали призывать на фронт семнадцатилетних. Ушел на фронт соседский мальчишка, маленький такой, веселый. Через пол год а он приехал в отпуск на 5 суток с орденом Славы на груди. А через месяц его матери стали приходить «похоронки»: на мужа, старшего сына и младшего. Поочередно. Боже мой, как же она кричала!

Помню, почтальонша Галька каждый день ехала по улице на бед арке, и женщины в ужасе ждали, кому что она даст: очередную «похоронку» в конверте или солдатский «треугольник».

«Похоронки» приходили многим. Женщины кричали часто. К концу войны «похоронки» получили очень многие. Пришла и нам. Погиб мамин младший брат, командир взвода тяжелых танков. Это было, насколько помню, через небольшое время после смерти сестры. Мама колотилась головой о стенку, стучала кулаками по столу и себя по голове. И буквально выла. Я думал, она сойдет с ума.

К тому времени мама решила, что ее мама уже умерла от голода в Ленинграде. Что ей оставалось еще думать? Да и отец писал не очень часто. Впоследствии оказалось, что и в самом деле умерла. Где похоронена, неизвестно.

Мама была неверующая, но регулярно ходила с женщинами в соседнюю деревню, где была церковь. «Понимаешь, а вдруг Там действительно что-то есть, а мне нетрудно сходить попросить, ели кто-то есть, пусть поможет, чтобы все было хорошо».

Алексей Леонидович Шервуд

У меня был друг, Толик Смирнов по прозвищу Толя-Ваня. Им пришла «похоронка», и его мама слегла. Это было весной сорок второго, самое жуткое голодное время. Он ухаживал за своей мамой, как мог. Но ведь четыре года парню, пятый. Нес кастрюлю с вареной картошкой сливать воду и опрокинул ее себе на живот. Когда он заорал от боли, его мама вскочила, сняла рубашку вместе с прилипшей кожей и тоже заорала. Моя мама побежала к ним, помогать. А чем можно помочь, кроме как облить своей мочой и потом смазать льняным маслом? У Толи-Вани остался

страшный шрам во весь живот. Он им потом хвастался: гля, что у меня, а у вас нету.

Отец оставил маме кавалерийские галифе с кожаными леями, в которых она ездила зимой в лес за дровами. Женщины завидовали ей, у них таких толстых крепких штанов не было. Тогда женщины носили по несколько длинных юбок. Зимой до пяти-шести. Мама была ростом около метра шестидесяти, и как она управлялась в лесу с бревнами, представить не могу. Ездила в лес с такими же женщинами, валили вручную лес, пилили, укладывали в дровни, разгружали в деревне. Кололи, складывали в поленницы.

Военно-полевой лазарет. Капитан ветеринарной службы Шервуд А. Л. в последнем ряду второй слева

Приходилось мне валить лес лет через 17–19, я был, не хвастаясь, сильнее многих, но это тяжелая работа для сильных мужчин. Как женщины с этим справлялись, ума не приложу. «Есть женщины в русских селеньях…» Да уж.

В сорок третьем я пошел в первый класс и тогда впервые узнал, что моя фамилия вовсе не Воробьев. Из-за небольшого роста мое уличное прозвище было Воробей. Потому я сам и другие считали, что мое прозвище – по фамилии, как это обычно бывает в русских деревнях.

Сразу за нашим домом была гора, под которой протекала речушка без названия. Около речушки был колодец, к которому ходили за водой. Зимой тропинка покрывалась льдом. Пока принесешь домой пару ведер воды, весь мокрый, потому что

приходилось буквально ползти с ведром. Поэтому катались вниз на коньках, чтобы как-то разрушить лед. Правда, помогало не очень чтобы. Настоящие коньки были только у меня, снегурки. Остальным делал из куска дерева и куска железа глухой конюх Галиуллин. Помню его фамилию, потому что отец после войны часто вспоминал его: тот был отчаянным лошадником, страстно любил лошадей, за что отец, тоже лошадник, его уважал и помнил.

В сорок четвертом устроили серьезную облаву на дезертиров. Со стрельбой. Ходить в лес стало спокойно.

Война подходила к концу, и однажды утром кто-то застучал в окно: «Верка, что дрыхнешь, война кончилась, победа!» Мама включила висевшую на стене «тарелку», и мы услышали торжествующий голос Левитана.

На улице все плясали, кричали. Комендант орал матом и стрелял из винтовки, потом из пистолета. Пока не расстрелял все патроны.

А потом мама чуть не каждый день ходила с женщинами на станцию Сандово встречать отца. Думала, он вот-вот приедет. Через станцию шли эшелон за эшелоном без остановки. На Дальний Восток, как потом оказалось. И шли эшелоны с бывшими заключенными фашистских концлагерей. На вагонах было написано: «Позор предателям Родины!»

Отец приехал только в начале ноября. И увез нас на Украину, где стоял его полк.

Шервуд Михаил Алексеевич

Сто граммов. Война шла жестокая по всем фронтам (из книги «Война в костях моих»)

Мы – это мама, я и Бориска – живем в Писцове, в просторном брошенном доме, напротив милицейской конторы и конюшни. Летом в нем хорошо, не жарко. Стекол в окнах мало – их заменяют фанерки, в щелях проклеенные газетой или подбитые лоскутками. В них дуют ветры и струится свет. Поэтому у окон никто не спит.

Кроватей в доме всего две, а жильцов много. На одной из них у стены спят мама с Борей. Для меня приставляют стулья спинками наружу. Чтобы не упасть. Вторая кровать, у противоположной стены, принадлежит тете Мане, грузной, рыхлой старухе, которую я зову «баба Маня» и к которой мы, дети, неравнодушны, потому что она очень мягкая и очень добрая.

В доме большая перенаселенность. Взрослых да старых больше, чем пальцев на моих двух руках. Спят они – кто, где и как попало. На сундуке. На составленных ящиках или табуретках. На лавке из двух широченных досок. А то и прямо на полу, на куче тряпья или сена, покрытого старой скатертью. Есть еще кошка, которую никто не кормит, и она прекрасно справляется с мышами. А уж тараканы и клопы – не в счет. Мама наша смеялась на них: «Это не жильцы, а приданое». Чего мы с Борькой понять не могли, но, бывало, охотились на них и потом подсовывали кошке.

Самый теплый угол – у печки. Еще до нас его захватил сухонький, желтокожий старикашка. Он, единственный, не считая нас с Бориской, мужик в доме. В углу у него было свалено всякое рванье из пальто, одеял, тулупа и даже валенок, и он лежал на всем этом почти безвылазно.

Старик, надо сказать, пугал меня своей неподвижностью. Но никогда не вставал на ноги, и я не видывал, чтобы он что-нибудь жевал. А его выходы во двор наводили на меня ужас. Он двигался на четвереньках, накрывшись черным покрывалом, размеренно, как большое бревно на невидимых катках.

Помню, однако, как однажды в один из таких выходов женщины рассмеялись, некоторые до слез, показывая друг дружке в его сторону, при всем том, что было весьма сумеречно. Я тоже посмотрел в его сторону, но ничего не понял. Ведь все было как обычно. И только, когда старик переваливал через высокий порог

и дружный хохот, с повизгиванием, расколол, казалось, слипшийся воздух, все прозрачно обнажилось. Из-под черной бархатной накидки, съехавшей к прогнувшейся спине, сквозь напрочь протертые штаны проглядывала белая натура сухонького зада с болтающимися мужскими достоинствами. Мне это не показалось смешным, но ужас покинул меня. И я стал присматриваться к старику с любопытством, без страха. Дети ведь ко всему любознательны, хотят знать, что от чего можно ждать.

Хотя жильцов было много, но большой дом, в четыре окна с лица, почти всегда был пуст. Женщины разбредались по утрам кто куда: помоложе – на работу, престарелые – на розыски пропитания. Собирались лишь к ночи. Разговаривали мало – больше говорило радио. Жили без особого дружелюбия, но достаточно мирно. Лишь однажды случился крупный скандал, перепугавший нас с Борей (матери в этот момент не было) чуть не до смерти.

Подрались две женщины. Подрались крепко: до крови и рванья волос на голове. Причем больше досталось молодой женщине с грудным младенцем, которого она положила на кровать тети Мани, и тот ревел как резаный. На шум прибежали не милиционеры, дом которых был рядом, а совсем чужие, прохожие. Они и угомонили дерущихся.

Поздно вечером при свете тусклой лампочки состоялся общий, напряженный разговор. Тут я впервые услышал голос старика. Он сидел в своем углу, говорил глухо, спокойно, без злобы. Потом с какой-то стати назвал мое имя, глянул на меня и широко улыбнулся почти беззубым ртом. Другие говорили запальчиво, досказывая руками то, что не получалось голосом. И я, мало-мальски соображая умишком, постепенно понял, что женщине с грудничком досталось поделом. Все осуждали ее. Она плакала, о чем-то просила, что-то обещала. Но утром собрала свои пожитки, упаковала младенца и ушла. Больше я никогда не видел ее.

Объяснилось все просто, одним словом, которое то и дело срывалось у многих, но которое я не очень понимал: воровка. Бранясь, женщины даже показывали на нас с Борькой. Мать потом сказала, что это нас ставили в пример. Но что мы? Мысль о воровстве нам еще и не могла прийти в голову. Маленькие, мы, естественно, не блудили. Понуждаемые голодом, мы искали лишь то, что брошено, а не то, что спрятано. Из чего потом, спустя много лет, я сделал вывод, что люди в принципе рождаются хорошими. Плохими их делают обстоятельства.

Из всех жильцов только мы с мамой были местные. Я узнал это от матери на другой день. Именно, когда нас убавилось, у

меня и возник вопрос: «А откуда мы все здесь?» Мать ответила: «Мы – погорельцы, а другие – беженцы».

«Погорельцы» – мне было понятно. А вот «беженцы» – никак. Мать долго растолковывала мне, но тщетно. «Бежать» для меня означало одно: бегать, то есть так сучить ногами, чтобы пятками по попе доставалось. А уж какие беженцы могли получиться из тех, кто в углу лежит, передвигается с одышкой или с ребенком мается? Я даже поспорил с матерью, уверяя, что не все могут быть беженцами. Мать посмотрела на меня пытливо, а глаза, надо сказать, у нее были красивые, и ответила:

– Не пойму, Марик, упрямый ты или бестолковый? Видать, в отца пошел!

Тогда я уже догадывался, что взрослые плохо понимают детей. И был прав. Дети в большей степени плачут именно из-за этого. Когда я вырос и у меня свой появился малыш, я еще более утвердился в этом, хотя и стремился ставить себя на его место. Но тогда изгнание женщины с грудничком встревожило меня. Мне вообще было жалко тех, кто плачет, и еще жальче – кто сильнее плачет. Я не все мог определить, назвать словами, но за слезами чуял беду. И долго размышлял о происшедшем. Одно только не укладывалось в моей жалости: я не мог вспомнить ни одного взгляда, ни самих глаз той женщины. А дети, как и все наши братья меньшие, все узнают по глазам. Их-то и не хватало мне на лице беглянки, чтобы успокоиться.

Лето в ту годину стояло ленивое, жаркое, затяжное. Мы с Бориской, пока мать была на работе, обживали мир. Мы знали дорогу к родным, бабке с дедом, к базару, кладбищу, зареченским огородам. Мир наш был небольшим, но его хватало, чтобы выжить.

Боря у меня был точно на привязи. Порой я перетаскивал его, как Аленушка братца Иванушку. Мать доверяла мне и получение хлеба по карточке в оконце при ткацкой фабрике.

Хлеб я должен был донести домой и в целости положить в тумбочку при кровати. Это было не таким уж и трудным: ведь голод был привычным. Труднее было с Борей, который, завидев хлеб, принимался выпрашивать и реветь. Мать мне наказывала, чтобы я быстро прятал хлеб в специальный мешочек, не отходя от оконца, дабы не тревожить братца. А спрашивать, что у меня там, он еще не научился.

Хлеба мы получали тогда один килограмм. Я многое мог бы рассказать о его запахе. Потом, когда вырос, знавал и более вкусные хлебы. Но этот, залегший в память, волнует и поныне. Он присутствует, если это свежий черный хлеб, в каждом кусочке. Это доказывает животное наше происхождение лучше всяких

теорем. Война обостряла животность. В животности же я находил и высшую радость. В плоти, если она не бесится, не уперта сама на себе, ничего постыдного нет.

Этот килограмм мы получали на троих. На день или больше – не помню. Помню, что отстаивать приходилось длиннющие очереди. В другие разы хлеб приносила сама мать.

Но с какого-то момента дела пошли хуже. Хлеб в доме появлялся реже. И мать уже не посылала нас к фабрике. А тут вдруг послала и сказала еще, чтобы весь хлеб мы съели сами.

Я переспросил:

– А тебе оставить?

– Нет же, – ответила мать. – Там сто грамм будет. Все съешьте!

Автору три года

Я было возрадовался. Ведь в голове моей возникла уверенность, что сегодня-то мы наедимся, и не надо будет провожать глазами остаток в тумбочку Мать вскоре ушла, а нетерпение начало меня подгонять. Наконец баба Маня (она была нашим временем) нас отпустила, и довольно скоро мы с Бориской очутились в нужном месте у фабрики.

Но оконце оказалось закрытым, хотя народ уже толпился. Старики, дети постарше, женщины. Я не знал, как себя вести.

Раньше, когда мы приходили вовремя, стояла очередь, и мы просто вставали в затылок последнему и двигались, как все. А тут… Когда оконце открылось и все начали притягиваться друг к другу, мы заметались. Нас выталкивали, оттесняли, задавали вопросы: «Чьи вы?», «За кем занимали?», «Есть ли у нас карточка?».

Наконец нас приютил, поставив перед собой, благообразного вида мужчина, которого я бы охотно взял себе папой. Перед оконцем, когда подошел наш черед, я отпустил Борину руку, вынул из кармана мешочек и подал карточку «продавальщице» (дети многие вещи именуют по-своему). Женщина в замусоленном белом халате, с очень крупной головой и выпирающими грудями, ловко положила нашу карточку в одну сторону, а из другой подала мне в протянутые руки уже отрезанный ломтик хлеба.

Едва дотронувшись до этого кусочка, я оттолкнул его назад, точно ошпаренный, не поверив, что это может предназначаться нам.

– Ты что это, дитятко? – спросила «продавальщица».

– Это не мое! – огрызнулся я, точно волчонок.

– А чье же?.. Сколько в карточке, столько и даю, – был ответ.

– Нам сто грамм надо.

– Правильно! Столько и даю. Бери, мальчик, не задерживай…

Земля поплыла у меня из-под ног. Противная слабость завладела мной, коленки задрожали. Из горла послышалась жалобная речь:

– Мы всегда брали один килограмм, а теперь – сто. Сто – больше, чем один. Сзади послышались смешки. Я с надеждой посмотрел на мужчину, стоявшего за мной. Он посмотрел мне в глаза с доброй улыбкой. Я понял, что никто не понимает, как нас здесь с Борькой обдуривают.

– Граждане, – высунулась из окна «продавальщица», – объясните мальчишке, что такое сто грамм. Мне тут некогда.

Почуяв неладное, Бориска уже ревел во все горло. Мужчина взял у меня мешочек, положил в него выделенный нам кусочек хлеба, получил у большеголовой тетки свою долю и отвел нас в сторону.

Он начал толковать мне разницу между ста граммами и одним килограммом. Но я не понимал его. Поворачиваясь в разные стороны и ища поддержки, я всхлипывал, чуя свалившуюся на нас беду. Бориска дергал меня за руку и просился домой – штанишки и один чулочек у него взмокли. Я сознавал разницу между «одним» и «ста», но граммы и килограммы звучали для меня одинаково. Я отчетливо понял, что

все против нас.

Так мы и пошли домой. Было горько. Боря ныл возле меня. А я уже и не знал, что делать с полученным хлебом. Если съесть, как разрешила мама, то мы уж не смогли бы подтвердить, как мало нам дали. А если оставлять эту малость, почти затерявшуюся в мешочке, то, как же нам дожить, если есть так хочется?

Бориска продолжал хныкать, как ему и положено было. А я мучительно размышлял над разницей того, в чем был уверен, и того, что мы получили. В отличие от матери, я успокаивать Бориску не умел; шел, молча, одной рукой притягивая братца, а в другой – неся мешочек с махоньким кусочком хлеба.

Время от времени нас кто-нибудь останавливал и спрашивал, что у нас стряслось. Я отвечал, что нас обжулили, и принимался доказывать это, упирая на вполне очевидную разницу «ста» и «одного». Люди, однако, попадались непонятливые, но улыбались и в конце концов принимали сторону «продавальщицы» и всех последующих «объяснителей». Я не сдавался и пытался убедить их, что не может «сто» быть меньше «одного». Но они, наоборот, пробовали унять нас и потом отходили, как будто заранее все сговорились.

Но то была только присказка. До прихода матери еще было далеко, а есть хотелось ой как. Бориска пообсох и успокоившись, возился на кровати с игрушками. Баба Маня храпела на своей лежанке.

– Борь, давай поедим! – предложил я. Боря тут же сполз на пол.

Я достал мешочек с хлебом и двумя руками разломил стограммовый кусочек. Получилось две неравные доли. Не нарочно. Повертев их, меньшую я, не очень раздумывая, протянул брату.

Прежде мне никогда не приходилось делить. Это делала мама. А когда мы что-нибудь находили, гуляя: огрызок моркови или яблока, все было проще: он куснул, я куснул – и нет ничего. А тут – своя рука оказалась владыкой.

Борька мельком посмотрел на обе доли и с большим интересом уставился на большую из них. Но, когда он увидел, что я ее уже закусил, он заревел, а свою оттолкнул. Почти как я – на прилавок продавщице. Только тут получилось – на пол.

– Ты чего свой хлеб кидаешь? – рассердился я, нутром, однако, чуя несправедливость такой дележки.

– А чего ты себе больше взял? – напрямик спросил мой братик.

– Я, чай, больше тебя, мне и надо больше, – попробовал я

обосновать свой выбор.

Борька, видать, ничего не нашел, чем крыть, и совсем расстроился. А я тем временем жевал. И вздыхал. Он плакал, а я жевал и вздыхал. Без воды в горле становилось сухо, а на душе от Борискиных слез – тревожно.

– Нельзя хлеб на пол бросать, – пытался я урезонить его, – а то волосы-то прилипнут, потом в животе вырастут. Так и помереть можно!

Борька, как все маленькие дети, смерти не боялся. А реветь умел.

– Я маме скажу! – вдруг он парировал мое сомнительное превосходство.

А мамы я не боялся, хотя в спорах и раздорах она чаще принимала его сторону.

– А мама так же скажет, как и я.

– Не скажет, – воспротивился Борька.

– Скажет!

– Не скажет.

– Скажет.

Бориска уже не мог дальше говорить. Он заревел навзрыд. От беззащитности. Из-за того, что моя уверенность в матери лишала его последней опоры. Изредка так плакал и я.

Во мне все похолодело. От того что все получилось не так. С покупкой хлеба, дележкой, присвоением. Съеденный кусочек не прибавил сытости, а обиду нанес. Мне стало жаль брата. Я поднял брошенный ломтик, обдул его со всех сторон, снял с него ниточку и протянул братцу:

– Боря, Борь!.. Возьми – поешь! Я больше так не буду!

В первый год учебы в Горьковском СВУ, 1950 год

– Все равно маме скажу, – ответил он, судорожно всхлипывая.

– Пойдем на базар, – предложил я, – пока баба Маня спит.

У меня созрел выдающийся план: что-нибудь найти, может вкусное и целиком отдать братику.

– Не буду с тобой водиться! Ты плохой, – ответил братик.

Но уговоры подействовали. И на базаре кое-что нашлось. Что – не помню. Однако маме Бориска ничего не сказал. Просто забыл, видно. В детстве все раны зарастают быстро. Да и я помог

этому.

Вечером за ужином мать достала из своего узелка точно такой же кусочек хлеба, какой мы уже съели. Я оторопел: мне даже показалось, что этот кусочек от той же буханки, что нам вручили у фабрики, с той же блестящей, как у ворона крыло, корочкой.

– Мам, – спросил я, – а сколько здесь килограммов?

– Да нет же, здесь всего сто грамм, – ответила она. – А вы что, свое не съели?

– Съели, – ответил я… и густо покраснел.

Хозяин улицы. Таких мы боялись

Так состоялось мое первое крещение общей мерой, заронившее начальные ростки нравственности, соизмерения своих желаний и чужой боли. Война шла жестокая, по всем фронтам. Понимать мир приходилось раньше, чем мы к этому были готовы.

Марк Бойков. По изданию: Москва, Новый Центр, 2005, Марк Бойков 06.09.15

Мы из Кронштадта

От петровских до наших дат
Гордо стоит Кронштадт.
Здесь мы родились в нем
И песню Кронштадту поем.

Меня подвигло написать эти воспоминания, когда я услышала песню, исполненную школьниками на концерте в социальном доме города Кронштадта, посвященном полному снятию фашистской блокады с города Ленинграда.

Вот она:

Ленинградцы

Музыка *Исаака Шварца*
Слова *Вадима Коростылева*

В далеком тревожном военном году,
Под гром батарей, у страны на виду,
Стояли со взрослыми рядом
Мальчишки у стен Ленинграда.

На парте осталась раскрытой тетрадь –
Не выпало им дописать, дочитать,
Когда навалились на город
Фугасные бомбы и голод.

И мы никогда не забудем с тобой,
Как наши ровесники приняли бой.
Им было всего лишь тринадцать,
Но были они – Ленинградцы!

Самое раннее, что я помню из детства, – это стол без скатерти посреди комнаты, около стола стул. Я забираюсь на него, потом на стол. Смотрю в ведро, а там молочная пена чуть ли не до самого верха. Вот это молоко, отца зарплата и небольшой огород – это все, на что мы жили. Молока мама нам давала по порциям – нальет в стаканы и поставит рядышком на стол, ведь сколько-то надо было продать, чтобы что-то купить из одежды, обуви или

продуктов. Без коровы мы и в мирное время не выжили бы. Жили мы на окраине города, улица Зосимова, дом 44.

Семья наша состояла из восьми человек: старшему брату Семену было пятнадцать лет, второму, Сергею, четырнадцать лет, третьему, Аркадию, двенадцать, четвертому, Демьяну, восемь, мне – пять с половиной, далее Саше – три с половиной, и мама была беременна.

Началась война. Кто-то из нас был в детском лагере в селе Ефимовском Ленинградской области. Мама поехала и сразу же всех забрала со словами:

– Если придется умирать, то всем вместе.

Метроном по радио все время отстукивал, чтобы мы знали, что радио работает, и чтобы не прозевали сообщение о воздушной тревоге. Помню, как диктор говорил: «Внимание, внимание! Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Окна у всех были заклеены полосками газет крест-накрест, чтобы стекла не вылетели от воздушной волны при бомбежке.

Вокруг Ленинграда немец замкнул блокадное кольцо: продукты с Большой земли перестали поступать. Сразу же ввели продуктовые карточки, по которым нормы все урезали и урезали. С пропитанием становилось все труднее и труднее. Мыла катастрофически не хватало. Мама как-то запаривала белье с золой и стирала вручную. Стиральных машин тогда не было. Многие мужчины ушли на фронт. Два старших брата пошли работать, на рабочие карточки продуктов давали больше, чем на детские. В начале войны очень сильно бомбили город. На улицах Флотской и Восстания много было деревянных домов. Они почти все сгорели. Люди гибли семьями. Мы иногда ложились спать в пальто: вдруг объявят воздушную тревогу, и мы не успеем одеться. Когда ее объявляли, мы под вой сирены спешили в бомбоубежище, там скамейки стояли вдоль стен, было душно и тесно. Оно находилось на углу улиц Урицкой и Велещинского. В том доме одно время после войны была музыкальная школа. Человек ко всему привыкает, и мы привыкли к тревогам и в бомбоубежище перестали ходить, стали прятаться в парадной или прачечной, в которой были два больших котла кипятить воду и белье. Она была в нашем дворе. Как-то бежали в прачечную и увидели, как начался воздушный бой. Появились в небе маленькие точечки дыма, которые разрастались.

3 июля 1941 года родилась сестра Тамара, и стало нас девять.

Парадная в нашем доме была большая. Вдоль стен стояли скамейки. Двери закрывали на швабру, которую просовывали в ручки. Кто жил на первом этаже, те оставались дома. Однажды в наш дом попал снаряд в боковую стену, образовалась большая

дыра. Одной девочке на руку упала швейная машинка, сломала руку, а взрывной волной сломало швабру, дверь распахнулась, но никого больше не ранило.

Иногда старшие братья ходили на чердак сбрасывать зажигалки (бомбы) и наблюдали, как идут воздушные бои. Разве они могли пропустить такое событие.

Наступали холодные дни. Дрова в город перестали привозить. Ведь наш город – это остров. Когда прекращались бомбежки, старшие три брата с тележкой ходили к заливу, собирали глушенную взрывами рыбу, прибитые волной доски и бревна (останки погибших кораблей), которые все были в мазуте и горели очень хорошо. Грузили на тележку и везли домой по булыжной мостовой, а на нашей улице Зосимова была просто земля, как в деревне. Асфальта в городе вообще тогда не было. Братья дрова распилят, расколют, и ими топили печку и плиту.

Начался голод. Было и так, что идет человек по городу и от истощения и постоянного холода падает и умирает. Братья ходили на свалку, среди выброшенных госпиталем окровавленных бинтов, ваты, ампутированных человеческих рук и ног выискивали окурки (чинарики), ссыпали из них по капелькам в спичечный коробок махорку и шли к военным. За один коробок махорки военные давали кусочек хлеба.

Однажды один офицер говорит старшему брату:

– Парень, а ты можешь на бревне переплыть залив и вернуться обратно?

– Могу, – говорит тот.

– Вот я тебе дам записку, плыви к зенитчикам на тот берег и передай ее.

Брат все сделал, как сказал офицер, и за это тот дал ему одну буханку хлеба. Брат не отломал от нее ни кусочка и не съел. Все принес домой.

Было и такое время, что от недоедания и недосыпания у отца и старших братьев пухли ноги. Русские сапоги у отца было не снять. Пришлось сначала разрезать голенища, а потом только сняли сапоги.

Голодающему Ленинграду из Кронштадта пошли баржи с продовольствием, и в связи этим военным урезали нормы питания. Немцы баржи ужасно обстреливали с другого берега, некоторые баржи шли на дно, а мешки с мукой не все тонули. Однажды братья нашли на берегу залива такой мешок с мукой, прибитый течением. Это нам было очень кстати. Блины мама пекла на воске. Молока корова стала давать мало. Ведь у коровы молоко на языке, как покормишь, так и подоишь. А что она ела – только одну траву. Мама молоко разводила водой, чтобы всем

хватило.

Нашего отца оставили на брони. Он работал вулканизатором, заваривал в горячем цеху шины и покрышки для машин, которые в этом очень нуждались. Особенно когда открылась Дорога жизни. Как ее называли: Ладога, родная Ладога. Даже песня такая есть. И пошли по льду Ладожского озера и Финского залива машины с продовольствием. Машины всегда шли с открытыми дверцами, чтобы шофер мог выскочить при бомбежке.

Однажды в цех, где работал отец, попал снаряд. Кто тогда пострадал, я не знаю. Отца нашего только контузило. Со временем контузия прошла, и он снова стал работать. Потом, спустя много лет, когда он уже был на пенсии, его приглашали на работу учить молодых своей специальности.

1942 год, мы все стали старше на год, мама пошла в райсобес получать пособие, которое давали многодетным матерям, когда самому младшему ребенку исполняется год. В райсобесе, когда увидели ее, просто обалдели и указывая на дверь, стали говорить на повышенных тонах:

– Как, это вы с такой семьей еще не уехали???!!! Вон отсюда! Вот вам сроку 24 часа, уезжайте срочно, чтобы духа вашего здесь не было. Если не уедете сами, то пришлем машину и вывезем вас!

Деньги, конечно, дали. Пришлось уехать.

Когда мы уехали, отец корову зарезал. Мясо пришлось что продать, а что так отдать соседям и на работе. Ведь холодильников тогда не было. Но этого надолго не хватило.

Из Кронштадта на барже привезли нас на железнодорожную станцию Лисий Нос. Перед нами только что был обстрел. Солдаты увезли убитых и раненых, а лужи крови засыпали песком прямо при нас. Нас посадили в обыкновенные вагоны для скота. А в теплушки эвакуированных сажали только в холодное время года. Скамеек не было. Сидели прямо на своих тюках. Народу было много. Многие в дороге мучились поносом. Чтобы сходить в туалет, ухищрялись по-разному. Иногда на остановках выносили мертвых.

Потом долго ехали на пароходе. Он шел медленно по реке. Откуда-то женщины узнали, что эвакуированным должны давать пайки, стали требовать у капитана. Тот отпирался. Много народу собралось на палубе, женщины кричали, пароход накренило на один бок. Женщины схватили капитана за руки и за ноги и стали раскачивать, чтобы выбросить за борт. Тогда только он сдался и выдал пайки. А женщины наши какие молодцы! Они не только «коня на скаку остановят», но и капитана парохода выбросят за борт, если надо будет.

Пароход шел долго. Когда пароход останавливался, братья

прыгали с борта прямо в воду и купались. Удивительный народ эти мальчишки! У них психика и восприятие мира совсем не такие, как у нас, девчонок. Потом мы ехали на поезде. Привезли нас на железнодорожную станцию Янаул. А оттуда на подводах развозили по деревням. Многие эвакуированные выходили по дороге и останавливались в каких-нибудь деревнях, а мама сказала:

– Сойду там, куда привезут.

Было очень жарко. У моего младшего брата Саши обгорели плечи, образовались волдыри. Привезли нас в деревню Арняш, встретили хорошо, поселили в домике, где жили сироты: брат с сестрой Валиевы, Гайнан и Фокия. Фокия была повыше ростом, Гайнан пониже. И стал у нас такой адрес: БАССР, Бураевский район, Юмокаевский сельсовет, деревня Арняш. В деревне жили одни башкиры. Русского языка никто не знал, но братья быстро выучили башкирский язык.

Точно не помню, но председателем, кажется, был Ганаев, а жену его звали Фатима.

Деревня была небольшая. На полях сажали картошку, разные овощи, сеяли пшеницу, рожь, лен, просо. Были лошади и овцы. Осенью лен убирали, сушили, отбивали палками, пряли, ткали. Из этого полотна шили женщинам и мужчинам одежду. Два старших брата и мама пошли работать. Третий брат, Аркаша, которому было тринадцать лет, остался дома за домохозяйку и за няньку. Хлеб пекли сами. Однажды он нес тесто на деревянной лопате от стола в печку. А в это время был открыт погреб, который находился между столом и печкой. Тесто упало прямо туда. Он – в слезы. Пришла мама с работы. Он, плача, стал говорить ей:

«Не буду больше сидеть дома, пойду лучше работать, у меня от Томки болит голова, она не плачет, а просто визжит». Тогда детских садов не было, старшие дети смотрели за младшими. Пришлось маме бросить работу. Местное население очень интересно шило брюки. Состояли они из трех трубочек. Две вдоль, одна поперек. А подпоясывались веревкой. Когда увидели у моих братьев нормальные брюки, то стали просить маму, чтобы она им сшила такие же. А швейную машинку «Зингер» мама привезла с собой. И была швейная машинка одна на всю деревню. Мама стала говорить, что никогда не шила брюк. А они ей: «Шей и все».

Пришлось какие-то брюки распороть и шить по ним. Семья была восемь человек. Маме нужно было для всех сварить обед, помыть всех, постирать белье, убрать дом, поработать на огороде и выкроить время, чтобы шить брюки, хотя самой младшей было

чуть больше года. Ниток не было. Ждали, когда отец пришлет посылку. Прислал. Мама несет ее и думает: «Что же в ней так грохочет? Может, туда наложили камней?» Но оказалось, все нормально. Стала мама шить. За это нам денег не давали, а приносили продукты. Братья ходили в лес, собирали ягоды, орехи, черемуху. Весной мы собирали на колхозном поле прошлогоднюю картошку, которая оставалась после сборки урожая. В ней после зимы оставались пленка и крахмал. Мама пекла такие блины.

Интересно местные женщины завязывали платок на голове. Они его расправляли по всей длине, накрывали голову и спину и завязывали у подбородка. А обувь была у всех одна. Это лапти. В домах везде была чистота. Полы намыты до желтизны. Дома ходили в носках, которые сами вязали из овечьей шерсти.

Вечерами парни и девушки, прогуливаясь по деревне, пели:

Китте шулар комсомолар
Гражданар шабашэнэ…

Или шуточные частушки:

Апрак курсах, соломн ояг
Бызнэн аул кызларнэ…

Много было ленинградцев. Они отличались от всех людей своей культурой и грамотностью и притягивали к себе, как магнитом. Всегда хотелось с ними общаться. Хочется вспомнить слова Джамбула:

Ленинградцы – дети мои,
Ленинградцы – гордость моя!

Они организовали художественную самодеятельность. Пели частушки, песни. Какие-то лилипутики плясали на столе. В клубе всегда было очень много народу.

Электричества и радио в деревне не было. А что такое телевизор, и понятия не имели. Как только темнело, ложились спать. Тогда мои братья пели песни. Перепоют все, что знают. В основном морские песни и песни Гражданской войны, а мы, малыши, им подпевали. Самый старший брат любил петь:

По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед,

Чтобы с бою взять Приморье – Белой армии оплот…
…И на Тихом океане свой закончили поход.

Или:

Раскинулось море широко и волны бушуют вдали,
Товарищ, мы едем далеко, подальше от нашей земли…

Или:

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет,
Мы вышли в открытое море –
Суровый и дальний поход… –

и другие песни.

Очень любили песню «Варяг». Представьте себе: ночь, темно, на небе только звезды и луна, а в маленькой башкирской деревеньке, покрытой снегом, слышится песня, которую исполняет детский хор на русском языке:

…Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает…

Так проявлялась мальчишеская тоска по любимому Кронштадту. А каково было матери слушать эту тоску?!

Всегда – мама положит нас спать и немного погодя, думая, что мы заснули, прочитает молитву и всех перекрестит.

Она очень скучала по отцу, и он даже два раза показался ей в сумерках у колодца. Она кинулась его обнять, а там никого нет. А однажды он приезжал в Башкирию в отпуск.

Детство братьев прошло у моря, и у старшего брата, Семена, была голубая мечта – это служить матросом на флоте. У него даже матросская форма была приготовлена, и он взял ее с собой в Башкирию. А добровольцем в армию не ушел только из-за того, что слишком много было младших братьев и сестер. А для нас он был как второй отец. Был он высокого роста и широкоплечий, а мама среднего роста и еле доставала ему макушкой до плеча. Никто не верил, что это ее сын, и удивлялись, когда он ее называл мамой. Разница в возрасте была всего 18 лет. В 1943 году брату было 17 лет, а маме 35. Волосы у нее были светло-рыжие,

вьющиеся. Она их скручивала и закалывала шпильками на затылке. Всегда была одна прическа. А глаза были зеленые. Я всегда на нее смотрела и думала: «Надо же какие глаза и волосы, ни у кого таких нет!» У отца были темные вьющиеся волосы и карие глаза. Старший брат был шатен с карими глазами.

Вот наступил его долгожданный день: пришла повестка идти в армию.

Он надел матросскую форму и пришел на призывной пункт. Ростом был выше всех призывников. Их выстроили и спросили:

– Кто умеет готовить пищу – шаг вперед!

Брат вышел вперед.

Затем спросили:

– Кто умеет ремонтировать обувь – шаг вперед!

Брат вышел вперед. Так и служил он поваром и сапожником, но и стрелял правой рукой отменно, хотя был левша.

Переодели моего брата в солдатскую форму и отправили на Дальний Восток. Как он потом рассказывал: их долго везли на поезде, который, останавливался редко, ребята хотели пить. Как-то остановился поезд на полустанке. Ни души. Смотрят – колодец! А там нет ни веревки, ни ведра. Тогда ребята связали свои ремни, привязали к ним фляжки или бидончики, у кого что было, и так доставали воду. Пришлось брату, как он пел в своей любимой песне, пройти по долинам и по взгорьям с дивизией вперед… и на Тихом океане свой закончить поход! А кто знает, где он шел, может, по тем же самым долинам и взгорьям, о которых пел, и тащил походную кухню. И прослужил он в армии около восьми лет. Целый год от него не было писем. Мама очень переживала. Ходила к цыганке гадать. В Кронштадте была одна цыганская семья, которая вела оседлый образ жизни. Цыганка ей сказала: «Не беспокойся, твой сын жив и здоров, вернется домой даже без ран. Сначала придет письмо, потом он приедет сам». Так оно и случилось. Пришло письмо треугольником. На газетной бумаге было написано химическим карандашом между печатных строк.

В 1944 году сняли блокаду Ленинграда, нам пришел вызов, мы вернулись домой в Кронштадт. В Башкирии к нам относились хорошо, особенно уважали старшего брата Семена и называли его Сенка, предлагали остаться. Я и сейчас с теплотой в душе вспоминаю о башкирах. Низкий им поклон и большое спасибо за то, что они спасли нас в то трудное время.

Приехали мы домой, идем по дощатому пирсу у ленинградской пристани, подходим к Советскому парку, а парк весь засажен картошкой, подходим ко второму парку, тот тоже засажен картошкой, подходим к дому, а там весь двор раскопан

под грядки и растут разные овощи.

Второго брата, Сергея, взяли в армию из Кронштадта. Он прослужил в Риге более 5 лет.

На всех нас выдали продуктовые карточки. С питанием стало намного трудней, чем в Башкирии, но зато был свой город и отец рядом.

Забота старших двух братьев легла на плечи следующих двух братьев. Они из трех мешков из-под картошки сшили бредень и им ловили колюшку. Это мелкая рыбешка с колючками. Ее мололи на мясорубке и жарили котлеты или томили в чугунках, чтобы был рыбий жир. Все делали на этом жире. Колюшка противно воняла и такая же была на вкус. Но что делать, жить-то хочется. Приходилось есть. Иногда попадался угорь. Его подвешивали на шпагате на гвоздик, подрезали кожу вокруг головы и снимали чулком, мыли, потрошили, резали на куски и жарили на сковороде. Так эти куски на сковороде шевелились!

Когда мы уезжали из Башкирии, нам не смогли заплатить за все трудодни, так как эвакуированные уезжали все сразу. Сказали, чтобы приехали за трудоднями через год. Мама поехала через год с братиком Сашей. С детьми через комнату матери и ребенка давали билеты без очереди. Привезла ведро меду, ведро сливочного масла и еще что-то. Мед и масло променяли на телочку. Только на второй год у нас появилось молоко. Еще мы держали кроликов. Жить стало полегче. У кого был скот, то для него стали продавать жмых и овес. Жмых мы и сами хорошо ели и угощали детей из нашего двора. А овес вымачивали сутки или двое, мололи на мясорубке, выжимали. Из выжимок варили себе кисель, а что оставалось, давали скоту.

На ночь корове надо было давать траву. Мы ее жали серпом сами по краям канав, у моря и таскали по полмешка. Трава была очень тяжелой. Младший брат Саша брал мешок за узел, а я за два конца, и потом мы менялись. Иногда возили траву на самокате. Однажды жали траву около пушек, которые стояли между Немецким (Лютеранским) кладбищем и старой свалкой. Пушки были громадные, блестели на солнце. Охранял их матрос. Войны не было, пушки были недействующие. Территория огорожена колючей проволокой, никто там не ходил. Трава была не мятая. Мы подлезали под эту проволоку и жали, думали, что он нас не видит. А он прекрасно все видел, только делал вид, что не видит.

Когда денег не хватало заплатить за стадо, корову пасли сами у взморья. Это место, которое сейчас расположено за 424-й школой. Корова паслась, а мы бегали по мелководью, играли в пятнашки. Залив очень мелкий, у берега вода доходила только до

косточек, прогревалась на солнце. Кое-где мелькали стайки маленьких рыб, появлялись островки тины. Если мы хотели выкупаться, то шли подальше. Купались вволю. Ведь взрослых рядом не было. Выйдем из воды – зуб на зуб не попадает. Завернемся в байковое одеяло и согреваемся. Никогда не болели.

Однажды пришлось мне корову гнать в стадо. Оно далеко ушло, за Шанцы. Гнала я ее мимо Немецкого кладбища, потом по Кронштадтскому шоссе, сквозь Русское кладбище. Это будет около пяти километров от нашего сарая. Погода была отличная, солнце, птицы поют. Туда я не боялась идти – ведь со мной была корова. Это живое существо. А назад пришлось идти одной. А лет-то мне было, может 11–13. Страшно. Хоть бы одна живая душа встретилась – никого. Как я назад прошла сквозь Русское кладбище – не знаю. Если корову надо было доить три раза в день, то мама ходила в обед пешком туда и обратно. Автобусы за город не ходили. Девятнадцатого квартала еще не было, был пустырь. Иногда брат Аркаша ездил на велосипеде и сам доил корову. Когда в начале пятидесятых годов запретили держать скот, мы были очень рады. Наконец-то будем свободны, как все наши сверстники.

Мясо в магазинах продавали трех сортов. Где побольше костей, то дешевле. Мама всегда брала то, что подешевле, варила студень, суп, а косточки не выбрасывала. Мы их сдавали в утиль-сырье. Еще искали и сдавали в утиль-сырье алюминий, медяшки. За это нам давали немного денежек. Иногда – сладенького петушка на палочке.

В субботу и воскресенье мы приходили к КПП одной из воинских частей, просились в кино. Ведь в эти дни в клубе матросам показывали кино бесплатно. Нас пропускали, радости не было предела.

После войны на здании, где сейчас Кадетский корпус, было натянуто белое полотно, показывали кино. Мы залезали на дрезину, которая стояла около их забора. Забор был из колючей проволоки. Все было видно. Мимо забора проходила железная дорога. А жители дома, что был напротив этого здания, через дорогу, смотрели кино прямо из окон своего дома.

До войны и после войны мы жили в доме, где было всего 12 квартир, а жили в них представители пяти национальностей: русские, белорусы, украинцы, евреи, татары. Между собой мы жили очень дружно, можно сказать одной семьей. Национальность нас не разъединяла, а наоборот, нам было интересно как такое-то слово на их языке или как тот или иной обычай отмечают у тех или у других представителей национальностей.

Наш дом давно расселили. Многих уже нет в живых, а если с кем встречаемся, то рады встрече, как родные.

В 1944 году я пошла в первый класс. Школа была недалеко от дома, я шла мимо здания, в котором сейчас располагается Кадетский корпус. На нем большими черными буквами было написано: «Смерть немецким оккупантам!» Возвращалась из школы и тоже читала этот лозунг. В школе на Новый год как-то нам дали кульки с шоколадными конфетами, говорили, что это от американцев.

…Уроки мы делали за тем же столом. Сядем сразу вчетвером. Дима ходил в седьмой класс (он два года в Башкирии не учился, было далеко ходить в школу), я – в шестой, Саша – в четвертый, Тамара – в первый. Пока делаем уроки, не раз передеремся. Все нам места не хватало.

Самые светлые дни моей жизни – это время пребывания в пионерских лагерях – в Ковашах и Малой Ижоре. Впервые я была в лагере, когда мне было восемь лет. Везли нас на обычной грузовой машине, покрытой брезентом. Сидели на досках, которые были вместо скамеек. Один мальчик, пионервожатый из первого отряда, играл на аккордеоне или баяне, а мы все пели:

От петровских до наших дат
Гордо стоит Кронштадт,
Здесь мы родились в нем
И песню Кронштадту поем…

Далее были слова:

Володя бегал босиком,
Володя умер моряком…

Больше слов не помню.

Пионеры, которые уже были в лагере, были выстроены в линейку и встречали нас пионерским салютом. Было красиво и торжественно.

Раньше мальчики и девочки учились в разных школах. И в лагерях были отдельно отряды мальчиков и девочек. Кормили нас хорошо, мы загорали, купались, были литературные викторины, разные игры.

В 1948 году отменили продуктовые карточки. Каждый год было снижение цен. Жить становилось легче.

Через несколько лет взяли в армию третьего брата, Аркадия. Когда приходили повестки, мама всегда говорила:

– Ну вот, опять пришла повестка. В каких условиях живут дети, чем питаются, никому дела нет. А как наступит призывной возраст – сразу повестка и забирают.

Родственники и друзья пришли провожать призывников к военкомату Их выстроили и повели с оркестром по улице Советской к пристани, а мы шли параллельно по панели. Посадили ребят на буксир. Они дружно пели:

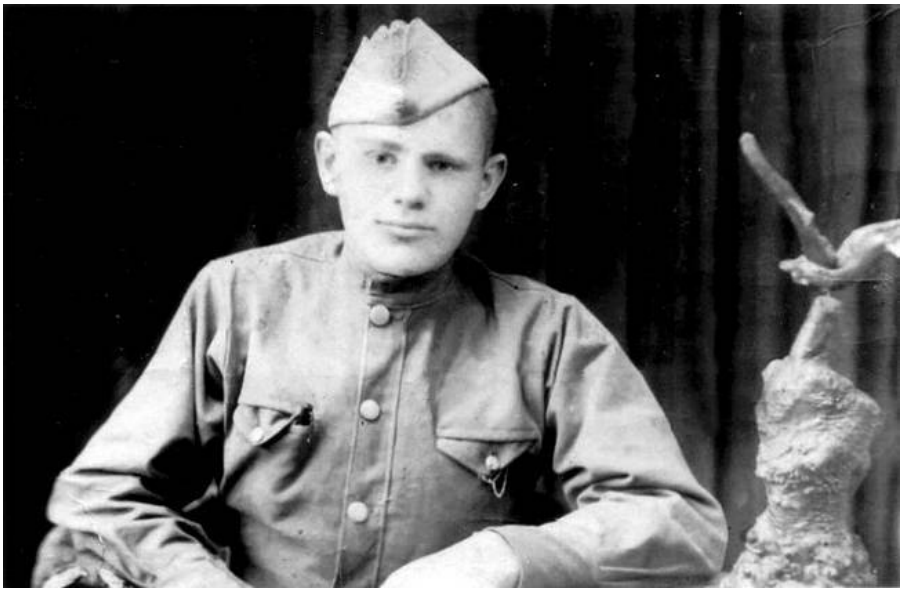
Все, что с детства любим мы, храним,
Никогда врагу не отдадим.
Лучше сложим голову в бою,
Защищая Родину свою.

Все провожающие и отъезжающие были в приподнятом настроении, только одна мама стояла на пристани и плакала. Я смотрела на нее и думала: «Чего она плачет? Ведь войны же нет».

Когда Дима, четвертый брат, поступал в училище, то медкомиссия у него обнаружила грыжу. Пришлось до поступления сделать операцию. В училище поступил в своем же городе. В субботу и воскресенье приходил домой в увольнение. Это была радость.

Пятый брат, Саша, поступал в летное училище, но медкомиссия не пропустила из-за того, что когда-то в детстве была сломана одна рука. Отправили служить солдатом в строительные войска.

У нас была коммунальная квартира. Одну комнату дали молодой женщине с ребенком. Это была главврач тубдиспансера Таисия Исааковна Фрейдович. Однажды она разговорилась с моим старшим братом. Оказалось, что она служила в армии в том же городе, где и мой брат.



Литвиновский Сергей Иванович

Литвиновский Аркадий (Аверкий) Иванович

Раньше была шестидневная рабочая неделя. Выходной был только один. Папа в свободное время ремонтировал обувь, клеил резиновые галоши (раньше носили галоши на валенки и ботинки, чтобы дольше служила обувь), перетягивал матрасы, выделывал шкурки. За это ему платили, что дополняло наш бюджет. Братья тоже все умели, что умел отец. Он всегда нам говорил: «Работать надо, ребята, работать».

Живы мы остались благодаря тому, что у нас было три

старших брата, которые во всем помогали родителям.

В 1946 году родился шестой брат, Коля. Он же был восьмым ребенком, и стало нас десять. Служил он на Северном флоте матросом.

Война прошла. В нашей семье все остались живы, только погибли два маминых брата: Леонид Иванович Терновой – при бомбежке в Житомире, а второй, Николай Иванович Терновой, был офицером, воевал в Сталинграде и там погиб.

После войны было много инвалидов. То идет человек без руки, то без ноги, опирается на протез, сделанный из бревна, отточенный с одного конца и с железным наконечником. Вот такую колобашку тянет он за собой и опирается на нее. А то и без двух ног сидит на досточках, к которым приделаны колесики. В руках колобашки, которыми он отталкивается и так продвигается дальше. А мы идем мимо. Маленькие, худенькие, аж синие.

Потом все инвалиды пропали куда-то разом.

В 1946 году подняли из воды часть линкора «Марат», останки офицеров, матросов и специалистов из Морского завода, положили в гробы. Их, обтянутых красной тканью, несли по городу. Все прохожие останавливались, мы пристроились в конце процессии. Через несколько лет были на братской могиле. Посчитали списки погибших. Их было 450 человек. Да, это поколение не зря жило на свете. Оно свое дело сделало: защитило честь и славу нашей страны и спасло мир от фашизма.

В 1948 году было 30 лет Советской армии и флоту. В честь этого события в нескольких местах нашего города прожекторами от земли до неба было написано римскими цифрами «XXX». Это было несколько дней. В годовщину великих праздников в нашем городе всегда дают салют на Якорной площади или в Петровском парке. Народу собирается много.

…Было и так, что по какой-либо причине мы поздно приезжали из Ленинграда или Ломоносова. Ночь, темно, ни души, улицы безлюдные. Жутковато. Но если мы вдалеке увидели матроса, то уже ничего не боялись. Мы знали, что он нас всегда защитит.

Видела я несколько раз, что строем по нашему городу вели немецких солдат и думала: «Зачем их сюда привезли, может, в Ленинграде в тюрьме места не хватило, а может, они здесь работают?»

В то время, после войны, была очень развита сеть художественной самодеятельности; во всех воинских частях, на предприятиях, Морском заводе, в школах, офицерском, базовом матросском клубе. Были шефы и подшефные. Все они

обменивались художественной самодеятельностью.

Вечером и утром каждый день матросы проходили по окраинным улицам города и пели. У каждого строя была своя песня:

Ленинград мы не сдадим – моряков столицу,
В сине море мы уйдем, встанем на границе…

(Пели задорно, с присвистыванием).
Или

По булыжной мостовой города Кронштадта
Уходили с песней в бой флотские ребята.
Эх, ленты золотом горят в пламени заката –
Это, люди говорят, – флотские ребята!

Или

Морская гвардия идет уверенно.
Любой опасности глядит она в глаза.
В боях испытана, в огне проверена.
Морская гвардия для нёдругов гроза…

И еще пели много других песен. Мы всегда любили слушать их. Тогда, можно сказать, пел весь город.

Много приезжало к нам артистов с Большой земли. Наш город тогда был островом, а всю остальную часть нашей страны мы называли Большой землей. Впервые я увидела Эдиту Станиславовну Пьеху еще с косичками. Две грузовые машины ставили рядом, откидывали борта, получалась сцена, Артисты выступали на этой сцене. Мы, стоя, смотрели их выступления.

Шаркова (Литвиновская) Валентина Ивановна

Когда нам, блокадникам, вручали памятные значки в Доме детского юного творчества, то встал весь зал. Я обратила внимание на то, что ни одного человека не было высокого роста. Почти все были, как говорится, «метр с кепкой». Вот что значит эта проклятая война.

Отдыхать многие жители нашего города приходили в Летний сад. Несмотря на то что недавно прошла война, наш Летний сад просто благоухал цветами. Их было много насажено. Вдоль

аллеек посажены были мальвы, или роза-шток, как их иначе называют. Идешь по аллейке, как по цветному коридору. Много было разных аттракционов: парашютная вышка, стрела, качели, две танцевальные площадки, играл духовой оркестр. На Бассейке (котлован еще при Петре I вырытый вручную) была лодочная станция. Удивительно, что случилось – чем дальше время шло от войны, тем хуже становился Летний сад. А сейчас он совсем заброшен.

А на Итальянском пруду был каток, бесплатно. Играла музыка. Зимой почти вся молодежь собиралась там.

Сейчас самодеятельность осталась только на некоторых предприятиях. Хорошая самодеятельность, можно сказать замечательная, в Доме культуры им. Мартынова. Это свет и звезда нашего города. Многим из нас уже далеко за 70 лет, но мы все равно идем туда, а когда дождь, мороз, слякоть и гололед, то, можно сказать, ползем к нашему любимому Дому культуры.

Когда объявили, что кончилась война и мы победили, а вечером будет салют, то мама и несколько женщин из нашего дома забрались на крышу, смотрели салют и кричали от радости.

Почему я написала об этом? Я хочу, чтобы наши дети, внуки и правнуки на примере одной семьи увидели, как тяжело выживало гражданское население в годы Великой Отечественной войны, чтобы нынешняя молодежь знала историю нашей страны, любила ее и берегла.

Г. Кронштадт, «Морская газета» В. Шаркова (Литвиновская)

О двух ветвях одного дерева…

Село Ивашкино, затерявшееся среди оврагов, несмотря на свое, с виду шутливое имя, слыло известными на всю округу мастеровыми, работящими крестьянами с их крепкими хозяйствами. Молчаливая речка Вадок, плавно огибая окраины, отражала в своей глади, словно в зеркале, красоту крайних изб, утопающих в сирени, вместе с историей своего народа. Арзамас, один из старейших городов, возникший на Мордовских землях для защиты государства Московского, наложил определенный отпечаток на окрестные села. Он испокон веку славился своими воинами, умевшими защитить себя от набегов иноземцев. А пути, проходившие через него в Нижний, известный на весь мир своими ярмарками, стали одной из причин появления множества предприимчивых и мастеровых людей в здешних местах.

Жизнь в Ивашкине протекала ладным мирком, спокойно и размеренно. Его обитатели, находясь, словно в русле, подобно реке, многие века оттачивали до изящества свои устои и традиции, выращивали хлеб, занимались животноводством, регулярно посещая церковь.

Кузьма Голубев (мой дедушка) один из зажиточных крестьян, по совместительству был церковным старостой в местной церквушке, куда по воскресеньям и праздникам кроме своих, стекалось много народа из соседних деревень. Он был малообразованным, но в то же время очень тонким, культурным, обладающим глубоким разумом и благородством человеком. Его способность найти то или иное решение, выход из трудных ситуаций притягивала к нему людей. За мудрыми советами к нему обращались все, в том числе и ходоки из окрестных сел. Обращался народ с разными вопросами, от супружеской измены, ссоры, или даже драки с соседями, до того, как, или где выкопать колодец, построить сарай, а то и дом. Основным его занятием было обувное дело, он валял валенки. В валенки, свалянные его руками, был обут весь район. Переизбытки своей продукции он продавал на Нижегородских ярмарках. Рано овдовевший, Кузьма наслаждался жизнью в окружении целой оравы любимых внуков, с раннего детства приучая их к труду.

Работа в крепком хозяйстве кипела, словно в муравейнике. Одни были заняты скотиной, другие заготовкой дров и огородом, третьи нянчили совсем маленьких. В зимнее время все дружно помогали деду валять валенки. На внуках была одна из самых неприятных и трудоемких операций – затирка. Валенки затирали, чтоб они не были лохматыми. Одним словом, община моего деда

Кузьмы, словно артель, с ее работниками, безмолвно выполняющими команды главного, давала возможность безбедно существовать всей его семье и его родственникам. Все шло своим чередом, ничего плохого не предвещая…

Беда пришла в 1932. Трагедией Русской деревни можно назвать коллективизацию.

Не миновала эта беда и Кузьму.

Становить колхозы в районе было поручено молодому активисту Ивану Писулеву.

И тем ужаснее и циничнее выглядело глубочайшее унижение, что Писулев приходился Кузьме зятем. Именно с Кузьмы, крепкого крестьянина, нареченного кулаком, было и приказано начать унизительную процедуру.

У него отобрали все. И с начала, выселив из добротного дома в баню, сослали на семь лет в ссылку. После отбытия повинности Кузьму поселили в полуразвалившуюся избу напротив некогда принадлежавшего ему дома, чтоб не забывался, кто он. Только дом этот, отданный беднякам, совсем уже не походил на тот, который находился в руках крепкого Русского мужика, хозяина. В крыше зияли дыры, упавший забор зарос бурьяном, резные наличники – варварски отодраны и сожжены в печке, а из окон, заткнутых соломой, доносилось пьяное оранье, вроде частушек под гармошку. И какую же несгибаемую волю нужно было иметь человеку, чтобы все это пережить. Пережить оскорбление такой глубины и масштаба, нанесенное не иноземным врагом, а своими. Стонала сквозь слезы и вся Русская деревня, вся Россия. Стонала и плакала по былому урожаю, по вымершей скотине. Трагедия под названием коллективизация, загубила, смела, словно зловещий ветер, миллионы человеческих судеб, унеся их в никуда, вместе с их добром.

Во многих регионах России начался голод.

Два года спустя дом Кузьмы словно улыбался новенькими застекленными рамами, а из сарая доносился едкий запах купороса. Он восстановил производство. Ему, одному из немногих, благодаря железной воле, не объяснимой силе и любви к родному краю, удалось выстоять. Грех голодать, если под ногами есть хоть пядь земли – это было его основной заповедью.

…Деревню окутало пьянящим запахом сирени. Разбавляя лазурную бездну облаками тополиного пуха, вместе с благоуханием природы и прохладой, об эту пору ветер приносил надежду. Восторженную надежду на богатый урожай, созидающий деревенское счастье.

В этом июне, 41-го, ветер принес войну. По деревне, словно кони в упряжке, неслись бабы.

Их лица, искаженные ужасом, наполненные безутешной скорбью и болью глаза, извещали о том, что пришла беда. Беда вместо обычного лета. Одни орали и плакали, другие наперебой голосили, проклиная то фашистов, то Гитлера, а кто-то ругал почтальона за дурную весть.

Народ стекался к сельсовету, где безмолвно стояли Иван Писулев и председатель колхоза. Потерявший на Гражданской войне ногу, знавший об ужасах тех дней не понаслышке, председатель начал говорить. Зависшую над деревней тишину, нарушаемую отдельными всхлипываниями, разрезал словно ножом хриплый дрожащий голос. Война пришла. Война пришла, бабоньки. Словно пытаясь утешить их, молодых, красивых, беременных, кому вскоре предстоит, возможно, навсегда, расстаться со своими сыновьями, мужьями, а еще не родившимся детям не суждено будет увидеть своих отцов. Начинается мобилизация! Завтра первая подвода. Деревянная нога председателя неугомонно топталась, будто живое существо, прячась от страха, предчувствуя неладное, за другую ногу – в хромовом, начищенном до блеска, сапоге. Он говорил не долго. Писулев приказал готовить к погрузке на эшелон лошадей.

Да, знать одна беда не приходит, затягиваясь самокруткой с самосадом, пуская желтые клубы дыма, размышлял Кузьма, сидя на завалинке, затерев очередную пару валенок. Обладая глубоким разумом, талантом, обретенным от природы земли русской, способностью прощать, он давно простил Писулева. Он давно понял, что не отправь зять его тогда, в 32-м году в ссылку, отправили бы самого Ивана, молодого коммуниста, не выполнившего приказ партии. Только сослали бы не в степи Сызрани, как его, Кузьму, а подальше, на Колыму, и тогда уж точно пропала бы вся семья. Будучи глубоко верующим человеком, дедушка не позволял себе обижаться на бога и не гневил его. Но мысли о несправедливости, не имеющей размеров по своим масштабам, сотворенной по отношении к Русскому народу, о его страданиях и нечеловеческих испытаниях, не покидали его сознание. Он точно знал и был уверен, что кровью Русской и слезами захлебнутся ироды, враги его. Каждый, кто ступит с мечем, на землю святую Русскую, должен полечь.

За все страдания бог его отблагодарит позже…

Одиннадцатилетняя Клава старательно выводила последние буквы на конверте. Она написала письмо на фронт своему отцу Ивану Писулеву. Он ушел на войну одним из первых, как коммунист, передав семейные бразды правления в надежные руки Тестя. На плечи женщин, детей и стариков в те годы легла непомерно тяжелая ноша. Они обязаны были выжить! Выжить

сами, не дать погибнуть полуразвалившемуся за годы советской власти колхозу, а самой важной задачей было помогать фронту. Невероятной силы потенциал открылся в каждом человеке. Люди недоедали, недосыпали, совершенно не думая о себе. Самоотрешнность стала нормой, это их сплачивало, придавая нечеловеческую силу. Девочке Клаве была поручена нелегкая задача – боронить пашню под озимь, на быках. Она, маленькая хрупкая, должна была управляться с непредсказуемыми животными, обладающими ломовой силой. За ней были закреплены два быка. И упрямые быки ее почему-то слушались. Но не всегда.

Однажды она привязала быков к столбу и побежала домой перекусить. Вернувшись минут через пятнадцать, она не обнаружила ни быков, ни столба. Быкам вдруг захотелось пить, и они побрели к речке, не замечая бороны и вывороченного с корнем столба с обрывками проводов. Не по годам развитая Клава знала, что тянулись провода к сельсовету, там был установлен громкоговоритель. Она понимала, что ее будут сильно ругать, и мама, и, наверно, председатель. Уж больно люди к нему серьезно относились, ведь он передавал сводки с фронта. Но дело было гораздо серьезней, чем думала Клава. Председатель просто обязан был доложить о Ч. П. в райком, ведь по проводам шла еще и телефонная связь. И не надо долго объяснять, какой величины был причинен ущерб, кроме поврежденной линии связи. В подобных случаях на место выезжала «Тройка», а это, ой как серьезно. Выездной суд судил по законам военного времени и, как правило, не уезжал без приговора. Оправдательные приговоры являлись редчайшим исключением, скорее даже отсутствовали. За подобное диверсионное действие, а скорее всего, именно так было бы квалифицировано это преступление, судить должны были уж точно не быков. И, скорее всего, у преступника были бы еще и соучастники. Может, бригадир, пославший на работу, может, родители, а в данном случае мать, жена фронтового политработника, а может, и сам председатель. Но, к счастью, искушенному председателю, добрейшей души человеку, удалось все уладить. Он сумел отписаться всего лишь несколькими письмами, свалив все на бродячих собак, которые, дескать, загнали быков прямо соединяющей их поперечиной на столб, чуть не закусав до смерти работницу. По-другому поступить он не мог – ведь все, кто был в тылу, все кто работал с ним ради победы, забыв о себе, стали для него как родные, вся деревня была одной его семьей. Все вместе они ждали и верили! Ждали победы, ждали сыновей и мужей, ждали почтальона, верили в чудеса, даже получая похоронки. Почтальонша стала

чуть ли не самым важным человеком на селе. Ее любили за письма. За письма из госпиталя – слава Богу жив! Ненавидели за похоронки. Не любили за повестки из райвоенкомата. К середине 1943 года более чем полдеревни из тех, кто отправил своих на войну, получили самые страшные известия, похоронки. К концу сорок третьего в деревне не осталось людей призывного возраста, людей в колхозе становилось все меньше, работать стало еще тяжелее. Платили за работу в колхозе трудоднями. Эта форма оплаты не содержала в себе ничего материального, но люди радовались их количеству, снова и снова полуголодные шли работать, одержимые огромной волей к жизни, волей к победе. В светлое время все люди были заняты на поле и ухаживали за скотиной. Вечерами вязали носки, шили полушубки для фронта. Периодически приходили подводы с одеждой раненых из Горьковского госпиталя. Окровавленные гимнастерки, галифе, шинели и фуфайки, сначала стирали в пруду, потом сушили и ремонтировали, распределяя по домам. Вода в пруду от крови была почти всегда красного цвета, не успевая обесцветиться до поступления очередной партии. В безветренную погоду над деревней висел неимоверно тяжелый запах крови, пота, одним словом, запах войны. Это было очень тяжелым занятием, скорее даже испытанием. Многих это доводило до истерики, кто-то громко навзрыд плакал, кто-то безмолвно тихонько всхлипывал. Тринадцатилетняя Клава, ставшая к сентябрю 43-го звеньевой, отвечавшая за молотьбу на уборочной, не была исключением. Они с мамой (моей бабушкой) и маленьким братом Сашей, ремонтируя солдатскую одежду, зашивали под подкладку бумажку, с надписью «Господи, сохрани». Они были уверены, что это поможет… Они были уверены, что это поможет и их сыну и брату Сереже, которому вот-вот исполнится 17 лет, а это призывной возраст…

Проводы Сережи (моего дяди) были более чем скромные. Во главе стола сидел дед Кузьма. Мама Анна Кузьминична, Катерина, старшая сестра. Она заменила ушедшего на фронт отца на посту председателя сельсовета. Клава, Саша, несколько соседей. Сергей, маленького росточка, всего метр пятьдесят два, поддельно веселился, словно уходил не на войну, а в пионерлагерь. Говорили тихо, вполголоса, в основном о том, как хорошо будет после войны. Еще полностью не понимая и не веря, что Сергей уходит туда, откуда порой не возвращаются. Да, что там порой – в деревню почти каждый день приходили похоронки. Мама почти все время плакала, причитая: ты пиши сынок, каждый день пиши. Береги себя, больно-то не высовывайся.

После второй стопки крепкого самогона, Сережа окончательно захмелел и буквально валился с табуретки. Дед Кузьма скомандовал «Все, хватит, отдыхать!» и закинул его почти бездыханное тело, как сноп, на печь.

Около пяти утра постучали в окно, пришла подвода. На ней уже с песнями восседала пара в доску пьяных героев-новобранцев. Они, еще мальчишки, так же, как и Сергей, плохо понимали, куда их увозит эта подвода. Они не понимали и не догадывались, что их ждет ад на земле, ад войны. Провожающие долго брели за

подводой, в полной темноте, тихонько всхлипывая, пока извозчик как следует не хлестанул лошадь…

Третьи сутки шли пешим маршем по снежной каше, после эшелона до Москвы. В полном снаряжении с трехлинейкой идти было невыносимо тяжело. Останавливались лишь на пару-тройку часов на привал, чтобы перекусить и отдохнуть. Шли по Смоленщине в сторону Белоруссии, к расположению части. Нет-нет да попадались места, где явно проходили бои. В одном месте, на открытом поле вдоль дороги повсюду валялась искореженная техника, а земля от обочины и сколько глаз видит, серая от таявшего снега земля, была залита кровью и усеяна трупами. Трупами нашими. Их еще не успели убрать.

Сергей Писулев

Старшина сказал, что пару дней назад здесь фашисты с помощью авиации почти полностью уничтожили мотострелковый полк, в живых остались единицы. От страшной картины по колонне пробежал шепот, почти как шорох, и она стихла. Сергеем овладел ужас и страх. Он понял, еще даже пороху не понюхав, что карантин, или курс молодого бойца, в Гороховце под Горьким, казавшийся ему адом, был просто настоящим раем.

Воевал Сергей на первом Белорусском фронте, вместе со

своим земляком, Петькой.

Однажды, когда он сидел в окопе, за пулеметом, ожидая команды в атаку, его вызвал ротный.

Усадив за пулемет Петьку, он побежал по окопу в блиндаж командира. Вернувшись, через каких-то десяток минут, окликнув Петьку, не услышал ответа. Земляк был убит снайпером. Сергей, проклиная себя, горько заплакал. От этого он стал еще злее и с еще большей яростью продолжал бить врага. Он мстил врагу за Петьку, за свою деревню, за страну. Дрался бесстрашно, был дважды ранен. За это он неоднократно был представлен к орденам и медалям.

Да, его щадила судьба. Возможно за страдание предков. Но еще был у него и старший фронтовой товарищ, полюбивший его как сына. Ему тогда было за пятьдесят. Он не отпускал Сергея от себя ни на шаг. Ночью укрывал своей шинелью, подкармливал, отдавая часть своего пайка. Когда по команде «В атаку! Ура! За Родину! За Сталина!» все вскакивали из окопов, он со словами «куда, едрена мать!», за шиворот стаскивал его вниз. Он говорил: «Сынок, если не умеешь воевать, сиди в окопе, никто не ждет твоей похоронки, особливо мамка. Выскакивать надо, пригнувшись, с умом, тогда довоюешь до конца, добьешь врага. А Вы, молодые, больно быстрые. Первые выскакиваете из окопа, да сразу в полный рост, вот фриц вас и косит как траву, а воевать, кто будет?!»

И довоевал Сергей до конца, до Берлина. И опять щадила его судьба и берёг Господь. После взятия Берлина, 8-го мая 45-го, они праздновали победу. В комнате на втором этаже одного из отвоеванных зданий, накрыли стол. Выпивали шнапс, закусывали трофейной тушенкой и шоколадом. Ликование нарастало. Дошло до песен. Периодически салютовали, давая очереди в потолок. Вдруг Сергею пришла мысль дать длинную очередь в небо. Он встал и направился к окну, прихватив свой ППШ. Фронтовой друг, сидевший ближе к окну, поняв его затею, решил его

опередить, и буквально вскочив со стула, подбежал к окну. Друг высунулся на полкорпуса в разбитое окно и дал длинную очередь в воздух. И тут присутствующие увидели, что их друг безмолвно сползает с подоконника на пол. Он был убит. Убит проходящим мимо нашим патрулем, принявшим его за немца.

В Ивашкино с войны вернулись только двое – отец и сын Писулевы.

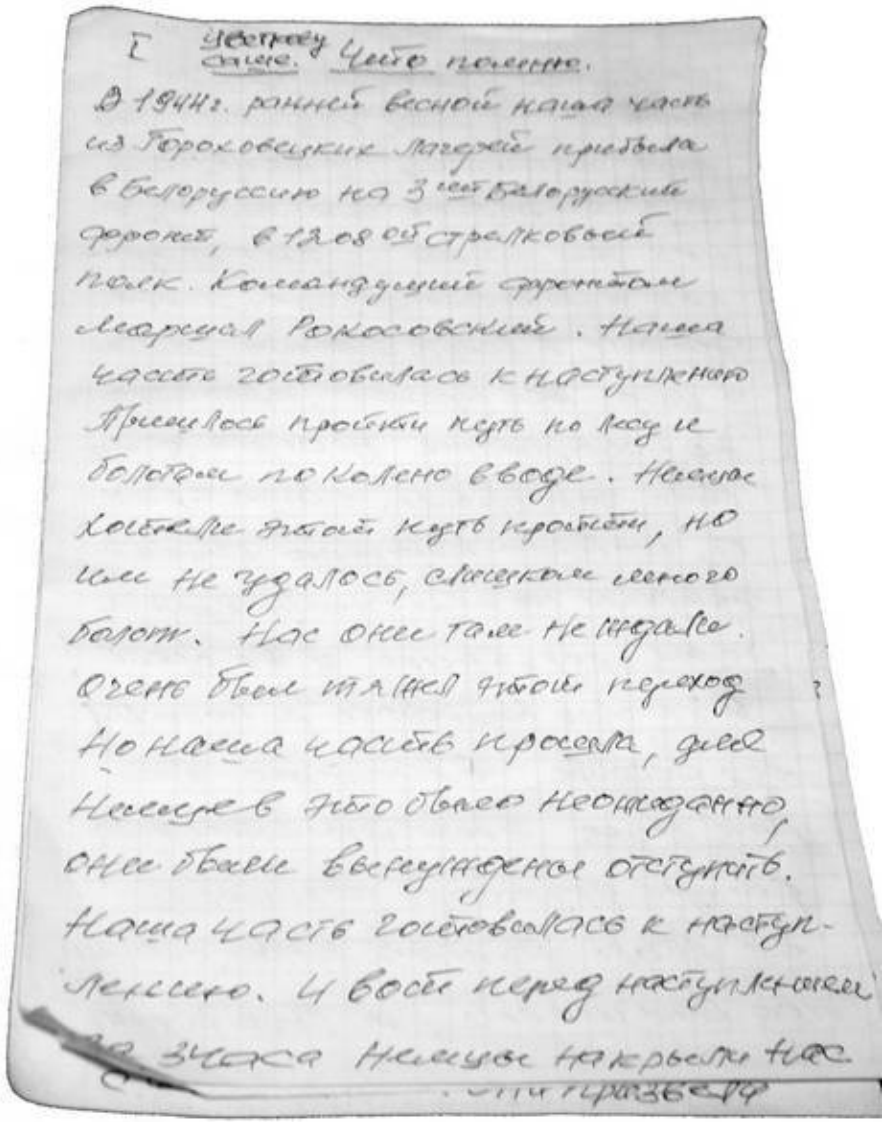
Дед Кузьма еще больше стал верить в Бога и благодарить его. Он дожил до 90 лет и умер, окруженный любимыми детьми и внуками.

Клаву (мою маму) через несколько лет после окончания войны найдет Борис (мой папа), который не дождался своего отца с войны. Мои родители проживут вместе 50 лет, до самой смерти папы в 2005 году. Мама, слава Богу, жива, ей уже 85 лет.

Александр Цветков

Письма Сергея Писулева

Что помню…



В 1944 году ранней весной наша часть из Гороховецких лагерей прибыла в Белоруссию на 3-й Белорусский фронт в 1208 стрелковый полк. Командующий фронтом маршал Рокоссовский. Наша часть готовилась к наступлению. Пришлось пройти путь по лесу и по болотам по колено в воде. Немцы хотели этот путь пройти, но им не удалось, слишком много болот. Нас они там не ждали. Очень был тяжел этот переход. Но наша часть прошла, для немцев это было неожиданно, они вынуждены были отступить. Наша часть готовилась к наступлению сильным артиллерийским залпом. Многих убило, ранило. Многих оглушило. Мой друг, командир 1-го отделения из Ленинграда, Василий Кузнецов был

убит, а я оглушен, как и многие другие. Меня ударило в левую сторону головы, в ухо. Все кричали, плохо слышали, но наступление не сорвалось и было успешным. Наша артиллерия, особенно «катюши», сильно ударили по переднему краю противника и дальше и вовремя! О Василии Кузнецове я написал его сестре в Ленинград все как было. После мы с ней вели долгую дружескую переписку. Ее звали Римма. В наступлении под Варшавой я был ранен. Я был помощником командира взвода. Меня ранило в правое бедро. Вместе со мной одной миной ранило и командира отделения Сундукова Николая из г. Ярославля. Остался во взводе командир Воробьев, остальные были убиты раньше. Когда нас из медсанбата выносили, навстречу нам на носилках несли Воробьева, командира взвода, с закрытыми глазами. Я лежал в госпитале в Польше в г. Лансберг около 1,5 м. После госпиталя меня направили на 1-й Белорусский фронт, которым командовал Жуков Г. К., в полк 597 Стрелковый к Ковязану И. Д. Однажды во время подготовки к наступлению и форсированию реки Неман к нам на помощь присоединилась другая воинская часть, чтобы не сорвать наступление. И в этой части я случайно встретил своего земляка из села Ивашкино, Петра Червякова. В армию нас призывали вместе. Форсировать реку нужно было на плотах, плоты готовила другая часть. Во время этой операции много наших погибло, утонуло. В том числе был убит и утонул Петр. Позднее я сообщил в Ивашкино отцу Петра Вас. Васильевичу. Дальнейший мой воинский путь тоже был тяжелым, но наступление шло очень успешно. Бои шли уже в Германии. В г. Берлине, в боях 1–2 мая, на улицах Берлина я со своим подразделением в бою уничтожил 9 немцев и захватили в плен 22 немца.

IV присоединилась другая воинская часть, чтобы не сорвать наступление и в этой части я следственно вернулся своего земляка из 18. сов[етского] танкового корпуса Червякова. Вначале нас назвали вместе формировать полк, но на деле это были отдельные части, которые составили отдельную часть. Вторая этой операции самого начала количество, численность. В том числе тебе убит и ранен. Танкер бездне я состоял в [советском] отряде танкера Вас. Васильевича [illegible] воинской части тоже танкового, но наступление было очень далеко. Боле чем уже в Германии. В г. Берлине в боях 1-2 мая не уж. Берлина я со своим отделением в бою уничтожил 9 немцев и захватил в плен 2х немцев.

Как мы пережили войну
НА ФРОНТЕ

На фронте

В 1941 году Вторая мировая война вступила в новую фазу К этому времени фашистская Германия и ее союзники захватили фактически всю Европу В связи с уничтожением польской государственности установилась совместная советско-германская граница. В 1940 году фашистское руководство разработало план «Барбаросса», утвержденный Гитлером 18 декабря 1940 года, цель которого состояла в молниеносном разгроме советских Вооруженных сил и оккупации европейской части Советского Союза.

Дальнейшие планы предусматривали полное уничтожение СССР. Для этого на восточном направлении были сосредоточены 153 немецкие дивизии и 37 дивизий ее союзников (Финляндии, Румынии и Венгрии). Они должны были нанести удар в трех направлениях: центральном (Минск – Смоленск – Москва), северо-западном (Прибалтика – Ленинград) и южном (Украина с выходом на Черноморское побережье). Планировалась молниеносная кампания в расчете захвата европейской части СССР до осени 1941 года.

К лету 1941 года на границе СССР от Баренцева до Черного моря были сконцентрированы 5,5 млн солдат и офицеров Германии и ее союзников, почти 5 тыс. боевых самолетов, более 3700 танков, свыше 47 тыс. орудий и минометов. Численность советских вооруженных сил на этом участке границы составляла 2,9 млн человек.

Остальные полтора миллиона человек были рассредоточены на других участках, прежде всего на Дальнем Востоке и юге, где ожидалось вторжение войск союзников Германии – Японии и Турции.

Великая Отечественная война прошла в своем развитии три крупных периода: первый – начальный период (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.); второй – период коренного перелома (19 ноября 1942 г. – конец 1943 г.); третий – период освобождения территории СССР от агрессора и разгрома фашистской Германии (начало 1944 г. – 9 мая 1945 г.). Участие СССР во Второй мировой войне продолжилось периодом советско-японской войны (9 августа – 2 сентября 1945 г.).

Осуществление плана «Барбаросса» началось на рассвете 22 июня 1941 года широкими мощными бомбардировками с воздуха крупнейших промышленных и стратегических центров, а также наступлением сухопутных войск Германии и ее союзников по всей европейской границе СССР (на протяжении 4,5 тыс. км). Уже в

первый день немецкая авиация разбомбила 66 аэродромов и уничтожила 1200 советских самолетов. За несколько первых дней немецкие войска продвинулись на десятки и сотни километров. На центральном направлении в начале июля 1941 года была захвачена вся Белоруссия и немецкие войска вышли на подступы к Смоленску.

С 10 июля по 10 сентября 1941 года проходило Смоленское оборонительное сражение, в ходе которого войска Резервного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова провели успешную Ельнинскую наступательную операцию, был ликвидирован ельнинский выступ – удобный плацдарм противника для наступления на Москву – и освобожден город Ельня.

На северо-западном – занята Прибалтика, 9 сентября блокирован Ленинград. Главная база КБФ в результате героического перехода балтийских кораблей под непрерывным огнем артиллерии, налетами немецкой авиации, ежечасно рискуя подорваться на минах, была перебазирована из Таллина в Кронштадт. На юге гитлеровские войска оккупировали Молдавию и Правобережную Украину. Таким образом, к осени 1941 года был осуществлен гитлеровский план захвата огромной территории европейской части СССР. Прорвавшись в Крым, гитлеровцы начали штурмовать ВМБ Черноморского флота Севастополя.

Стремительное наступление германских войск на советском фронте и их успехи в летней кампании объяснялись многими факторами объективного и субъективного характера. Германия имела значительные экономические и военно-стратегические преимущества. Для нанесения удара по Советскому Союзу она использовала не только свои, но и ресурсы союзнических, зависимых и оккупированных стран Европы. Гитлеровское командование и войска имели опыт ведения современной войны и широких наступательных операций, накопленный на первом этапе Второй мировой войны. Техническое оснащение вермахта (танки, авиация, средства связи и др.) значительно превосходило советское в подвижности и маневренности.

Советский Союз, несмотря на прилагаемые в годы третьей пятилетки усилия, не завершил свою подготовку к войне. Перевооружение Красной армии не было закончено.

Военная доктрина предполагала ведение операций на территории противника. В связи с этим оборонительные рубежи на старой советско-польской границе были демонтированы, а новые создавались недостаточно быстро.

Крупнейшим просчетом И. В. Сталина оказалось его неверие

в начало войны летом 1941 года. Поэтому вся страна, и в первую очередь армия, ее руководство, не были подготовлены к отражению агрессии. В результате в первые дни войны была уничтожена прямо на аэродромах значительная часть советской авиации. Крупные соединения Красной армии попали в окружение, были уничтожены или захвачены в плен.

Сразу после нападения Германии советское правительство провело крупные военно-политические и экономические мероприятия для отражения агрессии. 23 июня была образована Ставка Главного командования. 10 июля она была преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования. В нее вошли: И. В. Сталин (назначенный Главнокомандующим и ставший вскоре наркомом обороны), В. М. Молотов, С. К. Тимошенко, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников и Г. К. Жуков.

Директивой от 29 июня Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) поставили перед всей страной задачу мобилизовать все силы и средства на борьбу с врагом. 30 июня был создан Государственный комитет обороны (ГКО), сосредоточивший всю полноту власти в стране. Председателем ГКО стал И. В. Сталин. Коренным образом была пересмотрена военная доктрина, выдвинута задача организовать стратегическую оборону, измотать и остановить наступление фашистских войск. Крупномасштабные мероприятия были проведены по переводу промышленности на военные рельсы, мобилизации населения в армию и на строительство оборонительных рубежей.

Уже в первый месяц войны Красная армия оставила почти всю Прибалтику, Белоруссию, Молдавию и большую часть Украины. Она потеряла около 1 млн бойцов, в том числе 724 тыс. пленными. Были разгромлены практически все армии Западного фронта, по которому Германия нанесла главный удар. Чтобы отвести вину от себя, руководство страны организовало суд над группой генералов во главе с командующим войсками Западного фронта генералом армии Д. Г. Павловым. Их обвинили в измене и расстреляли.

В конце июня – первой половине июля 1941 года развернулись крупные оборонительные приграничные сражения (оборона Брестской крепости и др.). На центральном, московском, направлении враг был временно остановлен в 300 км от Москвы в ходе двухмесячного Смоленского сражения (10 июля – 10 сентября 1941 года). Стратегический план германского командования овладеть советской столицей к середине лета дал трещину.

На северо-западном направлении провалился немецкий план

захвата Ленинграда. На юге до сентября 1941 года велась оборона Киева, до октября – Одессы. В конце сентября советские войска потерпели серьезное поражение под Киевом. Пять армий попали в окружение. Незначительная часть окруженных вырвалась из кольца, но более полумиллиона человек попали в плен, большинство воинов гибло в боях вместе с командующим Юго-Западного фронта генерал-полковником М. Д. Кирпоносом.

Упорное сопротивление Красной армии летом – осенью 1941 года сорвало гитлеровский план молниеносной войны. Вместе с тем захват фашистским командованием к осени 1941 г. огромной территории СССР с ее важнейшими промышленными центрами и зерновыми районами являлся серьезной потерей для Советского Союза.

Овладев Киевом, противник смог переломить ситуацию на московском направлении, прорвав оборону Красной Армии. Началась немецкая операция «Тайфун», нацеленная на взятие Москвы. Фашисты полагали, что группа армий «Центр», подобно тайфуну, сметет советскую оборону и захватит столицу СССР до наступления зимы. С конца сентября развернулась четырехмесячная Московская битва, в первые недели которой пять армий ополчения оказались в «котле». В окружение попало 600 тыс. человек (каждый второй защитник Москвы).

Первая линия советской обороны была прорвана на центральном направлении 5–6 октября. Пали Брянск и Вязьма. Вторая линия под Можайском на несколько дней задержала германское наступление. 10 октября командующим Западным фронтом был назначен Г. К. Жуков. 19 октября в столице было введено осадное положение. В кровопролитных боях Красная армия сумела остановить противника – закончился октябрьский этап гитлеровского наступления на Москву.

Трехнедельная передышка была использована советским командованием для укрепления обороны столицы, мобилизации населения в ополчение, накапливания военной техники и в первую очередь авиации. 6 ноября было проведено торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся, посвященное годовщине Октябрьской революции. 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный парад частей Московского гарнизона. Впервые в нем участвовали и другие воинские части, в том числе ополченцы, уходившие прямо с парада на фронт. Эти мероприятия способствовали патриотическому подъему народа, укреплению его веры в победу.

Второй этап наступления гитлеровцев на Москву начался 15 ноября 1941 года. Ценой огромных потерь им удалось в конце ноября – начале декабря выйти на подступы к Москве, на

расстояние 25–30 км, охватить ее полукольцом на севере в районе Дмитрова (канал Москва – Волга), на юге – около Тулы. На этом немецкое наступление захлебнулось. Оборонительные бои Красной армии, в которых погибло много солдат и ополченцев, сопровождались накоплением сил за счет сибирских дивизий, авиации и другой военной техники.

5–6 декабря началось контрнаступление Красной армии, в результате которого враг был отброшен от Москвы на 100–150 км. Были освобождены Калинин, Малоярославец, Калуга, другие города и населенные пункты. В ходе контрнаступления Красная армия потеряла более 600 тыс. человек; противник же, отступая, – 100–150 тыс.

Гитлеровский план молниеносной войны окончательно провалился. Под Москвой войска Германии потерпели первое с 1939 года крупное поражение, противник перешел к стратегии затяжной войны. Победа под Москвой в условиях военно-технического превосходства противника явилась результатом героических усилий наших граждан.

Исследование реальных потерь Советского Союза в войне началось лишь в конце 1980-х с приходом гласности. До этого в 1946 году Сталин объявил о том, что СССР потерял в годы войны 7 миллионов человек. При Хрущеве цифра возросла до «более 20 миллионов». Споры о количестве жертв продолжаются и по сей день.

В 1988–1993 годах коллектив военных историков под руководством Григория Кривошеева провел комплексное статистическое исследование архивных документов.

Итоговая цифра людских потерь в Великой Отечественной войне была впервые обнародована в округленном виде («почти 27 млн чел.») на заседании Верховного Совета СССР 8 мая 1990 года, посвященном 45-летию победы нашей страны в Великой Отечественной войне. На сегодняшний день результаты, полученные группой Кривошеева, признаны официальными и наиболее надежными. Однако нередко они подвергаются критике в силу того, что данный коллектив фактически получил монополию на доступ к рассекреченным документам по потерям: подтвердить либо опровергнуть их результаты другие историки не могут, поскольку соответствующие документы им недоступны.

Николай Егорыч, пулемётчик

Мне было уже за двадцать, когда за обедом я вдруг спросил всерьёз:

– Дед, а ты немецких офицеров видел?

– Да я их убивал, – ответил дед спокойно и просто, и то ли откусил хлеба, то ли огурец посолил, и, сразу забыв о моём вопросе, начал за что-то отчитывать бабушку Она норовисто отругивалась.

В течение почти трети века, пока дед был жив, я то так то эдак расспрашивал его о войне – тут вполне ожидается ироничная подсказка, что рассказы об одном и том же, рассказанные в разное время, существенно различались, но нет, всё иначе. Рассказы были цельны, последовательны и, судя по всему, очень правдивы – дед вообще был человек простой, начисто лишённый фантазии, и врать не умел совершенно. Просто я их всегда слышал по-другому. Понимаете, да? – одно и то же, услышанное в разное время, иначе высвечивается.

В детстве очень нравилась история про самолёт. Дед, что твой Тёркин, действительно подбил самолёт, даром что не из винтовки.

Мы укладывались с братом спать, нам было лет по семь, и дед наш Николай Егорыч заглядывал к нам, садился на разложенный диван, цепкими руками плотника хватал в шутку нас за пятки, мы хохотали.

О войне он рассказывал сам, почти ежевечерне, просить его не приходилось. Дедовские рассказы подсвечивались недавно просмотренными фильмами к очередному юбилею Победы. Всё выходило очень красочно.

Самолёт он подбил после ранения в руку, году уже в 44-м, кажется. Подлечился, и главврач предложил деду пока остаться при госпитале – нужно было кому-то нести дежурство на крыше: там, как я понял, стояли две установки из счетверённых пулемётных стволов. Госпиталь тоже бомбили, он был недалеко от линии фронта.

Только много позже я обратил внимание на то, что деда после излечения не сразу отправили на фронт: видно, у него с главврачом сложились добрые отношения, и тому глянулся дельный рязанский пацан, который всё умел делать руками. Днём, поди, чинил всё, а вечером – на крышу, на пару с ещё одним пулемётчиком, излечившимся от ранения.

В очередную бомбежку они и задолбили самолёт, как раз пошедший на очередное снижение, раскрывавший своё поганое,

полное бомб пузо. Вражина рухнул в нескольких километрах от госпиталя.

Тут же, конечно, в госпиталь пришёл запрос, что за меткий парень тут объявился. Известно кто: Николай Егорыч, мой дед по материнской линии, 1923 года рождения – первый военный призыв, поколение, которое проредили в Отечественную больше всех. Им предстояло пройти почти все четыре года – и это мало кому удалось…

Только когда мне было за двадцать пять, я вдруг заметил, что дед часто вспоминает не столько войну, сколько как его туда везли. Он ни в коей мере не обладал литературным языком, не прочёл за всю жизнь ни одной книги, единственным украшением его речи было изредка и по делу вставляемое «ет-ттить твою мать!» – однако именно эта бесхитростность его речи помогла мне кожей прочувствовать ощущение грядущего ужаса, надвигающегося когда-то на восемнадцатилетнего мальчика, извлечённого из родительского дома в деревне Казинка.

Как-то само собою всё это нарисовалось в моей голове: учебка, жестокая нервозность начальства (немец прёт по всем фронтам!), глупое ожидание, что, может, война вот-вот кончится – но война, напротив, всё ближе и всё ужаснее.

Он стал пулемётчиком, получил свой, 600 выстрелов в минуту, пулемёт «максим» 20 кг весом – и это без станка, обязательной (спасающей от перегрева) воды и патронов. Без патронов всё это богатство весило уже 65 кг, больше самого деда, он был 1,65 ростом и весил, может, кг 50. А были ещё и патроны – по тысяче в каждой ленте.

После учебки его подразделение оказалось под Сталинградом. И тут в бесхитростных рассказах деда концентрация ужаса достигала апофеоза: какой-то полустанок, оттуда неведомо куда потащилось подразделение, и то ли поздняя осень вокруг, то ли ранняя зима, мерзотная ледяная грязь, по которой шли, шли, шли…

Попали под бомбёжку, всех за час разнесли и перебили. Деда контузило.

Вернулся в строй после контузии.

У деда за войну погибло семь «вторых номеров». «Второй номер» – это который пулемётную ленту подает пулемётчику.

Дед об этом говорил безо всякой аффектации, как про косьбу.

– Один раз из лесу снайпер – щ-щ-щёлк! – по нам, и «второй номер» мне – тук! – на плечо. Я плечом повёл, вижу – всё, готов. Пулемёт развернул и засёк снайпера. Дал несколько очередей, и…

Он не договаривал обычно – не знал, что после союза «и»

надо говорить. Или знал, но у него природного вкуса хватало на этом остановиться?

В другой раз снаряд попал в голову «второму номеру», и голова улетела вместе со снарядом. Остался человек без головы рядом с дедом. Такое бывает, я слышал.

Имён «вторых номеров» дед не помнил, ни одного.

Несколько раз в мгновение погибал весь расчёт: кроме «вторых номеров» был ещё и расчёт – те самые солдатики, что носили всё это пулемётное хозяйство, пока дед тащил хоть по грязи, хоть по снегу свой «максим».

Однажды, когда форсировали Днепр, снаряд угодил прямо в плот, на котором плыл дед со товарищи. Все погибли, пулемёт утонул – а он выплыл, один, целый. Дед, надо сказать, плавать не умел, не научился – в деревне не было водоёма.

– Как же ты выплыл? – подначивала бабушка. – Не тонулось?

Дед не умел ни шутить, не отшучиваться, а слов у него, чтоб передать, чего там творилось в воде, – не хватало. Он только качал головой – даже не сокрушённо, а так, просто качал, задумавшись.

Вода кровавая кипела вокруг, он пошёл ко дну, потом его неведомо как опять вынесло наверх, барахтался, захлёбывался, сходил с ума, потом зацепился за какие-то доски – на них и выплыл сквозь ад, далеко не первый ад за ту войну и далеко не последний.

– Случалось, идём в атаку, немец встретит хорошим огнем, всех положат… и обратно нас возвращается трое ото всего взвода… – рассказывал дед снова так, как будто все пошли на покос, а остальные куда-то пропали, и вот они втроём вернулись.

Один раз, после того как очередной дедовский взвод растрепали в пух и прах возле очередной высотки, дед вернулся на позиции с пулемётом, но без станка. Потерял в аду.

Куда делся расчёт, деда не спросили – понятно куда, – а вот за станок вызвали в спецотдел, и там какой-то тип орал на деда, что отправит его под трибунал за эту железяку Понятное, впрочем, дело – запчастей не напасёшься, если их на поле боя оставлять. Без иронии говорю.

В советской школе, когда нам задали написать сочинение о том, как воевали наши деды, я взял и описал этот случай. Мама моя прочла и говорит: а ты допиши, что он после этого разноса пошёл на поле боя и оттуда эту железку приволок. Я и дописал, хотя действительности это не соответствовало. Учительница всё равно как-то скептически оценила нашу окопную правду. Что она понимала вообще…

– Дед, как же тебя не убили? – спрашивал я, любопытный

подросток.

– А я не ленился никогда. Ни разу за всю войну, – отвечал он очень серьёзно и начинал рассказывать о каких-то, как мне казалось в детстве, совсем неважных вещах. – Если в атаке взвод ложится – иные падут плашмя и лежат как мешки, а я сразу доставал лопатку, окапывался, потом выкачу «максим», и… – тут он изображал несколько раз изуродованными на пилораме большими пальцами, как нажимал на гашетку, – та-та-та…

– Или если мороз, или сырость, промокнем, промёрзнем – я всегда при первой возможности портянки высушу, сапоги высушу… Это строго! Потому что и больной – не солдат… И пьяный – не солдат… Лениться нельзя.

Слушая это, я немножко подёргивал плечами: нет бы дед рассказал, как он ловко кидал гранаты и как метко стрелял. (А он метко стрелял и даже отпуск за это получил однажды.) Но ему всё это казалось менее важным.

И я потом понял, что он был прав. Но это потом, потом.

Насмотревшись фильмов, я всё спрашивал: а остались ли у деда друзья после войны. Дед отвечал просто: что, когда после ранений возвращался в свою роту, состав был, кроме двух-трёх человек, иным. Все остальные погибли.

Он почему-то вспоминал только одного солдатика – которому оторвало по колено ногу, и дед его вынес из-под обстрела, после чего добрый час, по какому-то болотистому лесу тащил его до, не знаю, санчасти, что ли.

…Это я тоже хорошо видел: дед на закорках тащит человека без ноги по лесу…

После войны, когда я уже родился, дед вдруг как-то захотел разыскать того солдатика, запросы какие-то посылал. Никто не откликнулся.

Дед ещё успел повоевать в составе десантной разведывательной группы – и три или четыре раза побывал за линией фронта, с разведкой, уже без пулемёта. А потом исхитрился и закосил месяца на три в какое-то, подальше от передовой, чуть ли не хозяйственное подразделение.

Из чего я еще в юности заключил, что война есть война, и там тоже есть всякая жизнь. И люди на войне не только бегут в атаку с криком «Ура!», но и многому иному место находят…

Но потом деда снова вернули на передовую вместе с пулемётом. Он участвовал во взятии Будапешта – одном из самых кромешных побоищ Второй мировой; получил за это очередную медаль.

Победу встретил в Венгрии, что, впрочем, завершения войны для него вовсе не означало. Отчего-то дед пробыл в действующей

армии аж до 1947 года и последующие полтора года провёл на Западной Украине.

К немцам дед, надо сказать, отчего-то относился равнодушно, но вот «бандеровец» у него всегда было словом ругательным. Однако ж о том, что творилось на Украине, дед как-то не говорил. Будто брезговал… Или их попросили ещё тогда, в 1947-м, на этот счёт помалкивать?

Что ж я не поинтересовался-то, дуралей.

Когда дед вернулся домой, родная мать его не узнала. Он писать не умел, поэтому писем всю войну не писал. И ему не писали, родители тоже грамоте были не обучены.

Попросить, что ли, было некого?

К тому же на деда за семь лет пришло две похоронки. После первой похоронки (когда его контузили) кто-то спустя год передал весточку, что вроде жив. А после второй никаких вестей так и не пришло. Удивительные люди – русское крестьянство, какие-то другие смыслы они вкладывали в слово «жалость», в слово «материнство», в слово «судьба». И в слово «война» тоже.

Ну вот какой факт: их, Нисифоровых, было четыре брата, мой дед – второй по старшинству. Все четверо воевали. Младшие, хоть один в 44-м, другой в 45-м были призваны, но и те успели пороху понюхать.

И все четверо вернулись живые, на двух ногах и о двух руках.

И наплодили детей – каждый не меньше трёх, – и прожили все по восемьдесят лет с гаком.

А вот невоевавшие их дети оказались послабее породой – если не все, то многие повымерли или спились.

Но это о другом разговор, наверное.

Захар Прилепин, 2010

Олененок и оловянный трубач

Галина Юзефович

Из всех моих родных по-настоящему воевала только бабушка, папина мама Галина Владимировна Шеншева – ее в 43-м досрочно выпустили из мединститута (первый мед осенью 41-го эвакуировали в Уфу – там она и училась два года из трех, без каникул и с двумя выходными в месяц) и 21-летней дурочкой-девочкой-доктором отправили на фронт. Война для нее закончилась в Кенигсберге, в Восточной Пруссии, где, как она рассказывала, канонада была такая, что оперировать было невозможно, земля дрожала (потом, когда бабушка уже умерла, я узнала, что канонаду эту организовывал дед моего мужа, кадровый офицер-артиллерист – он командовал под Кенигсбергом батареей каких-то особо крупнокалиберных не то пушек, не то гаубиц).

Бабушка охотно рассказывала про войну, и рассказы ее всегда были смешными. Про то, как трус-военврач, изображая галантность, пропускал перед собой юных девушек-врачей на минном поле. Как ночью разворачивали госпиталь в роскошном прусском поместье, там же упали и уснули мертвецким усталым сном в одном из огромных залов, и как поутру оказалось, что, разыскивая туалет, бабушка случайно помочилась в шикарную хрустальную вазу (ваза эта – одна из очень немногих вещей, привезенных бабушкой с войны, долгие годы жила в нашей семье под именем «ночной горшок»). Про поле, устланное телами мертвых коров, над которыми кто-то вывел белой краской на красной кирпичной стене Sic transit gloria mundi. Про труп немца, по которому прошла колонна танков, – «ты представляешь, он был такой тонкий, как бумага, но черты лица все равно можно было разглядеть – мы ходили и его пальцем трогали». Про вшей, которых бабушка – девочка из приличной московской семьи, жившая в отдельной квартире на улице Станкевича, да еще и выросшая за границей (ее отец работал в советском торгпредстве), никогда в жизни не видела. Заметив впервые вошь у себя на рубашке, она не поняла, что это – и спросила у подруги, что это за смешная штучка. И конечно, самая лучшая история – про олененка, которого в госпиталь принесли местные жители, и которого бабушка выкормила молоком из бутылочки, выходила и вырастила в роскошного оленя – олененка прозвали Дареный, и он бегал за бабушкой, как собачка. У истории был плохой конец,

но мы его редко вспоминали: когда бабушкин госпиталь переводили, ей пришлось оставить Дареного в Кенигсбергском зоопарке, и уже перед самым отъездом она пришла его навестить. Олень был заперт в сарае и услышав бабушкин голос, начал страшно трубить и биться в ворота. Бабушка просила отпереть, чтобы она могла попрощаться со своим питомцем, но служитель отводил глаза и отказывался. Бабушка подозревала, что в голодном Кенигсберге 1945-го года его банально съели, но я никогда не хотела в это верить. Бабушкин госпиталь перевели в Литву, и там бабушка лечила местное население – запуганных женщин и детей (где были при этом мужчины как-то никогда не уточнялось), которые в благодарность поили ее парным молоком и учили литовскому языку. Бабушка до старости знала несколько песенок и поговорок на литовском, а на память о молоке осталась одна фотография, на которой бабушка, непривычно толстая (всю жизнь она была тоненькой – за вычетом тех двух сытных месяцев в Литве), стоит с большой белой крынкой в руках в окружении каких-то незнакомых женщин в платочках.

Словом, никакого особого героизма в бабушкиной войне не было – хотя были истории и про то, как оперировали сутками, для чего выпивали время от времени по ворованной ампуле кофеина. Однажды бабушке нужно было оперировать тяжелораненого офицера, но она до этого не спала уже почти тридцать часов и не могла вспомнить соответствующую фразу из учебника – надо было резать то ли по верхнему краю нижележащего ребра, то ли по нижнему краю верхне л ежащего. И от этого зависела жизнь пациента – если ошибешься, то разрежешь легкое. Бабушка говорила, что тогда впервые в жизни пожалела, что не умеет молиться (спросить-то было некого, да и некогда), но все же сделала надрез – и спасла офицера. Но в среднем героизма не было, как не было и ужаса и крови (говорю ж, почти все рассказы – либо смешные, либо просто занятные), страха, крови. Теперь я понимаю, что рассказы эти были не строго даже про войну, а просто про юность, которая ничего не боится, потому что терять ей, по большому счету, еще нечего. Конечно, из бабушкиного класса (а у них был невероятно дружный класс, который, собственно, составил ее круг общения на всю жизнь – да что там, оба ее мужа были бабушкиными одноклассниками) не вернулись очень многие – в том числе и мальчик, любивший бабушку больше всех других, а по совместительству лучший друг моего дедушки (когда мы уже в моем детстве по дороге в Литву проезжали на поезде через Молодечно, где этот Андрюша погиб, и бабушка, и дедушка всегда замолкали и грустнели). Но это было опосредованным горем, позднейшим, а личные воспоминания

были смешные, глупые, необычные. Очень юношеские.

На той войне моя бабушка была из самых молодых – в мае 45-го ей еще не исполнилось и двадцати четырех. А теперь и ее ровесников-то уже давно нет – остались только те, кто был еще младше, еще глупее, еще меньше запомнил, еще меньше боялся. Да и тех совсем мало. Скоро и их не останется – тех, кто попал на войну ребенком, а сегодня стал последним, кто ее помнит. И тогда этот праздник станет каким-то совсем другим, я надеюсь – более личным, а вместе с тем менее героически-глупо-бравурным. В принципе, пора бы.

Леонид Юзефович

В юности мама обожала стихи. На фронт она взяла с собой изданный в довоенной «Библиотеке поэта», в так называемой «Малой серии», томик своего любимого Блока размером в ладонь и, что самое удивительное, привезла его обратно. Эту маленькую синюю потрепанную книжечку я когда-то знал наизусть почти целиком.

Привезла она с фронта и такой же малоформатный блокнотик, куда в начале 1945 года, по дороге через Латвию и Литву (на границах Восточной Пруссии чистые странички в нем закончились), заносила свои нехитрые наблюдения и впечатления. О строжайшем запрете на ведение фронтовых дневников и о том, чем грозит ей ослушание, мама по молодости лет понятия не имела.

Здесь же – ее собственные, тогда же сочиненные стихи, неумелые и трогательные, как все, на чем лежит печать времени. В зрелом возрасте мама этих стихов стеснялась, а под старость и вовсе порывалась блокнотик выбросить, чтобы не оставлять после себя таких следов, и для сохранности я забрал его себе.

Вот одно из оставшихся в нем стихотворений.

ОЛОВЯННЫЙ ТРУБАЧ

Усатый трубач, оловянный солдат
Мне тобою в знак дружбы дарён,
И в мешке вещевом непременно назад
Привезу я солдатика в дом.

Отдохнет там трубач, спутник тягостных дней
И в пути неизменный мой друг.
Я уверена, станет тогда он живей,

На трубе заиграет мне вдруг.

И напомнит о прошлом, о походах былых,
О друзьях, что погибли в бою,
И о подвигах славных, о бессмертии их…
Мне напомнит и дружбу твою.

Стихотворение посвящено некоему С. П. А., но кто он был такой, я у мамы выспросить не догадался и теперь уже не узнаю, но, думаю, отношения между ними действительно были не более чем дружескими. Вывожу это из того, что даритель трубача обозначен всеми тремя инициалами. То есть мама называла его не просто по имени, а с отчеством, и значит, по ее тогдашним понятиям, был он человеком немолодым. Это единственное, что можно сказать о нем почти наверняка.

Зато с солдатиком все, в общем, понятно. Вряд ли С. П. А. взял его с собой на фронт, как мама – Блока. Скорее всего, подобрал в одном из брошенных хозяевами немецких домов. Усы тоже свидетельствуют в пользу гипотезы о его прусском происхождении. Тем более, что в СССР оловянные солдатики, по крайней мере в массовом масштабе, не производились до начала 1960-х. Да и тогда при той степени тонкости, с какой прорабатывались их лица, различить на них усы, даже если они имелись, было затруднительно.

А вот исполнила ли мама обещание и привезла ли солдатика домой – не известно. Блокнотик хранится у меня, но оловянного усача я никогда не видел.

Галина Юзефович, Леонид Юзефович

На меня пришла похоронка

Мой прадед защищал Родину!

В этом году наша страна отпраздновала 70-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне. Одновременно по всей России 9 Мая прошла акция «Бессмертный полк», в которой я принял непосредственное участие. Для этого мне потребовалось узнать историю моего прадеда. Я попросил рассказать мне о нем моего дядю, который был с ним лично знаком и которому прадед однажды рассказал такую вот историю.

На фронт я попал летом 42-го. Воевать пришлось в своих родных местах в Липецкой области. Был связистом при штабе. Раз как-то нет связи с батальонами – Александров, наладить! Есть! Бегу по линии связи, вот он, обрыв. Танком порвало. Гусеницами разбросало концы линии в разные стороны. Один даже в небольшой овражек, заросший кустами, забросило. Собрал провода, винтовку, вещмешок положил рядом и присел скручивать концы.

В этот момент резкий удар в спину и вскользь по голове. Кувыркаюсь вперед, голову выворачиваю, фашист – дородный такой, автомат на груди, пилотка моя у него в руках. Вдали еще немцы видны. Пока он непонимающе ее рассматривал, я в кусты и бегом оврагом к своим. На мой вопрос: «А зачем немцу пилотка?» Дед ответил: «Оглушить он меня хотел, чтобы в плен взять. А я в этот момент присел неожиданно, вот пилотка у него в руках и осталась» Прибегаю в штаб, без оружия, без вещмешка и пилотки. Докладываю: «Фрицы справа за оврагом!» Полковник не верит мне: «Панику сеешь! Где винтовка? Где головной убор? Расстреляю, если оружие не вернешь!» Но все же решил проверить, послал со мной старшину.

Тот дал мне гранату, и побежали мы с ним к знакомому овражку. Бежим по нему, пригибаемся, поглядываем иногда из него. А вот и немцы, нас не видят. Старшина дал длинную очередь, я бросил гранату. Взрыв, крики, выстрелы и вдруг тишина. То ли побили фрицев, то ли убежали они. Ноги одного убитого из кустов видны. Старшина мне «Бежим докладывать!» «Не могу, оружие надо забрать, да и вещмешок жалко» – отвечаю.

Он обратно в часть, а я на поиски своего добра. Винтовку, сидор и катушку нашел на том же месте, где и оставил, провода немцы разбросали далеко в разные стороны. Но нашел и, подтянув их, соединил. А пилотки не было, немец, наверно,

забрал. Подобрал я все свое добро и другим оврагом обратно в часть. А там все окапываются, к бою готовятся. Но противник не появился, видно, передовой отряд заблудился или разведка была, а мы со старшиной их пуганули. Но полковник больше не ругался. «Молодец!» – говорит.

Дальше осень, отступаем с боями, грязь непролазная, часть попала в окружение. Дали команду: выходить небольшими группами. Идем, патронов нет. Вдруг немцы цепью идут, перекликаются, стреляют на ходу. Все рванули в разные стороны, одни вперед побежали, а я знал – там пустырь, другие в стороны по кустам. А фрицы вот они, рядом. Куда деваться? Упал на землю, винтовку в одну сторону, подсумок с вещмешком в другую. Лежу не дышу. Немец подходит, сапогом в бок. Лежу лицом в грязь, от боли не вздохнуть, но молчу, не шевелюсь. «Рус капут!» Засмеялся и пошел дальше немец. Почему не выстрелил он? Не знаю. Обычно стреляют для проверки. До сих пор задаю этот вопрос себе. Повезло!

В сторону фронта ходу нет. Места знакомые, два дня пробирался в свою деревню. Форму, документы спрятал в сарае за домом, там и одежда старая была. Захожу в хату, а там немцы за столом сидят, жена у печи хлопочет, дети на лавке в углу. Жена моя, умница, все поняла правильно, будничным голосом: «Садись, сейчас накормлю». Немцы покосились и все, ну а чего дергаться – пришел муж с поля и пришел. Сижу, ем, дети рядом (маленькие еще были, ничего не понимали), все нормально. И тут нелегкая принесла мою сестру. Та с порога давай причитать: «Ой, Володенька! Да откуда же ты вернулся!» Немцы, такое дело, за оружие и меня в штаб. Там переводчик: «Кто такой? Откуда?» Говорю, мол, здешний я, скотину гонял за фронт. Не поверили. Раздели по пояс, осмотрели меня, руки обнюхали и в сарай. («Порохом руки пахли», – на мой удивленный взгляд пояснил дед.) А там уже человек десять наших, кто в гимнастерке, кто в шинели, двое в гражданской одежде, как и я. Правда, местных и знакомых никого. Все молчат, угрюмые.

Утром куда-то нас погнали, еды не дали. По дороге еще несколько групп пленных присоединили к нам. На ночь согнали в пустой сарай без верха. Я в углу лег спать на досках. Повернулся, локоть провалился в труху у стены, бревно нижнее почти сгнило. В темноте расчистил углубление под бревном, да и забился туда, габарита я небольшого, доски на себя натянул. Рано утром всех подняли, бегло осмотрели сарай, пересчитывать не стали, построили колонной и дальше погнали. Немцы так аккуратисты, а тут то ли торопились, то ли еще что. Опять повезло!

Выбрался, леском пошел обратно к дому, а туда нельзя! Узнают! Ночью пробрался в свой сарай, забрал документы, гимнастерку, пилотку, посмотрел на окошки родного дома и

пошел в сторону фронта. Через пару дней наткнулся на своих. Хорошо, линия фронта еще не закрепилась, местами пройти можно было. Я и вышел, аккурат на свою родную часть. Можно сказать, повезло опять.

Комбат, особист, да и многие другие меня знали. Связь я всем им делал. Где был, откуда? Рассказал правду про дом, про плен, как бежал. Особо не дергали, не до того было, немец наступал, да и много тогда наших выходило, документы сохранил, форму – это хорошо. За винтовку, правда, ругали сильно, я сказал, что в болоте утопил. И снова тяжелые бои. Помню, бегу – тяну линию связи, катушка, автомат. Постреливают вокруг. Смотрю, параллельно со мной бежит немец. Близко, лицо видно. Тоже катушка, автомат. Как и я, линию связи тянет. Бежим, косимся друг на друга, но ни он, ни я не стреляем, каждый свое дело делает, не до этого. Долго так бежали. Потом разбежались, каждый к своим траншеям линию потянул.

«*Дед, а как тебя ранили*?» – *снова спрашиваю его.*

Ну как! Конец зимы. Окраина какой-то деревни. Идем в атаку. Снег по колено, бежать тяжко, ноги в снег проваливаются. Я с телефоном, катушкой, линию тяну. Отстал немного. И тут пулемет как даст по нам. Все в снег зарылись, по цепи кричат: «Вперед! В атаку!» Вскакиваем, бежим. Ура-а-а!

Вдруг я спотыкаюсь, падаю, в горячке хочу вскочить, а нога не слушается. Смотрю, а она неестественно набок вывернута, и ватные штаны от крови набухают. И тут только боль почувствовал. Зажал я руками рану, кровь все равно просачивается. Возможно, потерял сознание на какое-то время. Очнулся, лежу. Чувствую, замерзаю. Бой уже где-то за деревней идет. Темнеет. Смотрю, двое бегут. Наши! Санитары! Оказались не из нашего полка, но, тем не менее, помогли. Перетянули ногу жгутом поверх штанов, к винтовке привязали, понесли, от тряски боль страшенная. Дотащили меня до саней, там в специальные ватные мешки запихали, по два раненых в мешок. Два мешка на повозку – и поехали. Везли долго, в соседнем мешке капитан-танкист умер по дороге. Привезли.

Огромный сарай, сено на полу набросано, раненых вокруг много, все стонут, кричат, ругаются, запах такой стоит! Меня сразу в палатку, на стол. Сапог, штаны, кальсоны разрезали, сняли. Ступню не чувствую.

Врач, пожилой, в очках, осмотрел ногу. Говорит мне: «Колено раздроблено. Отрежем ногу выше коленной чашечки». Я прошу: «Доктор, не надо, оставьте ногу» А если воспаление, гангрена? Что тогда? Отрежут ногу по бедро или помрешь» – отвечает он. Говорю: «Пусть, не надо сейчас резать!» Посмотрел на меня

доктор, вздохнул устало: «Ладно, оставим тебе ногу. Больно будет». Потом долго возился: собирал, скреплял, зашивал колено, зафиксировал ногу, чтобы правильно срослась. Я все вытерпел, только сдавленно мычал от боли. Боялся, если буду орать, то доктор передумает и оттяпает ногу. Сейчас очень жалею, что даже спасибо сказать ему не успел, да и как звали не помню. На другой день нас, раненых, погрузили в санитарный поезд, и в глубокий тыл.

А поезд проходил через родную станцию Измалково. Минут тридцать там стояли. Я все глядел, может, кого знакомого там увижу. Никого не встретил – пустая станция. В госпитале нога зажила, еще раз спасибо тому доктору, правда не сгибается. Но передвигаться без протеза и палочки можно. Болит иногда, когда погода меняется, и ходить долго тяжело. Комиссовали. Я домой, а на меня там уже похоронка пришла. Мол, погиб смертью храбрых. А я живой! Письмо из госпиталя пришло только вместе со мной, почти в один день. Почта так вот медленно сработала почему-то.

Вот такой вот рассказ простого солдата, выполнившего до конца свой долг перед Родиной в самый трудный первый год войны. Награды и похоронка бережно хранятся в наших семьях. Недавно в Интернете нашли именной список безвозвратных потерь части, где прадед мой, Александров Владимир Михайлович, записан как похороненный под деревней Нестюрино Архангельского района Курской области, и представление его к медали «За боевые заслуги».

Записал Иван Александров

Разными дорогами

Мы ходим разными дорогами, живем в разных городах и даже говорим на разных языках, но есть события, объединяющие всех. Таким событием для всей страны стал марш «Бессмертного полка», 9 Мая 2015 года собравший под знаменем Победы двенадцать миллионов человек. Люди шли семьями, несли плакаты, и редко на этих плакатах была одна фотография, чаще – несколько.

Мы с мужем и шестилетний сын Ванька тоже шли в этом нескончаемом потоке, на нашем плакате было пять фотографий: Сережин дедушка и три моих, и еще мой дядя – мамин старший брат. Мужчины от восемнадцати до пятидесяти ушли на фронт, и вернулись почти все – кроме самого младшего.

Наверное, нашей семье повезло: на улице в Сергиевом Посаде, где стоит дом моих предков, еще в советские годы поставили памятник погибшим. Сейчас на этой улице всего сорок домишек, тогда было и того меньше. На памятнике пятьдесят два имени, много одинаковых фамилий – вот Сорокины, наши однофамильцы, отец и трое сыновей с войны не вернулись. Теперь и наших никого уже нет в живых, за них остались мы.

Моих дедушек на плакате трое, потому что самый настоящий мой дедушка Платон, Платон Матвеевич Колодко, с которым мы все мое детство во что-то играли – или в пуговицы, выпиленные им на токарном станке, или в подкидного дурачка, или в сделанные им собственноручно доминошки, на самом деле вовсе не был мне родным дедом, а женился на бабушке через несколько лет после того, как она овдовела. Своих детей у него не было и, видимо, не могло быть – в лагере для военнопленных в Италии ему кололи стерилизующие уколы, так что бабушкина семья стала ему родной. Для нас с сестрой он был самым настоящим дедом, и ничего не изменилось, когда с возрастом мы осознали все тонкости родственных связей.

Настоящий мой дед, мамин отец – Григорий Сорокин, прошел всю войну и вернулся. Сразу после революции, в восемнадцать лет, он из деревни приехал в Москву и поступил на истфак МГУ. Одним из самых любимых профессоров там был Николай Бухарин – студенты на руках выносили его после лекций, затаив дыхание слушали о справедливом коммунизме и верили, что они его приблизят. После процесса над Бухариным и его расстрела в 1938 году Григорий перестал верить в идею справедливого коммунизма и запил. Войну прошел с начала и до конца полковым комиссаром, вернулся живой, но пить стал снова, и

крепко. Ему все казалось, что за ним следят, а он спасается от преследователей – своих же домашних, а через пять дней после смерти Сталина он умер от приступа стенокардии.

Третий мой дедушка, папин папа – Владимир Константинович Бялко, будучи химиком по профессии, служил в химических войсках, был на войне ранен в ногу и ходил потом всегда с палочкой. А про войну никогда ничего не рассказывал.

Дедушка моего мужа, Иван Павлович Байдак, в войну освобождал Маньчжурию, вернулся весь в орденах. До восьмидесяти лет почти каждый год 9 Мая он встречался со своими однополчанами и шел на Красную площадь. Шесть лет назад не стало и его, а сына в его честь мы назвали Ванькой.

И только самый младший из пятерых, мой дядя Август, с войны не вернулся. Его я знаю только по фотографии и бабушкиным рассказам, и даже моя мама, его младшая сестра, брата, конечно, не помнит. Она родилась в ноябре 1943 года, когда он учился в военном училище в городе Фрунзе, а 21 апреля 1945 года, всего за 18 дней до Победы, его не стало. У мамы на стене фотография в потемневшей деревянной раме, на ней ему лет четырнадцать-пятнадцать. Странно большие светлые глаза с длинными ресницами, густые слегка вьющиеся темные волосы, крупные черты лица, школьная форма – симпатичный ребенок среднего школьного возраста.

Августом его назвали, конечно, не в честь Октавиана Августа, а в честь августа 1925 года и такого важного для молодых родителей события, как рождение первенца. Когда он родился, бабушке Саше было восемнадцать, а деду Григорию – двадцать два. Выйти так рано замуж бабушку уговорила мать – время было голодное, кроме бабушки в семье было еще трое детей, а Григорий, получивший хорошее образование, понравился Сашиным родителям. После истфака МГУ он стал пропагандистом ЦК – ездил по городам и весям. Бабушка и вскоре родившийся Авочка ездили с ним. Приезжая на очередное новое место, они первым делом сбивали топчан из досок, на него клали набитый соломой матрас. Август размещался «в головах» соломенной империи, его родители – ниже. Август был неразлучен со своей молодой мамой и рос спокойным и ласковым ребенком. Он был самой большой бабушкиной любовью, и сам не успел встретить никого более любимого. Мамин друг, помощник, а с тринадцати лет – защитник от пьющего отца.

Когда началась война, Августу было пятнадцать, и он рвался воевать, как и все мальчишки в классе. Бабушка боялась, что он убежит на фронт, и уговорила его сначала пойти в артиллерийское училище – научиться воевать как следует. В

декабре 1944 года молоденьких лейтенантов отправили на фронт, его – сразу командиром взвода. Он волновался – боялся не справиться, ведь командир был моложе опытных бойцов. Война началась для него уже в Германии, с 1-м Украинским фронтом.

Когда Августа мобилизовали, бабушка решила погадать – пошла в школьную библиотеку, взяла с полки первую попавшуюся книгу и прочитала загаданную строку: «Всадник остался без головы»… Больше она никогда ни на что не гадала.

Август часто писал домой, и отвечали ему всей семьей – на фронте очень ждали писем. После Победы бабушка ждала его каждый день, все надеялась, что скоро он вернется, ведь война же кончилась… Но пришла похоронка. 21 апреля 1945 года Август был убит снайперским выстрелом в голову.

Его похоронили в городе Бунцлау в Германии, а после войны эта земля отошла Польше и город переименовали в Болеславец. При освобождении современной территории Польши погибло больше шестисот тысяч советских солдат, это самые большие потери во всей Европе, даже в Германии погибло меньше. Только на одном кладбище в Болеславце захоронено больше трех тысяч воинов. Мои мама и папа приехали туда в 2010 году, когда и бабушки уже не было в живых, и разыскали могилу Августа.

Это не единственное военное кладбище в Болеславце. В том же городе, на другом военном кладбище, захоронены останки Михаила Илларионовича Кутузова – за полтора века до Второй мировой войны он умер в военном походе, преследуя другую армию, пытавшуюся захватить нашу страну.

Наверное, многим в мире не нравится история Второй мировой войны, как не нравилась и история Первой мировой, и история Отечественной войны 1812 года. Но только наши родные всегда останутся с нами, они ничего не дадут нам забыть.

Вера Байдак, издатель vbaidak@octo.ru

Страшная семейная тайна

У дедушки была бронь – работал на Метрострое, электриком, да еще и туберкулезник. Он сам записался в Московское ополчение. В первую же зиму застудился, все время болел и умер через год после Победы.

Бабушка с мамой и теткой уехали в эвакуацию на Урал – Свердловск, Первоуральск, Шадринск, в Москву вернулись в 42-м.

Рассказывали про войне нечасто. Про то, ка ехали под бомбежками в товарняке, как исчезли карточки, а до следующего месяца еще 19 дней, как жили у хозяйки в эвакуации – все трое спали на одной большой русской печке, как мама на заказ вышивала болгарским крестом воротники у мужских рубашек. Как она, городская девочка, куда-то ехала на лошади, а лошадь звали Соловей, и по дороге набрала два ведра опят. Как, вернувшись из эвакуации, обнаружили, что в маленькой комнате с печкой, на проспекте Мира, который тогда назывался Мещанской улицей, живут незнакомые люди. Хорошо, что они оказались нормальными, пустили, полгода шесть человек благополучно обитали на 16 метрах и долго дружили потом, ездили друг к другу в гости.

Но самая главная для меня – история маминой тетки, жены бабушкиного брата. Это была семейная тайна, страшная семейная тайна. Она мне до сих пор покоя не дает. К началу войны у нее были муж и сын, оба Михаилы. Сыну, все говорили, удивительному красавцу, в 41-м исполнилось восемнадцать, мужу – тридцать восемь, ей самой только-только тридцать три. Не знаю почему, но мне это важно. Миши ушли на фронт вместе, оба оказались под Сталинградом. От обоих одновременно перестали приходить письма. Потом почти одновременно на обоих пришли похоронки, оттуда, из-под Сталинграда. Говорят, их имена есть на Мамаевом кургане. Мы с мамой (я училась в школе), когда плыли по Волге, сразу пошли туда, на курган, долго всматривались, но имен так и не нашли. Это невозможно, если не знаешь точно расположения. Там она мне и рассказал семейную тайну. Кто-то из родственников, братьев-сестер, семья тогда была большая и ветвистая, осел в Средней Азии. По неизвестной мне оказии этого человека случайно занесло в особый закрытый госпиталь для специальных инвалидов, которые совсем без рук – без ног. В одном из них он узнал Мишу-младшего, подошел, окликнул, тот отвернулся и заплакал. Потом сказал: «Не говори». Все, на том история заканчивалась. Я долго допытывалась: кому не говори, почему не говори, что дальше, как, что?.. Мамину тетку я к тому

времени никогда не видела, знала только, что она жила в Одессе, через двадцать лет после Победы вышла замуж за самого близкого друга мужа, когда тот овдовел. Мне было сказано, что вся родня про Мишу знает, но договорились, что его матери об этом никто не скажет. Через несколько лет, один-единственный раз мы поехали в Одессу, в гости. Глядя на эту совсем старенькую женщину я все думала – как это? Все эти годы, десятилетия на Земле жил ее сын, может он еще и сейчас жив, и она жива. Он ее так пожалел, хотел уберечь? От чего? Матери же все равно – какой он и в каком виде и состоянии. И что бы чувствовала она, если бы узнала? У меня не было ответов и сейчас нет. Не знаю. Может, это просто легенда, потому что хочется, чтобы погибшие на войне были живы.

Клариса Пульсон

Пистолет убитого командира

Наш отец сражался за Родину!

Наш отец – Песин Борис Семенович – родился 17 июня 1923 года на Украине, в селе Плющевка Николаевской области.

Война его застала в Херсоне, где он гостил у своего дяди. Не возвращаясь домой, он пошел в Херсонский военкомат и записался на фронт добровольцем.

Через два месяца боев рота пехотинцев, в которой служил Борис Песин, попала в окружение. Командир роты был убит. Солдаты, в основном еще молодые ребята, только со школьной скамьи, были деморализованы, началась паника, и рота уже была готова сдаться в плен. Тогда молоденький солдатик Борис Песин принял на себя командование ротой. Взял пистолет убитого командира и поднял его вверх с криком: «Вперед, ребята!!! Лучше смерть, чем плен» – повел роту в бой. В этом бою многие погибли, но тех, кто остался в живых, Борис Песин вывел из окружения. И они присоединились к советским войскам, ведущим бои за Украину.

Генерал, который тогда командовал боями на этой территории, долго разговаривал с молодым сержантом, удивляясь, как ему удалось вывести бойцов из окружения в том кошмаре, который в начале войны был повсюду. К сожалению, мы, дети, не запомнили имя того генерала, но знаем, что он взял нашего отца связным в штаб. Затем отец стал армейским разведчиком.

Он смело воевал на протяжении всей войны. Не раз со своими товарищами захватывали «языка». Добывали важные стратегические сведения.

Один случай, рассказанный отцом, хочу описать сейчас.

Дело было в Польше. Готовились к наступлению, и нужны были сведения о дислокации противника. Отец с товарищами дождливой ночью пробрались к окопам противника недалеко от польского села и затаились, ожидая момента, когда можно будет взять в плен «языка». А в это время в окопе показалась группа людей в форме простых солдат рейха. Но отец заметил, что с одним из солдат немецкий майор разговаривает как с генералом. И они с товарищами решили во что бы то ни стало захватить в плен именно этого «солдата».

Борис в Берлине, 1945 г.

Дождались, когда эта группа вышла из окопов и направилась в село. Была уже ночь, и разведчики поняли, что ночевать немцы будут в селе, где у них был штаб. Разыгравшаяся непогода была им в помощь. Тайно пробравшись к штабу, они затаились за бочками с водой возле самой штаб-квартиры. Дождались, когда генерал, как они назвали выбранного ими офицера, вышел покурить, они захватили его в плен да так ловко, что тот даже не успел издать ни звука, и доставили его в наш штаб.

Кто был по должности тот офицер – отец так и не узнал, но утром его с товарищами вызвал к себе командир и долго и горячо благодарил за «языка», все время приговаривая: «Ну, ребята, ну, ребята! Вы даже не представляете, кого захватили!»

За это задание их всех наградили медалями «За мужество».

Наш отец, Борис Песин, прошел с боями всю войну от 1941 года до 1945-го. Был 3 раза ранен, контужен. Закончил он войну заместителем коменданта Цигенрюкского уезда, небольшого городка под Берлином. Ему тогда было всего 22 года!

гв. младшему сержанту

Песину Борису Семеновичу

Приказом Верховного Главнокомандующего

Маршала Советского Союза товарища Сталина

от „28" Апреля 1945 г. № 339

за прорыв обороны немцев на зап. берегу Одер.

всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

КОМАНДИР ЧАСТИ И. Сталин

[подпись]

Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе отчизну свою поведем!

В один из праздников 9 Мая по телевидению показывали группу воинов у Рейхстага, стоящих там в мае 1945 года.

Среди них был наш отец, ПЕСИН БОРИС СЕМЕНОВИЧ, гвардии рядовой – разведчик. Уроженец Украины и всю свою жизнь считавший своей страной Советский Союз!

Умер Песин Борис Семенович в возрасте 87 лет. В 2011 году.

Вечная Слава Ееропм, отдавшим свои жизни за мир, в котором мы сейчас живем!

Вечная память всем бойцам той Священной Войны!

Зинаида Кирк

Логика войны

Не люблю бестактный вопрос ФБ «О чем вы думаете?», а сегодня решила рассказать.

Много лет думаю, нужно ли было сдавать фашистам город, в котором я родилась за три месяца до начала Отечественной войны. Задавала этот вопрос многим людям, искала ответ в книгах, пыталась разобраться в себе.

На этот раз с облегчением думаю о том, что никто не просил у меня интервью, потому что настоящее интервью заставило бы меня ответить на несколько неудобных вопросов, если бы, конечно, они были заданы.

Я родилась в Ленинграде в апреле 1941 года.

В начале июня 1941 года мама повезла меня в Эстонию, чтобы показать папе, советскому офицеру, преподавателю военного училища.

ПОЧЕМУ МОЙ ОТЕЦ И ЕГО КУРСАНТЫ НАХОДИЛИСЬ В ЭСТОНИИ?

22 июня семьи офицеров были отправлены в тыл, советские военные готовились к отступлению в сторону Ленинграда, небольшой группе было приказано остаться и возглавить сопротивление.

ПОЧЕМУ ВСЕХ ОСТАВШИХСЯ РАССТРЕЛЯЛИ ДО ПРИХОДА ФАШИСТОВ?

Мама везла меня в Мариуполь, где жили родственники отца, потому что считалось, что до Украины фашисты не доберутся. Приехав в город, мама поняла, что довольно скоро германские войска могут занять город. Когда она заговорила об эвакуации, ей сказали, что жителям запрещено не только покидать город, но и говорить об этом. Людей арестовывали, поскольку они «сеют панику».

НАСКОЛЬКО ПРАВОМЕРНЫ И РАЗУМНЫ БЫЛИ ЭТИ ПРИКАЗЫ И ДЕЙСТВИЯ?

Комиссар Голубенко все же согласился выдать разрешение на выезд маме и мне, но отказывался нарушить приказ и выдать такое же разрешение родным моего папы. Мама сказала, что не может их оставить, и он сдался и выдал 10 разрешений на выезд.

КАК СЛЕДОВАЛО НАКАЗАТЬ КОМИССАРА, НАРУШИВШЕГО ПРИКАЗ?

Одна и папиных сестер, носившая польскую фамилию своего мужа, облик которой не выдавал ее этническую принадлежность (все родственники отца – евреи), решила не уезжать. Тетя Лиза и ее дети были живыми брошены в глубокую шахту вместе с

множеством других евреев.

Соседи, которые выдали тетю Лизу, долгие годы жили в том же дворе.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ ЛЕГКО МЫ ПРОЩАЕМ СВОИХ ГРАЖДАН?

Я прочла правду о блокаде в книге американского журналиста Гаррисона Солсбери. Мой преподаватель Александр Мулярчик, работавший в Институте США и Канады в Москве, тайком вынес ее из спецхрана, что было небезопасно для молодого ученого. Книга была опубликована на всех европейских языках, на языках стран Азии, но в России ее рассекретили значительно позже, попробуйте ее найти сейчас.

ПОЧЕМУ НАМ НЕ РАЗРЕШАЮТ ЗНАТЬ ПРАВДУ О БЛОКАДЕ?

Анна Всемирнова, в 80-е годы писавшая диплом на факультете журналистики о работе Ленинградского радио в блокадном городе, не имела возможности попасть в архивы, чтобы послушать записи и почитать газеты.

ЗДЕСЬ ДОТОШНЫЙ ЖУРНАЛИСТ МОГ ЗАДАТЬ НЕУДОБНЫЙ ВОПРОС: А КАК ПОГИБЛИ МНОГИЕ ИЗ ТЕХ, КТО РУКОВОДИЛ СОПРОТИВЛЕНИЕМ ФАШИСТАМ И ВОЗГЛАВЛЯЛ РАБОТАВШИХ НА ОБОРОНУ И ПОДДЕРЖАНИЕ ЖИЗНИ?

Я считаю, что ЛЮБОЙ ВОПРОС МОЖНО ЗАДАВАТЬ. Поиск ответов – для разумного человека – занятие естественное. СОКРЫТИЕ ФАКТОВ – ПРЕСТУПНО!

Дневник отца

Дневник политрука,
Дворкина Аркадия Соломоновича

Начат в день вероломного нападения фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 года

Записи посвящаю моей любимой дочурке Аничке

Товарищу по оружию

Если в твои руки попадет этот дневник, прошу как друга переслать его моей жене по адресу: Мариуполь, ул. Апатова, 105, Дворкиной Татьяне Филипповне.

Адрес сменен. Теперь: Кзыл-Орда, ул. Ленина, дом 20.

22 июня г. Таллин

То, что долгие годы тяжелой тучей вставало над горизонтом

моей Родины, свершилось. Ночью немцы огромными силами атаковали пограничные заставы от Черного до Баренцева моря. С немцами Италия, Румыния, Венгрия и битая Финляндия. Предстоит яростная драка. В 4 часа ночи нас взметнула команда «В ружье!». Моя Танюша, как всегда, помогла мне надеть снаряжение, и через 10 минут я был на заставе. В 12.00 в эшелоне мы выехали в Таллин. Нас провожают жены командиров. Среди них Таня в белом костюме с дочуркой на руках. Милая моя семейка! Как неожиданно и грозно оборвалась наша дружная жизнь. Надолго ли? Враг силен, избалован легкими победами. Много крови прольется в этой войне. Тяжелые испытания уготовила нам судьба, но выхода нет. Смерть или победа – такова логика настоящей войны.

Мама Анны, Татьяна Филипповна, и отец, Аркадий Соломонович

В Таллин прибыли в 16.00. Город выглядит празднично, много гуляющей публики. Зенитные батареи ведут огонь по

одиноким воздушным разведчикам. Я всматриваюсь в лица бойцов. Они выражают любопытство и томительное ожидание чего-то большого и неожиданного.

Наконец-то достал газету. Немцы совершили налет на Киев, Минск, Одессу и Севастополь. Погибли сотни мирных советских граждан. Ничего! Наши ответят. У нас хватит самолетов и бомб, у нас хватит ненависти. Завтра надо собрать митинг, надо поднять ярость бойцов против вероломного врага.

Как там без меня Танюша. В Лихуле много врагов, которые могут попытаться совершить зло нашим семьям. Хорошо было бы попытаться отправить мою семейку в Мариуполь к родным. К ним война не протянет свои кровавые лапы. Надо завтра поговорить об этом с Ленским. Ночь. Город затемнен. Часты воздушные тревоги. Спят бойцы. Первый день войны кончился.

23 июня 1941 года

Сегодня состоялся митинг. Выступали многие бойцы и командиры. Основная мысль выступлений – бить врага на его территории. Я прошу направить мою заставу в бой. Вооружились новыми винтовками «СВ» и секретными противогазами. Во дворе установили репродуктор. Передают текст выступления Молотова. В стране большой патриотический подъем. Только что сообщили о взятии 300 000 пленных немецких солдат. Браво! Россия не Франция! Мы заставим Гитлера разделить судьбу Наполеона (слишком лестное сравнение для Гитлера). Интересно знать позицию Турции и Японии. Не ударят ли японцы в спину? Да… война началась явно в невыгодное для нас время. Ведь практически граница новая еще не укреплена, а в Прибалтике много врагов и явных шпионов. В Таллине нередки злорадные улыбки, как бы говорящие: «Вот всыплют вам немцы!» В некоторых магазинах продавцы неохотно отпускают нам даже папиросы. Эти типы верно будут продавать наших людей. С радостью влепил бы пулю в каждую нахальную рожу. После обеда послал попутной машиной записку Тане. Прошу перебраться с дочуркой на квартиру к кому-либо из жен командиров. Будет безопасней. Я убежден, что мы миндальничали год с контрреволюцией в Прибалтике. Теперь придется расплачиваться кровью.

Сижу у окна. Прекрасный вид на кремль с древними башнями, порт, где застыли громады боевых судов КБФ. Красивый город Таллин. Он напоминает наш славный Ленинград. Опять воздушная тревога. Пора к бойцам.

26 июня 1941 года

На долгое время останется у меня в памяти этот день – день разлуки с моей маленькой семейкой. В 14 часов меня вызвали по телефону с ЦК Эстонской компартии, который мне поручено охранять, и сообщили, что на вокзале меня ждет Таня. По указанию из Москвы наши семьи эвакуируются в глубокий тыл. Правильное решение. Нам важно быть спокойными за близких и любимых. Танюша держит себя спокойно, а я волнуюсь. На вокзале много людей. Посадка трудная. Поезд отходит в 18.00. Последние 4 часа с теми, кто дороже мне всего на свете, а затем – мучительная неизвестность. Я стараюсь быть спокойным, пробую шутить, но мне это плохо удается. Время бежит. Скоро прощальный поцелуй. В 17.00 над станцией самолеты врага. Зенитные батареи открывают огонь. Удивляюсь Тане. Под грохот орудий спокойно ухаживает за Аничкой, будто бы это ей приходилось делать уже много лет. Молодец! С такой подругой не пропадешь. Думаю о судьбе дочурки. Суждено ли ей познать ласку отца? Не последний ли раз я смотрю на милое личико своей крошки? Хочется верить в счастливое будущее – это мое солдатское право. В вагоне Таня не выдержала. На глазах слезы. Только дочурка невозмутимо спит в одеяле. Прощайте, дорогие! Счастливой дороги. Вспоминайте меня. Я буду думать о вас везде и всюду. В жарком бою и в минуты затишья, летом и зимой, я мысленно и сердцем с вами. Нет силы, которая заставит забыть меня мою любимую и дружную семейку! Долгий прощальный поцелуй – и нет больше возле меня милой Танечки.

Трехмесячная Анна с мамой

Остаток дня прошел как в тумане. Видно разлука будет для меня очень тяжела. Лучше нас с Таней редко кто жил. Буду ждать весточки из Ленинграда. Андрей должен помочь Тане добраться к родным. Пора кончать писать, вызывает нач. школы.

30 июня 1941 года

Вернулся в Таллин после выполнения специального задания. Задача – доставить оружие и боеприпасы истребительным батальонам в городах Раквере, Тарту, Петсари и др. Со мной отделение курсантов при двух пулеметах. В лесах Эстонии уже действуют истребительные отряды по ликвидации бандитских групп. Мою автоколонну обстреляли огнем из автомата. Бандиты засели в придорожном сарае. В бой не вступал, ибо приказ гласит: «без всяких задержек оружие должно быть доставлено».

1 июля 1941 года

С фронта приходят грозные вести. Наши войска отходят на всех фронтах. Немцы заняли большую часть Литвы, Латвии, Зап. Украины и Зап. Белоруссии. У них большое преимущество в танках, самолетах, автоматическом оружии. Мы надеемся, что основное сражение произойдет на старых границах, которые имеют солидные укрепления. У меня с каждым днем падает

настроение. Основная причина – отсутствие каких-либо сведений о Тане. Где они? Что с ними? Если Таня села на поезд, идущий через Оршу, то возможно несчастье. Но об этом страшно думать. Видно, почта загружена военной корреспонденцией. В 12 часов дал телеграмму Андрею, а ответа получить не придется. Получил приказ об отходе. У штаба войск стоял готовые к рейсу красные пассажирские автобусы и ЗИСы.

Прощай, красавец Таллин!

…

Истребительные батальоны созданы из студенческой и рабочей молодежи для борьбы с выступлениями антисоветских элементов и поимки вражеских парашютистов. Дороги Эстонии прекрасны, но уже местами обезображены первыми воронками от фугасных бомб.

У меня забрали почти половину заставы. Курсанты будут учить военными делу бойцов истребительных б-нов. Мучительно жаль расставаться с бойцами, которые мне верят, как отцу, и которых я любил, как родных братьев. Видно, все мои воспитанники станут мл. командирами, а мне придется принимать других.

Звонил секретарь ЦК Эст. КП(б), благодарил за отличное выполнение задания. Узнал о своих дальнейших обязанностях. Мне поручена охрана штаба войск НКВД Приб. Пойти узнать, как отдыхают мои студенты, да и самому пора заснуть.

Мы вернемся! Рано или поздно мы вернемся победителями.

3 июля 1941 года

Прибыли в Псков. Город забит отступающими частями Красной армии. Чувствуется недостаток организованности и порядка. Немецкие «юнкерсы» непрерывно висят над городом. Вокзал разрушен. Враг в 30 километрах. Ходят слухи, что сдан Остров, Минск, Кишинев. Если гитлеровцы и дальше будут наступать такими же темпами, то они скоро окажутся под Москвой и Ленинградом. Мне кажется, что основная причина наших неудач – это неумение вести войну по-новому.

Получил приказ взять под охрану штаб армии. КП штаба за Псковом в лесу. На мою просьбу сообщить объекты охраны, образцы пропусков и пароль комендант ответил, что ничего нет, делайте все, что считаете нужным. Странно – кого и как охранять? Растерянность и неразбериха все глубже разъедают фронт. Шпионам врага раздолье. В разных концах города немецкие ракетчики сигналят своим самолетам. В 20.00 «юнкерсы» бомбили штаб. Бомба упала в 50 м от меня. Убито несколько командиров. Все сидят в открытых узких щелях. Бойцы

голодные. О питании никто не заботился. Дальше так продолжаться не может. Требуется железная рука для наведения порядка, ибо армия может превратиться в беспорядочную толпу, неспособную защитить страну. Приказал бойцам наскоро соорудить шалаши, расставил посты. Над Псковом висят осветительные ракеты, в небе снуют немецкие бомбовозы. Ложусь отдохнуть, но, видно, не заснуть мне в эту грозную ночь, освещенную заревом горящих сел.

4 июля 1941 года

Узнал важные новости: Сталин принял на себя командование вооруженными силами и обратился к войскам и населению с речью по радио. Надо во что бы то ни стало достать текст речи и довести до сознания бойцов и командиров. Сталин, пожалуй, единственный человек, которому мы безгранично верим и который приведет нас к победе. Следует ждать резких изменений в армии, ибо дальше так вести войну преступно.

Сегодня наводил порядок на дороге Псков – Ленинград. Картина жуткая. Непрерывно движутся одиночные бойцы и подразделения. Многие потеряли свои части или дезертировали, многие без оружия, без сапог и пилоток. Не редки командиры опустившиеся, грязные, без знаков различия. Вся эта толпа движется в тыл, сея панические слухи, разлагая дисциплину. У многих нет документов. Все это производит тяжелое впечатление на свежие части, идущие к фронту. Мне кажется, что фронтовые командиры проявляют мягкотелость к паникерам и предателям. Следовало уничтожать на месте трусов для спасения боеспособности. Немцы наглеют с каждым днем. Кроме огромного количества бомб они сбрасывают массу листовок, уверяя, что сопротивление бесполезно, что Красная армия разбита и занятие Ленинграда и Москвы – дело 2–3-х недель. Они уверяют, что идут не затем, чтобы отнять у нас свободу и Родину, а спасти от «ужасов большевизма». Но, видно, немцы плохие знатоки души советского человека. Скоро, очень скоро наступит для них горькое похмелье. Внезапность нападения и перевес в отмобилизованных силах, танках, самолетах – вот что определяет успех немцев. Только будет и на нашей улице праздник!

5 июля 1941 года

Настойчиво продолжаю вести дневник, хотя время выбрать очень трудно. Я забыл, когда спал раздевшись и ел горячую пищу. Достал текст речи т. Сталина. Уже начало речи свидетельствует о серьезности положения. «Братья и сестры», – так начал речь т. Сталин. Мудрая и пламенная речь вождя и полководца,

призывающего народ на отечественную войну. «Грозная опасность нависла над нашей Родиной… Дело идет о жизни и смерти нашего государства… Все силы на разгром врага…» Т. Сталин дает изумительный план отпора, который в короткий срок даст замечательные результаты. Вот что требуется для победы:

а) Драться за каждую пядь земли.

б) Не оставлять ничего врагу.

в) В занятых районах создавать партизанские отряды.

г) Создать народное ополчение.

д) Всю промышленность на нужды фронта.

е) Беспощадная борьба с дезорганизаторами тыла и фронта.

Все это разъяснил бойцам и чувство уверенности в победе прочно вошло в наше сознание. Да! Враг должен быть разбита и победа должна принадлежать нам. Надо, чтобы речь вождя дошла до глубины души каждого солдата и гражданина. Необходимо поднять ярость каждого, кому дорога Родина и тогда горе врагу.

Опять приказ на отход. Движемся на Новгород. Неужели командование сдает Псков? Ведь это дорога к Ленинграду. Не верится, да и не может быть. Только вчера у немцев отбили Остров, зачем же отходить? Видно, начальству видней. Мое дело охранять штаб. Я ценю эту службу, ибо в данное время штаб может стать объектом нападения десанта.

7 июля 1941 г.

Прошло полмесяца войны, а мы уже отошли от гос. границы на сотни километров. Таллин, Нарва, Кингисепп, Гдов, Псков, ст. Ру, Новгород – таков путь нашего отступления. В Новгороде хорошо сохранились строения древних веков. Кремль, Софийский собор, памятник тысячелетию. Поражает огромное количество церквей и часовен. Мы остановились в здании учительского института. Несем охрану штаба фронта. За институтом аэродром с десятком истребителей. Город охраняют зенитные батареи.

Первой моей заботой сегодня было найти почту и послать телеграмму в Мариуполь и Андрею. Отсутствие сведений о Тане прямо делает жизнь невыносимой. Скорей бы узнать хоть что-либо. Думаю, что через 3–4 дня вопрос выяснится.

9 июля 1941 г.

Жизнь начинает принимать однообразный характер. Каждый день раз по 20–30 над городом появляются самолеты врага. Многие большую часть дня и ночи проводят в щелях и блиндажах. Я еще ни разу не прятался от немецких самолетов. Нельзя сказать, чтобы я их не боялся, да и смерть от бомбы довольно глупая и ненужная, но я почему-то стыжусь бойцов. Нет, не буду я

прятаться от каждого паршивого самолета врага. Мое спокойствие нравится бойцам. Их уважение ко мне растет с каждым днем. А с фронта идут неутешительные вести. Идут бои в р-не Смоленска. Сдан Псков, враг подходит к Житомиру и Одессе. Не слышно песен, заброшен любимый баян. Я всячески поднимаю дух заставы. Все мы ждем особых известий с фронтов. Не может быть, чтобы так долго продолжалось. Врага необходимо остановить и отбросить, дальше отходить некуда, позади Столица.

13 июля

С рассветом подъезжаем к Ленинграду. Над городом огромными чудовищами повисли аэростаты воздушного заграждения. Десятки тысяч людей роют противотанковые рвы. Ленинградцы готовятся к обороне. Петергоф. Училище живет нормальной жизнью. О том, что враг занял Псков, никто не знает. Сводки не дают объективного представления о положении на фронте. Мне кажется, что пора призвать к оружию всех способных держать винтовку. Немцы могут в ближайшую неделю оказаться у ворот города Ленина.

Андрей живет один. Катя эвакуировалась. О Тане он ничего не знает. Как быть? Где искать мою Любимую семейку? Видно придется идти в бой, не зная судьбы дорогих.

Тепло прощаюсь со своим замечательным другом и в путь.

15 июля 1941 г.

Снова Новгород. В полк попасть не удалось. На месте, где он должен был быть, немцы с трудом возвратились в штаб войск. Дороги под контролем «юнкерсов», разбита Луга, исковерканы паровозы. Села у линии фронта брошены, бродят коровы, овцы без хозяина. Много шатающихся бойцов, которые форменным образом превращаются в мародеров.

17 июля 1941 г.

Как понять происходящее на фронтах? Враг непрерывно движется в глубь Родины. Где укрепленные районы на границах? Где наши танковые колонны? Где авиация? Почему мы вынуждены оставлять богатые области Украины и Белоруссии? Разве наш боец хуже немца? Разве не дорога нам честь и Родина? Где ответ найти на эти вопросы?

19 июля

Каждое сообщение о сдаче города немцам так удручающе действует на бойцов, что у многих пропадает аппетит. У каждого в глазах вопрос: когда же? Когда мы остановим врага и пойдем

вперед? Россия мне напоминает гиганта, которого из-за угла ударили по голове дубиной. Богатырь зашатался, но не убит. И горе нападающему, когда он придет в себя и разозлится. Не прочувствовал наш народ всю глубину опасности, нависшей над отрядом. Техники и умения воевать тоже маловато. Все это наживное, только бы не терять веру в победу над врагом.

20 июля

До сих пор о Тане ничего не известно. Я беспрерывно шлю телеграммы и письма, надоел работникам всех почтовых отделений, но результаты печальны. Неужели и Таня не получает моих весточек?

25 июля

Я продолжаю охранять штаб Фронта. Часто вижу Ворошилова, Жданова. Жизнь довольно однообразна. Проверка постов, хождение постов. Отделениям, беседы с бойцами. Немцы рвутся к Новгороду. На город производятся непрерывные налеты. Наши летчики храбро пытаются ограждать атаки «юнкерсов», но устаревшие конструкции самолетов не дают эффекта.

Сегодня около 40 немецких самолетов налетели на аэродром, что в 100 метрах от заставы. Мы всей заставой палили по ним из винтовок, только толку маловато.

28 июля

Нет охоты браться за дневник. Настроение паршивое, да и от чего ему быть хорошим? Враг взял Смоленск, осадил Одессу, обходит Киев. От Танюши по-прежнему нет никаких известий. Есть от чего грустить.

1 августа

Враг взял Лугу. Москва подвергается воздушным атакам самолетов. Решается судьба России. Хватит ли сил и возможностей устоять? Хватит. Иначе не может быть. От стойкости армии зависит судьба многих поколений, нам не простит история поражения. Но тяжело, очень тяжело вести борьбу с армиями 6 государств, оснащенных тысячами танков, орудий, самолетов. Не допустили ли мы ошибок во внешней политике? Ведь мы лишены реальной помощи какого-либо союзника. Англия еще не пришла в себя от понесенных поражений, а США соблюдают нейтралитет. Похоже на то, что немцам представляют возможность бить врага поодиночке. 2-й фронт – вот что облегчило бы бремя, выпавшее на долю Красной армии.

А впрочем, черт с ними! Били Наполеона, побьем и Гитлера.

5 августа

Враг начал обстрел Новгорода из орудий и минометов. Над нами непрерывно висит корректировщик, которого мы прозвали «Костыль» за уродливую форму. Получил приказ вывести заставу за Новгород и задерживать бойцов, оставляющих позиции без приказа.

8 августа

Древний красавец Новгород горит. До боли сжимается сердце, когда видишь десятки самолетов врага, сбрасывающих бомбы на дома и церкви. Жители бегут из города с узлами и детьми. С заходом солнца горящий город и толпы беженцев представляют жуткую картину. Похоже на то, что повторяются времена Чингиз-хана.

Такое не забудешь вовеки. Я вывел всех бойцов и сказал: «Смотрите и не забывайте о мести за наши города села, за смерть и горе людей наших». Замечательные лица моих пограничников, озаренные пламенем пожара. И думается мне, что закончится война, мы с победой вернемся к близким, но ненависть к немцам, жгучая и не остывающая, останется навеки…

12 августа

Бой за Новгород разгорается. Сегодня зенитная батарея, которая стоит у заставы, сбила 5 самолетов врага. Один из них упал у заставы. Трупы немцев. Я преподнес часы наводчику за отличную стрельбу. От Тани и родных нет известий до сих пор. Да и писать некуда. Я и сам не знаю свой адрес.

13 августа

Новгород оставлен. Мы в десяти километрах от города в лесу. Что дальше?

15 августа

Вызвал нач. школы. Приказано произвести разведку расположения противника. Вопрос ко мне: «Почему с Груздевым бойцы не хотят идти в разведку, а с тобой идут с охотой?» Лестно. Целый день ползал у Новгорода с 10 бойцами. Враг в городе, но дальше Малого Волховца не идет. Ждем приказа о дальнейших действиях.

20 августа

Сегодняшний день можно считать одним из радостных в моей

жизни. Я получил письмо от Тани. Милая и Любимая! Теперь я спокоен за вас. Семейка моя благополучно добралась до Мариуполя и живет у родных. Мне кажется, что только теперь я начинаю понимать, как люблю я Таню и дочурку. Только разлука и опасность могут сделать ясным то, что раньше еще ставилось под сомнение.

22 августа

Приказ прибыть в Валдай. Школа тронулась на автомашинах ночью, днем проезд опасен из-за бомбежки. Я совершил путь до Валдая на мотоцикле, ибо кроме меня им никто не владеет, а бросить жалко.

28 августа

Заметно похолодало. Часты дожди. На фронтах заметна стабилизация. Немцы штурмуют Одессу. Подошли к Киеву. Возле Смоленска фронт стал. От Тани получаю часто письма, в которых добрая половина с описанием дочурки. Служба не тяжелая. Тане пишу часто и ужасно скучаю. Удивляюсь товарищам: как они могут так спокойно переносить разлуку?

29 августа

Случилось несчастье. Мой боец Сиволобов потерял винтовку, которую я ему поручил сохранить при передислокации. Что делать?

2 сентября

Вчера доложил об утере винтовки. Всю вину беру на себя. Суровы законы войны. Мне грозит суд военного трибунала. По всей вероятности, исключат из партии и разжалуют в рядовые. Но нет, этого не может быть. Но при любых обстоятельствах Сиволобова я не выдам. Он честный и преданный боец.

3 сентября

Сиволобов порывается пойти в штаб и заявить, что винтовку утерял он. Я убеждаю его в том, что это не надо делать и что мне ничего не грозит.

4 сентября

Вызывали к следователю. Наверно, завтра суд.

5 сентября

Вернулись с партсобрания. Мне объявлен строгий выговор. Возможно, суда не будет, ибо иначе я был бы исключен.

6 сентября

Вызывал начальник политотдела войск. Дело прекращено. Помогла моя замечательная характеристика и ходатайство нач. школы. Бойцы с радостью встретили весть о том, что все улажено. Авторитет мой вырос. Сиволобов смотрит на меня влюбленными глазами.

16 сентября

Опять радостный день. Танюша прислала фотографию, где она снята с Аничкой. Очень замечательный снимок. До 2 часов ночи любовался своей семейкой. С карточки на меня смотрят две пары прекрасных глаз. Эту карточку буду беречь, как жизнь. Спасибо тебе, Любимая Женочка!

25 сентября

Снова радость. Пришла посылка с яблоками, огромными и вкусными. Угощаю друзей. Таких, как моя Танюша, нет на свете жен!

1 октября

Положение на фронтах снова ухудшилось. Пали Киев, Днепропетровск. Ленинград в кольце блокады. Наша школа расформирована. Курсанты и командиры разосланы по погран. полкам. Я назначен военкомом Отд. роты связи.

4 октября

Информбюро сообщило о падении Мелитополя. Ужасно беспокоит судьба родных и семьи. Если немцы будут так двигаться, то через несколько дней Мариуполь будет под угрозой.

8 октября

Поселился в дремучем лесу. Землянка холодная и сырая. Ночью повсюду бродят мыши. Утром довольно прохладно. Скоро немцы отведают русскую зиму. Не по нутру им будет наша зима.

10 октября

Получил письмо от Тани. Вся семья, кроме Лизы, эвакуировалась из Мариуполя. У меня отлегло от сердца. Молодец, Танюша! Я не ожидал от тебя такой расторопности. Но каково им будет в пути и куда занесет их судьба? Сколько горя ждет в пути мою маленькую семейку… Бедная крошка, сколько мытарств выпало ей перенести за 6 месяцев жизни. Хорошо, что мать бедовая, а то дело незавидное. Опять настали дни тревог и

ожиданий. Крепитесь, товарищ комиссар! Все будет нормально.

15 октября

Выезжали на поимку авиадесанта. Всю ночь провел верхом на коне. Опять „утка“. Когда уже перестанут верить всяким вздорным слухам?

18 октября

Пал мой Мариуполь. Город, где я родился и вырос. А я-то не предполагал, что война коснется таких далеких мест. На Центральном фронте дело явно ухудшилось. Видно, враг ставит целью до зимы захватить Москву и закончить войну.

23 октября

Все реже и реже беру в руки дневник. Работаю как бешеный. Сейчас, как никогда, следует поднимать боевой дух бойцов. От Танюши письма получаю хорошо. Моя семейка проследовала в Куйбышев, предполагают остановиться в Алма-Ате. Я пишу на почтамт Алма-Аты.

27 октября

Враг взял Можайск, Клин, Калинин. Пали Орел и Курск. Ходят слухи о том, что Гитлер собирается 7 ноября провести парад войск на Красной площади. Москва на осадном положении. Правительство и посольства выехали в Куйбышев.

1 ноября

Похоже на то, что немцы окружают Москву. Да и мы сами почти в окружении. Единственная дорога, питающая фронт, проходит через Боровичи. Есть от чего задуматься. Но мы все настроены довольно оптимистически. Не может пасть Москва, ибо там Сталин. Времена теперь не наполеоновские, и потеря Москвы означает потерю Ленинграда и всего севера. Москва – это наша надежда, наше знамя. Взоры всей армии, всего народа, всего мира прикованы к Москве. У Москвы должен начаться закат Германии.

3 ноября

С нетерпением ждем праздника. Должен выступить Сталин. Что скажет нам наш полководец? Каковы перспективы дальнейшей борьбы? Почему не выступают демократические страны? Ведь гибель России означает и их гибель.

7 ноября

Парад состоялся. Его принимал Сталин. Многочисленные

резервы прошли перед Вождем. Есть значит у нас резервы. Есть кому защитить Москву.

Замечательный доклад и речь Сталина вселила в души воинов веру в победу. Основная задача армии и народа – истребить всех немцев до единого, кто не сложит оружия. Рано или поздно эта задача будет выполнена.

15 ноября

От Тани долго нет писем. Я опять хожу, как дурной, и не могу сосредоточиться. Враг продолжает нахально переть к Москве, устилая путь сотнями тысяч трупов. Прибывающие командиры говорят, что враг в 20 км от Столицы.

20 ноября

У нас формируют истребительные отряды, для действий по тылам врага. На моем рапорте резолюция красным карандашом: «Надо будет, сами пошлем». Когда же я вступлю в драку по-настоящему?

27 ноября

Жутко ночью в Лесу Темень ужасная. Холодные ветры качают столетние сосны. На передовых непрерывно гудит артиллерия.

29 ноября

Сообщили о взятии нашими войсками Ростова. Почему не сообщили о том, что он был сдан? Клейсту попало по загривку. Наши продвигаются к Таганрогу. Ростов, кажется, первый крутой город, который немцам приходится оставлять под натиском противника.

2 декабря

Пора бы получить от Тани письмо с адресом. Возможно наступление немцев на Москву затрудняет доставку почты. Надо запастись терпением и ждать.

6 декабря

Наконец-то долгожданная открыточка. Танюша моя благополучно доставила весь «колхоз» в Кызыл-орду. Далеченько занесла их судьбина. 3000 км разделяют нас. Но 3000 км не преграда. Преграда – немцы.

12 декабря

Радио сообщило о провале плана немцев захвата Москвы. Гигантские клещи, подковой охватывающие Москву, разбили и

враг бежит под натиском Красной армии. Уничтожено огромное количество солдат и техники. Светло стало на душе и в землянках.

Ну, теперь держитесь, фрицы! Наш боец теперь вышел на широкую дорогу победы. Вперед на запад!

15 декабря

Наступление продолжается. В наших руках снова Калинин, Клин, Тихвин. Немцев застала зима в легком платье. Да оно и понятно, ведь они предполагали в 3–4 недели покорить Россию. Вот теперь десятки тысяч фрицев замерзают в сугробах в угоду бредовым идеям «фюрера».

21 декабря

Жить стало веселей. Танюша пишет часто. Красная армия продолжает гнать немцев на запад. Растет уверенность в победе. На глазах растет мощь вооруженных сил. Все больше и больше автоматов, минометов, могучих танков и самолетов поступает на вооружение. А главное – все больше порядка на фронте и в тылу. Война нас многому научила и еще научит.

27 декабря

Снова прошусь в истребительный отряд и снова отказ. Даже грозят наказать, если не перестану надоедать просьбами.

31 декабря

Канун 1942 года. Снова хорошие вести. Наши войска заняли Калугу, Керчь и Феодосию. Новый год встречаю с боевыми товарищами в землянке. Тост подымаю за победу и за встречу с Любимой в 1942 году. Сейчас сажусь писать письмо Танюше. Напишу длинное-длинное. Итак, 1942-й. Что принесет он моей Родине и дружной семейке? Начался, будто бы неплохо. Главная задача 42-го – разбить врага.

1 января 1942 года

Закончился 1941 год – самый несчастный год моей жизни. Когда-либо дочурка моя будет по книгам изучать мрачные дни вражеского нашествия. Черный смертоносный буран опустошил сотни городов и десятки тысяч сел. Миллионы людей покинули родные места, где любили они и росли. Целые заводы-гиганты стали беженцами.

После войны. Анна с папой

Выжжены плодородные нивы, вырублены сады. Районы, занятые Красной армией, превращаются немцами в «зону пустыни», т. е. выжигаются дотла. Тысячи советских людей угоняются в немецкое рабство.

1941 год принес много горя и моей семейке. Закончились радостные и дружные дни жизни с Татьянкой. Когда теперь снова увижу улыбку своей крошки? Где братья Женя и Матвей? Что с сестрой Лизой? Да, 41 год – мрачный год, но высшая точка невзгод и поражений позади. Слава нашему народу и армии, нашедшим силы выдержать чудовищный натиск бронированных орд, прошедших победным маршем всю Европу. Впереди борьба за жизнь и свободу. Борьба жестокая и беспощадная. Надо быть готовым к боям.

6 января 1942 г.

Совершенно забросил дневник. Да что писать! Жизнь однообразна и скучна. Ухитрились провести в землянку электросвет и радио. Каждый день части армии жмут немцев на запад. Стыдно в такие дни не быть в передовых рядах, а к начальству боязно обращаться с просьбами. Придется зимовать в землянке где-то на СЗФ.

Анна Аркадьевна Шароградская

За что давали боевые ордена

Омельченко Митрофан Федорович, мой дед по маме, родился 17 августа 1924 года в с. Ржевка Ровеньского района тогда еще Воронежской области в семье крестьян: Омельченко Федора Никоновича и Екатерины Тимофеевны. Был старшим из четырех сыновей. В 7 лет пошел в школу, учился легко, с интересом, поэтому после окончания семилетки в Ржевке продолжил учебу в восьмом и девятом классах наголенской средней школы. Любимые предметы – география, история, биология. По словам одноклассницы Рядновой Надежды Сергеевны, Омельченко Митю уважали товарищи за честность, прямоту, умение понять и помочь. В 1941 году он закончил 9 классов…

Курсы «Выстрел» – и с ноября 1943-го на фронте. В полковой школе он выбрал профессию артиллериста, о чем и мечтал, ведь артиллерия – бог войны. Но фронтовая жизнь оказалась далека от романтики. Его служба в 71-м отдельном истребительном противотанковом дивизионе 1285-го стрелкового полка 60-й Севской дивизии началась на знаменитой «сорокапятке». У солдат было и другое название этой небольшой пушки – «Прощай, Родина!». Первое боевое крещение под Ковелем…

21 декабря 1943 года на участке 1281-го и 1285-го стрелковых полков первого эшелона 60-й стрелковой дивизии противник ввел в бой 150 танков и до полутора полков пехоты. В этом бою полки дивизии потеряли более 300 человек убитыми и ранеными, однако гитлеровцы также понесли значительные потери: 49 подбитых танков, самоходное орудие, 11 бронетранспортеров, 4 бронемашины и до батальона пехоты. 22 и 23 декабря 1943 года, подтянув резервы, гитлеровцы снова атаковали оборону дивизии и оставили на поле боя еще 41 танк…

Михаил Федорович в армии

После госпиталя (изрешетило осколками всего, а 45-ку уничтожило полностью, прямым попаданием) снова в строю, но уже командир орудийного расчета 76-миллиметрового орудия, той самой легендарной ЗИС-3 в противотанковом исполнении… Противотанковое от обычного дивизионного отличалось только прицелом прямой наводки… А дед говорил, что это было здорово, теперь можно было воевать! Это была знаменитая «дивизионка» конструктора Грабина, надежная, неприхотливая и достаточно мощная, за что и пользовалась заслуженным авторитетом у солдат и уже на самом деле оправдывала принадлежность к «богу войны». Дед и называл ее просто «Пушка Грабина». Коллектив – настоящий боевой интернационал: украинец, чуваш, чеченец и русский, но о межнациональной розни речи не было. К слову сказать – дед человек был прямой и на руку крепкий, поэтому пользовался заслуженным авторитетом у сослуживцев…

Из наградного листа (краткое, конкретное изложение личного боевого подвига).

Товарищ Омельченко 7 июля 1944 года в боях за деревню Туровичи Ковельского района показал себя бесстрашным. Когда подразделения продвигались вперед, противник прямой наводкой вел артиллерийский огонь по боевым порядкам полка, товарищ Омельченко, четко командуя своим отделением под артиллерийским огнем, выкатил свое орудие на прямую наводку и метким огнем уничтожил 4 огневые точки, мешавшие продвижению наших подразделений вперед…

В госпитале осколки удалось извлечь не все. Они потом долго выходили из его тела, а он их собирал и складывал в стакан, а один из них извлекли на срочной операции уже в 90-х годах, осколок слишком близко подошел к сердцу, и в райцентр Красноармейск из Донецка прилетел санитарный «кукурузник» с двумя врачами…. Говорили, что если бы на час-два позже – то все…

А когда его выписывали из госпиталя, то давали справку об инвалидности, но гордость не позволила ее взять. Как так – он молодой, сильный да инвалид? Конечно, твердое нет. Это потом уже, через 30 лет, по настоянию семьи и по запросу в главный архив Министерства обороны этот маленький пожелтевший от времени бланк ему выслали, и он стал, наконец, получать хорошую пенсию как инвалид II группы Великой Отечественной войны.

14 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта ударами с Магнушевского и Пулавского плацдармов начали Варшавско-Познанскую операцию (14 января – 3 февраля 1945 года), являвшуюся частью стратегической Висло-Одерской наступательной операции. В 09.30 15 января 1945 года мощной артиллерийской подготовкой артиллерия 125-го стрелкового корпуса расчистила стрелковым соединениям и частям путь вперед. Прорвав оборону гитлеровцев сначала на участке шириной до пяти километров, части и соединения 47-й армии к исходу дня расширили прорыв до 15 километров по фронту и продвинулись до 12 километров в глубину. На следующий день наступление продолжалось в еще более высоком темпе. Не приостанавливая стремительного наступления, стрелковые части 60-й стрелковой дивизии вместе с артиллерийскими подразделениями сопровождения вышли к реке Висла, с ходу форсировали ее в районе города Новы-Двур-Мазовецки Варшавского (ныне Мазовецкого) воеводства Польши. За 17 дней января 1945 года части корпуса с боями прошли 325 километров.

Вот читаешь сухую хронику и даже трудно представить – как можно зимой с боями пройти 325 км за 17 дней, да еще с ходу Вислу форсировать. А деду нужно было не просто самому в январе через наиболее важную и протяженную реку Польши (наиболее длинная и вторая по водности после Невы река бассейна Балтийского моря), на тот берег попасть, а с пушкой, которая весила в боевом положении 1200 кг, а в походном положении 1850 кг, да под ожесточенным огнем серьезного противника. Например, легковой автомобиль «жигули» весит всего тонну, но как его катить по пересеченной местности или на плоту через реку переправить?..

Из наградного листа (краткое, конкретное изложение личного боевого подвига)

4 марта 1945 г. при отражении крупной контратаки пехоты и танков противника из района Вольтерсдорф, что восточнее города Грейфенхаген, сержант Омельченко прямой наводкой сжег немецкий танк.

В этом же бою он уничтожил 25 солдат и 2 орудия противника, контратака была отбита.

10.03.45 г. при отражении наступления противника из леса, что западнее деревни Клебов на 1000 метров, сержант Омельченко сжег немецкий танк.

11.03.45 г. при отражении атаки танков противника из района деревни Клебов сержант Омельченко сжег средний танк противника.

Сержант Омельченко достоин правительственной награды ордена «Отечественной войны I степени».

*Командир Н.********** 27.03.1945 г.*

Майор Киселев

Как-то на мои просьбы рассказать, как он воевал, дед рассказал такую историю: бои, его батарея в атаке уже второй день, а у него зубы болят, на третий день он уже не вытерпел (к чему его, вообще-то, призвали сослуживцы сразу) и в полночь пополз в медсанбат. Ползет – ночь красивая, почти полнолуние, поднимает голову из-за кочки, а с другой стороны этой самой кочки на него немец смотрит. Они замерли, потом просто развернулись и поползли каждый в свою сторону. Вот тут я своего грозного деда не понимал. «Почему ты не застрелил фашиста???» – говорил я ему. А мой грозный дед только говорил что-то о том, что людей зря нельзя убивать, что у немца, может, тоже зуб болел… Что неизвестно точно, кто из них ошибся и не туда полз… В общем, в детстве деда я не понял.

Митрофан Федорович ругался, когда слышал рассуждения о распоряжении Рокоссовского о приостановке наступления на Варшаву или намеренного затягивания штурма Варшавы, якобы для подавления немцами восстания польских подпольщиков. Войска были слишком утомлены трудным маршем, с боями и с ходу взять хорошо укрепленный город просто не удалось. Мне кажется, что воин дивизии, которая за эти бои получила почетное звание Варшавская, имеет право на такое мнение.

Дед (сидит) крайний справа

А уже 16 апреля 60-я стрелковая дивизия – правофланговая первого эшелона по фронту 125-го стрелкового корпуса – получила участок прорыва 1100 метров. Воины 60-й стрелковой дивизии атаковали дружно, организованно, уверенно (сказалась выучка в лесах близ Ватенберга и Вартница, район города Целлин) управляемые героями ближнего боя – командирами взводов, рот и батальонов. Дед считал эту операцию самой подготовленной за всю войну, где победа добывалась, в первую очередь, не солдатским героизмом, а силой оружия и тактическими приемами. Там он впервые за всю войну стрелял с закрытой позиции во время артподготовки по Зееловским высотам… Взяли в лоб, по Жукову… Пробираясь по дворам, в одном из подвалов немецких особняков (или коттеджей, по-современному) дед обнаружил командира разведки дивизии, без вести пропавшего двое суток назад… Он был ранен и очень ослабел. Возле него лежали убитые фрицы. Разведчика передали медикам, а сами удивлялись полкам с консервированными овощами и ягодами. Ведь дома ни у кого такого не было, а здесь как в магазине – подвал, выложенный диким камнем, стеклянные банки с крышками из металла! Ведь дома, в погребе, максимум, бочка с огурцами, какие там стеклянные банки с крышками?!

С 28 апреля 1945 года войска 125-го стрелкового корпуса завершали уничтожение разрозненных групп врага юго-западнее

Потсдама, в районе Гельтова. Дед был награжден орденами Славы III и II степени, орденом Отечественной войны I степени два раза, медалями «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», наручными часами «За службу в Германии». Кроме этого много юбилейных медалей, почетных грамот и благодарственных писем.

Дед слева, в середине комдивизиона В. У. Киселев

Уволен в запас 15 марта 1947 года из комендатуры немецкого г. Балленштедт, земля Саксония-Анхальт. После войны он вернулся в Ржевку на трофейном мотоцикле… Две недели покатался красиво, а потом обменял его в г. Россошь на бычка, чем и спас от голода своих 2 братьев, Михаил тогда уже служил, и семью своей двоюродной тети… Был сильно удивлен

состоянием дел на Родине. Ведь в письмах писали: «Митя – бей немцев, а у нас все хорошо…» Закончил педучилище и Воронежский педагогический институт в 1958 году. Какое-то время учительствовал в родной ржевской школе, а потом, вместе с женой Марией Сергеевной, тоже учителем, переехал в Димитров Донецкой области, где и работал учителем географии до самой пенсии.

Многим ученикам он привил любовь к географии. У него было много сувениров из разных стран, где работали его ученики: из Египта, Австралии, Кубы, США, европейских и других стран. Помню, что он угощал отца египетским бальзамом «Абу-Симбел» (запомнилась необычная бутылка), толстыми гаванскими сигарами в деревянной шкатулке (отец, видимо, неделю понемногу курил перед печкой после ужина)… Была интересная коллекция иностранных монет.

О войне вспоминать не любил, тем более – никогда не хвастался. Сохранился запрос учащихся его школы № 17 в военкомат о том, чем он награжден, так как сам Митрофан Федорович не хотел рассказывать, а многие учащиеся просто не верили, что он действительно воевал и имеет боевые ордена. На мои вопросы о подвигах, о войне он обычно говорил, что «били фрицев», что к концу войны и мы научились воевать… Не ходил на встречи в школах, куда его приглашали, не рассказывал о своем участии в войне. Единственный день, когда он надевал все свои награды и шел на митинг – 9 Мая.

Вообще, вспоминая о войне, он всегда удивлялся, как остался жив. Может, помогла молитва матери, которую всегда носил с собой.

Похоронен в 1995 году рядом со своей женой Марией Сергеевной в с. Нижняя Серебрянка Ровеньского района Белгородской области.

2 мая 1945 года гарнизон Берлина капитулировал. К исходу 8 мая 1945 года на правом берегу Эльбы северо-восточнее города Магдебург части 60-й стрелковой Севско-Варшавской Краснознаменной ордена Суворова II степени дивизии 125-го стрелкового Берлинского ордена Кутузова корпуса 47-й армии 1-го Белорусского фронта провели последний бой, сбросив в реку сопротивляющиеся группы гитлеровцев.

Музей боевой славы 60-й стрелкой дивизии находится по адресу: 101000, Москва, ул. Паустовского, дом 6, корпус 2 – это район Ясенево.

Вот за что в войну давали боевые ордена. Светлая память

Митрофану Федоровичу!

Сикарев Олег Николаевич

Мой отец горел в танке несколько раз

Мой отец, Разгуляев Яков Иванович, был призван в армию в 1936 году. В то время новобранцев призывали на воинскую службу в 22 года, поэтому отец уже успел потрудиться в крестьянстве.

Был он смелым и сильным молодым парнем. Отец попал в танковые войска, а в те годы медкомиссия отбирала туда новобранцев едва ли не тщательней, чем в летчики. Через полтора года после призыва он уже был командиром танка, еще через полгода – командиром танкового взвода.

Войну отец начал опытным воином с первых ее дней, даже с первых часов, поскольку танковый корпус, куда входила их 15-я танковая дивизия, с конца 1939 года формировался на Западной Украине в г. Станислав (ныне Ивано-Франковск). Позиции дивизии, в которой служил отец, оказались вблизи от границы с Польшей, оккупированной немецкими войсками. В раннее утро 22 июня 1941 года танкистов разбудил рев авиационного двигателя. Это какой-то летчик на своем истребителе начал кружиться над казармами, в которых размещались танкисты, и тем самым объявил им боевую тревогу. Линии связи были выведены из строя диверсантами.

Воевал отец на легендарном танке Т-34. В первый год войны он был заместителем командира роты по политчасти, или военкомом роты, как тогда называли политработников. Как известно, у замполитов всю войну была одна задача: первыми вступить в бой, организуя и увлекая за собой боевых товарищей.

В составе Юго-Западного фронта, сильно измотавшего наступающего противника, их 29-й танковый полк дошел до подступов к Москве. Были большие потери в людях и в танках. Не раз приходилось покидать горящий танк и моему отцу. В первый период войны подчас было горько отвечать на вопросы сотрудников соответствующих органов: «Почему не сгорел в танке?» Отвечал: «Хочу воевать и дальше, до победы».

Отцу везло. За весь период войны он несколько раз горел в танке и выбирался из него невредимым, и всего дважды был легко ранен, первый раз – в 1941 году. Но однажды под Москвой, когда его танк в очередной раз был подбит, не загорелся, но потерял возможность хода и оказался на нейтральной полосе. Танк пытались по ночам вытащить и наши, и немцы, но каждый раз обе стороны открывали встречный огонь, а сам экипаж тоже отстреливался, экономя боеприпасы.

Двигатель танка не работал, согреться было невозможно. В те месяцы под Москвой стояли лютые морозы. Танк простоял на нейтральной полосе неприступной крепостью трое суток. Вот тогда отец жестоко простудился от стылой брони, заболел бронхитом, и это в конечном итоге сыграло трагическую роль в его жизни. Не прожил он и полвека.

На четвертую ночь экипаж тихо выбрался из танка, проник в близлежащую незанятую деревню и засел на чердаке одной из изб. Вскоре в деревню стремительно вошли немцы. Одна группа беспечно расположилась на отдых, не обыскав чердак, что и спасло танкистов. Когда в избе все затихло, они «сняли» часового и пробрались к своим.

Бои под Москвой были очень жестокими. Как вспоминал отец, полностью перекрыть некоторые вспомогательные дороги у наших не было возможности, а у немцев не было сил наступать по всем направлениям. В особенности, он вспоминал очень кровопролитные бои подо Ржевом (Калининский фронт).

Яков Иванович на фронте, 1942 г.

Их 25-я отдельная танковая бригада была придана 16-й армии, которой в то время командовал генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. С большим уважением отец вспоминал, что командарм неоднократно приезжал в расположение их бригады.

При переформировании 25-й отдельной танковой бригады в Наро-Фоминске, под Москвой, в ноябре 1942 года отец встретился с мамой. Она до войны закончила фельдшерское училище и пошла на фронт добровольцем. Отец в то время был замполитом в 25-м танковом батальоне 25-й бригады, а мама стала фельдшером батальона.

По фронтовым дорогам отец и мама шли вместе до января 1944 года. Мама рассказывала, как, бывало, она с тревогой слушала сообщения по радио, вернулся ли из боя танк ее мужа с известным ей бортовым номером.

В 1944-м на родине мамы в Калининской области родился

мой старший брат Валерий.

А у отца впереди еще было полтора года войны. Из Воронежской области 7 июля 1943 года своим ходом отправились на Курскую дугу и вошли в состав 5-й танковой армии Степного фронта. Отец участвовал в боях на Курской дуге, в том числе – в знаменитом встречном танковом сражении под Прохоровкой 12 июля 1943 года.

Тяжело пришлось их 29-му танковому корпусу. Он принял на себя всю силу удара элитных танковых дивизий СС «Мертвая голова» и «Адольф Гитлер». После Прохоровского сражения в 25-й танковой бригаде, входившей в 29-й корпус, осталась половина личного состава и только 11 танков и САУ из 69, вступивших в бой. Отец после этого боя снял танковый шлем и увидел, что от пережитого потрясения внутри осталась чуть ли не половина волос.

После перелома в войне в результате успешной Курско-Белгородской операции танковым армиям был нужен уже более широкий маневр. Требовалась глубокая оперативная разведка. В танковых армиях стали создаваться мотоциклетные полки для проведения разведывательных операций.

После краткой учебы в Горьком и Москве отец был направлен в такое подразделение и стал заместителем командира батальона по политчасти 6-го отдельного мотоциклетного Черкасского Краснознаменного полка, входящего в состав Первой гвардейской танковой армии. Отец участвовал во всех рейдах батальона за линию фронта и непосредственно входил в разведгруппу № 1 мотоциклетного батальона.

Обычно рейды проходили так. К разведке боем тщательно готовились все бойцы разведгруппы, скрупулезно подготавливались мотоциклы с колясками, пулеметы. Во время, назначенное для прорыва линии немецкой обороны, на узком участке вдоль дороги силами полка открывался шквальный артиллерийский и пулеметный огонь. После обстрела разведгруппа стремительно врывалась на территорию противника, попутно вступая в скоротечные схватки.

Мотоциклисты прорывались по территории врага на десятки километров, собирая разведданные о составе и расположении вражеской техники, даже хорошо замаскированной. При этом им приходилось молниеносно подавлять своим огнем противодействие ошеломленных немцев. Во время одного из таких рейдов отец получил второе легкое ранение за всю войну. Осколком гранаты ему зацепило голень. А на такие случавшиеся мелочи, как бросок немецкой гранаты, которая угодила ему в локоть, и рука на какое-то время «онемела», он даже не обращал

внимания. Скорость группы мотоциклистов-разведчиков была настолько высокой, что эта граната взорвалась после «пролета» группы, и осколки никого не задели.

Иногда обстановка требовала срочно остановиться в сравнительно безопасном месте. Только один из эпизодов: однажды осколок задел одному из водителей-мотоциклистов лоб, и кровь начала заливать ему глаза. Стремительно остановились, быстро перевязали раненого, за руль сел другой водитель – и группа помчалась дальше. Многое удавалось мотоциклистам-разведчикам вследствие высокой боевой выучки, мастерского владения техникой и оружием, дерзкого неожиданного маневра и слаженности в действиях.

Следует заметить, что группа мотоциклистов представляла из себя довольно легкую мишень, поскольку ее легко было атаковать с воздуха, а с земли можно было забросать гранатами или сразить всего одной автоматной очередью. Но Бог миловал.

Возвращалась разведгруппа так же, как и уходила на задание. В назначенное время наши артиллеристы и пулеметчики опять устраивали ураганный обстрел немецких позиций в районе дороги, и разведгруппа на высокой скорости прорывалась к своим.

Вот так мой отец, Разгуляев Яков Иванович, воевал до конца войны.

И были на его боевом пути сначала отступление от западных границ, затем оборона Москвы и контрнаступление, Курская дуга, форсирование Днепра, при котором его танковый (в то время) батальон на своем участке первым переправился и захватил плацдарм на крутом правом берегу, а затем удерживал его. За это отец и другие бойцы были представлены к высокому званию Героя Советского Союза. Но, как это бывало, не все представленные воины эту награду получили.

Затем в составе мотоциклетного полка было участие в Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Варшавско-Познанской, Восточно-Померанской, Берлинской операциях.

Берлин батальон отца штурмовал через Зееловские высоты. Эта мощнейшая, хорошо подготовленная войсковая операция проводилась, что называется, «в лоб» и хорошо описана в военной литературе.

В самом Берлине мотоциклетный полк, где служил отец, наступал в направлении имперской канцелярии через городской парк Тиргартен. К боям воины были привычны, но этот бой был особенным: он был последним и проходил в «логове зверя». Падали под встречным огнем бойцы. В зоопарке, который располагался в Тиргартене, кричали раненые от сильнейшего

огня животные.

К имперской канцелярии пробились. Хоть и не были там первыми, но поставленную боевую задачу выполнили.

Вскоре после взятия Берлина 1-ю гвардейскую танковую армию передислоцировали в Дрезден. Через полгода туда приехала мама с моим старшим братом Валерием, а через три года после окончания войны в Дрездене родился и я. Это произошло 8 мая, поэтому в честь Победы меня назвали Виктором. Среди наших военных медиков не было соответствующих специалистов, поэтому роды принимали немецкие врачи, а сам госпиталь располагался в бывших эсэсовских казармах.

За участие в боевых действиях отец был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями: «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «Заслуженному на поле брани» (польской), «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За боевые заслуги». Он очень ценил звание гвардейца. Не могу только точно сказать, с какого времени он носил это заслуженное звание.

Из представления на награждение отца орденом Красной Звезды (август 1944 года):

«В результате высокого морального духа и наступательного порыва бойцов, сержантов и офицеров батальона боевая задача прорыва сильно укрепленной, глубоко эшелонированной обороны противника была успешно выполнена. За период боев с 14 по 23 июля 1944 г. батальон нанес большой урон противнику. Уничтожено свыше 300 солдат и офицеров, подбито и уничтожено 2 танка, уничтожены 9 огневых точек противника. Освободили населенные пункты: Куты, Белополье, Томашивцы, Роковуск, станцию и город Порыцк и другие. Тов. Разгуляев сумел направить работу партийной и комсомольской организации на выполнение поставленных боевых задач. Сам тов. Разгуляев постоянно находился в боевых порядках, личным примером в трудную минуту воодушевлял личный состав…»

Войну отец закончил капитаном. Трудно даже представить, как можно было остаться в живых в таком огненном вихре войны за все ее четыре года! Причем идти в бой первым. И мой отец, Разгуляев Яков Иванович, не только уцелел, но и как воевал! Его вклад в общее дело Победы, как и многих воинов Великой Отечественной войны, был беззаветной отдачей всего себя, своего боевого опыта. Поэтому победили.

Хранил отца Господь!

После войны, до 1951 г. отец продолжал служить в танковых войсках в Дрездене, затем на Украине. Службу закончил в конце

1955 года подполковником, заместителем начальника политотдела танковой дивизии. Служил бы и дальше, но случилось бездумное хрущевское сокращение армии, и отца комиссовали по состояния здоровья из-за бронхита, полученного тогда под Москвой в стылом танке. Но он же воевал с этим бронхитом!

Яков Иванович в Берлине, 1945 г.

Был отец очень скромным человеком. Не любил рассказывать про войну. Все, что я написал, слышал из воспоминаний мамы, которые сумел вовремя записать, а также из рассказов старшего брата, который пошел по стопам отца и стал офицером. Ему отец тоже немного рассказывал про войну.

Вот такой была война для всего героического советского народа, для многих ее участников и для моего отца.

Их ратный подвиг – беззаветный вклад в общее дело Победы.

Разгуляев Виктор Яковлевич

О летчике Третьякове П. А.

Уроженец Рязани Третьяков Петр Антонович (род. 15.06.1913) перед войной был инструктором Рязанского аэроклуба.

Когда началась Великая Отечественная война, он переучился на летчика штурмовой авиации. Участие в боевых действиях

начал в 1943 г. Был командиром экипажа штурмовика ИЛ-2. Боевые действия проходили в Краснознаменном Балтийском флоте.

Совершил 86 боевых вылетов. Сбил 2 немецких самолета. Потопил несколько немецких кораблей, в том числе и подводную лодку.

Награжден четырьмя орденами боевого Красного Знамени и орденом Ушакова, а также медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина». Демобилизовался в

1947 году После войны жил в Рязани. Умер 20.12.1986 г.

Сын его, Третьяков Павел Петрович, проживает в Рязани, ул. Павлова, д. 3, кв. 25.

Смертников приковывали наручниками к пулеметам

Мой дед сражался за Родину!

Мой дед – Гладких Александр Павлович (1927–2011) – участник Великой Отечественной войны. Он ехал на фронт, а попал на Дальний Восток защищать границы СССР. Но и тыл стал фронтом. 9 августа исполнится 70 лет со дня начала Маньчжурской стратегической наступательной операции Советской армии против Вооруженных сил Японии.

Мой дед родился 1 января 1924 года в селе Маканчи (Казахстан). Такова официальная дата в паспорте. Однако в полученной справке из Центрального архива Министерства обороны РФ записано, что год рождения деда – 1925-й. До войны он работал в колхозе трактористом. 22 июня был на сенокосе. Прибежал запыхавшийся бригадир и закричал: «Война!» Этот день, как и 9 мая, запомнился на всю жизнь. Когда началась Великая Отечественная ему не было и 18 лет. Первыми на фронт забрали мужчин и более старших ребят, а затем попросился и он. Пришел в военкомат, добавил один год в анкетных данных. Тогда так поступали многие! Отсюда и неверный год в архивной справке.

В армию Александра Гладких призвали Урджарским районным военным комиссариатом Семипалатинской области. Из Урджара его отправили на фронт в действующую армию, но он туда так и не попал! На одной из железнодорожных станций он с двумя такими же призывниками вышел из эшелона и пошел гулять по городу, будучи уверенным, что поезд будет стоять очень долго. Что такое военная дисциплина, никто из сельских мальчишек еще не знал. В результате, поезд ушел раньше обычного, и дед отстал от своего эшелона. Неделю он спал в военкомате на полу, ожидая, пока его отправят на фронт следующим эшелоном. Но, волею судьбы, дед не попал на поля сражений, а оказался на Дальнем Востоке.

«Какой дурак тебя в армию взял», – спросил командир полка, глядя на деда, когда призывники построились возле эшелона. Дед был маленького роста, щуплым и худым, поэтому и показался командиру полка не совсем подходящим для суровой армейской службы. В звании рядового он был зачислен в 649-й стрелковый полк 210-й стрелковой дивизии. Военную присягу Александр Павлович принял 28 октября 1942 года. Служил артиллеристом-

наводчиком, был приписан к 45-мм противотанковой пушке (Беринг 1937). В годы войны Дальневосточная группировка прикрывала рубежи СССР. Связано это было с тем, что на границе со стороны Маньчжурии и Кореи стояла более чем миллионная японская Квантунская армия, готовая в любую минуту перейти границу и приступить к захвату СССР. Вооруженные провокации, обстрелы с вражеской территории и разного рода нарушения советской границы – служба не была легкой. Дед рассказывал, что спал все эти годы в обнимку с оружием.

9 августа 1945 г. началась Маньчжурская операция, в которой участвовал и дед. Ее осуществляли войска Забайкальского фронта маршала Родиона Малиновского. Войскам пришлось действовать в очень трудных условиях пустынь и гор. Дед вместе с войсками преодолел безводные пустынно-степные районы и горный хребет Большого Хингана, сражался в боях на калганском, солуньском и хайларском направлениях, наступал на Маньчжурию, Чанчунь и Харбин.

Опасность для войск представляли укрепленные огневые точки, в которых очень часто, помимо обычных японских солдат, находились смертники, прикованные наручниками к пулеметам. Обезвреживала эти огневые точки артиллерия. Но главная их задача состояла в том, чтобы прикрыть пехоту. На Большом Хингане орудие разбило, а деда контузило. Позже он получил еще одно ранение, и уже в госпитале 2 сентября узнал о капитуляции японской Квантунской армии. Люди не скрывали слез радости, мужчины не стеснялись плакать!

Александр Павлович вернулся домой в 1947 году с медалью «За победу над Японией». В удостоверении В № 268387 записано: «За участие в боевых действиях против японских империалистов». Медаль выдана Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года. Позже ему вручат орден Отечественной войны II степени и еще 11 юбилейных наград. Последняя – юбилейная медаль «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945». К сожалению, самая ценная медаль «За победу над Японией» в семейном архиве не сохранилась.

После войны дед женился на Марии, с которой познакомился по письмам. Во время войны многие девчонки писали письма бойцам, собирали для них посылки. И моя бабушка не была исключением. Для каждого бойца вдали от дома долгожданные письма – это были счастливые минуты жизни. А демобилизовавшись из армии, дед поехал к Марии и на третий день женился на ней. Вместе они прожили более 60 лет, воспитали троих детей, вырастили пятерых внуков.

Александр Павлович, 1947 г.

Война с Японией была незаслуженно забыта, считал дед. О ней мало говорили в средствах массовой информации, в советские годы о ней не снимали художественных фильмов. И ему, как ветерану Великой Отечественной войны, было очень обидно. Ведь на этой войне гибли люди. Наши войска, по официальным данным, потеряли убитыми 12 тыс. человек. «Победа, одержанная Красной армией в августе-сентябре 1945 года, – это наша история, которой мы вправе гордиться», – говорил дед. Маньчжурская стратегическая наступательная операция – одна из самых блестящих операций Великой

Отечественной войны, когда в короткие сроки с нашей стороны была разгромлена сильнейшая Квантунская группировка. Это надо помнить!

«Не дай Бог, современной молодежи попасть в такую мясорубку, в которой мы побывали», – говорил дед. Он никогда не считал себя героем, но всегда гордился тем, что воевал. Последние годы своей жизни о войне вспоминал со слезами на глазах. До последних дней он сохранял неугасающую любовь к жизни. Умер 4 июля 2011 года.

Записала Алла Филатова

Свадьба победителей

Хочу рассказать о своих родителях – участниках Великой Отечественной войны, которые познакомились и полюбили друг друга в это тяжелое время.

Мой папа – Соколов Николай Павлович, родился в Кушке, Туркменской ССР в 1918 году В 1938 году окончил аэроклуб в Ашхабаде. В 1939 году был призван на службу в РККА и направлен на учебу в Коростеньскую военную авиашколу. Далее он поступил в Краснодарское военное объединенное авиаучилище, которое закончил в 1942 году. Оставили летчиком-инструктором.

Боевой путь начал в июле 1943 года на Курской дуге летчиком штурмовика ИЛ-2 в составе 724-го штурмового авиаполка. В октябре 1944 был переведен в 106-й штурмовой авиаполк 300-й ШАД на должность командира авиаэскадрильи. Совершил 122 боевых вылета на штурмовку врага. Награжден 9 боевыми орденами: 2 ордена Красного Знамени, 2 ордена Александра Невского, 2 ордена Красной Звезды, 2 ордена Отечественной войны I и II степеней, польским орденом «Крест храбрых» и многими медалями. Был представлен к званию Героя Советского Союза (документ в ЦАМО-пр.95/н от 02.12.45 г. по военным воздушным силам КА), но, видимо, из-за канцелярской ошибки так и не награжден. Документ этот я случайно нашел на сайте МО «Подвиг народа». Участвовал в Параде Победы 24 июня 1945 года в составе 7-го батальона сводного полка 1-го Белорусского фронта.

Папа и мама

Моя мама – Соколова (Горшунова) Лидия Дмитриевна, родилась в 1923 году в Самарканде (Узбекская ССР). Закончила 7 классов. После начала войны добровольцем пошла в РККА. Ее направили на учебу в ШМАС (Школа младших авиаспециалистов). По ее окончании служила в тыловых авиачастях ВВС. На фронт мама попала в мае 1944 года в 106-й штурмовой авиаполк. Мама была мастером по авиавооружению штурмовика ИЛ-2 – снаряжала патронами и снарядами ленты авиапулеметов и авиапушек, подвешивала авиабомбы и реактивные снаряды на самолет. Несла ответственность за исправность боевого вооружения ИЛ-2. Награждена орденом Отечественной Войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другими.

Молодожены

В этом 106-м штурмовом авиационном Померанском ордена Богдана Хмельницкого полку, громя фашистов, мои родители и познакомились! И полюбили друг друга! По воспоминаниям мамы, очень тяжело и страшно было ждать возвращения эскадрильи после боевого вылета. Считать, сколько и кто возвращается на аэродром, кто дымя, кто весь пробитый, но живучий, цепляя винтом деревья, дотягивал до посадки. И было невыносимо больно узнавать, что, вот эти ребята, с которыми

только несколько минут назад разговаривала, уже никогда не вернутся… Моим дорогим родителям повезло!!! И свадьбу они сыграли в день объявления Победы – 9 МАЯ 1945 года на берлинском аэродроме Шенефельд! СВАДЬБА ПОБЕДИТЕЛЕЙ, на которой гулял весь полк!!! Поэтому для нас это всегда ДВОЙНОЙ праздник!!!

Осенью 45 года маму уволили в запас, а в марте 46-го в Германии родилась моя старшая сестра! Папа служил в ВВС в разных гарнизонах – от Германии и до Украины. В запас он ушел в 1956 году в звании подполковника. Всей семьей переехали в Самарканд. Папа до самой смерти (1 мая 1994 года) работал в Самаркандском авиаотряде ТА начальником штаба. Похоронен с воинскими почестями на воинском кладбище. Мама работала дежурной в гостинице аэропорта. На пенсию ушла в 1975 году. Умерла 1 января 1997 года. Папа и мама прожили в любви и согласии 49 лет!!! Пока они были живы, они регулярно ездили на встречи однополчан и в Тулу, и в Брянск, и в Бобруйск.

Немного о себе: я пошел по стопам папы – закончил авиационное училище в 1971 году и 40 лет отработал авиадиспетчером. Последние 25 лет в Московском центре автоматизированного управления воздушным движением. Уже несколько лет на пенсии. Прошу опубликовать мое письмо. Может, прочитав его, найдутся дети и внуки однополчан моих родителей. Было бы приятно с ними познакомиться!

Соколов Николай Николаевич

Жизнь отца висела на волоске

Наш отец – Федор Гончаренко, родился в 1909 году, прожил долгую жизнь до 92 лет. В войну прошел со своей гаубичной артиллерийской бригадой от Винницы, Ростова и Москвы и потом обратно с боями через всю черноземную Россию, Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию и Словакию, дошел до Вены. Он был награжден многими медалями от «За отвагу», «За оборону Москвы», до «За взятие Будапешта», «За освобождение Братиславы» ну и, конечно, «За победу над Германией» и орденом Отечественной войны II степени уже в мирное время.

Когда началась война, которую теперь мы знаем как Великая Отечественная, всех военнообязанных призвали в течение первых двух недель. Из братьев отца и мамы призвали всех, кто подлежал призыву. Отца призвали 28 июня и отправили в Винницу на формирование то ли команды, то ли эшелонов. Каким-то «бабьим чудо-радио» маме передали, что отца должны отправить через день дальше, на фронт. Она, оставив детей на родителей, рванула в ночь, в Винницу пешком, так как поезда уже не ходили. А это все-таки почти полсотни километров, даже если по полям, а не по шпалам. Время было непростое, путники в дороге могли повстречаться всякие, и как мама уцелела, никто не знает, кроме нее самой.

Мама еще раз ходила на свидание к отцу, но уже после освобождения, и прямо на фронт! Как отец дал знать маме, что он находится рядом с домом, буквально в 35–40 километрах южнее, где-то в районе станции Каролина, не знаю, просто назвать место он не мог, видно с кем-то передал эту сумасшедшую новость, ведь более трех лет мама о нем ничего не знала. Мама опять оставила детей на родителей, а сама снова пешком рванула на свидание к мужу По ее рассказам, поход был очень жутким, они шли группой, но не все знали друг друга, были и незнакомые. Под самым райгородом к ним пристал какой-то мужик и начал расспрашивать, куда идут, да к кому, да где часть мужа стоит. А потом этот мужик пропал, но началась бомбежка, и они очень перепугались, что это был немецкий шпион, и их тоже могут арестовать и главное! не пустят повидаться с мужем. Вот это ее больше всего волновало, а страха за свою жизнь совсем не было.

Приехала мама в часть. Отцу сообщили, что жена приехала. Смотрит Евдокия: идет ее Федор – красивый, подтянутый, стройный, с белым воротничком. Она же с дороги – грязная, голодная, немытая… Вручила ему сало, что привезла, и говорит: «Хорошо, что повидала, мне к детям пора». Он взмолился: «Куда

ты? У нас тут можно переночевать, помыться, нам комнату выделят». Развернулась: «Там дети одни» и обливаясь слезами, ушла. Вот такая любовь была. Гордая и стыдливая.

Вот прожили мама с татом до маминой кончины 1 января 1983 года почти полвека. И не слышал я от них слов любви друг к другу, и всякое было в их отношениях… но, вот эти истории о походах мамы на фронт, мне кажется, маму характеризуют с такой стороны, что и никакие разговоры о любви тут уже и не нужны. Да и не приняты они были в их время, к большому сожалению!

Отец, как тракторист, всю войну прослужил в гаубичной артиллерии, и даже под Калинином (Тверью) в окружении пробыл около месяца. Он о своей жизни довоенной мало рассказывал, так какие-то «парубоцкие» шалости, а вот о войне рассказывать любил, жаль, далеко не все я запомнил. Да, и когда я подрос, он кое-что уже и подзабыл. Один случай из его фронтовых воспоминаний я расскажу, так как имеет этот случай какое-то мистическое отношение ко всей нашей семье и ко мне, в частности. Батарея гаубичной артиллерийской бригады, где воевал отец, отступала с Украины до Ростова-на-Дону. Все это время они находились в Резерве Верховного Главнокомандующего.

Осенью 1941 года началась битва за Москву, и их бросили срочным марш-броском на московское направление. Они прошли безостановочным трехсуточным маршем около тысячи верст. И все время отец без напарника управлял трактором НАТИ. Я эти трактора еще помню в детстве, они управлялись рычагами, как танки, и были тяжелыми тягачами для 152-мм гаубиц. То есть чтобы повернуть тягач, нужно было нажать педаль тормоза и взять рычаг на себя. Система управления очень для рук тяжелая, а отец сидел за рычагами трое суток без замены, ее просто не было. И как можно было не уснуть на ходу, сложно даже представить, а ведь еще нужно соображать, куда едешь. Батарейцы могли вздремнуть где-нибудь на лафете, им главное было не свалиться на ходу, а вот трактористу и подремать было нельзя.

По рассказам отца, они въехали на окраину Москвы, как он запомнил, что это был город Кунцево, и в каком-то лесочке им дали отдых до утра. Отец мгновенно вырубился в кабине своего НАТИка или просто на земле, на шинели, я не помню. А вот отдыхавшие всю дорогу батарейцы, естественно, попытались чем-то разжиться и слили антифриз из отцовского трактора. Но неожиданно колонну подняли по тревоге, и последовала команда «марш!». Отец спросонку завел трактор, на котором был слит антифриз, и в составе колонны двинулся дальше, но не проехал и

километра, как сразу за железнодорожным переездом двигатель заклинило. Несмотря на столь суровое время, разборки никто не устраивал, и к «стенке отца не поставили», просто командир батареи, капитан по фамилии Белоусов (отец всегда помнил его фамилию), приказал перецепить гаубицу к другому тягачу, а отцу сказал: «У тебя времени в обрез. Догонишь нас до следующего привала – все нормально, не догонишь – под трибунал пойдешь!» И остался отец один на один со своим трактором. Как он рассказывал нам, до войны, чтоб перебрать двигатель, они втроем, а то и вчетвером работали 3–4 дня: нужно было слить масло, снять картер весом более 200 кг, расклинить двигатель, перебрать его всю коленвально-шатунную часть и затем собрать все в обратном порядке. Меня всегда удивляли руки отца, хотя, когда я начал что-то осознавать, ему уже было около 50 лет, у него были неширокие плечи, мышцы какие-то плоские, не культуриста, но очень твердые, особенно от локтя до запястья, он всегда был поджарым, лишней жиринки на нем не было. А вот руки у него были огромными, всегда в трещинах от солярки, бензина, машинного масла и ветра. Даже в 70-летнем возрасте он мог увязать узлы на чемоданах так, что никто из нас, молодых, не мог их развязать, а ведь у него уже тогда очень болела радикулитная спина, и доставали гипотония и астма, и ходил он только с палочкой!

Но в 1941 году отцу было только 32 года, и он – в одиночку – разобрал и собрал обратно двигатель и догнал свою батарею под самое утро, когда колонна уже выходила на марш. И всегда, когда его спрашивали, как же он сумел все это выполнить, он спокойно улыбался и отвечал: «Жыты дужэ хотелось», то есть «Жить очень хотелось»!

А мистика всего последующего вот в чем. Примерно в этом районе в 1961 году поселилась старшая сестра Аня. Она и сейчас там живет. Так сложилась и моя судьба, что моя семья имеет квартиру тоже в этом районе, там же живут дети моей сестры Ани и ее внук. Было бы интересно проверить точный маршрут отцовской батареи по окраинам Москвы, но по приметам отца я для себя сделал вот такую привязку: ночевка была в районе нынешней улицы Рябиновой, а переезд через железную дорогу – это ныне закрытый переезд в районе станции Сетунь. Не верите? А вы проверьте!

За всю войну было много случаев, когда жизнь отца висела на волоске. Гаубичные батареи были орудием наступления, и немцы охотились за ними, пытаясь снизить мощность артиллерийского огня Красной армии. И вот однажды при такой бомбардировке рядом с отцом разорвался снаряд, и осколком ранило

артиллериста из отцовой батареи в живот. Боец лежал на земле, а рядом с ним лежали его вывалившиеся при ранении внутренности. Медсестра подвела под раненого плащ-палатку и сгребла кишки на нее, чтоб эвакуировать его с линии огня. «Браток! Дай напоследок закурить!» – попросил боец. Отец, понимая, что это уже «все!», дал ему самокрутку. Отец понимал, что сам мог запросто оказаться на месте этого бойца.

Но всю войну его спасала его судьба, или мамины молитвы, она говорила, что всегда истово молилась за него. А тому бойцу повезло, кишки не повредило, их просто промыли, живот зашили, и он через два или три месяца вернулся обратно на свою батарею.

Когда под Калинином отец попал в окружение, то им выдавали паек: по банке тушенки на отделение и буханку хлеба на неделю. Все поступили по-разному: одни съели все сразу, другие пытались делить на крохи, а отец с друзьями пробрались на близлежащее разбомбленное картофельное поле, набрали мороженой картошки и сварили суп с добавкой тушенки. Такая вот смекалка! Глядя на них, стали собирать картошку и другие. Главное, нужно было бросать картошку в кипяток еще мороженой, иначе ничего не получалось.

Отца демобилизовали только в сентябре 1945 года, с собой он не привез никаких трофеев, только очень хорошую опасную бритву и какие-то куски кожи на сапоги. Эти куски кожи так и валялись потом в «каморе», и ничего путного он из них не сделал.

Да он и потом, как ветеран войны, никогда не пользовался привилегиями, какие ему полагались. И от талона на машину отмахнулся. Такой был человек.

И вот еще одно мистическое совпадение. Отец воевал в Венгрии, награжден медалью «За взятие Будапешта». Увы, в 1991 году его сын, то есть я, во время службы в Венгрии, в Южной группе войск, был награжден памятным знаком «Южная группа войск». Этот знак мы между собой называли «За освобождение Будапешта», из-за вывода советских войск из Венгрии после развала Варшавского договора. Вот такие исторические параллели. Отец награжден медалью «За взятие…», а сын – «За освобождение…».

Дмитрий Федорович Гончаренко

Опаленные войной

Недавно весь мир отметил 70-летие Великой Победы над фашистской Германией – праздник радости и скорби, до которого многие, увы, не дожили. Этот день объединяет нас общей памятью и болью обо всех погибших и замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений, ведь «нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». Несмотря на то что я родилась в счастливое мирное время, я много слышала о войне, ведь горе и беда не обошли стороной и нашу семью. Два старших брата моей мамы, Савелий и Ципа, воевали в этой страшной войне, в то время как остальные шестеро детей трудились в тылу.

Мой дядя – Кокоев Савелий Тебоевич, занесен в Книгу Памяти Республики Северная Осетия-Алания. Савелия я знаю лишь по рассказам своей мамы – Замиры и дяди Ноги, которые бережно хранят его единственное фото и похоронку. Савелий родился в 1919 году в с. Саниба (Кани) Гизельдонского района СОАССР, ныне Республика Северная Осетия-Алания. После окончания школы поступил в Северо-Осетинский пединститут. Оттуда в 1938 году был призван на действительную военную службу. Служил Савелий на Дальнем Востоке в и. Завитая, а затем в Чите, где его и застала война. Потом ее назовут Великая Отечественная. В звании рядового он был направлен на фронт. Война уже шла три дня, а семья только получила его письмо, где он сообщал о скорой демобилизации. Бабушка Нашипхан и дедушка Тебо плакали, читая его письмо, потому что Савелий написал его еще до того, как началась война. Ведь письмо с Дальнего Востока шло почти месяц. Больше от него не было никаких вестей. Шли дни, месяцы. Родители жили надеждой на его возвращение. Бабушка днем и ночью молилась за сына, чтобы он остался в живых. Ждали каждый день вестей, но, увы… Позже с его части получили сопроводительное письмо с описью и вкладной книжкой с остатком вклада 65 руб. А№ 535555, полевая касса № 1623, полевая почтовая станция 1634, часть 595. В письме написано, что он выбыл из части по ранению, оставив вкладную книжку № 535555, завещанную отцу Тебо. Так как его адрес был им неизвестен, они просили семью переслать ему вкладную книжку, предположив, что они знают его адрес. Но и они не располагали сведениями о его местонахождении. Затем пришло извещение о том, что Савелий пропал без вести.

Савелий Кокоев

А уже по окончании войны выяснилось, что Савелию не суждено было дожить до Великой Победы. Он был достойным сыном нашей маленькой Осетии и необъятной России. Он, так же как и те, кому присвоили звание героя, на той страшной войне был в первых рядах, обороняя свою Родину и громя врага в героической Демянской операции, которую считают Сталинградской прелюдией. Потери наших войск под Демянском были колоссальные. В годы войны на месте знаменитого Демянского котла развернулась кровавая драма, унесшая сотни тысяч человеческих жизней. Большинство погибли в боях, от ран, от голода, от обморожений, от пыток и в плену. Информации о

них крайне мало, операция особенно нигде не афишировалась (считается секретной). Это была поистине одна из величайших трагедий двадцатого века. Против красноармейцев воевали солдаты дивизии СС «Мертвая голова» и датского корпуса СС, стойко обороняясь, они превратили прилегающие к населенным пунктам necâ в глубоко эшелонированные укрепленные районы. Помимо холода, непромерзающих болот, пулеметного и артиллерийского огня атакующих ожидали завалы, колючая проволока и сплошные минные поля. Савелий и его однополчане с присущим им самоотверженностью, стойкостью и героизмом отстаивали право советского народа на свободу и достойную мирную жизнь. Савелий пал смертью храбрых на поле сражения, ему было всего лишь двадцать три, и он так и не успел познать чувства первой любви и радости от рождения собственных детей.

Великое горе потерять своего сына выпало на долю Тебо и Нашипхан. Дедушка, получив похоронку с фронта и увидев конверт с незнакомым почерком, сразу понял – пришла недобрая весть. «Ваш сын – красноармеец Кокоев Савелий Тебоевич, уроженец с. Саниба Гизельдонского района, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 26 декабря 1942 года…» Сердце разрывалось на части, когда читали сообщение о том, что их сын погиб. Бабушка взяла фотографию погибшего сына и держа в руках, долго смотрела на нее и не могла поверить, что Савелия нет в живых. Бедная моя бабушка, ее можно было понять, ибо ничто не может сравниться с болью и горечью матери, потерявшей своего сына на войне. Проходили дни, недели, месяцы, годы. Закончилась война, а бабушка все надеялась и ждала сына, выходила к калитке и подолгу смотрела на дорогу. Она очень ждала весточки…

Я была совсем маленькой, но хорошо помню, как моя мама писала запросы в различные инстанции в попытке узнать хоть что-нибудь о своем брате. Помню, как она получала безрезультатные письма-ответы, читала их и украдкой плакала. Мне всегда хотелось узнать обстоятельства гибели дяди Савелия. Я не оставляла надежды узнать, где он похоронен. Для этого я решила продолжить поиски, которые много лет назад начала моя мама. Спустя годы, когда появился открытый доступ к архивам, мне, наконец, посчастливилось найти Савелия.

И вот, в преддверии 65-летая Великой Победы, меня пригласили на торжественное открытие Мемориала славы в д. Костьково Демянского района Новгородской области, где покоится дядя Савелий. Непростой была эта дорога. По пути можно было увидеть лишь леса, болота, топи и маленькие

деревушки. И поныне, как шрамы – поросшие травой и мелколесьем противотанковые рвы; воронки, заполненные водой; разбросанные повсеместно каски, кружки с пробоинами; и конечно, люди, а под ногами ржавое, изуродованное железо, хранящее память о той страшной войне. Увиденное наводит животный страх, и слезы подступают к глазам, особенно, когда стараешься представить, что именно испытывали воевавшие там, в чьей судьбе «завтра была война». И по всей новгородской земле – обелиски, обелиски….

Наконец-то мое желание сбылось и мне удалось побывать на могиле дяди. Я низко поклонилась дяде Савелию и с волнением возложила цветы и венок «Геройски погибшему сыну Осетии…», а еще я положила землю с малой Родины, помянув его двумя осетинскими пирогами и родниковой водой из родной Осетии. Многие приехали поклониться братской могиле, почтить память отцов и дедов, ценой своей жизни заплативших за Победу. Прозвучали торжественные речи, все плакали. Мне также предоставили возможность выступить и выразить признательность в увековечении памяти славных солдат, а также высказать слова особой благодарности за внимание и заботу о братской могиле. Я очень горжусь тем, что на стене славы и скорби братской воинской могилы в числе почти 3000 фамилий солдат, высечено: Кокоев С. Т. и его фотография гордо смотрит на нас с обелиска… А душа так и кричит: «Бери шинель, пошли домой!»

Вслед за братом последовал на войну самый старший из детей: Кокоев Ципа Тебоевич. Ципа родился в 1905 году в селении Саниба (Кани) Гизельдонского района СОАССР. В 1941 году Ципа был мобилизован на защиту Родины. Служил стрелком в отдельном стрелковом батальоне. На фронте его контузило взрывной волной, и он был демобилизован в 1942 году по причине непригодности к воинской службе. После демобилизации он работал в колхозе, а затем в райпо. Ципа вел активную работу по выполнению государственных поставок зерна, картофеля, овощей и других сельхозпродуктов, а также теплой одежды для фронтовиков.

Несмотря на короткое время на фронте, за доблестное служение Отечеству, Ципа был награжден 2 орденами: «За победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг.» и «Октябрьской революции», а также медалями: «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вместе со своей супругой Минкой воспитал замечательных детей: Веру, Сергея, Заиру, Зифу

и Казбека, 8 внуков и 6 правнуков.

Ципа Кокоев

В крепкой семье Кокоева Тебо Гавдиевича и Нашипхан Татаркановны было восемь детей. Детей своих они воспитывали в духе патриотизма, справедливости, доброты, уважения к старшим, трудолюбия. В те времена жизнь в горных селах Осетии была нелегкой. Дедушка Тебо и бабушка Нашипхан работали не

покладая рук, чтобы прокормить семью. Проводив двух братьев, Савелия и Ципа, на войну, остальные дети – Ольга, Александр, Тамара, Ноги, Замира и Елена, не зная отдыха, трудились в тылу и своей стойкостью внесли посильный вклад в общую победу над врагом. На их плечи легла тяжелая работа. Они работали от рассвета до заката по 12–14 часов в сутки впроголодь. Все делали, как могли, как соображали, голод был ужасный (чтобы удалить ощущение голода, лущили овес, ели траву, крапиву…). Работали там, где требовала обстановка. Такова была их доля и участь. В то время шло строительство дороги от Военно-Грузинской дороги с селения Чми на запад в сс. Горная Саниба-Кани-Даргавс-Фиагдон-Алагирское ущелье. Маршрут проходил через четыре перевала на северных склонах Главного Кавказского хребта. Командир дорожно-строительного батальона, майор, проживал у них дома и делил комнату с дедушкой Тебо. Так как в их доме был расположен военный штаб, они все время находились вместе. Ходили, ездили верхом на лошадях на строительные участки. Обедали вместе с солдатами, которым выделили место в сельской школе, но, к сожалению, не удалось уместить всех солдат, и определенной части пришлось ночевать у каменных стен старых развалившихся домов. Согласно горскому гостеприимству и традиции, старики дали задание молодежи, и за три дня у каменных стен были построены шалаши, которые затем накрыли соломой, создав хорошее укрытие от дождя и холода.

Кокоевы-тыловики

Солдатская кухня также была расположена в их доме. Для приготовления пищи и мытья котлов, в которых готовили еду, требовалось немало воды, а родник находился далеко от кухни.

Поэтому дедушка отдал детей в распоряжение майора. Им было дано задание – без напоминания носить воду и заполнять большой котел с крышкой, который стоял рядом с кухней. Каждый день в первой половине дня и после обеда они ходили с ведрами и коромыслами на родник. Они не только обеспечивали военную кухню водой, но также чистили картошку. Помогали и в колхозе, они жали серпом пшеницу и ячмень. Старшие братья и сестры каждый день со своими сверстниками заготавливали дрова для военной кухни, их также забирали на оборонительные работы, где они помогали рыть окопы и траншеи. Бабушка пекла чурек солдатам из солдатской кукурузной муки в специально построенной печке. Приготовленный обед солдатам доставлялся к месту работы в горячем виде, летом – на арбах, зимой – на санях, запряженных быками, а в труднопроходимых местах, верхом на осликах во флягах.

Несмотря на голод, холод и трудовую занятость, они успевали учиться в школе и никогда не пропускали уроки. За неимением дров классы не отапливались, и поэтому даже чернила приходилось отогревать своим дыханием. В свободное от работ и учебы время, долгими ночами вместе с бабушкой, девочки сидели и вязали теплые носки и варежки для фронтовиков. Бабушка сдавала их в сельский совет для фронта. Времени для игр у них не было. Так воспитывали своих детей в духе уважения к труду, дисциплине и беззаветного служения Родине Тебо и Нашипхан.

После отступления немецких войск, когда наши солдаты уезжали от них, командир – майор – подошел к дедушке, обнял его, оба прослезились, и майор сначала вытер ладонью глаза дедушке, а затем свои. Они поблагодарили друг друга. После чего майор снял шапку, попрощался со всеми и надев шапку, уехал. Всем селом стояли и смотрели за ними, пока они не скрылись за высокой горой. А впереди их ждали еще три тяжелых военных года…

Вот такое у старшего поколения было детство, опаленное войной. Всем тогда жилось несладко: было трудно, голодно, страшно. А на сегодняшний день, к глубокому сожалению, из такой большой и крепко сплоченной семьи в живых осталось только двое: Ноги и Замира…

Время все дальше уносит от нас суровые годы Великой Отечественной войны, уходит поколение, вынесшее тяжелый груз войны. Мы должны воздать «дань Памяти – святой и светлой, как пламя Вечного огня», мужеству и жертвенности солдат Победы. Мы обязаны помнить об их подвиге, о той великой цене, которой этот подвиг был оплачен, и о том высоком смысле, живой кровью

которого были наполнены для «героев былых времен» слова «долг», «Родина», «Отечество». Давайте «поклонимся и мертвым и живым» и выразим признательность и благодарность за возможность жить в мире.

Вечная слава и светлая память всем – известным и безымянным – солдатам, отдавшим свою жизнь за Отечество! Честь и слава всем участникам Великой Отечественной войны и ветеранам тыла!

Фатима Ф. Тедеева, дочь ветерана тыла и труда

Я горжусь своим прадедом!

Мой прадед сражался за Родину!

Мой прадед – Гончаров Василий Тимофеевич – первостроитель Комсомольска-на-Амуре, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В 1938 году переехал в Комсомольск-на-Амуре, работал в 20-м цехе на заводе имени Ленинского Комсомола. В начале войны, в 1941 году Василий Тимофеевич был направлен в Хабаровск. Он получил звание младшего сержанта, когда ему было поручено готовить молодых бойцов для фронта.

После Хабаровска он был направлен на фронт. Мой прадед воевал на Курской дуге, где летом 1943 года произошло одно из главных сражений всей Мировой войны, где решалась судьба всего Мира. Здесь произошел коренной перелом в ходе войны, фашисты потеряли стратегическую инициативу и вынуждены были перейти к обороне.

Мой прадед был смелым и мужественным человеком. 12 июля 1943 года он участвовал в сражении под Прохоровой, где произошло крупнейшее в мировой истории встречное танковое сражение, в котором участвовало 1200 танков и САУ.

Василий Тимофеевич Гончаров

Мне очень жаль, что он не дожил до победы в той битве, которая закончилась 23 августа 1943-го. Мой прадед погиб 28 июля 1943 года и был похоронен в Дмитровском районе Курской области. Я горжусь своим прадедом. Вечная слава героям.

Алексей Заседко

Война без выстрелов

На фронт забрали почти всех мужчин в тылу. На шахтах и металлургических производствах, в полях и на железной дороге, на лесоповале и фермах мужчин заменили женщины. Молодежь с нетерпением ожидала своего совершеннолетия, чтобы пойти в военкомат и проситься на фронт. Дальневосточный округ, сформированный незадолго перед началом войны из молодых сибирских парней младшего офицерского состава и призываемых из присоединившихся к стране Прибалтийских и западноприграничных областей Украины и Белоруссии, окопался на границе с войсками японско-китайского милитаризма. В подразделениях активно изучались навыки самбо и умения воевать на лыжах (современный вид спорта – биатлон). После начала войны личному составу была поставлена задача держать рубеж, не поддаваясь на провокации, – без команды не стрелять! Вражеские самолеты делали нередко провокационные полеты над советскими траншеями вдоль границы. Иногда они сбрасывали продырявленные бочки, некоторые летели вниз со страшным воем. Главной мечтой практически каждого из личного состава было: попасть на фронт.

Однажды во время случайной встрече в дороге мужчина из Литвы рассказал мне, что он до сих пор (1988 год) благодарен русскому сержанту, который обучил его навыкам самбо и, главное, помог сформулировать идеологию бойца, позволившую ему победить и остаться в живых. Он повторял им во время учебы и при отправке на фронт: «Вы обучаетесь тому, как суметь защититься самим и победить в бою за Родину Слепое геройство вам не помощник». Его курсанты ходили через линию фронта в тыл врага с фотографией своего офицера в кармане, оставляя ее уже у последнего прикрывающего артиллериста. Мой вокзальный собеседник прошел всю войну, вернулся в родную Литву и с благодарностью вспоминает дальневосточную подготовку к фронту. А я с удовольствием покупала семена из Литвы, которые давали неплохой урожай на моей сибирской даче.

Колоски в сибирском поле

Мужчин села почти всех забрали на фронт, остался только одноногий инвалид, он был за председателя в селе. Работали в поле с утра до ночи, ели скудно. Когда в поле все убирали, то тихонько, таясь, ходили собирали колоски. Если председатель был кем-нибудь недоволен, то писал донос «за сбор колосков», и

того человека арестовывали и увозили в лагерь. Обычно он старался отправить тех женщин, у которых дети были под присмотром старших братьев и сестер или были бабушки или дедушки. В лагеря нужны были здоровые люди для выполнения тяжелых работ: «Для фронта, для Победы». У Зинаиды было трое детей, жила она с родителями, муж воевал на фронте.

Председатель подошел к ней на «колосках» и предложил свою благосклонность за то, чтобы она осталась с детьми и родителями, а иначе придется отправиться на лесоповал.

Зинаида собралась и ушла из села ночью. Она дошла до линии фронта, воевала в партизанском отряде. После Победы Зинаида и ее супруг вернулись с фронта в село, у них родились еще дети. А председатель переехал в город.

Наталья Золотых

Любовь и война

По военным дневникам отца

Памяти моего отца, Кима Зиновьевича Беленковича (1923–1999), капитана дальнего плавания, старшего лоцмана Одесского и Ильичевского портов, журналиста и писателя

Отец никогда не рассказывал мне о войне. Война была на экране, в песнях фронтовых лет, на орденах пожилых мужчин, в учебнике истории, наконец. Мой папа не имел к этому никакого отношения. В этом я была настолько уверена, что никогда и не расспрашивала его. Да он и не рассказывал. И понятно почему – с девочками на военные темы не говорят. А сына у него не было. Так я полагала, пока не оказалось, что и сын был (намного старше меня, от первой жены), и война была.

Война открылась мне только после смерти отца. Тогда, разбирая его вещи и не видя ничего от слез, я наткнулась на пачку потрепанных тетрадок. Открываю первую. Прочесть ничего не могу. Вытираю слезы. Все равно не могу – все расплывается. Кажется, что страница тоже плачет вместе со мной. Я несу ее к свету и начинаю разбирать написанное. Боже мой… Это самая первая запись в его дневнике после того, как в его корабль попал снаряд.

Это случилось накануне его совершеннолетия, 13 ноября 1941 года.

Из дневника 1941 года

Я начинаю новую тетрадь своих заметок. К сожалению, предыдущие, с друзьями, погибли при условиях довольно неблагоприятных (слова размыты. – *В. З.*), *так что…* (слова размыты. – *В. З.*) *спасении тогда бы меня не было и мы…* (слова размыты. – *В. З.*) *Быть может, когда-нибудь я вспомню об этом и допишу ту небольшую тетрадочку… Сейчас мне было бы очень трудно просмотреть «дела давно минувших дней» и снова вспомнить пережитое. Но пока пора кончать мое вступление и начать, наконец. День накануне моего совершеннолетия мне, кажется, запомнится навсегда. Это было тринадцатое число. Как же ненавижу я эту цифру! Поневоле становишься фаталистом, хотя осознаешь, что это абсолютный абсурд. Я хорошо запомнил*

эти бледные, перепуганные, растерянные лица, рука, держащая пистолет у виска, густые клубы пара, заволакивающие всю эту картину, и судно, медленно погружающееся в воду… Картины (слова размыты. – *В. З.*) *смерти* (слова размыты. – *В. З.*).

Спасся он и еще один человек по фамилии Лавренко. Об этом мне уже позже рассказала мама, которая тоже ничего не знала о дневниках.

Та первая запись заканчивается мыслями о семье:

Меня волнует отсутствие всякой связи с матерью и сестренкой. Связь с отцом была потеряна с момента его взятия в армию. Где они? Что с ними?

Семья же в это время переправляется с обозами беженцев, прочь от дома. Бегут почти налегке – самый тяжелый груз не в руках, а на сердце, поскольку незадолго до эвакуации получены были две похоронки – одна на моего дедушку, папиного отца, который воевал в пехоте, а другая – на моего отца. Похоронки пришли в один день, и моя бабушка трясущимися руками раскрыла обе. Ее мать, моя прабабушка, взяла их у нее, внимательно посмотрела и сказала: «Мужа не жди, а Ким вернется. Не смей оплакивать его!»

Они едут, думая о нем, о пророчестве бабушки, а он едет, думая о них, не ведая о похоронках, и пути их не пересекаются, пересекаются лишь мысли где-то в пространстве дум.

Из дневника 1941 года

Скоро Новый год. В течение двух недель я имел небольшой так называемый отдых, которым сменилось путешествие Тамань –

Джимэтэ до Новороссийска на грузовике. Этот сравнительно небольшой участок пути мы прошли в течение трех суток. Как с первого взгляда кажется просто, но когда вспомнишь длинную, однообразную дорогу, метель и небольшой морозец, за спиной котомку чуть меньше двух пудов и на ногах порванные сапоги, а впереди и сзади тебя идут еще тринадцать таких же, как и ты, то поневоле становится грустно. Как длинна и однообразна зимняя дорога!

Чертова Керчь

На потоплении его судна в 1941-м игры со смертью не закончились. В дневнике 1942 года следующая запись:

Снова начались дни, которые я испытывал в ноябре в немного больших масштабах. Эта чертова Керчь, наверное, никогда не изгладится из памяти. Нет дня, чтобы не было налетов. Ежедневно налетают по 4–5 раз в день группами от 4 до 12 самолетов. Уже скоро кончатся снаряды для наших пушек, хотя мы начали вести огонь экономно. В это время отпадает всякое желание работать. Уже дней десять как я не брился, не снимаю даже рабочей робы до самого сна. Вчера вечером был массовый налет. Мы стояли (уже четвертые сутки!) на внешнем рейде. Весь Керченский канал был освещен прожекторами и взрывами снарядов. В воздухе стоял сплошной вой от летящих снарядов, осколков, свистящих и рвущихся бомб. Мы были в центре этого содома. В ста – ста пятидесяти метрах упали и разорвались в воде три бомбы, которые легли параллельно правому борту. Они, вероятно, предназначались для нас.

Какую роль играл этот теплоход, выставленный для обстрела на внешний рейд, можно только догадываться. Но каким чудом уцелело судно, груженное боеприпасами, оставленное на виду у всех как приманка, атакуемое беспрерывно в течение десяти суток?

Сегодня, после небольшого перерыва «Фриц» сделал очередной визит. Сегодня прилетело двенадцать «Фрицев». Я побежал на бак к пушке. Там, кроме командора, никого не было, и мы начали вдвоем стрелять. Мне показалось, что один наш снаряд попал в крыло «Фрицу», но он почему-то продолжал лететь дальше. Во всяком случае, этот самолет мы подбили. Через некоторое время с другой стороны тоже прилетели самолеты. Очень много бомб они сбросили на город, на приморскую часть. Я не понимаю, из каких

соображений держат судно, груженное боезапасом, на виду у всех на внешнем рейде, более десяти суток? Но мы – маленькие люди и нам «не должно сметь свое суждение иметь», хотя больше всех достается нам.

Лично он спасался мыслями о любви.

Вчера на моих глазах сбили один самолет. Лейтенант сказал, что в этот день сбили еще одного «Фрица». Два летчика спустились на парашютах. Сегодня наш «ишак» (так называют у нас И-16) сбил тоже одного двухмоторного бомбардировщика. Однако несмотря ни на что, ни на какие бомбардировки, я все время вспоминаю о моей любимой, славной девчурке. Как хотелось бы мне снова ее увидеть! Мы уже не виделись с ней целых двенадцать дней. Это, мне кажется, целая вечность. Даже во сне она мне часто снится. (Даже сейчас, несмотря на туман, прилетел «Фриц», и я вынужден был прекратить временно свою писанину.)

Девушка Л. Так она значится у него в дневнике. Они познакомились незадолго до его отправки в Керчь, и роман их развивался стремительно и вместе с тем целомудренно. Этому посвящены многие страницы его военных записей. А началось все так…

Превратности любви

Из дневника 1942 года

Наше бревно превратилось в общежитие для «бичей»! Первым у нас поместился экипаж… Устроили печку, привели в порядок койки и выдали постельное белье. Кубрик принял вполне жилой вид. По вечерам собираются отдельными группками и начинают рассказывать анекдоты и вообще разводят «травлю».

Пару дней назад сюда приехала группа радисток из Баку. В этот же день со мной случился небольшой конфуз – я отморозил себе правое ухо и даже не заметил, как это случилось. Ухо приняло огромнейшие размеры и немного издали напоминает блин в масле. Придется мне с ним повозиться в течение некоторого времени.

Среди радисток, которые приехали на практику, есть пара хорошеньких, вернее, средненьких, девочек. Одна из них, черненькая,

небольшого роста, не знаю, правда, ее имени, мне немного понравилась. Если судить по внешнему виду, она должна быть ветреной или, быть может, она ни с кем не встречается и ради проведения времени – сегодня с одним, а завтра с другим.

* * *

Познакомился, т. е. разговорился с Л. Интересно, как быстро мы сблизились! Еще вчера она была для меня почти совсем посторонним человеком, а сегодня я чувствую, что она близка мне. Это та, о которой я мельком упомянул выше. До нашего разговора я не думал, чтобы она могла быть такой, какой она показалась мне теперь. Постепенно она мне все больше и больше нравится. В первый вечер я мог ее только уважать, она мне немного понравилась, а теперь — «Люблю ли тебя я – не знаю, // но кажется мне, что люблю». Да, это так. Пусть она казалась мне ветреной, пусть это даже окажется впоследствии истинной правдой, но все же несмотря ни на что I love her! Мне кажется, что и она меня немного любит. Она мне говорила об этом.

* * *

Вот я уже на другом пароходе, то есть, извиняюсь, теплоходе. Я окончательно рассчитался со своим «дубком» и пошел на теплоход. Мне с первого раза он не очень понравился. Каютка наша небольшая. При желании она может быть уютной. Через день, наверное, идем в рейс. Сегодня заскочил проведать Л. Хотя я был там и недолго – обеденный перерыв, но все же увидел ее. Вечером мы с ней встретились. Она зашла ко мне… Была в каюте. Поболтали немного, и я ее проводил назад. Я окончательно в нее влюбился, и если придется мне с ней расстаться, то мне будет очень тяжело это сделать.

* * *

Снова зашел на «дуб». Меня встретили ребята (они уже знают, что я встречаюсь с Л.) с неприятной для меня вестью. Она как бы подтвердила мое первоначальное мнение о Л. Мне стало грустно и чего-то жаль, что я познакомился с ней. Я решил не подходить к ней, хотя она была в шести шагах от меня. Внешне я не подавал виду, что расстроен, что у меня камень на сердце, и

всецело был занят каким-то пустяковым разговором.

Я уже собирался уходить, когда мне кто-то сказал, что она просит меня подойти. Я подошел. Произошел небольшой разговор. Я ей сказал об услышанном, но она сказала, что это ложь. Короче – мы с ней помирились…

* * *

Утром я ушел на судно. Мы ушли в Камыш-Бурун. Я с ней простился у парохода, когда еще шла погрузка.

Наутро я вспомнил о ней, и мне захотелось ее увидеть. Я сел у столика и начал что-то чертить карандашом. У меня ничего не выходило. Только почему-то рука моя писала букву «Л», хотя я чертил сам не зная что.

Я решил написать ей письмо, но из этого ничего не вышло. Я написал только первые два слова, а потом не знал о чем писать дальше. И как-то само собой, не замечая этого, я начал писать что-то похожее на карикатуру стихотворения. В смысле литературы оно не представляет никакого интереса, но интересно то, что я первый раз, можно сказать, нечаянно высказал свои мысли в «стихотворной» форме. Вот то, что у меня вышло:

Совсем случайно
Мы встретились с тобою:
Был тихий вечер, я подсел к тебе,
И это тихой вечернею порою
Я полюбил тебя.
Все было как во сне…

Я помню вечер временной разлуки.
Шептали оба нежные слова;
Потом пожали мы друг другу руки,
И я ушел, пока не навсегда.

* * *

Может быть, за это время ничего не происходило, о чем можно было упомянуть в моих записках? Нет, было много такого, о чем я в другое время непременно вписал в свою «летопись», но главное все же составляла тогда (да и теперь) моя любовь к Л. Иногда мне приходилось много из-за этого переживать. Даже

ночью, стоя на баке впередсмотрящим, я думал о ней. Она не выходила у меня из головы. Однако из этого не стоит делать вывода, что я потерял голову. Ничуть нет. Наоборот, я решил самостоятельно продолжить свою учебу. Оставаться в дальнейшем матросом для меня было бы очень обидно. Разве для этого я 8 лет учился в школе и потратил два года в техникуме? Но пока такое время, что с этим считаться не приходится. После войны это все уладится. При благоприятном случае это может уладиться и до конца войны.

В последнее время я потерял почти всех своих знакомых девушек. Они меня абсолютно перестали интересовать. Даже к старым знакомым я перестал заходить. Если бы я перестал встречаться с Л. или долго бы ее не видел, я был бы совершенно одиноким. Завязывать новые знакомства мне абсолютно не хочется.

Так развивались их отношения вплоть до того момента, когда его судно отправили в Керчь.

«Подальше от этой Керчи…»

Из дневника 1942 года

Мы стоим на рейде. Уже двадцатые сутки, как мы вышли из Новороссийска, и, признаться, до того надоело стоять тут, что пешком бы пошел, кажется, в… куда-нибудь подальше от этой Керчи. Дней четыре-пять фриц не летал над нами, и мы за это время немного отдохнули. Погода преимущественно стояла хорошая, солнечная. Мы начали красить свой теплоход. Изредка солнечная погода сменялась туманами, которые шли из Азовского моря, и тогда все были уверены, что фриц не прилетит. За это время мы в Керчи достали байдарку и покрасили ее. Скоро сделаем весло и будем кататься на ней, если будут соответствующие условия. Но все это ерунда, это проза – поэзия еще впереди.

Увы, и в этом он был прав: «поэзия» грядущей бомбежки была впереди с ее дьявольским запрограммированным ритмом падающих снарядов и обилием рвущихся из глоток зениток проклятий.

* * *

И грустно, и скучно… Неужели я больше не увижу мою

любименькую Л.?

* * *

Да, ужасно хотел бы ее увидеть. Интересно, о чем она сейчас думает. Думает ли… она обо мне… или, быть может, уже встречается с другим… Мне кажется, что пока этого быть не может. Хочет ли она видеть меня так, как я хочу видеть ее? Черт возьми! Я действительно влюблен в нее по уши, если не до макушки.

Опять, уже хоть и десять часов вечера, фриц навестил Керчь. Одного поймали прожектора, но сбить его не смогли, и он себе преспокойно улетел спать, наверное, до завтрашнего утра. Весело. Ну пока все. Лягаю опочивать до ранку. Надобранічь, моя люба!

ГДЕ ТЫ, Л.?

Так шли дни за днями, приравненные по напряжению к годам мирного времени. Наконец показался Новороссийск.

Из дневника 1942 года

Город Новороссийск встретил нас не по-праздничному. 1 Мая провели в Анапе. Впервые за 22 дня мы вступили на твердую почву спокойно. Час спустя после прихода теплохода, на судне не было половины команды, после двенадцати, кроме вахтенных и нескольких человек администрации, на судне не было ни одного человека. Баланс дня: четверых забрали в милицию, пятеро еле дошли до трапа, а остальные, за небольшим исключением, изрядно подпили. Веселый день 1 Мая!

* * *

В Новороссийск еженощно прилетают фрицы. Много разрушенных зданий, но это преимущественно небольшие домики. В Новороссийске Л. не увидел. Она пока находится в Батуми. Придется ли еще ее увидеть? Хотелось бы увидеть ее, и чтобы она уехала в Баку, домой. Тут плавать опасно. Ежедневно неприятные новости: «*Восток*», «*Пушкин*» *и другие – покойники. Хотя и хотелось бы быть вместе, но лучше одному рисковать, чем вдвоем. Может, после войны (если жив останусь, в чем сомневаюсь) мне*

удастся снова ее увидеть и принять остаточное решение. В управлении записался на курсы штурманов малого плавания, которые будут в Ростове. В списки уже занесли, но зачислят ли? Выгорит ли номер? Получил дубликат комсомольского билета. Ну, пока спешу кончать. Сейчас писал и спешил, поэтому грязно и безграмотно написано. Куда спешил и не знаю.

Еще прошла неделька. Как много новостей произошло за это время! Нет, я вру – прошло уже около двух недель с момента последней записи. Писать ли обо всем? И хочется, и колется. Это заняло бы много времени, и к тому же, некоторое мне не хочется, вернее, боюсь даже доверять моей молчаливой тетради. Первое – это наша встреча с Л. Как я ждал ее, и как все это просто вышло! Потом они (я подразумеваю ее пароход) стояли рядом с нами, и она иногда заходила ко мне. Все практикантки уже уехали в Баку, она осталась одна. Быть может, она поедет в Ростов, куда ее хотят направить. Дальше видно будет. Тут часто попадаются знакомые. Некоторые мои бывшие соученики уже тоже многое пережили. Один из них, Н. Ш., награжден орденом Красного Знамени, другой – Г. З. оторвало руку, трое занимаются в Батуми, двое сидят, некоторые плавают, некоторые в армии.

Наш теплоход переходит, вероятно, в военное ведомство. В общем, в ближайшем будущем должны быть большие перемены, может быть, даже решающие в дальнейшей жизни. Что именно – не знаю.

«Не знаю»… Расползаются буквы по странице, растекаются капли по стеклу. Все труднее разбирать его почерк… Наступление неопределенности.

А потом что-то произошло. Но что? В дневнике он пишет:

Итак, я продолжаю. Пишу 25 мая. Это первая дата во всей моей летописи. Сижу на старом месте и пишу откуда же и в прошлый раз. Я не знаю уже, то есть не помню, когда у меня было хорошее настроение. Это было, кажется, во время последнего свидания с Л., да и отчего могло быть хорошее настроение? Вспоминаю: хорошего мало; настоящее – ничего хорошего; будущее – в ближайшем ничего хорошего. Немного поддерживали настроение письма от матери и встречи с Л., но сегодня это отсутствует. Сегодня получил от мамы письмо, которое меня очень взволновало, – первая новость, и потом узнал что Л. вчера только выехала в Ростов. Я не знаю, чем можно объяснить, что она не пришла ко мне попрощаться. Этим может кончиться наша история. Я ее очень любил, и она меня любила не меньше. Каждый вечер первое время мы с ней встречались. Чаще всего она заходила

ко мне, и мы оставались в каюте вместе. Как хорошо было тогда! Потом она оставалась у меня ночевать, и мы спали вместе. У нас не было друг от друга секретов. Все шло так хорошо и вдруг сломалось. Вчера уехала в Ростов. Быть может, это и есть конец.

Четыре месяца прошло одним мгновеньем,
Настал разлуки грустный час.
И вот теперь – с каким-то сожаленьем –
Я чувствую – даль разлучила нас…

Завтра думаю писать письмо матери и немного ободрить ее. Жду письма от Л. Пока все. Писал уже только об одном. Уже 25 мая 1942 г. Может быть, это начало.

* * *

Сколько уже времени прошло с того дня! Сегодня 11 сентября, то есть уже прошло три с половиной месяца. За это время произошло очень много перемен.

Дождался ли он письма от Л.? Следующая запись датирована 1944 годом, о чем он попутно, вскользь упоминает в середине записок. Там, в мире его дневников, время по-прежнему не дробится.

Девушки Л. уже нет, но грусть то ли по ней, то ли по пережитому все еще витает на страницах, не разделенных датами. Любил ли он ее, была ли она просто той кромкой берега, тем пристанищем души, оглушенной разрывами бомб и требующей отдохновения в мечтах, – навсегда останется предметом наших догадок. Как они расстались – не доверено страницам дневника. Известно только, что он потерял свою первую любовь. Жизнь, как война, не обходится без потерь.

Из дневника 1944 года

Вчера было грустное настроение. Все время вспоминал о матери, сестре, и захотелось мне просмотреть мой дневник, вернее, записки, которые я писал в 1941–1942 гг. Они навеяли на меня воспоминания. Вспомнились бомбежки, обстрелы, рейсы, уходя в которые часто не надеялся возвратиться в родной город. И в нем же я снова прочел, что неразлучно со мной во всех невзгодах, во всех скитаниях была семья, в особенности, славная,

постаревшая, наверное, за это время, но в тысячу раз ставшая ближе ко мне за время разлуки, мать.

Дорогая мама! Образ твой всегда стоит у меня перед глазами. Как хочется увидеть тебя счастливой среди нашей семьи. Пароход уходит в рейс. Таможенный досмотр окончен. Формальности также. Я сижу за столом в небольшой, но уютной каютке. Вокруг полная тишина и тараканы ласково улыбаются на потолке. Сейчас вечер, поздний мартовский вечер 1944 г. Если хватит терпения, буду записывать все интересное. Уже давно хотелось начать, но никак не мог решиться. Сегодня получил два письма. Стало очень больно от мысли, что, может быть, в то время, когда я не знаю недостатка, родные голодают. Ходим узнавать насчет вызова, но пока результата нет. Что будет?

А в 70-е годы появляется его повесть «Золотистый Головастик», посвященная первой военной любви. Главная героиня погибает в результате потопления судна. Повесть написана исключительно эмоционально, захватывает все – и герои, и сюжет, и лирические отступления. И только один – самый главный, поворотный, момент в повести передан как скупая выписка из судового журнала: «14.50 к борту подошел сторожевой катер и сообщил, что машинное отделение затоплено, работает аварийная партия. С „Чауды“ сняты на катер тяжелораненый старший помощник и погибшая при бомбежке практикантка-радистка».

Была ли это девушка Л.? Теперь уж не узнать.

Филадельфия, 2015. Вера Зубарева

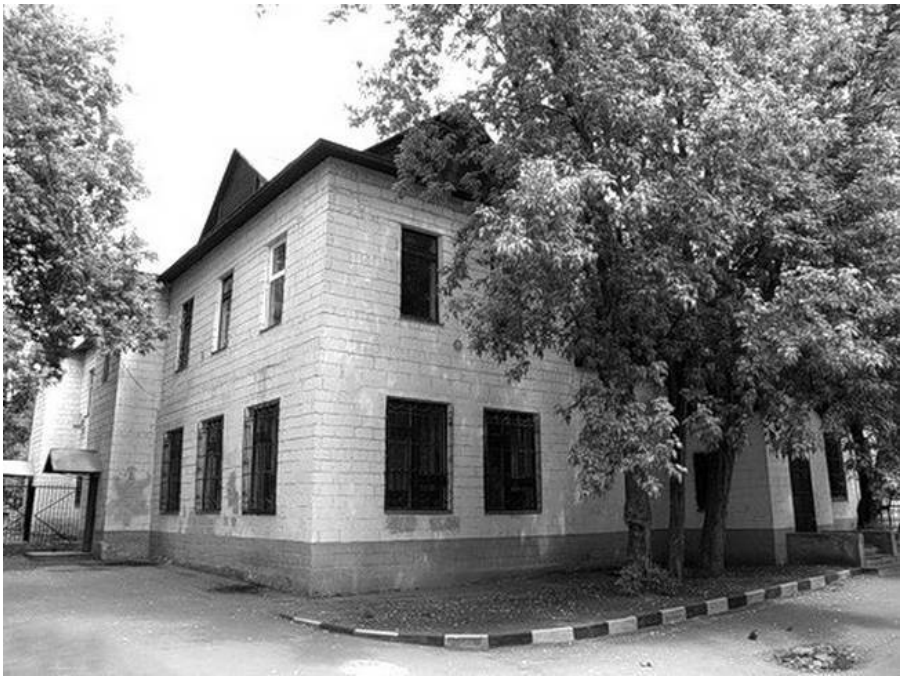
Бой за деревню Великуша

Из воспоминаний бойцов 130-й стрелковой дивизии

16 октября 1941 г. в здании школы на Б. Почтовой улице начал формироваться 3-й коммунистический батальон Бауманского района столицы. Позднее он вошел в состав 1-го стрелкового полка 3-й Московской коммунистической дивизии и был передислоцирован в район Никольской больницы на Ленинградском шоссе.

В пешем строю прошли мы через всю Москву – от Разгуляя до конца Ленинградского шоссе, до моста через канал Москва – Волга. Здесь тогда проходила граница столицы.

Дальше шли поля подмосковного колхоза, вдалеке виднелся мост шоссейной дороги через канал и железнодорожный мост Октябрьской железной дороги, которые мы должны были охранять. Железнодорожный мост стоит и поныне, а шоссейный давно уже разобран, на его месте построен новый мост, являющийся как бы продолжением обновленного Ленинградского шоссе. Там, где сейчас стоит популярный в столице универсам «Ленинградский», где выстроились многоэтажные дома, в 1941 году стояли крестьянские избы, виднелись поля да огороды. Это и была наша боевая позиция. Впереди находились части действующей армии в районе Левобережной и Химок. Позади была Москва. Окопы опоясали берега канала Москва – Волга. Не буду писать о жизни фронтовой Москвы – об этом написано много. Хотелось бы только заметить, что наша часть была последним заслоном перед теми частями противника, которые ближе всего прорвались к Москве как раз на нашем направлении, по Ленинградскому шоссе. На месте этого рубежа сейчас стоит памятный знак в виде бетонных ежей, напоминающих те, что стояли здесь на танкоопасных направлениях.



Школа № 3, Чапаевский переулок, 6

Штаб дивизии располагался в доме у завода им. Войкова, там, где сейчас находится станция метро «Войковская». Весь этот район был объявлен прифронтовым: проверялись пропуска, ходили патрули – прямо у моста через железную дорогу. Сейчас этот мост украшают фигуры воинов-добровольцев, вставших на защиту столицы.

Первые месяцы прошли в боевой учебе, но учебные стрельбы вскоре сменились боевыми. В середине ноября мы вели разведку боем около Солнечногорска. Был в нашем батальоне и взвод с собаками, натренированными на уничтожение танков. К спине собаки прикрепляли противотанковую мину со штыревым взрывателем. При приближении танка собаку выпускали, и она бросалась к нему, пробегала между гусеницами, штырь соприкасался с дном танка, и мина срабатывала. Но основным противотанковым оружием у нас были бутылки с горючей смесью. Московские пионеры организовали сбор старых бутылок и сдавали их на особые пункты. Затем их заполняли горючей смесью, тщательно закупоривали и отсылали в воинские части. К нам часто приезжали шефы – работницы московских предприятий. Все они работали в эти дни на оборону. На митингах они призывали воинов отстоять Москву, не отступать ни шагу, стоять насмерть.

В декабре началось контрнаступление советских войск под

Москвой. Наша дивизия в конце января 1942 года влилась в состав кадровых войск и получила наименование 130-й стрелковой дивизии. Вначале мы непосредственного столкновения с противником не имели, но нам пришлось пережить многочисленные бомбежки.

Наша дивизия 16 февраля 1942 г. была доставлена к линии фронта под г. Осташков. Выгрузившись из вагонов эшелона на станциях Черный Дор и Горовастица, мы пешим ходом через три дня вышли на исходные позиции. Проходили через сожженные села и деревни, разрушенные города, шли мимо разбитых вражеских орудий, исковерканных танков, мимо трупов захватчиков в мышино-серых шинелях. Стояли жестокие морозы зимы 1941/42 года. Какой глубокий снег был в ту зиму! Жители окрестных деревень помогали расчищать главные дороги, по которым двигалась боевая техника, а люди обычно шагали рядом по узкой тропинке, протоптанной в глубоком снегу. Самолеты противника контролировали основные дороги, поэтому часто приходилось искать обходные тропинки через леса. Наконец, наш батальон сосредоточился в небольшом лесу в районе деревень Павлове и Сидорове. Командир полка А. Х. Кузнецов объявил, что ночью предстоит атака.

За день до этого перед бойцами выступал комиссар полка В. В. Репнин. Прошли собрания по подразделениям. Все были собранны, серьезны, ведь впереди – первый бой. Старшина раздал нам патроны. Под вечер развели костры, погрелись, получили от медсестры индивидуальные пакеты. Томительным было ожидание условленного сигнала к выступлению – двух зеленых ракет. Он задерживался: командование полка выслало дополнительную разведку. Наконец, разведчики вернулись и сообщили, что скрытые подходы к передовой разведаны. Сигнал – и батальон пошел узкой лесной тропинкой; в темноте солдаты натыкались на сучья, проваливались по пояс в сухой, морозный, сыпучий снег. Было еще далеко до рассвета 21 февраля, когда мы вышли из леса. Перед нами большое поле. На повороте дороги лежит труп красноармейца в обгоревшей телогрейке. Левая нога у него подвернута, а руки вытянуты вперед, вдоль тропки. Было такое впечатление, будто он показывал нам дорогу вперед, на запад. Ночной бой начался внезапно. Как описать взрывы и выстрелы, мертвенный блеск осветительных ракет, траектории трассирующих пуль, громкие голоса командиров, стоны раненых, рев боевых машин, завывание мин? Ночной бой, когда необстрелянный воин точно не знает, где свои, а где чужие, когда чужая речь вдруг зазвучит совсем рядом, а своя послышится вдалеке, и ты не знаешь, где он, передовой рубеж, который

должен быть взят, и кто ползет в темноте к тебе по снегу – друг или враг…

Ночной бой, когда надо особенно отчетливо знать свою задачу, когда командиру трудно направлять и контролировать действия отдельных бойцов, когда все зависит от выдержки, мастерства и отваги. Наш первый бой был ночным. Все вели себя по-разному. Кто-то упорно полз по-пластунски вперед, не обращая внимания на разрывы снарядов и посвист пуль. Другой выбирал мгновения затишья и перебежками преодолевал то же расстояние. Третий зарывался в снег чуть ли не с головой. Стало светать. Впереди показалась деревня Великуши, большое поле перед ней, покрытое воронками, а рядом с полем лес, из которого ползком, перебежками, а то и в полный рост шли наши бойцы. Из деревни в лес через поле шла широкая дорога, примерно посредине поляны ее пересекала другая, шедшая вдоль фронта, более узкая. У перекрестка зияла большая воронка от снаряда. Против нас действовала свежая немецкая дивизия, прибывшая из-под Кельна. Результатом этого боя было то, что наш полк освободил деревни Павлово и Великуша.

Ширенин Алексей Васильевич, красноармеец, рядовой, родился в 1923 году, призван: Москва, Комсомольская площадь, д. 3/30, общежитие, убит 03.03.1942 г., похоронен: братская могила у деревни Великуша.

От стен Москвы до Восточной Пруссии

Вся дивизия принимала участие в боях по прорыву обороны врага в районе Новая Русса – Павлово – Сидорово. Фашисты были отброшены на этом участке Северо-Западного фронта ко второй линии обороны – Великуша, за которой лежала их третья линия обороны – демянская, причем эта третья линия обороны врага одновременно была для него и мышеловкой. Вся 16-я армия фашистов сжималась с разных направлений дивизиями Северо-Западного фронта – к Демянску Постепенно образовывался известный в истории Отечественной войны демянский котел.

Без освобождения Великуши, Молвотиц, Заболотья и некоторых других опорных пунктов врага угрозы полного окружения для фашистов еще не было. Они располагали довольно широким коридором для подвоза продовольствия, амуниции, оружия, а в случае нашего наступления для отхода в тыл к Старой Руссе.

Эта ситуация хорошо была разъяснена политическими работниками дивизии всему личному составу. Важность боев за Великушу, как одного из последних важных опорных пунктов

фашистов перед Демянском, осознавалась всеми. Но было ясно и другое: за Великушу враг будет драться из последних сил. Пленные дали важные сведения. Они сообщили, что в районе Великуши сосредоточена артиллерия, два эсэсовских батальона, а в резерве полк пехоты, в составе которого имеется батальон смертников – штрафников. Была у них и тяжелая артиллерия, аэродром и танковые подразделения.

Но помимо всего этого, простой взгляд с наблюдательного пункта с нашей стороны на Великушу давал возможность сделать определенное заключение о том, что Великуша для нас будет непростым «орешком». И действительно, Великуша представляла собой большой населенный пункт, расположенный на высоком, с широким основанием, холме. В Великуше были кирпичные и деревянные дома. В непосредственной близости к населенному пункту фашисты построили двойным полукольцом снежно-земляной вал. Здесь у врага располагались огневые точки. Впереди вала в сторону наступающих были проволочные заграждения в три кола, а дальше, через небольшой интервал, в четыре кола.

За этими заграждениями лежало большое поле, покрытое глубоким снегом. На поле в порядке, известном для немцев, были заложены мины. Слева от наступающих был бор, справа лесок, вдоль которого из Великуши в район Молвотиц пролегала шоссейная благоустроенная дорога.

Труднее условий для нашего наступления нельзя было даже и придумать. Ведь при атаке бойцы более двух километров должны были идти по широкому открытому полю. А они уже знали силу огня фашистов. Поэтому даже самым смелым из воинов Красной армии казалось, что наступление на Великушу с фронта будет неудачным, а с флангов невозможным, так как командованию дивизии было известно, что и дорога справа, и лес слева охраняются танками, орудиями, минометами, пулеметами и фашистскими подразделениями на лыжах.

Командир дивизии – Николай Павлович Анисимов, приказал брать Великушу с фронта, прямо в лоб, произведя предварительно артиллерийскую обработку укреплений фашистов. По замыслу командира, два батальона должны были, сосредоточившись в лесу, перед заснеженным полем, броситься в атаку до захода солнца. Это был расчет на внезапность наступления: противник атаки на Великушу ожидал, но он ожидал ее, как говорили пленные, ночью или на рассвете.

Попытка наступления до захода солнца была предпринята 3 марта 1942 года. Однако она была неудачной. Батальонам в короткие мгновения по команде «В атаку!» удалось выскочить из

лесу и сделать метров двадцать-тридцать по полю по направлению к Великуше, но на этом дело и кончилось. На миг обескураженные, фашисты прекрасно поняли, что массовый огонь немедленно остановит наступление, и они использовали все свои огневые средства. Но бой всегда таит опасности. Поэтому генералы и офицеры фашистского штаба не выдержали и стали уезжать из Великуши. Наши бойцы и командиры стали свидетелями редкой картины: по дороге к Молвотицам под огнем наших пулеметов помчались штабные легковые машины навстречу заходящему солнцу, лучи которого отражались в стеклах машин и зайцами отбрасывались в нашу сторону. Командир дивизии промолвил: «Да! Пленные говорили, что в Великуше расположен штаб корпуса. Похоже на это. Видите, как поспешно удирают штабисты».

Но пока высокое фашистское начальство удирало, используя единственную дорогу, оставшуюся у него, в район Молвотиц, фашистский гарнизон Великуши делал свое дело. По нашим наступавшим батальонам немцы вели губительный огонь. Все грохотало и стонало вокруг. Стена огня стала сплошной, как густой осенний дождь. Бойцы залегли в снегу и медленно, как только на миг огонь стихал, переползали по снегу вперед. Было ясно, что медленными передвижениями по глубокому снегу Великуши не только не взять, но и если атака будет продолжаться, батальоны, не добившись ничего, будут уничтожены.

Полковник Анисимов отдал приказ о прекращении атаки. Фашисты сразу же догадались, что наша живая сила может ускользнуть из-под фронтального огня, и открыли огонь из орудий и пулеметов с флангов.

Часть наших бойцов и командиров пострадала. Много было раненых. В конце концов было решено брать Великушу ночью, как и прежние укрепленные пункты врага. В бой были направлены батальоны М. Иванова и В. Верстака, Перед атакой наша артиллерия и минометы обрушили на фашистов огонь. При этом для большей уверенности в успехе наступления артиллерийская подготовка производилась трижды, с интервалами от получаса до часа. Однако враг, видимо привык уже ко всякого рода неожиданностям с нашей стороны, так как части Красной армии находились в этих местах еще до нас, и мы имеем в виду не Великушу непосредственно, а район обороны противника в целом, который теперь был прорван нашей дивизией. Поэтому огонь нашего артиллерийского полка, командиром которого был Н. Пономарев, не вывел оборону фашистов из строя, хотя и

причинил ей многочисленный ущерб.

И теперь батальоны наступали по тому же полю, о котором шла речь выше. Оно освещалось ракетами немцев. Лишь на отдельные мгновения наступала тьма, но и она пронизывалась трассирующими пулями, лиловыми молниями пулеметных очередей и наполнена была грозным ревом пушек, разрывами снарядов и мин.

Саперы резали большими ножницами проволочные заграждения. Под огнем врага делались проходы. В них устремлялись смельчаки. Чем дальше, тем больше их становилось за первыми проволочными заграждениями. А впереди – другие, а за ними – ледяные валы, языки которых просовываются далеко вперед в поле, где вьется торная зимняя дорога.

Немцы стреляли без устали. Запас снарядов, мин, пулеметных лент, ружейных пуль у них, казалось, был неисчерпаемым.

Хотя было начало марта, ночь была морозная. Не меньше двадцати-двадцати пяти градусов ниже нуля. Боец, бежавший вперед, прислонился у дороги к ледяной стене, весь восковой – убит! Убит уже полчаса назад, но в руках у него винтовка наперевес, замерз, но стремление идти вперед сохранилось. И такой не один. Другие лежат распластавшись на снегу без шапок, винтовки в стороне: были застигнуты пулей врага на бегу. Стоны раненых. Тут же переползают по снегу медсестры, оттаскивают раненых в кюветы возле дороги.

Кажется, что бой замедляется, слишком один миг похож на другой. На деле же ярость боя усиливается. Наши первые взводы перемахивают через ледяные валы, врываются в фашистские укрепления. Порой наши герои ведут неравный бой. Сержант А. Соин наскочил на четырех фашистов. Гранатой по ним. Она не разорвалась. Беда. А. Соин был ранен. Но, превозмогая боль от раны, он кричит фашистам: «Не уйдете, сволочи!» – и бросает гранату в них, за ней вторую. Он гибнет и сам, тяжело раненный вторично, но дорого отдает жизнь – ценой жизни четырех двуногих зверей.

Командир отделения Шарков и красноармеец Л. Устимов, заметив на поле боя наш пулемет, возле которого лежал убитый пулеметчик, бросились к пулемету, установили его под огнем врага и стали бить по фашистам.

Артиллеристы по глубокому снегу сумели близко к дзотам врага подтянуть орудия и прямой наводкой расстреливали укрепления фашистов и их живую силу. Этими артиллеристами были: В. Рыбин, Кузнецов, Елисеев, В. Гущин, М. Гордеев, Валеев. Огнем из орудия В. Гущин рассеял взвод фашистов, бросившийся

в контратаку.

Безусловно, для фашистов было полным сюрпризом появление перед их носом наших танков. Наши танкисты Т. Тарасов и В. Лещинский вели свой первый бой. К ним присоединились танкисты В. Митин, Грачев, Поскряков. Появление танков произвело переполох среди фашистов. Однако они растерялись лишь на короткое время. Они знали приказ командования: стоять под Великушей насмерть, тех, кто выйдет в район Молвотиц без приказа, ждет расстрел.

Бой за Великушу

Новый опорный пункт врага был сильно укрепленной высотой, господствовавшей над окружающей местностью. На высоте находился населенный пункт с кирпичными домами. Подступы к опорному пункту гитлеровцами были тщательно пристреляны. Как бы двойным кольцом высота опоясывалась снежно-земляным валом.

Чтобы избежать лишних потерь, командование нашей части решило атаковать Великушу ночью. В бой шли подразделения Довнара и Верстака.

По большому снежному полю, по оврагам бойцы, командиры и политработники переползали к гребню высоты, где прочно укрепился вражеский гарнизон.

Морозная ночь. Исходное положение в лесу. Немцы нервничают. В небо то и дело взлетают ракеты, освещая своим светом подступы к Великуше. Короткая артиллерийская подготовка. Бьют орудия прямой наводкой. Сигнал: «В атаку!» И подразделения пошли.

Сильный ружейно-пулеметный, минометный и артиллерийский огонь фашистов, глубокий снег не сломили наступательного порыва наших воинов. В ту же ночь первые взводы начали врываться на гребень высоты, сметая сопротивление врага.

Бой за Великушу

Геройски действовали в бою старшие лейтенанты В. Бурдуков, награжденный орденом Красной Звезды в боях с белофиннами, и Горелов, политрук Николаев, командир пулеметной роты Лустов.

Вместе с бойцами, плечом к плечу дрались за Великушу снайперы Наташа Ковшова и Маша Поливанова.

Доброволец Коминтерновского района столицы, до войны механик Метростроя И. Хазиков, огнем автомата истребил в бою 22 гитлеровца.

Отличились в боях за Великушу командир Шарков и красноармеец Устимов. Они, рискуя жизнью, установили станковый пулемет и отражали контратаку врага.

Великуша трижды переходила из рук в руки. Не раз фашисты большими силами пытались укрыться в ней вновь, но вынуждены были отходить с крупными потерями. Наши бойцы выбивали гитлеровцев из опорного пункта, окончательно закрепившись в нем к 8 марта 1942 года.

Это было обеспечено твердой волей командиров и политработников – В. Верстака, С. Довнара, В. Павлова, старших политруков С. Кагакова и В. Ханчина.

Не сумев удержаться в Великуше, фашисты, боясь окружения, оставили без боя районный центр Ленинградской области – Молвотицы, совершив отход в район Демянска.

Павлов Владимир Михайлович,
гвардии полковник, начальник штаба 2-го полка московских

рабочих 3-й Московской коммунистической с. д., начальник штаба, командир 528-го стрелкового полка 130-й с. д. (1941–1942 гг.)

7 или 8 февраля 1942 г. был получен приказ о срочной отправке на Северо-Западный фронт в состав 34-й А. 1-й эшелон отправлялся 11 февраля. Полк отправлялся тремя эшелонами с Савеловского вокзала. Выгружался полк на станциях Черный Дор и Горовастица, примерно 19 или 20 февраля. Авиация противника ни при выгрузке, ни на марше не беспокоила.

Во время марша нам пришлось проходить мимо штаба Южной группы войск 34-й А (командующий генерал-майор Ксенофонтов). Там же частям дивизии была поставлена боевая задача. Наш полк должен был с хода овладеть крупным населенным пунктом Новая Русса.

Навстречу нам шли с большими разрывами мелкие группы обескровленной в боях какой-то морской бригады. Мы выдвигались на ее место, чтобы выполнить то, что ей не удалось.

Командир полка, получив задачу, должен был как можно быстрее идти вперед и не ожидая подхода главных сил полка, с хода атаковать противника. Тогда мы ничего не знали об обстановке на нашем участке фронта и верили, что старшие начальники, давно уже бывшие здесь, знают, что надо делать, и разумно посылают нас в бой.

Сейчас, спустя много лет, нам непонятна такая спешка, ведь командование группы войск и фронта по предыдущим боям знало, что Новая Русса – хорошо укрепленный населенный пункт, что противника там не менее усиленной роты, и атаковать ее с ходу без огневой поддержки, не имея даже легких минометов (которые хотя и были получены, но стрелять из них никто не умел, да и мин было крайне мало), с усталым личным составом, совершившим длительный 100-километровый марш, было чистейшей авантюрой. Но в армии не рассуждают, и 1-й батальон пытался выполнить этот приказ.

Двигаясь к селу Новая Русса, он был остановлен на опушке леса огнем противника из полуразрушенного населенного пункта Дубровка, где, по-видимому, находилось непосредственное охранение, которое после короткого огневого боя отошло. Батальон приблизился к селу, но дальнейшего успеха не имел. Мощный пулеметный огонь не давал поднять головы. Люди устали, надо было их обогреть, накормить. К 17:00 21.02.42 г. подразделения отошли к Дубровке. С наступлением темноты бой затих.

В этом первом столкновении с противником погиб командир 1 сб капитан Зряхов. В командование вступил его заместитель

капитан Курилко. Остальной состав полка продолжал совершать марш и только поздно вечером подошел в район расположения тылов 1-го сб. Ближайшие населенные пункты были разрушены до основания, и после длительного марша накормить, а главное обогреть людей было негде.

Ничем не оправданное вступление в бой прямо с марша на укрепившегося противника не дало многого сделать. В результате организация первого боя была из рук вон плохой. Зная неопытность командования полка, старшие начальники не оказали никакой помощи.

Время было суровое, никто с нами считаться не хотел, никто нам не дал даже уставом предусмотренное, минимальное время на подготовку боя.

Получив боевой приказ по овладению дер. Новая Русса, полк наступал одним эшелоном, охватывая село почти с трех сторон. Никаких средств усиления придано не было, кроме обещания минимальной огневой поддержки дивизионной артиллерии (огня которой я в процессе боя не наблюдал). Своей батальонной артиллерии мы также не имели. При погрузке в Москве мы получили батальонные минометы, но к ним не было мин.

Бой начался утром 22 февраля. Не только наш полк, а вся дивизия перешла в наступление. Огневой бой был еле слышен, бойцы-добровольцы наступали почти без выстрела, стреляли в основном станковые пулеметы. С церковной колокольни беспрерывно били пулеметы, не давая поднять головы. Немцы, укрывшиеся в дзотах и за снежным валом, вели интенсивный прицельный огонь. Черные фигурки медленно приближались к деревне, охватывая ее с трех сторон.

Когда пулеметы на колокольне все же удалось подавить при помощи полковой батареи, которой руководил лично командир полка Довнар, а она имела по два снаряда на орудие, Верстак повел батальон в атаку и захватил западную окраину деревни. Первой ворвалась с запада 4-я рота лейтенанта Беломаря. Ворвались в село и другие батальоны. Начался бой в селе. К темноте полк овладел Новой Руссой.

Противнику частью сил все же удалось вырваться из села, а оставшиеся все были перебиты. Пленных не брали.

Штаб, наконец, собрался вместе в небольшой деревушке Бор, в полукилометре западнее Новой Руссы. Там сохранилось несколько исправных строений. Надо было подводить итоги первых дней боев, подсчитывать потери и докладывать начальству.

В бою за Новую Руссу отличился наиболее 2-й батальон, а его командир В. И. Верстак и командир роты М. Беломарь были

представлены к награждению орденами Красного Знамени.

Я со штабом продолжал оставаться в д. Бор, а командир полка вместе с моим заместителем Гореловым и ПШ по разведке Веселовым, после краткой передышки, продолжали вести боевые действия в общем направлении с юга на север, имея задачу овладеть населенными пунктами Старое и Новое Гучево. Эти бои были также достаточно напряженными, но более удачными. В Гучево был захвачен штаб полка, а также отдельного усиленного батальона. Захваченные документы были отправлены в штаб дивизии. По открыткам и документам мы установили, что это была часть, в свое время оккупировавшая Данию.

В боях за Старое и Новое Гучево были и пленные, но наши бойцы, видя большие потери, опять не довели их до штаба. По данным очевидцев, ротой Лунина в горячке боя был уничтожен немецкий медпункт. В результате трехдневных боев полк сильно поредел. Особенно большие потери понесли 1 и 3 сб и рота автоматчиков, ее, как и 3 сб (в котором были выбиты почти все командиры), пришлось полностью расформировать, а все остатки и личный состав почищенных тыловых подразделений обратить на укомплектование 1 сб. В полку оставалось два более или менее укомплектованных батальона, с ними мы и продолжали дальнейшие боевые действия.

Ночной бой под деревней Антаново

Сейчас я с горечью вспоминаю этот ночной набег, от которого трудно было ожидать чего-либо путного. Возможно, командование дивизии решило предпринять демонстрацию и оттянуть часть сил от Великуши. Но, увы! И с этим ничего не вышло. В последних числах февраля сильно поредевший 2 сб (в ротах осталось по 30–40 человек, двухвзводная пульрота, взвод ПТР) получил задачу овладеть деревней Антаново. В связи с ранением под Великушей капитана Верстака, батальоном командовал уже старший лейтенант Лунин.

До того как атаковать Антаново, надо было совершить марш протяженностью 8–10 км. Это по карте, на самом деле значительно больше. Шли пешком, без дорог. Снег был глубокий, лыж мы не имели, и вот, утопая по пояс, подразделения начали движение во второй половине дня. Я шел в голове колонны и хорошо помню этот переход. С наступлением темноты мы вышли к деревне с запада и расположились на опушке леса, где и начали окапываться. Под снегом были обнаружены следы старых окопов.

Перед нами была деревня, отделенная от нас глубоким оврагом, окруженная снежным валом. Противник обнаружил нас

и сразу же открыл пулеметный огонь. Установив станковые пулеметы, батальон начал огневой бой (ни батальонной артиллерии, ни минометов у нас не было). Попытка вести стрельбу по обнаруженным огневым точкам из ПТР также успеха не имела (было на два ружья всего 20 патронов).

Немцы сидели в хорошо укрепленном населенном пункте, укрывшись за снежным валом, имея более двух десятков пулеметов, установленных в дзотах. Это был хорошо оборудованный ротный (а возможно и батальонный) опорный пункт, а мы хотели взять его наскоком, почти голыми руками. Перестрелка продолжалась всю ночь. 4-я рота, посланная в обход, во главе с и. о. к-ра батальона Луниным, застряла в глубоком овраге, бойцы вымотались окончательно; снег был по горло, и люди засыпали на ходу, стоя, и не смогли преодолеть это препятствие. С большим трудом, потеряв половину своего состава, в том числе и самого Лунина, остатки этой роты вернулись в исходное положение.

Наконец рассвело. Противник, увидев нашу малочисленность, усилил огонь. Все наши попытки приблизиться для броска в атаку отражались фланговым огнем пулеметов, мы прекратили эти попытки. Чтобы окончательно отбросить нас, немцы открыли огонь из тяжелых минометов, и только глубокий снег спас нас от больших потерь, подразделения батальона отошли в глубь леса. Видя бессмысленность дальнейших атак, я отдал приказ вернуться к полку.

Вернулись мы вовремя, так как у других подразделений (неполного батальона) под командованием командира полка захват деревни Великуша состоялся, но контратакой они были выбиты оттуда. Надо было готовиться к повторной попытке овладеть Великушей.

Бой за деревню Великуша

Это наступление мы впервые готовили неспеша. На опушке леса вблизи деревни был определен командный пункт, штаб расположился в еловых шалашах, где посередине горел костер. Командир полка Довнар впервые отдал устный приказ.

Два неполных оставшихся батальона должны были атаковать, и опять без всякой помощи со стороны дивизии. Подразделения полка (или то, что от них осталось) ценой неимоверных усилий и больших потерь вплотную приблизились к остаткам этой злосчастной деревни, но взять ее никак не могли. Немцы, укрепившиеся в остатках строений и в сожженной половине каменного дома, пулеметным огнем с флангов препятствовали

продвижению. А подавить эти огневые точки опять было нечем. Командир дивизии Анисимов нажимал на Довнара и требовал немедленной атаки Великуши. Командир полка в результате всяческих угроз со стороны комдива потерял контроль над собой. Позвонил мне на КП, чтоб я прислал ему водки, и, подогретый вином, лично вместе со своим адъютантом Федей Рыжиковым поднял людей в атаку. Пробежав несколько шагов, Довнар был тяжело ранен, а адъютант убит. Атака успеха не имела.

Поздно вечером комдив вызвал меня к себе. Он сидел в небольшой землянке, оборудованной трофейной печкой, и почему-то в маскхалате. После короткого разговора я получил указание принять полк и овладеть Великушей.

Я вернулся на НП, находившийся в глубоком снежном окопе перед самой деревней. Стало совсем темно. Огневой бой продолжался всю ночь. Правее нас, с юга, наступал полк капитана Дудченко, который также был сильно потрепан. К рассвету командир обещал нам две танкетки, которые прибыли из Москвы. Через некоторое время был тяжело ранен разрывной пулей в живот лейтенант Веселов. Он умер у меня на руках. Эта потеря была тяжелой.

К утру мы с Гореловым пытались разобраться, что осталось от подразделении полка и где же эти люди. Бойцов было мало. Измотанные непрерывными боями, все время на холоде, в снегу, питались с перебоями – вид у них был неважнецкий, но настроение в общем удовлетворительное. Нашли мы и старшего лейтенанта Бурдукова. Обходя боевые порядки, я не раз натыкался на застывшие трупы наших товарищей, убирать их было некогда, вернулся на НП – против центра села.

Огонь усилился, но мы решили атаковать еще раз. Расстояние до деревни оставалось 50–70 м. И наконец, сделав последний рывок, ворвались в деревню. Немцы, видя наши атаки настойчивые с двух сторон, решили отойти. Я видел, как усиленный взвод противника, свернувшись в колонну, уходил безнаказанно в сторону Будьково. Достать его нам было нечем. Станковые пулеметы отстали, меняя позицию, а обещанные танкетки застряли в глубоком снегу. Правее нас вошел в деревню полк Дудченко. Мы организовали оборону деревни.

С наступлением темноты немцы внезапно контратаковали нас. Телефонная связь с 1-м батальоном сразу же оборвалась. Пулеметы противника с нескольких направлений открыли интенсивную стрельбу. По интенсивности огня было видно, что положение 1-го сб неважное. Огневой бой продолжал нарастать и перемещаться вправо, против нашего соседа. Противник, нанося удар вдоль дороги, пытался выбить нас из Великуши, как он уже

однажды сделал. Вернее, с высоты, на которой она прежде стояла. Наткнувшись на сильное сопротивление из кирпичного недостроенного дома, немцы решили обойти его слева (то есть с юга), но успеха не имели.

В это время на нашем левом фланге стало тихо. Огневой бой, как с нашей стороны, а особенно у соседа, продолжался с неослабевающей силой. Связь с дивизией оборвалась. К этому времени к нам подошло одно 45-мм орудие с расчетом в маскхалатах. Быстро объединив все это «войско» под командованием Горелова, я приказал этой группе немедля атаковать немцев, наступающих на деревню и наносивших свой главный удар против соседа, во фланг. 45-мм пушка открыла беглый огонь бронебойными снарядами (других у них не было). Красные трассы, резкие выстрелы и крики «Ура!» этой группы бойцов привели противника в замешательство, и он поспешно отошел. Контратака была отбита, деревню мы отстояли. Утром мы стали разбираться: что и как произошло ночью? Потери оказались значительными. Правда, убитых было мало – в основном, раненые. Ощутима была убыль командного состава, выбито было почти все взводное и ротное звено, тяжело ранен командир 1 сб Бурдуков и его комиссар Тяжлов, которые вскоре скончались.

В батальонах осталась одна неполная стрелковая рота. Полк, как полнокровная единица, перестал существовать. Остатки полков Дудченко и Пшеничного еще продолжали атаки в направлении Дягилева, но успеха не имели. Все же овладение Великушей, прилегающими к ней высотами ставило немцев в невыгодное положение. Дорога на Молвотицы хорошо просматривалась и находилась под ударом. И они учли это, прикрываясь, начали отход из молвотицкого выступа на заранее подготовленный рубеж. А мы, не имея уже сил, двигались вслед. Так, в результате почти двухнедельных боев и тяжелых потерь, частям дивизии удалось освободить районный центр Молвотицы и еще около двух десятков (бывших) населенных пунктов. Усилия и кровь добровольцев-москвичей не пропали даром. Беспримерное мужество наших бойцов и командиров перекрывало нашу слабую военную подготовку.

Горчаков Гарри Григорьевич, ветеран 528-го полка 130-й дивизии:

Бывший 2-й полк московских рабочих 3-й Московской коммунистической дивизии. Был во 2-м батальоне, в 5-й роте снайпером. Первый бой батальона был по освобождению Новой Руссы, 22 и 23 февраля. Две трети бойцов погибли. Вообще, боец

выдерживал не более трех атак. Ума у тогдашних военачальников было мало, и практиковались лобовые атаки. Великушу брали раза три. Я тоже участвовал в ночном бою. Несмотря на то что это была маленькая деревенька, фашисты за нее сильно цеплялись. Там погибло много: 6марта в бою за деревню Антоново меня ранило, и я покинул дивизию. От нашей роты после боя остался один я.

Запись, сделанная Героем Советского Союза Наташей Ковшовой в ее дневнике в период ее пребывания в Москве в командировке с фронта

Командир полка – майор Довнар 4 марта 1942 г. в бою за деревню Великуша был ранен в обе ноги навылет. Эту ночь и этот бой я никогда не забуду. Мы, то есть командир полка, его адъютант, я, комиссар полка со своей «свитой» и рота автоматчиков, подошли к Великуше, когда только половина деревни была занята 1-м батальоном, а другая половина была в руках немецких автоматчиков. Сначала мы шли по дороге в полный рост, а потом пришлось пригибаться, так как пули так и свистели, пели и чертили в воздухе багряные полосы. Уже совсем близко от деревни шедшие впереди автоматчики залегли. Я, конечно, не утерпела, побежала посмотреть, что случилось. Оказывается, снежный вал у дороги окончился, и дальнейший путь становился опасным. В меня прямо какой-то бесенок забрался – так и потянуло в деревню. Не спросившись командира, сначала ползком, а потом бегом (не могу долго ползать) – шмыг, и там!!!

Гляжу, посередине деревни, вдоль снежного вала, как тюлени на лежбище, залег 2-й батальон, а командир его в центре собрал совещание. Это надо же!! Такое меня зло взяло – немцы рядом, а они разлеглись, запрудили всю дорогу и совещаются.

Ветеран 130-й дивизии С. Л. Иофин является прямым свидетелем становления 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии и непосредственным участником многих событий, поэтому его воспоминания оказались очень важными:

«*В январе 1942 г. наша добровольческая дивизия была преобразована в кадровое соединение Красной армии, получившее название 130-я стрелковая дивизия. Дивизия была включена в состав войск 1-й Ударной армии Калининского фронта. Прибыв по железной дороге под Осташков [эшелоны разгружались на станциях Фирово, Черный Дор и Горовастица]* и совершив пешим порядком 100-километровый марш, мы оказались в Молвотицком (ныне Маревском) районе Ленинградской (ныне Новгородской) области и с ходу вступили в бои с противником, занимавшим несколько расположенных недалеко друг от друга деревень. Это было боевым крещением. 371-й полк наступал на деревню

Павлово. Ее удалось освободить в результате ожесточенных боев только на третий день – 23 февраля, в День Красной армии. Однако радость первой победы омрачалась понесенными большими потерями – более 400 москвичей, добровольцев, настоящих патриотов своей Родины, пали в этих боях, многие были ранены…»

Мост по дороге к Великуше

Теперь, глядя на эти тихие новгородские деревни Павлово, Сидорово, Новая Русса, трудно даже представить, насколько жестокими и тяжелыми были эти бои.

371-й и 528-й стрелковые полки, артдивизион и еще несколько подразделений вышли на исходный рубеж в намеченный срок 20 февраля. 664-й полк, два артдивизиона и остальные части задержались в пути из-за авианалетов противника на эшелоны. Немцы создали мощную оборону, насчитывавшую 35–45 дзотов. Все вокруг было заминировано, насыпаны снежные валы, покрытые толстым слоем льда. Оборона имела многочисленные ходы сообщения.

371-й полк начал наступление утром 21 февраля. Немцы открыли страшный огонь из всех видов оружия. Деревни Павлово и Сидорово удалось взять только 23 февраля с помощью подоспевшего 664-го полка.

528-й полк пошел в атаку на деревню Новая Русса 22

февраля. В этих первых боях командир роты автоматчиков 528-го полка младший лейтенант *А. Е. Халин* и пулеметчик 371-го полка сержант *Д. Окороков* совершили подвиг, закрыв собой амбразуры немецких дзотов (позже их подвиг повторили младший лейтенант *Ф. С. Штрайхер* и боец *П. Лыжин*).

На участке, где вели бои подразделения 130-й дивизии, в районе Молвотиц находились до двух полков *123-й пехотной дивизии* гитлеровцев, а также *отдельный саперный батальон, минометный дивизион* и *несколько артиллерийских батарей.*

«*Между тем,* – продолжал С. Л. Иофин, – *значительно поредевшие полки дивизии продолжали вести наступательные бои. Были освобождены населенные пункты Островня, Ожееды, Великуша, в результате чего немцы, опасаясь окружения, были вынуждены оставить районный центр Молвотицы, предварительно предав его огню. В деревне Великуша я чуть не погиб во время немецкой контратаки*».

В описанных боях с 20.02.42 по 20.03.42 наши потери 6117 человек. 528-й стрелковый полк (командир полка Станислав Александрович Довнар), в котором служил Ширенин Алексей, потерял 353 человека (262 из них с 1 по 8 марта у деревни Великуша).

Савин Олег Сергеевич

Кортик

– Ну вот и добрались! – Агния Николаевна по-хозяйски уселась на аккуратно застеленную кровать. – Вы чего стоите как неродные? Несите сюда чемоданы! А корзину зачем в комнату тащишь? Там продукты, сейчас буду обед готовить. Таська до ночи на работе, а Лариска с бабушкой, наверное, нас встречать пошли!

Братья – семнадцатилетний Юрка и четырнадцатилетний Борис, немного повздорив между собой, занесли в комнату чемоданы и молча встали перед матерью.

– Опять встали. Печку кто растопит?

– Юркина очередь, – проворчал Борька, – а я погулять хочу. Там Мишка Скворцов…

– Мам, он всегда убегает гулять, хоть бы дров принес!

– Правильно говоришь, Юра! Борька, принеси дров и беги к своему Скворцову. – Борис тут же рванул на улицу. – Да не упади с лестницы, несется как угорелый! Юр, радио включи!

Голос диктора заканчивал какую-то фразу: «…ветского Информбюро!»

– Сынок, сделай тише, что так громко-то!

– У тети Таси на репродукторе ручка сломана, тише не делается. – Юрка не слушал, что говорит диктор, но удивился, что молчит мать, разбиравшая корзину с едой, и повернулся посмотреть, может, вышла. А мать сидела у стола, прижав к груди сверток с хлебом, бледная и растерянная.

Вечером, когда вернулась тетя Тася, они с матерью пошли в комендатуру искать отца. А Юрку с Борькой оставили водиться с малявкой Лариской.

– Как думаешь, война надолго?

– Не знаю. Мой призыв через год. Я хотел в кавалерию. А теперь кавалерию, наверное, отменят. У немцев танки, я в газете читал, против них кавалерия не устоит.

– Да, танки железные, а кони живые. Лариска, ты танки видела?

Лариска промолчала. Ей очень хотелось спать, а глупые братья пристают с какими-то танками. Но, подумав, сказала:

– Танки я в кино видела, про белых. Их наши все сломали!

– Эх, ты, двоечница! Не сломали, а подорвали!

– Я не двоечница, у меня только по чистописанию четверка! – И девчонка разревелась, не столько от обиды, сколько от усталости. Мама с тетей Агнюшей куда-то ушли и не накормили. Мама обещала, что, когда приедут тетя и братья, будем кашу с

мясом есть. А на столе лежали только зеленые яблоки и большая буханка черного хлеба.

– Да не реви, дура! – прикрикнул на нее Юрка. – Борька дразнится, а ты нюни распустила, как маленькая!

Вошли усталые женщины – их матери, следом отец мальчишек – капитан-пограничник. Он прямо с поезда был отправлен военным патрулем в городскую комендатуру. Сказал, что скоро вернется, а пришел только теперь, затемно.

Уже засыпая, Борька слышал, как взрослые разговаривают за столом. Отпуск отменяется, потому что отца направляют в Ново-Николаевск на призывной пункт проводить строевую подготовку с новобранцами. А Юрка уже осенью поступит в военное училище на ускоренный курс и к совершеннолетию станет младшим лейтенантом. «Вот везет! – подумал Борька. – Уже и служить на войну возьмут».

Мать вернулась из мастерских пораньше. Она несла на руке недошитую шинель.

– Борь, поставь нагреть воды, скоро Юрий приедет на побывку. Хоть отмою его.

Юрка лежал в госпитале, недалеко от Томска, со смешным, с точки зрения Борьки, ранением, в самую пятую точку. Юркина часть сопровождала подводы с ранеными, которых вывозили с места боевых действий. Минеры проложили дорогу через минное поле. А Юрка решил покрасоваться перед молоденькими медсестрами и гарцевал вдоль строя, немного обогнав его. Вот тут-то красавец конь и задел задней ногой мину. Никто от взрыва не пострадал, даже конь остался невредимым. А Юрку догнали четыре осколка. Борька злился, что все пацаны во дворе уже знали про смешное братово ранение и посмеивались за Борькиной спиной. Это бабушка и мама рассказали всем соседям про приключившееся с Юркой несчастье, а те разнесли эту новость на весь двор и на всю Розочку. Хотя бы уж не говорили, куда его ранило!

Мать уселась за швейную машинку дошить шинель и гоняла Борьку туда-сюда по хозяйству. Одно было хорошо: в честь Юркиного приезда зарубили курицу, купленную на рынке за пол-литра спирта.

Вечером мать пошла в мастерские, сдать пошитую шинель, а бабушка вышла во двор поболтать с соседками. Братья разговаривали про войну, и даже подросшая Лариска прислушивалась к разговору, делая вид, что внимательно читает учебник.

Борька прекрасно понимал: братец сильно преувеличивает

свои военные подвиги. Но все равно с замиранием сердца слушал про бомбежки, налеты мессеров на санитарные поезда, и долгие переходы через минные поля с обозами медсанбатов. А Юрий, закончив рассказ про то, как он, чуть не самолично, вывел целый вагон раненых в укрытие, когда поезд нещадно бомбили с воздуха, вдруг вспомнил про свою новую военную форму.

– А ты видел, что теперь вместо лычек ввели погоны?

– Да. Отец уже два раза в новой форме приезжал.

– А кортик ему тоже выдали?

– Не знаю.

– Вот смотри! – И Юрка достал из вещмешка офицерский кортик.

– Дай посмотреть!

– Не дам, маленький еще, порежешься. Он острый, как бритва!

– Кто это маленький? Мне скоро уже семнадцать стукнет, и я в училище пойду, как ты! А потом на фронт!

– Как же, отпустит тебя мать в училище! Сам слышал, она отцу говорила, до призыва никуда ты не пойдешь, а там и война может кончиться!

Борька просто рассвирепел. Он знал, родители не хотят, чтобы он учился в военном училище, но надеялся, что все-таки отпустят. И на медкомиссию сходил. Где, к его великому счастью, поставили заветный штамп – «Годен». Только ждал подходящего момента уговорить мать. Отец разрешит, если мама отпустит.

– Что ты такое говоришь, дурак! Я что, не успею на фронт, по-твоему, попасть?

– Да запросто. Не знаешь, как немцев гонят? Скоро до границ доберутся, а там до Германии рукой подать. – Юрка говорил спокойно, с легкой усмешкой, всем видом показывая свое превосходство боевого офицера над Борькой, безусым мальчишкой. – А я вот долечусь и еще успею повоевать!

– Знаю, какой ты боец! Так хорошо драпал, что ранили в самую задницу!

И тут Борька услышал, как мимо его уха что-то просвистело. Оглянувшись, увидел, что в дверном косяке торчит кортик, а на пороге с открытым ртом стоит бабушка. Тут заревела Лариска, и Борька опрометью выскочил на улицу. Он слышал, как запричитала бабушка, а Юрка что-то бурчал ей в ответ.

Всю ночь Борька просидел в старом сарае, дрожа от холода. Мать дважды выходила на улицу и звала его. Но он не отозвался. Слезы душили его.

Утром неожиданно объявился отец и увез Юрку на вокзал в трофейной легковушке.

Спустя восемь лет Борис демобилизовался и приехал к родителям. Они обосновались в новом поселке военных на строительстве секретного производства. Встречали моряка Тихоокеанского флота, старшину второй статьи с генеральскими почестями. Мать с теткой наготовили как на свадьбу. Три месяца экономили отцовский паек, чтобы накрыть на стол как раньше, до войны. Приехал и Юрий с женой и дочкой. Крепко обнявшись, братья разговорились.

1953 год Слева направо: Шлыков Борис Федорович – мой отец Шлыков Федор Николаевич – мой дед Шлыков Юрий Федорович – мой дядя

– Куда думаешь устраиваться? А то давай к нам в милицию. Нам сейчас люди очень нужны.

– Нет, в милицию не пойду. Отец договорился, чтобы меня послали в Ленинград на офицерские курсы. А потом вернусь сюда, буду под его крылом служить на строительстве.

– Понятно. – Юрий посмотрел Борису прямо в глаза. – А кортик помнишь?

Борис молчал, опустив голову.

– Ты прости меня, брат. Я вот принес, если хочешь, возьми, пусть у тебя будет, – и Юра подал брату тот самый кортик, которым чуть не убил его в далеком сорок четвертом.

Борис не взял. Молча встал и вышел из комнаты. Но через минуту вернулся. Он держал в руках кортик, ножны которого были отделаны богатой инкрустацией.

– Зачем мне твой, у меня свой есть.

– Откуда, тебе же по званию не положено…

– Это мне Батя, капитан первого ранга Колесов подарил, когда в запас увольнялся. Тут дарственная надпись есть. – Борис протянул кортик брату.

– «Борису Шлыкову, за геройский поступок и мужество во время тушения пожара в походе 22 августа 1945 года. Порт следования – Порт-Артур», – прочитал вслух Юрий.

Ольга Борисовна Шлыкова

Письма с фронта

Он дошел до Берлина!

Хочу предложить вашему вниманию фронтовые письма моего отца. Учитывая то, что речь идет о боях под Харьковом, где сейчас нам снова угрожают развязыванием войны, думаю, тема очень актуальная.

Эти письма бережно хранились бабушкой, получавшей их на Урале, в эвакуации. В конце войны письма уже приходили в Харьков, куда дедушка с бабушкой вернулись после освобождения города.

Ко мне они попали в 1989 году, мой брат Юра решил уехать из страны вместе со своей семьей. Наша большая семейная квартира в центре города, доставшаяся в свое время Юре, теперь отходила к государству – приватизации тогда еще не было, а у меня была своя маленькая хрущевка. И вот, когда я прощалась с братом, его женой и детьми (старшей, Ане, было 10, а младшему, Мишке, всего полгода), в разоренной квартире моего детства, свадьбы и первого года замужества, среди кучи брошенных вещей мне попался на глаза знакомый бабушкин узелок из платочка с фронтовыми письмами.

Они пролежали у меня дома еще около 20 лет.

В семье произошла трагедия – в Австралии, где обосновался брат со своей семьей, погибла Аня, которую я любила как самую дорогую дочь и еще сильнее.

Мне катастрофически не хватало мужественности, чтобы пережить это горе. И тут мой взгляд упал на все тот же истрепанный бабушкин узелок с письмами. Подумав, что письма помогут мне немного отвлечься, я решила заняться ими системно, чтобы прочитать уже не случайно-выборочно, как я это делала раньше, а в хронологическом порядке. Положив каждое письмо в отдельный пластиковый файл и сшив все файлы в скоросшиватели, я начала все это набирать на компьютере.

«О, боже! Неужели это был мой отец?!!»

Но ведь я его знала совсем другим. Мама постаралась после развода, мне было всего пять лет, когда они разошлись, разделив детей. Отец был, и в то же время его как бы и не было. Хотя с возрастом, я уже начала что-то понимать сама, и в последние годы его жизни в моем отношении к отцу было заметное потепление. Но все равно сейчас я чувствую себя его должницей, не отдавшей ему ту дочернюю любовь, которой ему так не

хватало после войны…

14 марта 1942 года, суббота

Здравствуйте, дорогие Папа и Мама!

После длительной 12 дневной поездки мы, наконец, выгрузились. Моя мечта сбылась. Нахожусь в 100–120 км от нашего города. Очень рад, что мне придется участвовать в боях за свой город. С двумя товарищами зашли в одну хату. Нас хорошо приняли. По горло накормили. Украинский борщ с мясом, на второе – жареная свинина и вдоволь свежеиспеченного хлеба. Деньги дали – отказались брать. Но мы бесплатно ничего не берем. Как будет дальше – не знаю. Адреса пока нет, но он будет немного погодя. Чувствую себя хорошо, ничем не болел. Если не будет писем, то не беспокойтесь. Обстановка будет такова, что писать будет некогда.

Привет Доре, Мусе, Ире и всем. Следующее письмо с фронта.

С красноармейским приветом. Миша

5 мая 1942 года

Здравствуйте, дорогие Мама, Папа, тетя Дора и все!

Обстановка, в которой я и мои товарищи находились, не давала возможности писать вам письма. Жив и здоров. Нахожусь – рукой подать к своему городу. Живу в лесу, где когда-то отдыхал. У нас здесь дурацкая весна: дожди льют беспрестанно – холодно. Весна сильно запаздывает. Школу уже закончил и работаю командиром в подразделении. С питанием из-за размытых дорог бывают перебои. В хороших боях еще не участвовал, были пустяковые перестрелки. У нас всех одно желание: скорее пойти в генеральное наступление и закончить войну в этом году. Передай Тараненко, что муж ее жив и здоров. Хинкиса не аттестовали (за трусость), где-то находится в дивизии, где – не знаю. Получил сегодня от вас 4 письма сразу. Хорошо будет, если вы будете писать вместе с Дорой.

Мой адрес: П.П.С. 1675, 560 с/п, 8 рота, 3-й взвод, сержанту Рогачевскому.

Если не будете получать от меня писем, то не беспокойтесь, не всегда есть время заняться письмами.

Пока всего хорошего. Целую всех крепко. Миша

7 мая 1942 года

Здравствуйте, дорогие Мама и Папа!

Некоторое затишье на нашем фронте дает возможность оправиться после трудного перехода с тыла на фронт и заняться перепиской. Я хочу вам сообщить, что пишу только вам – больше

никому. На вашей совести лежит сообщать обо мне остальным. В отношении здоровья – я удивляюсь. Бесконечные дожди, сырость, костры даже в лесу зажигать нельзя, и несмотря на это, я ни разу не болел. Неудержимое желание видеть вас – сильно скучаю. Когда это сбудется – трудно сказать, но не за горами. К нам домой зайду обязательно – уже совсем близко. Вы держитесь и ждите – скоро будем вместе. Миша

8 мая, 1942 года

Здравствуйте, дорогие Мама и Папа!

Привет всем с фронта. Сижу и завтракаю. Кругом артиллерийская канонада, через головы летят мины. Все это гостинцы туда, куда мы готовы двигаться, ждем приказа. В часы досуга ходил в деревни, только что освобожденные нашими частями. Картина такова: хаты сожжены, оставшиеся разрушены. Крестьянство подверглось ограблению. Немцы заходят в дом, подают бумажку, на ней по-русски написано: «*Белый мука, масло, сало молоко – клади на стол*». *Если это не выполняется, то начинается повальный разбой и хата сжигается. Все это я сам видел и слушал пострадавших. Из одежды забирают все годное, как взрослое, так и детское. В отношении себя, то работаю в подразделении. Никаких жалоб на здоровье. Живу, как на даче – в лесу. Жалко только то, что поздняя весна. В отношении действий, то ведется подготовка. Как только это будет закончено, то один только приказ. Приказ тов. Сталина будет выполнен. Немцы навряд ли смогут оказать серьезное сопротивление. Готовлюсь к вступлению в партию.*

С приветом. Ваш Миша

28 мая 1942 г.

Передай Тараненко, что Вася жив и здоров.

Здравствуйте, дорогие Мама и Папа!

Не ругайте меня за отсутствие писем. Обстановка никак не позволяла этим заняться. Вы читаете газеты и знаете, что наши войска перешли в наступление. С боями продвигаемся вперед. Счастье выпало на мою долю – наступать прямо на свой город. Участвовал в двух боях. До города осталось совсем близко, но немец цепляется за каждый населенный пункт и несмотря на безнадежность сопротивления, не хочет уходить с нашей земли. Но мы его вежливо просим. Сейчас, после трудных дней, отдыхаю. В дальнейшем, как только мы опять выступим, писем писать, возможно, не буду. (Просто невозможно.) В отношении здоровья, то все в порядке – нигде не зацепило. Привет всем. Не волнуйтесь, я не один, таких как я, – миллионы, а судьба покажет.

С фронтовым приветом. Целую. Миша

Фронт. 24 июня 1942 года

Здравствуйте, дорогие Мама, Папа, Самуил, Муся, Ида, Бабушка!

Шлю вам всем горячий привет с фронта, с передовых позиций. Последние две недели особые обстоятельства не давали возможности что-либо вам написать. Сейчас относительное затишье, чем я и воспользуюсь, чтобы поделиться с вами о своей фронтовой жизни. 4 месяца, как я на фронте, 2 месяца, как в боях, и за исключением одной небольшой царапины на левой руке, – я невредим – жив и здоров. Пишу письмо на командном пункте роты, впереди меня немцы, метров 800 – видно без бинокля, а в бинокль видно их одежду, оружие и пр. За два месяца участия в боях я многое что познал, испытал и перенес, о чем нечего и мечтать в тылу даже в военное время. Вас интересует вопрос о состоянии немецкой армии в настоящее время? Со всей ответственностью могу сказать, что сама армия без авиации и танков есть армия трусов, разбоя и инквизиции. Ни одной атаки немцы не смогли отбить без танков и авиации. Больше чем 200–300 метров к своим окопам они нас не подпускают. Как только мы подойдем на 200–300 метров, они выскакивают из окопов, бросая все: пулеметы, автоматы, боеприпасы, – и удирают. Вся их сила – это авиация и частично танки. При танковых атаках они бросают их по 30–50 штук сразу, теряют их половину (часть текста вымарана цензурой).

И несмотря на их бешенную технику, мы прочно держим оборону. Научились бороться с их танками. 20 июня наша рота пошла в ночную разведку. Подойдя вплотную к одной деревне, занятой немцами, рота остановилась, спряталась в траве, а я и еще 4 товарища с автоматами пошли на выполнение задания. Когда мы разведали их позиции, то решили побеспокоить господ офицеров. Подошли вплотную к их часовому. Заметив одного нашего сержанта, немецкий часовой крикнул: «*Halt!!!*» *Но в ответ он получил удар штыком уже в спину, так как бросился бежать. С пяти точек мы открыли огонь из автоматов, а роте дали сигнал, чтоб она уходила на свои позиции (брать деревню было бессмысленно, так как там было до двух батальонов пехоты с танками). Немцы в панике подняли вопль, крики, стрельбу, завели свои танки, все небо осветили ракетами – светло, как днем. Переждав, пока они успокоятся, насмотревшись, определив их огневые точки, – мы без потерь пошли к своим. Во время одного из обстрелов меня задело осколком мины по левой руке. Сейчас на том месте осталась белая полоска на дочерна загоревшей руке.*

Чепуха.

Сейчас работаю в штабе роты. Живем в окопах. Последнюю неделю идут непрерывные дожди – довольно неприятно – сыро и холодно. Свою шинель я отдал одному раненому, а сам хожу в плаще, так что не промокаю. Сапоги начали протекать, приходится каждый день ходить в деревню и сушить портянки. Купаться тут негде, а белье дезинфекцируем по мере возможности. Однажды… (*два слова стерлись*) *так прожарил мои штаны, что спалил целую половину. С помощью автомата заставил его снять свои штаны, и он целый день пришивал новую штанину, но ничего не вышло, и ему пришлось до склада идти в кальсонах. Смеху было полно. С питанием – когда густо, когда пусто, ничего не поделаешь, обижаться не приходится. Тараненко не видел уже давно, ничего не могу сказать. Мама, зайди по адресу ул. Советская № 4 (напротив дома шоферов), Телерман И. Д. Самого Телермана 11 июня я видел.*

Фронт. 30.06.42 г.

Здравствуйте, дорогие!

Дорогие мама и папа, 28 числа сего месяца наша часть от обороны перешла в наступление. 3 часа я держался в бою. В 300 м от деревни, на которую мы наступали, меня легко ранило в правую ногу. Пуля пробила ступню, не задела кости. Нога не болит, но без палки я ходить не могу. Сейчас нахожусь в санбате и наверное, буду направлен в ближайший госпиталь на излечение. Обратного адреса я не знаю, сообщу следующим письмом. Не волнуйтесь, через 20–30 дней я буду здоров.

С приветом. Миша

г. Марксштадт 16 июля 1942 г.

Здравствуйте, дорогие!

После того как я пролежал 3 дня в саратовском госпитале, меня пароходом направили в госпиталь для легкораненых, расположенный на реке Волге, в городе Марксштадт. Ехали мы вверх по Волге на санитарном пароходе. Выехали 13-го вечером и причалили 14-го июля утром, проплыв, таким образом за 7 часов 60 км. С пристани на машинах нас отвезли на место. Территория, на которой я нахожусь, раньше называлась «Немцев-поволжье». Сейчас немцев отсюда выселили. Питание в госпитале хорошее. Масла получаем 40 гр. Хлеба белого 600 гр. На завтрак: хлеб 200 гр., сахар 25 гр., масло 20 гр., каша, селедка, оладьи – как когда, и чай. На обед: суп, мясо с лапшой или вермишелью, или рыба жареная, 200 гр. хлеба и компот. На ужин: оладьи, лапша, ушки. Масло 20 гр., хлеб 200 гр. и чай. На Волгу можно ходить произвольно. Сегодня делаю себе удочку и буду ловить там рыбу

(для развлечения). Состояние у меня удовлетворительное. Хожу свободно, рана на ноге уже зарубцевалась. Температура 37 град. Сильно ослаб от потери крови. После ранения три часа из раны сочилась кровь, так как сапог снять я не смог и пришлось ползти без перевязки. Я мог бы и не ползти, а бежать, но огонь был такой сильный, что подняться нельзя было, и приходилось, прижимаясь к земле, ползти, а местами и выжидать в лощинах. Но это все осталось позади, сейчас я поправляюсь, и все это забудется. Что произошло за это время, вы сами знаете и слышите по радио. Так что писать о наших военных удачах и неудачах я не буду. Адрес свой я также не пишу, так как от вас письмо не успеет ко мне дойти.

Привет Орловым и Бабушке.

О Тараненко мне ничего не известно. Знаю только, что его подразделение тоже участвовало в бою 28 июня с. г. К этому добавить больше ничего не могу, а догадываться не нужно.

16–07–42 г. Миша

г. Маркс, 25 июля 1942 года

Здравствуйте, дорогие!

Жив и здоров. На днях выписываюсь. Куда попаду – не знаю. Как я обещал в последнем письме, опишу более подробно, что произошло со мной до и после ранения.

Как вам известно из сообщений газет, наши войска кольцом охватили Харьков, в числе этих войск была и наша часть. Немцы сосредоточили много танковых дивизий, самолетов и мотопехоты. Под напором численно и технически превосходящего противника наши части отходили от Харькова. Я предполагал быть дома 20-го мая, и можете представить себе, с каким настроением я удалялся от города. Но выход был один. В некоторых местах нашу роту оставляли для прикрытия отхода, и нам приходилось драться одному с десятью, с танками и броневиками. Однако в порядке отходили до прихода немецких юнкерсов. На одном поле появились несосчитаемые эскадрильи бомбардировщиков. Там, где была равнина, – росла трава – стало вспаханное поле. Там, где был лес, стала равнина с выкорчеванными деревьями. Погибал обоз, гибли лошади, горели деревни, в беспорядке отходила часть.

Мне удалось собрать 8 человек и двигаться группой к рубежу отхода. Четверо суток, день и ночь, шли мы с грустью по украинским садам, огородам, пашням и лугам. В походе мы не голодали. Из разбитых продскладов брали продуктов сколько угодно. Резали раненых и убитых коров и т. д. В одном складе я набрал котелок подсолнечного масла. Другие бойцы несли белую муку – хотели жарить блины. Однако упавшая в 15-ти метрах от

меня бомба, к счастью, разбила только котелок с маслом, сам же я воздушной волной был сброшен в канаву, и это меня спасло. Еще несколько бомб упали совсем рядом, но я лежал в безопасности в канаве. Одного из 8 убило, двух ранило, нас осталось 5 человек. Наконец дошел до р-на обороны и нашел свою часть, которая должна была первой принять на себя удар наступающего противника. Но немцы в атаку не пошли и укрепились в 800 метрах от наших окопов.

Так мы жили месяц «друг» против «друга». Ходили в ночные разведки и прочая фронтовая жизнь на передовой линии. Так продолжалось до 28 июня сего года. В этот день мы получили приказ пойти в наступление. Я шел рядом с командиром роты. Потери были большие, но мы были уже в деревне; здесь меня и зацепило. С поля боя я выбрался сам. Сапог я снять не смог и поэтому потерял много крови. До санчасти было 3 км. Это расстояние я прополз за 4 часа. Потом мне делали уколы, везли на машине, и я попал в госпиталь, полевой, потом – в другой. Ехал по ж. д. в г. Валуйки. В валуйском госпитале встретил одного рабфаковца – он сейчас военный врач. Он меня перевязал, и я был направлен в г. Острогожск.

3-го июля мы сидели и завтракали. Не успел я взять ложку, как раздались взрывы, и наш корпус превратился в развалины. Это на город налетела немецкая авиация. Во время налета был ранен начальник госпиталя, и его вывозили на грузовике. В этот грузовик сел я, один товарищ (из моей палаты), жена начальника и сестры. Город был в огне. Машина шла с огромной скоростью. По сторонам рвутся бомбы, темно от взрывов, падают телефонные столбы, загромождая дорогу. Чтобы вырваться из этого ада, нам осталось 1–2 км. Как раз в это время налетела новая волна самолетов. Хотя было утро, в городе было темно. Мы остановили машину. В этот момент вой и четыре знакомых взрыва. Две бомбы упали впереди радиатора, ранило жену начальника госпиталя, разбило кузов, пробило бак с бензином, который стоял в кузове (я на нем сидел).

Когда налет закончился, мы на полном ходу помчали на переправу через Дон. Создалась необходимость оказать первую помощь тяжелораненым, которые находились в нашей машине. И мы направились в один из госпиталей. Там мы покушали, обработали раненых и направились дальше на восток. Приближались сумерки. Ночью сбились с дороги, кончилось горючее. Забрели в одну МТС. Набрали там керосина и поехали по незнакомой дороге. К нашему несчастью, по дороге оказался разрушенный мостик через болото. Ушло 2 часа на поправку. Горючее было на исходе, но до шоссейной магистрали оставалось

метров 500. Но в темноте попали в канаву, из которой сами выбраться не могли. Пошли на шоссе и начали просить помощи. Но все машины на бешеной скорости проходят мимо – не помогало и оружие.

Мы попали в ловушку. Идти пешком не было никакой возможности. Начало светать. Вдруг видим – едут колхозные трактора. Зацепив трактором застрявшую машину; мы ее вытащили. Но это – полбеды. Горючего не было. Тогда я предложил поставить поперек шоссе машину и трактор и остановить все движение по шоссе. Так и сделали. Образовалась вереница спешащих грузовиков. Собрав полбака бензина, мы на полном ходу поехали в г. Борисов. Там мы с одним товарищем покинули машину, достали продуктов, водки – выпили с горя и заснули. Был вечер 5 июля 1942 года.

Утром 6 июля мы пошли на станцию и сели на первый проходящий поезд (мы оба были ранены в ноги). На одной из станций мы встали, через коменданта станции, первый раз за все время, что я в армии, по-настоящему пообедали. Конечно, не один раз, а два. Вечером этого же дня сел в формировавшийся на этой станции санитарный поезд, и за четверо суток доехали в Саратов. Полежал в Саратове 4 суток, после чего меня направили в г. Маркс, где я нахожусь и сейчас. Госпиталь хороший, до Волги метров 300, гуляй сколько хочешь. Вдень я сейчас получаю 80 гр. слив, масла, 600 гр. хлеба, 50 гр. сахара и три раза приварок. Сейчас хожу без повязки, рана уже засохла, и я просто отдыхаю. По выписке из госпиталя постараюсь попасть в летную школу – уже оформляю документы. Здоровье, как будто, в порядке. Так началось и так закончилось. Я описал все, не уменьшая и не преувеличивая.

С приветом. Целую. Миша

Начато 25, окончено 26 июля 1942 года.

P. S. Это письмо не нужно показывать другим. И распространяться о том, что я написал – не нужно.

ППС 2556 Часть № 728 31 декабря 1942 г.

Здравствуйте, дорогие Папа и Мама!

Горячо поздравляю вас с Новым годом. Встречая новый год, вы все, наверное, подымете бокалы за разгром немецких войск, за окончание войны в 1943 году. Я же могу поднять бокал с бензином и влить его в боевую машину за разгром и победоносное окончание навязанной нам фашизмом войны. Прошел ровно год, как я видел папу, и 9 месяцев, как видел маму. За истекший год мне пришлось пережить столько, сколько я не переживал за всю свою жизнь. Частично вы знаете, а об остальном можете догадываться. Сейчас

характер моей жизни немного приближается к гражданской жизни. Живу в отдельной крестьянской хате. Распорядок дня устанавливаю сам, по необходимости. Какие могут быть дальнейшие передвижения – я не знаю. Пока пишите по этому адресу.

Привет Орловым, Бабушке, Соне. Получили ли фотокарточку?

С приветом. Миша

Он дошел до Берлина

В конце войны, в письме от 2 февраля 45 года, он пишет родителям:

А вас прошу с ума не сходить из-за моего отсутствия. Ждали 4 года, остались месяцы. Пусть завидуют тебе, а не ты.

Вы спрашиваете о моих наградах. Так могу ответить, что первая награда, так это то, что я столько раз участвовал в боях и на сегодня жив-здоров. Вторую награду я получил под Харьковом, весной 42 г. – орден Отечественной войны II степени. Но, как ни печально, он сгорел вместе с гимнастеркой и документами. Но это тоже награда, так как я успел выскочить из машины и остался жив и невредим. Получить взамен другой – нельзя. Но ничего, у меня есть еще орден Красной Звезды, который я получил летом 44-го, а весной 44-го я получил медаль «За отвагу». Пока что с меня хватит. А там видно будет. Зимой 43 г. меня приняли кандидатом в члены партии. В начале января я получил партийный билет.

Из письма от 5 августа 1945 г.

Здравствуйте, дорогие Папа и Мама!

Сегодня получил ваше письмо, полное ужасов и отчаяний. И причиной всему этому – всего лишь отсутствие писем. Какие могут быть сомнения в настоящий момент, когда мы живем в мирной обстановке и ожидаем своей очереди для поездки домой….

Для лучшего хочу вам сказать: к нашей встрече я приготовил хорошую скатерть, на которой мы должны отпраздновать мое возвращение домой с победой.

Эти письма помогли мне восстановить то, чего не хватало раньше, – связь времен. Он все-таки сумел научить меня жить настоящим, соединяя в нем прошлое и будущее.

Отец вернулся домой живым и почти невредимым, хотя брат до сих пор помнит, как в детстве любил играть, перекатывая шарик под кожей у отца на руке – это была то ли пуля, то ли осколок снаряда, оставшийся памятью о войне.

Батя! Как ласково назвал тебя Александр! Ты там меня

слышишь? Мне хочется быть похожей на тебя. Тяжело нам было раньше понимать друг друга. Ты был совком-трудоголиком, а я хипповала и все порывалась за железный занавес вырваться. Вырвалась. Вышла замуж за однокурсника из Болгарии, пожила там, заболела ностальгией и вернулась. Не судьба мне от родины отрываться. Кто-то из вас, то ли ты, то ли мама, наделили меня неразрывной связью с родной землей.

Мама возмущалась, что я характером вся в тебя. А ты помнишь, как она все таскала меня по врачам и от физкультуры в школе освобождала? После Болгарии я устроилась работать в проектный институт, и там меня, благодаря моим явным данным бегуньи, добровольно-принудительно заставили участвовать в профсоюзных соревнованиях: в беговых и лыжных кроссах. А в результате я так увлеклась спортивными занятиями, что поехала в школу горнолыжных инструкторов в Приэльбрусье и осталась там работать инструктором. Повезло мне вырваться из маминой домашней тюрьмы. Иногда я носилась по горам на грани риска. Но ни одной серьезной травмы – только растяжение связок один раз. Теперь, прочитав твои письма, я думаю, что это, наверное, твои боевые гены сработали. Права была мама – не в нее я пошла характером, а в тебя.

Из семейных разговоров я помню, что после войны ты заочно закончил строительный институт и по распределению работал на Урале, мама с маленьким Юркой тоже за тобой туда поехали. А когда я родилась, через шесть с половиной лет после Юры, ты уже был главным инженером строительного управления в родном Харькове. Не застал ты, батя, того, как наша Родина сузилась. Через пять лет после того, как мы с Юрой тебя похоронили рядом с твоими родителями, Советский Союз развалился, и мы стали независимой Украиной. Не знаю, как кому, а мне тесновато стало. Не хватает российских просторов. Лучшие друзья в России остались.

На Кавказе тогда вооруженные конфликты начались, я вернулась в Харьков и, угомонившись, с детишками дома няней работала. Органично как-то получалось. И еще волонтерская деятельность: в психологической службе, помощь бездомным, участие в международных благотворительных лагерях. Так что мне не стыдно будет встретиться с тобой, батя.

Сейчас у нас снова война – гражданская, теперь на Украине. Люди от всего этого хаоса звереют, опять нацизм расцвел, и это уже на нашей украинской земле. Россию объявили агрессором. И еще нас пугают угрозой новой мировой. Можно подумать, что весь мир сошел с ума. Ну я-то стреляный воробей – клиническую смерть пережила и с Богом там встретилась. Поэтому меня, так

же как и тебя, особо на испуг не возьмешь и массовому психозу я не поддаюсь. А ты, батя, хоть и был атеистом, но, судя по твоим письмам, свято верил в торжество правды и справедливости. А это и есть самая главная вера. На той вере и держимся. С Победой тебя, батя! С 70-м юбилеем!

Рогачевская Елена Михайловна, 13.11.1953, г. Харьков, образование неполное высшее, пенсионерка

Отважные мальчишки

Воевали как могли

Последнее время попадалось много материалов о военном времени и переосмыслении, я так считаю, подвига русского народа во Второй мировой войне. Жаль, что мы открещиваемся от своей истории, своих корней и тем самым отрываем наших детей и внуков от истории малой родины, не говоря уже о России.

Калуга – это родные места моего прадеда и деда, да и у отца детство прошло в этом городе. В 1941 году ему было тринадцать лет, как и многим его друзьям с улицы Ломоносова. Очень хотела кого-нибудь из них найти… Занималась этим больше трех лет, но, увы, многих уже, наверное, нет с нами, как и моего папы – Павла Анатольевича Реброва.

Данные по возрасту и имя с фамилией привели на Московскую улицу, но сын предполагаемого друга моего отца сказал, что его родные не жили в том районе. Была еще маленькая зацепка. Просматривая и штудируя материалы в Интернете, нашла еще возможного мальчишку из 40-х в Московской области, но администрация Наро-Фоминска не смогла мне помочь.

В одном из калужских изданий с воспоминаниями об оккупации Калуги прочитала такую фразу: «немцы были разные». Человек писал о немецком солдате, который приносил кашу в котелке для семьи с большим количеством детей. Такие случаи были, но они – единичные. Зато массовыми были издевательства над ни в чем не повинными гражданами. А уж если вопрос касался их жизней… Людей, оказывавших им сопротивление, невзирая на возраст, наносивших им хоть малейший вред, уничтожали на месте. Расстреливали даже детей, укравших хлеб в голодное оккупационное время.

Калуга была оккупирована 13 октября 1941 года, а уже 21 октября вышел приказ о создании городского управления с девятью отделами, занимавшимися помощью полиции, торговлей, финансовой, промышленной, транспортной и другими делами, во главе с Н. Щербачевым и его заместителем А. Кудрявцевым.

Дворягин Борис, 1951 г.

Издавались указы о штрафах и телесных наказаниях для гражданского населения, уклоняющегося от работы. Было создано еврейское гетто, которое находилось в Кооперативном поселке Калуги, и ежедневно около ста человек из них отправлялись на уборку трупов и общественных туалетов.

За время пребывания немцев в Калуге было уничтожено свыше тысячи человек советских военнопленных и мирных жителей.

Был такой случай. В кинотеатре «Центральный» кто-то выстрелил в немецкого солдата, так всех находящихся там людей, включая женщин и детей, закрыли для дальнейшего решения их участи. Предупредили: если не признаются, кто это сделал, то расстреляют всех.

Интересно, что одним из следователей по этому делу был артист Калужского драматического театра Косинов Г. Г., впоследствии 15 лет отсидевший и, что удивительно, реабилитированный.

Людям, перешедшим на сторону врага, хочется противопоставить отважных мальчишек, которые, как могли, сражались с оккупантами. Ребята с улицы Ломоносова (сейчас улица состоит из одного недавно построенного многоэтажного дома): Костя и Шурка Лазаревы, Вася Большаков – ночью ходили резать телефонные провода вверх от улицы Ломоносова до улицы Плеханова.

Книзу, от улицы Ломоносова и до улицы Вооруженного восстания, обрезали провода мальчишки под руководством Сергея Табакова: Павел Ребров, Борис Дворягин, Мишка-голубятник и брат Сергея, Юра.

А рядом обязательно клали острый осколок снаряда.

Немцы не успевали восстанавливать связь, и пушки некоторое время молчали.

Организовал и все придумал Василий Большаков, ОН был самым отважным И чуть постарше других.

Ребров Павел, 1949 г.

Вася показывал нам, где прятал добытое ночью оружие, – рассказывали после ребята. – Потом и мы приоткрывали чугунные крышки колодцев и аккуратно складывали все, что могло нам пригодиться в борьбе с немецкими захватчиками…

И оружие пригодилось! Когда шли бои за освобождение Калуги, фашисты заминировали Гостиный Двор. Освобождение города длилось около десяти дней, с переменным успехом. Взорвать Гостиный Двор немцы оставили нескольких солдат на мотоциклах. Им уже удалось разрушить часть павильонов и крышу левого крыла, где раньше продавали молоко.

– Вдруг Василий Большаков, – вспоминает Павел Ребров, – куда-то пополз, вернулся с автоматами и предложил нам с Борисом Дворягиным выстрелить. Когда раздались три автоматные очереди из разных мест, мотоциклисты решили, что их окружили наши войска, бросили все и скрылись.

Василий Большаков погиб в 1946 году в возрасте 22 лет, утонув вместе с машиной в Оке.

Торговые ряды со стороны улицы Карпова, 1942 г.

Рядовой Сергей Дмитриевич Табаков умер от ран 18 сентября 1943 года в Черниговской области.

Лазарев Константин Алексеевич пропал без вести в августе 1943 года.

Ребров Павел и Дворягин Борис дружили всю жизнь.

Судьба остальных мальчишек с улицы Ломоносова мне неизвестна.

Татьяна Мусатова

Мой Бессмертный полк

Поклонимся великим тем годам…

О. Тольская

С любовью и нежностью вспоминаю всех своих многочисленных родственников и друзей, среди которых мне посчастливилось жить.

Война прошла по всем: одни воевали, другие оказались в блокадном Ленинграде, в эвакуации, погибли от голода, работали на оборонных заводах. Всех помню. Обо всех грущу и счастлива передать частицу правды об испытаниях, выпавших на их долю.

Фронт

Семь двоюродных братьев мамы ушли на фронт. Почти все воевали на Ленинградском и Западном фронтах:

Бычков Дмитрий Павлович – шофер на Дороге жизни. Когда он уходил на фронт, мама надела на него ладанку, и он благополучно, вплоть до снятия блокады, вывозил людей на Большую землю и обратно в Ленинград необходимые грузы. Иногда удавалось привезти немного продуктов оставшимся в городе маме и старенькой нянюшке. Они вспоминали, что забирались под одеяла на кровать и грызли мороженую картошку, как яблоки.

Бычков Сергей Павлович – служил в инженерных войсках. Был инженером-гидротехником, наводил понтонные переправы: через Неву в районе Невской Дубровки, где был ранен. Дошел до Венгрии. После войны остался на военной службе. Строил береговые укрепления на Дальнем Востоке (остров Даго), в Советской гавани, в Калининграде. До выхода в отставку, в чине полковника, служил в Военморпроекте.

Бычков Сергей Павлович

Бычков Юрий Геннадиевич – служил в танковых войсках 3-го Украинского фронта под командованием маршала Рыбалко, подвозил снаряды на автомашинах. Работа очень опасная, в живых остались единицы. Его часть немного не дошла до Берлина и была переброшена на Прагу. Ни в одном городе их не встречали с таким ликованием! Улицы, по которым шли наши войска, были буквально засыпаны цветами.

Бычков Юлиан Николаевич – воевал на Ленинградском

фронте, был сильно контужен (после войны у него долго непроизвольно подергивалась голова). Санитарный поезд, увозивший раненых в тыл, проходил через Ленинград, и ему удалось пристроить в него своих родителей, умиравших от голода (Николая Павловича Бычкова и Валентину Петровну Веригину, актрису, ученицу К. М. Станиславского, дружившей с А. А. Блоком, которая оставила много воспоминаний о театральной жизни и поэтах серебряного века конца XIX – начала XX века). Николая Павловича сочли уже безнадежным и хотели вынести на каком-то полустанке. Юлиан Николаевич с трудом уговорил начальника поезда оставить отца, прося принять во внимание то, что тот является видным гидротехником, профессором Института водного транспорта. Их всех сняли в ближайшем, за линией фронта, городе (предположительно в Череповце). Николай Павлович поправился, дожил до глубокой старости и скончался в возрасте 94 лет. Валентина Петровна дожила до 92 лет.

Все они были награждены орденами и медалями.

Самым орденоносным из них был Бычков Сильвестр Николаевич, летчик-истребитель морской авиации Балтийского флота. После окончания летного училища, в 1943 году, в звании младшего лейтенанта, был принят в истребительный полк командиром звена. В 1944 году получил звание капитана и командовал эскадрильей. На своем счету имеет 283 боевых вылета, 28 воздушных боев, 12 индивидуальных воздушных побед, 53 вылета на разведку. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красной Звезды, тремя орденами Красного Знамени и многочисленными медалями.

В передачах о войне по петербургскому радио несколько раз упоминали его фамилию в числе летчиков, сбивших самое большое количество самолетов. Его представляли к званию Героя Советского Союза, но награждение отклонили за то, что он отлупил вороватого интенданта и надерзил политруку, заявив, что «сражается не за Советскую власть, а за Русскую землю». Сильвестр Николаевич и в мирной жизни был отчаянным, дерзким, бесшабашным и широким человеком. Одна история его сватовства заслуживает отдельного рассказа. Пригласив любимую девушку в самолет, он крутил мертвые петли до тех пор, пока она не согласилась выйти за него замуж.

Погиб Сильвестр Николаевич под Лиепаей при невыясненных обстоятельствах: он был уже полковником, командиром полка и ночью по тревоге вылетел на задание. Неопознанный самолет вторгся в воздушное пространство СССР. Родным сказали, что он при посадке врезался в дерево… Прилетевшие на похороны летчики под большим секретом рассказали брату, что самолет

Сильвестра Николаевича был сбит своими ракетами тогда, когда он возвращался на аэродром, а сопровождающий по какой-то причине замешкался и отстал. Сильвестр Николаевич пытался посадить самолет, но не дотянул до летного поля. Когда его нашли, то обнаружили, что кто-то уже побывал на месте катастрофы. Сильвестр Николаевич был еще жив, но документы и личные вещи были уже изъяты. Помню, что на поминках летчики между собой говорили, что они все «смертники»…

Ушли добровольцами: Барановский Юрий Владимирович (служил в инженерных войсках по обслуживанию аэродромов); Розанов Геннадий Николаевич, который погиб в первые дни войны.

Бычкова (урожденная Карпенко) Ольга Ефимовна – после смерти матери в блокадном Ленинграде, в 17 лет записалась добровольцем. Служила в инженерных частях. Их полк был расквартирован в Лемболово.

Бычковы Ольга Ефимовна, Вера, Юрий Геннадиевич

Работала на кухне, помогая санитарам. Зимой 1944 года у командира полка родилась дочь, и он послал Ольгу Ефимовну помочь жене. 27 января, в день снятия блокады, она надела пальто жены командира, сняла звездочку с вязаной армейской шапочки и пошла гулять по городу. В Елисеевском магазине, на Невском проспекте, продавали пирожные. Стояла огромная очередь. Тетя Оля встала и купила одно пирожное, на большее у

нее не хватило денег. Растягивая удовольствие, ела пирожное, гуляла вдоль Невы и видела необыкновенной красоты салют.

Тольский Петр Андреевич (1903–1961 гг.), родной брат моего папы, Георгия Андреевича, закончил Лесотехническую академию, ученый-лесовод. В 1942 году пошел добровольцем на фронт, окончил артиллерийские курсы и участвовал в битве на Курской дуге.

Тольский Петр Андреевич

Был контужен, лечился в госпитале. После контузии за хорошее знание немецкого языка был направлен служить в контрразведку СМЕРШ, о чем я узнала совсем недавно и ужаснулась… Дядя Петя был человеком очень мягким, из профессорской семьи, с традиционными устоями и культурой интеллигентных семей XIX века. Трудно себе представить, что ему пришлось пережить!.. Он участвовал в боях за Прагу, за Берлин. Награжден двумя орденами Красной Звезды, получил благодарность от Сталина и маршала Лелюшенко.

Его сыну, Андрею, в начале войны было 14 лет. Он с матерью и младшим братом эвакуировался из Ленинграда в Пермь. Было очень трудно, голодали, и мать отправила Андрея в военное училище в Свердловск. Горькие годы одиночества, голода, казарменного быта, муштры Андрей до сих пор вспоминает с душевной болью.

Свердловское военно-морское училище он закончил по специальности «судовой механик». Был направлен на Северный флот, но в военных действиях не успел принять участия. Война закончилась. Он остался военным и долгое время служил в бригаде шхерных кораблей в Финляндии, порт Поркаллауд.

Шервуд Алексей Александрович, отец моего мужа, кадровый военный, прошел три войны. Перечень основных сражений, в которых он принимал участия, у меня занял три машинописных листа. Воевал в 108-й танковой дивизии 6-й гвардейской танковой армии на Западном фронте, Воронежском, 1-2-3-м Украинском фронтах, на Дальнем Востоке против Японии. Закончил военную карьеру в звании генерал-майора, начальника связи Забайкальского округа.

Шервуд Алексей Александрович

Войну начал в чине капитана на должности начальника связи 108-й танковой Сибирской дивизии. 1942–1943 гг. – начальник связи П-го корпуса I-й танковой армии, заместитель начальника связи Западного фронта; майор; подполковник; гвардии-полковник. 1944–1948 гг. – начальник связи 6-й гвардейской танковой армии; участник Великой битвы под Москвой (июль 1941 г. – декабрь 1942 г.); 1942 г./1943 г. – Курской битвы под Прохоровкой; 1944 г. – Корсунь-Шевченковской операции; Яссо-

Кишиневской операции в Румынии, Дебреценской операции в Венгрии; 1945 г. – Будапештской операции, освобождения Венгрии, тяжелейших боев на озере Балатон; Пражской наступательной операции, освобождения Праги; боевых действий против Японии (высадки десанта в Мукдене).

В сводках с фронтов вместе с командующими армиями часто упоминали и полковника А. А. Шервуда.

Алексей Александрович награжден: орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени разных степеней, орденом Кутузова II степени, тремя орденами Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды за боевые заслуги; медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги»; медалями и орденами иностранных государств – медалью «За победу над Японией» (МНР), двумя орденами Венгерской республики. А. А. Шервуд – «Почетный радист СССР».

Алексей Александрович был великолепным рассказчиком! Слушать его было одно удовольствие: огромный жизненный опыт, острый ум, прекрасная память. Алексей Александрович в любой компании становился центром маленькой вселенной. Это был человек исключительной красоты и обаяния. Приветливый, открытый, улыбчивый. Он располагал к себе с первой минуты знакомства. У него был особый дар любить и дарить людям тепло…

Об ужасах войны он не любил вспоминать. Рассказывал разные курьезные случаи. По нашей просьбе начал писать воспоминания. Однако подробно описал начало войны, переброску Сибирской армии на Западный фронт и бои под Москвой. О дальнейших событиях оставил краткий, как военные донесения, план.

Из сохранившихся воспоминаний А. А. Шервуда: «Война застала на летних сборах под Благовещенском (на Амуре)»

Вечер, суббота, 21 июня 1941 г. Сидим в палатке, составляем с заместителем и начальником штаба план проведения первого за месяц выходного дня, назначаем всевозможные соревнования, вечером показ кино, поход в Дом Советской Армии на спектакль «Любовь Яровая».

Наступило воскресенье, 22 июня. Погода прекрасная, солнышко, тепло. Все на спортплощадке. Танцуют под гармошку, ждут начала соревнований… В 16 часов (10 – по Московскому времени)

командиры всех частей срочно вызываются в штаб дивизии. Собрались в кабинете командира дивизии, и он зачитал шифровку командующего Дальневосточным фронтом о нападении Германии без объявления войны на СССР и приказ немедленно, по тревоге, сегодня же, не снимая лагеря, выйти дивизии в запасные районы, тщательно замаскироваться и ждать дальнейших распоряжений. Вернувшись в батальон, собрал личный состав, объявил тревогу и вывел батальон в запасной район. Приступил к организации связи с частями и подразделениями дивизии. Связь дали в небывало короткий срок и тщательно ее замаскировали. Полки́ были так же замаскированы. Приехавший 23 июня командир дивизии не смог никого найти. Пришлось связистам провожать его к частям.

Вывод в запасные районы объяснялся опасением вступления в войну Японии, союзницы Германии. Вечером 25 июня получил приказ вернуть части в лагерь, одна ночь на подготовку, утром 26 июня погрузка в ж/д составы и отправка на фронт… В 10 часов подали первый эшелон, на который должны были погрузиться батальон связи и штаб. Меня назначили начальником эшелона…

Эшелон шел мимо станции, где жили его жена с детьми, но Алексей Александрович не смог отлучиться, чтобы проститься. Аттестат передал через начальника станции и встретился с семьей только в 1946 году.

В Москву прибыли в первых числах июля. Сформировали две танковые дивизии: 109-я ушла сразу на фронт в сторону Можайска, а 108-я, в которую А. А. Шервуд был назначен начальником связи, стала принимать пополнение и оснащаться танками Т-34 и КВ. В конце июля 108-ю танковую дивизию включили в состав Брянского фронта и перебросили в район лесов, юго-западнее Брянска, получив приказ двигаться навстречу наступающим гитлеровским войскам в сторону Гомеля.

«*На совещании у командира дивизии мне показалось очень странным, что ни справа, ни слева у нас нет соседей и взаимодействовать не с кем. На мой вопрос командир ответил, что в 6 часов утра прибудет представитель авиации, которая будет нас прикрывать, но он не приехал…*

Утром дивизия начала выдвигаться из леса на открытую местность, и буквально через мгновение нас начала совершенно безнаказанно бомбить немецкая авиация. На наши запросы о прикрытии ответа не было, хотя все радиограммы были приняты… Нас бомбили два дня. Дивизия потеряла много людей и техники: все колесные машины, радиостанции, лишилась связи с фронтом. Радиостанции были сожжены своими же танками. Дивизия шла одной колонной: впереди – штаб и связисты – как корабли в Цусимском сражении! Стрелявшим сзади танкам

мешали радиостанции…

Впоследствии выяснилось, что операция была отложена на два дня, а до командира нашей дивизии приказ не дошел. На меня как на начальника связи пало подозрение, что я не передал шифровку. Однако позже выяснилось, что на станции, которая принимала от нас шифровки, не было шифровальщика и некому было расшифровывать донесения и шифровать приказы.

Виновными в этой неудачной операции военная прокуратура определила меня, начальника связи дивизии и командующего артиллерией. Нам пришлось десять дней просидеть под арестом и в то же время выполнять свою работу. Только благодаря вмешательству командования дивизии, мы были освобождены, хотя впоследствии нас незаконно судил дивизионный суд.

Получив пополнение, с боями стали отходить в направлении Брянска – Карачаева – Болохова. Шли лесами, немцы обходили нас по хорошим дорогам. Кончилось горючее, собрали совещание и решили сжечь машины, а их было 700 единиц (танков уже и не осталось), и пешими выходить из окружения. Вечером того же дня к нам в дивизию приехал командир и комиссар вновь сформированного партизанского отряда, которые формировались из работников райкомов и исполкомов на территориях еще занятых нашими войсками, а с уходом Советской армии они оставались в тылу у немцев.

Командир дивизии дал указание партизанам два раза в день докладывать о передвижении немцев и любыми средствами обеспечить транспорт горючим. В течение суток приказ был выполнен, и уже под огнем противника дивизия стала отходить в сторону Болохова…»

Отходили по ночам. Днем передвижение было невозможно: немецкая авиация гонялась за каждым человеком! «*Со мной был случай: необходимо было одну радиостанцию срочно отправить в полк к командиру дивизии. Пришлось ехать днем. Выехали в поле, и сейчас же на нас напали 6 самолетов Ю-87. Машину оставили на дороге, а меня и экипаж немцы гоняли по полю, как зайцев! Ничего с нами поделать не смогли, подлетели к машине и что-то на нее сбросили. Когда мы к ней подошли, то увидели: машина цела, но вся засыпана листовками! Видимо, у них не осталось боеприпасов… Вот в такой обстановке нужно было совершить марш 700 машин…*»

Отходили по направлению Белево – Плавок – Тула. За собой взрывали мосты. Алексей Александрович ехал замыкающим, докладывал о прохождении колонны. Саперам, стоявшим у мостов, давал сигнал к взрыву. Взрывали тогда, когда немецкие танки входили на мост. С группой солдат-связистов шли по

линии воздушной связи, включились в нее и доложили командующему 50-й армии Болдину о возможности прорыва немцев в Тулу.

«*В Туле штаб дивизии собрался в полном составе. Заняли помещение Зареченского райкома партии и получили приказ: всеми силами оборонять Тулу, как дальний рубеж обороны Москвы. Воздушное прикрытие города было организовано по подобию Москвы. Бомбили редко и не безнаказанно. В Тулу прибывало много отходящих частей, и все с большими потерями. Потери личного состава составляли 60–70 %…*»

На этом воспоминания Алексея Александровича обрываются. Остался план дальнейших заметок с небольшими комментариями, который охватывал весь период войны: от Курской битвы до победы над Японией.

В 1976 году А. А. Шервуд встретился с корреспондентом газеты «Калининская правда». Из его интервью, данного в День освобождения Венгрии от фашизма: «*В октябре 1944 года в составе 6-й гвардейской танковой армии вступили на территорию Венгрии. Жители освобожденных селений и городов радушно встречали наших воинов. Обычная настороженность, подозрительность первых минут встречи, вызванная оголтелой пропагандой салашистов, утверждавших, что русские солдаты несут зло и насилие, быстро проходили. Особенно когда венгры видели, с какой заботой воины относятся к детям и старикам. Местные жители охотно предлагали свою помощь, становились проводниками, показывали, где лучше пройти танкам.*

Дебрецен, Вац, Будапешт, Плоешти… Вначале марта 1945 года, южнее озера Балатон, завязались ожесточенные бои. Гитлеровцы бросили против нас 11 отборных танковых дивизий, в том числе эсэсовских, чтобы не пропустить наши войска на Вену. Многие танкисты нашей армии совершили тогда беспримерные подвиги (А. А. Шервуд за эту операцию получил серебряный орден Кутузова II степени.)

Как-то в те дни, проезжая с командующим, генерал-полковником А. Г. Кравченко, через только что освобожденное село, увидели пять подбитых „фердинандов“. Пехотинцы с восхищением рассказывали, что наш танк смело вступил в бой с вражескими машинами, огнем и тараном их уничтожил и ушел дальше. Командующий приказал установить имена героев: связывались со всеми батальонами и взводами, но безуспешно.

Нелегко приходилось нам, связистам-танкистам. Без связи танки слепнут, теряют ориентировку, маневренность. Нужно было поддерживать бесперебойную связь со всеми экипажами, взводами, батальонами, полками армии. Геройские у нас были

связисты! Многие бойцы гвардейского ордена Александра Невского и Красной Звезды полка связи 6-й гвардейской танковой армии за участие в Балатонской операции удостоились правительственных наград…»

6-я гвардейская танковая армия закончила свой боевой путь в Харбине, совершив бросок через Большой Хинган и приняв участие в разгроме Квантунской армии. Заключительным аккордом ее боевой славы стал парад Победы в Харбине.

В блокадном Ленинграде

Мой дедушка, Тольский Андрей Петрович (1874–1942 гг.), был видным ученым-лесоводом, профессором, заслуженным деятелем науки Марийской АССР, заведовал кафедрой лесных культур Поволжского политехнического института в г. Йошкар-Ола. За месяц до начала войны он уехал в Ленинград для работы в научных библиотеках. В первые же недели войны руководство института настоятельно просило его вернуться, но он отказался, уверенный в скорой победе, и просил директора института предусмотреть его занятия со студентами с февраля 1942 года (сохранилась копия письма).

Андрей Петрович был крупнейшим теоретиком и пионером лесоразведения в засушливых районах России. Около 15 лет проработал в опытном Боровом лесничестве в Бузулукском бору Самарской области (с 1974 г. носящем его имя). На площадях около 60 тыс. га закладывал опытные посадки лесных культур в Марийской, Татарской АССР, Ульяновской области. Его перу принадлежит более 110 оригинальных работ и научных пособий.

Тольский Андрей Петрович

Андрей Петрович скончался от голода в Ленинграде в январе 1942 года. Ученик А. П. Тольского и большой друг нашей семьи Евгений Дмитриевич Годнев, в годы войны гвардии лейтенант, командир взвода топографической разведки артиллерийского дивизиона, по делам службы попал в блокадный Ленинград и вспоминал: «Больной, в холодной комнате, при свете коптилки, едва владея рукой, до последних часов своей жизни А. П. Тольский работал над своим фундаментальным трудом „Лесная

метеорология“, который является единственным научным исследованием в СССР в этой важной области лесных наук. Но завершить эту работу ему не удалось».

К этому времени скончалась его сестра, Екатерина Петровна, которую удалось похоронить на Смоленском кладбище. Дедушку пришлось попросить похоронить дворника. Бабушка, Евгения Мечиславовна, и тетя, Анна Андреевна, были очень плохи. Место захоронения дедушки, несмотря на принятые усилия, установить не удалось. В День Победы прихожу на Пискаревское кладбище и кладу цветы на безымянные захоронения 1942 года…

Бабушку и тетю Асю вывезли из Ленинграда по Дороге жизни в Кириллов, Вологодской области, где Анна Андреевна проработала около года внештатным сотрудником Кирилло-Белозерского заповедника (до войны она окончила историко-лингвистический институт при ЛГУ по специальности «искусствовед»).

Андрей Петрович и Евгения Мечиславовна

По-прежнему голодали. Обе были совершенно беспомощны в житейских делах. Бабушка (урожденная Святополк-Мирская, скончалась зимой 1943 года, унеся с собой тайну своей жизни: ее отец – польский князь литовского происхождения, Мечислав Викторович Святополк-Мирский, мать Ольга Георгиевна Ильина, дворянка, правнучка Дмитрия Сергеевича Ильина, героя Чесменского сражения). Сразу после рождения бабушка была отдана на воспитание в Императорский воспитательный дом. Ее опекала семья чухонцев, живших в Парголово. По какой причине родители обвенчались только спустя годы после рождения дочери, можно только предполагать (Святополк-Мирский – католик, О. Г. Ильина – православная, о чем записано в свидетельстве о рождении бабушки от 1901 г.). Кроме того, могла

сыграть немаловажную роль и разница в имущественном положении: польский род Святополк-Мирских владел значительными наследственными имениями, а род Ильиных обеднел. У меня сохранилась фотография матери Мечислава Викторовича. Судя по снимку, дамы очень жесткой!

А. А. Тольская (2-я слева вверху), Ю. Н. Непенин (сидит 2-й слева в середине)

Анна Андреевна Тольская, похоронив мать, получила вызов и зимой 1943 года перебралась к нам в Свердловскую область, поселок Новая Ляля, где, немного оправившись, стала работать на заводе, выпускавшем снаряды, браковщицей. Я хорошо помню, как она появилась в нашем доме. В то время тете Асе было 40 лет (1902–1965 гг.), но выглядела она старухой. Шла, опираясь на палку, шатаясь от слабости. Ноги опухли как бревна, сочились сукровицей, чулки приросли к ногам, чтобы их снять, пришлось их долго отмачивать…

Всю блокаду в Ленинграде прожила моя школьная подруга, Леночка Поликарпова, с мамой, Александрой Ивановной, которая была мне как вторая мать. Я была с ней очень близка и гораздо откровеннее, чем со своей мамой…

Из рассказов Александры Ивановны о блокаде

…Очередь за хлебом. У прилавка еле стоит, качаясь от слабости, женщина, у которой украли карточки, что обрекало ее

на верную смерть. Она безнадежно протягивает руку, умоляя дать ей хоть крошку хлеба. Очередь хмуро, равнодушно и даже враждебно оттесняет ее в сторону. Наконец, подошла очередь Александры Ивановны. Она получила хлеб и протянула женщине довесочек. Та упала на колени и стала целовать руки Александре Ивановне…

Александра Ивановна всегда вспоминала этот случай со слезами на глазах. Щемило сердце и у меня. Только что закончилась война, еще не отменили карточки, и мы очень хорошо знали цену хлеба. Величие поступка Александры Ивановны может оценить только тот, кто сам пережил блокаду.

Они жили на улице Красной Конницы (Кавалергардская). Напротив их дома, на углу Суворовского проспекта, до сих пор стоит дом из серого гранита. Во время войны в нем был госпиталь. В одну из бомбежек в дом попала бомба. Александра Ивановна видела, как из окон горящего здания выпрыгивали раненые, пытаясь спастись, и гибли…

После войны госпиталь восстанавливали пленные немцы. Многие были расконвоированы и ходили по квартирам, предлагая свои услуги. Их жалели и подкармливали. Даже мы с Леной как-то отдали им свои завтраки…

В блокадном Ленинграде жили и работали мои тети Крюковы.

Татьяна Александровна – впоследствии видный ученый-этнограф. О ее жизни, дружбе с известными людьми (Д. С. Лихачевым, Л. Н. Гумилевым, А. А. Ахматовой и др.) можно прочитать в книге «Личность и творчество. К 95-летию Т. А. Крюковой», изданной в Петербурге в 2000 году Российским этнографическим музеем.

Татьяна Александровна жила во флигеле музея, продолжала работать, дежурила на крыше во время налетов. Однажды в купол Мраморного зала музея попала бомба и взорвалась. Тетя Таня чудом осталась жива, была сильно контужена и вынуждена была лечиться.

Слева направо: Т. А. Крюкова, А. Г. Бычкова, А. Н. Барановская

На встречу Нового 1942 года сварили столярный клей и слушали пластинки с музыкой Бетховена.

В феврале 1942 года от голода умер учитель и большой друг, видный исследователь творчества Ф. М. Достоевского, В. Л. Комарович, за которым Татьяна Александровна самоотверженно ухаживала, по воспоминаниям Д. С. Лихачева, «отрывая от мужа и от себя такие необходимые крохи мясного, которые ей удавалось достать… Она же и похоронила В. Л. Комаровича и спасла его архив», который передала Д. С. Лихачеву.

17 сентября умер ее муж, Георгий Александрович Никитин, заведующий отделом Поволжья музея. Ему было 37 лет. Похоронив мужа на Смоленском кладбище, Татьяна Александровна вместе с сестрой, Ниной Александровной, выехала в эвакуацию к родителям в приволжский город Козьмодемьянск, у которых жил вывезенный на лето и ее сын, четырехлетний Александр.

Нина Александровна Крюкова работала в Ленинграде в службе коммунального хозяйства Василеостровского района, занималась очисткой города и захоронением умерших. Она оставила пронзительные, полные горечи и трагизма описания жизни в блокадном городе. Каждый раз, когда я их перечитываю, у меня болит сердце. Небольшая часть их напечатана в книге «Блокада глазами очевидцев. Книга 2-я», выпущенной издательством «Остров» в 2015 году.

Н. А. Крюкова

Тетушка была своеобразным человеком, страстным, талантливым. Она до конца своих дней не могла смириться с гибелью царской России, России ее золотого детства. Ненавидела большевиков и считала, что для свержения Сталина и его режима все средства хороши.

Приведу отрывок из ее воспоминаний о начале войны:

Я помню первый день объявления войны. Я жила в то время в

Ленинграде.

Ничего не зная, как всегда тусклая и апатичная, я поехала на Невский проспект и пошла в «Гостиный Двор». В одном маленьком магазинчике продавщица, не обращая ни на кого внимания, завешивала окно: «Каждую минуту можно ждать налета», – говорила она не то мне, не то другой продавщице. «Почему?» – спросила я, ничего не подозревая. «Неужели вы не слышали? По-моему, уже всякий знает! Германия объявила нам войну!» Мгновенно что-то стукнуло у меня внутри, и скованные, заснувшие в своей темнице чувства, тесня друг друга, ударили в голову. Их было так много, что у меня закружилась голова и потемнело в глазах. Я вышла и прислонилась к каменной трубе. Мимо меня шли, говорили люди, не обращая на меня внимания.

Раньше я никогда не думала о войне, то есть не думала о ней как об освобождении. Я тянула свою лямку, задыхаясь, но не смела просить у Бога войны, так как знала, сколько будет жертв. И теперь вдруг почувствовала, что шнурок, завязанный на шее и душащий меня, обрезан…

Темнота в глазах и головокружение кончились. Я начала ртом хватать воздух, отчаянно зарыдала и опустилась на тротуар. Рыдала я потому, что предчувствовала предстоящие жертвы, но, заглушая это чувство, поднималось другое – безумная радость освобождения…

Вскоре вместе со многими я копала противотанковые рвы, пулеметные гнезда. В нашей бригаде были домохозяйки, канцелярские работники, парикмахерши. В основном — «бабы». Царила глупая бабья паника. Немцы были в трех километрах от нас. Руководители работ матерной руганью выгоняли нас из укрытий во время обстрелов. Рядом стояли наши батареи, и по ним стреляли немцы.

За полтора месяца работ я видела только два самолета с пятиконечными звездами и массы самолетов со свастикой.

Я могу поклясться крестом, что, когда мы работали одни, без красноармейцев, ни один немецкий самолет не обстреливал нас, хотя иногда спускались очень низко.

Работа наша была совершенно бессмысленной, так как вырытые нами траншеи вскоре занимали немцы.

Мы переходили от деревни к деревне, от пункта к пункту. Нас сознательно путали, и мы не знали, где точно находимся. То нам говорили, что в трех километрах от станции Батецкая, то в 20-ти. Физически вымотанные, мы перестали интересоваться.

К нам в лес одним им известными тропами приходили менять молоко крестьянки из деревень, занятых немцами. Они прятались не от наших, а от немцев. Немцы их не трогали наоборот,

«привадили», как выразилась одна женщина, деревенских детей и кормили их конфетами, галетами, тушенкой…

Однако сравнительное затишье вскоре кончилось. Немцы пошли в наступление. Вместе с отступающими красноармейцами бежали и мы. У некоторых вместо винтовок были кирки! Все-таки не с пустыми руками…

В одном месте я пережила, по выражению одного красноармейца, «предварительную прочистку местности с воздуха». Все расползлись: кто в лес, кто в болото, а я уползла на середину поляны и легла около валуна лицом вверх. Надо мной летели немецкие самолеты в одну сторону с бомбами и пустые – обратно. Я лежала застывшая от охватившего меня страха смерти, с остановившимися широко открытыми глазами. Только всегдашний мой спутник – любопытство – помимо моей воли, делал пометки в моем сознании. Хоть бы на мгновение передохнуть от невыносимого напряжения! Но ни на секунду перерыва не было! На смену одной группе самолетов летела следующая, так же тяжело, деловито заполняя гулом все пространство. Сыпавшиеся из самолетов «шарики» под лучами солнца были красиво-серебристыми: сыпятся, сыпятся… и начинаются безобразные оглушительные разрывы. Не успевает скрыться одна группа, как летит новая. Ни одного советского самолета, чтобы хоть как-нибудь нарушить эту страшную деловитую организованность смертоносителей! Я уже не надеялась на конец, как вдруг – Конец! Вокруг совершенная тишина, и синее небо, и золотисто-раннее осеннее сверкающее солнце… Мгновение этой оживляющей тишины, и радость бытия заставляет забыть только что пережитое. Я поднимаюсь. Из-за другого валуна высовывается взлохмаченная, вся в глине, голова мало мне знакомого водопроводчика из наших рабочих. Я радуюсь ему как родному. Я бегу к нему, он – ко мне. На лице у него широкая улыбка, и он восторженно говорит: «*Вот так здорово*!» *– это и радость бытия после возможности смерти, и чисто мужское восхищение техникой и организованностью только что виденного.*

Ночь. Бежим дальше. Вокруг горят деревни. Почему-то навстречу нам движутся толпы жителей деревень. Из вопросов налету выясняется, что их выгоняют неизвестно куда воинские части. Хлеб и дома облили керосином и подожгли. Они не хотят уходить: «*Умирать, так дома*!», *но их гонят. В основном, все пешие. Встретилась только одна телега с наспех кинутым имуществом, двумя сонными маленькими детьми и телушкой, привязанной к задку. Идут… идут… бабы с «кой-чем» за плечами, тащат за руки ребят… Выступают из тьмы на несколько мгновений и опять пропадают… Черное небо, черная земля, поток*

плачуще-кричаще-бегущей паники…

Воинские части отступают. Все считают, что приход немцев в Ленинград – дело одного, от силы двух дней. Рядом со мной женщина не может в темноте найти свой партбилет и рвет все документы подряд, которые были при ней в кармашке, пришитом ко внутренней стороне рубашки… Вспоминаю свое тогдашнее состояние: исхудавшее тело под легкой одеждой, пропыленные босые со сшибленно-клейкими от загустевшей крови ногами, но ничего почти не замечается мной. В груди трепещет страстное ожидание, что еще чуть-чуть – и будут сорваны липкие путы социализма…

Я понимаю, что, предавая огласке сокровенные мысли и политические воззрения моей тети, я многих шокирую. Однако следует принять во внимание, откинув пафосный патриотизм, что в то время Сталин был страшнее Гитлера. Он уничтожал народ собственной страны.

Другая моя тетя, Барановская Антонина Николаевна, человек огромной душевной силы и мужества, без ропота, с христианским терпением принимавшая все тяготы и события, рассказывала:

Когда началась война, Гале (старшей дочери) было 9 лет, а младшей, Тане, 2,5 года. Власти города приняли решение эвакуировать детей. Работающих взрослых из Ленинграда не выпускали. Эвакуировали со школами, детскими садами, детскими домами. Собрали рюкзачок с вещами, надели на Галю и пришли на сборный пункт. Галя взяла Таню и пошла, но со школой Таню взять не позволили и определили для отправки с детским домом.

Тетя Тося пришла в ужас и тайком увела девочек домой.

А. Н. Барановская с Таней и Галей

8 июля муж тети Тоси, Юрий Владимирович Барановский, сумел посадить их на прогулочный пароходик, и они по Мариинской системе доплыли до Череповца. До войны тетя Тося не работала, поэтому ей удалось уехать. Вместе с ней отправили девочку-соседку, которая была немного старше Тани. На этом же пароходе ехала и внучка Николая Павловича Бычкова Лена с бабушкой со стороны матери (дочка Юлиана Николаевича). Из Череповца тетя Тося с детьми на барке в трюме доехали до Горького. Сдала родственникам девочку – соседку и направилась к Крюковым в Козьмодемьянск. Там жили в родовом дореволюционном огромном, как помещичья усадьба, доме. У Евгении Павловны, как и у Нины Александровны, Крюковых был очень трудный характер. Жить с ними было тяжело, да и никто не предлагал остаться. Наконец получили письмо от Софьи Павловны Барановской (урожденной Бычковой) и от дяди Юры. Софья Павловна со своим мужем, Катеринским, который работал архивариусом в ЦКТБ судостроения, должна была эвакуироваться в Сталинград, и дядя Юра просил тетю Тосю соединиться с ними. В августе тетя Тося с детьми на пароходе выехала из Козьмодемьянска. ЦКТБ до Сталинграда не доехал. Их остановили в Николаевске, против Камышина. Тетя Тося сняла маленькую комнату, и Галя с сентября начала учиться в школе.

Дядя Юра ушел на фронт добровольцем. Им выдали продовольственный аттестат на семью. Тетя Тося прикрепила аттестат к военному заводу. Этот аттестат фактически спас семью

от голода.

Фронт приближался. Был получен приказ выехать военным заводам в Казань. Людей вывозили пароходами. В ноябре Волга встала, и пароход замерз возле Саратова. Пассажиров вывозили в город по льду. Разместили всех в здании школы, выделив на семью по два письменных стола, на которых и спали, и ели. От Саратова до Казани ехали в теплушке почти два месяца. На одной из станций тетя Тося пошла за кипятком и чуть не отстала от поезда, вскочила уже на ходу.

В Казани тетя Соня нашла семью своего племянника, Гены Розанова. Они приютили их и помогли снять комнату. 1942 год встречали у Розановых. Вскоре Геннадий с пасынком ушли на фронт добровольцами и чуть не в первом же бою, оба погибли.

В Ленинград вернулись в 1944 году уже без тети Сони. Она скончалась от сердечной недостаточности.

Во время войны, в Арзамасе, от дистрофии скончалась моя вторая бабушка, Корнилова (урожденная Бычкова) Анна Павловна. В детстве я очень горевала, что у меня не было бабушек, и даже завидовала тем, у кого они были живы. Возможно, по этой причине я была так привязана к своим многочисленным пожилым родственникам.

Работа в тылу

Тольский Георгий Андреевич (1906–1976 гг.), мой папа, впоследствии профессор Лесотехнической академии, крупный специалист в области производства различных видов картона, по назначению народного комиссара целлюлозно-бумажной промышленности СССР от 18 июля 1941 года был назначен на Ново-Лялинский комбинат Свердловской области для организации цехов по производству снарядов для фронта, где проработал в должности начальника строительства до мая 1946 года.

В 1945 году был командирован в Финляндию в качестве наблюдающего за поставками оборудования.

Георгий Андреевич Тольский

Моя мама, Тольская Наталья Кирилловна (урожденная Корнилова, 1903–1968 гг.), до войны не работала. Начала работать в Арзамасе Горьковской области счетоводом-делопроизводителем в школе, куда мы приехали к бабушке и дедушке Корниловым летом после начала войны. Было голодно, у мамы от недоедания начался фурункулез, она не могла ходить. К врачу ее возили на саночках.

Осенью 1942 года пришел вызов от папы, и мы переехали к

нему на Новую Лялю. Мама работала на комбинате счетоводом картонного цеха до 1944 года. С 1944 по 1946 г., до отъезда в Ленинград, – старшим бухгалтером общепита комбината, кроме того, руководила кружком хорового пения в Доме культуры и в школе. Сохранилась газета «По Сталинскому пути» от 19.03.1946 г., где в заметке «Художественное воспитание учащихся» директор школы благодарит маму за помощь в развитии детской художественной самодеятельности. До войны мама закончила I-й государственный музыкальный техникум имени М. И. Глинки, педагогическое фортепианное отделение, и после войны преподавала музыку в музыкальной школе Василеостровского района. Кроме того, она окончила курсы бухгалтеров, что ей очень пригодилось при устройстве на работу в военное время.

Родители с утра до вечера пропадали на работе. По вечерам мама вела кружок художественной самодеятельности в клубе комбината и в школе. Безумно уставала!

Весь дом был на няне (Гришиной Ефросиньи Александровне, 1900–1986 гг.), которая пришла в нашу семью в 1936 году, когда родился мой брат, Кирилл. Эвакуировалась вместе с нами и прожила в нашей семье до своей смерти, став близким и родным человеком.

Во время войны и в годы послевоенной разрухи, в условиях карточной системы, введенной по всей стране, ведение домашнего хозяйства было делом нелегким и не меньшим подвигом, чем работа на предприятиях. Чтобы как-то улучшить наше питание, няня завела коз и кроликов. Какое-то время даже держали поросенка. Оглядываясь назад, удивляюсь, как она со всем справлялась: семья – шесть человек, «удобств» в доме никаких, за водой нужно было ходить на реку; мы с братом малы, помощи от нас никакой, зато хлопот и волнений из-за нашего озорства – предостаточно!

В Сибири работали два маминых двоюродных брата:

Барановский Игорь Владимирович был направлен в 1941 году организовывать Анахойский леспромхоз, в 1944 году переведен на должность главного инженера удинской сплавной конторы (район Улан-Уде).

Бычков Павел Павлович водил тяжелые товарные поезда.

Моя самая молодая тетя, Мария Викторовна Бычкова (урожденная Скрябина, племянница В. М. Молотова) до войны жила в Пушкине. Ее отец работал на Ленинградском оптико-механическом объединении. Вскоре было принято решение об эвакуации завода под Казань, где быстро удалось наладить конвейер по производству изделий для фронта. Мать с шестью

детьми с большим трудом только после обращения к военному коменданту города и объяснением, что везет племянников В. М. Молотова, получила разрешение на выезд и перебралась в Казань, где тетя Муся в 15 лет пошла работать на конвейер. Работали на конвейере в основном неграмотные местные девчонки: татарки, чувашки, мордва. Вскоре тетю перевели в заводоуправление. Училась она в вечерней школе, поступила в институт, закончила 1,5 курса и в 1946 году вернулась в Ленинград, где работала в проектном институте Гипробум вместе с моим папой. Он же и познакомил ее с Сергеем Павловичем Бычковым, за которого она вышла замуж. Живая, остроумная, веселая, она была постоянным объектом любовного подтрунивания окружающей ее многочисленной родни!

Папины друзья юности, впоследствии профессора Лесотехнической академии, с которыми наша семья поддерживала теплые отношения, в блокадном Ленинграде организовали на базе лабораторий и мастерских академии выпуск 27 видов продукции для фронта: в их числе – деревянные мины, ложи к пулеметам Дегтярева, газогенераторные чурки для автомобильного транспорта, клееные деревянные подошвы (в связи с отсутствием подошвенной кожи), горючие смеси для противотанковых бутылок и др.

По результатам исследований Алексея Алексеевича Ливеровского был налажен выпуск из хвои витаминного препарата, каротина и наркозного хлороформа, спичек-книжек, в которых остро нуждались в городе и на фронте.

Алексей Алексеевич Ливеровский был женат на дочери Виталия Бианки, Елене Витальевне. Был страстным охотником, писал талантливые охотничьи рассказы. С юности моего папу и Алексея Алексеевича связывала страсть к охоте.

В октябре 194 года профессор Василий Иванович Шарков предложил организовать производство пищевой целлюлозы из опилок, которую можно добавлять в качестве пищевой добавки к ржаному хлебу, и пищевых дрожжей. Были построены и пущены шесть цехов на 1-й кондитерской фабрике имени А. И. Микояна, ликероводочном заводе и пивоваренном заводе имени С. Разина. В 1942 году В. И. Шарков был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Непенин Юрий Николаевич, из семьи профессора Николая Николаевича Непенина, вместе с Лесотехнической академией был эвакуирован в Свердловск, где в качестве военпреда курировал предприятия Целлюлозно-бумажного комиссариата на Урале. Приезжал и к нам на Новую Лялю. В Свердловске, при переходе через железнодорожные пути попал под поезд, и ему отрезало

ногу В госпитале он познакомился с красавицей врачом Тамарой Валериановной, на которой впоследствии женился.

Юрий Николаевич и его отец Николай Николаевич Непенины были видными учеными, докторами наук, профессорами Лесотехнической академии. По их учебникам студенты учатся до сих пор.

Это была плеяда не только видных ученых, но и культурнейших, энциклопедически образованных людей, глубоко порядочных, доброжелательных. Даже внешне они несли на себе отпечаток века минувшего!

Таким получился мой «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК». О жизни каждого можно было бы написать целый очерк. Их биографии заслуживают внимания и уважения. Из всех перечисленных сейчас жив один Тольский Андрей Петрович. Дай Бог ему здоровья, а остальным – «Вечная память!».

Ольга Тольская

Первое боевое крещение

Я, Левашов Николай Петрович, родился в 1923 году 28-го числа января месяца в деревне Софрыгино бывшего Коммунистического района Московской области. Райцентр находился в селе Рогачево. До райцентра от нашей деревни 3 км.

Семья наша состояла из 7 человек: отец с матерью, мы – 3 брата и 2 сестры. Получив 7-летнее образование, я стал работать в колхозе. Пахал, сеял, косил. Особенно любил сенокосную пору. Также работал в некоторых организациях в районе.

В 1940 году поступил на работу в сельский совет секретарем. В состав сельского совета входило 8 деревень.

И вот наступил прекрасный солнечный день – 22 июня 1941 года. Я только неделю отгулял в отпуске. Мы с другом утром пошли в лес и набрали по большому букету ландышей. Но, когда вернулись домой и узнали, что началась война, этот букет ландышей как бы поник и стал ни к чему. Как будто и солнце не стало так ярко сиять. С этого момента вся наша жизнь изменилась. Отпуск я не догулял, так как на следующий день меня вызвали на работу.

Не прошло и пяти дней с начала войны, а председателя сельского совета взяли на фронт. И мне пришлось одному выполнять все указания райцентра по мобилизации не снятых с военного учета мужчин призывного возраста. Чуть ли не каждый день мне приходилось по хозяйственным книгам каждой деревни выбирать мужчин призывного возраста и выписывать им повестки с явкой в военкомат (с вещами) для отправки на фронт. На это уходил весь световой день. А вручать повестки мне приходилось ночью. Я развозил их по деревням верхом на лошади. Кроме того, по приказу из райисполкома, надо было мобилизовать гужевой транспорт с людьми на заготовку торфа, дров – сооружение оборонительных объектов (траншей, дотов, пулеметных гнезд, противотанковых рвов и др.). А в деревнях остались женщины с детьми, старики да старухи.

В октябре 1941 года меня и еще двоих ребят призвали в армию.

Свое первое боевое крещение я получил при наступлении и освобождении от немецко-фашистских войск города Зубкова на Калининском фронте в составе 623-го артиллерийского полка 183-й стрелковой дивизии. В этом полку я дослужил до самой Победы. По военной специальности я был подготовлен как топовычислитель. Но при освобождении города Зубкова и далее в боях за освобождение Ржева из строя выбыло много связистов.

Меня перевели в отделение связи. Так связистом я и окончил войну. Но что было для меня дорого, это то, что в напарники связистом я попал к очень доброму и хорошему товарищу, с которым я не расставался до его ранения в 1944 году. Его отправили в госпиталь, и больше на фронте он не был. Осколком мины ему задело кость ниже колена. Родом он с Алтайского края.

И вот через 36 лет у меня с ним произошла встреча. Я ездил к нему в гости и пробыл у него 9 дней и ночей. (А на следующий год он приезжал в гости ко мне.) Это была встреча «со слезами на глазах», так как он думал, что меня уже не было в живых. Потому что в боях за освобождение Ржева наша 183-я стрелковая дивизия понесла большие потери. Нас сняли с передовой и отправили в тыл на отдых и пополнение личного состава и боевой техники. Когда дивизию полностью укомплектовали, нас направили на Курскую дугу.

Быть непосредственным участником и свидетелем таких сражений, как Курская дуга и Берлинская операция, – это очень дорого и навсегда, до конца жизни остается в памяти. Гитлеровцы мечтали уничтожить нашу группу войск на Курском выступе (Курской дуге), победным маршем захватить Москву. Для этой цели немецкие войска сосредоточили огромные силы механизированных и особенно бронетанковых частей, а также большое количество авиации. Свои бронетанковые войска они вооружили новыми мощными танками под грозными названиями «тигр» и «пантера». Но ничто не спасло гитлеровские войска. За период Курской битвы (с 5 июля по 25 августа 1943 года) наши войска перемолотили их хваленую технику и живую силу противника и перешли в контрнаступление, освобождая наши города и села от фашистских захватчиков.

За освобождение г. Харькова нашей 183-й стрелковой дивизии было присвоено звание Харьковской.

Берлинская операция началась 16 апреля 1945 года в 4 часа утра. Наши войска были в 7 км от Берлина до начала наступления у реки Одер. Описать это грандиозное сражение невозможно. Ровно в 4 утра 16 апреля 1945 г. содрогнулись земля и небо. Тысячи орудий разных стволов и калибров, сотни танков, самоходных орудий, сотни самолетов в один миг заговорили по всему участку фронта. Через определенное время были включены 120 прожекторов, которые ослепили противника. Это было самое удивительное зрелище за всю войну. И вот, преодолевая сопротивление гитлеровцев, мощные огневые точки и естественные препятствия (реки, каналы) и другие заградительные сооружения, наши войска за 2 недели дошли до Берлина. 2 мая была поставлена точка в этой страшной и всеми

проклятой войне.

Какой из этого напрашивается вывод:

1. Гитлеровские войска в 1941 г. подошли к Москве на расстояние 20–25 км от Москвы и не смогли взять ее, были разгромлены.

2. Гитлеровские войска 900 дней и ночей держали в блокаде г. Ленинград, но город выстоял и победил.

3. Гитлеровские войска три месяца рвались, чтобы захватить г. Сталинград. Но и это им не удалось. 330-тысячная армия гитлеровцев была окружена и разгромлена, а командующий этой армией фельдмаршал Паулюс был взят в плен вместе с 16 своими генералами.

Это значит, что наш народ никогда не смогут победить!

За храбрость, стойкость и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками я был награжден 8 правительственными наградами, в том числе: орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалью «За освобождение Варшавы», медалью «За взятие Берлина», медалью «За победу над Германией». А также был отмечен и удостоен 12 юбилейными медалями.

Левашов Николай Петрович

Отравленный борщ

Здравствуйте!

Спасибо за предоставленную возможность рассказать о моем дедушке – Гребеннике Александре Антоновиче! Здесь представлена статья из газеты «Боевой сигнал», 1965 год, 26 ноября.

На радио «ЗВЕЗДА», где я принимала участие в акции «Помним о прошлом».

Спасибо за вашу важнейшую работу!

22 июня 1941 года.

Ясное утро обещало хороший воскресный день. Мы, группа студентов медицинского училища, готовились к сдаче очередного экзамена.

Оканчивалась наша учеба. Мы должны были влиться в состав большой семьи работников медицинской службы, встать на почетную и благородную должность охраны здоровья человека.

И вдруг тревожная весть – война! Сообщение о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну вызвало негодование всего народа. Партия и правительство призвали в эти грозные дни народы Советского Союза подняться на Великую Отечественную войну против фашистских поработителей. Ушла на фронт и я.

Трудно и горько вспоминать о прошлом, но оно никогда не забудется. Свист пуль, разрывы снарядов, стон раненых, окаменевшие лица убитых. И среди всего этого мы, совсем еще девчушки.

Много ласковых, заботливых слов приходилось слышать нам тогда от солдат в часы отдыха. Беспокоились о нас: «Ей бы дома вареники лепить, а она на фронт пришла». Или: «Ложись, сестричка, отдохни, ожидается трудный день». И как бы в подтверждение этих слов предрассветную тишину снова и снова нарушает гром артиллерийской канонады.

Выбежав из блиндажа и пройдя ход сообщения, оказалась в траншее, заполненной бойцами. Грянул новый залп. Взметнулись к небу столбы мерзлой земли, поляну затянуло сизым дымом. Взлетели ввысь три красные ракеты, бойцы лавиной хлынули через бруствер окопа и с могучим «ура» устремились вперед.

Нужно идти следом за бойцами, но вдруг сковал страх. Ноги налились свинцом, и кажется, никогда не сможешь выбраться из траншеи. А в голове бьются мысли, они толкают вперед: «Там раненые, им нужна твоя помощь. Смалодушничаешь – потеряешь

уважение товарищей и сама будешь всю жизнь себя презирать».

1941 г.

Отстал боец, странно присел на корточки и свалился на бок, а другой, раскинув руки, упал лицом вперед. Забыв страх, выбралась из траншеи и побежала на помощь. Надо как можно скорее остановить кровь, сохранить тепло в этом обессилевшем теле. Не чувствую усталости, забыв о страхе и опасности, положила раненого на плащ-палатку и потащила на сборный

пункт.

Радостно на душе за спасенного солдата. Вот так, от сборного пункта до поля боя и обратно, по несколько суток не спавши, мы жили. Так проходили наши юные годы.

Окопная жизнь, сон под открытым небом на снегу не сломили нас. Наоборот, закалившись в боях, пропитавшись ненавистью, мы стали тогда жестокими и непримиримыми к врагу.

Конечно, были у нас разные случаи. Мне хорошо запомнился один из них – встреча с земляком. Притащив тяжелораненого на сборный пункт, я пошла (а чаще приходилось ползти) за очередным. Вдруг меня окликнули: «Вернитесь, сестричка, вы же принесли своего соседа!» Не чувствуя под собой земли, я вбежала в блиндаж, но, увы, раненого узнать не могла. Но им был Сорокин Иван Степанович из села Подмошье. Разговора не получилось, но на сердце была радость: свой, земляк, и живой.

Раненых было много. Не отдыхали по несколько суток, однако никто не жаловался.

Мужеству, терпению, выдержке мы учились у раненых.

Освободив село Хайданово в Смоленской области, наша часть двинулась вперед. Но жители рассказали, что в церкви, на окраине села, есть концлагерь, усиленно охранявшийся немцами. Мы, медицинские работники, поспешили туда, чтобы оказать заключенным помощь. Но, когда пришли, увидели, что в живых осталось всего лишь несколько десятков человек. Перед бегством фашисты выдали заключенным вместо обычной бурды аппетитный борщ. Изголодавшиеся набросились на еду, а борщ был отравлен… Гневу наших бойцов не было предела.

Прошло много лет, как отгремели артиллерийские залпы, как отстучали по земле кованые грязные сапоги фашистов. Но страна не забывает своих героев. А ими были все: кто проливал кровь и кто отдал жизнь за Родину, кто вернулся раненым или невредимым – все, кто сражался за отчизну, за светлую радостную жизнь на фронте или в тылу.

Советский народ завоевал себе мир. И пусть всегда будут спокойное светлое небо, освещенные улицы, незамаскированные окна. Радостно жить, когда царят спокойствие и дружба народов.

Лидия Васильевна Рязанова, работала фельдшером в сысоевской амбулатории, лейтенант запаса. Материалы предоставлены Дмитровской центральной библиотекой.

Дорогами войны

В 1932 году переехал в деревню Василево, где мать была бригадиром, председателем колхоза. Работал при матери на полевых работах. В 1939 году закончил 7 классов рогачевской школы. В 5 классе сидел 2 года. В 1939 году поступил в Московский механический техникум, потом в Правдинский лесотехникум. Когда началась война, отучился июнь, июль, август. В августе ввели карточки – 500 гр. хлеба для студентов, работала столовая для студентов. К осени запасы подъели, столовка закрылась. Карточки были на 100 грамм и 400 грамм. Один студент, Кравцов Михаил Алексеевич, детдомовец, был осужден за подделку карточек. Когда стало совсем голодно, Михаил Иванович вместе с приятелем решили добираться домой в Василево. До Москвы добрались на электричке, но с Савеловского вокзала движение было запрещено. Сердобольный железнодорожник, выслушав их историю, посоветовал забраться в спецпоезд.

Ребята забрались в вагон и впервые увидели генерала Кузнецова. В районе Лобни состав обстреляли немцы. На платформе стояла пушка, которая обстреляла немецкий танк.

В Икше много железнодорожников, так и доехали до Дмитрова, где стояли турникеты. Михаил Иванович дошел до Старорогачевской улицы, до канала и стал подниматься по лестнице. Там его остановил участник истребительного отряда, охранявший мост. В Синькове в 24:00 его задержали. Ночью комендантский час. Патруль окликнул, отвели в штаб.

В октябре – начале ноября уже были заморозки. На брусчатке образовалась наледь. Михаил Иванович пошел, а конвоир упал, и винтовка откатилась. Михаил Иванович поднял винтовку и протянул ее конвоиру. Тот отвел его в штаб и передал командиру. Стали проверять документы, проверили сидор. Стали допрашивать, нашли девичьи письма из деревни Оревское от Тони Колосовой, она училась в Ногинске в педучилище. Михаил Иванович попытался вырвать письмо, его отшвырнули к печке, где сидел страшного вида мужчина в обмотках и бил кулаком по ноге и говорил: «Связь, связь, связь». Сурин ему и говорит – позвони. Но провода были оборваны, их пошли чинить. В это время разведчики притащили тюк, который оказался «языком». Они поймали его в селе Храброво, где сидели в засаде и поймали немца, который был в колонне, но отошел в кусты.

Прибежал связист, доложил «есть связь». Командир сказал «соедините меня с генералом Кузнецовым». Через 20 минут к

штабу подошли Лелюшенко и другие генералы и отъехали. Сурина отпустили, дошел до Бунятино. От Подвязново была тропка до Василево. Мама как увидела, так и заохала, сказала, что в Покровском немцы.

Осмотрелся немного и пошел сначала в Рогачево, узнать что и как. Напротив молокозавода бывший конвоир тащил пулемет и попросил помочь ему дотащить его к церкви. По железной лестнице потащили наверх. За рекой в сторону Ивановского увидели колонну, стали стрелять. Сурин держал ленту Их обстреляли немцы минами. Патроны кончились. Они спустились, мимо них прошел обоз с ранеными. Они подхватили раненого и потащили его в Василево в дом тети Груши Котоновой, но хозяйка отказалась. Однако подошли другие раненые, и его втащили в дом. Михаил Иванович зашел в дом к бабушке Хмелинина. К этой бабушке приехала невестка из Москвы с двумя детьми. В доме были еще два брата и младшая сестра Михаила Ивановича. Сурин сказал своим уезжать, так как шли слухи о зверствах немцев. Сурин достал лошадь и ночью всю свою семью усадил в телегу. В это время подошла 80-летняя бабушка и упросила взять ее с собой. И они отправились на восток в сторону Куликова. Утром страшные пожарища окрасили небосвод. Деревни Нечаево и Чешково были почти полностью уничтожены. К обеду снаряд ударил в крышу дома, второй снаряд попал во двор, убил овец, теленка. Михаил Иванович решил уйти из дома. Только он вышел из дома, навстречу ему идет брат Виктор, который ночевал у друзей и не уехал вместе со всеми.

Дошли до Пучковой усадьбы, там вырыта щель, где они решили спрятаться, но долго не высидели и решили уйти. Дошли до дома Хмелининых. Дом Пучкова уже сгорел, попала очередь с самолета. Немцы уже заняли Рогачево. Со стороны Васнево били минометы. В этом месте скопилось много беженцев, бойцов, отступающих. Над ними пролетели 3 истребителя, сбросили красную ленту, где был приказ двигаться на Яхрому. Беженцы разделились, часть ушла в сторону Подвязново, другие в сторону монастыря. Их догнал отряд партизан. Кроме Мишина была заврайздравотделом (носила усы) Варвара Федоровна и еще одна девушка, Мария Сергеевна Касаткина. Дошли до реки Яхромы, перешли мост, который потом выломали. Партизаны пошли в Куликово. Михаил Иванович пошел в Говейново с братом, где залезли на колокольню и увидели, что горит Василево. Сгорело 17 домов. Они слезли с колокольни и пошли к лесу, дошли до деревни Алексеевка, где встретили своего друга Соколова Алексея. С ним и в доме друга ночью отступающие солдаты отдыхали. Видели, как расстреляли бойца за пререкания. Через

много лет поисковики установили его фамилию.

Утром нужно было кормить лошадь. Михаил Иванович с другом пошли искать сено. 1500 рублей за телегу. Сурин нашел своих родных, которые жили в землянке. Партизаны дали пароль бабушке, чтобы обратиться к подпольщику, оставленному в Рогачеве, Голихину Александру. Сурин в землянке прожил неделю. 6 декабря со стороны Бунятино стали бить «катюши». Деревня горела – 82 дома. Через день пошли домой с другом Вовкой.

Звонарь зарезал все стадо свиней. Рыбаков Иван Михайлович, продавец, – был старостой – получил 10 лет. Николай Васильевич Богомолов, счетовод из деревни Луговой, был помощником старосты. Он выдал двух раненых красноармейцев, оставленных отступающими войсками. Получил 25 лет лагерей. Бабушка через брод перешла через Яхрому со своей свояченицей. С ними ушел младший брат Борис. Оказалось, что дом не сгорел, но был разграблен полностью. После освобождения Рогачево за 10 дней до Нового года пришла открытка из техникума с приглашением продолжить учебу. Отправился в Москву, а затем в Правдинск в техникум. Хлеб пекли пополам с картошкой. До Нового года голодал. Им предложили практику, и он уехал в Рязань. После практики попал летом 1942 года в Тульское пулеметное училище. С августа 1942 года по апрель 1943 года на Воронежском фронте. Держал оборону в районе города Орла и Курска, затем попал в воздушно-десантный полк. 5 июля началась Курская битва. 12 июля началось наступление (День Св. Петра и Павла) 23 августа в день взятия Харькова, был тяжело ранен у местечка Каплуновка. Командовал взводом, получил приказ на наступление. Спустя 40 лет в День Победы предрайкома партии Котельвич пригласил на праздник, где он нашел свой орден. Встреча с Жуковым – видел его в Синьково.

Медвежий овраг, по нему шло наступление. В роте 70 туркменов – 35–40-летние, по-русски не говорили ни слова. Изучал диспозицию через бинокль. Приказ – после артподготовки перейти в решающую атаку. В бинокль разглядел немецкую батарею, хорошо заминированную территорию. Собиралась пехота близ Каплунов. Сначала стали стрелять по батарее, она ответила артиллерийским обстрелом. По сигналу зеленой ракеты – взвод вперед – и немецкая батарея была захвачена. Ударил ручной пулемет. Наводчику Семичеву от взрыва мины оторвало пальцы. Михаил Иванович сам лег к пулемету и стал по вспышкам пулемета целиться в противника и стрелять. Попал в немецкого пулеметчика. В это же время с противоположной стороны ударил другой немецкий пулемет. Михаил Иванович

ударил по этой огневой точке. Рядом упала мина, пробила короб пулемета, его кожух. Сурин бросил пулемет и отправился к своему другому пулемету. Им командовал старший лейтенант Лубков. Обстреливали шестиствольными минометами типа Д. Раздавался страшный скрип и из диска (диск раскручивался) разлетались мины. Большой разлет осколков. Когда подбежал к Лубкову, выстрелил миномет, он упал. Стал разглядывать высоту, где располагался главный оборонный пункт немцев, которые защищали немецкую дивизию «Мертвая голова».

Гладкое бахчевое поле. Ударил ППШ одиночным выстрелом, так как патронов мало, приходилось экономить. Увидел немецкого минометчика и с полуколена выстрелил. Мина была выпущена, он попал в минометчика. Осколками мины было перебито ахиллесово сухожилие на ноге, и осколок попал в ухо. Его схватили за руки Лубков и санитар, потащили в укрытие, а немцы пошли в атаку Ему удалось спастись, на глазах немцы добивали раненых. В 1945 году окончил войну.

Сурин Михаил Иванович

Комдив

Мой отец сражался за Родину!

Это мой отец – Донец Александр Алексеевич. Служил комдивом 144-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии 3-го Белорусского фронта, при штурме Кенигсберга был тяжело ранен

29-го января 1945 года. На этом для него война была закончена. После войны был военкомом Туркестана, командовал Вентральными офицерскими курсами.

Донец Сергей

Отомстим за Машеньку!

Воспоминания советского офицера

Наши войска отступали перед превосходящим противником, изматывая его силы, по направлению на Сталинград. Впереди нас, отступающих, беспорядочно бежало гражданское население, стремясь быстрее уйти за Волгу. На очередном рубеже, пока артиллеристы окапываются, я – младший лейтенант, политрук батареи, – на лошади под седлом осматриваю земельный участок, который вскоре придется защищать. Проезжая вдоль леса, услышал детский плач. Сошел с лошади и увидел в кустарнике маленькую девочку, плачущую возле безжизненного тела женщины, видимо ее матери, погибшей при налете фашистских стервятников. Поднял ребенка на руки и спросил: доченька, как тебя зовут? «Машенька», – прозвучал ее несколько испуганный голосок. Она доверчиво прижалась ко мне и посмотрела глазенками, как голубое небо, бездонными. Замечу, что инстинкт самосохранения присущ любому возрасту. Машенька была очень красивая девочка, прилично одетая и ухоженная с материнской заботой. В матерчатой сумке, которую снял с руки Машенькиной мамы, находились две бутылочки с водой и с молоком, бутерброд на сливочном масле, несколько конфет «Мишка на севере», небольшая гуттаперчевая куколка и сменная детская одежда. Содержимое сумки говорило о большой родительской заботе, с которой мать относилась к своему чаду. При осмотре погибшей документов не оказалось.

Петр Демьяненко

В жизни бывает, что страсть и восхищение, с которым мы иногда отдаемся увлекательному занятию, приводит к исполнению желаемого. Именно так случилось и с Машенькой.

На руках я принес девочку на батарею. Солдаты увлеклись малышкой. Каждый хотел подержать на руках новую жизнь. Ведь завтра бой с фашистами. Там до смерти четыре шага. Отвлекаясь от завтрашнего, бойцы все внимание отдали Машеньке, смешили ее, спрашивали, сколько ей годиков. Она по-детски показывала

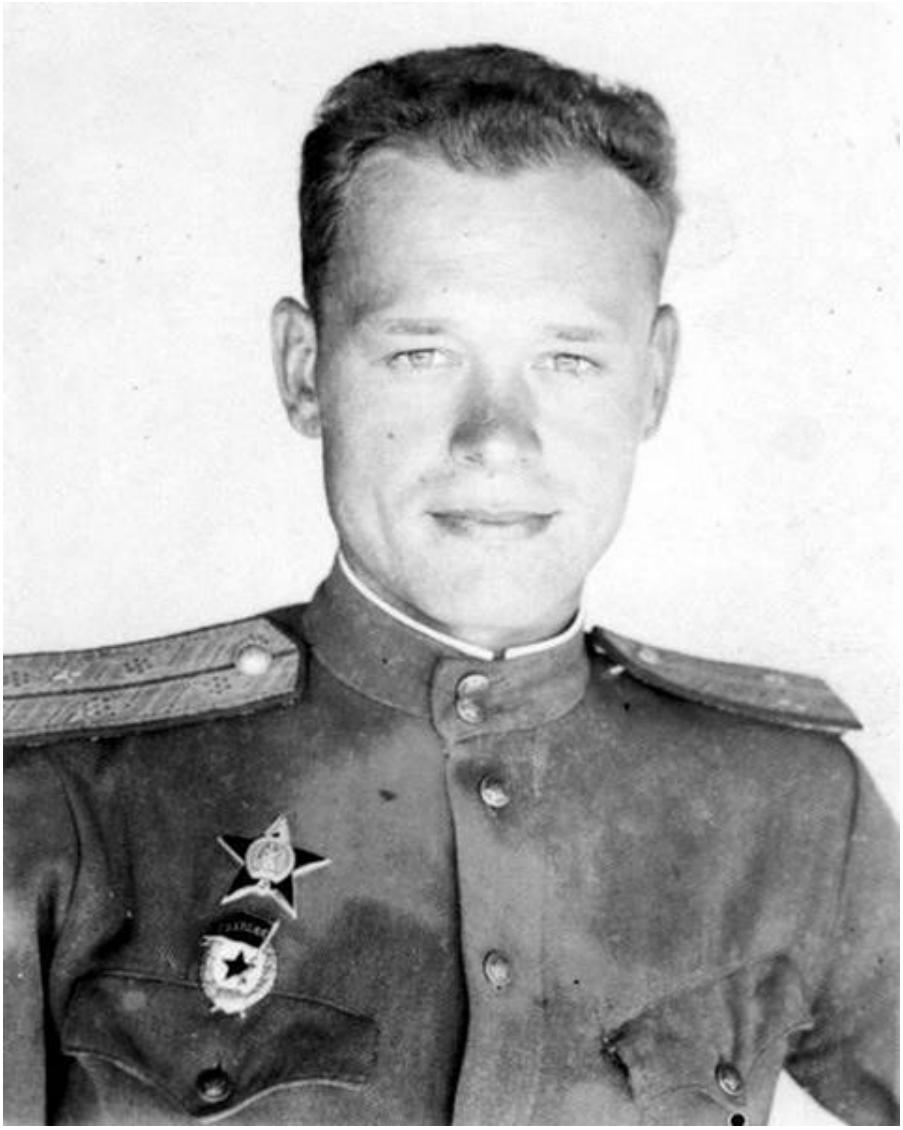
два растопыренных пальчика на правой руке, счастливо смеялась, но это мимолетное счастье было несчастным. Она еще не понимала, что осталась сиротой, потеряла на дорогах войны самого дорогого человека, родную маму, которая должна была научить ее красивой жизни, любить все хорошее и не воспринимать плохое.

Однако девочку нужно было отправлять дальше, в тыл. Пришлось поручить старшине батареи отвезти малышку в штаб стрелковой бригады. Там осмотрели ребенка и обнаружили документы, подшитые к одежде изнутри. Оказалось, у Машеньки есть дедушка и бабушка, мамины родители, проживающие в селе Яблоновое, расположенное на левом побережье Волги, вблизи города Энгельса. По указанному адресу я сообщил старикам приметы, где и как похоронена их дочь. Вскоре получил ответ. Машенькин дедушка нашел полевую могилу дочери, перевез ее тело в село и перезахоронил на сельском кладбище.

Обо всем этом я написал небольшой рассказ под обычным скромным заголовком «Машенька» и передал фронтовому корреспонденту, который выискивал для печати заметные боевые эпизоды. Он с удовольствием принял мое короткое повествование.

В продолжающихся упорных боях под Сталинградом я был ранен и находился на излечении в городе Калинине. В госпиталь постоянно приходили молодые люди от шефствующих комсомольских и других молодежных организаций. Приносили больным по ранению последние известия с фронтов Великой

Отечественной войны. Однажды возле моей госпитальной кровати присела молодая девушка, представилась и прочитала несколько боевых рассказов из фронтовых газет. В одной из них, к моему удивлению, был напечатан мой рассказ о маленькой девочке Машеньке, но уже в более расширенном варианте. В частности, описывались боевые действия воинов стрелкового батальона, поднявшихся в атаку с призывным возгласом: отомстим за Машеньку!



Небольшой газетный рассказ вдохновил на подвиги не только отдельных воинов, но целые воинские подразделения, роты,

батальоны. Двухлетняя малышка, с ее радостями и опасностями, одним своим русским именем мстила фашистам за погибшую маму, став оружием в руках советских воинов. С ее именем на устах бойцы уничтожили сотни, тысячи гитлеровских захватчиков. В связи с этим мне вспомнился один интересный момент. Шла подготовка к форсированию реки Тисы. Выполнение этой ответственной боевой задачи было поручено первому батальону 278-го гвардейского стрелкового полка 93-й гвардейской Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии. Батальоном командовал Герой Советского Союза гвардии капитан Богомаз. Ставя задачу на предстоящий бой, он кроме всего прочего обратился к воинам с призывом: «Солдаты! Мы там, в городе-герое на Волге, завоевали гвардейское звание, поэтому здесь, на Тисе, будем мстить за сталинградскую Машеньку».

В ответ на призыв командира бойцы проявили в ночном бою невероятную способность по захвату и расширению плацдарма за рекой. К полуночи была завоевана территория длиной три и шириной два километра. К утру саперы навели понтонный мост, и уже на рассвете стрелковый полк и вся дивизия были на той стороне и вели успешные боевые действия с немецкими захватчиками.

Следует отметить, что при умелом форсировании и создании плацдарма на реке Тиса батальон понес минимальные потери. В ночном бою погибли четыре и ранены одиннадцать боевых товарищей. Противник при этом потерял более сотни фашистов. Эту очередную нашу победу на советско-германском фронте следует отнести в копилку Машенькиных побед.

К сожалению, я потерял связь с маленькой девочкой Машенькой и ее родней. В госпитале на мое письмо в село Яблоновое мне ответили, что жители эвакуированы в дальний тыл. Впоследствии мне стало известно, что населенный пункт во время Сталинградской битвы был полностью разрушен авиацией противника и больше не возродился. Эвакуированные жители, видимо, нашли себе пристанище на необъятных землях Советского Союза.

Если принять во внимание образное сравнение, то второй матерью Машеньке стала советская власть. Эта вторая мама вырастила маленькую девочку, дала ей образование и счастливую жизнь, как и всем другим детям войны.

Иначе и быть не могло. Я в этом больше чем уверен.

Петр Демьяненко, пенсионер, инвалид ВОВ, полковник в отставке, Волгоград

Ушел в разведку и не вернулся

Мой дядя сражался за Родину!

Он был хорош собой, с озорными искорками в глазах, невысок ростом, что совсем не умоляло его в глазах прекрасной половины человечества. Характер у него был мягкий, но с твердыми устоями и понятиями о добре и чести.

У него было много друзей, но близкий один – Зураб Анчабадзе, – они всегда были вместе. Каждый мечтал о своем, часто они сидели на берегу своего Черного моря и мечтали о том, что пройдет много лет, жизнь разбросает их по разным местам, но когда-нибудь они снова встретятся в своем Сухуми на берегу своего Черного моря.

Все называли его Левоник, и хотя ему было уже 19 лет, ему это не мешало – Левонов много, а Левоник один.

У него, как у всех его сверстников, тоже была мечта – он хотел стать военным – мешала только болезнь отца, который вдруг занемог, и это очень беспокоило Левоника, ведь он единственный сын в семье. У него было 2 сестры – Шурочка и Асенька. Шурочка была уже барышней на выданье, а Асенька еще подросток. Всей душой он был связан именно с Асей, с ней он делил все свои мысли, рассуждал о жизни, как бы ни представлялось ему будущее, Асенька обязательно была рядом с ним.

Наступил новый 1941 год. Отметили скромно, отцу становилось все хуже и хуже, а весной его не стало. Перед Левоником встала дилемма: остаться в городе, а значит, без образования или ехать учиться. После долгих разговоров с матерью и бабушкой решили – надо ехать.

Он поступил в Смоленское артиллерийское училище, а 22 июня 1941 года началась война, и сразу же, ускоренно, был завершен курс обучения, и мой дядя Левоник стал новоиспеченным лейтенантом. Его часть была дислоцирована в Воронеже, воевала под Смоленском. В письмах домой у него было все хорошо, да иначе быть не могло, родные должны быть спокойны за него. Через 2 месяца после начала войны письма перестали приходить, а еще через энное время из части, где служил Левоник пришло письмо. В конверте был маленький бланк, где было написано, что «…Ваш сын Семерджан Левон пропал без вести…». В сопроводительном письме командира было сказано, что Левоник с группой бойцов ушел в разведку и не

вернулся. Атак как их не нашли, то, значит, они пропали без вести.

Это был страшный удар для семьи, невозможно было представить, что Левоника больше нет. Моя бабушка поседела за одну ночь – она стала седая как лунь. Умные люди говорили бабушке, что это даже хорошо, что нет «похоронки», ведь так есть надежда, что он жив, еще найдется. Но прошли годы, он не нашелся. Я знаю, что его мама так и не поверила в смерть Левоника, хотя, будучи уже глубокой старушкой, сидела у телевизора в ожидании военных фильмов. Смотря их, она плакала беспрестанно, тихо шепча имя любимого сына, а когда семья отсылала ее спать, она сопротивлялась и не уходила, продолжая тихо плакать.

С помощью родственников, живших за рубежом, несколько раз в разные годы были организованы объявления в зарубежных газетах о поиске Левоника – результат был нулевой.

Прошли годы. Сестры вышли замуж, Шурочка жила отдельно с мужем, а моя мама Асенька с мужем детьми и со своей мамой, моей любимой бабушкой Мараник. В 1977 году она умерла, проходив в трауре по сыну всю свою жизнь.

В 2004 году умерла моя мама – Асенька, которая всю свою жизнь держала большой портрет Левоника на самом видном месте. Это было все, что осталось от него.

В апреле 2015 года мы готовились к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В первых числах мая ночью звонит моя младшая сестра Марина, которая до сих пор живет в Сухуми, и плача, захлебываясь, кричит, что по местному телевидению прошла информация о розыске родственников Семерджана Левона Григорьевича. Левоника?

Через 74 года, после того как пропал без вести наш Левоник, под Смоленском, у деревни Ельня был найден солдатский медальон на имя старшего лейтенанта Семерджана Л. Г. Конечно, нашли и останки нашего Левоника, обрывки неотправленного письма домой, а в официальном бланке с биографическими данными была сделана приписка рукой Левоника – «Семерджан Ася Г.». Ася, Асенька, его любимая сестра, он думал о ней до последнего вздоха.

Я не знаю, что я чувствую. Радость, что наш Левоник, больше не пропавший без вести, или печаль, что не осталось ни одной надежды на то, что когда-то, в те лихие и страшные годы, он не остался в живых и не затерялся где-нибудь…

Его лучший друг Зураб Анчабадзе после войны стал основателем первого абхазского университета. Его бюст

установлен перед зданием университета.

Мой дядя Левоник тоже мог стать выдающимся военным или не военным, это уже не суть важно, и сделать много хорошего для своей родины, но проклятая война отняла у него его жизнь.

И хотя это случилось более семидесяти лет назад, для нас он навсегда остался нашим Левоником.

Оганесян Левон

Когда мы шли на фронт

Мой дед сражался за Родину!

Хочется рассказать мне о своем дедушке.

Но, прежде чем поделиться историей об участнике ВОВ в моей семье, я хотела бы от лица всей своей семьи выразить огромную благодарность ВСЕМ ветеранам войны, труженикам тыла, всем, кто приближал Победу! Будь-то живые или уже усопшие. К сожалению, с годами их становится меньше. Хочется пожелать им, чтобы пожили они подольше!

Своего родного деда я хорошо помню. Он умер, когда я училась в 9-м классе. Потому редкие встречи с ним во время каникул я хорошо помню. Редкие, так как жили мы далеко друг от друга, к сожалению, в разных городах. Как жалею я сейчас, что мало совсем расспрашивала деда о войне, хотя он и не любил о ней вспоминать.

А зовут моего деда Мечиков Андрей Тимофеевич. Родился 14 августа 1921 года в Свободненском районе, в селе Талали (Амурская область). Была у него родная младшая сестра Анна. У дедушки были и двоюродные братья, сестры. Один из его братьев, Мечиков Василий Александрович, также был участником той страшной войны. Много лет Василий числился без вести пропавшим.

Итак, с началом Великой Отечественной войны дед Андрей был призван в армию 23 июня 1941 года. Служил в 113-м стрелковом полку, 32-й стрелковой дивизии (как и его брат Василий). Служил стрелком.

Я нашла много информации в книгах по истории об этой дивизии и ее боевом пути. Также о ней есть много видеоматериалов.

Надо сказать, что свою историю эта дивизия начинает 20 июля 1922 года. У нее было два формирования. Первое – с 22.07.1922 по 24.05.1942. Второе – с 24.05.1942 года, когда она была преобразована в 29-ю Гвардейскую стрелковую дивизию (СД).

В 1934 году она убывает на Дальний Восток и дислоцируется на ст. Раздольное Уссурийской ж/д Приморского края.

С 5 по 11.08.1938 г. дивизия участвовала в боях с японской армией в приграничном конфликте в районе озера Хасан, где личный состав проявил мужество и отвагу.

С началом Великой Отечественной войны в связи с

критической военной обстановкой на Можайском направлении дивизия была переброшена в Московский военный округ. Она вошла в состав 5-й армии.

Можайская линия обороны 1941 года была основным оборонительным рубежом на западных подступах к Москве. Этот УР (укрепленный район) встретил немецко-фашистские войска 12 октября 1941 года. (Минское шоссе, дер. Ельня). Бои носили очень ожесточенный характер на всем протяжении линии обороны.

В р-не Бородинского поля бои развернулись 13 окт. 1941 года и шли 6 дней. 32-я СД принимала непосредственное участие в боях на Бородинском поле под Можайском. Кстати, штаб дивизии находился как раз на месте расположения в 1812 году командного пункта М. И. Кутузова.

Дивизия была растянута на фронте в 40–50 км. Правый фланг занимал 113-й стрелковый полк майора Н. Л. Солдатова. В этом полку и воевал мой дедушка – Мечиков Андрей.

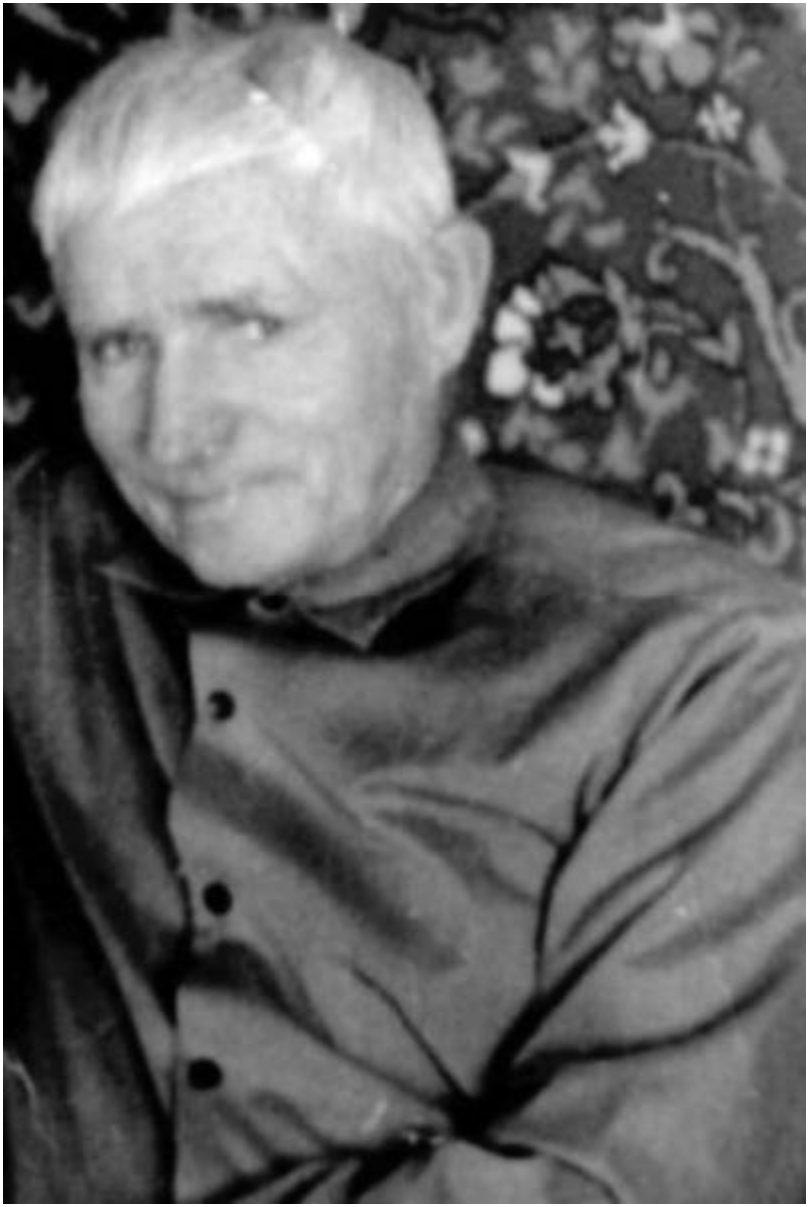
Главным итогом тех боев было то, что 32-я СД сумела остановить гитлеровцев и продержаться на этом рубеже почти неделю, дав возможность и время подтянуть резервы и организовать линию нового рубежа обороны.

20 января 1942 года был освобожден г. Можайск, а на следующий день – Бородинское поле.

Однажды моя двоюродная сестра Елена привезла нам копию письменных дедовых воспоминаний, которые он изложил кратко на бумаге, когда Елене в школе, в 4-м классе задали задание написать сочинение-рассказ о ВОВ. Этими воспоминаниями я бы хотела с вами поделиться (далее повествование идет от лица деда, как он сам писал).

– В начале войны меня взяли в ряды Советской армии. Месяца три пришлось служить на станции Раздольной Приморского края. Попал я как раз в дивизию, которая принимала участие в событиях на Хасане в 1938 году. И вот мы уже где-то в октябре месяце 1941 года были направлены на запад. Разгружалась наша дивизия в городе Можайске. А потом… А потом мы шли в бой с фашистами. Очень мне в памяти сохранились те дни, когда мы шли на фронт, а навстречу нам – женщины с детишками, старики, старушки. Усталые они были, еле-еле шагали. Вот тут у нас зло к фашистам страшное было. День-два мы шли и вдруг столкнулись с фрицами. Быстренько занять нам оборону пришлось. Трудно тогда было. Не было у нас автоматов, а только винтовки-пятизарядки. Где-то мы дня четыре продержались, когда услышали, что мы окружены. Все от тыла отрезаны. Боеприпасы кончались. Поступил приказ: мелкими группами выходить из окружения. Жалко, очень жалко

было.



Мечиков Андрей Тимофеевич

И вот наш взвод сохранившихся ребят начал выходить из окружения. Большей частью пришлось в ночное время идти. Вышли мы из окружения в районе Звенигорода. В Звенигороде дали всем ребятам несколько дней отдыха. Выдали новое теплое обмундирование. А что нас особенно порадовало – так то, что выдали автоматы. 71 патрон в диске. И вот мы опять на позиции.

Помню, рота наша была на позиции в деревне Дютьково. В деревнях, отбитых у немцев, одни трубы оставались, все сожжено фрицами было. Как было это в деревнях Большие и Малые Семенычи.

8 января 1942 г. на нашем направлении была сформирована группа из нескольких человек. Туда входили автоматчики. Среди них был и я. А также были бойцы с другим оружием. Наша задача заключалась в том, чтобы за полчаса до наступления пройти, проползти как можно ближе к вражеской позиции и при обнаружении пулеметной точки противника со всей мощи начать стрелять в нее. И вот в этот день 8 января 1942 года вражеский осколок мины поранил меня. Сразу попал в госпиталь, пробыл там дня 2–3 и был эвакуирован в город Ковров, где мне сделали операцию. Затем меня направили в госпиталь в город Абдулино. Как я был рад и даже немного горд слышать от ребят по палате, узнавших, что я с Дальнего Востока: «Ну, гад-фриц, берегись, дальневосточники и сибиряки прибыли сражаться!»

Дедушка награжден орденом Отечественной войны II степени.

После войны он работал бухгалтером. Последние годы заведовал в родном совхозе Усть-Пера (Свободненский район Амурской области) горюче-смазочными маслами (ГСМ), где честно и добросовестно трудился много лет.

Признаться, говорить о событиях Отечественной войны он совсем не любил. Как говорит моя мама: «Тяжело все это было вспоминать ему». У нее очень теплые и добрые воспоминания о своем отце, которыми она делится со мной. Мне интересно слушать это, интересно, важно и нужно знать, какой он был, хотя и сама его помню, общалась с ним.

Дед мой был добрым, порядочным, честным, отзывчивым человеком, с хорошим чувством юмора, не унывающим (хотя столько пришлось пережить его семье, родным: и невинно пострадавшие в годы репрессий, и пройти Великую Отечественную войну, это и потеря многих близких); любящим своих детей и просто обожающим своих внуков. Нет, он не сюсюкался с нами, не кричал о том, как нас любит, он просто любовь свою выражал в делах, поступках… Как мне не хватает моего деда! Добрую память о нем моя семья сохранит навсегда!

Дергунова Надежда

Наш дед разминировал участок леса

Мы знаем, что наш дедушка, Иван Никитович Лычагин (1905–1979 гг.), был призван Елань-Коленовским районным военкоматом (РВК) Воронежской области служить сержантом в Красную армию в 1940 году, за год до начала Великой Отечественной войны. Балтийский отдельный моторизированный саперный батальон, в котором дедушка служил младшим командиром, располагался в Латвии и Литве, вблизи государственной границы с Польшей, когда по ту сторону границы уже стояли немецкие войска.

Сегодня можно только удивляться, восхищаться и гордиться мужеством и выносливостью простых солдат, из подвигов которых складывалась Великая Победа!

Наш дедушка не любил рассказывать о трудностях службы, об ужасах боев, в которых он участвовал. Иван Никитович был скромным человеком. О его подвигах и заслугах мы прочитали в архивных документах тех военных лет:

«Товарищ Лычагин, находясь в 54 ОПМБ с апреля 1942 года, показал себя дисциплинированным, исполнительным, смелым младшим командиром.

4 августа 1944 г. во время наводки 5 м и 16 м понтонных мостов в районе Стиуришки, р. Даугава (река Западная Двина), после 150-километрового марша, работал на переправе 2 суток без сна и отдыха. Работая по пояс в воде, он устранял повреждения в мосту во время движения грузов, чем обеспечил беспрепятственную работу переправы.

Во время наводки мостов в районе Круствпилс (Krustpils), 14 августа 1944 г., Дунюлеяс, 23 сентября 1944 г., Калейни, 27 сентября 1944 г., тов. Лычагин проявил мужество, отвагу и боевую настойчивость. Он выполнял работы двух номеров, тем самым увлекал остальных понтонер на быстрейшее выполнение задания и обеспечил досрочную наводку мостов. Особенно отличился тов. Лычагин 9 октября 1944 г. во время наводки моста в районе Сили (Огре), когда под артогнем противника и бомбежкой тов. Лычагин, находясь по грудь в воде, извлекал (из реки) камни, которые препятствовали вводить паромы в линию моста, и быстро устранял повреждения в мосту, не прекращая движения. Благодаря инициативе и самоотверженной работе тов. Лычагина, переправы были наведены раньше срока и грузы были переправлены беспрепятственно.

19 октября 1944. Командир 54 ОПМБ, майор Бабакаев».

«Сержант Лычагин служит в 54 ОПМБ с апреля месяца 1942 года. За время службы в батальоне тов. Лычагин проявил себя дисциплинированным, инициативным, требовательным к себе и своим подчиненным.

При постройке колейной дороги в районе Виеситес-Седуе в осенне-зимнюю распутицу тов. Лычагин установил ЛСР непосредственно у постройки дороги в 1–1,5 км от противника! Несколько раз попадал под артиллерийский и минометный огонь противника. Тов. Лычагин ни на минуту не прекращал работу, работая по несколько суток без отдыха, перевыполняя норму на 250–300 %.

Из-за артобстрела тов. Лычагину несколько раз приходилось менять место установки. Благодаря самоотверженной работе тов. Лычагина задание было выполнено раньше срока. Особо отличился тов. Лычагин при постройке дороги в районе Беюкрогс в весеннюю распутицу. Получив задание обеспечить пластинами постройку дороги, тов. Лычагин сам разминировал прилегающий к дороге участок леса и приступил к распиловке леса под обстрелом противника, благодаря чему задание было выполнено раньше срока.

Командир 54 ОМПМРБ, гв. майор У. Рустинов, 20 мая 1945 г.»

За проявленное мужество и за заслуги перед Родиной Иван Никитович Лычагин был дважды награжден правительственными наградами – медалями «За боевые заслуги» 28 ноября 1944 года, и «За отвагу» 14 июня 1945 года.

Внуки: Елена Красильникова и Олег Котуков

Партизаны возникали ниоткуда

Есть события, над которыми не властно время, и чем дальше в прошлое уходят годы, тем яснее становится их величие. К таким событиям относится Великая Отечественная война.

В семидесятый раз наша страна отметила День Победы. Этот праздник остается радостным и трагическим. В памяти народной и поныне живы бессмертные страдания военных лет и безмерное мужество народа. Никогда не исчезнет гордость за Великую Победу, память о той страшной цене, которую за нее заплатил наш народ.

Когда оглядываешься на пройденный исторический путь страны, знакомишься с судьбами наших людей, убеждаешься в верности предсказаний о судьбе России – она бессмертна и непобедима. Любое другое государство не выдержало бы и десятой доли испытаний, выпавших на долю наших соотечественников. В чем же кроется секрет жизненной силы? Сила любого государства – в его гражданах, в их способности и желании защищать родную землю, честно работать. Судьбы страны и его гражданина неразделимы. Это слова о старшем поколении моей семьи – прадедушке, дедушке, бабушке, простых представителях русского народа. Они – гордость нашей семьи. К сожалению, я их видела только на фотографиях в семейном альбоме. О них мне рассказал мой отец. Поэтому война для меня не просто определенный период в истории нашей страны, а прежде всего, воспоминания и гордость. Гордость за то, что мои родные воевали и добыли вместе в другими солдатами, тружениками тыла, узниками концлагерей, детьми войны такую тяжелую и горькую, в то же время радостную и долгожданную, заветную Победу.

Что такое война? Наверно, каждый человек задумывался над этим вопросом. И вот мы – дети мира, по телевизору в новостях с ужасом наблюдаем события, происходящие в некогда братской нам Украине. Мы видим танки и солдат с автоматами, разрывающиеся бомбы в мирных поселках, невинно погибающих детей и женщин, разгулявшийся по украинской земле нацизм и фашизм. И только теперь я и мои сверстники в полной мере ощущаем и понимаем горе и разрушительную силу Великой Отечественной войны. И ужасаемся – ведь там, в том аду, когда-то были наши деды и прадеды. Они ценой своей жизни отстаивали каждый сантиметр родной земли, не давая продвинутся фашизму.

Война затронула и мою семью. Из рассказов отца я узнала, какое детство было в военное время. Взрослые с утра до вечера

работали в колхозе, ребятишки дома самостоятельно управлялись. Те, кто постарше, приглядывали за младшими. Есть было почти нечего, все продукты отправлялись на фронт. Жили в основном на картошке. А когда и ее не было, ходили на поля и искали, в надежде копались в земле. Находя мерзлую картошку, которую тогда называли «кавардашки», варили и ели, подмешивали с ржаной мукой и лебедой и пекли хлеб, а он получался тяжелым и мокрым. Однако и этому все были рады.

Несмотря на победу, война острым языком пламени была выжжена в сердцах людей, ее переживших. Ведь даже сейчас, много лет спустя, когда отец вспоминает эти страшные годы, слезы крупными, тяжелыми каплями катятся по его щекам. В такие моменты я тоже готова расплакаться. Война навсегда останется отголоском, тихим эхом в душах всех людей. Мне кажется, что нет ничего дороже его историй о защитниках Отечества. Отец до сих пор с большой нежностью и любовью вспоминает о своем отце Михаиле и матери Екатерине, которые познакомились в самой гуще Сталинградской битвы (о моих бабушке и дедушке), и о своем деде Федоре (моем прадеде), знатном партизане Брянских лесов.

Мой дед – Михаил Федорович Давыдов родился в Навлинском районе Брянской области, оттуда его и призвали на фронт в начале войны. Об этом времени мы знаем мало. Мой отец рассказывает, что он очень скупо говорил о военных фронтовых годах. Перебирая медали, а их у него было очень много, дед любил говорить только о том, как он познакомился со своей любимой женой Катюшей. Во время битвы за Сталинград его сильно ранило осколком, и он попал в госпиталь, где за ним ухаживала скромная молоденькая медсестра. Она успевала подбежать к каждому солдату, поднести воды, поменять окровавленные повязки. И всегда с нежной и доброй улыбкой она расспрашивала о здоровье и могла, одновременно, слушая истории страдальцев, хорошо делать свою работу. Это и была его будущая жена и моя бабушка Екатерина. Они полюбили другу друга, и когда дед выздоровел и снова взяв автомат, встал в солдатские ряды, а бабушка с передвижным госпиталем двинулась дальше, они переписывались и после войны, найдя друг друга, поженились. У них родились двое сыновей: Олег и Вячеслав – мой отец. К сожалению, счастье их не было долгим. Бабушка Екатерина Зосимовна Давыдова болела и как-то подойдя к моему деду, своему младшему сыну, которому было всего 8 лет, крепко обняла его, поцеловала и внезапно умерла. Война давала о себе знать и в мирное время, сея горе и разрушая семьи, забирая с собой неоправившихся от ранения людей. Бабушка ушла очень

молодой и красивой, страдая от давнего осколочного ранения.

Давыдовы

Дед Михаил, страдая от разлуки с любимой женой, отправил детей к своему отцу, то есть моему прадеду, которым очень гордится моя семья. И о нем моя отдельная история. Моего прадеда звали Федор Давыдов. Он всю свою жизнь был лесником. Жил в самой гуще Брянского леса, в деревянной добротной избе. Около избы рос огромный дуб, в котором жили дикие пчелы, приносящие дикий мед. Со слов моего отца, который после смерти матери жил долгое время с братом у него в лесной избушке, волки и медведи, обитавшие в Брянских лесах, не трогали Федора, и медведи даже приходили лакомиться диким медом на его «пасеку». В Великую Отечественную войну возраст не позволил ему встать в ряды Красной армии, и он ушел в партизаны. Был командиром одного из навлинских партизанских отрядов, которых в Брянских лесах насчитывалось более двухсот. Позывной прадеда был Феда, и его знали партизаны всех отрядов. Федор Давыдов был крепкого телосложения, высокого роста, смелым и отважным командиром. За его голову немцами была назначена большая награда. Фашисты боялись проезжать возле Брянских лесов, а тем более ходить по лесу. Партизаны всегда возникали ниоткуда, вредя врагу, взрывая мосты, топя в лесных

болотах военную технику, обозы с продовольствием и оружием, брали в плен немецких командиров и солдат, доставляя их в штаб Красной армии. В Брянских лесах, так же как и на фронтах, шли ожесточенные бои между партизанами и немцами. Немцы минировали лесные тропки, лужайки и топи. Эти отголоски войны еще долго аукались жителям окрестных брянских деревень. После войны Федор Давыдов, снова стал работать лесником и при малейшем подозрении на звук топора или треск ружья он, в возрасте 80 лет, лихо вскакивал на лошадь и мчался во весь опор за нарушителями-браконьерами. К ним он, как и к фашистам, был беспощаден. Любил, берег и уважал Брянский лес и его лесных обитателей, и они отвечали ему взаимностью.

Мой отец спал у деда на большой русской печке вместе с братом. Ему в ту пору было всего 9 лет. С замиранием сердца и почти каждую ночь слыша взрывы в лесу, спрашивал: «Деда, что это?» На что Федор Давыдов ему отвечал: «Спи, внучек, это, видно, сохатый на мине подорвался». Но не только лесные обитатели подрывались на фашистских «подарках». В мирное время уносила война и жизни людей. Дед рассказывал, что у него был лучший друг Алешка, из окрестной лесной деревушки, который вместе с родителями ехал в город на машине и погиб, подорвавшись на немецкой мине. Также он, играя с друзьями в лесу, много раз находил бомбы на открытой местности, которые лежали неразорвавшиеся, сброшенные с вражеских самолетов. Дед сразу же звал на помощь своего деда Федора Давыдова, бывалого партизана, который с товарищами вытаскивал опасный груз и увозил куда-то для уничтожения. Как-то раз мальчишки, и мой дед в их числе, играя в Брянском лесу, попали под дождь. Переждав грозу, они разожгли костер и развесили вещи обсохнуть. И тут как началась стрельба, ребята успели попрятаться кто куда. Оказалось, в том месте, где горел костер, в земле лежал автомат, с полным карабином патронов. Хорошо, никого не убило, только вещи все оказались в дырках и дедовы сапоги в нескольких местах были пробиты. Обувь в те годы была дефицитом, поэтому деду попало от его деда Федора, и с тех пор он больше не жег костры в лесу. А сколько танков и военных самолетов покоилось в топи Брянских лесов, и не сосчитать! Мой прапрадед Федор Давыдов был уникальным человеком. Жил в справедливости и умер крепким и сильным в возрасте 113 лет. Моя семья гордится им и его поступками. И я благодарна своим родным, видевшим ужасы войны и участвовавшим в военных событиях 70-летней давности, за мирное небо, за возможность радоваться и жить без бомбежек и страха.

Вот такую роль сыграла война в истории моей семьи. Сколько

людей погибло, детей осиротело, сколько матерей потеряли своих сыновей, а жены – мужей. Сколько судеб погубила война, сердец истерзала. Думать об этом больно, но не думать – нельзя!

К сожалению, сегодня на Украине совсем забыли, что война несет смерть и разрушение, забыли свою историю, перестали ценить то, за что боролись наши дорогие ветераны, потеряли всякое уважение к этим великим людям, зато поклоняются фашистской свастике. Что их ждет после этого?

Хочется достучаться до сердца каждого: «Не забывайте о тех, кто подарил нам спокойную жизнь!» Память о тех жестоких, тяжких годах должна жить в нас вечно. Мы должны научиться ценить мирную жизнь, ведь именно ради нее бились, отдавали жизни все те, кто был на войне. И вечный огонь не должен погаснуть в наших сердцах никогда.

Берова Татьяна Вячеславовна

Классом стал окоп

В июне 41-го, когда фашистская Германия с ужасающей внезапностью напала на Советский Союз, моему дедушке Алексею Шевелеву было 14 лет. В маленькое село Супра Тюменской области, за сотни километров от фронта, война приходила в конвертах – повестками, а потом, отнимая последнюю надежду, – похоронками. Как на эшафот, шла почтальонка к еще не чаявшей своего горя вдове или матери. Треугольный конверт жег руки.

– Ну что, Никитична? От моего Миши есть весточка?

И невольная вестница беды начинала издали трудный, долгий разговор. И в самом дальнем доме деревенской улицы вскакивал на полатях старик, разбуженный страшными рыданиями, пронзившими пыльную тишину теплого вечера, которую прежде нарушало лишь тонкое гудение комаров.

– Тетка Федосья каждую ночь воет, – сетовал дедушкин друг Ленька Халтурин, обирая с мелкой картошки налипшую грязь и бросая ее в ведро: осень выдалась сырая, и колхозный урожай приходилось убирать под бесконечной моросью.

– А как же? – вздыхал Алексей, мой дедушка. – Ваньку убили, от дяди Пети письма уже полгода не приходят.

Молчаливый Сашка Сергеев почти вскрикнул:

– Олько! (Таким именем звали дедушку дома, переиначив на сибирское оканье имя Алексей.) Да сколько можно это терпеть? Фашисты наших сотнями бьют, а мы на полатях посиживаем. Надо и нам на фронт.

– Да кто ж нас возьмет? – усомнился Ленька, критически оглядывая щуплую Сашкину фигуру.

– А мы, как наш ранешный председатель, добровольцами поедем, – нашелся дедушка.

– Федор Иваныч-то уже пожилой, а нам годов не хватает, – не унимался деловитый Халтурин.

– А это все равно! – возразил Сашка. – Мы к военкому поедем, в Омск. Так ему и скажем, что хотим, мол, Родину нашу защищать. Пусть выдаст нам винтовки и отправит бить проклятых фашистов.

– Когда пароход-то? – оживился Алексей. Ребята пожали плечами. – Мамка, когда пароход пойдет?

– В среду. А тебе пошто надо? – крикнула издали мать.

– Смотреть пойдем, – нашелся Ленька и зашикал на друга, стуча по лбу согнутым пальцем. – Никому! Проболтаемся – меня бабка будет стеречь, да еще дед вицей отходит. Встретимся на пристани тайно. С собой взять ложку, чашку и пару белья.

– И картошки в дорогу, – добавил Сашка.

– И сухарей…

Ранним утром, замешавшись в сутолоке уезжающих, трое пацанов легко смогли подняться на палубу. Сели где народу побольше – думали, никто и не догадается, что они едут одни. Пароход шел медленно, Иртыш под густыми тучами казался чернильным, и разговор не вязался. В соседней деревне остановились пополнить запасы дров. Пассажиры группами, маленькими и большими, стали сходить на берег. И мальчишкам ничего не оставалось, как последовать за всеми. Вот только на пустынном берегу затеряться не удалось. К одинокой троице тут же подошел высокий старик, а за ним маленькая шустрая бабуля с взволнованным лицом.

– Ребятушки, а вы с кем? – наклонил дед к ним усталое морщинистое лицо.

– А мы ни с кем, мы сами собой, – смело ответил Ленька.

– А куда направляетесь? – не отставал дед.

– К тетке моей, в Курью, – не растерялся парень.

– Вот так раз! Попутчики… А как тетку твою зовут? – не унимался старичок.

– Мм… Марья…

– И в каком доме живет твоя Марья? – с тонкой усмешкой произнес седовласый попутчик, давно заметивший заговорщические шепотки ребят.

– Дедушка, мы на войну едем! – признался Алексей, понимая, что обман шит белыми нитками.

– Ребятушки, да как же это, на войну? – запричитала старушка. – Вам бы еще в казаки-разбойники играть, а вы с фрицами собрались сражаться. Убьют же там вас.

Вокруг стали собираться любопытные. Старик обвел ребят невеселым и строгим взглядом. Зрелище и правда было унылое, особенно выделялся щуплый Сашка в безбрежных дедовых портках.

– Хороши бойцы… А кто будет пахать, сеять? Фронт кормить? Матери ваши? Ну-ка марш домой! Успеете еще повоевать. Здесь ваша война. Каждое ведро картошки – это ваша помощь Советской армии.

На пароход ребят не взяли, домой пришлось возвращаться пешком.

В 1944 году мой дедушка Алексей стал уже законным новобранцем. 26 марта ему исполнилось 17, а на следующий день он был уже в военкомате – добровольцем пошел в Красную армию. Повезло, как и не мечтал, – отправили в летчики. Как торжественно было на душе, когда впервые надел форму курсанта

авиашколы в Куломзино, как хотелось скорее взмыть в небо на крылатой машине и ринуться в бой, но впереди была еще длительная учеба. Предстояло до последнего винтика изучить легендарный бомбардировщик У-2, знакомый нам, потомкам, по фильмам «Небесный тихоход» и «В бой идут одни старики». Первые учебно-боевые вылеты дедушка совершил в качестве второго пилота в составе дружного экипажа: первый пилот – Сергей Минаев, радист-стрелок – Ефим Новиков. Подготовка шла успешно, летчики с волнением ждали весны 45-го, грезили о воздушных боях. В марте, по окончании курса, их должны были отправить на фронт. Но будни войны, в которых целесообразность важнее романтики, охладили пыл бойцов.

– Короче говоря, подвела меня буква «ш», – вспоминает сегодня дедушка. – Не дождались мы марта. Нас отправили в Черногорку, в Красноярский край. Мол, будете переучиваться на американские истребители «аэрокобра». Только мы маленько освоились, пришел приказ – сократить число курсантов вдвое. Войне уж подходил конец. Мы с ребятами покумекали, думали, нас оставят в летчиках – мы же были в рядах лучших. А капитан решил по-своему. Черкнул ручкой посредине списка. Кто выше черты, остался в летчиках, остальных отправили на Дальний Восток. А я в этом списке был последний – Шевелев. Подвела меня буква «ш»…

Ефим Новиков тоже оказался во второй половине списка, а вот Сергею Минаеву, как тогда казалось его товарищам, повезло. Была ли в этом решении скрыта тайная воля судьбы? Или в нем была заключена вся мудрость командира, который прекрасно понимал, что большая часть из тех, кто останется, – погибнет. И потому страшно отправлять в это пекло лучших. Да и кто из этих ребят лучше – кто увереннее всех сдал экзамен или тот, кто потихоньку пишет стихи в тетрадку, а может быть, тот парень с мозолистыми крестьянскими руками, которому бы после войны хозяйство поднимать, а не гибнуть в бою. Кому из них жить? Не проще ли довериться слепой воле случая, проведя черту между жизнью и смертью.

Но все-таки дедушке довелось принять участие в боях. В августе 45-го началась советско-японская война. Алексей Шевелев сражался в составе 56-й стрелковой дивизии уже в звании сержанта. 1-й Дальневосточный фронт столкнулся с ожесточенным сопротивлением японцев, засевших на высотах Острая и Верблюд. Подступы к ним были сильно заболочены, продвигаться было очень сложно. Вспоминать об этом дедушке тяжело, и на наши вопросы он все норовит схитрить, увильнуть, незаметно для нас перескочить на мирную тему, рассказать, как в

минуты передышки писали письма домой. И только один солдат не писал. Думали – сирота, оказалось – неграмотный. И дедушка взялся его учить. Под его руководством нетвердой рукой парень выводил свои первые строки: «Здравствуйте, мама и тятя…» И классом для него стал окоп, а партой – жилистая спина товарища.

В ходе одного из боев дедушка получил ранение в ногу от разорвавшейся мины. Уже в госпитале он узнал, что война завершилась победой. Советские войска стремительно разгромили сильнейшую армию Японии, положив конец Второй мировой войне и позволив избежать миллионов человеческих жертв.

Но собираться домой было рано. Миллионы бойцов погибли на фронтах Великой Отечественной, еще сотни тысяч мужчин вернулись домой изувеченными. Выжившим, молодым и сильным, предстояло еще долго охранять рубежи Родины. Бойцов Дальневосточного фронта отправили служить на Чукотку. Ехали долго, сначала до Владивостока на поезде, потом на американском судне «Liberty» в сопровождении двух подводных лодок. И здесь судьба снова уберегла дедушку.

– Уже потом я узнал, что с нами на корабле был диверсант, завербованный врагами, – вспоминает дедушка. – Он, рассказывают, вез чемодан взрывчатки. У него было задание – уничтожить судно. То ли ему помешали, то ли сам он не решился на такое страшное дело, но в порту его арестовали.

На Чукотке дедушку перевели в контрразведку. Начальнику стрелковой дивизии позвонил полковнику Томенко и попросил направить в его часть пару надежных крепких бойцов для взвода охраны контрразведки, и обязательно – сибиряков. Алексей Шевелев и его друг Ефим Новиков оказались как раз такие как надо. Дружные, еще с летной школы вместе, и никогда не унывающие. Так и служили все эти пять с половиной лет, с улыбкой, с шуткой, не жалуясь на тяготы. А сколько шалостей было – ребята же совсем еще молодые.

– Раз мы решили пойти к американцам, знакомиться, – с улыбкой вспоминает дедушка. – До Аляски ведь рукой подать. Вот и отправились ночью, по льду Берингова пролива, да еще и в маскхалатах. А идти было до ближайшего острова 18 с лишним километров. Кое-как прошли больше половины, и тут нас заметили на той стороне – поднялся шум, собаки залаяли. Мы кричим, руками машем, а они давай пускать сигнальные ракеты и стрелять. Короче говоря, пришлось нам обратно повернуть.

Юность и романтика бескрайних просторов манила открытиями. На Чукотке бойцы ездили на американских «шевроле», а где машина не пройдет – на собачьих упряжках. И

вот задумали ребята добраться на автомобиле до мыса Чаплина, где до сих пор ни одно колесо не проехало. И стали ведь «автопервопроходцами». Правда, не столько ехали, сколько толкали машину по бездорожью. По выходным солдаты ходили гулять в сопки, рыбачили на красивейшем озере Истихед, увидеть которое – уже счастье для путешественника.

Алексей справа

Служить в контрразведке было почетно. Зарплату получали

по 800 рублей в месяц, а тратить такие большие по тем временам деньги на Чукотке было некуда. Дедушка заботливо откладывал заработанное и каждые два месяца отправлял родным по полторы тысячи. А накануне мобилизации старшие офицеры вручили бойцам взвода охраны щедрые подарки: по гражданским брюкам, модному одеколону и по носовому платку. Готовые женихи получились. На корабль «Ташкент» провожали с оркестром, авторота гудела. А когда солдаты прибыли во Владивосток, от переполнявших душу чувств упали на колени, целовали родную землю и все еще не верили, что возвращаются домой.

Долгим получился обратный путь. На пароходе из Омска проплывали мимо родной Супры. Но остановки в этом пункте не было. Как ни уговаривали капитана причалить на маленькой пристани, как ни наседали на него вместе с попутчиком Сашкой Одинцовым, слышали в ответ лишь сухое: «Не положено». И здесь сработала солдатская смекалка. Увидев, что на берегу их заметили, ребята написали записку и пустили ее в бутылке в воду. Дорогую весточку передали отцу, моему прадеду Степану. И он отправился встречать сына на пристань в деревню Экстизерь. Какая это была встреча – словами не передать.

Мирная жизнь захлестнула с головой. Дедушка по направлению поехал в Тюмень учиться на агронома и там встретил мою бабушку Нину Важенину. Бойкая черноволосая красавица сама пригласила его в кино. После войны, после стольких смертей и лишений, люди были прямее, не было сил на улыбки и намеки, не было времени ждать ухаживаний, страшно было потерять драгоценные минуты молодости. Веселая и дружная вышла семья – бабушка с 14 лет была бригадиром в колхозе, дедушка в любом строю был запевалой.

И это чувство полноты жизни и стремление не потерять ни минуты на пустые пересуды и ссоры – самое главное для меня наследство от дедушки с бабушкой. И сегодня, пока живет на земле мой дедушка, пока я знаю, что он позвонит и привычно бодрым голосом спросит: «Как настроение? Как погода в доме?» – все в нашей жизни будет хорошо. Пока рядом с нами представители того несокрушимого поколения, пережившего страшную войну и сохранившего веру в будущее, мы не имеем права хандрить и жаловаться на судьбу. И порой мы просто не догадываемся, какая в нас таится духовная сила, унаследованная от них. «Деда, настроение бодрое! В доме полный штиль», – отвечаю я.

Капитанова Елена Сергеевна

Спасибо Деду за Победу!

Мой прадед сражался за Родину!

Мой прадедушка, Кошкин Сергей Иванович, родился 2 октября 1918 года в деревне Матвейково Ступинского района, Московской области.

С октября 1936 г. по январь 1939 г. он учился в Калининском военном училище химической защиты РККА, по окончании которого ему было присвоено звание «воентехник второго ранга».

В феврале 1939 года он был послан на работу в органы контрразведки СМЕРШ (в то время – О. О. НКВД), где на должностях оперуполномоченный, ст. оперуполномоченный и замначальника отделения проработал до ноября 1945 г.

С 22 июня 1941 года по декабрь 1944 года все время находился в действующей Красной армии на фронтах. С декабря 1944 года по ноябрь 1945 года работал в Главном управлении контрразведки СМЕРШ в Москве (подробнее о его детстве и службе он сам описал в своей автобиографии).

В 1939 г., по окончании службы в училище, прадедушка жил в Москве на ул. Домниковской. Первой красавицей во дворе была Алешкина Клавдия Михайловна. Вокруг нее вилось много женихов, и молодой прадедушка не был исключением. Они были знакомы с детства. Детишками бегали по двору, играли всей дворовой компанией в догонялки. Будучи юношей, ухаживал за ней, дарил первые букеты сирени, провожал до соседнего подъезда. Когда его призвали на службу в г. Каунас Литовской ССР, он сделал предложение прабабушке и предложил переехать вместе с ним. Во дворе на Домниковке прадедушка был один военным, «с лычками», как любила говорить прабабушка. После, в шутку за семейным застольем она говорила: «Я вышла замуж не по любви, а только из-за того, что ты ходил всегда в военной форме».

Кошкины (прадедушка и прабабушка)

В октябре 1940 г. во время отпуска в Москве они расписались. С этого времени и до начала войны они проживали в г. Каунасе, на улице Зеленая гора, в доме ксендза.

Прабабушка часто рассказывала нам, как ей пришлось покидать г. Каунас в первый день войны.

В этот день, 22 июня 1941 года, с утра начали летать и гудеть самолеты. Прабабушка позвонила прадедушке и спросила: «Что случилось?» – а он ей сказал: «Не волнуйся, это учения».

Кошкин слева

Но в комнату прабабушки через некоторое время вошел ксендз и сказал: «Это не учения, это началась ВОЙНА. Вы хорошие люди, ничего плохого нам не сделали, но вам лучше уехать». А вскоре позвонил прадедушка и сказал, чтобы она собрала чемодан с самыми необходимыми вещами и документами и что скоро подъедет машина, которая отвезет ее на вокзал. Через некоторое время к дому подъехала машина. Там находилась еще одна жена офицера – Леля. Вместе они поехали на вокзал. На вокзале водитель сказал прабабушке: «Вы сидите в машине, а я сейчас сначала посажу Лелю, а потом приду за вами». Взяв вещи Лели и прабабушки, водитель повел Лелю на поезд. Прабабушка осталась ждать в машине. По возвращении водителя оказалось, что поезд уже ушел, и прабабушка не успела на него. Она была на седьмом месяце беременности…

Кошкин слева

Прабабушку отвезли в штаб и стали узнавать, какой ближайший поезд из Каунаса в Москву. Оказалось, что через час отходит последний товарный поезд. На этом поезде и уехала прабабушка с одной маленькой сумочкой. Поезд шел долго, Москва не принимала поезда, и тогда прабабушка сошла на станции Ряжск и на рабочем поезде доехала до Рязани, где жила ее бабушка (моя прапрабабушка). Там в августе 1941 года у нее родился сын Игорь (мой дедушка). Через месяц прабабушка смогла вернуться в Москву и всю войну прожила с родителями и маленьким сыном в доме на Домниковской. Прадедушка в декабре 1944 года демобилизовался в Москву. Получил награду за образцовое выполнение заданий командования в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медалью «За отвагу».

Прадедушка прожил долгую (он умер в 1998 году, в 80-летнем возрасте) и, я уверена, счастливую жизнь. В 1946 году у него родился второй ребенок – дочка. Он очень любил своих внучек, двух девочек. Дожил до рождения правнучки (то есть меня) и смог принять непосредственное участие в моем воспитании. Летом я часто ездила к ним гостить на дачу, любила убегать одна и гулять (примерно в 5–6 лет), а прадедушка ходил меня искал потом по переулкам. Но я не боялась – ведь он всегда меня находил. А будучи ученицей начальных классов, на каникулы всегда приезжала к ним в гости. И мы ходили гулять на голубятню.

Прадедушка никогда не рассказывал нам – своим детям, внукам, правнукам, как там было, на войне; никогда сам не поднимал этой темы. Наверно, это было не принято. У моих знакомых дедушки тоже отмалчиваются на эту тему. Тяжело это все вспоминать.

Но каждое 9 Мая он доставал свои медали, награды, наливал рюмочку, а в глазах предательски блестели слезы…

Спасибо Деду за Победу!!! Я ПОМНЮ!!! Я ГОРЖУСЬ!!!

Дугина Людмила Алексеевна (правнучка), Кошкина Инесса Сергеевна (дочь), Дугина Светлана Игоревна (внучка), Милешина Надежда Игоревна (внучка)

Любовь, опаленная огнем войны…

…И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! – Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас…

Юлия Друнина

История о любви двух замечательных людей: честных, добрых, справедливых, горячо любивших друг друга и свою Родину, достойных памяти, уважения и внимания.

Это родители моего мужа: Ручинские Станислав Иванович (1911–1998 гг.) и Александра Константиновна (1918–2004 гг). Они были непосредственными свидетелями и активными участниками тех далеких военных лет Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Они прожили тяжелую жизнь, вырастили достойных детей и прекрасных внуков. Через их семейное счастье, преданную любовь черной полосой прошла война, с нечеловеческими испытаниями, опалив и закалив их сердца.

Война разрушила их мирную жизнь, уничтожила их планы и унесла жизнь старшей дочери Светланы в младенческом возрасте во время блокады Ленинграда.

Я также являюсь свидетелем их жизни и воспоминаний этих уважаемых людей, моих свекра и свекрови. Я прожила рядом с ними почти 30 лет. И только сейчас в зрелом возрасте, когда уже более 10 лет их нет рядом, я смогла по-настоящему оценить, какими они были и написать о них.

Станислав Иванович и Александра Константиновна родились в бедных крестьянских семьях. Молодой офицер Красной армии, украинец и русская девушка встретились перед войной в 1940 году в Ленинграде. Он – кадровый офицер Красной армии, командир взвода. За его плечами была Финская кампания, участие в боевых сражениях на Карельском перешейке, тяжелое ранение и контузия. Она – студентка второго курса Первого Ленинградского института иностранных языков, которая семнадцатилетней девчонкой, после окончания школы, приехала в Ленинград. Поступила работать на завод «Электросила», два года проучилась на рабфаке, а затем поступила в институт.

Александра Константиновна, 1939 г.

Станислав сразу обратил внимание на красивую девушку, невысокого роста, с длинной темно-русой косой и веселыми карими глазами. Влюбился в нее с первого взгляда и, как взрослый военный человек, сделал ей предложение руки и сердца. Станислав написал рапорт командиру части, где служил, и поехал свататься к родителям Шуры. В парадном мундире с кавалерийской саблей, бравый офицер понравился всем в деревне. Он был простым, добрым парнем, душа нараспашку. За

два дня он успел и крышу починить, и дров нарубить, и сена для коровы накосить. В общем, парень без дела не сидел. Мать радовалась, парень хороший, за таким не пропадешь. Мария Васильевна послала дочери в Ленинград срочную телеграмму: «Приезжай, я заболела». Шура приехала, и вопрос был решен. Мать их благословила.

Молодожены, 1940 г.

В августе 1940 года они поженились. Свадьба была скромная: ужин в общежитии среди подружек Шуры и двух его друзей. Станислав с радостью и любовью принялся «одевать» свою Шуру. Купил сапожки, шубку, платье, туфли. Ему так хотелось, чтобы его любимая жена была тепло и красиво одета, а вот на кольца денег не осталось.

Станислав служил в Ленинградской области, а Шура училась в Ленинграде. В казарме молодым дали комнату, обстановка армейская: две тумбочки и кровать солдатская односпальная.

Они были счастливы!

На войну Станислав Иванович ушел 22 июня 1941 года в должности командира мотострелковой роты, оставляя в Ленинграде беременную жену. Институт, в котором училась Шура, был эвакуирован, а ей врачи запретили уезжать из Ленинграда, в конце сентября она должна была родить их ребенка.

24.07.1941 г. в районе совхоза Выбыти на Северо-Западном фронте Станислав Иванович был тяжело ранен в левую руку, а 24.09.1941 г. он был ранен осколком в шею на Ленинградском

фронте.

Из медсанбата он сразу возвращался в строй.

В наградном листе от 30.09.1941 г., который подписали командир мотострелкового пулеметного батальона 122-й танковой бригады Кузьмин и комиссар батальона старший политрук Батурин указано: «Командир роты истребителей танков Ручинский С. И., 1911 года рождения, украинец, член ВКП(б), 25.09.1941 г. в бою за деревню Гайталово Мгинского района Ленинградской области проявил себя исключительно мужественно. Своей истребительной ротой уничтожил три танка, одну штабную машину, несколько пулеметных гнезд. Одновременно организовал бойцов из других частей и повел их в атаку».

В 1941 году был издан Приказ по войскам Ленинградского фронта № 01009/Н: «От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю орденом Красной Звезды Ручинского С. И. командира роты мотострелкового пулеметного батальона 122 танковой бригады».

20 октября в Москве объявлено «осадное положение», Станислав Иванович был назначен заместителем командира батальона.

Под Москвой продолжались кровопролитные, изнуряющие бои. Во время боя под Слободой был тяжело ранен командир батальона. Командование батальоном взял на себя С. И. Ручинский. Батальон выполнил задание. В этом бою Станислав Иванович был тяжело ранен в правую ногу, которая превратилась в кровавое месиво. От большой потери крови он мог умереть, если бы не бойцы его батальона. Они на руках вынесли своего командира с поля боя. Хирург медсанбата хотел ампутировать ему ногу из-за начальных признаков гангрены. С. И. Ручинский категорически отказался. Девять месяцев он пролежал в военных госпиталях, врачам удалось спасти раненую ногу.

Гвардии старший лейтенант Ручинский С. И.

В первых числах октябре 1941 года в блокадном Ленинграде Александра Константиновна родила дочь Светлану. Рядом с ней была ее старшая сестра с трехлетним сыном. Вместе женщины стойко переживали трудности. Наступившие жесточайшие декабрьские морозы, голод и холод отнимали у них последние силы. Истощенные, слабые, измученные голодом, они работали, а также вынуждены были бороться за жизнь своих детей. Без еды, воды и тепла каждый прожитый день был героическим. Фашисты

днем и ночью постоянно совершали воздушные налеты на город. Женщин очень изматывали воздушные тревоги и походы в бомбоубежище. Из-за сильных морозов вышли из строя центральное отопление, водопроводная и канализационные сети. Им установили печку-»буржуйку», которую приходилось топить вместо дров мебелью и книгами. Аза водой они ходили на Неву. 03 февраля 1942 года Александра Константиновна мужественно пережила смерть от голода своей четырехмесячной дочери Светланы. Она, опухшая от голода, тяжело болела. Только ее сильный характер и стойкость помогли ей выжить.

Однажды сестра Александры Константиновны выменяла на рынке маленький кусок мороженой конины. Две женщины с трудом прокрутили кусок мяса через мясорубку, устали и замешкались. Не успели оглянуться, как трехлетний сын сестры Юра съел сырой фарш. Соседка помогла спасти мальчика. А в голове – страшная мысль: «Сегодня мы могли потерять второго ребенка».

С. И. Ручинский с сослуживцем

В марте 1942 года Александре Константиновне вместе с сестрой и племянником Юрой удалось выехать из блокадного Ленинграда, по ледовой Ладожской дороге – Дороге жизни. На глазах у Александры Константиновны машина, следующая за ними, ушла под лед. Видя, как гибнут люди в ледяной воде, они ничем не могли им помочь. Да и их жизнь в этот момент висела на волоске. Это стало для них еще одним потрясением. Эта дорога для многих людей стала последней. Больные, измученные,

оборванные, опухшие от голода они добрались к родителям в деревню. Когда они появились на пороге своего дома, Мария Васильевна их не узнала, кожа да кости. Понемногу приходя в себя, они начали трудиться в колхозе для фронта. Александра Константиновна работала счетоводом, исполняла обязанности заместителя председателя колхоза. Работы в колхозе было много, рук не хватало, одни женщины да дети. После тяжелейшей работы с раннего утра до поздней ночи женщины еще успевали вязать носки и рукавицы для фронта.

После хирургических операций изуродованная нога Станислава Ивановича с трудом влезала в сапог. Преодолевая боль, он снова учился ходить.

Гвардии капитан Ручинский С. И.

Станислав Иванович понимал, что, если он придет на медкомиссию на костылях, его немедленно уволят из армии. Поэтому на комиссию он пришел, опираясь на палку, которую оставил за дверью кабинета комиссии. Превозмогая боль, вошел в кабинет. «Какие у вас жалобы?» – спросил военврач. «Немного побаливает левая рука после ранения. Но это не помешает мне бить фашистов. Прошу направить меня на фронт», – ответил Станислав Иванович. Он обманул врачей и был направлен в распоряжение Командования.

В сентябре 1942 года после прохождения лечения в госпитале заместителю командира батальона Ручинскому С. И. был предоставлен краткосрочный отпуск. Он поехал на родину жены.

Встреча с женой была радостной и горькой. Они не виделись больше года, а сколько пережито, будто полжизни прошло. Он не узнал свою любимую Шурочку с грустными карими глазами, в которых была тоска и скорбь. А ведь когда-то она была первой хохотушкой среди подруг. Он тоже изменился, стал молчаливее, совсем не улыбался. Его глаза были наполнены болью и страданием. Они обнялись, его большие теплые руки обхватили ее. Шура зарыдала, из ее груди вырвался стон. Пронизывающая боль завладела ею снова, хлынули ожившие воспоминания. Как она долго терпела эту боль и только сейчас рядом с ним дала волю своим чувствам. Ведь с момента смерти дочери она не проронила ни одной слезинки, как будто окаменела, а сейчас эта боль вырвалась изнутри. Она чувствовала свою вину перед мужем, что не сберегла их дочь. Уткнувшись лицом в его гимнастерку, она не могла сказать ни слова, а он только крепче прижимал ее к себе. Они просидели так очень долго. Смерть дочери была для них невосполнимой утратой.

Гвардии майор Ручинский С. И. (четвертый слева в нижнем ряду)

Его любовь и забота возвращали жену к жизни. Она работала, приходила домой очень усталая. Прихрамывая на одну ногу, он старался во всем помогать по дому. Быстро пролетели счастливые денечки отпуска Станислава Ивановича. В конце сентября он уехал на войну. Чуть свет он собрал вещмешок, поцеловал жену, взял палку и зашагал по дороге, до города было пять километров.

Станислав Иванович продолжал служить в Красной армии, сначала заместителем командира, а затем командиром батальона. Он присылал жене теплые письма, которые согревали ей душу. Из писем Александры Константиновны он узнал, что она ждет ребенка. Эта весть его очень обрадовала, хотя и взволновала. Он очень любил свою жену и беспокоился о ее здоровье.

В июне 1943 года Александра Константиновна родила сына. Роды у нее начались так быстро и незапланированно, что рожать ей пришлось прямо на заседании Правления колхоза. Имя выбирали всем Правлением колхоза, и малыша назвали Валерием в честь Валерия Чкалова.

За выполнение боевых заданий Командования на фронтах Великой Отечественной войны, проявленные при этом доблесть и мужество, Ручинский Станислав Иванович был награжден: почетным знаком «Гвардия», двумя орденами Отечественной

войны первой степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Александра Константиновна – труженик тыла, награждена почетным знаком «Жителю блокадного Ленинграда», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями, почетными грамотами и дипломами.

На этом история жизни моих свекра и свекрови прерывается из-за регламентированного объема статьи.

Они всю жизнь прожили в любви и согласии, принесли большую пользу нашей Родине и похоронены с воинскими почестями.

В последний путь их провожал почетный караул и военный оркестр.

Взвод солдат трижды салютовал Станиславу Ивановичу 23.03.1998 года и трижды салютовал Александре Константиновне 24.01.2004 года.

Любящие супруги Ручинские. Вместе прожили 57 лет

R S. Они вырастили двух замечательных детей. Сын, Ручинский Валерий Станиславович – член-корреспондент Российской Академии космонавтики, подполковник запаса Советской армии, автор более 300 научных работ, профессор Российского национального исследовательского университета, ветеран труда.

Дочь – Людмила Станиславовна работала в Управлении

социальной защиты населения, ветеран труда.

Все внуки получили высшее образование, трое из них имеют ученую степень.

Ручинская Наталья Викторовна

Под Витебском. Дневник отца

Дорогой читатель!

Предлагаю тебе отрывок из военных дневников моего отца, младшего лейтенанта Григория Литинского. Я не изменила в них ни строчки.

Григорий Абрамович Литинский (1924–2000) родился и вырос в Москве. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды. Окончил МАМИ, много лет проработал конструктором, а впоследствии начальником Опытно-конструкторского бюро при Управлении благоустройства города Москвы, защитил кандидатскую диссертацию. В 1992 году эмигрировал в США для воссоединения с семьей. Прожил последние восемь лет жизни в Бруклине, штат Нью-Йорк. Человек разносторонне одаренный и активный, он написал с десяток рассказов и воспоминаний-очерков, три из которых были опубликованы в Москве в журнале «Еврейская улица» (1995) и в США в газете «Forwards» (1999), а также в сетевом журнале «Гостиная» gostinaya.net/.

Под Витебском

Из дневника младшего лейтенанта.
Октябрь – январь 1943–1944

На марше

Поезд довез наш полк до Великих Лук – маленького, разбитого войной городка. Ничего «великого» мы здесь не увидели. Выгрузились и пешим маршем двинулись через столь же разбитый Невель в Белоруссию освобождать Витебск. Путь невелик: около двухсот пятидесяти километров. Но осень, дорогу развезло, сапоги вязнут. Молодые солдаты идут усталые, сонные. На привале моментально засыпают. Это юноши семнадцати-восемнадцати лет, они еще не успели стать мужчинами. При подъеме нужно всех разбудить, собрать, а ночью и разыскать. А тут еще куриная слепота появилась: в темноте бедняги ничего не видят. Бредут цепочкой, мелкими шажками, держась один за другого. Куда таким воевать! Но их не отправляют даже в медсанбат.

Авиация немцев налетела на полк всего один раз. У нас была

дневка в лесу. Это заметила «рама». Позже появились «юнкерсы» – и началось… Особенно досталось штабу полка. Были потери. Убило и санинструктора – боевую подругу замполита.

Вскоре он провел урок устрашения для всего нашего батальона. Мы были остановлены на марше. Перед строем вышел майор-замполит. Два автоматчика вывели солдата с забинтованной рукой на перевязи. Майор зачитал приказ: «За самострел солдата расстрелять!» По щекам паренька катились слезы, но он молчал. Автоматчики дали по нему очередь. Солдат упал на снег. Раздалась команда, и потрясенный батальон снова пришел в движение.

На привале я обедал вместе с приятелем, взводным Спицыным. Володя был старожилом полка и порядки знал. Мне представлялось, что самострела лучше бы подлечить и отправить в штрафную роту.

– Есть приказ, и никакой комиссар не может его нарушить, – сказал приятель. – В полку существует СМЕРШ, а сзади нас стоят заградчики. Если драпанем, они будут по нам стрелять. Так что есть все «условия» для наступления.

Действительно, позади полка расположились подразделения НКВД с крепкими, хорошо кормленными солдатами.

От Спицына я также узнал и о страшном ЧП, когда на Орловщине командир нашего полка перебежал к немцам. У него был конфликт с замполитом. Немцы писали об этом в своих листовках. Володя тогда служил при штабе, но за какую-то оплошность был переведен в нашу роту.

Наступление началось

Наш поход закончился. Батальон находился во втором эшелоне. Вокруг расположились артиллерийские орудия. Вместе с реактивными минометами – «катюшами» – и огромными ящиками – «андрюшами». Эти орудия заняли всю свободную площадь. Через несколько дней, утром, они загрохотали. Канонада, от которой, казалось, могли лопнуть барабанные перепонки, продолжалась более часа. Артподготовку поддержали наши самолеты. Было видно, как они сбрасывают свой смертоносный груз. Наступления пехоты мы не видели, но вскоре по дороге потянулись раненые. Знакомый молодой лейтенант шел счастливый и высоко держал здоровой рукой забинтованную: «Я – в госпиталь, на отдых!»

Но прорыва обороны немцев не произошло. На третий день ночью в окопы передней линии ввели наш батальон. Сменять

практически было некого. Раненых отправили в медсанбат, а убитые лежали на дне окопов. Их никто не убирал и не хоронил. Мы буквально ходили по трупам.

Наутро выяснилось, что немцы отступили. Батальон открыто вышел из окопов, построился и пошел колонной догонять противника. Мы шли по подмерзшей и припорошенной снегом равнине, не встречая никакого сопротивления. К вечеру местность изменилась, и мы подошли к поросшей лесом возвышенности.

Бои с заградчиками

Роты вошли в лес, поднялись на гряду и двинулись вдоль глубокого оврага. Но здесь нас встретили пулеметным огнем с другого берега. Комбат приказал взводу выбить противника. Это был наш первый бой. Трудным оказалось поднять в атаку сразу весь взвод. Одни солдаты уже вышли из окопов, другие сидят, не решаются. Пока поднимешь этих, первые вернулись в окопы. Но вдвоем с помкомвзвода криком, матом и пистолетом мы подняли всех. Солдаты побежали, крича, ругаясь и стреляя на ходу. Преодолели овраг, ворвались в окопы. Немцы бежали. Тех, кто остался, добили. Разгоряченные солдаты взяли первые трофеи: галеты и консервы. Наши потери – всего два человека. Комбат операцией остался доволен. Он был майором и носил громкую фамилию – Суворов. В мирной жизни был учителем. Ко мне благоволил, наверное, за исполнительность и способность ориентироваться. Это чувство у меня врожденное.

Младший лейтенант Григорий Литинский

Движения батальона вдоль оврага возобновились. Стало уже почти совсем темно, когда мои солдаты обнаружили впереди еще одни окопы с немцами. Те не просто ждали нападения и громко разговаривали. Опытный помкомвзвода предложил забросать их гранатами. Но вмешался комбат и приказал обойти немцев. Почему смалодушничал Суворов и не принял бой, я не знаю. Батальон начал обход, но немцы нас заметили и открыли огонь. Все помчались вниз по склону. Это уже было не подразделение, а

стадо, которое просто расстреливали. В конце склона я упал, и ординарец, решив, что я ранен, схватил меня и попытался тащить. «Я в порядке!» – кричу. К счастью, мы все оказались вместе: помкомвзвода, снайпер и я с ординарцем. Опомнившись, стали отстреливаться. Рядом стоял огромный валун. Откуда-то сбоку выскочили немцы, поставили на валун пулемет и стали расстреливать нас в упор. Но наша команда встала во весь рост и перестреляла пулеметчиков. Остатки батальона катились с горы. Под руки волокли замполита: он был ранен в обе ноги.

Был смертельно ранен и наш снайпер. Он хрипел и просил: «Пристрелите меня!» Этот худенький мальчик, стольких спасший, не хотел попасть в плен к немцам. Его отнесли в сторону, и вскоре он затих. Мы не хоронили своих погибших. Это делала похоронная команда.

Долго по ночам мне снилось: «Пристрелите меня!» Он просил не спасти его, а пристрелить. Непостижимо!

Бой, если эту бойню можно так назвать, кончился. Под горой оказалась чудом не сожженная деревня. Мы обогрелись и переночевали в одном из домов. А наутро поредевший батальон колонной вновь двинулся вперед. Местность открылась равнинная. И мы опять шли, не встречая сопротивления. Впереди по горизонту поднимались дымы – немцы жгли деревни. Мы находили только печи, трубы и догорающие угли. Жителей угнали. Равнина сменилась холмами. На них снова сидели немецкие заградчики. Огнем они остановили наш батальон. Взвод залег на краю кустарника, а батальон углубился в рощу.

Когда стемнело, меня вызвали в штаб. Комбат сказал: «Есть задание захватить „языка“. Пойдете с этими людьми». Рядом стояли пятеро в белых костюмах, вооруженные автоматами и ножами. «А это сержант, – продолжал комбат. – Он знает, как лучше выполнить задачу». Познакомившись, отошли покурить. Пятеро производили впечатление настоящих головорезов. Откуда они – не говорят, но не наши полковые.

– Младшой, – поинтересовался сержант, – а ты местность знаешь?

– Знаю, – говорю. – Днем заметил, где они сидят.

– Тогда пошли.

И мы цепочкой двинулись в темноту. Ракетят – ложимся, темно – идем. Я понадобился этим разведчикам как проводник. Подвел их к высотке. Сержант осмотрел подходы, махнул рукой, и все поползли. Немцы периодически бросали ракеты и постреливали – то ли из бдительности, то ли для храбрости. Нас они обнаружили, но достать не смогли. Опытный сержант отступил по мертвой зоне. Посидели, отдохнули – и к новой

высотке. Снова сержант все осмотрел и повел группу дальше. Опять неудача: немцы обнаружили нас раньше, чем мы смогли ворваться в их окопы. Они закричали и стали стрелять из всех своих стволов. Одного из разведчиков ранило в ногу. Отошли и перевязали его. Я высунулся с предложением атаковать третью высотку. Сержант ответил резко:

– Ребята устали.

– А как же вернемся без «языка»? – снова возник я.

– Ты жить хочешь? Если да, то веди обратно.

Наконец до меня дошло. Перспектива схлопотать пулю от своих меня не устраивала.

– Пошли! – говорю. И повел группу назад. Раненого разведчики поддерживали под руки.

К моему сообщению о неудаче рейда комбат отнесся спокойно. Не его это было дело.

Разведчики к нам на кухню не пошли.

– Прощай, младшой! – и подались в тыл к своим.

Повар накормил и напоил меня без нормы. Продукты и водку получали по старым спискам, включавшим выбывших в медсанбат и… на тот свет, я, захмелев, уснул у кухни. Проспал, может быть, час, так как не успел еще замерзнуть. Уже рассвело. Меня разбудил новый замкомбат.

– Принимай взвод и выбей немцев с высоты перед батальоном!

Я моментально протрезвел.

– Будет тебе поддержка. Пошевеливайся!

Начальство ко мне явно «благоволило» – ночью в разведку, днем в бой. А в батальоне еще восемь взводов!

Пришел к своим, объяснил. Пробрались мы через край рощицы и броском по склону вверх. Да не тут-то было. Немцы обрушили на нас шквал огня. Мы залегли да и назад в рощу уползли. А здесь меня поджидал замкомбат.

– Ты же обещал поддержку, – говорю.

А он вынимает свой ТТ и говорит:

– Не возьмешь высотку – пристрелю!

Пошептались с ребятами и дружно, стреляя на ходу, еще с «ура!» – бегом в атаку. Немцы сначала отстреливались, а потом побежали. В окопах лежал убитый немец и брошенный пулемет «шмайсер».

У нас тоже были потери: ординарца ранило в бок. Я его как-то перевязал – место неудобное – и отнес к своим в батальон. Рана оказалась неопасной. Позже я встретил его на посту, около медсанбата. Радостный, он благодарил меня как своего

спасителя.

Тем временем взвод расположился в немецких окопах, а батальон так никуда и не двинулся из рощи. Когда стало смеркаться, ко мне пришел поболтать Спицын. Мечтой Володи было получить легкое ранение и отправиться в госпиталь. Мы вышли вперед за окопы, тихо переговаривались, курили махорку, пряча цигарки в рукав. Выглянула луна и осветила равнину бледным светом. Вдруг мы увидели силуэт идущего на нас человека.

Залегли. А когда он поравнялся с нами, вскочили и направили на него оружие. Традиционное: «Хенде хох!» Он бросает винтовку с оптическим прицелом и поднимает руки. Снайпер. Володя резко бьет его по лицу и снимает с руки часы. Я решил отвести пленного в батальон. Ведь это же шикарный «язык». В штабе комбат устроил ему короткий допрос. Я был за переводчика. Главное, что стало известно: перед нами люфтваффе, то есть части отборной воздушно-десантной дивизии. Комбат сообщил в полк, и очень скоро за пленным прибежали. А он все повторял, что он – рабочий, и жаловался, что его побили, показывая приличный фингал.

Так неожиданно успешно закончилась поимка «языка», и я позабыл о нем. Бежали дни. Бои с немецкими заградчиками кончились. Мы остановились перед новой сильной линией немецкой обороны. Наши окопы полного профиля находились в низине, а немецкие – на высотах. Ничего существенного у нас не происходило. Правда, один раз пошли наши танки. Они двигались по одному маршруту, и при выезде на нейтральную полосу их подбивали немецкие пушки. Какое-то время танк горел, а потом взрывался. Мы были промерзшие до костей. Кто-то додумался выскочить из окна погреться у танка и юркнуть снова в окоп. Я тоже принял участие в этой игре. Видимо, моя психика как-то сдала в результате длительного физического и душевного напряжения. Почему танки не меняли своего маршрута непонятно. Только танкового прорыва не получилось.

Окопная жизнь отличалась монотонностью. Обычно нас кормили ночью. Приходил старшина с термосами и наполнял наши котелки едва теплой пищей.

В одну из ночей старшина, накормив нас, спросил:

– Кто здесь Литинский?

– Я, – говорю. И он передает мне небольшой сверток. Внутри была коробочка с орденом Красной Звезды.

Григорий Литинский под Витебском, 1944 г.

Ситуация была не торжественная, и я просто спрятал коробочку в карман гимнастерки. Подумал: «Наверное, за „языка“». А Володя Спицын ничего не получил. Убило его, и мечта о госпитале не сбылась.

Потери в полку были столь велики, что из ездовых, сапожников и других «старичков» собрали одну роту. Командиром этого «воинства» назначили меня, как уже самого опытного и единственного младшего офицера.

Приближался новый 1944 год, а мы с осени не были в бане. На морозе вши нас не трогали, но стоило зайти в землянку погреться, и жизнь становилась немила. Они досаждали нам

больше немцев. Мы раздевались догола, старались вытрясти этих кровососов из белья в костер. В пламени они звонко трещали, а мы, как дикари, радовались. Но это мало помогало. Другим мучением было отсутствие питьевой воды. Мы растапливали снег и пили, а он был весь в пороховой пыли. Добавкой к голодной диете был «махан» – вареная конина из убитых лошадей. Долго это не могло продолжаться. Я заболел. Лечил меня старшина, заставляя пить водку с солью. Думаю, это усугубило мое состояние. Наконец меня, обессилевшего, увезли на маленьких саночках в медсанбат – ходить я уже не мог. Старшина всхлипывал, просил взять его с собой.

Во время врачебного осмотра я видел несколько других пострадавших. Но запомнился один, возможно, узбек который показал свои обмороженные гениталии. Это были две большие красные дыни с крошечным наперстком сверху… членом. Такое может присниться в кошмарном сне.

В медсанбате мы помылись в бане и сменили белье. Вот это жизнь! А через день нас отвезли на железнодорожную станцию и отправили в теплушках в калининский госпиталь. Шел январь 1944 года.

Госпиталь находился в здании школы. Наша палата на 4-м этаже была просторной. Я лежал в середине, не имея тумбочки, не касаясь стенки. После передовой, казалось, что попал в рай. Чисто, светло, сытно кормят. Доктор – заботливая пожилая еврейская женщина. Ребята быстро приходили в себя. Многие были награждены. Они надели свои ордена и медали прямо на рубахи. Это выглядело очень красочно. Никаких скандалов и разборок, хотя под подушками было оружие, и никто не требовал его сдать.

Вскоре я окреп и записал события, пережитые под Витебском, в дневник. Райское житье продолжалось около месяца. Я выписался в свою часть и на собственный страх и риск поехал на пару дней в Москву.

В Витебске я так никогда и не побывал. Старинный город видел на картинах Шагала в Пушкинском музее. А современный – уже в Нью-Йорке по ТВ. Там проходил музыкальный фестиваль Украины, Белоруссии и России. Нам показали красивый современный город на полноводной Западной Двине. В городе был праздник, и невозможно было представить себе события, происходившие здесь полвека назад.

Елена Литинская. Перепечатано из дневника в Нью-Йорке в 1994 году.

Неизвестная война. Пулеметчики-камикадзе

Мой отец, Мальцев И. Н., к сожалению, не дожил до 70-летия Победы. О чем я бесконечно жалею.

Он очень не любил рассказывать о войне. Вернее, не то чтобы не любил, а просто не рассказывал. Я больше знаю о том, что ему и его семье пришлось испытать во время войны, от родственников.

Его отец ушел в июне 1941-го добровольцем на фронт и в сентябре 1941-го погиб под Киевом. Жена с 3 ребятишками – девочкой и двумя мальчиками (одним из которых был мой отец) попали под оккупацию в Харьковской области. Отцу, а тогда мальчику Ване, было 16 лет, и он сбежал в лес к партизанам. А его маму с двумя маленькими детьми угнали в Германию. По пути в Западной Украине эшелон разбомбили, мама вскоре умерла, а детей отдали в детдом.

Тем временем Ивану партизаны дали задание – угонять колхозное стадо, которое было очень многочисленным, на восток страны, чтобы оно не досталось врагу. И он один, пешком, убегая от наступающего фашиста, довел практически без потерь все стадо до Воронежской области, где сдал его под роспись местному начальству.

С этого момента и до 1944 года сражался в партизанском отряде Воронежской области.

Потом, после небольшой учебы, его направили на Дальний Восток вместе с войсками, которые вернули из Европы.

И там началась война по освобождению Сахалина от японцев. Закончил войну отец в Маньчжурии.

Единственный эпизод, который он рассказывал мне лично, был о разведке.

Его вместе с двумя бойцами отправили разведать японские дзоты, к которым цепями были прикованы пулеметчики камикадзе. Которые приносили нашей армии немало потерь.

На задание пошли ночью, но не успели выполнить задание до

конца. И днем им пришлось залечь в болото. Еде они вынуждены были дышать через трубочки, сделанные из тростника. Такой же эпизод недавно читала в истории об отце нашего президента. Что говорит о том, что это был не из ряда вон случай. Следующей ночью бойцы засекли все имеющиеся дзоты и вернулись.

На следующий день началось наступление по всей линии фронта под руководством маршала Василевского, где потери были минимальными. За выполнение этого задания отец был награжден орденом Красной Звезды.

Еще – это отец рассказывал уже моему брату – своей жизнью он обязан старослужащим, которые до этого уже прошли пол-Европы. Они берегли его, молодого салагу. Был случай, когда их полк должен был пойти в наступление, а командир послал его восстанавливать порванный телефонный кабель. В том бою было очень много потерь. Так что несказанное спасибо тем командирам, что сохранили нам отца. Иначе нас бы не было.

Наша страна празднует день окончания войны и День Победы в один день – 9 мая.

Хотя это неправильно, на мой взгляд. Потому что молодежь даже не знает о том, что была еще и такая война в нашей истории.

Последняя награда у моего отца датирована 3 сентября 1945 года, когда Японией была подписана капитуляция.

И эта дата заслуживает того, чтобы мы ее отмечали. Ведь на этой скоротечной войне мы потеряли погибшими около 15 тысяч человек. И несправедливо про них забывать.

Мальцева Наталья Ивановна

Из окружения и плена

Бежать из лагеря помог немец

Малютин Павел Васильевич служил в конно-артиллерийском дивизионе в городе Ломжа (Польша) с 1939 года.

В июне 1941 года войска Красной армии проходили учения и после двух недель полной боевой готовности (все спали в одежде и с оружием) 21 июня вернулись в расположение части, привели себя в порядок и по команде построились на митинг. На трибуне стояли 13 генералов. Всех солдат поблагодарили за хорошее отношение к службе, выполнение поставленных задач, высокую дисциплину, а по окончании митинга отпустили в увольнение. Все очень были рады и разбежались – одни на танцы, другие на свидание.

В этой суматохе забыли получить продукты для батареи. Завскладом на месте не оказалось. Малютина Павла Васильевича, который находился еще в казарме, попросили найти заведующего и получить продукты.

Из воспоминаний Павла Васильевича: «Я запряг пару лошадей и отправился в поселок на поиск. Не знал, где искать, поэтому по совету людей заходил в каждый дом, который был освещен. Наконец я отыскал завскладом, но он отказался отпускать продукты. Дал мне ключи и приказал все точно получить по ведомости. Я все получил, согласно документу, ничего не взяв вкусного, а потом, конечно, очень пожалел, так как все эти продукты достались немцам. Когда приехал, то вместе с поваром выгрузили продукты. И тут полетели самолеты, начали бомбить. Повар (уже пожилой человек) сказал: „Садись, сынок, покушаем, война началась! Когда еще придется поесть“».

Объявили тревогу, но не все еще вернулись из увольнения. Кто-то побежал к складу за оружием, а там уже были немцы. К 10 часам удалось вооружиться. Технику использовать не получилось, так как не завезли горючее. А на лошадях против самолетов не повоюешь. Генералов после парада никто больше не видел. Солдатам пришлось выходить из окружения без командира. 3 июля Малютин Павел Васильевич получил тяжелое ранение в грудь, идти со всеми дальше не смог, остался под деревом, где его и подобрали немцы.

Так Павел Васильевич попал в плен! На танке его довезли до полевого госпиталя, который находился в поле. Пленный врач, француз, без наркоза, на живую, почистил рану, перевязал, а после лечил в основном отварами трав. Когда он окреп, перевели в тюрьму, а оттуда в концлагерь. В одном лагере долго не держали, переводили в другой. Пережить пришлось многое, всего прошел 11 лагерей. В конце войны ему удалось убежать из лагеря. А помог ему немец, который принес ему гражданскую одежду и сказал: «Беги, вас будут уничтожать». Был и другой немец,

который тоже помог. Он заметил Павла Васильевича в трамвае, подошел и спросил: «Что, из беглых?» Павел Васильевич думал, что сейчас позовет немецких солдат и сдаст, но он, наоборот, подсказал, куда идти дальше. Так, благодаря еще одному немцу, Павел Васильевич вышел на группу советских солдат, сбежавших из плена. Все вместе они пробивались до линии фронта и смогли присоединиться к Красной армии.

Демобилизовался из армии в 1946 году. Вернулся домой совсем седой. Врачи говорили, что до 40 лет не доживет, такой был истощенный и больной. А он дожил до 90 лет! Сразу же после войны он женился на Дарье Степановне Горбачевой, с которой и прожил всю жизнь. Воспитали троих детей. После войны не мог вспоминать без слез все пережитое и фильмы о войне не смотрел.

Малютина Вера Павловна

Письма с фронта

В нашей семье хранятся маленькие пожелтевшие треугольнички – письма с фронта моего деда Ивана Гавриловича Алексеева, написанные карандашом. По этим письмам удалось узнать его фронтовой путь и прочувствовать вместе с ним все, что он испытывал в то нелегкое время.

Родился Иван Гаврилович 17 января 1902 года в селе Пречистое Петровского района Ярославской области. В 20 лет он женился на Венедиктовой Наталье Кузьминичне. Жили они в деревне Высоково.

В нашей семье знали историю их сватовства. Наташа была из бедной крестьянской семьи, а Иван из более зажиточной. Наташа ему очень приглянулась, и он упросил родителей посвататься к ней. Пришли сваты в семью к невесте. Разговор зашел о приданом. А у Наташи приданого не было. Иван чуть не плакал, так боялся отказа. Но все сложилось. Молодые поженились. У прабабушки Наташи всю жизнь хранилась алая лента и простенькие колечки с сережками, которые ей Иван подарил на венчание. Бабушка говорила, что дедушка Иван очень любил ее, никогда не обижал. У Ивана Гавриловича и Натальи Кузьминичны было 3 сына: Виталий (мой отец) 1924 г. р., Валентин 1927 г. р. и Владимир 1939 г. р.

Работал Иван Гаврилович мельником на водяных мельницах на реке Шахе. В августе 1932 года его назначили заведующим полузаброшенной савельевской мельницы. Иван Гаврилович в течение года привел мельницу в полный порядок, запустил ее на полный ход и построил мост, которого раньше совсем не было. Его пример стали перенимать на других мельницах. К нему стали обращаться за советом, и он всегда делился своими знаниями.

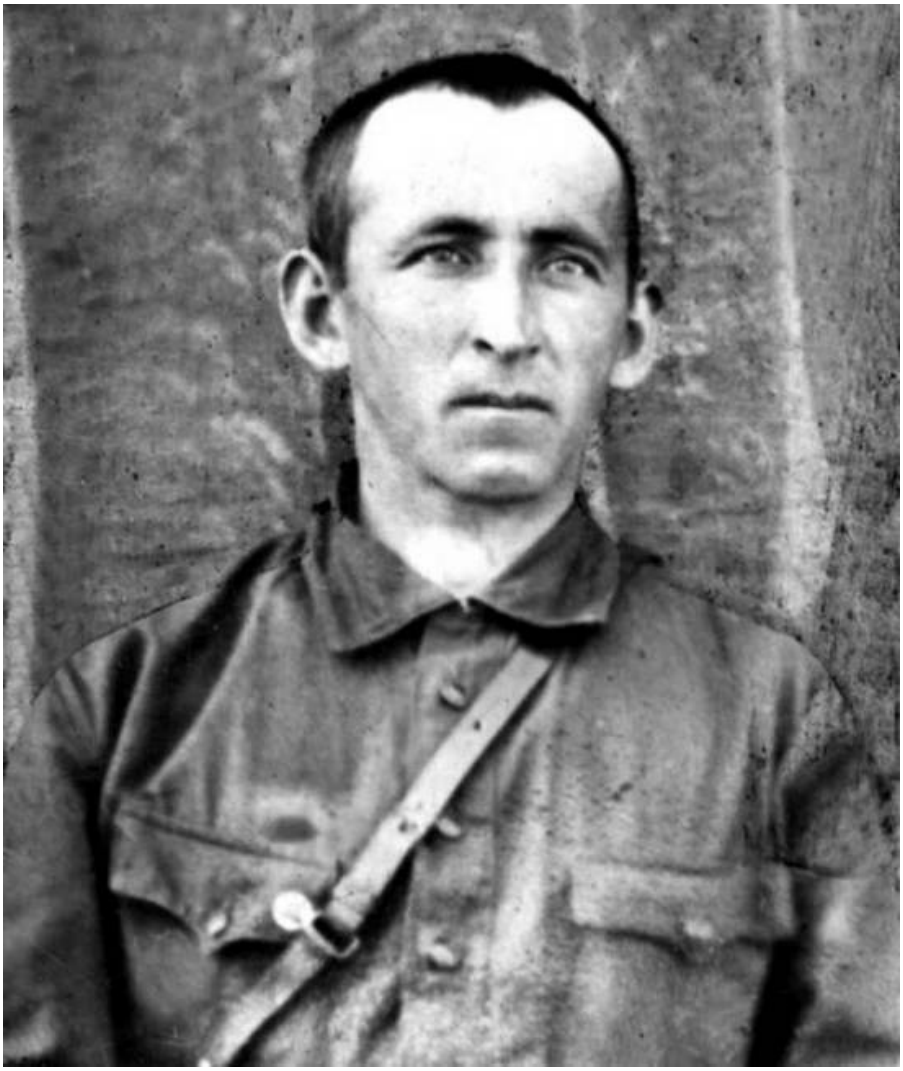
Иван Гаврилович был целеустремленным человеком. Он увлекался фотографией и радиотехникой. В период с 1931 по 1933 г. окончил радиотехнические курсы при Центральном заочном институте связи в Москве, сдал все установленные зачеты, прошел производственную практику и был признан достойным квалификации радиомонтера.

В ночь на 22 июня 1941 г. ему приснился сон, который я прочитала в его записной книжке: «Очутился я в каком-то большом здании и там запутался. Хожу по длинному коридору и ищу выход. В одном коридоре по обеим сторонам были окна. В окна мне видны разные помещения: в одном вроде в шашки играют, в другом на лыжах катаются. Вдруг сзади открывается другой выход со ступеньками наверх. Я повернулся назад, чтобы

идти к этому вновь открывшемуся выходу, думая через него выйти на улицу. И вот вижу, что сверху по лестнице спускаются два священника в зеленых ризах и держат в руках иконы. За ними много народа, тоже с иконами в руках. Священники спустились вниз со ступенек, остановились и заговорили: „Внимание! Внимание! СССР!“ И больше ничего не сказали, пошли дальше, и народ за ними. И я проснулся». Только много позже я узнала, что в день, когда Германия напала на СССР, Церковь праздновала День Всех Святых, в земле Российской просиявших.

31 сентября 1941 г. Иван Гаврилович был призван на фронт. 16 октября 1941 г. семья получила от него первое короткое письмо-треугольничек: «Здравствуй? Наташа. Шлю привет. Посылаю адрес: гор. Хабаровск, 287 полевая почта. Поч. ящик 539–12. Зачислен в артиллеристы. Пишу торопясь. Прощай. Привет Вовке. Иван».

7 ноября 1941 года: «Добрый день, дорогая Наташа! Сейчас проходим Ярославль, идем пешком в день верст 20–30 без строя, сумки везут лошади. Ночуем в деревнях. Назначение нам в г. Любим Ярославской области. Когда придем на место, сообщу адрес, думаю, что дня через четыре дойдем…»



Алексеев Иван Гаврилович на фронте

6 августа 1942 года с Сахалина: «…Из твоего письма видно, что руководишь ты мельницей вместо меня хорошо, так и старайся. Привет всем знакомым. Вовочке передавай особый привет и чтобы он меня не забывал. Так бы и посмотрел на него, каким он стал. Пока до свидания, моя дорогая Талечка».

10 января 1943 года: «Наташа, ты проработала в 1942 году хорошо, даже план намного перевыполнила, а поэтому я пожелаю таких же успехов в 1943 году… Еще поздравляю тебя с двадцать первой годовщиной нашей супружеской жизни. Только жалею, что не приходится справлять годовщину вместе, но, может, придет время, что справим встречу нашу и годовщину вместе. Ты, наверное, читаешь газеты и слышишь, что наша Красная армия

начала бить врага и продвигается вперед. И скоро, придет час, враг будет разбит, и может, выпадет счастье мне вернуться домой с победой над врагом, а это время придет скоро….»

4 февраля 1943 года: «Здравствуйте, дорогие Наташа, Валя, бабушка и маленький мальчик Вовочка… Я уезжаю на запад. Нас для отправки собрали рано, дали нам полушубки, валенки, теплые варежки и теплое белье – одним словом, приготовили по-зимнему. Итак, Наташа, прощай, береги Вовочку и всех за меня поцелуй, а со мной, что будет, то и будет. Судьбу не обойдешь. До свидания, до свидания».

25 апреля 1943 года: «…Шлю вам свой привет и поздравляю со Светлым Христовым Воскресением… Я сейчас нахожусь в гороховецких лагерях. Пробудем здесь полтора месяца. Будем учиться на младших командиров. Как получишь письмо, то напиши скорее ответ…Я рад, Наташа, что вырвался с востока, а что касается фронта, так это не минуешь месяцем позже, месяцем раньше, пусть, что будет, то и будет. Судьба свое решит. Сообщи мне о Виталии, как у него учеба и где он, все там или нет? Наверное, Валентин ходит на всеобуч. Его год уже обучают. Ехали с востока 20 суток…»

В мае 1943 года Иван Гаврилович заканчивает курсы сержантов и назначается командиром отделения по связи.

13 мая 1943 г.: «…Я получил звание сержанта, младшего командира по связи, и переведен в другой полк. Остались считаные дни для отправки на фронт…Мне дали отделение в 6 человек, я буду с ними заниматься по связи. Стоим в красивом месте, сосновый лес и большое озеро, воздух свежий, особенно вечерний…»

Полк, в котором служил Иван Гаврилович, дислоцируют на запад. Из письма 27 июня 1943 года понятно, что их везут на фронт, где идут бои: «Наташа, это письмо пишу последнее с этого места, так как на днях уезжаем. Куда? Сама знаешь – бить немцев и скорее освободить Родину. Я прошу обо мне не тужить, не плакать… заботься больше о своей семье и о самой себе, да о маленьком мальчике. Пока я буду жив, с работы не уходи, а когда меня не будет, то уже дело будет твое, ибо тогда все ложится на тебя, все будет твоя забота: счастье, горе и невзгоды. Наташа, если знаешь адрес Виталия, ему сообщи обо мне и передай ему мой прощальный поцелуй (Иван Гаврилович не знал, что его старший сын Виталий с 8 июля считался погибшим у деревни Мелихово на Курской дуге). И мое ему наставление, если он будет жив и вернется домой, то пусть вас не оставляет без внимания, а возьмет всю опеку над вами на себя, как старший сын, и пусть воспитывает маленького Вовочку и доведет его до

дела образования. И чтобы он, Вовочка, не был каким-нибудь хулиганом. Вот это ему мое наставление и завещание, а также ложится эта обязанность и на тебя, Наташа. Мои маленькие часики, когда меня не будет, подари Вовочке, от меня на память.

Валентину мой наказ тоже быть честным и свою семью не обижать. И в случае, если я и Виталий не вернемся, то ты все должна взять на себя и заботиться о семье…»

31 августа 1943 года: «…Наташа, я, может быть, скоро получу медаль „За оборону Ленинграда“. Немца все-таки скоро разобьем… Опять ты снишься мне, моя дорогая. Видал тебя над остывшею чашкой чая с письмом, позабытым в руке».

В январе 1944 года Иван Гаврилович был ранен в правую руку.

29 января 1944 года: «Привет, дорогая Наташа. Шлю из госпиталя привет вам. Мое здоровье хорошее. Рана заживает. В госпитале я пробуду неделю, затем переведут в батальон выздоравливающих и затем опять на фронт. Написал бы побольше, да неловко, пишу левой рукой. До свидания. Адрес: Ленинград, 53, п/я 277».

Сохранился документ военно-пересылочного пункта от 14 февраля 1944 года из которого следует, что Иван Гаврилович прибыл из 1-го О. Б. В. (отдельный батальон выздоравливающих), а служил ранее в 1229-м гаубичном артиллерийском полку.

6 февраля 1944 года: «Здравствуйте, мои дорогие… Седьмого февраля меня перевели в блок выздоравливающих, в начале марта я должен быть снова на фронте. Вот пишу, и принесли письмо от тебя… Пишу уже правой рукой, а от Вити нет известия, видимо и не дождешься, по всей вероятности, нет его живого. Всех целую».

13 февраля 1944 года: «Здравствуйте, мои дорогие… Наконец-то удалось сфотографироваться. Шлю фотокарточку. Я тебе послал… две гребеночки, на память, и две открытки в конверте. Прочитай Вовке следующее: „Вова, я твои письма читаю, пиши мне чаще, маму слушайся и меня не забывай. Твой папа Алексеев И. Г.“.

Штамп: просмотрено военной цензурой 09913».

По сохранившимся военным документам стало известно, что последним местом службы Ивана Гавриловича стала 56-я стрелковая дивизия, которая за боевые заслуги при освобождении города Пушкин была удостоена почетного наименования «Пушкинская».

12 февраля 1944 года 56-я стрелковая дивизия освободила Лугу. От Луги дивизия наступала, преследуя отходящие части противника, к концу февраля вышла южнее Пскова к

оборонительному рубежу немцев под названием «Пантера». Прорвать оборону с ходу не удалось, и после ожесточенных боев были вынуждены сами перейти к обороне. В это время и был убит Иван Гаврилович.

Из похоронки: «Ваш муж, Алексеев Иван Гаврилович… в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 8.03.1944 года и похоронен на поле боя».

В Донесении о безвозвратных потерях 56-й Пушкинской стрелковой дивизии от 06.04.1944 указано, что Иван Гаврилович был убит в Псковском районе Ленинградской области, «труп остался у проволоки противника».

Точное место гибели и захоронения Ивана Гавриловича неизвестно, но, судя по описаниям боевых действий 56-й стрелковой дивизии, – это произошло где-то под Псковом.

Бабушка Наташа рассказывала, что дедушка Иван потерял записочку, где был переписан 90 псалом. В народе его называют «Живые помощи». Вот это письмо Ивана Гавриловича: «Наташа, пришли мне записочку, помнишь, какую присылала. Я ее случайно изорвал». Этот псалом верующие жены и матери переписывали своим мужьям и сыновьям, чтобы Бог сохранил их: «Не приидет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему».

Бабушка Наташа не успела выслать ему эту молитву.

Опалева Галина Витальевна

Трофейная губная гармошка

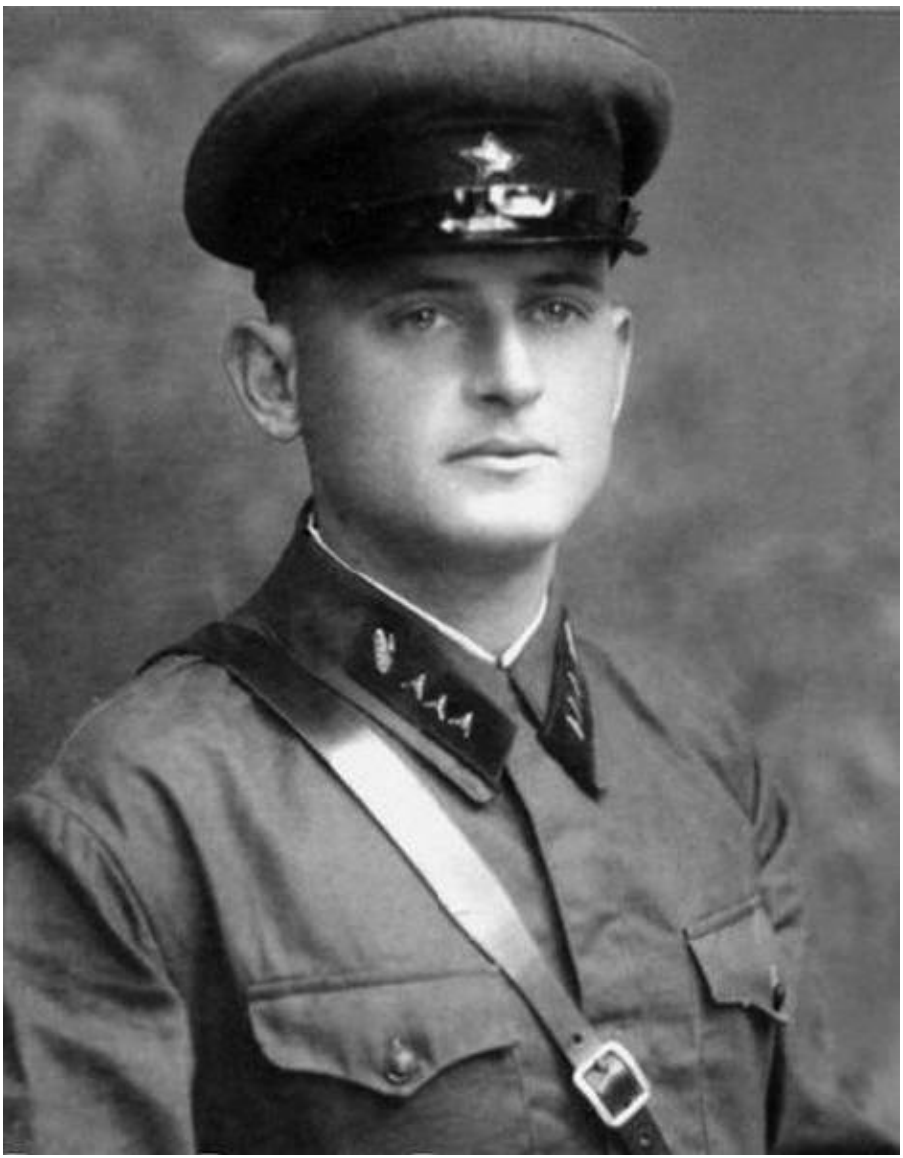
Война в нашу мальчишескую жизнь вторгалась нечасто. Осталось в памяти выступление по радио И. В. Сталина, как что-то очень важное для той жизни. Слушали его речь в маленькой комнатушке дедова дома, она лилась неспешно, без особых эмоций, с характерным глуховатым тембром сталинского голоса из черного репродуктора-тарелки.

Неизгладимое впечатление оставил приезд дяди Володи Лесникова на побывку после окончания в марте 1944 года. Саратовского танкового училища, перед отправкой его на фронт. Он остался в моей памяти молодым и красивым, подарившим мне невиданную по тому времени игрушку – трофейную губную гармонику. Будучи командиром танка, он пропал вместе с ним в сражении под Кенигсбергом. «Пошел в танковую атаку и не вернулся». Так (как потом выяснилось – неточно) осталось в моей детской памяти от неоднократного чтения письмеца командира части, в которой воевал дядя Володя, бабушке Оле. Она не верила, что он погиб, и ждала его до самой своей смерти.

После войны родившихся сыновей в семьях сестер и брата назвали в его честь – Володями. Гибель дяди крепко засела у меня в памяти и часто толкала меня на попытки узнать, уточнить…

В 2004 году, приехав в Скопин, я побывал в краеведческом музее. В книге памяти Рязанской области, в седьмом томе на стр. 299, значилась фамилия Лесникова В. Г. А в 2010 году после долгих поисков я в Интернете на сайте «Мемориал», наконец, нашел запись под № 40 на шестой странице ранее совсекретного донесения о безвозвратных потерях 11-го танкового корпуса помначштаба капитана В. Прокофьева № 01193 от 09.08.1944 г. (находится в архиве Министерства обороны – ЦАМО). Когда перед моими глазами на экране компьютера возникла пожелтевшая страница этого донесения из того далекого времени, я был потрясен до слез. Вот эта запись: «40. Лесников Владимир Георгиевич, гвардии старшина, механик-водитель Т-34, канд. ВКП(б), 1918 г. рождения, пропал без вести 08.07.1944, мать – Лесникова Ольга Дмитриевна, г. Скопин, Моек, обл., ул. Песочная, д. 23», удостоверенная подписью начштаба 65-й Волновахской танковой бригады майора Воронина, в которой служил дядя Володя. Дальнейшие поиски в Интернете помогли уточнить обстоятельства его гибели. Он погиб во время боев в районе г. Ковеля, вероятнее всего у с. Торговищи Турийского района Волынской обл. на Украине, а похоронен в братской могиле в Лукове. Это была знаменитая операция «Багратион» по

освобождению Белоруссии, когда 65-я тбр действовала на южном фланге в направлении Ковель – Любомль – Хелм в составе 11-й тк 47-й армии 1-го Белорусского фронта под командованием К. К. Рокоссовского. Обстоятельства, причины и командиры, ответственные за гибель 75 танков и 69 бойцов 08.07.1944 г., названы в приказе ставки ВГК № 220146 (16 июля 1944 г. 16 ч. 00 мин.) о недостатках в организации ввода в бой 11-го танкового корпуса, подписанном И. В. Сталиным.



Лесников Владимир Георгиевич, 8 июля 1944 г.

Маршал Чуйков в своих мемуарах описал этот бой.

А вот что мне прислал с Украины откликнувшийся на мой зов под ником «бродяга»:

«День добрый! Еще во времена Союза приезжал в с. Торговищи один из ветеранов 65-й тбр, который и рассказывал о бое. Если коротко, то после артподготовки бригада была введена в предполагаемый прорыв. Немцы перед пехотой имитировали отход или же действительно отошли. Потом танки и самоходки вернулись и заняли огневые позиции, которые были замаскированы в домах и сараях на окраинах с. Торговищи, а также в строениях близлежащих хуторов. Наших танкистов расстреливали в борта. Этот ветеран был механиком-водителем, из экипажа уцелел он один. После того как его подбили, выбрался из машины и спрятался от немецкой пехоты, проводящей зачистку, на стоящем рядом хуторе, в колодце. По его словам, с подбитых танков остались в живых несколько человек. С южной стороны села, по рассказам местных, стояло 12–13 подбитых 34-к, с северной 5–7; два танка стояло в самом селе возле пруда. Части танков удалось пройти дальше, во всяком случае один Т-34 застрял в болоте в километре на запад. Между с. Сомин и с. Луков (Мацеев) состоялся встречный танковый бой».

Этот же «бродяга» прислал мне 11 фотографий с мест раскопок разбитых танков у с. Торговищи с присловьем: «Чтобы Вам было проще представить, что остается от танка после уничтожения. Там между обломков иногда попадаются фрагменты костей, самый большой размером в несколько сантиметров. Это одна из причин, почему у многих танкистов могил нет». Все материалы об обстоятельствах гибели дяди Володи я переслал по e-mail в Скопинский краеведческий музей осенью 2010 года и на Новый 2011 год родным в Тверь, Нижний Новгород и Кыштым.

Погиб его брат Николай. Умер в госпитале сын тети Мани, мой крестный, тоже Николай, пролежавший три дня под пулями в подмосковных болотах.

С войны вернулся живым только брат мамы, дядя Коля, служивший писарем. Дядя Коля, Дубинкин Николай Николаевич. Он был настоящим трудоголиком, изобретательным человеком. Перед войной дом и дедов сад по Орджоникидзе, 82 были превращены в образцовые. В подвале дома он оборудовал мастерскую. В саду была устроена оросительная система. Воду доставали из глубокого колодца с помощью ворота, который приводил в движение бесконечный трос с прикрепленными к нему литровыми металлическими пеналами. Те зачерпывали воду и доставляли ее к лотку, откуда она самотеком распределялась по сети деревянных желобов по всему саду, а главное – в бетонный

бассейн, расположенный в середине сада. Он любил цветы и разводил их.

Демобилизовавшись, он уехал в г. Изюм Харьковской области, получил бесхозную землю погибших хозяев на берегу реки Донец и построил на ней образцовую усадьбу.

Крутой берег он преобразил: сформировал террасы, на них насыпал плодородной земли, рассадил сад. Наверху построил дом. В подвальном помещении расположились мастерская и оранжерея. Для строительства использовал, в том числе и мореный дуб, который доставал со дна Донца. Лодку сделал сам, хранилась она в сарае наверху, а вниз, к реке, он спускал ее лебедкой на тросе, которые снял с танков, на противоположном берегу реки, где во время войны произошло сражение. Оборудовал оросительную систему. Сад содержал десятки деревьев и кустов и многочисленные и разнообразные цветники. Продукцию он поставлял на городские рынки и в порядке благотворительности – городским властям для украшения города. Умер он внезапно, от сердечной недостаточности, утром 9 мая 1971 года.

Врезалось в память, как будто это было вчера, окончание войны. Ранним майским утром меня разбудили выстрелы. Я выбежал из дома, было примерно четыре часа утра, солнце еще не взошло, но было почти светло, от зябкой земли веяло сыростью и холодком, легкая дымка опустилась на улицы. Палили из охотничьего ружья дядя, Дубинкин Анатолий Николаевич, со своим другом В. Бокаревым, который спал в беседке и услышав по радио сообщение знаменитого диктора военных лет Ю. Б. Левитана о капитуляции фашистов, схватил ружье, прибежал к нам и стал стрелять под окнами. Выглянув из калитки, увидел первых людей с гармошкой, которые плясали, пели песни. Постепенно народ прибывал, заполняя улицы. Началось истинно народное празднество. Люди обнимались, целовались, что-то кричали, плясали, пели частушки и песни, кто-то от счастья, а кто-то от утрат плакал. И стрельба, стрельба, самодельные флаги, гармошки, веселье… Это было Народное Счастье наяву… Такое торжество народа я пережил еще дважды: когда Советский Союз запустил первым в мире спутник и когда встречали первого космонавта Ю. Гагарина. А потом нашим любимым занятием стали встречи эшелонов с демобилизованными солдатами. Мы ходили на эти встречи как на праздники. Оформление эшелонов было ярким и красочным: спереди на паровозе располагался большой портрет И. В. Сталина, а товарные вагоны украшались еловыми ветками, кумачом, лозунгами и флагами. Встречали их, наверно, полгорода.

А еще остались от войны светлячки нашего искусства военных лет: великое стихотворение К. Симонова «Жди меня», посвященное его жене, В. Серовой; песни – «В землянке», «Огонек», «Синий платочек» в исполнении К. И. Шульженко, песни великой русской народной певицы Л. А. Руслановой и песни Л. О. Утесова. В конце 70-х мне удалось через сотрудницу нашего института и его родственницу, получить автограф несравненного Л. О. Утесова с посвящением: «На память с удовольствием» на альбоме пластинок с его песнями.

ПОБЕДА!!! ВОЙНА ОКОНЧИЛАСЬ… Теперь, спустя 70 лет, когда сказаны и написаны все слова о войне и о Победе, пришло понимание войны, как момента истины для всех: детей и взрослых, женщин и мужчин. Война выявила суть людей, общества, государства, идеологий. Определила мировоззрение и жизнь нескольких поколений на долгие годы.

Лесников Анатолий Анатольевич

По минному полю к любимому

Дорога то взлетала на крутой взлобок, то опускалась в овраг, то змеей петляла по склону. По обе стороны ее тянулись густые посадки, за которыми привольно раскинулись поля и перелески. В который раз я убедился, что не зря выбрал село Роговое для строительства дома: красивое место и от города недалеко, всего десяток верст. На работу доехать быстро, каких-то двадцать минут, да и на обед частенько вырваться удается, как, например, сегодня.

Дорога стала ровнее, недавно отремонтировали, и я переключился на пятую. Хотел врубить музыку, уже руку протянул к тумблеру, но что-то удержало. Взглянул искоса на свою соседку, которую подобрал на выезде из города. Старушка как старушка, но что-то было такое, что не позволяло увидеть в ней обычную деревенскую бабулю, похожую на тех, которых я постоянно подвозил.

Да и одета празднично, по-городскому. И сумки с собой нет, без каких старушки из дому не выходят. Только букетик цветов, прижимаемый к груди.

И с чего это цветы в деревню везти – наоборот, оттуда сверстницы пассажирки моей на базар доставляют.

– Бабушка, а куда вам в селе нужно? – спросил, когда показались первые дома.

– Да к памятнику, сынок. Знаешь памятник?

– Конечно, знаю.

Памятник погибшим солдатам и жителям открыли несколько лет назад в центре села, перенесли с кладбища останки воинов Великой Отечественной, которые вернулись в село израненными, да и прожили после этого недолго.

– Ну вот к нему.

– А вы в селе проживаете? – полюбопытствовал я. – Все время тут езжу, а вас не встречал.

– Городская я.

– А здесь родственники, наверное, – к ним едете?

– Нету у меня родственников никаких, к памятнику еду, к памяти своей.

Понял, что расспрашивать дальше будет верхом бестактности, замолчал, увидев издалека стелу памятника с Вечным огнем перед ней. И еще понял, что какая-то интересная и необычная история связана с этой старушкой. Мы уже подъехали, и продолжать свои расспросы было поздно.

Старушка достала кошелек, чтобы расплатиться, но я сделал

протестующий жест и воскликнул:

– Нет, нет, денег не беру!

Мой дом возвышался белоснежной каменной громадой среди почерневших деревенских изб, местные звали меня «олигархом», и я, подбирая попутчиков, никогда не брал с них денег. Надеялся хоть этим преодолеть неприязнь деревенских к богатеньким, вбитую, казалось, навечно давно ушедшей в прошлое властью.

Высадил свою пассажирку и уже тронул машину, когда в голову пришла одна мысль.

– Бабушка, – окликнул я старушку, – мне через час в город возвращаться, могу вас забрать, если хотите.

– Ой, спасибо, милок, мне рейсового автобуса долго ждать и ехать в нем уже трудновато. Сделай милость, если не затруднит.

– Конечно, через час я за вами заеду.

Обратный путь показался мне таким коротким. Теперь, рассчитывая на то, что мы уже знакомы, я отважился задать крутившийся у меня на языке вопрос:

– А кто же там у вас захоронен, бабушка, если родственников в селе нет.

Старушка помолчала, как бы раздумывая, рассказывать или нет, но, видимо, воспоминания, нахлынувшие на нее, пока ждала меня у памятника, подтолкнули.

Война, сыночек, давно закончилась, ты и не родился еще, а может, и отец твой не родился. А для меня она никогда не закончится. Я тогда молодая была, красивая, сильная. На фронте медсестрам ох как доставалось – раненого перевязать надо, кровь остановить, да вытащить из-под огня побыстрее. А как его тащить, если он лежачий, ноги перебиты. Вот и просишь, пока он в сознании: «Ты мне помогай, родненький, руками-то от земли отталкивайся». Так и вытаскивали.

Я в этом селе родилась и выросла. Теперь-то здесь все вновь построили, да и люди другие живут. Тут леса вокруг, партизаны немцам очень досаждали, вот они все село и выжгли. Дом наш сгорел, и всех родных моих убили. Одна я осталась на белом свете.

В тот день уже третья атака была, никак наши деревню взять не могли. Название-то ее запамятовала, много времени с той поры минуло. Я прямо в боевых порядках с бойцами бежала. Немец из пулеметов бьет, мины бросает, грохот, крики. Залегли бойцы. Вдруг слышу слева: «Сестра!» Посмотрела, лейтенант молодой, взводный, из пополнения, два дня назад прибывший. Сидит на земле, а лицо все кровью залито. Подбежала я, кровь вытерла, перевязала голову. Пуля только скользнула, кость не

пробила. «Спасибо, – говорит, – сестричка». Встал, красивый, роста высокого, покачнулся и вперед, в атаку: «За мной! За Родину!» – кричит. Бойцы как один поднялись и вскоре в немецкую траншею ворвались. Я обо всем позабыла, только за ним, за повязкой белеющей слежу Волнуюсь за него, будто родным стал, так и кажется, что сейчас упадет. Ан нет, добежал. И немцев выбили из траншей ихних, и деревеньку взяли. Орден потом за тот бой ему дали.

А я в этой атаке сердце свое потеряла. Как встречу его, так замираю сразу, сама не своя становлюсь. А он улыбается: «О, спасительница моя» – и обнимает шутливо. И мне так хорошо становится, тепло, уютно. Думаю, хоть бы подольше это продлилось, объятие его.

Многие мужики на меня засматривались, им без женщин тяжко приходилось, да никто из них не нравился, а вот Коля в душу запал. Однажды повстречались, он уже без повязки был, рана затянулась. Улыбается, говорит что-то. Так тепло мне стало от его улыбки, за руку его взяла, поднялась на цыпочки и поцеловала. Он сразу посерьезнел, погладил меня по волосам и говорит: «А ты красивая, как это я раньше не замечал».

Стали мы с ним встречаться. Посидим где-нибудь в затишке, поговорим. Обнимаемся, целуемся. Мне и так с ним хорошо, но понимаю, что мужчина он. То руку положит мне на сердце, то по бедру погладит. Вот я как-то и шепнула ему: «Хочешь, приду к тебе сегодня вечером?» Он только головой кивнул.

Землянка их в стороне стояла, там с Колей еще кто-то жил. Но в ту ночь мы одни оставались. Он – первый мужчина у меня, никого до него не было.

Утром выходим, говорит:

– Давай тебя провожу?

– Не надо, – отвечаю.

Оглядываемся, а вокруг таблички «Осторожно мины». Аж, мурашки по телу побежали, оказывается, я шла к нему в темноте по минному полю. Господь отвел. Но только раз.

Я многое забыла. Думала, что не забуду, но годы… Однако это мне никогда не забыть. Мы шли уже через Восточную Пруссию, все о скорой победе говорили.

Коля погиб. Погиб мгновенно. От осколка. Немцы наши позиции обстреливали… Секунда – и его не стало. Одно мгновение – и… смерть.

Мне передали, что их привезли, несколько человек. Я побежала. Сразу его увидела, как живой лежал. Обняла, не дала хоронить. Решила – побуду с ним еще ночь. Сидеть около него, смотреть, говорить с ним, гладить.

В войну хоронили быстро. Если бой скоротечный, днем свезут со всех сторон, выкопают большую яму и засыплют. А я не дала его хоронить. Так до утра и просидела, проплакала. Ни на минуту глаз не сомкнула.

Утром, чуть рассвело, встала, воды холодной в лицо плеснула. Не хочу с ним расставаться, и все, не могу, решила – отвезу к себе домой.

Тысячи километров, разбитые военные дороги, неразбериха – ничего не могло меня остановить, я даже и не думала об этом.

Пришли за ним, чтобы похоронить, а я не пускаю, не отдаю. Решили все, что с ума сошла от горя. Старшина медсанбата нашего – пожилой, лет сорок с лишком, добрый человек, сибиряк. Он мне говорит:

– Тебе надо успокоиться. Иди, поспи чуток, врач успокоительного даст.

– Нет, нет, – отвечаю, – ты посмотри за Колей, а я – к генералу.

Пошла к одному генералу, к другому. Глядят на меня как на помешанную: «Идите в свое подразделение, товарищ санинструктор, не мешайте». А я иду к следующему. Так дошла до командующего фронтом Рокоссовского. Рассказала ему о желании своем. Недолго он думал. Отказал. Ну ненормальная какая-то. Сколько сотен тысяч бойцов в братских могилах похоронено, в чужой земле лежат… разве мыслимо перевезти всех. Транспорт для фронта нужен, чтобы боеприпасы подвозить.

Вышла я от него, покачиваюсь, села тут же на завалинку, слезы из глаз полились.

Подходит ко мне офицер, что у маршала в приемной сидел. Мы с ним знакомы уже были. Я, пока приема ждала, все о себе рассказала. Посочувствовал он мне, даже Коле позавидовал. Сказал:

– Меня и не подумает никто везти, сразу в яме закопают.

И тогда осмелилась попросить еще раз меня на прием к Рокоссовскому записать.

Обещал. Сказал, чтобы завтра пришла.

Знала я, что Рокоссовский добрый человек. Много слышала о том, что людей бережет, зря на пулеметы вражеские не бросает. Да и в глазах его расположение прочитала.

Прихожу назавтра. Увидал меня маршал, недовольное лицо сделал:

– А, это опять вы?

– Хотите перед вами на колени встану? – говорю ему.

– Но ведь он уже мертвый.

– У меня ничего нет. Детей от него нет. Дом мой сгорел, всю

родню немцы убили, даже фотографий не осталось. Если привезу его к себе на родину, останется, хотя бы могилка. Будет к кому возвращаться после войны.

Ходит по кабинету туда-сюда, туда-сюда. Молчит. Зазвонил телефон, взял трубку, кто-то ему докладывает. Выслушал и отвечает:

– Это подождет, я сейчас занят.

Слова его, которые он в трубку сказал, в меня надежду вселили. Осмелела, решила – не уйду, пока Колю отвезти не позволит. Пусть силком вытаскивают. Обращаюсь к нему:

– Вы когда-нибудь любили, товарищ маршал? Я не мужа хороню, любовь свою хороню. – Молчит, о чем-то своем думает. Поняла, что сейчас он решает «да» или «нет». А мне уже так горько и обидно стало и все вокруг мелким показалось. И жизнь без Коли совсем ненужная. – Тогда я тоже хочу умереть. Зачем мне без него жить?

Молчит, как будто не слышит. Смотрит на меня и молчит. Долго молчал. Потом подошел и поцеловал руку.

Мне дали специальный самолет всего на одну ночь. Ребята помогли гроб доставить.

Вошла я в самолет… Обняла гроб… И потеряла сознание.

Мы въехали в город. Старушка закрыла лицо руками и молчала. Я свернул на обочину и остановился. Прошло несколько минут.

– Прости, сыночек, нахлынуло на меня.

– Куда вас подвезти? С вами все хорошо? – спросил я, не зная, какие слова надо говорить в такую минуту.

– Да, все хорошо, спасибо тебе.

Подвез старушку к дому, который она показала. Стандартная девятиэтажка в новом микрорайоне. Открыл дверцу машины, помог выйти.

Необычное чувство переполняло меня: какое-то благоговение и трепет перед этой маленькой, согбенной годами, но сильной женщиной.

Я взял ее узкую руку с тонкой прозрачной кожей и синими узорами вен, наклонился и поцеловал.

Рабинович Владимир, псевдоним – Владимир Волкович

Вражеский танк мчался прямо на него

В областной газете «Красный Север» № 25 (27 438) от 11 марта 2015 года опубликовали мой рассказ о дедушке – Точине Алексее Александровиче, разместив две фотографии. На одной из которых изображен дедушка с бабушкой, на другой дед стоит в военной форме с каким-то мужчиной.

Сколько было удивления, когда из редакции областной газеты пришло сообщение о том, что Николай Коновалов разыскивает меня, потому что он узнал на фото своего отца – Коновалова Николая Николаевича.

Я позвонила по указанному телефону, результатом разговора стала наша встреча. В светлый праздник Пасхи Николай Николаевич со своей женой Татианой Георгиевной приехали в гости. Не описать волнение и ту радость, которую я испытала, когда Николай Николаевич достал из сумочки то самое фото, точнее – точно такое же, где его отец стоит рядом с моим дедушкой.

Но давайте опишу все по порядку, вот что было опубликовано в «Красном Севере»: «*Дождливым осенним вечером беременная женщина сидела на лавке и ножом щипала лучину, уперев сухое полено в живот. Вдруг очередная острая лучина выскользнула из рук и мгновенно воткнулась в живот. Ребенок в утробе матери резко дернулся и вскрикнул. Одна из соседок, сидевшая на противоположной лавке, сразу засобиралась за бабкой-повитухой. Начались роды. Мальчик родился здоровым, только верхняя губа была немного разорвана, вероятно, это был след от лучины. Роженицу спасти не удалось. Так 7 сентября 1904 года в деревне Пустыня будущего Сокольского района появился на свет мой дед Алексей Александрович Точин*».

В 1927 году дедушка женился на Александре Глебовой. В деревне дедушка работал счетоводом, так как имел хорошее для того времени образование – четыре класса. Затем, уже в 1939 году, стал слесарем на ЦБК имени Куйбышева. Семья Точиных, в то время насчитывавшая уже пятерых детей, переехала жить на Печаткинский разъезд. Строительство собственного дома пришлось приостановить: дедушку призвали в Красную армию, откуда он вернулся 24 июля 1940 года. А в июне 1941 года отправился на фронт.

После войны дед часто вспоминал свой первый бой. Когда прозвучала команда «Вперед!», ему бы выскочить из окопа и бежать в атаку, но видит – вражеский танк мчится прямо на него. Времени оставалось чтобы перекреститься и присесть в окопе.

Страха в тот момент не было. Просто подумал, что это последнее мгновение его жизни. Но танк проехал дальше, не развернувшись на окопе и не раздавив его. Когда дед понял, что остался жив, то почувствовал, что волосы на голове встали дыбом от пережитого и шапка вместе с ними поднялась вверх.

В 1942 году дедушку направили в Московскую область, в 11-й отдельный учебный автомобильный полк для переподготовки на шофера автомашин «форд». Так он и воевал, управляя машиной,

вплоть до Берлина.

Еще один страшный случай произошел с дедушкой, когда он вез молоденьких новобранцев. Сидят они в кузове, шутят: мол, всех немцев разбомбим, только бы добраться до места назначения. Откуда ни возьмись – самолеты. Снаряд упал в кузов, деда взрывной волной выбросило из кабины, контузило. Когда очнулся, осмотрелся – всех новобранцев от взрыва разнесло в разные стороны. Сел дед тогда на землю-матушку и заплакал. Но война есть война – пришлось душевную боль сжать в кулак и ехать дальше.

Победу дедушка встретил в Берлине в звании младшего сержанта. Проходя по немецким улочкам, делился с местными ребятишками крошками хлеба, и сердце его переворачивалось от мысли, что дома ждут пятеро своих сорванцов.

Всю войну он прошагал, имея за голенищем сапога необходимый инвентарь – ложку, которая бережно хранится у меня дома. Она – алюминиевая, круглая, с короткой ручкой. Дед до последних дней пользовался только этой ложкой, охранял ее как драгоценную реликвию.

Ратная служба Алексея Точина отмечена многими наградами: медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Красной Звезды, а также пятью юбилейными медалями и орденом Отечественной войны II степени.

С войны дедушка возвратился в июле 1945 года. Когда пришел домой, все взрослые были на сенокосе. Младшая дочь Алевтина (когда он уходил, ей было три годика), увидев отца, закричала: «К нам Ленин приехал!» Волос на голове у дедушки от пережитого осталось мало. Он поднял дочь на руки и сказал: «Не узнала меня? Я твой отец!»

Вернувшись, дед достроил дом, в котором на свет появились Алексей и София. Дочь назвали в честь дедушкиной сестры, потому что она ценой собственной жизни сохранила племянников (своих детей у нее не было). Все сдавали кровь в госпиталь, а она берегла жену брата и пошла вместо нее. А когда вернулась домой, легла и больше не проснулась.

Дедушка умел катать валенки, шить сапоги. Мог быть столяром, плотником, печником. Работал слесарем, кочегаром, машинистом паровоза, шофером, продавцом, счетоводом, имел много почетных грамот. А самое главное – гордился своей женой Александрой Васильевной, не уставал повторять, что Бог ему за сиротство хорошую жену дал. А бабушка добавляла, что в войну вымолила спасение мужу, обращаясь к Господу.

Гордился дед и наследниками, не только детьми – их было

семеро, но и внуками, правнуками. Умер он на восемьдесят втором году жизни, оставив о себе добрую, светлую память.

А вот что мне рассказал Николай Николаевич, сын Николая Николаевича Коновалова: «Коновалов Николай Николаевич 1904 года рождения (с А. А. Точиным одного года рождения), уроженец деревни Кромино, бывшего Кокошиловского сельского совета, ныне Сокольского района Вологодской области был призван на Великую Отечественную войну в 1941 году.

Совместная фотография Николая Николаевича Коновалова и Алексея Александровича Точина сделана перед отправлением на войну. Сводный отряд от Вологодской области, в который определили друзей, направили на Ленинградский фронт речным транспортом, точнее на барже. По пути следования во время налета вражеских самолетов их транспорт разбомбили.

Выжившие бойцы вернулись в свои районные военкоматы для повторной мобилизации. Коновалову Николаю как работнику железной дороги дали бронь и направили на обслуживание Северной железной дороги, имевшей военное стратегическое значение. А Алексея Точина направили на фронт. Дальше их пути разошлись».

День клонился к вечеру, а мы еще долго сидели и рассуждали, разбираясь в хитросплетениях нашего генеалогического древа. (Надо сказать, что моя бабушка жила в деревне Кромино, и еще необходимо отметить, что у нее дедушку звали Глебом. Их семья после переписи населения сменила фамилию Коноваловых на Глебовых. Кто-то из местных жителей сказал: «Это Глебовы девки пришли». Не вдаваясь в подробности, так их и записали в метрики.) Николай Николаевич пояснил, что в деревне Кромино было более десяти семей с фамилией Коноваловы, и действительно различали лишь по главе семейства.

Мы тогда так и не пришли к общему выводу, являемся ли мы родственниками или нет, но одно можно утверждать с точностью на сто процентов, что мы земляки, вологжане! И мы горды памятью наших отцов и дедов!

Нина Павловна Гаврикова

Нина Павловна Гаврикова родилась и живет в городе Сокол Вологодской области. Работала художником-оформителем на предприятии, после перестройки кладовщиком. Сейчас на пенсии по инвалидности, занимается кружевоплетением, пишет стихи и прозу. Член ЛиТО «Сокол», МСТС «Озарение», руководитель детского литературного творческого клуба «Озаренок» в Соколе.

Мой дед Юсуп

Мой дед сражался за Родину!

Мой дед (он справа от нас), Камалиев (Камалдинов) Юсуп Камалиевич, родился в 1906 году, в ауле (село) Большие Кургузи Татарской АССР. Был призван Зеленодольским военкоматом в сентябре 1941 года. На фронт попал в ноябре 1941 года в 61-ю армию 356 стр. див. Артиллерист. Погиб в бою 9 февраля 1942 года. Захоронен в братской могиле деревне Троицкое-Бачурино Тульской области. С 1985 года мы с отцом каждые 5 лет приезжали из Казани на братскую могилу, где захоронен мой дед и отдавали ему почести. В 2012 году отца не стало. Теперь по сложившейся традиции приезжаем с моим сыном Русланом.

Помню и горжусь!

Камалиев Рустам Юзумович

На войну в шелковой комбинации

Я бы хотела сегодня, в канун 70-летия Великой Победы, пересказать воспоминания о войне моих родителей и посвятить эту публикацию моему приемному отцу – Вадиму Адамовичу Йодко (см. ниже), моей маме – Тамаре Матвеевне Андреевой. Они были обыкновенными, как принято говорить, людьми, которые просто мирно жили, учились в рядовой 610-й московской школе (большая часть их однокашников – тоже выпускников 1940 года, погибли во время войны, а оставшиеся в живых именуются теперь инвалидами или участниками ВОВ), потом просто пошли защищать свою Родину, потому что просто любили ее.

Они учились в параллельных классах, жили весело и беззаботно на одной лестничной площадке. Первая красавица в школе, обожавшая литературу и историю, и заумный любитель физики и математики, тайно влюбленный в нее. Она не сильно обращала на него внимание, а он не надеялся на взаимность. Еще до войны, после школы дороги их разошлись, и встретились они только спустя 15 лет после ее окончания. Он – безногий инвалид, она все такая же красавица, но главное, что их объединило? – они оба были на войне, что полностью изменило не только их жизнь, но и мировоззрение. Они поженились и прожили душа в душу 27 лет, 10 из которых он, после двух тяжелейших инсультов, пролежал в параличе, а она самоотверженно ухаживала за ним все эти годы.

Папа надиктовал мне свои воспоминания, когда лежал дома, а боли отпускали его. Мама же, напротив, постаралась забыть все то страшное, что пережила в войну, и почти никогда ничего не рассказывала об этом времени. Надеюсь, что эти воспоминания помогут нынешним молодым людям понять тех людей, которые «не участвовали, а воевали».

Мама

Тамара Андреева родилась в 1921 году в интеллигентной семье. Ее мать была из дворянского рода и воспитала дочь в старых русских традициях, привила любовь к искусству, литературе, истории и к своей стране. Тамара обожала свою мать и мечтала вылечить ее (у бабушки были очень слабые легкие), поэтому после окончания 610-й школы, в 1940 году, поступила во 2-й Медицинский институт.

22 июня 1941 года всех столичных студентов из разных вузов собрали и объявили, что необходимо собрать немного вещей

(кружку, ложку, смену белья) и прийти на сборные пункты. Оттуда все поехали на грузовиках на окраины Москвы и дальше в область, там получили лопаты и стали рыть окопы в указанных местах. Их разместили в деревенских домах, а оттуда они бежали после того, как появилось несколько немецких мотоциклистов.

Тамара Андреева, 1945 г.

Вернуться в Москву им удалось только через три месяца, и то далеко не всем (совсем рядом со студентами-медиками, где была

мама, копали рвы студенты циркового училища – бомба упала как раз туда, – все ребята, с которыми несколько минут тому назад они болтали и шутили, – погибли! – медики уцелели чудом). Потом была смерть любимой матери, полная опустошенность, трудные военные годы и Победа – одна на всех, кто за ценой не постоял!

Я часто просила маму рассказать о том времени, но, по ее словам, чтобы не сойти с ума и жить дальше, она заставила себя забыть все, что было во время войны. Лишь иногда, когда она смотрит хорошие военные фильмы, мама всегда плачет и иногда неожиданно начинает вспоминать что-то из той, своей военной жизни. Так я узнала, что во время неразберихи первых военных недель, когда немецко-фашистские войска ударно наступали, про них забыли, они самостоятельно попытались найти дорогу, пошли через лес, заблудились, голодали, встречали военных и раненых, лечили и перевязывали их – все-таки медики, хоронили убитых.

После фильма «Баллада о солдате» она рассказала, как им удалось выйти из леса к железной дороге, как они шли по путям, все ободранные, голодные, завшивленные, больные. Как они пытались уговорить взять их в поезд до Москвы (в столицу тогда было попасть невозможно), как маме все-таки удалось уговорить одного красноармейца, и он открыл для них теплушку для скота, так они и доехали до Москвы.

Когда она посмотрела «А зори здесь тихие», то рассказала о том, что и она, как Женя Комелькова, пошла на войну в шелковой комбинации под хлопковым платьем, и как все это платье пришлось в лесу порвать на бинты, а потом ехать в Москву и идти ночью домой пешком босиком в одной изодранной комбинации.

А совсем недавно мама посмотрела «Блокаду» и рассказала, что до сих пор просыпается ночью, когда ей снится то, что было наяву, – как она лопатой ударила по голове немецкого солдата, который вошел в избу, где ночевали девочки, и как они потом убежали в лес куда глаза глядят. Папа, когда я начала однажды уговаривать маму рассказать еще что-нибудь, сказал – не береди ее душевные раны, нам, мужикам, на войне было страшно, а женщине во много раз страшнее, поэтому, чтобы жить дальше, надо все помнить и все забыть.

Единственное, что мама запомнила на всю жизнь и вспоминает каждый год, – это день своего рождения 2 мая, который в 1945 году превратился во всенародный праздник – день, когда наши солдаты водрузили Знамя Победы над Рейхстагом в Берлине. В тот памятный день всюду гремел салют!

Папа

Анкета

Назойливость анкеты
Беспристрастна:
Вопрос – ответ,
И все как будто ясно,
Анкета
Обращается ко мне:
Участвовал ли я
В былой войне?
Участвовал…
А мысленно вписал:
Я не участвовал,
Я – воевал.

Исай Тобольский

Воспоминания о войне Вадима Адамовича Йодко – одного из ведущих конструкторов космической техники

Воспоминания, с которыми я хочу познакомить читателей, принадлежат Вадиму Адамовичу Йодко, обыкно венному, как принято говорить, человеку, который просто жил, учился в рядовой 610-й московской школе (большая часть его однокашников – выпускников 1940 года, погибли во время войны, а оставшиеся в живых именуются теперь инвалидами или участниками ВОВ), потом просто пошел воевать, потому что просто любил свою Родину О том, что пережили Вадим Йодко и его поколение в годы войны, вы узнаете из его воспоминаний, а я хочу немного рассказать о нем.

Вадим Йодко родился в интернациональной семье: мать – русская, отец – литовец. Он получил хорошее воспитание, с детства ему привили любовь к искусству, живописи, музыке… Самым большим авторитетом для Вадима Адамовича был его отец Адам Ромуальдович Йодко – человек незаурядный, энциклопедически образованный историк, работник Центрального архивного управления СССР. По ложному доносу в 1937 году он был арестован и расстрелян. Арест и смерть отца остались для Вадима Адамовича навсегда незаживающей раной (к сожалению, справку о реабилитации Адама Йодко прислали только в 1987 году, через два месяца после смерти Вадима

Адамовича), но, несмотря на это, всю свою жизнь он честно жил, воевал и трудился на благо нашей страны. В 1940 году Вадим окончил школу и был призван в армию, а когда началась война, не задумываясь, пошел защищать Родину.

Вадим Йодко, 1978 г

В 1942 году после тяжелейшего ранения ему, юноше 22 лет, полностью ампутировали левую ногу В тот момент, по словам Вадима Адамовича, ему казалось, что жизнь кончена, но именно

любовь к Родине, к дому помогли. Превозмогая боль, ущербность, разные бюрократические препоны, он окончил Московский авиационный институт и стал одним из ведущих конструкторов космической техники. Вадим Йодко участвовал в разработках и был одним из главных авторов «мягкой посадки» на станциях «Луна-9», «Венера-7», доставки на Землю лунного грунта на станции «Луна-16» и многих других проектов. А в сентябре 1978 года, когда ему было всего 57 лет, после двух тяжелейших инсультов он на 10 долгих лет до конца своих дней оказался прикованным к постели. Но никакие испытания не озлобили, не сломали его, он до последней минуты остался удивительно добрым, скромным, совершенно бескорыстным, и в те немногие часы, когда боли отпускали его, он рассказывал мне о войне, а я записывала. И сегодня хочу посвятить эту публикацию моему приемному отцу – Вадиму Адамовичу Йодко и его поколению, опаленному войной. Надеюсь, что эти воспоминания помогут нынешним молодым людям понять тех людей, которые «не участвовали, а воевали».

«Я не участвовал, я – воевал…» Странички обычной биографии

Осень 1940 г.

Одного за другим провожаем наших ребят в армию. Девушки устраивают каждому прощальные вечера. Мы еще не знаем, что очень многих своих друзей видим в последний раз… Я ухожу последним. Попадаю на Дальний Восток, в отдельный строительный батальон.

22 июня 1941 г.

На рассвете закончились учения. Ливень. Промокли до нитки (плащ-палаток тогда у нас не было). Разделись, сушимся. Тревога. Одеваемся, строимся. Многокилометровый марш-бросок к Амуру. Грузимся на мониторы. Идем «домой», в лагерь.

На мониторе тревога. Выскакиваем на палубу; строимся.

Война…

Война внесла лишь одну коррективу в нашу армейскую жизнь – ежедневно на утреннем построении и на вечерней поверке зачитывались сводки Совинформбюро. Безрадостные, тяжелые, тревожные сводки…

Один за другим, не сговариваясь, пишем рапорты с просьбой отправить на фронт. Долго ждем решения. Наконец на одном из построений появляется комиссар полка. В руках толстая пачка наших рапортов. Благодарит за готовность выполнить сой долг в тяжелый для Родины час. Потом напоминает, что мы в армии и что существуют воинская дисциплина и командование, которое знает, где нам надлежит быть. Далее комиссар говорит о положении на нашей дальневосточной границе с Маньчжурией, к которой стянуто 70 из 90 японских дивизий.

Июль 1941 г.

Полк поднимается по тревоге. Строимся в походную колонну и идем к границе с Маньчжурией. Мы – курсанты учебной роты, будущие командиры – должны познать, почем фунт солдатского лиха, а потому станковые пулеметы и батальонные минометы несем на своих плечах; в «нормальных» ротах эту технику везут на лошадях, на вьюках.

Приказ: противник значительными силами нарушил нашу границу и движется в глубь нашей территории, наша задача – закрепиться, остановить и уничтожить противника.

Сколько таких приказов мы уже слышали! Нехотя начинаем

окапываться, а в голове мысли: «Очередная учебная тревога». Вдали слышим ружейно-пулеметную стрельбу, редкие разрывы снарядов. По звуку чувствуем, что стреляют не холостыми.

Потом тишина. Тяжелая, гнетущая, до звона в ушах…

Светает. У подножия сопки вверх по склону движутся какие-то тени. Все ближе. Уже довольно четко видны силуэты солдат, идущих цепью, приглушенные слова команд на чужом языке. Японцы? Война?..

Слышу команду: «Прицел… целик… По наступающей пехоте противника, с рассеиванием по фронту… Огонь!» Командир взвода, почему-то оттеснив меня, ложится за мой пулемет.

Только потом я узнал, что в ответ на приказ «Огонь!» – я крикнул: «Там же люди, а у меня в ленте боевые…»

Новый 1942 г.

Мы встречаем с двумя новенькими «квадратами» в петлицах. Мы – лейтенанты, командиры взводов. Нас направляют в Москву, в Главное управление кадров НКО. Там я получаю направление на Западный фронт, в 10-ю армию.

Еду в Калугу. Я – командир пулеметного взвода.

В сумятице боя с трудом нахожу командира пулеметной роты – своего нового начальника: «Вон там впереди справа в кустах твой взвод.

Принимай и действуй по обстановке. Задача нашего батальона – взять вон ту деревню. Не робей, лейтенант, действуй». Под огнем короткими перебежками добираюсь до кустов. Там никого нет: все ушли вперед. Наши «максимки» бьют и слева и справа. Где мои? Догоняю наступающую цепь. По пути беру винтовку и оставшиеся патроны у убитого бойца (личное оружие – пистолет мне не выдали, сказали: «Добывай сам в бою, пистолетов нет, винтовок нет»). Ко мне жмутся несколько бойцов: лейтенант ведь, а рядом с командиром почему-то спокойнее. Это я сам почувствовал еще на Дальнем Востоке.

Пробую командовать. Слушаются. Это ободряет. И рядом с бойцами самому становится не так страшно. Врываемся на огороды. Прыгаю через плетень, бегу к дому. Из-за угла выскакивает немец. Прижимается к стене, вскидывает автомат, дает по мне очередь. С ходу колю его штыком. Расширенные от ужаса зрачки, дикий предсмертный вопль. Омерзительное ощущение входящего в человека штыка и тяжесть внезапно обмякшего тела…

Ноги мои скользят вперед, и я сажусь на землю, не выпуская из рук винтовки.

Из-за угла выскакивает второй немец. Подбежавший боец бьет

его прикладом, спасая меня.

Поднимаюсь… Кружится голова, подташнивает от вида и запаха крови и свершенного… Куда-то бегу…

Деревня наша. Нахожу свой взвод. После многодневных боев это уже не взвод, а дай бог, отделение, один пулеметный расчет, один станковый пулемет, да и у того пробит кожух. Латаем его и идем снова в бой. Идем на запад. Идем все медленней, все тяжелей: нет пополнения, нет оружия, нет боеприпасов…

Встаем в оборону.

Август 1943 г.

Долгожданный приказ о наступлении. Прорываем оборону немцев. Снова в непрерывных боях, в непрерывном движении. Командую стрелковым батальоном.

Немцы яростно огрызаются, но отходят. Наше наступление настолько стремительно, что противник не имеет возможности закрепиться. Удар нашей армии направлен на Рославль. Сходу идем на штурм и откатываемся назад: орешек крепкий.

Выходим на шоссе Рославль – Брянск, перерезаем его. Вновь штурмуем и с фронта, и с фланга. Врываемся на окраину. Противник яростно сопротивляется, каждый дом превращен в узел сопротивления…

15 сентября 1943 г.

Рославль наш. Центральный узел обороны противника разрублен. С его падением наши соседи справа и слева овладевают Смоленском и Брянском.

Москва салютует нам. Дивизия и полк получают наименование Рославльских.

Осень. Болота, озера, непрерывный, нудный осенний дождь. Вода снизу, сверху, в наших шинелях, гимнастерках, нижнем белье, сапогах. Негде, да и нет времени обогреться и обсушиться. Но никто не чихает, не кашляет, не гриппует. Мы наступаем, и это согревает.

5 декабря 1943 г.

Очередь пулемета. В темноте совсем близко, почти в упор вижу огненный глазок пламегасителя и разноцветные траектории трассирующих пуль, летящих в меня. Удар в ногу. По инерции продолжаю бежать, но левая нога сжимается, словно пружина, и я падаю. Не чувствую ноги…

Медсанбат. Госпиталь. Диагноз: сквозное пулевое ранение в левый коленный сустав и голень с раздроблением костей. Резекция коленного сустава, сепсис, ампутация…

Потом снятие с воинского учета и новое звание: инвалид Отечественной войны… На 23-м году жизни… Полтора года война продолжалась без меня.

До мая 1945-го. До Победы, в которой есть и моя доля.

Андреева Лидия

Оставшиеся в живых

Май 1945 года. Мне 6 лет. Маленькая деревушка Тульской области под названием Кукуевка, что в 1 км от железнодорожной станции Птань. С фронта идут поезда. Домой возвращаются оставшиеся в живых. Поезда идут без остановки. Останавливаются, если в составе есть солдаты из окрестных деревень. Помню, женщины бегут к поезду и ждут, ждут, ждут… Я – с ними.

Победа

Женщины молча стоят у откоса.
Нет на устах долгожданней вопроса:
«Где он? Живой ли? Вернется домой?
Сын мой, отец мой, жених дорогой».

Без остановки идут эшелоны.
В окнах теплушек – шинели, погоны.
Ждет не дождется сегодня она –
Мать и невеста, сестра и жена.

Жили все годы надеждою встречи.
Ждали, трудились, шептали под вечер:
«Лишь бы любимый вернулся домой,
Пусть искалечен, но все же живой.»

Ждали Победы в те долгие годы,
Все одолели: нужду и невзгоды.
Вот и теперь, по дороге домой
Может, мелькнет силуэт дорогой.

Ждет остановки состава деревня,
Ждет исступленно, надежде лишь внемля.
Что это? Скорость сбавляет состав.
Вот и надежда, реальностью став.

Вот он – любимый, родимый, живой.
Вот он с Победой вернулся домой.
В крик голосят, солдата встречая.
Вот она наша Победа какая!

Милые с детства знакомые хаты.

Крыты соломой, дымок над трубой.
Нет, не вернулись в деревню солдаты.
В каждой хранится портрет дорогой.

Боль ожиданья и горечь утраты
Не затихают ни ночью, ни днем.
Внуки погибших тогда в сорок пятом
Снова в строю боевом.

Калинина Людмила

Праздник Победы

Сегодня праздник у моей страны!
Праздник Победы, Мира и Свободы!
Мы вспоминаем тяготы войны…
Благодарим Героев год от года!

В любой семье есть дед, что воевал,
А может, бабушка – труженица тыла,
Нет равнодушных, непричастных, кто б не знал,
Как билась нация за Мир и победила!

И я бегу скорей купить цветы,
Куплю я тортик и конфеток к чаю,
Я принесу любви и теплоты
Родному дедушке, его я поздравляю!

Я обниму Героя своего,
С ним заведем душевную беседу,
И он расскажет, как давным-давно
Он был юнцом и бился за Победу!

И вспомнит дед друзей-однополчан…
И вдруг задумчиво умолкнет на мгновенье…
Ах, сколько груза на его плечах!
Сожмется сердце вдруг от боли откровений…

Он вспомнит бой, где повзрослел он вмиг…
Земля горела, грохотало небо!
И друга лучшего последний крик:
«За Родину!» – он был ей очень предан…

Ну и конечно, вспомнит тот парад,
Парад Победы стойкого народа!
Смеясь как плакал, как был каждый рад!
Он подарил стране моей свободу!

А вечером мы сходим на салют.
Из пушки выстрелят победные снаряды!
И гордо встанет дед, будто в строю!
Он бился за страну, не за награды!

Как мало стало этих старичков,
Как редко говорим мы им «Спасибо»…
За неба Мир, за солнце среди облачков,
За шанс жить счастливо, успешно и красиво!

Родные, вы живите много лет!
Счастливых лет, где нет болезней, горя!
И пусть не будет в вашей жизни бед!
Храни вас Бог! Пусть будет лучшей доля!

Надя Кузьменко

notes

Примечания

1

9 сентября 1957 года на атомном реакторе научно-производственного объединения «МАЯК» в Челябинской области взорвалась емкость с отходами производства военного плутония. Тогда была проведена срочная операция – из ближайших населенных пунктов эвакуировали более 16 тысяч жителей. По словам специалистов-экологов последствия этой катастрофы ощущаются до сих пор.

2

Лев Яковлевич Шервуд, 1932 г. р., ветеран Великой Отечественной войны, житель блокадного Ленинграда, кандидат технических наук, изобретатель-разработчик уникальных приборов и устройств для регистрации землетрясений, электрических и магнитных полей.

Дед Льва Шервуда – известный скульптор Леонид Владимирович Шервуд. Автор памятника адмиралу Макарову в Кронштадте. Возглавлял ленинский план монументальной пропаганды. Реставратор Эрмитажа. Выполнил первый памятник монументальной пропаганды – памятник Радищеву.

3

Валентин Петрович Яворщенко (мой дед) написал этот рассказ в 1990 году. Дед скончался в 2003 году.

4

Отец моего деда – Яворщенко Петр Иванович, участник Первой мировой войны, был высококлассным модельщиком завода им. Войкова. Во время войны получил бронь, так как нужны были специалисты по изготовлению моделей снарядов, бомб и пр.